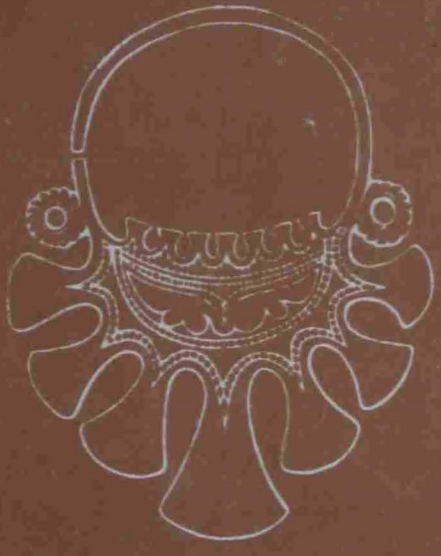
ISSN 0038–5034

Российская Археология



1992

4

Российская академия наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С. А. Плетнева (главный редактор),

А. А. Аскаров, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. В. Виноградов, В. И. Гуляев (зам. главного редактора),
А. П. Деревянко, О. М. Джапаридзе, Г. А. Кошеленко,
В. П. Любин, Т. И. Макарова, В. М. Массон,
Н. Я. Мерперт, Э. С. Мугуревич, Р. М. Мунчаев,
В. С. Ольховский (отв. секретарь), Т. М. Потемкина,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, П. П. Толочко, В. Л. Янин

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

1992 4

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

Журнал основан
в январе 1957 г.

Выходит
4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Васильев С. А. Палеолит Енисея: итоги и проблемы 5
Дрёмов И. И., Юдин А. И. Древнейшие подкурганные захоронения Степного Заволжья 18
Емец И. А., Масленников А. А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора 32
Демкин В. А., Лукашов А. В., Ковалевская И. С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии 43
Русанова И. П. Культовые места и языческие святилища славян VI—XIII вв. 50
Макарова Т. И., Равдина Т. В. Семилопастные височные кольца с орнаментом 68

Дискуссии

Захарук Ю. Н. О статье В. Ф. Генинга «Проблема построения фундаментальной археологической теории» 83
Клейн Л. С. Методологическая природа археологии 86
Захарук Ю. Н. К дискуссии о статусе археологии 97

Публикации

Гэдэ Ф. Иодэ, Любин В. П., Беляева Е. В. Исследования палеолита в республике Кот д'Ивуар . 102
Хварцкия М. Х. Мустьерская пещерная стоянка Мачагуа в Абхазии 109
Цвейбель Д. С., Колесник А. В. Вторичная обработка камня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе 119
Сериков Ю. Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье 131
Бахтеев Ф. Х., Лисицына Г. Н., Янушевич З. В. Ископаемые остатки культурных растений из Ярым-Тепе III в Северном Ираке 148
Шмидт Е. А. Погребальный комплекс культуры шаровидных амфор в верховьях Днепра 156
Ксенофонтова И. В. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульских) курганов 163
Латышева В. А., Таценев К. В. Античные свинцовые гири из поселения Маслины 170
Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли 176

История науки

К 100-летию со дня рождения В. Г. Чайлда. Письмо советским археологам от 16 декабря 1956 г. . 184
Мерперт Н. Я. К публикации письма В. Г. Чайлда 189

© Отделение истории РАН, Институт археологии РАН,
Издательство «Наука»,
«Российская археология», 1992 г.

Алексеев Л. В. XII Археологический съезд в Харькове (1902) 196

Критика и библиография

Сергин В. Я. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989 199
Питулько В. В. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989 202
Флёров В. С. Дуранкулак. Т. I. София. 1989 208
Фехнер М. В., Пушкина Т. А. Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde/Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1989 213
Фалькович Ю. А. *Kaczmarczyk A., Hedges R. E. M.* Ancient Egyptian Faience. An Analitical Survey of Egyptian Faience from Predynastic to Roman Times. Warminster, 1983 217
Курбатов А. В. *Grew F., de Neergard M.* Medieval finds from excavation in London: 2. Shoes and pattens. L., 1988 220
Всевиов Л. М. Советская археологическая литература за 1990 г. 224

Хроника

Буров Г. М. IV Международный симпозиум «Мезолит в Европе» (Лёвен, 1990) 244
Шарафутдинова Э. С., Кузьмина О. В. Семинар «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье» (Самара, 1990) 249
Матюшин Г. Н. Годичное собрание Российского археологического общества 253
Археологическое общество «Древности» 254
Зискинд Д. В. К вопросу о новой экономической модели археологических исследований 256
Генинг В. Ф. Письмо в редакцию. «О стиле дискуссии Л. С. Клейна». 257
Памяти Валерия Петровича Петренко (1943—1991) 260
Макарова Т. И. Памяти Тамары Владимировны Равдиной (1919—1991) 263
Смирнов К. А. Памяти Ирины Гавриловны Розенфельд (1923—1991) 265

Указатель статей, опубликованных в журнале «Российская археология» за 1992 год 267

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
M O S C O W

1992 4

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

Editor-in-Chief
S. A. Pletneva

Founded in 1957
Published quarterly

CONTENTS

Vasiliev S. A. The Paleolithic of Yenisey. Summing up and Problems 5
Dremov I. I., Judin A. I. The Most Ancient Kurgan Burials of Steppe Trans-Volga 18
Emets I. A., Maslennikov A. A. New Data About the Religious Ideas of Antiqe Bosporus Rural Population 32
Demkin V. A., Lukashov A. V., Kovalevskaya I. S. New Aspects of Paleosoil Study of Archaeological Sites 43
Rusanova I. P. The Cult Places and Pagan Shrines of Slavic Tribes of VI—XIII cen. 50
Makarova T. I., Ravdina T. V. Ornamented Temporal Rings with Seven Blades 68

Discussions

Zakharuk Yu. N. About the Article of V. F. Gening "The Problem of Fundamental Archaeological Theory Construction" 83
Klein L. S. The Methodological Nature of Archaeology 86
Zakharuk Yu. N. On the Discussion of Status of Archaeology 97

Publications

Gade F. Yode, Lubin V. P., Belyaeva E. V. The Study of Paleolithic in Côte d'Ivoire Republic 102
Khvartskiya M. Kh. Mousterian Cave Camp Machagua in Abkhazia 109
Tsveibel D. S., Kolesnic A. V. Secondary Stone Treatment on Belokuzminovka Camp in Donbass . . 119
Serikov Yu. B. Koksharovsko-Yurinskaya Peat Camp in the Middle Trans-Urals 131
Bakhteev F. Kh., Lisitsina G. N., Yanushevich Z. V. Fossil Remains of the Cultivated Plants from Yarym-tepe III in the Northern Iraq 148
Shmidt E. A. Burial Complex of the Globular Amphoras Culture in Upper Dnieper 156
Ksenofontova I. V. Antique Art Bronze from Ulapskie (Ulskie) Kurgans 163
Latisheva V. A., Tadenev K. V. Antiqe Leaden Weights from Maslini Settlement 170
Kruglova E. V. Khazar Burials in Ilovlya Basin 176

History of Science

On the 100th Birth Anniversary of V. G. Child. The Letter to Soviet Archaeologists from December, 16, 1956 184
Merpert N. Ya. To the Publication of V. G. Child's Letter 189
Alexeev L. V. The 12th Archaeological Congress in Kharkov (1902) 196

Critics and Bibliography

Sergin V. Ya. *Krupnik I. I.* The Arctiq Ethnoecology. The Models of Traditional Natural Use of Northern Euroasian Marine-Hunters and Reindeer-Breeders. M., 1989 199

Pitulko V. V. *Krupnik I. I.* The Arctiq Ethnoecology. The Models of Traditional Natural Use of Northern Euroasian Marine-Hunters and Reindeer-Breeders. M., 1989 202
Flerov V. S. Durankulak V. I. Sofia, 1989 208
Fekhner M. V., Pushkina T. A. Birka II 3. Systematische Analysen der Gräberfunde/Ed. *G. Arwidsson.* Stockholm, 1989 213
Falkovich Yu. A. *Kaczmarczyk A., Hedges R. E. M.* Ancient Egyptian Faience. An Analitical Survey of Egyptian Faience from Predynastic to Roman Times. Warminster, 1983. 217
Kurbatov A. V. *Grew F., de Neergard M.* Medieval finds from excavation in London: 2. Shoes and pattens. L., 1988 220
Vseviov L. M: Soviet Works on Archaeology 1990. Bibliographical Index 224

Chronicle

Burov G. M. The IVth International Symposium "Mesolithic in Europe" (Leven, 1990) 244
Sharafutdinova E. S., Kuzmina O. V. Seminar "The Problems of Transition from the Middle Bronze Age to Late Bronze Age in Volgo-Urals Region" 249
Matyushin G. N. Annual Meeting of Russian Archaeological Society 253
Archaeological Society «Drevnosti» («Antiquities») 254
Ziskynd D. V. On the Question of New Economic Model of Archaeological Investigations 256
Gening V. F. The Letter to Editor Staff "About the Discussion Style of L. S. Klein" 257
In Memory of Valeri P. Petrenko (1943—1991) 260
Makarova T. I. In Memory of Tamara V. Ravdina (1919—1991) 263
Smirnov K. A. In Memory of Irina G. Rosenfeld (1923—1991) 265

Guide for Articles Published in the Journal "Rossiyskaya Arkheologiya" in 1992 267

С. А. ВАСИЛЬЕВ

ПАЛЕОЛИТ ЕНИСЕЯ: ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ

Долина Верхнего и Среднего Енисея по праву считается одним из основных центров сосредоточения палеолита не только в Сибири, но и в нашей стране в целом. В 1984 г. научная общественность отметила столетний юбилей первых открытий древнего каменного века в этом районе, связанных с именем И. Т. Савенкова. В недавно вышедшем в свет своде палеолитических памятников Енисея упоминается 200 пунктов находок, известных к 1981 г. [1]. Сейчас благодаря активной деятельности ленинградских и красноярских археологов количество таких находок заметно увеличилось. Важную роль в обобщении данных сыграл проведенный летом 1990 г. в Новосибирске Международный симпозиум по теме «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки». Одна из экскурсий, состоявшихся после окончания конференции, была посвящена енисейским памятникам [2], что дало возможность представительной группе исследователей из ряда стран ознакомиться с результатами полевых исследований.

Цель данной статьи — рассмотреть палеолит Енисея в свете новейших открытий, заставляющих во многом переоценить сложившиеся в науке представления. Далее хотелось бы обратить внимание на основные нерешенные вопросы и трудности изучения, методические и методологические моменты. Из числа последних первостепенное значение имеет проблема соотношения локальных и стадиальных черт в развитии позднепалеолитической культуры.

Хронологически памятники енисейского палеолита распределены крайне неравномерно. Вплоть до последнего времени все наши представления базировались на стоянках финального плейстоцена, конца сартанского оледенения (16—10 тыс. лет назад). Это затрудняло сопоставление енисейских материалов со смежными территориями, где были известны стоянки ранней и средней поры позднего палеолита. По мере массового обрушения берегов Красноярского водохранилища, вскрывавшего толщи более древних отложений, здесь удалось выявить ряд комплексов раннесартанского и каргинского времени. Однако эти сведения пока недостаточны для прояснения вопроса о характере перехода от мустье к верхнему палеолиту и о культурных вариантах начального этапа позднепалеолитической эпохи на Енисее.

Установление хронологии памятников упирается в целый ряд нерешенных проблем. Открытие необычно ранних стоянок на высоких террасах ставит в повестку дня выработку стратиграфического расчленения покровных толщ, корреляции лёссово-почвенных серий. Подобная задача ранее для бассейна Енисея по сути дела не разрабатывалась, ибо абсолютное большинство известных памятников здесь было приурочено к отложениям низких надпойменных террас. Что касается последних, то изучение палеолита Верхнего Енисея, в частности работы в районе пос. Майна, заставляют пересмотреть схему Э. И. Равского — С. М. Цейтлина [3]. Обнаружение фактов накопления примерно одновозрастного аллювия на различных гипсометрических отметках противоречит привычным представлениям о «террасовой лестнице» или «табличной стратиграфии». В этом плане несомненный интерес представляет выдвинутая А. Ф. Ямских концепция «полицикловых террас» [4]. Во многих случаях авторы, интерпретируя разрезы конкретных памятников, однозначно

© С. А. Васильев, 1992 г.

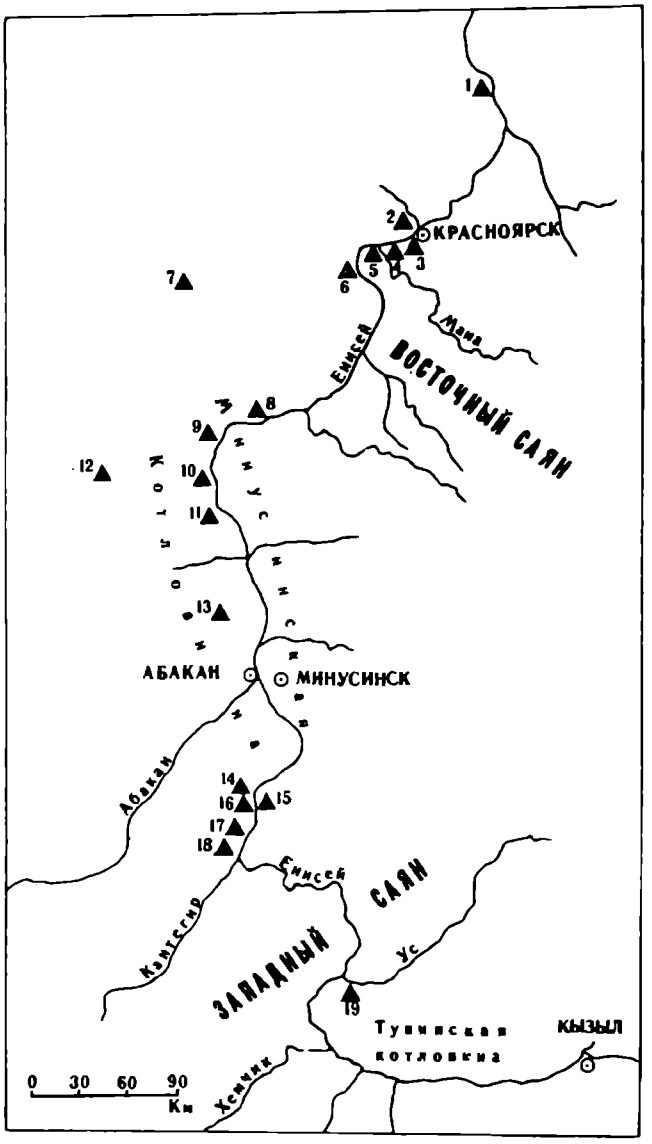


Рис. 1. Основные стратифицированные памятники палеолита Енисея: *1* — Дружиниха; *2* — Афонтова Гора I—IV, Коровий Лог I—III, Кача I—II; *3* — Переселенческий Пункт; *4* — Большая Слизнева; *5* — Лиственка; *6* — Бирюса I; *7* — Березовый Ручей I; *8* — Куртак I, III, IV; *9* — Кокорево I—IV, IVA, VI, Новоселово VI, VII, XIII, Тарачиха, Аешка I, III, Черемушка II, Чегерак, Дивный I; *10* — Таштык I, II, Афанасьева Гора, Первомайское I, Подгорное Озеро; *11* — Крутогорское I; *12* — Малая Сыя; *13* — Двуглазка; *14* — Означенное I, Большой Карак; *15* — Сизая I, V, VIII, Голубая I, IV; *16* — Майнинская, Уй I, II, Майнинский Лесозавод; *17* — Джой; *18* — Кантегир; *19* — Нижний Иджир I

соотносят культуросодержащие слои с теми или иными дробными подразделениями шкалы Н. В. Кинд [5]. Однако при этом не стоит забывать, что данная схема была выработана преимущественно по материалам опорного страторайона Усть-Енисейского порта и вряд ли может быть механически перенесена на территории, расположенные на 1500—2000 км южнее. Очевидно, несмотря на общепланетарный характер палеографических событий и рубежей, непосредственное влияние на природную обстановку в рассматриваемом регионе оказывали ледниковые явления и характер неотектонических подвижек в окружающих хребтах Западного и Восточного Саяна, Кузнецкого Алатау. К сожалению, эти процессы изучены пока крайне недостаточно, и соотнесение принятых для долины Енисея стратиграфических разработок с условной схемой расчленения четвертичных отложений Алтае-Саянской горной области [6] остается делом будущего.

Столь же велика неравномерность распределения памятников в другом, географическом аспекте. Известные нам стоянки концентрируются в виде «гнезд», в то

же время огромные территории остаются практически необследованными (рис. 1). В первую очередь это касается долины Енисея к северу от Красноярска. Есть все основания полагать, что среднее течение Енисея, как и районы Нижней Ангары, Подкаменной и Нижней Тунгусок, могут быть весьма перспективны для поисков палеолита (в свете интереснейших открытий на Усть-Кове это тем более очевидно).

Основные стратифицированные памятники сосредотачиваются на Енисее в трех «гнездах». Самая северная концентрация стоянок приурочена к территории г. Красноярска и его непосредственным окрестностям — месту пересечения Енисеем отрогов Восточного Саяна. Несмотря на то что первые палеолитические памятники здесь были открыты еще И. Т. Савенковым, исследованность района оставляет желать лучшего. О возможностях открытия новых пунктов сосредоточения палеолита красноречиво свидетельствуют работы последних лет в местности выше Красноярска (Лиственка, Большая Слизнева). Кроме того, открытие палеолитических памятников в необычных геоморфологических ситуациях (Караульный Бык, Шалунин Бык) заставляют во многом по-новому взглянуть на поисковые критерии, применяемые при разведках, расширить наши представления о системе поселений той эпохи. Нуждаются в современном комплексном изучении и сохранившиеся местами остатки почти полностью уничтоженных старых памятников, в первую очередь на Афонтовой Горе.

Следующий, более южный район сосредоточения многослойных стоянок — это участок левобережья Енисея в пределах Северо-Минусинской котловины. Здесь располагаются такие памятники, как Кокорево I—VI, Новоселово I—XIII, Куртак I—VI, Черемушка I—II, Чегерак, Крутогорское, Первомайское, Тарачиха, Афанасьева Гора, Шленка, Аешка I—III и многие другие. Правобережье реки исследовано крайне выборочно. Палеолит здесь представлен в основном пунктами подъемных сборов на местах развеянных стоянок и редкими стратифицированными находками. Ряд памятников известен в глубинных районах Хакасии (Малая Сыя, Двуглазка), долине Абакана и его притоков, на озерах Койбальской степи, в междуречье Енисей — Абакан.

Последняя, третья группа стратифицированных стоянок, расположена на крайнем северном отрезке так называемого Саянского каньона Енисея, вблизи выхода реки из теснин Западного Саяна на степные просторы Минусинской котловины. Это памятники района Майны — Саяногорска (Означенное I, Большой Карак, Сизая I, V, VIII, Голубая I, IV, Майнинский Лесозавод, Уй I, II, Майнинская стоянка), а также Джой и Кантегир. Особняком стоит единственная стратифицированная стоянка в глубинной части Западного Саяна — Нижний Иджир I. В области верховьев Енисея, на территории Тувы, известны пока лишь многочисленные поверхностные местонахождения.

Отмеченная выше географическая и хронологическая неравномерность распространения памятников затрудняет положительное решение вопроса о периодизации палеолита Енисея, выделения в его пределах локально-хронологических вариантов культуры. Не меньшую сложность представляет нерешенность типологических проблем. Мы пользуемся для описания наших материалов в лучшем случае соединенными и слегка модифицированными схемами, принятыми для нижнего и верхнего палеолита Европы. Между тем североазиатские индустрии вовсе не являются механической смесью ранне- и позднепалеолитических типов вещей. Создание качественно иной типологической системы, отражающей специфику наших материалов и в то же время в полной мере учитывающей накопленный европейской наукой опыт,— вопрос наиболее актуальный для современного этапа изучения сибирского палеолита.

Полнота наших представлений о палеолите Енисея ограничена еще одним существенным моментом. До сих пор абсолютное большинство изученных на широкой площади поселений относится к разряду временных сезонных приречных стойбищ. Судя по результатам анализа фаунистических остатков, эти памятники, приуроченные к аллювиальным толщам, заселялись древним человеком по боль-

шей части в период открытой воды (весна — осень). Таким образом, мы имеем дело лишь с фрагментами сложной системы сменявших друг друга поселений позднепалеолитических охотников. Правда, есть информация о том, что разные слои Кокорево I откладывались в различные сезоны года, но сведения эти пока не опубликованы, и какое воздействие данное обстоятельство могло наложить на состав каменного инвентаря остается неясным.

Освещение в литературе палеолита Енисея также оставляет желать лучшего. Полно, монографическим образом, изданы только материалы памятников Кокоревско-Новоселовского района (Кокорево I—IVA, Таштык I, II, Новоселово VI, VII) и группа стоянок Западного Саяна (Кантегир, Джой, Голубая I). В то же время опорные для понимания позднего палеолита региона, да и имеющие более широкое значение, стоянки Афонтовой Горы остаются и по сей день неопубликованными в полном объеме. Сказанное относится и к таким важным многослойным памятникам, как Майнинская стоянка, Уй I, II, Бирюса I, Лиственка и ряд других.

Вопрос о наличии в регионе древнепалеолитических памятников остается пока открытым. Гораздо более определенно вырисовывается подстилающее позднепалеолитические индустрии леваллуа — мустье. Помимо материалов из грота Двуглазка [7] среднепалеолитические местонахождения открыты в последнее время на Красноярском водохранилище [2]. В смежных районах (Тува, Приангарье) также распространены в основном леваллуа-мустьерские индустрии, однако полученные на Алтае и в Кузбассе материалы говорят о большей сложности и разнообразии вариантов среднего палеолита Сибири. Не исключено, что в будущем подобные факты удастся установить и на Енисее.

Основным источником для суждений о характере культуры на ранней стадии позднего палеолита остаются материалы (к сожалению, практически неопубликованные) стоянки Малая Сыя. Судя по радиоуглеродным датировкам, возраст этого комплекса может быть близок к 34 тыс. лет. Индустрия носит пластинчатый характер. Имеются крупные плоские, одноплощадочные, кубовидные, веерообразные, пирамидальные нуклеусы. Основную массу изделий со вторичной обработкой составляют широкие пластины с ретушью одного или двух краев, скребки на отщепах и пластинах, скребки на ретушированных пластинах (в том числе высокой формы), продольные и поперечные скребла, скребла на гальках, разнообразные чопперы, резцы, пластины с выемками, зубчатые изделия. Найдена также серия довольно широких и коротких костяных и роговых наконечников, роговая втулка, подвески [8, 9].

В целом индустрия вписывается в круг ранних пластинчатых «эпилеваллуазских» комплексов Сибири, следующих за леваллуа-мустьерскими индустриями и во многих аспектах техники и типологии сохраняющих явные мустьероидные черты (Кара-Бом и Кара-Тенеш на Алтае, Толбага, Сохатино I, Варварина Гора и нижние слои Санного Мыса в Забайкалье).

К более позднему времени относится стоянка Куртак IV [10], серия радиоуглеродных датировок позволяет уверенно отнести памятник к интервалу 23—24 тыс. лет. Небольшая коллекция включает одно- и двуплощадочные ядрища на гальках и их обломках, есть нуклеус пирамидальной формы. Практически все орудия изготовлены на отщепах, осколках камня и расколотых гальках. Преобладают концевые скребки на отщепах, в том числе формы с ретушью по двум продольным краям. Имеются продольные и поперечные скребла, часть которых выполнена на галечных дольках, зубчатые скребла, клювовидные и выемчатые изделия, ретушированные отщепы, пластинки с ретушью края, а также своеобразное пиковидное орудие на расколотой галечке. Комплекс дополняется орудиями из бивня и кости, в том числе плоскими дисками, подвесками. Вряд ли на основании этих данных можно предполагать (как это делает Н. Ф. Лисицын) здесь возможные истоки афонтовской культуры. Преобладание в составе инвентаря отщепов и наличие простых форм галечных ядрищ — показатели слишком общие для построений такого рода. Своеобразие индустрии Куртака IV несомненно связано с функциональными особенностями памятника, где доминировала деятельность по первичному расщеплению галечного сырья.

К ранней поре позднего палеолита, по всей вероятности, относится небольшая коллекция из 4-го слоя грота Двуглазка [7] — оригинальная пластинчатая индустрия.

С определенностью можно говорить о средней поре позднего палеолита. Наибольшую известность среди памятников этого периода получила стоянка Тарачиха [11], предоставившая пластинчатую индустрию (60% орудий изготовлено на пластинчатых заготовках). Ядрища в основном мелкие, плоские, одно- и двуплощадочные, есть и леваллуазский нуклеус для скалывания пластин. Ядрища, как правило, имеют выпуклую дугу раскалывания и близки призматическому типу, есть торцовые и атипичные клиновидные формы. В орудийном наборе преобладают скребки на пластинках, ретушированных пластинках и отщепах; имеются двойные, округлые, сегментовидные изделия, микроорудия. Много ретушированных пластин и пластинок. Ретушь чаще всего фиксируется на различных участках краев заготовок, есть вещи с противолежащей ретушью и отделкой на брюшке. Особенно выразителен микроинвентарь — пластинки с притупленным краем, пластинки и микроострия с наискось отретушированным основанием и обушком, с вогнутым или прямо ретушированным основанием и т. д. Встречены отщепы с ретушью, зубчато-выемчатые изделия, боковые, угловые и срединные резцы, скребла, комбинированные орудия, острие, проколка. Здесь же найдены двусторонне обработанный листовидный наконечник и подвеска.

Очень сходная с Тарачихой индустрия была открыта на стоянке Афанасьева Гора [12]. Несомненная близость инвентаря этих памятников позволяет считать их однокультурными, а различия трактовать как отражение хронологической последовательности (если материалы из Афанасьевой Горы моложе) или локальных вариантов культуры. К сожалению, неопределенность хронологической привязки комплексов затрудняет выводы (ориентировочно можно определить их возраст в 17—18 тыс. лет, но не исключена и более ранняя дата).

Начальным этапом сартанского времени датируется третий пластинчатый комплекс на Среднем Енисее — стоянка Шленка [13]. Серия радиоуглеродных датировок лежит в интервале 17—20 тыс. лет. Свыше 70% орудий Шленки сделано на пластинах, снимавшихся с мелких одно- и двуплощадочных ядрищ, есть здесь нуклеусы конической и дисковидной формы. Среди орудий резко преобладают пластинки с ретушью края или с ретушью края и наискось отретушированным концом. Довольно много скребков на пластинах и отщепах — концевых, округлых, высокой формы, с ретушью продольных краев и др. Разнообразны выемчатые изделия, ретушированные отщепы. Гораздо реже встречаются пластинки с ретушью края, чопперы, боковые резцы, проколки на пластинке с вытянутым жальцем и на отщепе. Из костяных изделий отмечено стержневидное орудие.

Н. Ф. Лисицын датирует нижний слой стоянки Новоселово XIII средней порой позднего палеолита [14]. Здесь есть мелкие одно- и двуплощадочные ядрища с выпуклой дугой раскалывания, в том числе близкие конусовидной форме, дисковидный нуклеус, обломок гальки со следами расщепления по торцу, скребки на отщепах, пластинки с ретушью края, острие и т. д.

В бассейне Верхнего Енисея к раннесартанскому времени можно отнести комплекс культурного слоя стоянки Уй I, получивший по радиоуглероду даты 17—22 тыс. лет [15]. Индустрия памятника характеризуется сочетанием параллельного плоскостного, радиального расщепления, леваллуазских приемов, призматической и торцовой техник. Есть и выразительные клиновидные формы. Орудий на пластинчатых заготовках всего 24,4%, большинство из них принадлежит двум категориям — скребкам и долотовидным изделиям. Скребки в основном сделаны на отщепах, наряду с концевыми формами есть боковые, скошенные, угловые, двойные скребки, округло-овальные изделия с обработкой по периметру. Характерны орудия высокой формы, в том числе с узким лезвием (карене). Особо отметим серию крупных широких скребков, переходных к скреблам. Долотовидные изделия представлены формами с одним и двумя лезвиями различных пропорций, на ряде предметов фиксируется краевая ретушная подправка, есть и микродолотовидные

формы. Менее распространены зубчатые орудия (в том числе крупные скребловидные предметы), клектонские и ретушированные анкоши, пластинки с притупленным краем и микроострия, атипичные скребла, срединные и угловые острия на пластинках, ретушированные пластинки и отщепы. Из единичных форм отметим резчики, комбинированные орудия, отбойники, ретушеры, терочники, наковальни и заготовку бифасиального наконечника. Комплекс дополняется обломком рогового беспазового наконечника, костяными проколками, ретушированным орудием на обломке кости и клыком-подвеской.

Из перечисленных выше памятников Среднего Енисея по технике расщепления комплекс наиболее близок Шленке, в то же время орудийный набор его сильно отличается от всех упомянутых стоянок.

В целом памятники средней поры позднего палеолита Енисея по основным технико-типологическим параметрам вписываются в круг пластинчатых индустрий, существовавших в интервале от 27—25 до 17—18 тыс. лет в различных регионах Сибири (Мальта, Буреть, Игетейский Лог I, Ачинская, Шестаково, Томская) и обозначаемых Г. И. Медведевым для Приангарья как «классический комплекс» [16]. Эти индустрии в наибольшей степени сопоставимы с европейским поздним палеолитом. Однако в пределах данной фазы наблюдается определенная степень локально-хронологической вариабельности. В частности, говорить о наличии «мальтино-буретской» культуры на Енисее (имея в виду комплексы типа Тарачихи — Афанасьевой Горы) не приходится. В енисейских индустриях нет характерных типов вещей Мальты, определяющих «лицо» ее индустрии,— разнообразных острий с оттянутым удлиненным или же коротким жальцем, двуконечных острий, усеченных пластинок и т. д.

Более 90% известных памятников относятся к завершающим этапам развития позднего палеолита (16—10 тыс. лет). Подавляющее большинство стоянок входит в выделенную С. Н. Астаховым и З. А. Абрамовой [17, 18] афонтовскую культуру, памятники которой на Енисее встречаются во всех трех упомянутых «гнездах». Основные признаки афонтовской культуры сводятся к характеристикам, которые в течение длительного времени считались определяющими для сибирского позднего палеолита в целом. Это индустрия, основанная на скалывании отщепов с одно- и двуплощадочных ядрищ на гальках. Основные категории орудийного набора — разнообразные скребла (включая бифасиальные формы), скребки и долотовидные изделия. Распространены отщепы с ретушью, зубчато-выемчатые орудия, реже острия, пластинки с притупленным краем, проколки, постоянно встречаются галечные орудия.

Центральное место в северной группе афонтовских памятников занимают эпонимные стоянки Афонтовой Горы. Благодаря кропотливой работе С. Н. Астахова [19] появилась возможность объединить разрозненные сведения об исследованиях, проводившихся здесь в разные годы И. Т. Савенковым, Н. К. Ауэрбахом, Г. П. Сосновским, В. И. Громовым, и установить относительную хронологию комплексов. К сожалению, вопрос об абсолютной временно́й привязке памятников Афонтовой Горы остается открытым. Совершенно неясно, насколько можно доверять единичным радиоуглеродным датировкам, полученным для разрезов Афонтовой Горы II — 11330±270 (Мо-343) и 20900±300 (ГИН-117). Считается, что последняя дата соответствует слою $С_3$ [20]. В таком случае нижний слой Афонтовой II становится наиболее древним из памятников афонтовской культуры. Это допущение даже трансформировалось в целую концепцию дивергенции единой некогда культуры на афонтовский и кокоревский варианты [21]. Более обоснованной представляется позиция исследователей, ставящих под сомнение удревнение абсолютного возраста Афонтовой Горы II по сравнению с Кокорево II и относящих нижний слой Афонтовой II ко времени ориентировочно 15—17 тыс. лет [17, 18].

Несомненную близость к стоянкам Афонтовой Горы демонстрируют такие памятники, как Кача I [22], Переселенческий Пункт [23], слои В и С Бирюсы I [24, 25], ряд комплексов Лиственки [2], а из числа недавно открытых стоянок — Большая Слизнева [26], палеолитические горизонты Караульного Быка [27] и др.

В кокоревско-новоселовском районе выразительные афонтовские индустрии представлены на таких памятниках, как Кокорево II, III [18], IVA [28], VI [29], Куртак III, Дивный I [30], Первомайское II [31]. В этот же круг входят Таштык I и II [18]. Судя по целому ряду находок, афонтовская культура была широко распространена в южных районах Минусинской котловины [32, 33]. В западносаянской группе центральный памятник афонтовской культуры — многослойная Майнинская стоянка, материалы которой позволяют выделить ряд этапов развития индустрии в интервале от 16—18 до 10 тыс. лет. Другие афонтовские комплексы в этом районе — стоянки Уй II [34], Майнинский Лесозавод [35], Джой, Кантегир, Сизая VIII [36] и т. д.

В работе З. А. Абрамовой «Палеолит Енисея» [37] выделена существовавшая в долине Среднего Енисея параллельно афонтовской, но несколько более поздняя культура — кокоревская. Определяющими признаками этой культуры исследовательница считает следующие: развитая техника снятия пластин с крупных ядрищ, иногда близких призматическим формам, широкое распространение пластин и пластинок с ретушью, резцов, остроконечников, скребков на пластинах. По сравнению с афонтовской культурой здесь мало долотовидных орудий, среди которых отсутствуют микроформы, нет и микроскребков. В числе скребел имеются изделия на ядрищах, нет бифасиальных форм. Отсутствуют микропластинки со следами вторичной обработки. Если брать параметры роговых наконечников, то для кокоревской культуры более свойственно их уплощенно-овальное сечение; здесь же встречаются плоские кинжаловидные орудия и так называемые « игловидные наконечники». Дополнительный яркий показатель кокоревской культуры — своеобразные очаги, окруженные наклонно поставленными плитами, своего рода «каменные розетки».

Эпонимный памятник данной культуры — многослойная стоянка Кокорево I. К этой же общности отнесены стоянки Новоселово VI и VII [37], Аешка I [38], Чегерак [39], Аешка III [40], Крутогорское I [41], Первомайское I, Подгорное Озеро [30, 31], Черемушка [42]. Несомненную близость к кокоревской культуре демонстрируют коллекции верхних слоев Новоселово XIII [14], средних слоев Лиственки [2], а также самая северная из енисейских стоянок — Дружиниха [43]. Особое место среди памятников афонтовской и кокоревской культур занимает местонахождение Подсуханиха, выделяющееся своеобразным инвентарем [44].

При решении проблемы соотношения кокоревской и афонтовской культур важным моментом является сочетание в ряде памятников признаков той и другой. Так, З. А. Абрамова включает в число стоянок кокоревской культуры Кокорево IV, где был найден типично кокоревский очаг [45]. Однако каменный и костяной инвентарь этого памятника лишен характерных типов вещей кокоревской культуры. С. Н. Астахов указывает ряд аналогий в Афонтовой Горе III. В Кокорево IV найдены одноплощадочные ядрища на гальках продольного и поперечного вариантов, клиновидные микронуклеусы средних пропорций, торцовое микроядрище; скребла — продольные выпуклые, двойное и конвергентное. Встречены также скребки на удлиненных отщепах, чопперы, проколка с плечиками, фрагмент остроконечника, пластинки с ретушью края, срединный резец. Имеется уплощенный роговой наконечник с пазом, костяное острие и шило с головкой.

Непосредственное отношение к рассматриваемому вопросу имеют материалы финальнопалеолитической стоянки Березовый Ручей I на Чулыме [46]. Среди находок — одноплощадочное ядрище на гальке, серия торцовых микронуклеусов, есть также призматические и конические ядрища. Среди орудий преобладают скребла — продольные выпуклые, двойные, конвергентные, изделия с лезвием на брюшке. Изготовлены они на отщепах, пластинчатых отщепах и пластинах. Скребки — концевые на ретушированных пластинах, крупные треугольные изделия на ретушированных отщепах, скребки высокой формы с носиком. Другие орудия — ретушированные пластины и отщепы, срединные и угловые резцы, атипичные удлиненные остроконечники, невыразительный лимас, единичные долотовидные и галечные изделия. Комплекс дополняется двумя уплощенными вкладышевыми

орудиями, аналогичными «кинжалам» из Кокорево I. По большей части параметров памятник сопоставим с афонтовскими индустриями, но наличие группы крупных концевых скребков на пластинах и ретушированных пластинок сближает его с кокоревской культурой.

Интересно, что в «гущу» афонтовских памятников Верхнего Енисея в интервале 12—13 тыс. лет вклинивается индустрия совершенно иного, необычного облика. Это комплекс третьего культурного слоя стоянки Голубая I [36]. Индустрия отличается резко выраженным пластинчатым компонентом (на пластинах и пластинках сделано 65% орудий). Встречены только мелкие ядрища, близкие многофасеточным резцам срединного и углового типов, торцовые, плоские нуклеусы. Среди орудий много ретушированных пластин, в том числе изделий с обработкой одного, двух, трех краев, с отделкой по периметру, с ретушью на брюшке, форм с перехватом. Наиболее выразительна серия скребков на пластинах, ретушированных пластинах и пластинах с боковыми выемками. Скребки на отщепах представлены как короткими концевыми формами, так и орудиями с носиком, плечиком, с боковой выемкой, с выемкой в основании, двойными изделиями и т. д. Микроинвентарь включает пластинки с притупленным краем и микроострия. Немногочисленные резцы — угловые, двугранные угловые, двойные угловые и косоретушные, есть проколки и клювовидные формы, отщепы с ретушью, зубчатые и выемчатые орудия, галечные изделия, атипичный остроконечник. Скребла редки, а долотовидные орудия вовсе отсутствуют. Интересны комбинированные формы — скребки в сочетании с клювовидными элементами, острия-скребки, резцы-клювы и т. д. Комплекс сопровождается обломком наконечника из бивня мамонта. Несмотря на типологические отличия, генетические истоки индустрии очевидны — они лежат в памятниках типа Тарачихи — Афанасьевой Горы, хотя отдельные вещи находят аналогии в комплексах кокоревской культуры.

Теперь, подводя итоги, попробуем наметить в общих чертах картину развития позднепалеолитической индустрии на Енисее. Мы опускаем для краткости ранние схемы, предлагавшиеся И. Т. Савенковым, Г. К. Мергартом, В. И. Громовым. На геологическую периодизацию последнего автора во многом опирался Г. П. Сосновский [47], рассматривавший палеолит Енисея в рамках господствовавшей тогда концепции стадиальности как автохтонное последовательное развитие единой культурной традиции.

В связи со сменой в конце 50-х — начала 60-х годов теоретических установок советского палеолитоведения и распространения активно пропагандировавшейся А. Н. Рогачевым идеи локальности культуры в позднепалеолитическую эпоху, изменились и взгляды на палеолит Енисея. З. А. Абрамовой был выдвинут тезис о сосуществовании здесь двух параллельно развивавшихся культур — афонтовской и кокоревской. Принципиальным моментом, отличающим данные построения от работ Г. П. Сосновского и А. П. Окладникова, явилось положение о том, что «каменный и костяной инвентарь является показателем скорее культурной принадлежности памятников, чем их временной последовательности» [48, с. 255]. При этом различия культур, по мнению З. А. Абрамовой, были во многом обусловлены характером их генезиса. Исследовательница в ряде работ высказала предположение, что пластинчатый компонент кокоревской культуры имеет корни в алтайском леваллуа — мустье типа Усть-Канской пещеры (может быть, промежуточным пунктом была Малая Сыя). В то же время истоки афонтовской культуры следует искать на просторах Монголии [49]. Обе культуры входили в единую южносибирскую культурную область, объединявшую памятники Алтая, Енисея и Забайкалья. Сходные моменты в облике афонтовской и кокоревской культур З. А. Абрамова склонна относить как за счет их общей подосновы, так и взаимодействия в процессе развития.

Сейчас, как кажется, настала пора отойти от крайностей стадиального и локально-культурного подходов к исследованию позднего палеолита. Стадиальность и локальность можно рассматривать как две стороны единого процесса культурного развития. Вероятно, эти принципы исследования взаимодополняющие, а не взаи-

моисключающие. Детальное типологическое сопоставление афонтовской и кокоревской культур показывает, что многие из высказанных в свое время А. П. Окладниковым замечаний имеют под собой основание [50].

Во-первых, различия афонтовского и кокоревского вариантов культуры преимущественно сводятся к разнице в приемах техники расщепления и процентном соотношении категорий орудий. Последний показатель, как свидетельствует опыт, может значительно варьировать как на разных участках единого культурного слоя, в зависимости от их функциональной специфики, так и между слоями в колонках явно однокультурных памятников (вероятно, отражая выборочность вскрытия зон древних поселений). Так что данный аспект анализа в принципе не может считаться весомым доводом для выделения культур.

Различия в технике расщепления налицо: для кокоревской культуры свойственно снятие крупных пластин с одно- и двуплощадочных ядрищ на гальках преимущественно продольного варианта, часто несущих следы круговой подправки ударной площадки (последний прием изредка фиксируется и на афонтовских памятниках). Иногда подобные нуклеусы по форме близки крупным призматическим ядрищам, хотя такая техника, конечно, далека от подлинно призматической. Все это не могло не отразиться на орудийном наборе — в кокоревской культуре гораздо чаще встречаются ретушированные пластины и остроконечники. Микронуклеусы обеих групп по большей части сходны. Правда, в кокоревских памятниках нет удлиненных изделий на ретушированных пластинках и карандашевидных форм.

Попробуем теперь отвлечься о статистики и сравнить индустрию комплексов афонтовской и кокоревской культур на более детальном уровне. Среди ретушированных пластин, несмотря на явный количественный разрыв, все морфологические варианты вещей, найденных в Кокорево I, имеются в тех или иных памятниках афонтовской культуры. Пожалуй, наиболее разительный контраст проявляется в облике микроинвентаря, но не между афонтовской и кокоревской группами, а между памятниками Афонтовой Горы и всеми остальными енисейскими индустриями. На Афонтовой Горе II и III имеются очень специфичные пластинки с ретушью по прямому или (чаще) скошенному поперечному краю, с ретушью продольного и поперечного краев. Кстати, обычные пластинки с притупленным краем (с обработкой одного или двух краев) встречаются как в афонтовской, так и в кокоревской культурах. В пределах последней они зафиксированы в инвентаре слоев 2, 5 и 6 Кокорево I и серийно — в слое 2 Новоселово XIII. Резцы, опять-таки несмотря на процентные отличия, в основном представлены одними и теми же разновидностями. Наличие скошенных резцов с поперечными сколами отличает инвентарь Кокорево II. Обычно для иллюстрации выразительности резцов кокоревской культуры даются изображения удлиненных изделий на пластинах с оттянутым жальцем, но эти вещи имеются только в слое 4 Кокорево I и слое 1 Новоселово XIII, в других комплексах кокоревской культуры их нет. Полное совпадение инвентаря Кокорево I и II наблюдается по группе остроконечников: и там и здесь найдены удлиненные и «приземистые» широкие подтреугольные орудия, а также своеобразные изделия со слабо скругленным стрельчатым концом. В кокоревских памятниках отсутствуют двусторонне обработанные листовидные наконечники, известные по коллекциям Афонтовой Горы, но таких предметов нет и в большинстве афонтовских комплексов.

Если брать долотовидные орудия, то афонтовские памятники объединяет наличие мелких подтреугольных «стамесочек» с одним рабочим краем, но они представлены далеко не во всех комплексах этой культуры. То же можно сказать о других афонтовских разновидностях pièces écaillées — широких орудиях, удлиненных двойных изделиях, микроформах. Для афонтовской индустрии в большей степени свойственно ретуширование продольных краев долотовидных орудий, но этот прием фиксируется также в коллекции слоя 5 Кокорево I.

Что касается группы скребков, то практически нет ни одного типа, представленного в Кокорево I, который бы не встречался в том или ином памятнике афонтовского варианта. Скребки в афонтовских индустриях в целом разнообразнее, и есть

ряд форм, не находящих аналогии в кокоревских комплексах, — это стрельчатые орудия, скребки с черешком, с выемкой в основании, микроскребки. Однако в пределах самой афонтовской группы вариабельность ничуть не меньшая. Совпадает и бóльшая часть видов скребел, хотя в Кокорево I действительно отсутствуют широко распространенные в афонтовских памятниках вогнутые поперечные, двойные выпукло-вогнутые скребла, орудия высокой формы, бифасиальные изделия (впрочем, последние из перечисленных типов есть в коллекции слоя 1 Новоселово XIII). Даже характерные кокоревские скребла на нуклеусах имеются в инвентаре афонтовских стоянок (Кокорево IVA, Майнинская).

Если брать отщепы с ретушью, то афонтовскую культуру отличает присутствие предметов с бифасиальной отделкой края, с ретушью на двух перпендикулярно поставленных краях, с ретушным усечением, а также орудий типа raclettes. Формы галечных изделий по большей части унифицированы, но только в афонтовской культуре встречаются орудия с двумя лезвиями на противоположных концах гальки и только в кокоревской — топоровидные унифасы. Совершенно неуловимо различие между афонтовскими и кокоревскими комплексами в облике проколок, клювовидных, зубчатых и выемчатых орудий; здесь есть свои группировки, но они не совпадают с границами культур. Дополнительная сложность в данном аспекте заключается в том, что З. А. Абрамова, как правило, не выделяет зубчатые и выемчатые орудия в особую категорию. Просмотр коллекций убеждает, однако, в том, что эти предметы присутствуют практически в любом сколь-либо представительном комплексе енисейского палеолита.

Очень трудно сравнивать изделия из кости и рога по причине их малочисленности. Для наконечников афонтовских стоянок в большей степени свойственно округло-овальное, а не уплощенное сечение, наличие пазов, нанесенных у кончика предмета, скошенное основание.

В целом получается довольно сложная картина. Кокоревская культура выглядит более монотонной и однородной, а афонтовская очень вариабельна. Если по какому-то показателю ряд комплексов сближается между собой, то по другому они образуют иное сочетание. Есть характеристики, имеющие не культурное, а чисто территориальное значение. Так, крупные изделия типа топоров и тесел, часто встречающиеся на памятниках Среднего Енисея, отсутствуют в коллекциях с Верхнего Енисея. Сходство афонтовских и кокоревских памятников, на мой взгляд, слишком велико для того, чтобы счесть их разнокультурными, скорее речь должна идти о вариациях в рамках единой традиции.

Как мне уже доводилось указывать [51], афонтовская культура имеет очень широкий круг аналогий за пределами бассейна Енисея и соответственно может трактоваться не как явление локального порядка, а как часть общности огромного территориального размаха. Стоянки, аналогичные, или близкие афонтовской культуре, зафиксированы ныне в Приобье (Могочино I), на Алтае (Сростки), Ангаре (бадайский круг памятников, включая Федяево), в Забайкалье (Ошурково). Это, разумеется, не означает абсолютной одинаковости разделенных тысячами километров стоянок, но черты сходства прослеживаются достаточно ясно. Интересно, что кокоревская культура также имеет аналогии за пределами Енисея, но только в западном направлении — на Томи (Шумиха) и Верхнем Иртыше (Шульбинка).

Исходя из сказанного, стоит на новом этапе вернуться к представлению о единстве финальнопалеолитической енисейской культуры, представленной рядом вариантов с наличием индустрий смешанного, переходного характера. Вероятно, при более детальном анализе уже имеющихся материалов количество вариантов может возрасти.

Пока же можно дать следующий эскиз культурно-исторического развития палеолита Енисея (рис. 2). За леваллуа — мустье Двуглазки (соответствующем одному из интерстадиалов муруктинского оледенения) следует индустрия Малой Сыи, относящаяся к каргинскому времени (порядка 33—34 тыс. лет). К более позднему этапу относится во многом еще неясный комплекс Куртака IV (23—24 тыс. лет). Далее следуют раннесартанские пластинчатые индустрии (18—22 тыс. лет) —

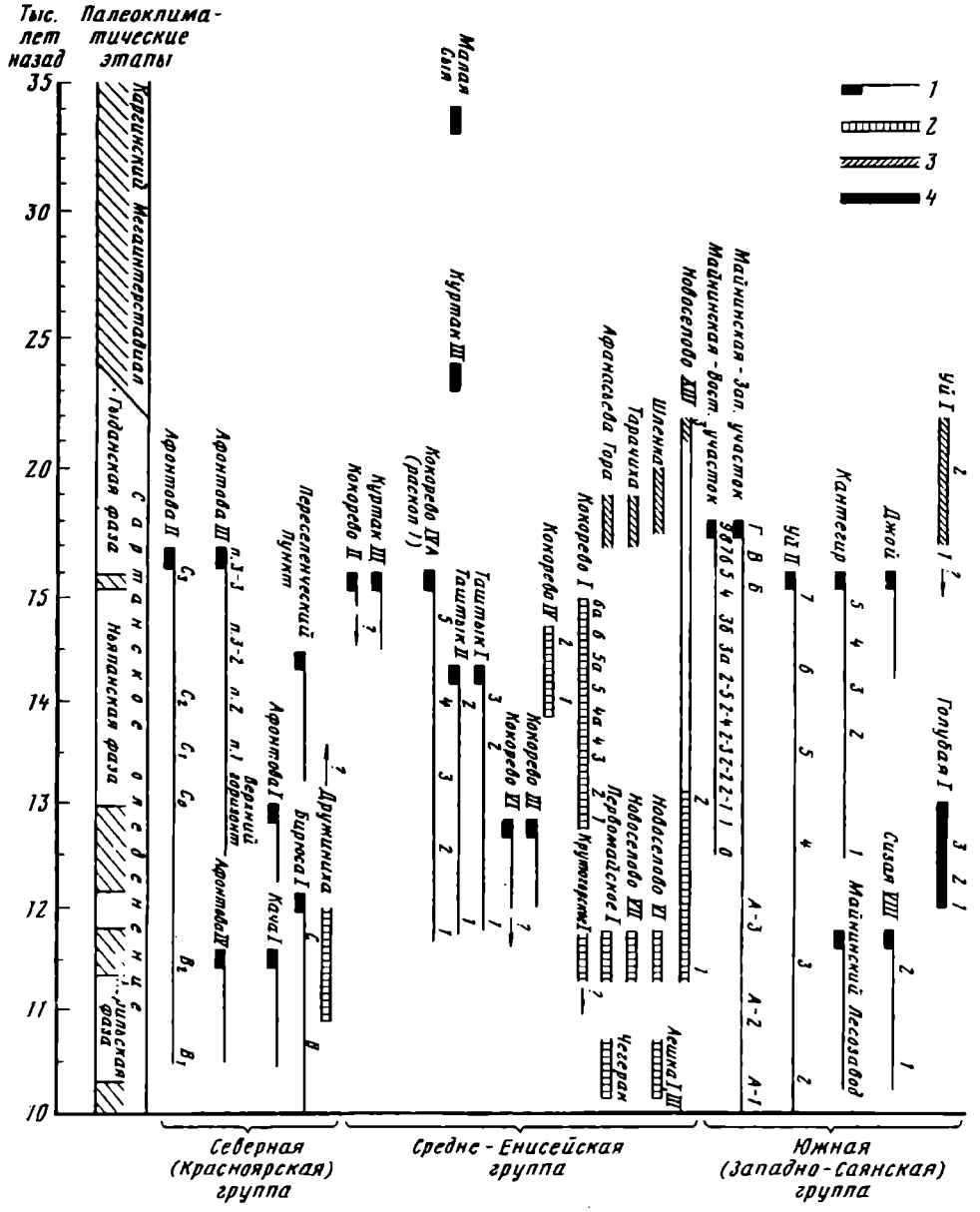


Рис. 2. Условная схема культурно-хронологического расчленения позднего палеолита Енисея: *1* — афонтовские индустрии;*2* — кокоревские индустрии; *3* — пластинчатые индустрии средней поры позднего палеолита; *4* — прочие индустрии

Шленка, Тарачиха, Уй I и др. Эту группу памятников сменяет начиная с 16—18 тыс. лет финальный палеолит, представленный индустриями двух близких вариантов — афонтовским и кокоревским. Причина и характер подобной дихотомии остаются загадочными. Открытие Голубой I свидетельствует о наличии в эту эпоху реликтов предшествовавшей стадии. Как афонтовский, так и кокоревский варианты культуры существовали вплоть до рубежа голоцена, и есть основания полагать, что развитие палеолитических традиций здесь продолжалось и в раннеголоценовое время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова З. А., Астахов С. Н., Васильев С. А. и др.* Палеолит Енисея. Л.: Наука, 1991.
2. *Дроздов Н. И., Чеха В. П., Лаухин С. А. и др.* Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1990.
3. *Раевский Э. И., Цейтлин С. М.* Геология енисейского палеолита//Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М.: Наука, 1965.

4. *Ямских А. Ф.* Полицикловые речные террасы Южной Сибири//Стратиграфия и корреляция четвертичных отложений Азии и Тихоокеанского бассейна. М.: Наука, 1991.
5. *Кинд Н. В.* Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М.: Наука, 1974.
6. *Борисов Б. А.* Алтае-Саянская горная область//Стратиграфия СССР. Четвертичная система. Т. 2. М.: Недра, 1984.
7. *Абрамова З. А.* Мустьерский грот в Хакасии//КСИА. 1985. № 181.
8. *Ларичев В. Е.* Искусство верхнепалеолитического поселения Малая Сыя: датировка, виды его и образы, их художественный стиль и проблемы интерпретации//ИСОАН. Сер. обществ. наук. 1978. № 11. Вып. 3.
9. *Муратов В. М., Оводов Н. Д., Панычев В. А. и др.* Общая характеристика палеолитической стоянки Малая Сыя в Хакасии//Археология Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1982.
10. *Лисицын Н. Ф.* К вопросу о палеолитических стоянках досартанского возраста на высоких террасах Енисея//Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул: ИИФиФ СО АН СССР, 1988.
11. *Абрамова З. А.* Палеолитическая стоянка Тарачиха на Енисее//КСИА. 1983. № 173.
12. *Лисицын Н. Ф.* Афанасьева Гора//Северная Азия в эпоху камня. Новосибирск: ИИФиФ СО АН СССР, 1987.
13. *Астахов С. Н., Ямских А. Ф.* Новая верхнепалеолитическая индустрия и геолого-геоморфологическое положение стоянки Шленка//Природные условия и ресурсы юга Сибири. Красноярск: Изд-во КГПИ, 1984.
14. *Лисицын Н. Ф.* Палеолитическое поселение Новоселово-13 на Енисее//Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири. Ч. I. Улан-Удэ: БФ СО АН СССР, 1986.
15. *Васильев С. А.* Палеолитический человек в горах Западного Саяна//Природа. 1988. № 3.
16. *Медведев Г. И., Воробьева Г. А., Бердников М. А. и др.* Состояние изученности палеолита Средней Сибири — региональные проблемы и перспективы исследований//Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1986.
17. *Астахов С. Н.* О путях первоначального заселения человеком долины Енисея//Доклады и сообщения археологов СССР. VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков. М.: Наука, 1966.
18. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
19. *Астахов С. Н.* Поселения Афонтовой Горы и их место в палеолите Сибири: Автореф. Дис. ...канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1966.
20. *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979.
21. *Холюшкин Ю. П.* К вопросу о принципах построения модели археологической культуры//Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1985.
22. *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки в долине р. Качи//СА. 1948. Т. X.
23. *Сосновский Г. П.* Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины//ИГАИМК. 1935. № 118.
24. *Ауэрбах Н. К., Громов В. И.* Материалы к изучению Бирюсинских стоянок Красноярского округа//ИГАИМК. 1935. N 118.
25. *Гурина Н. Н.* Работы неолитического отряда Красноярской экспедиции//КСИА. 1964. № 97.
26. *Вдовин А. С., Макаров Н. П., Ямских А. Ф. и др.* Геолого-геоморфологические и археологические особенности стоянки Большая Слизнева на Енисее//Палеоэтнология Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990.
27. *Макаров Н. П., Ямских А. Ф.* К археологии и палеогеографии стоянки Караульный Бык//Палеоэтнология Сибири. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1990.
28. *Астахов С. Н.* Палеолитическая стоянка Кокорево IVA//Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1987.
29. *Григорьева Г. В.* Новая палеолитическая стоянка Кокорево VI на р. Енисей//КСИА. 1964. № 101.
30. *Лисицын Н. Ф.* Некоторые итоги изучения каменного века на высоких террасах Енисея//Палеолит и неолит. Л.: Наука, 1986.
31. *Лисицын Н. Ф.* Каменный век Абакано-Минусинской котловины: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1980.
32. *Абрамова З. А., Леонтьев Н. В.* Палеолитическая стоянка на Тагарском острове//Вопросы археологии Хакасии. Абакан: Хакасия, 1980.
33. *Лисицын Н. Ф.* Краткие итоги работ Среднеенисейской экспедиции//Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983.
34. *Васильев С. А.* Раскопки многослойной стоянки Уй-2 в Западном Саяне//Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. Краноярск. Изд-во КГУ, 1989.
35. *Васильев С. А.* Палеолитическая стоянка у пос. Майна//КСИА. 1987. № 189.
36. *Астахов С. Н.* Палеолит Тувы. Новосибирск: Наука, 1986.
37. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск: Наука, 1979.
38. *Абрамова З. А.* Палеолитические стоянки у д. Аешка на Енисее//КСИА. 1969. № 117.
39. *Лисицын Н. Ф.* Палеолитическая стоянка Чегерак//Палеолит Сибири. Новосибирск: Наука, 1983.
40. *Лисицын Н. Ф.* Палеолитический памятник Аешка 3//КСИА. 1987. № 189.
41. *Лисицын Н. Ф.* Палеолитические стоянки в районе Батеневского кряжа на Енисее//СА. 1980. № 3.
42. *Абрамова З. А.* Новые данные по палеолиту Енисея//МИА. 1971. № 173.
43. *Абрамова З. А.* Палеолитическая стоянка Дружиниха на Енисее//КСИА. 1964. № 101.
44. *Абрамова З. А.* Находки каменного века в Абакано-Минусинской котловине//Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1975.
45. *Астахов С. Н.* Позднепалеолитическая стоянка Кокорево IV//СА. 1966. № 2.
46. *Вишняцкий Л. Б., Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н. и др.* Палеолитическая стоянка в Красноярском крае//КСИА. 1986. № 188.

47. *Сосновский Г. П.* Палеолитические стоянки в Северной Азии//Тр. 2-й Междунар. конф. Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Вып. 5. Л.; М.; Новосибирск: Гос. научно-техническое горно-геолого-нефтяное изд-во, 1934.
48. *Абрамова З. А.* Периодизация палеолитических памятников Сибири//Проблемы изучения четвертичного периода. М.: Наука, 1972.
49. *Абрамова З. А.* Палеолит Енисея в свете новых данных//Гуманитарные исследования в Сибири: итоги и перспективы. Новосибирск: Наука, 1984.
50. *Окладников А. П.* Палеолит Центральной Азии. Мойльтын Ам (Монголия). Новосибирск: Наука, 1981.
51. *Васильев С. А.* Локальные культуры и специфика верхнего палеолита Сибири//Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988.

Институт истории материальной
культуры, Санкт-Петербург

S. A. VASILIEV

THE PALEOLITHIC OF YENISEY. SUMMING UP AND PROBLEMS

Summary

Hundreds of sites of various Paleolithic periods were found in Upper and Middle Yenisey basin during more than one century of investigation. The author tries to sum up the invastigations and gives the picture of cultural and historical development of the Ancient Stone Age from Levalloiso-Mousterian to Final Pleistocene epochs (fig. 1). The problem of correlation of local and stage traits in Later Paleolithic cultures is in the focus of attention. The Early Stage of Upper Paleolithic epoch is presented by Malaya Siya complex, the original more late complex of industry from Kurtak IV. The Middle stage is characterized by blade industry as on Tarachikha, Shlenki, Ui I etc. (18—24 mil.). The Final Paleolithic Stage (from the 16—18 mil.) is presented by Afontova and Kokorevo variants of industries with the sites of mixed character (fig. 2). The comparative analysis permit to come back to the perfomance about the unite „Yenisey" culture in Late Sartan time.

И. И. ДРЁМОВ, А. И. ЮДИН

ДРЕВНЕЙШИЕ ПОДКУРГАННЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ СТЕПНОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Наиболее ранние подкурганные погребения Волго-Уральского междуречья, включающего территорию Степного Заволжья, классифицированы Н. Я. Мерпертом в работе «Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья» [1]. Исследуя памятники ямной культуры, Н. Я. Мерперт по стратиграфическим данным определил среди них древнейший — первый этап, включающий более 20 погребений. Основными чертами захоронений первого этапа являются: ориентировка погребенных головой на восток, положение их скорченно на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, обильная посыпка умерших охрой [1, с. 45, 46, 54, 55].

В. Ф. Фисенко, также на основе стратиграфических данных, выделил древнейший этап подкурганных захоронений ямной культуры [2, с. 32, 49], в основном совпадающих с первым хронологическим горизонтом Н. Я. Мерперта. Несколько древнейших погребений среди ямных памятников Нижнего Поволжья были отмечены В. Н. Даниленко и отнесены им к бережновской фазе среднестоговского периода ямной культуры [3, с. 56, рис. 32, *1*, с. 59—61, 66—68].

Исследования Хвалынского и Хлопковского грунтовых могильников в Поволжье существенно повлияли на представления о древнеямной культуре. Исследователи Хвалынского могильника в первой публикации отметили близость его материалов «с одной стороны, древнейшим подкурганным погребениям Нижнего Поволжья, с другой — материалам предшествующего времени типа могильника у с. Съезжее» и сделали вывод, что этот памятник отражает один из первых этапов становления древнеямной культуры Нижнего Поволжья [4, с. 63]. В дальнейшем, Хвалынский могильник и аналогичные ему памятники были выделены в самостоятельную хвалынскую культуру, предшествующую классической «городцовской» ямной культуре и генетически связанную с ней [5, с. 31]. Затем в работе И. Б. Васильева и А. Т. Синюка «Энеолит Восточно-Европейской лесостепи» хвалынские памятники отнесены к среднему энеолиту, а древнейшие подкурганные — к позднему, в том числе и погребение 22 из кургана 5 Бережновского I могильника, имеющее сосуд, аналогичный керамике Хвалынского могильника [6, с. 61].

Н. М. Малов, исследователь Хлопковского могильника, памятника во многом близкого Хвалынскому, считает, что он по отдельным элементам обряда и категориям инвентаря сближается с раннеямными подкурганными захоронениями Заволжья [7, с. 91,92].

Мнение о синхронности Хвалынского могильника с погребениями первой хронологической группы ямной культуры высказано Н. Я. Мерпертом в одной из недавно опубликованных работ [8, с. 327].

Детальное изучение Хвалынского могильника было предпринято В. И. Пестриковой. В своей кандидатской диссертации она обосновывает датировку этого памятника первой половиной IV тыс. до н. э. и определяет ее верхнюю возможную границу серединой IV тыс. до н. э. на основании датировки зооморфных скипетров, анализа металла балканского происхождения и серии некалиброванных радиоугле-

©И. И. Дрёмов, А. И. Юдин, 1992 г.

родных дат [9, с. 15]. В результате этого четко обозначился хронологический разрыв между хвалынскими и раннеямными погребениями, так как принятая датировка появления ямной культуры Нижнего Поволжья относится к рубежу III—IV тыс. до н. э. [1, с. 79; 2, с. 38].

Исследования грунтовых могильников предоставили в наше распоряжение большое количество инвентаря, относящегося к одному времени и одной культуре. Ранее, в связи с почти полной безынвентарностью ямных погребений, их периодизация определялась в основном, опираясь на анализ погребального обряда и стратиграфические наблюдения. Теперь, при выделении древнейших подкурганных захоронений, значительно возрастает роль инвентаря. К настоящему времени нами исследованы новые энеолитические погребения, содержащие инвентарь и подтверждающие точку зрения о хронологической близости хвалынских и ямно-бережновских погребений [1]. Увеличение категорий инвентаря эпохи энеолита позволило нам также пересмотреть хронологию некоторых известных ранее погребений ямной культуры.

В черте г. Энгельса, рядом с шоссе на Анисовку, студентом СГУ Д. Г. Бариновым были обнаружены следы погребений. Ранее здесь находилась курганная группа, ныне полностью разрушенная, частично исследовавшаяся И. В. Синицыным в 1941 г. Остатки разрушенной карьером насыпи раскопаны в 1985 г. Из четырех погребений, найденных в кургане, три относятся к эпохе средневековья, а одно (№ 1) — к ямной культуре. Основное ямное погребение находилось в прямоугольной могиле с закругленными углами, ориентированной длинными сторонами по линии запад—восток. Ширина могилы 280 см, длина не установлена, так как западная часть могилы разрушена карьером (рис. 1, *1*). В заполнении могилы найдено два плохо сохранившихся бараньих черепа. Они располагались над головами погребенных, причем крупный — над черепом взрослого человека, а меньший — над черепом ребенка. Все дно могилы обильно посыпано охрой. В центральной части дно прорезано средневековым захоронением. Южная часть могилы повышалась ступенькой высотой 10—15 см. Рядом с северной стенкой могилы лежал скелет мужчины 45—50 лет (определение А. В. Шевченко). Погребенный был положен головой на СВВ, скорченно на спине, коленями вверх (ноги завалились влево, на ступеньку). Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, кисть покоилась на тазовых костях. Возле черепа взрослого человека найдено несколько обломков лепного сосуда с утолщенным венчиком. По верхнему краю венчика и по шейке сосуда нанесены ряды оттисков узкой подтреугольной лопаточки. Остальная часть тулова не орнаментирована; судя по нескольким фрагментам придонной части, сосуд имел круглое дно (рис. 1, *3*). В тесте примесь толченой раковины. Возле локтя правой руки лежал бесформенный обломок крупнозернистого песчаника. Под черепом лежал зуб коровы с прорезями, сделанными у основания зуба (рис. 1, *2*). Он прикрывал овальное отверстие в черепе диаметром до 2,5 см с гладкими краями [2]. По левую руку от скелета взрослого человека, южнее его, на краю ступеньки лежал скелет ребенка. Поза и ориентировка ребенка такая же, как и взрослого — скорченно на спине, головой на СВВ. В южной части могилы, на ее дне найден крупный комок охры (диаметром до 10 см).

Еще одно погребение найдено в Ровенском р-не Саратовской обл., близ устья р. Тарлык. Часть кургана размыта Волгой, а в оставшейся части исследовано семь захоронений, одно из которых (погр. 6) относится к ямной культуре. В юго-восточном секторе кургана на уровне погребенной почвы найден фрагмент венчика сосуда. Венчик имеет утолщение, характерное для керамики Хвалынского могиль-

---

[1] Этим термином в данной работе объединены древнейшие ямные подкурганные захоронения Степного Заволжья по наиболее показательному и известному погребению (Бережновка I, кург. 5, погр. 22).

[2] По мнению с. н. с. ЛЧИЭ АН СССР А. В. Шевченко, ознакомившегося с находкой, это результат искусственной трепанации черепа, причем следы зарастания незначительны. По заключению руководителя отдела нейрохирургии Саратовского НИИ травматологии и ортопедии, профессора, доктора мед. наук Л. Я. Лившица, края отверстия начали зарастать и, следовательно, оперированный прожил после операции несколько месяцев.

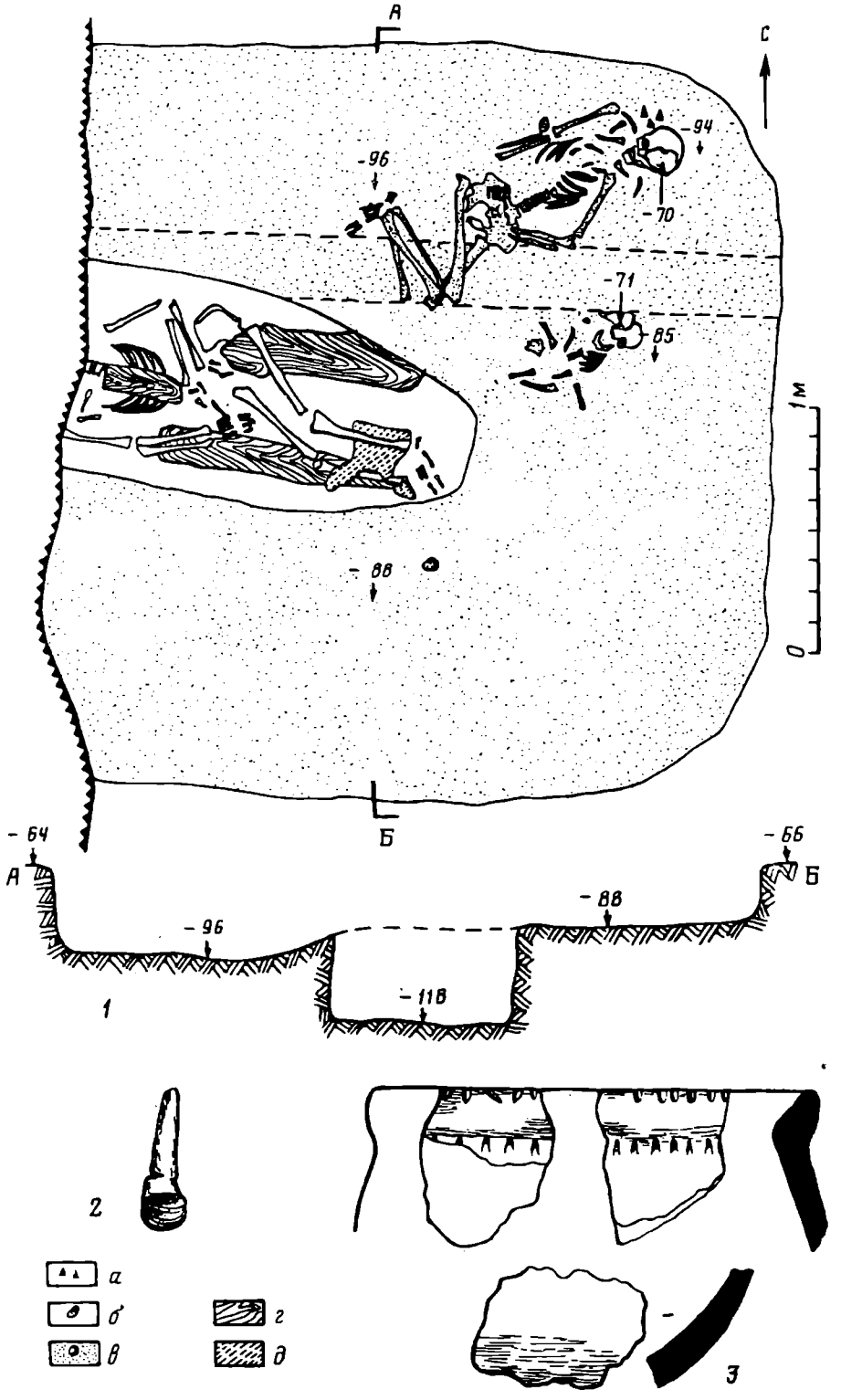


Рис. 1. *1* — Погребение 1 из кургана 1 в г. Энгельсе; *2* — зуб коровы; *3* — фрагменты сосуда; *а* — фрагменты сосуда; *б* — камень; *в* — охра; *г* — дерево; *д* — кожа

ника, и украшен оттисками аммонита, образующими волнистую линию. Кроме внешней поверхности сосуда орнамент покрывает срез венчика и его внутреннюю сторону (рис. 2, *1*). Единственное погребение, с которым можно связать данный фрагмент, — погр. 6. Могильная яма прямоугольной формы ориентирована длинной стороной по линии ЮЗ—СВ и имеет следующие размеры: длина 190, ширина 120, глубина в материке 25 см. Северо-западная часть могилы уничтожена рекой.

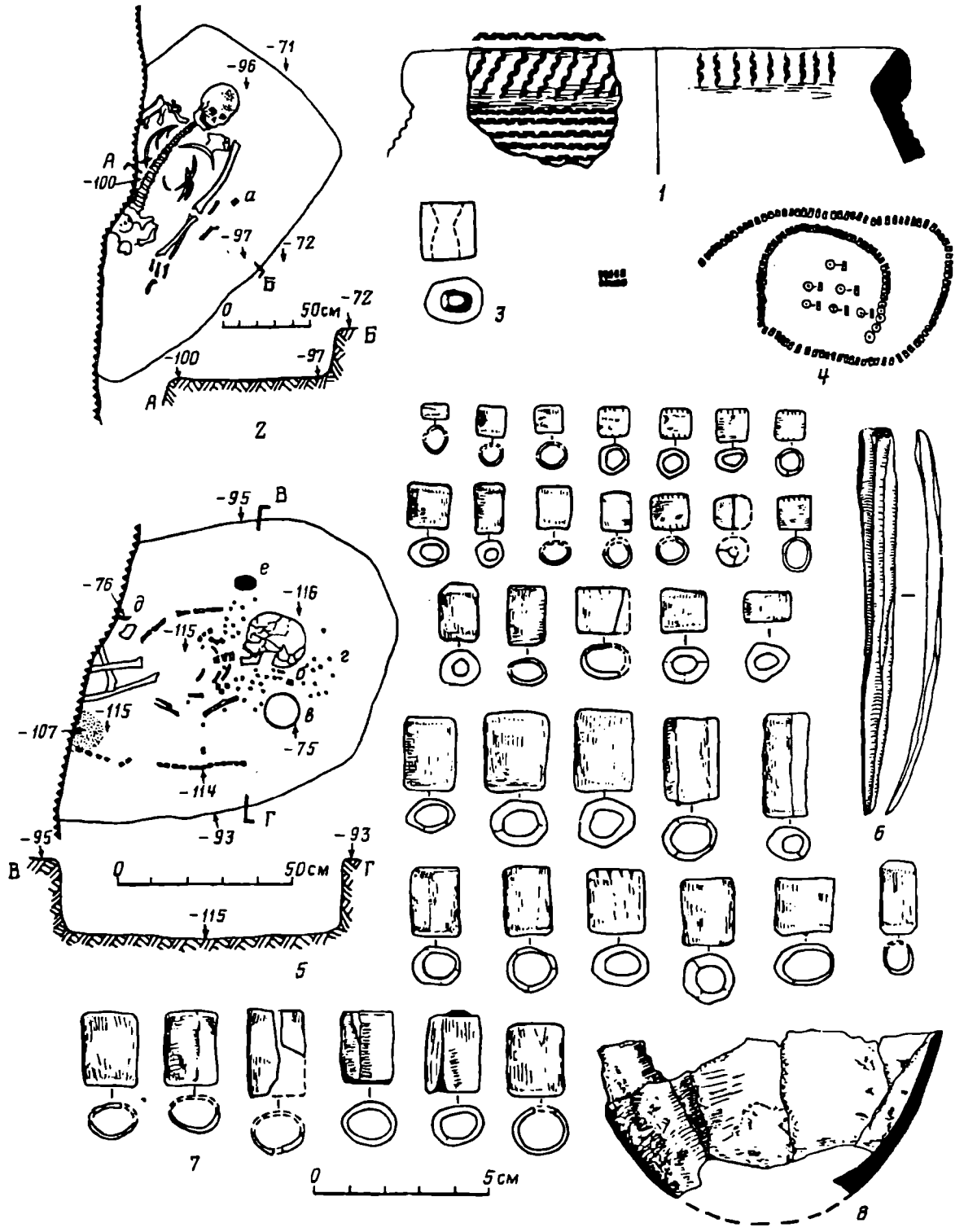


Рис. 2. Погребение 6 из кургана близ устья р. Тарлык (*1—3*) и погребение 16 из дюны у с. Новопривольное (*4—8*). *а* — костяные пронизки; *б* — два ряда бусин; *в* — сосуд; *г* — бусы из створки раковины; *д* — кремневый нож; *е* — комок чернозема

Погребенный лежал на спине, руки вытянуты вдоль туловища, череп немного повернут влево. На черепе заметны следы охры (рис. 2, *2*). Кости ног торчали из обрыва, но к началу раскопок не сохранились. Тем не менее их расположение и близость тазовых костей к юго-западному краю могильной ямы позволяют сделать вывод, что погребенный лежал в сильно скорченном положении. У плечевой кости левой руки обнаружена костяная пронизка (рис. 2, *3*).

В том же Ровенском р-не аналогичное погребение найдено при раскопках дюны

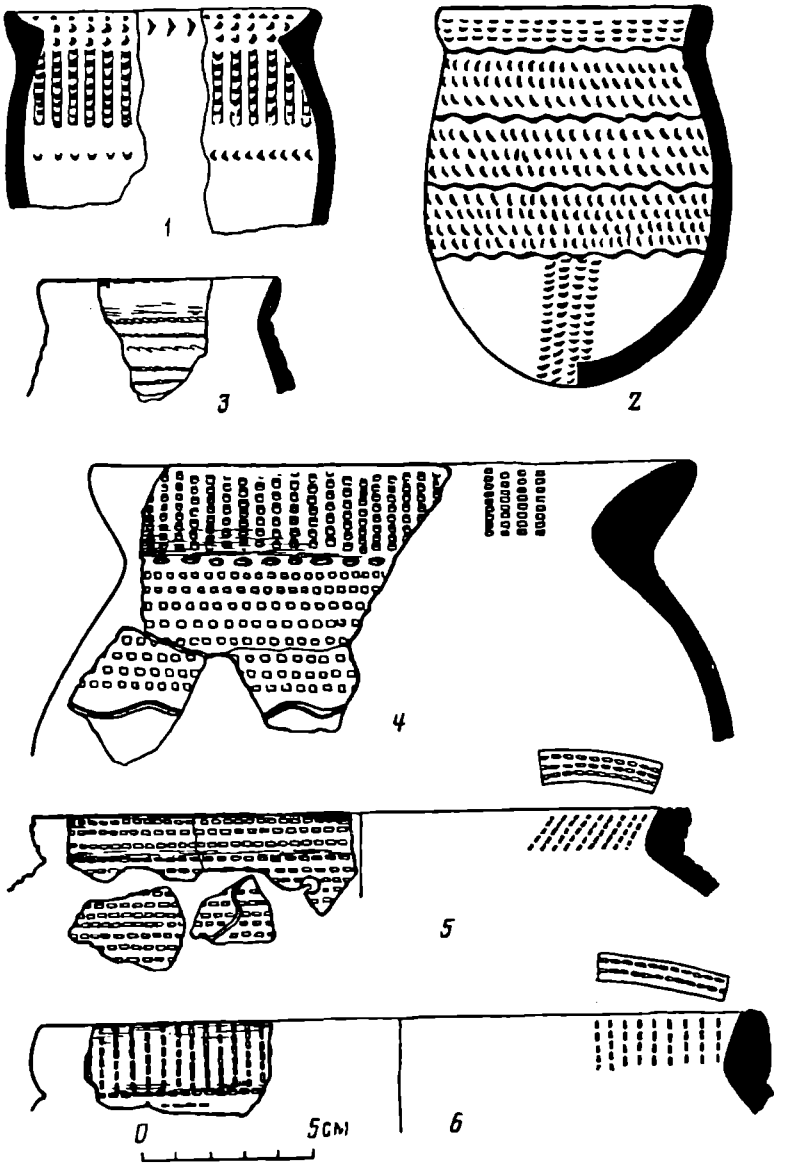


Рис. 3. Керамика ямно-бережновских памятников: *1* — Ровное, к. 3, п. 5; *2* — Бережновка I, к. 5, п. 22; *3, 5, 6* — энеолитический слой поселения Кумыска; *4* — Бережновка II, к. 9, п. 20 или 21

у с. Новопривольное. Здесь исследовано 24 погребения, одно относилось к ямной культуре (погр. 16),одно-к сарматской, остальные — к срубной. Погребение 16 было совершено в овальной могильной яме, ориентированной по линии ЮЗЗ—СВВ. В засыпи могилы, на глубине 75 см от современной поверхности, найден придонный фрагмент сосуда, лежавший вверх дном на подсыпке из охры. Края сосуда имели старый излом и пропитались охрой. Внешняя сторона пористая от сгоревшей растительной примеси, на внутренней заметны включения мелкотолченой раковины (рис. 2, *8*). На глубине 76 см от современной поверхности, почти по центру могильной ямы, также на подстилке из охры, лежала кремневая ножевидная пластина длиной 109 и шириной 11 мм (рис. 2, *6*). На глубине 114—116 см зачищен сильно скорченный скелет ребенка, лежащий черепом на СВВ. Сохранность костей плохая, но поза устанавливается полностью. Скелет лежал на спине, кисти рук находились на животе, ноги согнуты (рис. 2,*5*). Все дно могилы и скелет посыпаны охрой. Большой комок охры обнаружен у левой ноги, у правого плеча — слежавшийся комок чернозема, обильно посыпанный охрой. В районе черепа и под ним расчищено более 120 бусин диаметром 2, толщиной ~1 мм. Левее черепа зафиксировано скопление бусин, стоявших на ребре в два ряда (рис. 2, *4*). На груди скелета

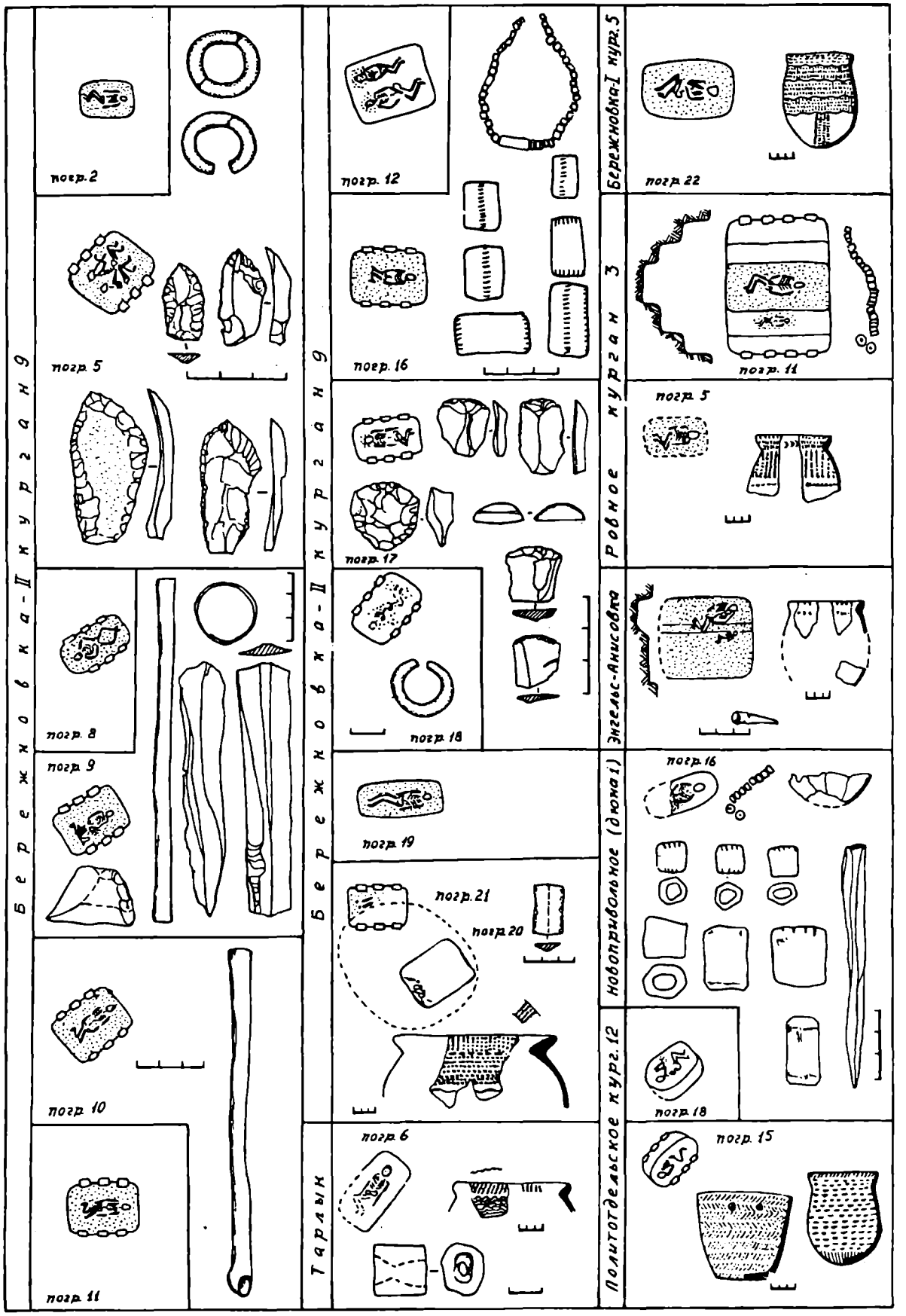


Рис. 4. Ямно-березжновские погребения Степного Заволжья

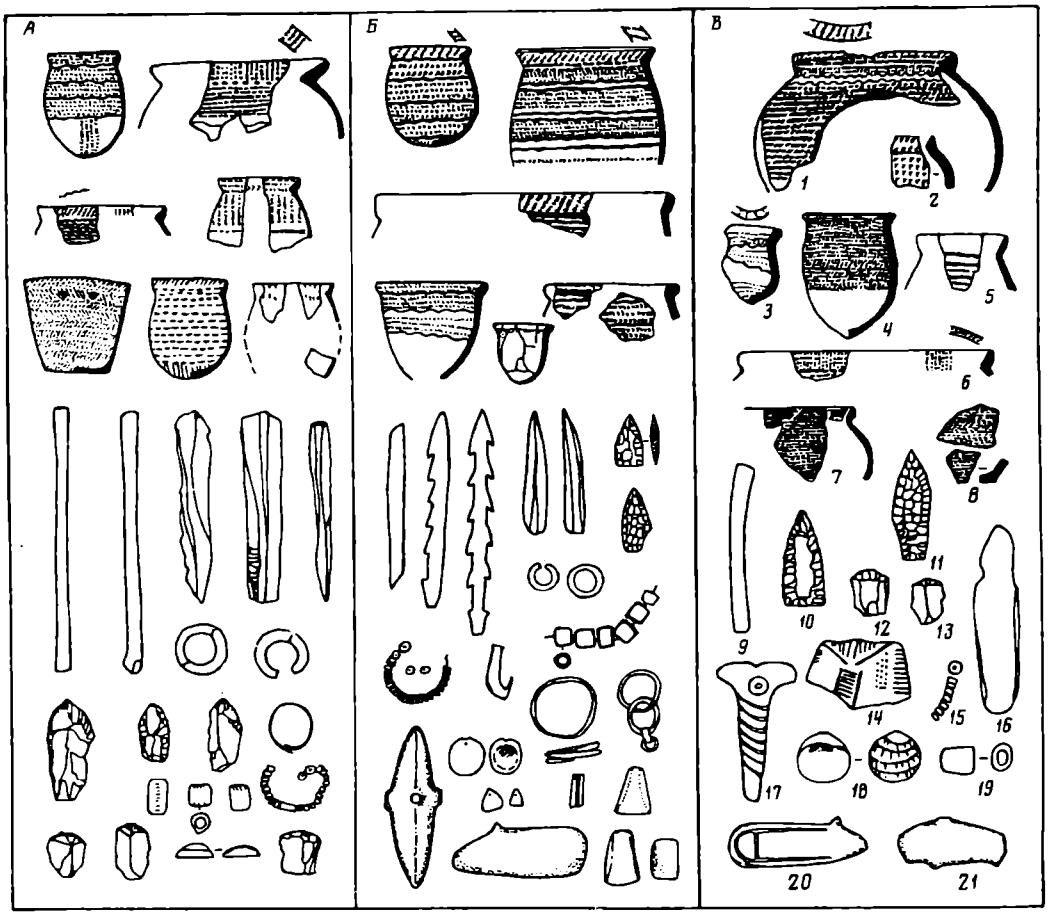


Рис. 5. Погребальный инвентарь ямно-бережновских захоронений (*А*), Хвалынского могильника (*Б*), материалы памятников Нижнего Поволжья (*В*, *1*, *2* — Кошалак; *3*, *4*, *14—21* — Хлопковский могильник; *5—13* — поселение Кумыска, энеолитический слой)

найдено два скопления мелких костяных пронизок диаметром 10—12 мм и длиной от 6 до 12 мм. Некоторые из них имеют короткие насечки по одному или двум краям. Слева от скелета зачищена длинная цепочка из костяных пронизок более крупных размеров: диаметр 12—18, длина 18—30 мм (рис. 2, *7*).

Все три названных выше погребения нельзя безоговорочно отнести к первому хронологическому периоду по общепризнанной схеме Н. Я. Мерперта. Но и среди погребений, проанализированных Н. Я. Мерпертом и отнесенных им к древнейшим, встречаются отклонения по отдельным признакам. Поэтому в данном случае в качестве основного показателя возраста этих трех погребений нами взят инвентарь. Как уже было сказано ранее, расширение набора погребального инвентаря эпохи энеолита в результате исследования грунтовых могильников позволяет теперь отнести к древнейшим ряд ямных погребений, известных по публикациям, но отнесенных к более поздним этапам существования этой культуры.

Среди древнейших ямных погребений с инвентарем наиболее известное — из Бережновки I, к. 5, п. 22 [10, с. 72, рис. 14, *3*], (рис. 3, *2*). Оно отнесено Н. Я. Мерпертом к первому варианту первой обрядовой группы, т. е. к группе древнейших в его схеме [1, с. 46]. В отличие от других погребений этой группы, руки погребенного не были вытянуты вдоль туловища. В этой же группе выделяется своей неординарностью одно из погребений Ровенского могильника — кург. 3, погр. 11 [11, с. 33, рис. 4, *4*] (рис. 4). Прямоугольная могильная яма имеет по две ступеньки вдоль длинных сторон. На дне могилы лежал скелет взрослого человека, головой на восток, скорченно на спине, руки положены на таз. К югу от него на нижней ступеньке обнаружен скелет ребенка в той же позе, вокруг шейных позвонков и на груди которого собрано около 100 бусин, изготовленных из створки раковины. В этом же

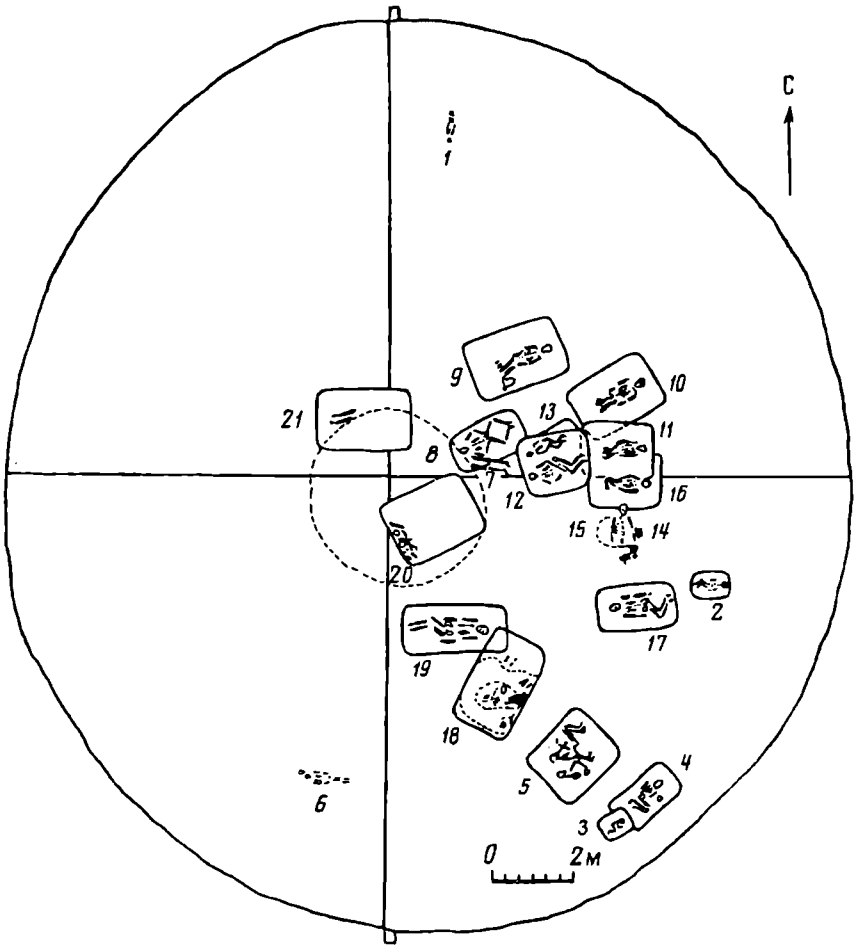


Рис. 6. План кургана 9 Бережновского II могильника

кургане, во впускном погребении 5, были обнаружены фрагменты сосуда (рис. 3, *1*), отнесенного И. В. Синицыным к раннесрубным (полтавкинским). Так как в публикации иллюстрация сосуда отсутствовала, в дальнейшем это погребение считалось позднеямным [1, с. 42, рис. 11]. Однако после исследования Хвалынского могильника и обнаружения целой серии сосудов с валикообразным утолщением венчика сосуд из погр. 5, кург. 3 Ровенского могильника можно сопоставить только с керамикой хвалынского типа (рис. 5). И. Б. Васильев также относит этот сосуд к кругу древнейших ямных [12, приложение 1, табл. 130, *4*]. Сосуд имеет сильно утолщенный венчик с внутренним ребром, орнаментирован наколами овальной и треугольной лопаточки, в тесте примесь толченой раковины. Погребение 5 совершено в насыпи кургана, скелет ребенка лежал на спине, головой на восток, кости и дно могилы посыпаны охрой. Фрагменты сосуда обнаружены к югу от скелета [11, с. 31, рис. 5]. Этот сосуд, близкий хвалынским, позволяет утверждать, что погребения 11 и 5 разделены небольшим отрезком времени и относятся к одному хронологическому периоду.

Принципиальное значение для рассматриваемой проблемы имеет курган 9 Бережновского II могильника, так как инвентарь, встреченный в нем, можно сопоставить с хвалынским. Курган содержал 13 погребений ямной культуры, отнесенных Н. Я. Мерпертом к различным обрядовым группам и хронологическим горизонтам [1, с. 108, рис. 11]. Два из них, в том числе основное, были разрушены грабительской ямой, в заполнении которой найдены фрагменты сосуда (рис. 3, *4*) [13, с. 11], аналогичного самой характерной керамике Хвалынского могильника и по форме, и по орнаменту [3]. Несколько погребений с восточной ориентировкой определены Н.

[3] И. Б. Васильев также сопоставляет этот сосуд с хвалынским [5, с. 108, табл. 23, 9].

Я. Мерпертом как древнейшие [1, с. 38]. Погребение 11, которое перекрывает одновременно погребения 16 и 10 (рис. 6), он не относит к первому хронологическому горизонту, поскольку погребение 10 входит в третью обрядовую группу и второй хронологический горизонт. Этот случай позволил Н. Я. Мерперту сделать вывод о длительном существовании первого варианта первой обрядовой группы на протяжении первого и второго этапов ямной культуры [1, с. 39]. Иными словами, погребение 11 является наиболее поздним среди первого варианта первой обрядовой группы. Но с таким же основанием можно утверждать, что данный факт обратной стратиграфии указывает на раннее время погребения 10, несмотря на то что оно относится к третьей обрядовой группе.

Захоронение 10, очевидно, отделено небольшим временны́м отрезком от погребения 9, совершенного по аналогичному обряду. Инвентарь этих погребений кремневые ножи, трубочки-«флейты», височные подвески из чистой меди, бусы из створок раковины, костяные пронизки — находит аналогии в Хвалынском и Хлопковском могильниках (рис. 5).

В этом же кургане еще три погребения (5, 17, 18) имели инвентарь. Погребение 17 совершено в овальной могильной яме. Скелет лежал на спине, скорченно, черепом на ЮЗЗ. В могиле найдено шесть изделий из кремня, в том числе сегмент (рис. 4), что позволило В. Н. Даниленко отнести это погребение к древнейшему (квитянскому) периоду развития древнеямной культуры [3, с. 61]. Погребение 18 разрушено, но, судя по сохранившимся костям, скелет лежал на спине скорченно, черепом на ЮЗ. В этой могиле найдено каменное кольцо, подобное находкам в Хвалынском могильнике, но меньшего диаметра. Такое же кольцо и кремневые изделия найдены в погребении 5 из этого кургана, где два скелета, оба с трепанированными черепами, ориентированными на ЮЗ, лежали на левом боку.

Все перечисленные захоронения из этого кургана увязываются по инвентарю в единый комплекс, а по обряду делятся на две группы с ориентировкой на В—СВ и З—ЮЗ. Еще девять погребений ямной культуры не имели инвентаря, но также были ориентированы на В—СВ или на З—ЮЗ. Все ямные погребения этого кургана совершены в материке. Они объединяются еще и такими признаками, как обильная посыпка охрой и наличие перекрытия. Кроме того, в трех могилах (5, 9, 18), относящихся к трем разным обрядовым группам, по Н. Я. Мерперту, так же как и в заполнении грабительской ямы над основным и 20-м погребениями, были найдены кости сайгака.

В связи с этим представляется возможным все захоронения ямной культуры кургана рассматривать как единый комплекс и к числу древнейших относить не только погребения с восточной ориентировкой (первая обрядовая группа, по Н. Я. Мерперту), но и захоронения с северо-восточной (III группа) и юго-западной (VI группа) ориентировками.

Все это позволяет сделать вывод, что взаимосвязь между обрядовыми и хронологическими группами не является жестко детерминированной и выступает только в качестве ведущей тенденции с возможными отклонениями как в сторону омоложения погребений, на что неоднократно указывал Н. Я. Мерперт [1, с. 43, 51], так и в сторону их удревнения.

Вывод о возможности одновременного существования нескольких погребальных обрядов подтверждается не только приведенными фактами, но и новыми антропологическими исследованиями. Например, А. В. Шевченко считает неоправданной абсолютизацию стратиграфических отношений основного и впускных погребений внутри кургана. «Результаты палеодемографического и антропологического анализов материалов древнеямной культуры Калмыкии побуждают нас вернуться к почти изжитым представлениям о кургане одной культуры как о замкнутом комплексе» [14, с. 137]. Это подтверждается и этнографическими данными, которые свидетельствуют, что обряд захоронения зависит от социального положения погребенного, его возраста, обстоятельств смерти и многих других факторов [15, с. 74—75]. Таким образом, сделанное выше предположение об одновременности ямных погребений в кургане 9 Бережновского II могильника не противоречит современным представлениям о древнеямной культуре как в археологическом плане, так и по данным палеоантропологии и этнографии.

Сравнение погребений этого кургана с Хвалынским могильником позволяет подчеркнуть возможность одновременного существования различных погребальных обрядов. В Хвалынском могильнике отмечаются не только разнобой в ориентировках, но и различные позы погребенных (в том числе скорченно на левом боку) [9, с. 5]. Поэтому сейчас не выглядит невероятной принадлежность погр. 5 из Бережновки II кургана 9 к древнейшим ямным, где погребенные лежали на левом боку с ЮЗ ориентировкой. Подобные факты широко известны среди энеолитических курганных захоронений степной зоны [16, с. 67—71].В Степном Заволжье захоронение с ЮЗ ориентировкой, скорченно на левом боку и с энеолитической посудой было встречено в Политотдельском, кург. 12, погр. 15 (рис. 4). Оно совершено в овальной могильной яме со ступеньками и сопровождалось двумя сосудами [17, с. 267]. Автор раскопок К. Ф. Смирнов отнес это захоронение к полтавкинскому времени, а вслед за ним — и другие исследователи. Однако В. Н. Даниленко, И. Б. Васильев, О. Г. Шапошникова, А. Т. Синюк обоснованно считают керамику этого захоронения энеолитической [5, с. 23]. В настоящее время можно сказать, что не только инвентарь, но и обряд погребения из Политотдельского не является исключением для энеолитических курганных захоронений. О позе и ориентировке говорилось выше, а могилы со ступеньками встречены в Ровном (кург. 3, погр. II) и в Энгельс — Анисовке. Погребение 15 из кургана 12 в Политотдельском было впускным, следовательно, основное захоронение 18, совершенное по аналогичному обряду, не может относиться к более позднему времени.

Таким образом, в настоящий момент в Степном Заволжье выделяется 20 ямно-бережновских захоронений из 6 курганов и одно дюнное: Бережновка I, к. 5, п. 22; Бережновка II, к. 9, п. 2, 5, 8—12, 16—21; Ровное, к. 3, п. 5, 11; Энгельс — Анисовка, п. 1; Тарлык, к. 1, п. 6; Политотдельское, к. 12, п. 15, 18 и Новопривольное, п. 16.

Следует отметить нестабильность погребального обряда ямно-бережновских захоронений. Ориентировка тяготеет к СВ или ЮЗ секторам, руки вытянуты или лежат кистями на тазовых костях. Все погребения обильно посыпаны охрой, но в трех случаях охра зафиксирована только на черепе. Четыре взрослых захоронения сопровождались погребениями детей или подростков, причем в двух случаях дети лежали на ступеньках могильной ямы. Ступеньки отмечены в четырех могилах, что свидетельствует об их появлении уже в древнейших погребениях ямной культуры, задолго до распространения могил с такой конструкцией у катакомбных племен. По форме преобладают прямоугольные могилы, но есть и овальные. Глубина и величина могил нестабильны, следы перекрытия зафиксированы не везде. Наряду с основными могилами в курганах есть и впускные.

При сравнении погребального обряда ямно-бережновских захоронений с Хвалынским и Хлопковскими могильниками обнаруживается совпадение по многим чертам. Погребенные лежали скорченно, с вытянутыми или сложенными на животе руками. Ориентировки грунтовых захоронений, как и подкурганных, неустойчивы, но преобладает северо-восточное направление. Имеются погребения, обильно посыпанные охрой, но встречаются и неокрашенные. В грунтовых могильниках, как и в курганах, могилы имели овальную и подпрямоугольную форму [4, с. 42, рис. 3; 7, с. 85—89, рис. 1—6].

Наиболее характерной категорией инвентаря названных выше памятников является керамика. Находки сосудов из заволжских подкурганных захоронений немногочисленны, но и по форме, и по орнаменту они близки керамике Хвалынского и Хлопковского могильников. Сосуды имеют венчики с характерным валикообразным утолщением, округлое тулово и, судя по двум экземплярам, круглое дно (рис. 4). Орнамент выполнен наколами, насечками, оттисками зубчатого штампа и створки раковины. Орнаментальные композиции чаще всего составлены из рядов горизонтальных линий по тулову и вертикальных или наклонных — по венчику. Орнамент покрывает срез венчика и его внутреннюю сторону. Подобно хвалынской керамике, в двух случаях орнаментальные зоны разделяются волнистыми прочерченными линиями. Тесто глины в изломе черное, с обильной примесью толченой раковины.

Самой массовой категорией находок являются мелкие круглые бусы из раковины. В Степном Заволжье бусы встречены в Ровном, к. 5, п. 11; Новопривольном, п. 16; Бе-

режновке II, к. 9, п. 16. Подобные бусы широко распространены в энеолитических памятниках Восточной Европы, в том числе и на могильниках хвалынского типа (рис. 5). Костяные пронизки, найденные в Бережновке, к. 9, п. 16, в Новопривольном, п. 16, в кургане Тарлык, п. 6, и длинные трубочки из полой кости — «флейты» из Бережновки II, к. 9, п. 9 и 10, также имеют аналогии в памятниках энеолита хвалынского круга [5, табл. 20] (рис. 5). И. Б. Васильев обратил внимание также на аналогии кремневым ножам и медным височным подвескам из Бережновки II, к. 9, п. 9, в Хвалынском могильнике и синхронных ему памятниках [5, с. 44]. Приведенные выше аналогии показывают, что инвентарь ямно-бережновских погребений по всем категориям совпадает с материалами Хвалынского и Хлопковского могильников.

Учитывая аналогии в обряде и совпадение категорий инвентаря, включая керамику (следует только отметить, что в грунтовых погребениях количество категорий погребального инвентаря значительно шире), можно говорить о хронологической близости погребений ямно-бережновского типа с захоронениями Хвалынского и Хлопковского энеолитических могильников. Такое совпадение нельзя объяснить случайностью или культурными реминисценциями. При синхронизации Хвалынского могильника со среднестоговской культурой И. Б. Васильев провел аналогии по погребальному инвентарю, за исключением керамики, и обряду захоронения. Указывая на различия в керамике Хвалынского могильника и среднестоговских памятников, он сделал вывод об их синхронности, но разнокультурности в пределах единой хвалынско-среднестоговской общности [5, с. 31, 32]. Между хвалынскими и ямно-бережновскими погребениями прослеживается единство как в обряде захоронения, так и по всем категориям инвентаря, включая керамику, что позволяет сделать вывод не только об их хронологической, но и культурной близости.

Синхронизация ямно-бережновских погребений с культурами соседних территорий облегчается наличием хорошо разработанной системы хронологии Хвалынского могильника. Следует только отметить противоречие: с одной стороны, Хвалынский могильник на западе синхронизируется с первым, дошнуровым этапом среднестоговской культуры [5, с. 48, 49], т. е. датируется второй половиной IV тыс. до н. э.; с другой стороны, в Поволжье и Приуралье он синхронизируется со вторым этапом самарской культуры, где известно совместное залегание хвалынской и самарской посуды со шнуровой орнаментацией [18, с. 63, 64, рис. 11, *1—4*]. И все это при существующих ныне представлениях об одновременности появления шнура на керамике восточноевропейской степи [5, с. 48, 49].

На керамике самого Хвалынского могильника шнуровой орнамент не встречен. Однако следует указать, что типично хвалынский по форме фрагмент сосуда, украшенный оттисками ложного шнура, имеется в коллекции со стоянки Царица I в Волгограде [19, рис. 6, *5*]. В погребении 1 Хлопковского могильника найден фрагмент керамики с оттисками шнура, правда, его принадлежность к могильнику не доказана [7, с. 84, 85, рис. 4, *3*]. Сосуд хвалынского типа, украшенный ложношнуровым орнаментом, происходит из Кошалака в Северном Прикаспии [20, с. 101, рис. 7, *1*].

В Заволжье керамика, орнаментированная шнуром, в сочетании с хвалынской встречена на многослойном, но хорошо стратифицированном поселении Кумыска (рис. 3, *3*, *5*, *6*). Керамический комплекс энеолитического слоя этого памятника кроме хвалынской содержит воротничковую посуду, близкую керамике самарской культуры второго этапа. Несколько сосудов имеют сходство с константиновской керамикой и могут быть синхронизированы с VI слоем Раздорского поселения на Нижнем Дону, относящимся к первому этапу константиновской культуры [21, с. 77, 79, рис. 2].

Приведенные выше факты показывают, что по крайней мере на некоторых памятниках вместе с хвалынской керамикой имеется посуда, орнаментированная шнуром и ложным шнуром. Наличие хвалынской керамики указывает на хронологическую близость этих памятников к Хвалынскому могильнику. С другой стороны, сочетание шнурового орнамента с элементами сходства части сосудов поселения Кумыска с керамикой константиновской культуры также может указывать на относительно позднее время ямно-бережновских памятников. Это несоответствие может быть устранено либо признанием более раннего времени появления шнуровой орна-

ментации, чем принято сейчас считать, либо признанием более длительного существования памятников с хвалынской керамикой (до рубежа IV—III тыс. до н. э.).

На более раннее время появления шнурового орнамента в степной зоне Восточной Европы могут указывать несколько фактов. Верхняя граница среднестоговской культуры определяется появлением памятников майкопской культуры [22, с. 126, 127], начало которой отодвигается сейчас некоторыми исследователями к середине IV тыс. до н. э. [23, с. 39—56; 24, с. 86]. В этом случае не выглядят столь неожиданными ранняя дата радиоуглеродного анализа для Дереивки, удревняющая среднестоговскую культуру на тысячу лет [25, с. 309, 310], и находка на Константиновском поселении обломка скипетра, однотипного с архаринским и хвалынским [26, с. 25, 26].

Тем не менее Хвалынский могильник в настоящее время является наиболее надежным хронологическим репером для древнейших подкурганных захоронений и датируется первой половиной IV тыс. до н. э. серией некалиброванных радиоуглеродных дат (4050—3750 гг. до н. э.), зооморфным скипетром и металлом балканского происхождения, который не мог попасть на территорию степной Евразии позднее середины IV тыс. до н. э. [9, с. 15]. На хронологическую близость подкурганных и бескурганных энеолитических могильников указывает наличие аналогичных скипетров в погребении ямной культуры в Архаринском кургане в Калмыкии [27, с. 10, 11, 93, 94, табл. 34, *2*] и Хлопковском могильнике [28, с. 189]. Подобный скипетр известен на трипольском поселении Верхние Жоры I в Молдавии, относящемся к этапу В I [29, с. 105, 106], который датируется серией радиокарбонных и археомагнитных дат 3500—3300 гг. до н. э. [30, с. 16, 17].

Вероятность ранней датировки ямно-бережновских погребений увеличивается, если подтвердится балканское происхождение меди, из которой сделано кольцо из погребения Бережновка II, к. 9, п. 9. По мнению Е. Н. Черных, химический состав этого кольца может указывать на его происхождение из Трансильвании, но для окончательного вывода требуется более тщательное сопоставление [4]. Учитывая уникальность находок балканской меди в курганах (курган Веселая Роща [31, с. 173, 174]) и ее распространение в энеолитических грунтовых могильниках, можно предположить, что строительство курганов начинается в период затухания и прекращения функционирования балканского металлургического очага, в то время как Хвалынский могильник относится к периоду его расцвета.

Таким образом, если для самого Хвалынского могильника приемлема синхронизация с Трипольем А и датировка только первой половиной IV тыс. до н. э., то для других памятников с хвалынской керамикой, в том числе для Хлопковского могильника, где металл не встречен, и для ямно-бережновских захоронений в настоящее время более вероятна синхронизация с Трипольем АВ I и датировка 3700—3300 гг. до н. э. Сближение датировок Хвалынского могильника и ямно-бережновских погребений позволяет заполнить хронологический разрыв между бескурганными могильниками и подкурганными ямными захоронениями. Правда, это становится возможным только при использовании некалиброванных датировок. Если же опираться на калиброванные даты, то ямная культура либо окажется растянутой во времени еще на 800 лет, либо образуется разрыв между древнейшими подкурганными и классическими ямными погребениями.

Подводя итоги, отметим следующее: 1) выделенные ямно-бережновские погребения генетически связаны с ямной культурой и отражают процесс ее формирования; 2) погребальный обряд ямно-бережновских памятников неустойчив, ни один из обрядовых признаков не является обязательным и не может служить надежным индикатором этого периода [5]; 3) курганная стратиграфия не всегда указывает на

---

[4] Выражаем благодарность Е. Н. Черных за оказанную консультацию.

[5] Уже в это время появляются черты, получившие широкое распространение значительно позже — на памятниках катакомбных культур. Кроме таких общих элементов для ямных и катакомбных памятников, как сооружение кургана, могил прямоугольной и овальной форм, посыпка погребенных охрой, скорченность костяков и использование украшений из костяных трубочек, в древнейших захоронениях отмечаются и такие «специфические» катакомбные признаки, как ямы со ступеньками, неустойчивость ориентировок, скорченность на боку. Трепанация, отмеченная на трех черепах ямно-бережновских захоронений, известна и в катакомбное время [31, с. 163—170].

значительный хронологический разрыв между стритифицированными комплексами, а взаимосвязь обрядовых и хронологических групп погребений ямной культуры не является жестко детерминированной. Поэтому основная роль при решении вопросов относительной хронологии в данном случае отводится инвентарю; 4) инвентарь ямно-бережновских погребений позволяет датировать их временем, близким Хвалынскому могильнику, и наметить время их существования в пределах 3700—3300 гг. до н. э. по шкале некалиброванных дат. Появление древнейших курганных насыпей Степного Заволжья, следовательно, можно относить не позже чем к середине IV тыс. до н. э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
2. *Фисенко В. А.* Племена ямной культуры Юго-Востока. Саратов: Изд-во СГУ, 1970.
3. *Даниленко В. Н.* Энеолит Украины. Киев: Наук. думка, 1974.
4. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы//Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1979.
5. *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1981.
6. *Васильев И. Б., Синюк А. Т.* Энеолит Восточно-Европейской лесостепи (вопросы происхождения и периодизации культур). Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1985.
7. *Малов Н. М.* Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья (по материалам раскопок 1977—1978 гг.)//Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1982.
8. Энеолит СССР. М.: Наука, 1982.
9. *Пестрикова В. И.* Хвалынский энеолитический могильник как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1987.
10. *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953 гг.)//Памятники Нижнего Поволжья//МИА. 1959. № 60.
11. *Синицын И. В.* Древние памятники Саратовского Заволжья//Археологический сборник. Саратов: Изд-во СГУ, 1966.
12. *Васильев И. Б.* Лесостепь Поволжья в эпоху энеолита и ранней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. М., 1979//Архив ИА АН СССР. Р-2. № 2252.
13. *Синицын И. В.* Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.//МИА. 1960. № 78.
14. *Шевченко А. В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы//Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986.
15. *Бунатян Е. П.* Методика социальных реконструкций в археологии (на материале скифских могильников IV—III вв. до н. э.). Киев: Наук. думка, 1985.
16. *Рассамакин Ю. А.* Проблемы изучения энеолитических погребений степного Приазовья//Проблемы археологии степной Евразии. Тез. докл. Кемерово: Изд-во КемГУ, 1987.
17. *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области//МИА. 1959. № 60.
18. *Моргунова Н. Л.* Турганикская стоянка и некоторые проблемы самарской культуры//Эпоха меди юга Восточной Европы. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1984.
19. *Еремин В. И.* Отчет о работе Волгоградского отряда степной неолитической экспедиции ИА АН СССР в 1975 году//Архив ИА АН СССР. Р-1. № 5861.
20. *Дубягин П. С. и др.* Новые материалы неолита — бронзы из Северного Прикаспия//Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев: Изд-во КГПИ, 1982.
21. *Кияшко В. А.* Многослойное поселение Раздорское I на Нижнем Дону//КСИА. 1987. № 192.
22. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ: Наук. думка, 1973.
23. *Андреева М. В.* К вопросу о южных связях майкопской культуры//СА. 1977. № 1.
24. *Глонти Л. И., Джавахишвили А. И.* Новые данные о многослойном памятнике эпохи энеолита — поздней бронзы в Шида Картли — Бериклдееби//КСИА. 1987. № 192.
25. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев: Наук. думка, 1985.
26. *Цуцкин Е. В.* Архаринский «скипетр» как свидетельство разложения первобытного строя на территории Нижнего Поволжья//Археологические памятники Калмыкии эпохи бронзы и средневековья. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1981.
27. *Синицын И. В., Эрдниев У. Э.* Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962—1963 гг.). Вып. II. Элиста: Калмыцкое кн. изд-во, 1966.
28. *Малов Н. М.* Раскопки поселений на Волге//АО-1985. М., 1989.
29. *Яровой Е. В.* Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинев: Штиинца, 1985.
30. *Телегін Д. Я.* Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури//Археологія. 1985. № 52.
31. *Романовская М. А.* Об одном погребении эпохи ранней бронзы//Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.
31. *Данилова Е. Н., Корпусова В. Н.* Катакомбное погребение с трепанированным черепом в Крыму//СА. 1981. № 1.

Саратовский государственный
университет

I. I. DREMOV, A. I. YUDIN

THE MOST ANCIENT KURGAN BURIALS OF STEPPE TRANS-VOLGA

Summary

The article is cincerned the most ancient group of kurgan burials dating to Eneolithic time. These burials are named as the burials of Yamno-Berezhnovsky type (from Berezhnovka village). The group includes new materials and some known sites with implements analogous ones of Khvalinsky and Khlopkovsky Eneolithic cemeteries. Yamno-Berezhnovsky type of burials includes 21 burials. The burial rite is not stable and the stratigraphy of mounds don't indicate on the long chronological break of the burials. The connection of the chronological and ritual groups is not determined. That's why the relative chronology of burials makes on the foundation of burial implements. All these burials are connected with Yamnaya culture and reflect the formation process of this culture. The burials are dated beetween 3700--3300 B. C. according to uncalibred dating scale. Therefore the appearence of the most ancient mound in Steppe Trans-Volga may be dated not later than to the middle of IV mil. B. C.

И. А. ЕМЕЦ, А. А. МАСЛЕННИКОВ

НОВЫЕ ДАННЫЕ О РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АНТИЧНОГО БОСПОРА

Религиозные представления населения позднеантичных сельских поселений Боспора до сих пор не привлекали достаточного внимания исследователей в связи с нехваткой фактических данных для их реконструкции. Новые материалы, полученные за последние годы главным образом при раскопках поселений на побережье Азовского моря, позволяют в известной мере заполнить этот пробел. Речь прежде всего идет о культовых захоронениях животных с сопутствующим инвентарем, совершенных внутри жилых помещений, что, вероятно, указывает на их принадлежность к кругу домашних жертвенников.

Среди них предварительно можно выделить три типа.

К первому относятся жертвенники, устроенные в нишах стен, выявленные на поселениях Генеральское — Восточное [1, с. 52—53], Зеленый Мыс и в бухте у Золотого Восточного I в помещениях, датированных IV—VI вв. н. э.

Ниши делались у основания стен и отгораживались плоским камнем. На пол или специальную плиту насыпался слой раковин морского гребешка, в котором устраивалось жертвенное захоронение. На поселении Генеральское — Восточное это была маленькая собака, на Зеленом Мысу — кости и зубы различных животных (овцы — барана, козы, лошади, коровы). Вместе с костями находился практически везде повторявшийся набор предметов — небольшие открытые и закрытые лепные сосуды и светильники (лепной сероглиняный горшочек, чашка и закрытый, также лепной светильник; аналогичные горшочек, мисочка и светильник на высокой ножке). Сверху все это засыпалось слоем золы.

Некоторое исключение представляет последний случай. В нише, устроенной во внутреннем фасе восточной стены помещения и закрытой каменной плитой, лежал на подсыпке из морских раковин большой фрагмент стенки амфоры, а на нем остатки передней части туши, включая череп, козленка, птичья косточка и фрагменты лепного сосуда. Слой золы при этом отсутствовал.

Кроме того, в золе жертвенника на Зеленом Мысу найдено семь медных боспорских монет Фофорса и Рескупорида VI. Еще четыре обнаружены рядом — видимо, высыпались из ниши.

Второй тип составляют сооружения в виде каменных ларей, открытые при раскопках поселения на мысе Зюк. Один из них, размером 0,40×0,52 м, высотой 0,26 м, закрытый сверху каменной плитой, был устроен на большом плоском камне в северо-западном углу помещения. В нем, в слое золы, глины и морских раковин, лежали кости черепа и ребра собаки (?), маленькая сероглиняная плошка (светильник) и такой же лепной горшочек (рис. 1).

В соседнем помещении, между печами, имелся еще один подобный ларь (размером 0,3×0,8 м, высотой 0,23 м). Как и предыдущий, он был сооружен из больших плоских камней и закрывался сверху крышкой. Внутри, в слое песка, золы и морских раковин лежали несколько костей и череп собаки (?), кости осетровых рыб, а также лепной сероглиняный горшок и краснолаковый светильник, относящийся ко времени не ранее III—IV вв. н. э.

© И. А. Емец, А. А. Масленников, 1992 г.

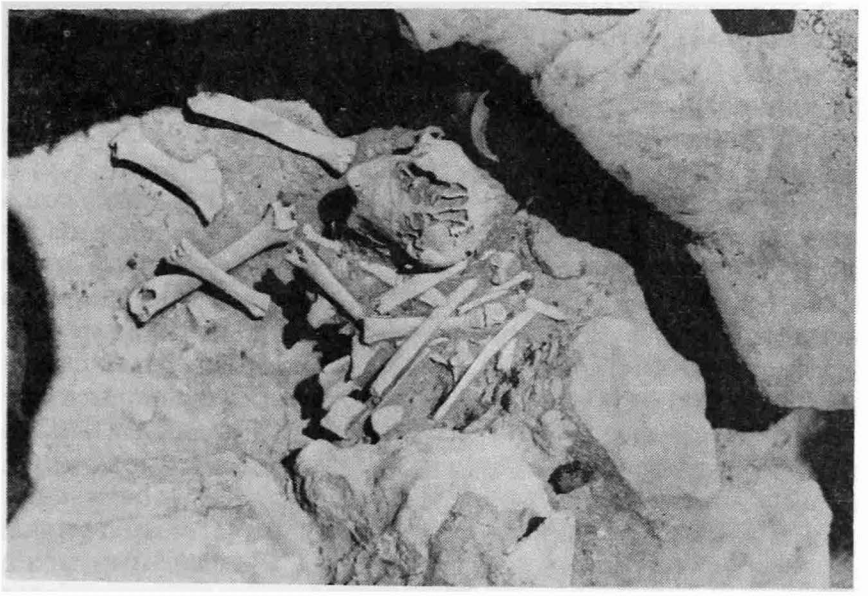


Рис. 1. Захоронение животного на мысе Зюк

К слою IV—VI вв. следует отнести остатки захоронения поросенка или собаки (кости очень плохой сохранности), выявленные на этом же поселении внутри помещения. По-видимому, захоронение было совершено в маленьком ящике из плоских камней, разрушенном еще в древности. От него сохранилась только одна стенка — плита размером 0,27×0,15×0,06 м и слой мелких раковин морского гребешка толщиной 0,08—0,09 м, перемешанных с золой. В этом слое вместе с костями животного лежали лепные сероглиняный горшочек и закрытый маленький светильник на высокой ножке, часть которого была отбита и утрачена.

В северо-западной части другого помещения, под выступом скалы, были расчищены остатки еще одного жертвенника. На плоском выходе материковой скалы, в подсыпке из раковин морского гребешка и золы, найдены отдельные кости скелета маленькой собаки и несколько косточек овцы. Возле черепа собаки стояли раздавленный лепной сероглиняный горшочек, обломок небольшой лепной чашки (тарелки?), часть лепного светильника на ножке, железная пряжка (?) и грубо обработанная кость (лопатка) коровы или лошади. Вероятно, первоначально все это было окружено каменной оградкой в виде ларя, которая не сохранилась.

Два захоронения животных в ларях известны и на поселении Салачик, также в слое конца IV—VI вв. н. э. Один жертвенник размером 0,4×0,3 м, высотой 0,43 м, сложенный из плоских плит, располагался в северо-западном углу помещения. Его заполнение состояло из темного золистого рыхлого грунта и ракушек морского гребешка. В нем найдены кости поросенка, чешуйки и косточки осетровых рыб, лепной одноручный горшочек, лепной светильник на круглой высокой ножке с тремя подставками и лепной светильник-плошка, также на круглой ножке. Второй жертвенник сохранился хуже. Уцелело два плоских камня, между которыми, в золистом грунте, лежали большой ладьевидный светильник, сероглиняный кувшинчик, большое пирамидальное керамическое грузило с защепами и отпечатком ключа, два маленьких грузила и обгорелая медная монета Рескупорида VI (323 г. н. э.).

В третий тип выделяются захоронения животных в ямах. Так, на поселении Зеленый Мыс, у развала стены, во внутренней части помещения, была расчищена небольшая ямка диаметром 0,20—0,25 м, обложенная камнями. В ней, в рыхлом серо-коричневом грунте, на глубине 0,30 м, найдены несколько костей какого-то животного (собаки или свиньи) и набор лепной посуды: горшочек, мисочка и оригинальный светильник на высокой ножке с тремя конусовидными штырьками в чашке, один из которых частично отбит (рис. 2). На основании находок в слое жертвенник датируется III—VI вв. н. э.

Рис. 2. Культовый сосуд с пос. Зеленый Мыс

На поселении Салачик в слое IV—VI вв. в восточном углу помещения была раскопана еще одна овальная (0,4×0,47 м) яма-жертвенник, частично разрушенная поздней ямой. Слегка расширяясь ко дну, она имела глубину 0,8 м. Горловина ее была обложена камнями. Заполнение ямы на три четверти состояло из раковин морского гребешка, присыпанных сверху серым золистым грунтом. Внизу, у дна, найден фрагмент большой краснолаковой чаши, украшенной орнаментом в стиле barbatin и часть сероглиняной лощеной чашки с прямым бортиком. Несколько выше их-лепной сероглиняный светильник на ножке, лепной горшочек с ручкой, часть другого лепного сероглиняного светильника, а также кости козленка.

Не вполне ясно, как оказалась в печи часть скелета собаки (мыс Зюк, слой второй половины III—VI вв. н. э.). Там же в слое золы и глины найдена почти целая светлоглиняная узкогорлая амфора II—III вв. н. э., [2, табл. XXXVII, *91*] и медная монета плохой сохранности.

Естественно, что деление жертвенников на предложенные типы в достаточной мере условно. Гораздо более существенными представляются их общие черты. Так, захоронения животных, как правило, расположены по углам помещений. В большинстве случаев выявлены не целые скелеты, а кости черепа и ребра. Остатки животных лежали на подсыпке из морских раковин, и сверху они перекрыты слоем золы и глины. Обычно присутствует уже упоминавшийся набор лепной сероглиняной посуды (в ряде случаев отдельные предметы могли не сохраниться). Иногда в заполнении встречаются фрагменты амфор, краснолаковые светильники и чашки, медные монеты боспорских правителей, кости осетровых рыб. Кости животных принадлежат собакам, крупному и мелкому рогатому скоту.

Можно также отметить захоронение двух кур вместе со стеклянной бусиной внутри каменного ларя в северо-западном углу помещения на поселении у дер. Семеновка в слое III в. н. э. [3, с. 44].

Подобные жертвенники встречены не только на сельских поселениях. Захоронение животных в нише стены обнаружено В. Ф. Гайдукевичем в Тиритаке в так называемом «доме рыбака» (вторая половина IV в. н. э., возможна и более поздняя датировка). Здесь находились кости поросенка, ягненка и севрюги, присыпанные морским песком, прикрытые черепками амфоры и сероглиняным светильником [4, с. 112].

Не исключено, что сходные по назначению объекты существовали и на азиатском берегу Боспора. Так на поселении у дер. Ильич в северо-западном углу поме-

щения V—VI вв. н. э. раскопан глиняный «столик», в котором было сделано углубление, тщательно выложенное камнями и замазанное глиной. В нем найден горшочек с костями птицы, покрытый каменной крышкой. В расположенной рядом печи, в слое золы и сажи стоял целый кувшинчик, лепной светильник, фрагмент стеклянного сосуда [5, с. 74, 75].

На этом же поселении, внутри помещения VI в. н. э., в нише стены, заложенной обломком сырцового кирпича, обнаружена птичья (?) косточка, бронзовые пластинчатое колечко, колокольчик с железным язычком, фрагменты стеклянной лампады (?) и обгоревшее дерево [6, с. 91]. Э. Я. Николаевой предложена атрибуция этого объекта как христианской мощехранительницы [7, с. 87]. Возможно, появление подобных памятников на Азиатском Боспоре объясняется переселением туда какой-то части жителей сельской хоры Европейского Боспора в критические моменты истории III—IV вв. н. э. [8, с. 137].

В более ранних слоях на боспорских поселениях захоронений животных с сопутствующим инвентарем пока не зафиксировано. Попытаемся выяснить происхождение подобного обряда и культовое назначение жертвенников.

Собственно каменные лари в центре или по углам помещений хорошо известны на сельских поселениях Европейского Боспора. Несколько таких сооружений обнаружено на поселении Андреевка Южная в слое IV—III вв. до н. э. [9, с. 5; 10, с. 15]. Особенно широкое распространение они получают в первые века н. э. (Семеновка, Ново-Отрадное, Илурат, Полянка, мыс Зюк, Савроматий) и др. [3, с. 44; 11, с. 4; 12, с. 49]. Отмечены они и на азиатском Боспоре: в Гермонассе, в слое IV—III вв. до н. э.; на поселении у пос. «За Родину», в слоях III—I вв. до н. э. [13, с. 106; 14, с. 26, 27, 37]. В Кепах, на поселениях Батарейка I и II, у дер. Ильич они встречены в слоях III—IV вв. н. э. [15, с. 88; 16, с. 49; 17, с. 17, 36].

Всюду их заполнение обычно состоит из золы, фрагментов керамики, изредка — обгорелых зерен злаков и измельченных костей животных. В Гермонассе рядом с ларём были найдены ножка жертвенного стола и две терракотовые статуэтки Деметры. На поселении у пос. «За Родину» в ларе на глинисто-золотистом заполнении стояла небольшая чашечка, а в Илурате — находились две грубо вылепленные статуэтки и ритуальный сосуд [13, с. 106; 14, с. 101; 18, с. 105].

В. Ф. Гайдукевич и И. Т. Кругликова предполагали культовое назначение рассматриваемых объектов [19, с. 101; 20, с. 72]. Такого же мнения придерживался Н. И. Сокольский, связывая их с культами женских божеств плодородия [14, с. 101].

Существует точка зрения М. М. Худяка и Н. И. Сокольского, что типологически они восходят к ящикам-фависсам, известным возле многих античных храмов Средиземноморья [14, с. 101; 21, с. 49]. Однако, в данном случае прямое заимствование античных образцов представляется все же не обязательным, учитывая простоту самой конструкции и аналогии из районов «варварского» мира. Так, каменный ларь был обнаружен в южной поле скифского кургана IV в. до н. э. (Александропольский). Ящик заполняли ажурные пластины и бронзовые навершия с изображением женского божества, по-видимому, архаистического типа Владычицы зверей [22, с. 87—88, прим.], и другие культовые предметы. Следует также подчеркнуть, что подобные сооружения, учитывая их значительное количество, некоторые различия в конструкции и заполнении, имели, несомненно, полифункциональное значение.

Особо остановимся на примере, правда несколько более раннего времени (II—III вв. н. э.) из Илурата. Речь идет о скелете курицы, обнаруженном внутри ларя в восточном углу помещения, однако это захоронение прежде всего примечательно тем, что сверху на нем лежал человеческий череп с перерубленными шейными позвонками. В. Ф. Гайдукевич усматривал в этом ритуале связь с культом женского божества, олицетворявшего производящие силы природы [12, с. 41, 47]. В том же помещении, но в противоположном углу находилась еще одна каменная полукруглая загородка с сохранившимися на ней следами огня, а рядом лежали кости козы [23, с. 197]. Все эти детали, вероятно, раскрывают нам дополнительные подробности данного ритуала.

Известен еще ряд захоронений человеческих черепов внутри помещений того же времени: на поселении у с. Михайловка рядом с черепом лежали птичьи кости и фрагменты античной керамики, в Патрее три черепа найдены под печью, а в Гермонассе, в северо-западном углу помещения, череп лежал лицом к стене [24, с. 11; 17, с. 57, 58; 25, с. 15].

Возвращаясь к захоронениям животных отметим, что этот обряд был вообще не характерен для древнегреческой культовой практики. При жертвоприношениях героям сжигали все мясо, а богам — только его часть, другую же употребляли в пищу (Paus. II, 10, 1). Отсутствовал этот обычай и у скифов, которые часть мяса жертвенного животного поедали, а часть выбрасывали (Herod., IV, 60, 61).

Зато близкие традиции можно проследить на лесостепных земледельческих поселениях скифского времени [1]. Здесь при всем многообразии предварительно можно выделить несколько типов.

1. Захоронения в ямах возле глиняных жертвенников округлой или цилиндрической формы на поселении у с. Пожарная Балка (Полтавская обл.) и Трахтемировском городище [27, с. 128; 28, с. 104.].

2. Захоронения в ямах внутри зольников на поселении у с. Пожарная Балка и в урочище Осняги возле Бельского городища [29, с. 34, 109; 30, с. 162].

3. Захоронения собак в хозяйственных ямах вне помещений на поселении у с. Долиняны (Черновицкая обл.). Вместе с ними находились зооморфные статуэтки и раковины каури [31, с. 43].

4. Захоронения в ямах возле жертвенников вместо животных глиняных зооморфных и орнитоморфных статуэток на Кировском (бассейн Среднего Дона) и Бельском городищах [30, с. 128; 32, с. 79].

5. Зооморфные и орнитоморфные статуэтки в зольниках на поселениях в урочище Десятое поле (Полтавская обл.), Островерховка, Караван, Шелковая, Куряж в верхнем течении Северского Донца [33, с. 77, с. 75, табл. III, рис. 1—5; 34, с. 181—182, рис. 70].

6. Зооморфные статуэтки внутри жилого помещения на поселении у с. Долиняны [31, с. 41, 48, рис. 6, *12, 15,* с. 49, рис. 7, *8, 9*]. На Пастырском городище подобные статуэтки вместе с глиняными «хлебцами» встречены в яме в центре жилого помещения. В одну из фигурок было вдавлено зерно пшеницы, а в ее хвост — зерно проса [35, с. 180, 181, рис. 6, *1, 2,* с. 183].

Все указанные памятники датируются в пределах VI—III вв. до н. э. В захоронениях животных, кроме собак, найдены козы, коровы, лошади, чаще не целые скелеты, а только черепа. Тот же состав наблюдается и среди зооморфных статуэток.

Б. А. Шрамко относит открытое им святилище с глиняным жертвенником на Бельском городище к культу плодородия и огня [30, с. 127—137]. Вероятно, такое же назначение имели захоронения животных и статуэток в зольниках [34, с. 204—207], а также внутри жилищ, что хорошо подтверждают материалы с Пастырского городища.

Хотя в античном мире [22, с. 97] и у тавров (Am. Marc. Res gestae, XXII, 34) отрубленной человеческой голове придавалось существенное значение в ряде культов, не исключено, что и традиция захоронения человеческих черепов внутри помещений берет свое начало в среде жителей лесостепных поселений. Так, на Пастырском городище человеческий череп обнаружен в центре жилища [35, с. 177]. На Кировском городище три черепа были помещены возле глиняного жертвенника. Рядом с ними находились глиняная статуэтка коровы и антропоморфная каменная фигурка [32, с. 79]. Грубые антропоморфные и зооморфные изображения возле глиняных жертвенников встречены на Бельском городище в специальной яме и на городище Караван в зольнике. Причем тут же находились и глиняные «зерна» [30, с. 128, 130, рис. 62, с. 133, рис. 63; 34, с. 202]. То, что подобные изображения находят совместно, может указывать на близость их культовых функций.

---

[1] Захоронения животных внутри помещений встречены на поселениях трипольской, андроновской, срубной, восточно-тшинецкой, рязанской, волосовской и других культур. Единой точки зрения на их назначение не существует [26, с. 238—240. Там же дана библиография].

Находки культовых захоронений животных прослеживаются к северу и западу от лесостепной зоны. Захоронения собак, коз, свиней (чаще их черепов) известны на поселениях Круча Замкова II в. до н. э.— II в. н. э. (Польша), Фиддерзен (Германия) и Гиндеруп (Дания) III—IV вв. н. э. [36, с. 31—32, 192—193]. В основном они связаны с орнаментированными глиняными жертвенниками, самые ранние из которых встречены в лесостепи. Их распространение, по мнению Т. Макиевича, объясняется культурными взаимодействиями между различными народами [36, с. 130—133, 137, рис. 1]. Примечательно, что подобный обряд зафиксирован в раннее время и на Боспоре. Так, череп собаки был обнаружен в святилище конца V в. до н. э. в Нимфее, которое М. М. Худяк относит к культу Деметры [21, с. 53]. Однако позднее подобная интерпретация культовой принадлежности святилища неоднократно подвергалась сомнению [37, с. 113, прим. 14; 38, с. 9]. Захоронения собак выявлены и в мирмекийском культовом зольнике, существовавшем с 20-х годов IV до середины III в. до н. э. В. И. Денисова связывает эти захоронения, а также весь зольный комплекс, с культом местного женского божества плодородия [37, с. 105].

На азиатском Боспоре выявлены захоронения собак в кургане IV—III вв. до н. э. на Васюринской горе и рядом с человеческим черепом в одном из склепов — возле хут. Рассвет [39, с. 59; 40, с. 10]. К сожалению, в последнем случае точных данных для датировки нет, но, вероятно, речь идет о том же времени. Целые скелеты собак и лошадей с III в. до н. э. появляются среди могил кепского некрополя и на меотском могильнике у ст. Усть-Лабинской [41, с. 104; 42, с. 169, 170]. Истоки этих традиций не ясны.

Появление культовых захоронений животных и другие культовые инновации (антропоморфные статуэтки, захоронения внутри помещений человеческих черепов) вновь на Боспоре в позднеантичный период вряд ли можно объяснить лишь прямым влиянием лесостепных традиций. Их разделяет достаточно большой хронологический период. Наиболее полные аналогии им мы находим на позднескифских поселениях Крыма, которые, в свою очередь, находят соответствия как раз в лесостепи. Вероятно, можно поставить вопрос об определенной преемственности между ними.

Так, на городище Чайка близ Евпатории в слое I в. до н. э.— I в. н. э. встречены захоронения баранов (в ряде случаев с лепными сосудами) внутри жилых помещений в ямах и в каменных ларях. Рядом с некоторыми из них находились глиняные жертвенные «столики», типологически, возможно, восходящие к упоминавшимся глиняным жертвенникам с лесостепных городищ. Е. А. Попова считает, что эти захоронения связаны с культами домашних божеств, очага и плодородия [43, с. 204—205; 44, с. 202].

Захоронения овец в яме вместе с фрагментами культовых сосудов, антропоморфными и зооморфными статуэтками баранов имеются в Неаполе Скифском в здании Е, относящемся к первым векам н. э. [45, с. 164]. На этом же поселении известно еще несколько подобных захоронений коров, свиней, лошадей и птиц в слое II—III вв. н. э. [45, с. 165—168]. По мнению Т. Н. Высотской, это свидетельствует о существовании культа плодородия у скифов [45, с. 164].

Следует отметить, что подобный обряд появляется у скифов довольно поздно и связан с иными, чем кочевое скотоводство, формами ведения хозяйства. Прежде, судя по сообщению Геродота, жертвенники воздвигались только богу войны Арею (Herod., IV, 59, 62).

Таким образом, рассматриваемый обряд на позднеантичных сельских поселениях Европейского Боспора возникает, скорее всего, под влиянием поздних скифов, что помимо хронологических совпадений подтверждается рядом общих признаков: размещение жертвенников по углам помещений, близость их типов и состава захороненных животных, наличие сходных культовых предметов.

Такому проникновению могло способствовать установление политической гегемонии Боспора над частью скифских владений при Савромате II и Рескупориде III (КБН № 1008, 1237). К тому же появляется все больше фактов, говорящих, что скифы, или близкие им родственные племена, издавна и постоянно составляли зна-

чительный компонент сельского населения Европейского Боспора. Интересно, что как раз со II в. н. э. на Боспоре наблюдается новая вспышка популярности культа местного верховного женского божества [37, с. 101]. Причем с этого времени он выступает как бы в чистом виде, не скрываясь «под личиной» греческих божеств [8, с. 245].

В тот же период влияние позднескифской культовой традиции прослеживается не только на Боспоре. В III в. н. э. захоронения в ямах барана с лепным горшком и овец с лепными светильниками на высоких ножках внутри жилых помещений появляются на поселении Козырка вблизи Ольвии [46, с. 73, 74, табл. V, *11*].

Вопрос о божестве плодородия и домашнего очага у поздних скифов выходит за рамки данной работы. Отметим лишь, что, по мнению Т. Н. Высотской, оно имело сложный синкретический характер и совмещало в себе названные функции [45, с. 163]. Как показали в своих работах И. Т. Кругликова и И. Ю. Шауб, на сельских поселениях Боспора на протяжении всего античного периода существовал, пережив несколько периодов подъема и затухания, весьма близкий позднескифскому культ местного верховного женского божества [47, с. 110—115; 48, с. 3—11; 38, с. 18, 19]. Вероятно, можно говорить об их определенном взаимовлиянии и синтезе в рассматриваемый период.

На связь боспорских жертвенников с культами верховного женского божества, плодородия и домашнего очага указывают, на наш взгляд, и находимые в них атрибуты. Погребенные животные, видимо, представляли собой жертву богине. Рыбы могли символизировать плодородие морской стихии. В горшочке могла находиться какая-то пища, а чаша служила для возлияний, светильник олицетворял огонь, зола — домашний очаг. Понимая некоторую условность подобной интерпретации, все же можно предполагать, что данные атрибуты призваны были способствовать достатку и благополучию в доме.

Античная литературная традиция и находки в других культовых местах греческого мира, прежде всего, конечно, Боспора, позволяют дополнить и уточнить их назначение.

Раковины, по сообщению Плиния, были непременным атрибутом культа Афродиты (Plin. Nat. hist., XXXII, 5). Это подтверждает и ряд художественных изделий из Северного Причерноморья, изображающих Афродиту, выходящую из раковины морского гребешка: фигурная ваза конца V — первой половины IV в. до н. э., найденная в 1869 г. в гробнице возле Фанагории, терракоты III—II вв. до н. э. из Калос Лимена и святилища в районе Тиритаки [49, с. 7, рис. 1; 50, ч. II, табл. 1, *3*; 38, *3*]. Большое количество раковин обнаружено при раскопках святилища Афродиты первой половины II—I вв. до н. э. в Кепах [51, с. 106—107]. Следует отметить, что синтез культов греческой Афродиты и местного великого женского божества на Боспоре предполагал еще М. И. Ростовцев [52, с. 173].

На связь раковин с интересующим нас обрядом указывает также находка в одном из культовых комплексов Неаполя Скифского красноглиняной амфоры III в. н. э., заполненной раковинами, рядом с костями животных в лепных горшках [45, с. 167—168].

Следующий элемент — лепные сосуды на высоких ножках, аналогичные боспорским, хорошо известны на позднескифских поселениях Крыма и Нижнего Приднепровья [45, с. 107, рис. 40, *3, 4*; 53, с. 185, рис. 34, *6, 9*]. Такие же сосуды в лесостепной зоне, как предполагают, имели культовое назначение и встречаются главным образом в погребальных комплексах [54, с. 107, 109]. Однако следует учитывать, что в условиях взаимодействия с античной культурой их семантическое назначение могло меняться.

Привлекает внимание уникальная чашка на высокой ножке с конусовидными штырьками внутри с поселения Зеленый Мыс (рис. 2). К сожалению, нам не удалось найти близких ей аналогий. Ее особенности и происхождение из жертвенника дают основания для предположения о сугубо культовом назначении сосуда. Вряд ли его атрибуция может быть бесспорной, но ряд предварительных замечаний высказать можно.

Камень в виде конуса, являющийся древнейшим символом Афродиты, встречен в святилище этой богини в Пафосе, на Кипре [55, с. 200]. Изображения конуса, по

бокам которого помещены сосуды, близкие нашему, имеются на кипрских монетах римского времени [56, с. 202, 234, табл. LXXXII, *4, 5*]. Эти сосуды могли служить для воскурения ароматических веществ, что являлось важным элементом обрядов, связанных с культом Афродиты [21, с. 28].

Остальные сосуды на высоких ножках также, возможно, выполняли роль курильниц, судя по закопченным внутренним стенкам чашечек. В ряде случаев, конечно, они могли использоваться и в качестве светильников.

Подобные курильницы встречены в святилищах Афродиты в Нимфее и земледельческих богинь на Майской горе [21, с. 28, табл. 19, *2*; 57, с. 86].

Чаша в качестве атрибута различных женских божеств, объединенных идеей плодородия, хорошо представлена в изделиях коропластики [14, с. 103, рис. 57, *1—4*; 50, ч. II, табл. 52, *4, 5*]. Большое количество вотивных приношений в виде чашечек встречено и в святилище Афродиты в Кепах [51, с. 106].

Нельзя не указать еще на ряд возможных аспектов в почитании интересующего нас культа в позднеантичный период на Боспоре. Светильники, служившие символом вечности, связаны главным образом с хтоническими культами [37, с. 108]. Подобная черта в культе верховного женского божества была, вероятно, характерна для него и раньше [47, 114—115]. На покровительство домашнему очагу как одну из функций великой богини указывают находки и на других боспорских поселениях этого времени [58, с. 161—168].

Не случайно и размещение жертвенников по углам помещений. По мысли Е. А. Поповой, это отражает скифские (в более широком плане индо-европейские) представления о жилище как миниатюрной модели мира. Жертвенники по углам должны были обозначать границу дома и обеспечивать безопасность внутри определенного замкнутого пространства [43, с. 204—205; 44, с. 202].

Следует остановиться на еще одной примечательной детали — отсутствию в жертвенниках изображений великой богини. К ним предположительно можно отнести только пирамидальное грузило с защепами, найденное на поселении Салачик, напоминающее весьма схематическую антропоморфную статуэтку. Подобная статуэтка женского божества пирамидальной формы встречена в лесном таврском святилище II—IV вв. возле Ялты [50, ч. II, табл. 19, *4*]. Н. В. Пятышева связывала святилище с культом великой таврской богини и херсонесской Девы [59, с. 213].

Обращает на себя внимание постепенная деградация изображений великого женского божества. В ранний период их роль могли выполнять изделия греческих коропластов [48, с. 5, рис. 1—2]. Во II—III вв. н. э. распространяются грубые лепные идолы, известные на ряде сельских поселений Европейского Боспора (Киммерик, Мысовка, Семеновка, Илурат, мыс Зюк и др.) [50, ч. II, табл. 27, *3*; 48, *1, 7*; 49, *3—7*; 50, *1—6*; 51, *1—2*]. По мнению И. Т. Кругликовой, их появление связано со скифо-сарматским влиянием [47, с. 112]. Но учитывая отсутствие подобных статуэток у сармат, предпочтительней, вероятно, видеть здесь воздействие только скифской культуры.

В первые века н. э. такие же лепные идолы появляются и на ряде меотских поселений — Подазовском вблизи Танаиса, Роговском городище № 1 и, видимо, на Елизаветинском и Пашковском 6-м городищах [60, с. 11, рис. 2, табл. 59, *1—3*; 61, с. 71; 62, с. 111].

В IV—VI вв. н. э. изображения исчезают почти полностью. Можно упомянуть только антропоморфную гальку с подчеркнутым животом, найденную в доме VI в. в Тиритаке [63, с. 52]. Возможно, в какой-то мере в этом сказывалось влияние христианства, которое боролось с идолопоклонством.

Итак, у нас есть основания полагать, что рассматриваемые жертвенники имеют отношение к почитанию культа верховного женского божества, плодородия и домашнего очага, который, очевидно, несколько изменяясь и становясь более синкретичным, продолжал существовать на Боспоре до конца античного периода.

Причем почитание этого культа носило, скорей всего, не только домашний характер. На монетах многих боспорских правителей, начиная с Полемона и до Рескупорида V, изображалось женское божество, отождествляемое с Афродитой,

представления о которой, как уже отмечалось, на Боспоре тесно слились с культом местного женского божества плодородия [64, с. 193, табл. XLV, *4, 12, 13*; XLVI, *7*; XLVII, *4, 5, 10, 11, 14*; XLVIII, *6, 12, 17*; XLIX, *5, 10, 14, 18*; L, *11, 12, 13*]. Ранее М. И. Ростовцевым и В. Ф. Гайдукевичем уже высказывалось предположение, что этот культ играл главенствующую роль в религиозной жизни Боспора в первые века н. э. [52, с. 173; 65, с. 376].

Интересующая нас тема не будет исчерпана полностью, если не упомянуть о распространившихся в то же время захоронениях животных без сопутствующего инвентаря. Большое число их найдено в Танаисе в слое III в. н. э.

Это прежде всего многочисленные захоронения баранов в ямах внутри помещений [66, с. 91—92; 67, с. 42]. Вполне возможно, что они отражают те же культовые представления, что и захоронения животных с сопутствующим инвентарем на других боспорских поселениях. Подтверждением этому может служить то, что в одном случае захоронения были присыпаны золой, а в другой рядом с ними находилось большое число светильников [68, с. 5; 66, с. 92].

На этом же поселении известны захоронения собак в яме в северо-восточном углу помещения и в хозяйственной яме, не связанной с каким-либо жилым комплексом [69, с. 22; 70, с. 44].

В Илурате имеются захоронения собак внутри зольника, в яме II в. н. э. и вокруг склепа II—III вв. н. э. [71, с. 83—84].

Всем этим примерам находятся соответствия на позднескифских поселениях. Захоронения собак в зольнике и вокруг него обнаружены на Усть-Альминском городище, в хозяйственных ямах на этом же и Алма-Керменском городище [72, с. 31; 73, с. 38]. Их связь с погребальными комплексами выступает в Неаполе Скифском и на поселении Золотая Балка на Нижнем Днепре [45, с. 171; 74, с. 169].

Т. Н. Высотская полагает, что зольник и захоронения в нем на Усть-Альминском городище отражают почитание культа огня и солнца [72, с. 31]. Такое же назначение мог иметь зольник и в Илурате, где выявлена округлая площадка из сырцового кирпича, аналогичная устьальминской, на которой периодически разжигали огонь [71, с. 83].

Собаки, захороненные в погребениях или вокруг них, как считается, призваны были выполнять охранные функции [75, с. 36]. Роль защитников поселения или отдельных жилищ могли выполнять и собаки, захороненные в хозяйственных ямах возле зданий, однако следует учитывать, что у поздних скифов собаки имели также отношение и к культу плодородия [45, с. 162—163, с. 162, рис. 77].

В заключение отметим, что все упомянутые аналогии можно одновременно рассматривать и как свидетельства греко-варварского религиозного синкретизма, и как непосредственное указание на присутствие позднескифского этнического элемента на хоре Боспора, а в очень осторожной форме и как проявление древнейших общеиндоевропейских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Масленников А. А., Чевелев О. Д.* Разведочные раскопки на городище Генеральское//КСИА. 1985. Вып. 182.
2. *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83.
3. *Кругликова И. Т.* Итоги семилетних раскопок у дер. Семеновки//КСИА. 1963. Вып. 95.
4. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935— 1940 гг.//МИА. 1952. № 25.
5. *Сокольский Н. И.* Отчет о работе Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1967 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3482.
6. *Николаева Э. Я.* Поселение у дер. Ильич//КСИА. 1981. Вып. 168.
7. *Николаева Э. Я.* Христианский комплекс VI века на Боспоре Киммерийском//Проблемы исследования античных городов: Тез. докладов. М., 1989.
8. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. М.: Наука, 1975.
9. *Кругликова И. Т.* Отчет о раскопках на поселении Андреевка Южная в 1966 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3409.
10. *Кругликова И. Т.* Отчет о раскопках сельских поселений у дер. Андреевка в 1970 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4295.

11. *Кругликова И. Т.* Отчет о раскопках, проведенных на поселении Ново-Отрадное в 1969 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 4306.
12. *Гайдукевич В. Ф.* Илурат. Итоги археологических исследований 1948—1953 гг.//МИА. 1959. № 85.
13. *Коровина А. К.* Раскопки Тмутаракани — Гермонассы//АО — 1980. М., 1981.
14. *Сокольский Н. И.* Таманский голос и резиденция Хрисалиска. М.: Наука, 1976.
15. *Сокольский Н. И.* Раскопки в Кепах в 1960 г.//КСИА. 1962. Вып. 91.
16. *Сокольский Н. И.* Отчет о работе Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1963 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 2733.
17. *Сокольский Н. И.* Отчет о работе Таманской экспедиции ИА АН СССР в 1965 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3134.
18. *Шургая И. Г.* Центральный район Илурата//КСИА. 1975. Вып. 143.
19. *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Илурата, Тиритаки в Мирмекия//КСИИМК. 1952. Вып. 45.
20. *Кругликова И. Т.* Боспор в позднеантичное время. М.: Наука, 1966.
21. *Худяк М. М.* Из истории Нимфея VI—III вв. до н. э. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1962.
22. *Бессонова С. С.* Религиозные представления скифов. Киев: Наук. думка, 1983.
23. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорский город Илурат//СА. 1950. Т. XIII.
24. *Петерс Б. Г.* Отчет о раскопках Михайловского городища в 1965 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3194.
25. *Зеест И. Б.* Отчет о раскопках античного отряда Таманской экспедиции за 1955 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1209.
26. *Формозов А. А.* Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла//СА. 1984. № 4.
27. *Ляпушкин И. И.* Поселение скифского времени близ д. Пожарная Балка Полтавской обл.//КСИИМК. 1951. Вып. 37.
28. *Ковпаненко Г. Т.* Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ: Наук. думка, 1967.
29. *Ляпушкин И. И.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа//МИА. 1961. № 104.
30. *Шрамко Б. А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев: Наук. думка, 1987.
31. *Смирнова Г. И.* Новые данные о поселении у с. Долиняны//АСГЭ. 1981. Вып. 22.
32. *Пузикова А. И.* Поселения Среднего Дона//МИА. 1969. № 151.
33. *Рудинський М. Я.* Мачухська експедиція Інституту археології//Археологічні пам'ятки УРСР. 1949. Т. II.
34. *Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков: Изд-во Харьковского университета, 1962.
35. *Яковенко Э. В.* Пастирське городище скіфського часу//Археологія. 1967. Т. XXI.
36. *MaKiewicr T.* Formy kultu bostw domowych na terene Evropy w starozytnosci. Poznan', 1987.
37. *Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л.: Наука, 1981.
38. *Шауб И. Ю.* Культы и религиозные представления населения Боспора VI—IV вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Л., 1987.
39. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. Т. 1. СПб, 1914.
40. *Карасев В. Н.* Отчет об археологических исследованиях в Анапском р-не (хут. Рассвет) в 1977 г. Анапского историко-краеведческого музея//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 6676.
41. *Сорокина Н. П.* Раскопки некрополя Кеп в 1962—1964 гг.//КСИА. 1967. Вып. 109.
42. *Анфимов Н. В.* Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинская//МИА. 1951. № 23.
43. *Попова Е. А.* Позднескифские жертвенники с городища Чайка//Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тез. докл. всесоюзной конференции ИА АН СССР. М.: Наука, 1987.
44. *Попова Е. А.* Позднескифские жертвенники с городища Чайка//СА. 1990. № 3.
45. *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев: Наук. думка, 1979.
46. *Бураков А. В.* Городище біля с. Козирки поблизу Ольвії//Археологічні пам'ятки УРСР. 1962. Т. XI.
47. *Кругликова И. Т.* О культе верховного женского божества на Боспоре во II—III вв. н. э.//Культура античного мира. М.: Наука, 1966.
48. *Кругликова И. Т.* Религиозные представления сельского населения Боспора//КСИА. 1970. Вып. 124.
49. *Передольская А. А.* Фанагорийские фигурные вазы. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1936.
50. Терракоты Северного Причерноморья//САИ. 1970. Вып. Г 1—11.
51. *Сокольский Н. И.* Культ Афродиты в Кепах//СА. 1964. № 4.
52. *Ростовцев М. И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918.
53. *Погребова Н. И.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре//МИА. 1958. № 64.
54. *Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. С., Скорый С. А.* Памятники скифской эпохи Днепровского лесостепного Правобережья/ киево-черкасский регион/Киев: Наук. думка, 1989.
55. *Gardner E. A.* Jemple and Jemenos of Aphrodite//Naukratis, 1888. V. II
56. *Ohnefalsch-Richter M.* Kypros, die Bibel und Homer. Berlin, 1893.
57. *Марченко И. Д.* Некоторые итоги раскопок на Майской горе//КСИА. 1963. Вып. 95.
58. *Романовская М. А.* Две терракоты из Ново-Отрадного//СА. 1974. № 1.
59. *Пятышева Н. В.* Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе//ВДИ. 1947. № 3.
60. Терракотовые статуэтки Придонья и Таманского полуострова//САИ. 1974. Вып. Г 1—II. Ч. IV.
61. *Шевченко Н. Ф.* Городище эпохи раннего железного века в восточном Приазовье//I Кубанская археологическая конференция: Тез. докл. Краснодар, 1989.
62. *Каменецкий И. С., Рябова В. Я.* Пашковское 6-е городище//АО — 1979. М., 1980.
63. *Ивашенко Ю. Ф.* К специфике религиозных представлений населения Боспора в ранневизантийское время//Проблемы исследования античных городов: Тез. докл. М., 1989.
64. *Зограф А. Н.* Античные монеты//МИА. 1951. № 16.
65. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.

66. *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Исследования Танаиса в 1966—1969 гг.//КСИА. 1972. Вып. 130.
67. *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Работы Нижне-Донской экспедиции в 1970—1972 гг.//КСИА. 1975. Вып. 143.
68. *Арсеньева Т. М.* Отчет о работах в Нижне-Донской экспедиции ИА АН СССР за 1968 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3738.
69. *Арсеньева Т. М.* Отчет о работах Нижне-Донской экспедиции ИА АН СССР за 1976 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 5831.
70. *Шелов Д. Б.* Отчет о полевых работах Нижне-Донской археологической экспедиции ИИМК АН СССР в 1957 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 1496.
71. *Горончаровский В. А.* Основные результаты исследования Илурата в 1985—1986 гг.//Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: Тез. докл. всесоюз. конф. ИА АН СССР. М.: Наука, 1987.
72. *Высотская Т. Н.* Святилище Усть-Альминского городища//Проблемы исследований античных городов: Тез. докл. М., 1989.
73. *Высотская Т. Н.* Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев: Наук. думка, 1972.
74. *Вязьмитина М. И.* Золотобалковский могильник. Киев: Наук. думка, 1972.
75. *Сымонович Э. Я.* Итоги новых работ на могильнике Неаполя Скифского в Крыму//Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея — 1961. Одесса, 1963.

Институт археологии РАН,
Москва

I. A. EMETS, A. A. MASLENNIKOV

NEW DATA ABOUT THE RELIGIOUS IDEAS OF ANTIQE BOSPORUS RURAL POPULATION

Summary

The authors consider some aspects of religious life of Late Antiqe Bosporus population. There are first of all cult burials of animals with accompanying implement, skulls inside of dwellings and rought anthropomorphic plastic. They can be connected probably with cults of female deity and house hearth. The most similar analogies we find on Late Sarmatian Crimea settlements and on forest — steppe settlements of VI—III cen. B. C. We can say about certain cult succession bettween them.

В. А. ДЕМКИН, А. В. ЛУКАШОВ, И. С. КОВАЛЕВСКАЯ

НОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ ПАЛЕОПОЧВЕННОГО ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ

На рубеже IV—III тыс. до н. э. в степной зоне Евразии впервые появляются погребальные культовые сооружения в виде курганных насыпей, которые позже становятся характерным признаком ландшафтов этого региона. Для большинства древних народов, населявших степи в эпохи бронзы и раннего железа, курганы часто являются единственными дошедшими до нашего времени памятниками культуры, изучение которых позволяет получить представление о быте, хозяйственной деятельности и социальной структуре общества. Исследование почв, погребенных под курганными насыпями, дает возможность реконструировать природную обстановку того времени. Палеопедологические и палеогеографические реконструкции при почвенно-археологических исследованиях наряду с решением чисто археологических проблем представляются главным и наиболее важным итогом подобных комплексных работ. Вместе с тем имеется круг вопросов, на первый взгляд менее значительных, требующих углубленного и детального анализа в связи с ошибочностью их современного толкования, получением принципиально новой информации или уточнением и существенным дополнением имеющейся. Их решение достигается использованием методов естественных наук, в частности морфологических и химических методов, применяемых в почвоведении, агрохимии, минералогии. Это позволяет по-новому интерпретировать археологический материал, полученный в результате раскопок курганных сооружений и имеющий, по мнению археологов, ритуальное назначение; в ряде случаев решать проблемы абсолютной и относительной хронологии отдельных памятников и др. Прежде всего необходимо остановиться на таких вопросах, как абсолютная и относительная датировка курганов по палеопочвам, ритуальные вещества и посыпки в могильных ямах, возможность реконструкции исходного содержимого погребальных глиняных сосудов. Полученные при этом данные попытаемся рассмотреть с точки зрения их применимости для историко-социологических реконструкций. Основой для подобного анализа послужил палеопедологический и археологический материал, полученный при раскопках курганов на территории Нижнего Поволжья.

1. Абсолютная и относительная датировка курганов по палеопочвам. В настоящее время принципиальные вопросы хронологии и периодизации археологических культур степной зоны можно считать хорошо разработанными. Вместе с тем нередки случаи затруднения датировки отдельных памятников. Главным образом они возникают при существенных нарушениях основного погребения, синхронного сооружению насыпи. Это приводит либо к ошибочному определению времени создания памятника, либо вообще к отсутствию датировки. На наш взгляд, решение рассматриваемой проблемы находится в области палеопочвоведения, что подтверждается результатами работ, проведенных на территории Эльтонской равнины в Северном Прикаспии. Степень ее археологической изученности представляется весьма высокой. Нами раскопано 45 курганов, или 80% из числа имеющихся. Из них 30 относится к эпохе бронзы, 15 — к средневековью. Сооружение насыпей да-

© В. А. Демкин, А. В. Лукашов, И. С. Ковалевская, 1992 г.

Таблица

Некоторые свойства разновозрастных почв Эльтонской равнины

Показатель	Время, археологическая культура				
	конец III тыс. до н. э., ямная	XIX—XVII вв. до н. э., полтавкинская	XVI—XIII вв. до н. э., срубная	XII—XIII вв. н. э., средневековье	XX в. н. э., современность
Глубина вскипания от 10%-ной HCl, см	С поверхности	С поверхности	28	36	34
Верхняя граница аккумуляции карбонатов, см	11	11	27	39	42
Средневзвешенное содержание легкорастворимых солей в слое 0—2 м, %	0,58	0,59	0,26	0,10	0,07
Наличие солонцеватости	Нет		Средняя	Остаточная	Остаточная

тируется преимущественно полтавкинским и половецким временем. Обращает на себя внимание факт отсутствия курганов раннежелезного века.

На основании обширного фактического материала установлены основные признаки и свойства палеопочв, характерных для времени существования той или иной культурно-исторической общности (таблица). Так, почвы ямно-полтавкинского времени отличались отсутствием солонцеватости, поверхностной карбонатностью и слабой оформленностью горизонта аккумуляции $CaCO_3$, значительным содержанием легкорастворимых солей и гипса. В эпоху поздней бронзы в почвах появляются признаки солонцеватости, хорошо выражающиеся морфологически в структуре иллювиального горизонта, происходит более резкая дифференциация профиля, линия вскипания снижается до 20—30 см, уменьшается степень засоленности. Палеопочвы средневековья практически являются полными аналогами современным, причем солонцеватость в них носит остаточный характер при отсутствии засоления в верхней 2-метровой толще. Таким образом, отмеченные свойства палеопочв позволяют достоверно отличать, например, памятники полтавкинской культуры от срубных при отсутствии археологической датировки. Учитывая общий тренд почвообразования в регионе во второй половине голоцена [1—3], мы считаем, что почвы Эльтонской равнины в раннежелезном веке были весьма близки к средневековым и заметно отличались от почв эпохи поздней бронзы. Этот вывод подтверждается данными, полученными при их прямом сравнительном изучении на других объектах Прикаспийской низменности (Еруслано-Торгунская равнина, террасы Волги).

Результаты раскопок на территории Эльтонской равнины показали, что из 45 памятников в 11 основное погребение оказалось полностью разрушенным. Не сохранились даже остатки погребального инвентаря, пригодного для идентификации его культурной принадлежности. При отсутствии палеопочвенных данных эта четвертая часть изученных памятников была бы датирована неверно, главным образом раннежелезным веком по имевшимся впускным погребениям, тогда как они сооружались в основном в эпоху средней, а также поздней бронзы. С другой стороны, был бы сделан ошибочный вывод о наличии в пределах равнины курганов, сооруженных в савромато-сарматское время. В действительности же все погребения этого периода впущены в более ранние памятники бронзового века. Как правило, они характеризуются глубокими и сложными могильными ямами с катакомбами, подбоями, заплечиками. Под захоронения эти племена использовали в большинстве случаев небольшие курганы (высота до 1 м) полтавкинского времени. В свете

полученных данных представляет интерес анализ имеющегося литературного материала о соотношениях основных и впускных погребений в рамках одной культурно-исторической общности. Так, из изученных К. Ф. Смирновым [4] 456 савроматских погребений VIII—IV вв. до н. э. 185 отнесены им к основным и 271 — к впускным, что соответственно составляет 41 и 59%. Если же учесть, что 20—25% основных погребений могли быть отнесены автором к таковым ошибочно (о возможности этого свидетельствуют материалы по Эльтонской равнине), то их соотношение с впускными существенно изменится и составит 30 и 70%.

Сопряженное изучение стратиграфии курганной насыпи и погребенной почвы заставляет усомниться в считавшемся очевидном факте, что наличие грунтового выкида на древней дневной поверхности обязательно связано с основным погребением. Нами установлено, что характерной чертой погребального обряда ранних сарматов Эльтонской равнины при совершении впускных захоронений была выборка насыпного грунта в центральной части курганов бронзового века до уровня погребенной поверхности и подготовке на ней площадки размерами до нескольких метров. В процессе рытья могильной ямы имевшееся более раннее основное погребение полностью разрушалось, а свежий выкид укладывался на площадку. На ней же встречаются и следы кострищ. Поэтому такого рода памятники, если их исследование проводить без учета палеопочвенных особенностей, датируются другим временем.

Вопросы относительной хронологии с использованием палеопочвенных данных решаются при изучении памятников, имеющих повторные досыпки, связанные с впускными погребениями той же культуры, что и основное. При этом вторичная насыпь должна перекрывать не только первичную, но и прилегающую древнюю дневную поверхность. Степень изменения палеопочв может быть весьма заметной, если между сооружением насыпей прошло достаточно много времени (100—200 лет).

2. Ритуальные вещества и посыпки. Практически в каждом втором погребении эпохи бронзы и раннежелезного века, реже средневековья, присутствуют различные ритуальные вещества в виде кусочков минералов и пород, смолы, угля, а также раковины, камни, отщепы кремня. Трудно уверенно говорить, какую роль они сыграли в погребальном обряде. Скорее всего эти вещества были связаны с магическими представлениями древних народов. Особое место среди них занимает группа минералов, характеризующаяся различной цветовой гаммой. Как показали исследования В. Тэрнера [5], в ритуалах архаичных обществ использовалось, как правило, три основных цвета: красный, белый и черный. Причем в «переходных» обрядах, к каковым относится и погребальный, они могли применяться одновременно. Кроме цветовой символики вещества имели, несомненно, и другое предназначение, так как в знаковых системах (вещи и другие детали ритуала в погребальном обряде относятся именно к ним) отдельный признак имеет несколько значений в зависимости от ситуации и сочетания с другими. В связи с этим представляется важной идентификация встречающихся в погребениях минералогических находок, описание их структурного состояния, выяснение места происхождения.

Объектами изучения послужили катакомбные, полтавкинские, срубные и сарматские погребения в курганных сооружениях, а также в грунтовом могильнике раннежелезного века («Богодушанский ерик — 88»). Памятники расположены в пределах Эльтонской равнины, террас Нижней Волги, Приволжской гряды, Приволжской возвышенности, Сарпинской низменности. Определение минералов и пород проводили рентгенодифрактометрическим методом, а также методами полевой диагностики. Всего исследовано несколько десятков образцов. Среди них однажды была встречена конкреция в виде шара диаметром ~8 см, сформировавшаяся в естественных условиях и попавшая в погребение в качестве ритуального вещества. Она представляет собой сложное минеральное образование с поверхности коричневато-бурого цвета, внутри желтого. Ядро конкреции сложено ярозитом $KFe_3(SO_4)_2(OH)_6$, далее к периферии следуют концентрические зоны серы S, гипса $CaSO_4 \cdot 2H_2O$, ярозита, а с поверхности — корочка гипса с кварцем и полевым шпатом. Группа минералов желтого цвета представляна чаще всего ярозитом, за-

тем карбонатапатитом $Ca_{10}(PO_4)CO_3$, гораздо реже серой и единично кремнем SiO_2; красного — реальгаром AsS, аморфным железистым веществом и гематитом αFe_2O_3 (красная охра) с гётитом $\alpha FeOOH$; белого — гипсом, реже мелом. Все перечисленные минералы имеют местное происхождение и встречаются в овражно-балочных, солончаково-болотистых понижениях, обнажениях коренных пород, в областях солянокупольной тектоники (например, у оз. Эльтон), где имеются выходы на поверхность древних палеогеновых пород. Кроме рассмотренных в погребениях обнаружены вторично образованные минералы: желтый аморфизованный фосфат, белый витлокит $\beta Ca_3(PO_4)_2$. Они формируются при взаимодействии органического вещества (камышовая подстилка, останки погребенного, жертвенная пища), богатого фосфором, с грунтовым карбонатным материалом и могут ошибочно трактоваться как ритуальные вещества, а витлокит приниматься за «меловую» посыпку.

Другим важным элементом погребального обряда, связанным с использованием минерального материала, считают различные посыпки дна могильной ямы и тела погребенного, «побелка» стенок. Принято, что для этих целей использовались измельченные охра, мел, а также древесный уголь. Посыпка охрой часто встречается в погребениях ямного и полтавкинского времени, гораздо реже срубного. «Меловая» посыпка фиксируется в памятниках бронзового и раннежелезного веков. Факт использования лимонита (желтая охра) и гематита (красная охра) как одного из ритуальных атрибутов не вызывает сомнений. Они достаточно легко диагностируются, не подвержены изменениям на протяжении исторического времени, имеются в достаточном количестве в переувлажненных понижениях рельефа (овраги, балки, заболоченные участки и др.).

В археологической литературе отмечается, что примерно в 30% погребений эпох бронзы и раннего железа встречается так называемая «меловая» посыпка. Детальное изучение засыпи, дна и стенок более 500 могильных ям позволяет высказать обоснованные сомнения в существовании данного признака в погребальном обряде. Действительно, практически во всех погребениях, расположенных в материковой толще, дно ямы имеет белый солевой налет, мощность которого может достигать 1—2 мм. Вместе с тем нетрудно заметить, что точно таким же налетом покрыты стенки ямы, костяк, погребальный инвентарь, особенно глиняные сосуды. По химическому составу он представляет собой смесь легкорастворимых солей (преимущественно сульфат и хлорид натрия) и гипса. Подобная солевая аккумуляция формируется естественным путем в засоленных грунтах на контакте пород различной плотности. Засыпь могильной ямы сложена более рыхлым и, как правило, достаточно влажным субстратом. Это способствует активной диффузно-капиллярной вертикальной и боковой миграции минерализованных растворов. На контакте засыпи с дном или стенкой происходит разрыв капиллярных связей, накопление и последующее упаривание влаги и осаждение солей из насыщенных растворов на плотной поверхности. Интенсивность проявления подобных солевых аккумуляций зависит от литологии и степени засоленности грунта и курганной насыпи, ее мощности; она связана с глубиной залегания естественного солевого горизонта, параметрами и конструктивными особенностями могильной ямы.

Следует отметить, что в толще курганной насыпи закономерности миграции солей иные, обусловленные большей ролью в этом процессе гравитационной формы влаги. Плотность засыпи ям, приуроченных к насыпи, близка к исходному насыпному материалу. Поэтому отложения солей здесь встречаются лишь на инвентаре. Близкая точка зрения о наличии «меловой» посыпки была высказана ранее В. П. Золотуном и К. М. Кухтеевой [6, 7] по результатам раскопок курганов на юге Украины. Правда, в этом регионе в составе осаждающихся солей преобладает карбонат кальция.

В свете вышеизложенного весьма интересен анализ встречаемости «меловой» посыпки как одного из признаков погребального обряда при периодизации археологических культур. В рамках срубной культурно-исторической общности на территории Нижнего Поволжья Н. К. Качалова [8] выделяет четыре хронологических

этапа. Наряду с другими показателями, характерными для погребений каждого из этапов, отмечается наличие или отсутствие «меловой» посыпки. В погребениях первого хронологического горизонта она встречается часто, очень редко во втором и отсутствует в третьем и четвертом. На наш взгляд, в данном случае рассматриваемый ритуальный признак следует исключить, так как речь идет не о посыпке, а о солевой аккумуляции, наличие или отсутствие которой связано с глубиной могильных ям. В погребениях, относящихся к первому этапу, она составляет 90—160 см, в других — соответственно 70—120, 45—90 см и более мелкие в насыпи. Процессы переотложения солей наиболее активно протекали в глубоких ямах, где был вскрыт солевой горизонт. В верхней выщелоченной части почвенно-грунтовой толщи, к которой приурочены могилы третьего хронологического этапа, концентрация солей недостаточна для формирования мощных, морфологически различимых аккумуляций. Как отмечено выше, их отсутствие в насыпи обусловлено ее специфическими водно-физическими свойствами.

А. С. Скрипкин [9] отмечает, что «меловая» посыпка в погребениях поздних сарматов (I—III вв. н. э.) в Заволжье встречается гораздо чаще по сравнению с Волго-Донским междуречьем. Причиной этого, однако, является значительно бо́льшая засоленность почв Заволжья и близость к поверхности солевого горизонта.

Для окончательного решения вопроса о наличии меловой посыпки в числе ритуальных признаков необходим специальный дополнительный анализ имеющихся литературных данных, а также полевые и лабораторные исследования раскапываемых памятников под этим углом зрения. Тем более имеются весьма надежные методы диагностики мела: фазовый минералогический анализ солевых образований, качественная реакция 10%-ным раствором соляной кислоты, макро- и микроморфологическое изучение.

3. Реконструкция содержимого глиняных сосудов из погребений. В системе традиционной культуры керамика должна рассматриваться не только как предмет, предназначенный для приготовления и хранения пищи, но и как непременный атрибут ритуально-мифологической практики. Посуда используется во многих ритуалах, сопровождающих основные моменты жизненного цикла. Ее назначение в погребальной обрядности многозначно: от простого горшка с пищей «в дорогу» до погребальной урны с прахом человека. Реконструкция исходного содержимого позволяет выявить его связь с формой сосуда, местоположением в погребении, полом и возрастом погребенного. В результате этого возможно установление половозрастной принадлежности различных типов керамики, особенности ее использования в быту и погребальном обряде.

В решении поставленных задач одним из перспективных методов является определение содержания соединений фосфора в придонной части грунта из погребальных сосудов. Химическая суть предлагаемого метода заключается в следующем. При минерализации органической составляющей заупокойной пищи растительного или животного происхождения высвобождающийся фосфор соединялся с минеральными солями грунта, попавшего в сосуд при обвале перекрытия или свода могильной ямы. В результате придонный грунт в сосуде обогащался труднорастворимыми органо-минеральными соединениями фосфора. Определение содержания P_2O_5 проводится по методике Мачигина в 1%-ном растворе $(NH_4)_2CO_3$. Если количество фосфора в придонной части сосуда значительно превышает фоновое, т. е. характерное для грунта из его верхней части или дна и нижней половины стенок могильной ямы, то содержимое было представлено органическим веществом. Условно назовем его «кашей». В случае близости или равенства содержания P_2O_5 в грунте, заполняющем сосуд, и фонового исходное содержимое реконструируется как «вода». Полученный фактический материал позволяет предложить следующие количественные градации реконструируемой заупокойной пищи (разница между содержанием P_2O_5 в сосуде и фоном, в мг/100 г грунта): менее 2 — вода, 2—8 — каша-I, более 8 — каша-II. Для каши-I в большинстве случаев характерно содержание фосфора 4—6 мг, для каши-II — около 10 мг. Эти различия, вероятно, связаны с качественным составом продуктов, из которых готовилась пища (крупа, мясо, молоко и др.).

К настоящему времени исследовано содержимое 72 сосудов из погребений катакомбного (5), срубного (29), сарматского (37) и золотоордынского (1) времени. По природным районам Нижнего Поволжья распределение такое: Эльтонская равнина — 11 сосудов, Приволжская гряда — 17, Сарпинская низменность — 13, долина Волго-Ахтубы — 5, террасы Волги (севернее устья р. Еруслан) — 16, террасы р. Иловля — 10. Выборки для срубных и сарматских погребений достаточно представительны, что позволяет сделать выводы о наличии определенных закономерностей в местоположении сосудов в могильных ямах в зависимости от их содержимого. Третья часть из общего числа сосудов как срубного (30%), так и сарматского (35%) времени были с водой. В обоих случаях встречаемость каши-II составляла 40%. В двух срубных погребениях обнаружено по три сосуда, причем все с кашей. По отношению к костяку сосуды занимают две позиции: у головы и в ногах, причем для срубных погребений к последней отнесены сосуды, расположенные ниже груди. В захоронениях этого времени горшки с водой встречаются только у головы и в районе таза. Каша отмечается у головы в 80% случаев и в ногах в 70%. Следовательно, в погребениях данной культурно-исторической общности не прослеживается строгой приуроченности качественного состава пищи по отношению к телу погребенного. Иная картина наблюдается в сарматских захоронениях. Среди сосудов, расположенных у головы, в подавляющем большинстве случаев была вода (75%), тогда как в ногах — каша (90%). При наличии в погребении двух горшков один из них, как правило, с водой (у головы), другой — с кашей (в ногах).

Данные рассуждения представляют собой первичный, наиболее простой анализ полученных результатов и устанавливают пока лишь прямые связи между содержимым сосудов и их местоположением в погребении. Дальнейшая разработка этой проблемы с накоплением фактического материала позволит, на наш взгляд, решить ряд важных вопросов ритуально-мифологической практики древних народов, непременным атрибутом которой являлась керамика.

Подведем некоторые итоги. Во-первых, не вызывает сомнений важность и актуальность нового аспекта в почвенно-археологических исследованиях, затрагивающих проблему историко-социологических реконструкций. Основными объектами изучения являются не вещественный материал археологических памятников, а их литолого-стратиграфические и палеопедологические особенности, минеральный и органический материал, используемый в погребальном обряде. Это обеспечивает возможность применения широкого спектра методов как почвоведения, так и смежных наук (морфологические, химические, минералогические, агрохимические и др.).

Во-вторых, показана возможность использования палеопочв не только в качестве надежных индикаторов развития природной среды в голоцене, но и для абсолютной и относительной хронологии и периодизации памятников, уточнения соотношения числа основных и впускных погребений в рамках одной культурно-исторической общности.

В-третьих, доказано, что не все минеральные вещества, обнаруживаемые в погребениях, следует относить к ритуальным. В частности, солевой налет белого цвета, покрывающий дно и стенки могильных ям и обычно называемый «меловой» посыпкой и «побелкой», формируется естественным путем после заполнения погребальной камеры грунтовым материалом.

В-четвертых, предложен новый методический подход для реконструкции заупокойной пищи, содержавшейся в погребальных глиняных сосудах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Демкин В. А., Иванов И. В.* Развитие почв Прикаспийской низменности в голоцене. Пущино, 1985.
2. *Демкин В. А., Лукашов А. В.* О скорости и направленности почвообразовательного процесса в зоне сухих степей в голоцене//Почвоведение. 1987. № 6.
3. *Иванов И. В.* Природная эволюция почв степной зоны в голоцене: Автореф. дис. ... д-ра геогр. наук. М., 1988.
4. *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964.
5. *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

6. *Золотун В. П., Кухтеева К. М.* Палеопочвенные исследования и их значение для археологии//История развития почв СССР в голоцене. Пущино, 1984.
7. *Золотун В. П., Кухтеева К. М.* Палеопочвы и уточнение датировки курганов эпохи энеолита — бронзы в степях Украины//СА. 1986. № 1.
8. *Качалова Н. К.* Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья//Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985.
9. *Скрипкин А. С.* Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: СГУ, 1985.

Институт почвоведения и фотосинтеза
РАН, Пущино
Волгоградский государственный университет

V. A. DEMKIN, A. V. LUKASHOV, I. S. KOVALEVSKAYA

NOW ASPECTS OF PALEOSOIL STUDY OF ARCHAEOLOGICAL SITES

Summary

The authors present the results of paleosoil study of ancient kurgans from Lower Volga. The morphological and chemical methods using in soil science, agricultural chemistry, minerology were used. The use of paleosoil for absolute and relative chronology making more exect the correlation of main and admission burials were demonstrated. The authors show that some ritual substances have a natural origin. New methods of approach to the character of burial foods were proposed.

И. П. РУСАНОВА

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА И ЯЗЫЧЕСКИЕ СВЯТИЛИЩА СЛАВЯН VI — XIII вв.

Языческие верования и обряды, пронизывающие всю жизнь древних славян, отражавшие их мировоззрение, определявшие их быт и обычаи, требовали большого количества специальных культовых мест и святилищ для совершения молений, жертвоприношений и гаданий. Гельмольд в «Славянской хронике» (XII в.) писал, что у славян имеется много разных видов идолопоклонства», все их поля и селения изобилуют божками [1, с. 129, 183]. Описания святилищ и храмов прибалтийских славян приведены в немецких и датских хрониках XI—XII вв., но конкретные представления о культовых сооружениях язычников могут дать только археологические материалы, являющиеся неисчерпаемым источником для изучения различных сторон деятельности населения, в том числе и его духовной жизни.

По сравнению с тем существенным значением, какое святилища имели в жизни язычников, культовых памятников на славянских землях найдено и исследовано не очень много, что связано с трудностями их открытия и дальнейшей интерпретации. Многие культовые памятники не имеют никаких внешних признаков, расположены за пределами синхронных им поселений, часто на неудобных для обычной жизни местах и в большинстве случаев были обнаружены случайно. В связи с этим при исследованиях не всегда выявляются все характерные особенности памятника и сведения о нем оказываются неполными и отрывочными. Все же число культовых объектов, исследованных археологами особенно в последние годы, быстро возрастает и находит отражение во многих публикациях.

В результате многолетних исследований культовые сооружения обнаружены на всех славянских землях (рис. 1). Их бóльшая или меньшая концентрация в отдельных районах скорее всего отражает степень исследованности местности, а также и проведение на ней специальных работ, направленных на поиски культовых памятников. Сведения о культовых местах и святилищах восточных славян приведены В. В. Седовым [2, с. 261—268]. Тщательно собраны и многократно опубликованы данные о языческих находках и культовых объектах славян, живших между Одером и Эльбой [3—5]. Археологические материалы, связанные с языческими культами на территории Польши, обобщены в книге М. Ковальчик [6]. Археологические источники заняли вполне достойное место в освещении славянского язычества в трудах Б. А. Рыбакова [7, 8]. Наряду с разносторонними историческими и этнографическими сведениями исследователем рассмотрены многочисленные данные о погребальной обрядности славян, языческих святилищах и городищах, домашних оберегах, женских украшениях, отражавших языческие верования.

Несмотря на богатство и разнообразие накопленных к настоящему времени сведений, данные о культовых объектах, известных на землях восточных и западных славян, не собраны вместе, не сопоставлены друг с другом,недостаточно систематизированы. Обычно в общих работах по славянскому язычеству приводятся лишь отдельные примеры широко известных памятников и упоминаются наиболее выдающиеся находки идолов и других культовых предметов. На карте, составленной З. Ваней и показывающей распространение культовых памятников на землях

© И. П. Русанова, 1992 г.

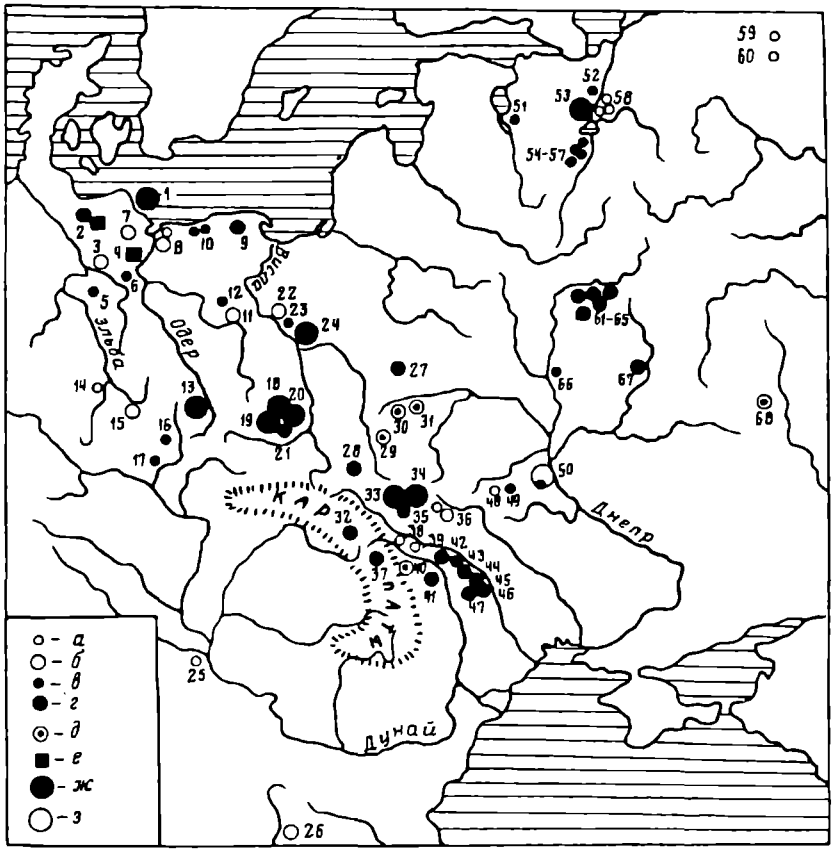


Рис. 1. Распространение культовых мест и святилищ. *а* — жертвенные ямы; *б* — жертвенные площадки; *в* — площадки-капища; *г* — малые городища-святилища; *д* — городища-убежища с культовыми объектами; *е* — храмы; *ж* — большие городища-святилища и крупные культовые центры; *з* — культовые центры, известные по письменным источникам. *1* — Аркона; *2* — Гросс Раден; *3* — Бранденбург; *4* — Фельдберг; *5* — Зааринген; *6* — Бродовин; *7* — Фишеринзель; *8* — Волин; *9* — Пустары; *10* — Тжебятув; *11* — Гнезно; *12* — Яздово; *13* — Шлонжа; *14* — Прага; *15* — Куржим; *16* — Микульчицы; *17* — Поганьско; *18* — Гора Гродова; *19* — Добжешуво; *20* — Лысая Гора; *21* — Дембно; *22* — Плоцк; *23* — Вышеград; *24* — Радзиково; *25* — Костол; *26* — Гораповцы; *27* — Верховляны; *28* — Илив; *29* — Головно; *30* — Бабка; *31* — Хотомель; *32* — Бубнище; *33* — Богит; *34* — Звенигород; *35* — Говда; *36* — Городок; *37* — Рудники; *38* — Василев; *39* — Ошихлибы; *40* — Ревно; *41* — Горбово; *42* — Ржавинцы; *43* — Зеленая Липа; *44* — Рухотин; *45* — Пагоряны; *46* — Бабин; *47* — Кулишевка; *48* — Корчак; *49* — Шумск; *50* — Киев; *51* — Псков; *52* — Хутынь; *53* — Перынь; *54* — Коломо; *55* — Солоницко; *56* — Сущево; *57* — Подгощь; *58* — Новгород; *59* — Горки; *60* — Погосище; *61* — Кушлянщина; *62* — Шапырево; *63* — Асташково; *64* — Красногорье; *65* — Рудлово; *66* — Ходосовичи; *67* — Благовещенская Гора; *68* — Воргол

восточных и западных славян, отмечены далеко не все даже важнейшие святилища, а на территории Восточной Европы указаны лишь два пункта — Киев и Новгород [9, с. 93]. На этой карте нашли отражение те памятники, открытия которых явились своеобразными вехами в изучении культового строительства славян и оказали существенное влияние на последующие исследования. Долгое время эти памятники считались эталонными, хотя не все они дали полное представление об особенностях культовых сооружений.

Первым таким открытием явилось культовое сооружение, раскопанное В. В. Хвойко в 1908 г. на Старокиевской горе [10, с. 66]. Несмотря на то, что сохранились лишь краткие описания и очень схематический рисунок открытого сооружения, а при повторных раскопках Ф. Н. Молчановского в 1937 г. не было обнаружено такой правильной каменной кладки в виде круга с четырьмя выступами, как изображено на рисунке В. В. Хвойко, памятник до сих пор рассматривается как классический образец славянских капищ, считается «большим культовым центром» полянского княжества [11, с. 89], проводятся его реконструкции и определение азимутов по его деталям (выступам) [12, с. 160]. Столь же существенный резонанс вызвали работы К. Шухгардта, проведенные в 1921 г. на городище Аркона, распо-

ложенном на о. Рюген в Балтийском море. Интерес к этому святилищу связан с тем, что оно было красочно описано Саксоном Грамматиком в начале XII в. и разрушено датчанами в 1168 г. Ко времени раскопок городище уже в значительной степени было разрушено морем, а в настоящее время его мысовая часть уничтожена почти полностью. Открытые К. Шухгардтом на городище каменная кладка и углубления были приняты им за фундаменты храма Святовита, поэтому и реконструкция проводилась в соответствии с описанием храма у Саксона Грамматика [13, с. 14—22]. Позднее это каменное сооружение рассматривалось как остатки разрушенной базилики, построенной на месте святилища, но при раскопках 1969—1971 гг. установили, что на самом деле К. Шухгардт вскрыл лишь часть древнего вала и рва с каменными вымостками, отделявшими мысовую часть городища, а языческий храм, вероятно, находился на том его участке, который полностью уничтожило море [14, с. 285—289; 15, с. 211—252]. Благодаря узким траншеям, проложенным через сохранившиеся участки городища, выяснено, что на нем не было жилых сооружений, правда, удалось выявить углубления со скоплениями разнообразных вещей и предметов IX—XII вв., с человеческими костями и черепами. Эти углубления не были полностью раскопаны и их значение осталось непонятным.

Крупнейшим событием в изучении языческих памятников славян явилось открытие В. В. Седовым в 1951—1952 гг. святилища в урочище Перынь на берегу оз. Ильмень под Новгородом [16, 17]. Исследованная здесь круглая площадка с ямой для идола в центре, окруженная рвом с восемью дугообразными, симметрично расположенными выступами, относится к одному из характернейших типов культовых памятников, открытых в дальнейшем в разных местах славянского мира. К сожалению, и само капище в Перыни и окружающая его площадь испорчены позднейшей застройкой и полностью вскрыть весь языческий комплекс не удалось. По тщательно зафиксированным автором остаткам сооружений можно предположить только, что здесь находились три круглые площадки, окруженные рвами и расположенные в один ряд с юго-запада на северо-восток [17, с. 105—108].

Помимо этих основополагающих открытий существенное значение в изучении культового строительства восточных славян имели рядовые святилища — «болотные» городища Верхнего Поднепровья, на которые еще в 20-х годах XX в. обратил внимание А. Н. Лявданский [18, 19]. Таких городищ в бассейне Верхнего Днепра насчитывается около 20, но раскопки проводились только на двух из них [20; 21, с. 124—129]. Много сведений о городищах-святилищах было получено Б. А. Тимощуком при целенаправленных поисках и исследованиях памятников такого рода на землях Украинского Прикарпатья [22, с. 82—92], что дало возможность выделить ряд характерных для них признаков [23].

Продолжение исследований славянских святилищ в Прикарпатье привело к открытию на р. Збруч целого культового комплекса, состоящего из трех городищ-святилищ (Богит, Звенигород, Говда), вблизи которых еще в 1848 г. был случайно найден уникальный Збручский идол. О значении и времени его создания существовали различные точки зрения [24, 25]. Теперь идол оказался надежно связанным с конкретными славянскими культовыми памятниками. Систематические исследования на Збруче, проведенные в 1984—1989 гг., дали много новых материалов, существенно дополняющих представления о славянских культовых памятниках и помогающих понять назначение и смысл некоторых прежних находок [26, 27]. По своим размерам и планировке городища-святилища на Збруче могут быть сопоставлены с такими крупными культовыми центрами, как Аркона.

При археологических исследованиях очень трудно обосновать культовый характер найденных объектов. Для этого недостаточно их необычного вида и непонятного с современной точки зрения назначения. Идеальным доказательством культовой принадлежности памятника могли бы быть соответствующие свидетельства о нем письменных источников. Но случаи таких совпадений крайне редки, можно назвать только Аркону, Перынь и гору Шлонжу, о почитании которой в XI в. упомянул Титмар Мерзебургский. Косвенным подтверждением культовой роли

памятника могут служить легенды и поверия, с ним связанные, а иногда и праздники, устраивавшиеся на священном месте почти до современности. Но в основном для доказательства культового значения памятника необходимо его соответствие сумме археологических признаков, отражающих закономерности в расположении, конструкции, планировке и характерных для большинства культовых мест и святилищ, образующих целые серии однородных объектов. При сопоставлении часто отрывочных но существенно дополняющих друг друга данных, полученных при раскопках, выявляются следующие признаки, характерные для культовых памятников: расположение в стороне от жилых построек, часто на изолированных возвышенностях; наличие специальных культовых построек (жертвенных ям и площадок, круглых площадок-капищ, храмов); символическое ограждение от окружающего мира; сохранение остатков жертвоприношений; широкое применение камня и каменных вымосток; длительное употребление огня, разжигавшегося на одном и том же месте; расположение поблизости общественных длинных домов, священных колодцев и целебных источников. Различное сочетание этих признаков выделяет культовые объекты среди обычных жилых и производственных комплексов.

Известные к настоящему времени в славянских землях культовые памятники, обладающие хотя бы некоторыми из перечисленных признаков, могут быть разделены на несколько видов и типов. Типология основана на конструктивных особенностях объектов и отражает те обрядовые действия, которые совершались на священном месте. Размеры и конструкция культовых памятников менялись со временем и соответствовали целям и возможностям того коллектива, который их сооружал и использовал,— отдельных семей, жителей села или целой общины, иногда более широкого круга населения.

Особый вид культовых памятников, специально не рассматриваемый в данной статье, составляют почитаемые места и объекты естественного происхождения, в создании которых участие человека было минимальным. Это камни, лишь иногда искусственно подработанные, деревья и целые рощи, горы, источники, часто входящие в состав больших культовых комплексов [28, с. 85—88]. Почитание камней, которым приписывались охранительные и целебные свойства, присущие многим народам с глубокой древности и у славян, судя по церковным поучениям, существовало до XVII в., а в некоторых местах продолжалось почти до современности [29, с. 359—360; 30, с. 203—210]. Почитаемые камни часто связаны со славянскими святилищами. Так, около городища-святилища Кулишевка лежит камень с двумя овальными углублениями на поверхности, которые местные жители называют «божьи ноги». На святилище Ржавинцы был обнаружен грубо обработанный каменный четырехгранный столб; по-видимому, в древности он стоял в центре городища и служил объектом поклонения [22, с. 87]. Многочисленные камни, часто причудливой формы, лежат на поверхности многих городищ-святилищ, камни окружают жертвенные площадки, ими бывают вымощены капища.

Среди рукотворных культовых объектов выделяются культовые места (вид 1) и святилища (вид 2). Это деление довольно условно и основано на продолжительности использования сооружения и на отсутствии или наличии на нем непосредственного предмета поклонения — идола. К культовым местам отнесены жертвенные ямы и жертвенные площадки, устроенные человеком по какому-то определенному поводу и затем оставленные. Святилища — специальные сооружения, где находился идол и постоянно совершались моления и жертвоприношения,— могут быть разделены на несколько типов: 1 — круглые площадки-капища со стоявшим в центре идолом, окруженные ровиком, отдельными ямами или рядом камней; 2 — такие же площадки, огражденные валом и рвом,— малые городища-святилища; 3 — городища-убежища, служившие одновременно и культовым целям и содержавшие отдельные культовые объекты; 4 — деревянные постройки, внутри которых стояли идолы,— храмы; 5 — большие городища-святилища, в которых сочетались элементы всех типов святилищ, культовых мест и почитаемых природных объектов. Вполне правомерно еще одним видом культовых памятников считать курганы, тем

более, что планы многих из них соответствуют форме площадок-капищ, а сами курганы являлись семейными святилищами. Этот вид культовых памятников требует специального исследования и здесь не рассматривается.

Наиболее распространенными среди культовых сооружений являлись жертвенные ямы. Они открыты на окраинах поселений, около могильников, на многих городищах-святилищах и относятся ко времени с VI до XIII в. Размеры и форма ям различны, не одинаковы количество и состав оставленных в ямах жертвоприношений, имевших магический смысл.

Ранние жертвенные ямы находились на окраине поселений VI—VII вв. Корчак IX и Городок на Украине. В Корчаке на дне небольшой и неглубокой овальной в плане ямы лежало семь глиняных «хлебцев», на некоторых из них прочерчен равноконечный крест. Яма была окружена столбиками, вероятно, поддерживавшими в древности перекрытие типа шалаша [31, с. 34]. Глиняные «хлебцы», часто встречающиеся в славянских жилищах, имитировали круглый хлеб-каравай и несомненно имели магическое значение. По этнографическим данным, у русских хлеб употреблялся при всех торжественных событиях в жизни. Особенно почитался круглый каравай — символ солнца, богатства и изобилия, способствующий плодородию и воссозданию силы жизни, а также знак очищения и мира. На караваях из теста выпекали изображения солнца и луны, деревьев и животных. Каравайные ритуалы особенно широко были распространены на свадьбах, хлеб преломляли над колыбелью новорожденного, с круглым хлебом встречали гостей, в конце зимы с хлебом обходили поля и вызывали весну. Но на похоронах и поминках круглый хлеб-каравай не применялся [32, с. 64—136; 33, с. 254—258; 34, с. 204—214].

В Городке яма округлой формы была заполнена слоями угля и золы, обломками посуды и пережженными костями животных. К яме примыкала площадка, вымощенная камнями, на которой горел огонь [35, с. 89—99]. Расположение этой ямы на краю поселка, многократное разжигание в ней огня типично для культовых памятников. Огонь повсеместно использовался при священнодействиях, следы его применения есть на всех святилищах. В индоевропейской традиции огонь служил посредником между людьми и богами, он пожирал жертвы и доставлял их богам [36, с. 183; 37, с. 85]. Огню, источнику тепла и жизни, придавалось значение очищающей силы, уничтожающей все вредное на земле, защищающей от злых духов [38, с. 596; 39, с. 220]. Такой же магической силой обладали остатки костра, уголь и пепел [39, с. 119]. Во всем мире существовал обычай кормить огонь, бросая в него остатки пищи, хлеб и хлебные зерна [40, с. 100]. Битье посуды имело магическое значение и практиковалось при всевозможных случаях жизни — на свадьбах, при рождении ребенка, на похоронах. Общий смысл этого обряда состоял в том, чтобы способствовать переходу в другое состояние, возрождению, защите от злых сил [41, с. 180—190].

В этих ранних жертвенных ямах около Корчака и Городка проявились черты, характерные для культовых объектов более позднего времени,— почитание хлеба и огня, наличие костей животных, разбивание посуды, расположение на краю поселения, фактически за его пределами.

Позднее жертвенные ямы приобрели бóльшие размеры и глубину, содержали разнородные жертвы. В Новгороде на еще не застроенном в X в. участке города находилось три жертвенных ямы. В одной из них лежали деревянные ковши и куски воска в виде хлеба, во второй были уложены два бычьих черепа и между ними деревянный ковш [42, с. 138—141; 43, с. 28, 29]. Третья яма, возможно, имела перекрытие в виде навеса или шалаша, на ее обожженном дне находился костяк лошади, череп которой был положен отдельно вместе с кнутом и свечой [44, с. 215—227]. На святилище в Звенигороде в одной из жертвенных ям обнаружен костяк коровы и рядом с ним черепки сосудов и обломки стеклянных браслетов — символы солнца и возрождения. Сохранение костей животного у многих народов мира считалось залогом его возрождения [45, с. 133]. Столь же распространено представление, что часть животного, особенно его голова, заменяет целое [46, с. 195]. В Индии конь выступал как одно из основных жертвенных животных и по значению занимал второе место после человека, затем следовал бык [46, с. 548].

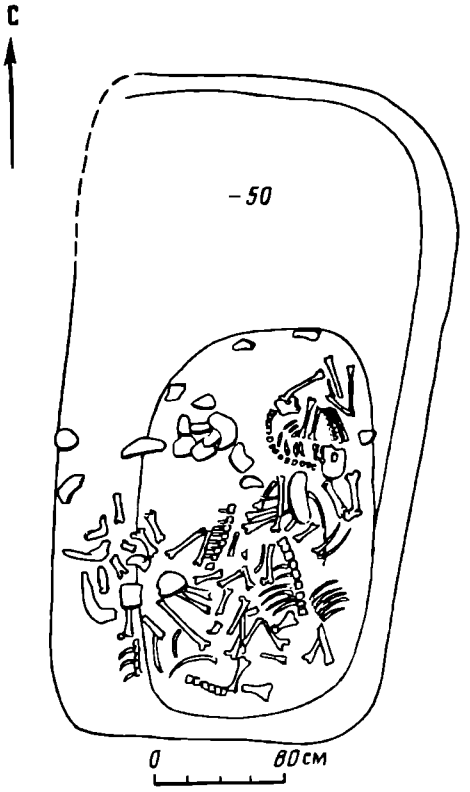


Рис. 2

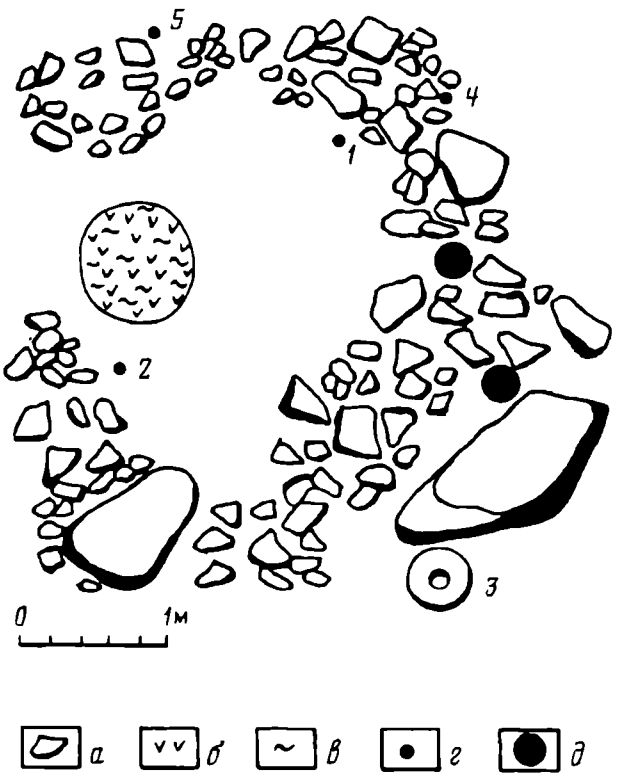


Рис. 3

Рис. 2. Городище-святилище Звенигород, жертвенная яма № 3

Рис. 3. Городище-святилище Звенигород, жертвенная площадка. *а* — камни; *б* — уголь; *в* — зола; *г* — места находок вещей; *д* — фрагменты черепа человека. *1*, *2* — обломки стеклянных браслетов; *3* — жернов; *4*, *5* — ножи

На славяно-финском могильнике XII — начала XIII в. далеко на севере, в Каргаполье, в жертвенную яму были сложены убитые собаки, птицы и рыбы — обитатели земли, неба и воды, а сверху брошены деревянные сосуды и два замка — для запирания жертв и обезвреживания злых сил. По-видимому, эти жертвы были принесены божествам смерти и подземного мира при каких-то экстремальных обстоятельствах [47, с. 75—78]. Жертвенные ямы известны и на других могильниках: в Погосише в яме лежало три топора — символы защиты и охраны [48, с. 213—218], в Василеве и Ошихлебах ямы были заполнены углем, битой посудой и костями животных [22, с. 97; 49, с. 183].

Часто в жертвенных ямах оставляли куски туш домашних животных, особенно пригодные для еды. Так, в Звенигороде на дне жертвенной ямы № 3 в один ряд были уложены разрубленные части коров (позвонки с ребрами, таз, бедренные кости) и лежали вместе четыре нижние челюсти, вероятно, символизировавшие целых животных. По-видимому, жертвы предназначались для кормления и задабривания богов. В этой же яме находился костяк подростка, лежащий скорченно на правом боку (рис. 2).

Человеческие жертвоприношения совершались при тяжких бедствиях, неурожаях, войнах и у многих народов мира считались самыми важными и действенными [38, с. 642—658; 50, с. 58]. В жертвенных ямах, расположенных на святилищах, встречаются целые скелеты жертв или отдельные человеческие кости и черепа. Недалеко от Волина в Польше в яме найдены два человеческих черепа, кости животных и фрагменты посуды [6, с. 111]. В одном из углублений на городище Аркона находилось 8 или 11 черепов взрослых мужчин, кости животных, обломки посуды, наконечники стрел и нож. Все углубление было перекрыто каменной вымосткой [15, с. 220—249]. Более подробные данные о ямах с остатками человеческих жерт-

воприношений получены при раскопках святилища Звенигород. Здесь выявлено пять таких ям. Все они имели прямоугольную форму и перекрытия в виде навесов, жертвенные обряды в ямах совершались многократно. Так, на дне ямы № 5 лежали два мужских черепа и разрозненные кости, частично обожженные, рядом было рассыпано обгоревшее хлебное зерно, положено три серпа (два из них перекрещены), среди костей воткнуто шило и сверху оставлены четыре золотых височных кольца и массивный серебряный браслет. Затем все было засыпано землей, камнями, на которых разожжен огонь и вновь положен череп человека, рядом с ним помещен замок, обломки стеклянных браслетов, развалы сосудов и кости животных [27, с. 83—86]. Обряды в этих ямах совершались во время каких-то важных событий в жизни общества и были связаны с земледельческими культами. Сельскохозяйственная направленность жертвоприношений, помимо находок зерна и серпов, подчеркивается и тем, что жертвы совершались перед устьем нишеобразных печей, выбитых в материковых стенках ям на разном уровне по мере исполнения обрядов и заполнения ям. По этнографическим данным, такие печи служили для выпечки круглых караваев. После выполнения всех обрядов жертвенные ямы забрасывались камнями.

Жертвенные ямы повсеместно использовались разными народами. Широкое распространение их у славян, явно жертвенный состав заполнения, применение огня, забрасывание камнями, свидетельствует об определенной общности представлений и закономерности проведения обрядов. В VI—VII вв. у небольших и неглубоких ям жертвоприношения и обряды могли совершать жители отдельных поселков, которые в это время принадлежали большим патриархальным семьям. Позднее размеры ям увеличились, усложнилось их устройство, разнообразнее стал состав жертв. Эти ямы использовались многократно большими группами людей, совершавших общественные жертвоприношения.

Ко второму типу культовых мест относятся жертвенные площадки, известные во многих местах (рис. 1, *б*). Как и жертвенные ямы, они расположены за пределами поселений и на них сохранились остатки жертвоприношений собственного такого же состава — фрагменты посуды, кости животных и людей. Площадки, имеющие круглую или овальную форму, часто вымощены камнями или покрыты глиной, поверхность иногда обожжена, на ней лежат угли, кости, черепки, обычно обожженные. Такие площадки открыты около жертвенных ям в Городке на Украине, в Волине, под фундаментом собора в Гнезно в Польше [6, с. 48], в Горановцах в Болгарии [51, с. 288]. На горе Тумской около Плоцка в Польше находились овальное кострище и рядом лежал большой камень-алтарь. На площадке сохранились обломки посуды X в., кости животных, череп ребенка, в землю был воткнут меч [52, с. 53]. Круглые площадки для жертвоприношений устраивались на городище-святилище Звенигород. На одной из таких площадок, обложенной камнями, были положены фрагменты черепа человека, два ножа и обломки стеклянных браслетов. Почти в центре площадки разжигали огонь, а вблизи от нее соорудили нишеобразную хлебную печь (рис. 3). Такая же жертвенная площадка, обставленная камнями, была расположена у подножия святилища Звенигород. В ее центре также горел огонь, кругом были разложены части туш коров и семь коровьих черепов. Здесь же лежал костяк мужчины с отрубленной головой, рядом в глинистом склоне выбита хлебная печь. После окончания жертвенных обрядов площадка была завалена большими камнями, как часто делалось и в других культовых местах.

К качественно другому виду принадлежат площадки тоже круглой формы, но в центре которых имеется место для идола, т. е. их можно рассматривать как пьедесталы для изображений богов — капища и считать святилищами. По своему плану и назначению эти площадки близки капищу в Перыни. На таком капище в Яздове найдена голова каменного идола [52, с. 53]. В центре капища у Пскова сохранились остатки дубового столба [53, с. 100—108], центральная яма капища в Микульчинах была обставлена камнями [54, с. 488, 489]. Помимо центрального столба, характерной чертой площадок-капищ является их ограждение от внешнего мира, символическая защита. Ограждение капищ бывает разным. Чаще всего оно имеет

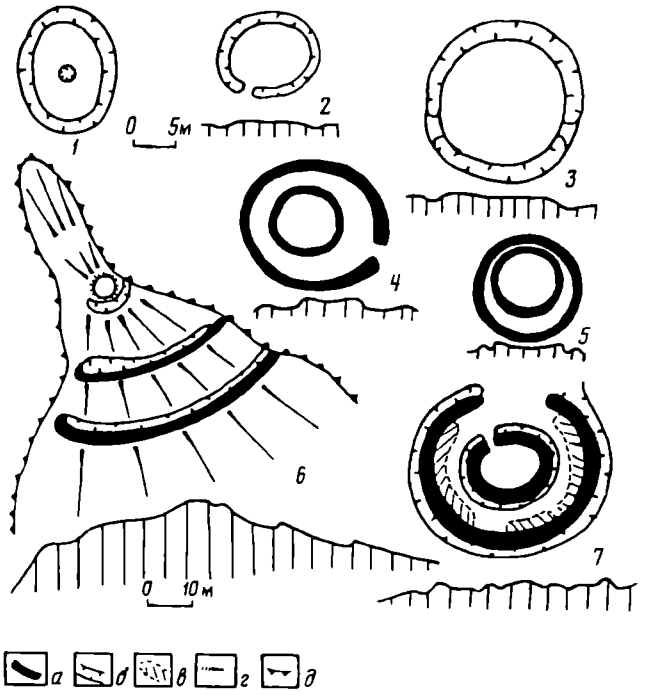


Рис. 4. Площадки-капища (*1—3*) и малые городища-святилища (*4—7*). *1* — Тжебятув; *2* — Зааринген; *3* — Бродовин; *4* — Красногорье; *5* — Кушлянщина; *6* — Бабин; *7* — Ржавинцы (*а* — вал; *б* — ров; *в* — длинные дома; *г* — склон; *д* — обрыв)

вид кругового ровика, на плоском дне которого жгли огонь, о чем свидетельствуют остатки угля; там же найдены кости животных, черепки посуды (Псков, Ходосовичи, Микульчицы, Бродовин, Зааринген, Тжебятув) [3, с. 528—529; 55, с. 145—153; 56, с. 75—95] (рис. 4, *1—3*).

Капища иногда ограждалась камнями или покрыты каменными вымостками. Так, в Вышеграде (Польша) круглая площадка была окружена рядом больших камней, среди которых стоял алтарь, сложенный из семи каменных плит, и лежал плоский камень-жертвенник. Здесь же находился костяк человека с пробитым черепом. К капищу вела мощеная камнями дорога, на которой были положены два серпа и второй скелет убитого человека. По находкам керамики весь комплекс может быть отнесен к X—XIII вв. [52, с. 54—56]. В. Я. Конецкий считает святилищами каменные круги, расположенные около сопок VIII—X вв. близ Новгорода. В центре этих кругов иногда выделяется яма, в которой мог быть укреплен идол (Хутынь), или сложены камни [57, с. 38—41; 58, с. 143—146]. Вымощены камнями капища збручских святилищ — четыре круглые капища в Звенигороде, одно из которых осложнено дополнительными жертвенными площадками, и круглое капище на Богите, окруженное восьмью углублениями, что сближает его со святилищем в Перыни. К этому же типу капищ, вероятно, принадлежало и сооружение, раскопанное В. В. Хвойко в Киеве, имевшее вымощенную камнями площадку овальной формы с четырьмя выступами, ориентированными по странам света [59, с. 105—112]. На первый взгляд особую, крестовидную форму имело капище в Шумске [60, с. 233—237; 31, с. 36, 37]. Но в основе этого сооружения также находился центральный круг с ямой для идола, окруженный столбовыми ямками, и к нему примыкали четыре выступа.

Круглая форма капищ, вероятно, отражала представления об окружающем человека мире, в центре которого находится божество. В отличие от жертвенных площадок, на площадках-капищах непосредственно пред идолами жертвенные дары обычно не помещали. Остатки в виде костей животных, обломков посуды, угля встречаются только кругом капищ и в окружающих их ровиках. Состав жертвенных даров был в основном таким же, как у русов на о. Хортица и на Волге — хлеб, мясо, напитки и «что имеет каждый», то есть здесь происходило собственно «корм-

ление» богов [61, с. 49; 62, с. 80]. Появились капища такого типа у славян не раньше VIII—IX вв. Расположены они были около поселков и у могильников и многократно использовались жителями отдельных поселков или более крупных объединений. Святилище в Шумске, по-видимому, являлось религиозным центром целого гнезда поселений VIII—X вв.

Та же идея круга, что и на площадках-капищах, воплощена в малых городищах-святилищах, центром которых служат такие же круглые площадки диаметром от 7 до 20—25 м. Круглые площадки ограничены низкими валами и рвами с плоским дном, не имевшими оборонительного значения и служившими лишь символической защитой. Несмотря на разное топографическое положение этих городищ, зависящее от характера местности — на Смоленщине они расположены на останцах среди болот, в Припятском Полесье занимают оконечности песчаных дюн, в Прикарпатье находятся на высоких холмах и мысах, поднимающихся над долинами рек, все они характеризуются рядом общих признаков.

Признаки городищ-святилищ Смоленщины первым выделил А. Н. Лявданский, отметивший их малые размеры, непригодность для защиты и места жительства, круглую, отнюдь не случайную форму площадок городищ [18, с. 50]. На материалах тех же смоленских городищ В. В. Седов добавил следующие признаки: отсутствие культурного слоя, иногда наличие внутреннего рва, расположение среди славянских поселений VIII—XIII вв. [20, с. 57—64]. Специальные исследования городищ-святилищ, расположенных в Украинском Прикарпатье, позволили Б. А. Тимощуку отметить новые существенные их признаки: на вершинах культовых валов и на плоском дне неглубоких рвов устраивались специальные площадки, часто вымощенные камнями, где разжигались ритуальные огни и приносились жертвы; составной частью городищ-святилищ были длинные общественные дома, а сами городища являлись религиозными центрами общин [23, с. 79]. Не все детали устройства удается выявить на каждом городище, но только в том случае, когда имеющиеся данные не противоречат всей системе этих признаков, городище можно считать святилищем.

При исследованиях городищ-святилищ Украинского Прикарпатья особенное внимание уделялось поискам характерных для этого типа памятников признаков и в большинстве случаев это удалось. Городища у сел Бабин, Кулишевка, Ржавинцы имеют маленькие площадки (их диаметры 7, 8 и 22 м), круглы в плане и слегка выпуклые в центре (рис. 4, *6*, *7*). На площадках нет культурного слоя и каких бы то ни было сооружений. Площадки окружены чуть заметными внутренними ровиками и валами, концентрическими или дугообразными, отделяющими мыс городища с напольной стороны [63, с. 161—173; 64, с. 45—55]. На вершине валов или на вырезанных в их склонах горизонтальных ступеньках сделаны площадки, выложенные камнями, на которых разжигался огонь. На дне и в заполнении рвов выделяется несколько слоев камней и угля от многократно разжигавшихся костров.

На городище-святилище Ржавинцы на пространстве между валами и рвами, но за пределами центральной круглой площадки стояли наземные длинные дома, один из которых имел размеры 4 × 25 м. Такие же дома находились на святилищах Богит и Звенигород, где их длина доходила до 60—80 м. От этих домов сохраняется тонкий культурный слой (до 15—20 см), насыщенный кусками глиняной обмазки, покрывавшей деревянные стены домов, обломками посуды и костями животных. Кости, найденные на полу длинных домов, были обычно раздроблены и принадлежали только съедобным животным, тогда как в жертвенных ямах, на жертвенных площадках и около капищ встречаются кости лошадей, собак, челюсти и фаланги крупного рогатого скота, символизирующие жертву целого животного.

Длинные общественные дома известны на многих памятниках у разных народов. Они открыты на славянских городищах VIII—X вв. (Старая Ладога, Шелиги, Екимауцы, Ревно, Добрыновцы и других), являвшихся общинными центрами [49, с. 51—54]. Общественные дома выполняли разную роль, в том числе имели культовое значение, в них могли храниться богатства общины и святилищ. Но, вероятно, основные их функции были такими же, как в Щетине, общественные дома которо-

го описаны в Житии Оттона Бамбергского. Внутри этих домов были расставлены столы и скамьи, здесь устраивались совещания и сходки, сюда собирались, чтобы пить или играть, или обсуждать серьезные дела [65, с. 355]. Пышными пирами заканчивались все праздники и богослужения, при этом полагалось кормить богов и предков, оставлять им часть еды, сохранять кости съеденных животных, обладавших по поверью магической силой [66, с. 28].

Маленьких городищ-святилищ, вероятно, было много в славянских землях, но сведения о них часто очень отрывочны. Болотным городищам Смоленщины, пока мало исследованным, можно дать только суммарную характеристику (рис. 4, *4*, *5*). Они имели маленькую круглую площадку, на которой нет культурного слоя, в некоторых случаях на круговых валах прослеживаются следы огня, иногда заметна каменная кладка (Кушлянщина, Буловцы, Зяхино, Никульчино), края площадки городища Асташково были обожжены [21, с. 124, 125]. На дне широкого и мелкого рва городища Шапырево лежали обожженные камни, а в заполнении рва видны зольно-угольные прослойки, сохранившиеся от неоднократно разжигавшегося огня [21, с. 37, 38, 125—129]. На городище Красногорье между концентрическими валами выделяется ровная площадка; она «имеет вид как бы небольшого дворика, на котором следов рва не заметно» [18, с. 172]. Возможно здесь, как и на городище-святилище Ржавинцы, мог стоять общественный дом. К этому же типу святилищ, по-видимому, относится городище Верховляны в Беларуси, площадка которого диаметром 7 м окружена валом и внутренним ровиком с каменной кладкой на дне [67, с. 73]. Городище Пустары в Польше имеет такую же маленькую круглую площадку без культурного слоя и окружено валом [68, с. 105—107]. П. Гримм считал святилищами городищ в Петерсберге и Ландсберге в Германии, расположенные на вершинах высоких гор. Их круглые площадки ограничены двумя концентрическими валами. На вершине вала и на плоском дне рва городища Ландсберг прослеживаются угольные прослойки [69, с. 23]. Но все же данных для отнесения этих городищ к святилищам недостаточно, нужны дополнительные полевые исследования.

В какой-то мере культовое значение могли иметь городища-убежища, где население искало защиту от врагов и обращалось за помощью к богам и предкам (рис. 1, *д*). В отличие от святилищ, городища-убежища были тщательно защищены со всех сторон оборонительными стенами, площадки этих городищ могли быть очень большими (размеры городища-убежища Ревно 400 × 1000 м), на них не было стационарных жилищ, но стояли длинные общественные дома, предназначенные для собраний, пиршеств и отправления некоторых культовых обрядов [23, с. 15—20; 64, с. 32—39]. Славянские убежища исследованы недостаточно, но все же на некоторых из них открыты культовые объекты. На городище-убежище Ревно расположен могильник с безурновыми трупосожжениями и рядом с ним находилась жертвенная яма. На городище Воргол была устроена жертвенная площадка или капище, окруженное жертвенными ямами [70, с. 203—209]. Городища Хотомель, Бабка, Головно могли совмещать функции убежищ и святилищ [71, с. 8—11, 22—23, 31—36]. Эти городища имели круглые, слегка выпуклые в центре площадки, окруженные внутренними рвами с перемычками, заполненными углем. В центре площадки городища Бабка стоял большой столб — идол (?) На этом же городище находилось погребение с трупосожжением, а на городище Головно найден фрагмент человеческого черепа. Площадки этих городищ имели бо́льший размер (их диаметры 30—40 м), чем малые городища-святилища, и могли в случае опасности укрыть часть местного населения. В поздний период существования городища Хотомель (VIII—X вв.) на его площадке вдоль вала был, видимо, построен длинный общественный дом, что характерно для городищ-убежищ. Наиболее наглядно функции убежищ и святилищ совмещались на балтских городищах типа Тушемли [21, с. 93—103].

Для сооружения городищ-святилищ и убежищ требовалось больше усилий и определенная организация труда, чем при устройстве жертвенных ям и площадок-капищ. Время распространения этих городищ, VIII—XI вв., совпадает с периодом сложения и господства соседско-большесемейной общины, более многолюдной, об-

ладавшей лучше развитым производством и организацией, чем общины предшествующего этапа развития. Таким общинам было под силу строительство специальных городищ-святилищ и убежищ. Эти городища входили в состав гнезд поселений, выделенных на территории Северной Буковины, и являлись центрами общин наряду с хозяйственными и административными центрами [64, с. 45—112]. В каждой общине имелось или святилище или убежище и это еще раз свидетельствует, что городища-убежища выполняли отчасти и функции святилищ. Такая же структура заселения прослежена на Смоленщине, где в состав групп поселений, занимавших бассейны маленьких речек и разделенных водоразделами, входило по одному городищу-святилищу или городищу-убежищу [72, с. 30—47, 126].

Следующим типом культовых сооружений являются храмы — закрытые помещения, в которых стояли идолы. Храмы северо-западных славян описаны немецкими хронистами. По Саксону Грамматику, на святилище Аркона «храм был обведен двойной оградой, из которых внешняя состояла из толстых стен, покрытых красной кровлею, а внутренняя из четырех колонн отделена от остальной части храма вместо стен повешенными богатыми коврами, которые спускались до земли и соединялись только с поперечными балками и кровлей» [73, с. 46, 47]. Остатки такого деревянного храма были открыты при раскопках селища и городища Гросс Раден в Германии. Благодаря хорошей сохранности дерева удалось реконструировать прямоугольную постройку с двускатной крышей и стенами, обшитыми досками, украшенными сверху фигурными вырезами в виде головок. Центральная и восточная части постройки оказались разрушенными в позднейшее время и места, где мог стоять идол, не найдено, зато около здания обнаружены череп зубра, шесть конских черепов, глиняный кубок, два наконечника копий и обломки посуды второй половины IX—X вв. [74, 75]. Фундамент подобного храма был раскопан на мысу, ограниченном ровиком, около городища Фельдберг в Германии. Здесь траншеями было перерезано основание прямоугольной постройки и вскрыта центральная яма, в которой, вероятно, укреплялся идол [76, с. 33—68]. Открытие деревянных храмов в междуречье Одера и Эльбы привело И. Германна к мысли, что этот тип культовых сооружений был свойственен только северо-западным славянам и его истоки связаны с древней кельтской традицией [5, с. 20, 26]. Этот вывод едва ли справедлив, так как в последние годы деревянные языческие храмы обнаружены в Прикарпатье на землях восточных славян.

В письменных источниках есть лишь краткие упоминания о храмах у восточных славян. В «Памяти и похвале св. Владимиру» говорится, что он «разрушил храмы идольскыя со лжеименными боги» [77, с. 241], языческий храм в Киеве упоминается в саге об Олаве Тригвесоне [78, с. 37]. Остатки деревянного храма раскопаны около с. Зеленая Липа на Днестре. Храм здесь стоял на вершине останца, имеющего крутые склоны и окруженного болотами и ручьями. Храм имел прямоугольную форму и двойные стены, сложенные из бревен, обмазанных глиной. Почти в центре постройки сохранилась глубокая яма с обожженными стенками и следами вертикально стоявшего столба, укрепленного камнями и, вероятно, служившего подножием идола. Перед идолом к округлой яме, вырытой в полу храма, был положен костяк мужчины и рядом с ним большой плоский камень-жертвенник. Кругом храма на склонах останца вырыты жертвенные ямы, в которых многократно разжигался огонь, и в скале выбит культовый колодец. По находкам керамики храм датируется XI—XII вв. Подобный храм, стены которого тоже были обмазаны глиной, находился на городище-святилище Рудники, его окружал культовый ров с каменными вымостками в заполнении [63, с. 165—168].

Небольшой храм прямоугольной формы (4,2 × 3,7 м) был открыт на городище-святилище Звенигород (рис. 5). Он стоял рядом с капищем на склоне и его горизонтальный пол был углублен в материк. Храм ориентирован по странам света, перекрыт навесом, опиравшимся на склон и столбы, и, вероятно, как часть храма в Арконе, не имел сплошных стен; скорее всего стены могли быть чем-то завешены. В храме находился идол, основание которого было укреплено в яме, вырытой в полу и забитой камнями. Идол представлял собой каменную плиту высотой 195 см при на-

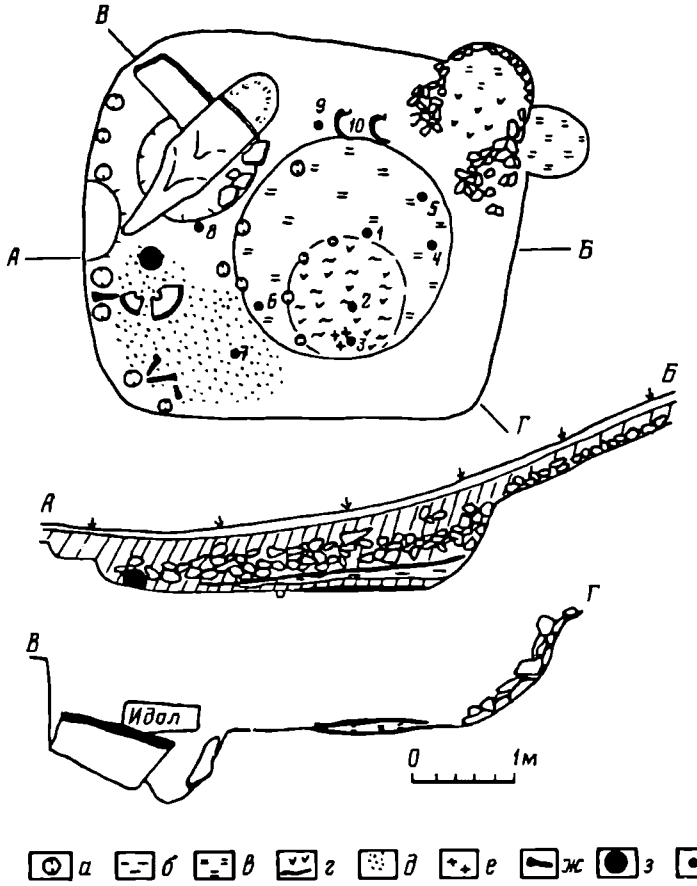


Рис. 5. Городище-святилище Звенигород, храм с идолом. *1, 6* — ножи; *2* — ажурная привеска-амулет; *3* — дужка колта; *4* — наконечник стрелы; *5* — горшок; *7* — гвоздь; 8 — замок от конских пут; *9* — трубчатый замок; *10* — серпы (*а* — столбовые ямы; *б* — глина; *в* — обожженная глина; *г* — уголь; *д* — скопление зерна; *е* — обожженные кости; *ж* — кости человека; *з* — фрагменты черепа человека; *и* — места находок вещей)

ибольшей ширине 70 см, на которой поперечным желобком выделена голова (рис. 6). Это собственно единственный случай, когда идол найден на предназначенном ему месте в комплексе с принесенными ему жертвами. Идол принадлежит к характерному для славянских земель типу примитивно сделанных каменных изваяний, имевших вид четырехгранного столба со слабо моделированным или грубо высеченным лицом [79]. Пол храма перед идолом был обожжен и огонь здесь разжигали неоднократно — глиняный пол прожжен до красного цвета, на нем расположено круглое кострище, покрытое несколькими слоями угля и глины и окруженное столбовыми ямками. Участок пола у подножия идола был посыпан зерном, здесь же находились фрагменты черепа и отдельные кости рук человека. В стороне на полу лежали параллельно друг другу два серпа, найдены также трубчатый замок, наконечник стрелы, круглая ажурная привеска-амулет и обломки посуды начала XIII в. В материковой стене храма одна над другой последовательно были устроены две хлебные печи, которыми пользовались по мере заполнения помещения. План, конструкция и атрибуты храма такие же, как и у типичных для этого святилища жертвенных ям, но обряды и моления здесь совершались перед идолом.

Помимо рядовых культовых сооружений, находившихся около отдельных поселений и могильников или служивших религиозными центрами общин, известны крупные языческие центры, куда во время праздников собирался народ с большой округи. Так, по Саксону Грамматику, в Арконе «ежегодно после жатвы собирались жители всего острова перед храмом, приносили жертвы и праздновали именем веры общественный пир» [73, с. 97]. По Польской хронике, к капищу богине Живы, устроенному на горе, «в первые дни мая благоговейно сходился многочисленный народ испрашивать от той, которую почитали источником жизни, долговременного

Рис. 6. Городище-святилище Звенигород, идол из храма

и благополучного здоровья» [80, с. 200]. Праздники происходили в дни, наиболее важные для сельскохозяйственного цикла, но сроки менялись и назначались, «когда жрец по указанию гаданий объявляет празднества в честь богов» [1, с. 129]. Несколько таких центров, находившихся на землях прибалтийских славян, описаны в немецких хрониках, а на восточнославянских землях упомянуты в летописях около Киева и Новгорода; вероятно, имелись и у других городов.

Языческие центры славян, помимо Арконы и Перыни, изучались еще в ряде пунктов. Наиболее известно святилище на горе Шлонжа в Силезии, которое привлекало особенное внимание исследователей благодаря каменным изваяниям. Раскопками, проводившимися на горе на протяжении многих лет, начиная с XIX в., было установлено отсутствие культурного слоя и постоянного заселения на площадке городища и выяснено, что валы, окружающие площадку и сложенные из камней, сооружались в разное время, их основание относится к середине I тыс. до н. э. и досыпались они до XII в. н. э. [81, с. 119—148; 82, с. 51—97; 83, с. 7—34]. Приблизительно такие же данные получены при раскопках на Лысой Горе в горах Свентокжицких в Польше [84, с. 3—100]. Больше сведений о городищах дали раскопки около Добжешуво в горах Свентокжицких и Радзиково на Плоцкой возвышенности в Польше, но об итогах этих исследований имеются лишь краткие публикации [85, с. 122—127; 86, с. 75—77]. Наибольшая информация получена при систематических раскопках на городищах-святилищах, расположенных на Збруче. Выяснена планировка святилищ, особенности окружавших их валов и рвов, где горели священные огни, расположение на площадках городищ культовых сооружений разной конструкции (капищ, жертвенных ям, жертвенных площадок, храма, длинных домов, предназначенных для хранения имущества святилища и для общественных сходок и пиршеств), обнаружены многочисленные жертвоприношения [26, с. 90—99; 27, с. 78—91]. Исследования збручских городищ Богит и Звенигород помогают понять те отры-

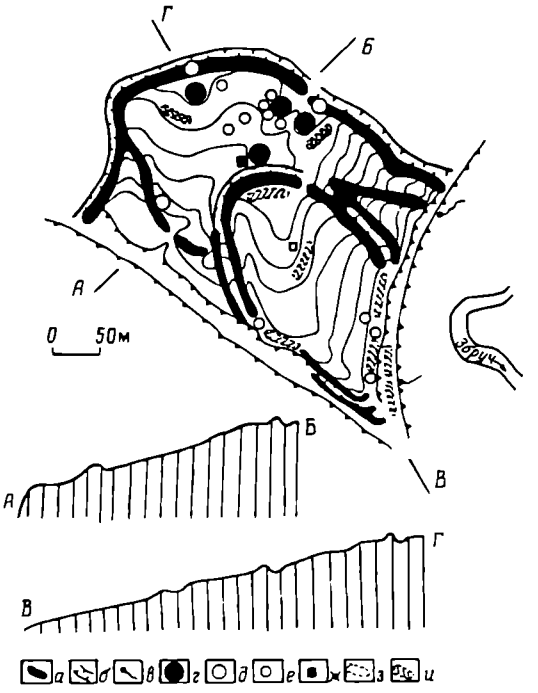


Рис. 7. Городище-святилище Звенигород и его разрезы. *а* — валы; *б* — рвы; *в* — источники воды; *г* — капища; *д* — жертвенные площадки; *е* — жертвенные помещения — ямы; *ж* — храм; *з* — длинные дома для общественных собраний; *и* — длинные дома для хранения имущества святилища (сечение горизонталей через 10 м)

вочные сведения, которые получены на других городищах, и определить основные особенности больших городищ-святилищ (рис. 7).

Все большие городища-святилища этого типа расположены в холмистой местности на вершинах каменистых гор, часто поросших лесом, и трудно доступны даже в настоящее время. Валы городищ сложены из камней, их основание относится к раннему железному веку (Богит, Звенигород, Шлонжа, Лысая гора), позднее они досыпались и перестраивались. Валы обычно не доходили до края склонов, оставляли незащищенной часть площадки городища и вообще не были приспособлены для обороны. На их вершинах или специально устроенных на склонах площадках горели огни и приносились жертвы (Аркона, Богит, Звенигород, Добжешуво, Лысая Гора, Радзиково, Шлонжа). Площадки городищ имели большую площадь (до нескольких сот метров), не были пригодны для жилья из-за каменистой и неровной поверхности, отсутствия наверху источников воды. На них нет культурного слоя и следов стационарного заселения. Площадки некоторых городищ разделены валами на две части, выполнявшие разные функции — сакральную и общественную (Богит, Звенигород, Аркона). На городищах находились капища (Богит, Звенигород), храмы (Аркона, Звенигород), жертвенные площадки (Богит, Звенигород), жертвенные ямы (Аркона, Звенигород, Радзиково), жертвенники из камней (Богит, Добжешуво); найдены остатки жертвоприношений в виде костей животных и человека (Аркона, Богит, Звенигород), многочисленные вещи (Аркона, Звенигород, Шлонжа). Следовательно, на больших городищах-святилищах есть все признаки и типы культовых объектов, характерные для культовых мест и рядовых святилищ. Иногда городища этого типа расположены группами и создают целый языческий центр, обычно состоящий из трех святилищ и окружающих их селищ, как это наблюдается в Силезии, горах Свентокжицких и на р. Збруч. Существовали эти крупные языческие центры с IX—X до XII (Аркона, Лысая Гора, Шлонжа) и даже XIII в. (Богит, Звенигород), что неопровержимо доказывается находками на Збруче многих вещей, связанных по времени с татарским нашествием, и монеты 1224—1230 гг., чеканенной в Фессалониках (таблица).

Многообразие описанных видов и типов славянских культовых памятников связано с их неодинаковым назначением, изменениями в общественной жизни населения, созданием новых поселенческих структур, имевших разные потребности и возможности. В культовом строительстве прослеживаются хронологические изменения. Так, в VI—VII вв. были известны только небольшие жертвенные ямы и жертвенные площадки, появились первые городища-убежища, которые выполняли и

Таблица

Основные данные о городищах-святилищах

Городища	Признаки												Века
	на горах	нет культурного слоя	огни на валах, во рвах	круглые капища	общественные дома	жертвенные ямы	жертвенные площадки	каменные жертвенники	храм	человеческие жертвы	жертвенные вещи	сакральная и общественная части	
Б о л ь ш и е													
Богит	+	+	+	+	+	+	+	+		+		+	X/XI — середина XIII
Звенигород	+	+	+	+	+	+	+		+	+	+	+	X/XI — середина XIII
Аркона	+	+	+			+						+	IX—XI!
Радзиково	+	?	+			+	+	+	+?	+	+		VII—XIV
Добжешуво	+	+	+										VIII—X
Шлонжа	+	+	+								+		X—XIII
Лысая Гора	+	+	+										IX—XII
М а л ы е													
Говда	+		+			+	+						XI—XIII
Горбово	+	+	+	+									IX—X
Бабин	+	+	+	+									IX—X
Дембно	+	?	+	+									IX—X
Кулишевка	+	+	+	+	+								X—XII
Ржавинцы	+	+	+	+	+								IX—X
Верховляны		+	+	+									IX—X
Красногорье		+	+	+	?								X—XIII
Кушлянщина		+		+	?								VIII—XI
Петрово		+	+	+									IX—XI
Шапырево		+	+	+									IX—XIII

культовую роль. Резкое развитие культового строительства наблюдается в VIII—IX вв., когда повсеместное распространение получили святилища-капища, храмы, малые городища-святилища, ставшие религиозными центрами общин. Крупные языческие центры появились уже на заре государственности и были уничтожены около больших городов после принятия христианства в конце X в. Но и после того, как христианство стало государственной религией на польских и древнерусских землях, языческие центры продолжали существовать в глухих местах до XII—XIII вв., когда на Руси происходило возрождение прежних верований [8, с. 774]. Приверженцы старой веры уходили в леса и дебри, где «по украинам» тайно молились своим богам [87, с. 25]. Один из таких центров существовал на р. Збруч в мало обжитом Галицком Понизье, в холмистой и лесной местности, вдали от городов и торговых путей.

Вопреки довольно распространенному среди исследователей мнению о низком уровне развития язычества у славян и почти полном отсутствии культового строительства на восточнославянских землях, имеющиеся материалы показывают, что восточные славяне так же, как и западные, имели многочисленные и разнообразные культовые сооружения, создавали крупные языческие центры, у них были распространены деревянные и каменные идолы, существовали специальные храмы, вероятно, выделялось сословие жрецов, без участия которых было невозможно создание языческих центров и организации религиозной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гельмгольд.* Славянская хроника. М., 1963.
2. *Седов В. В.* Восточные славяне VI—XIII вв. М., 1982.
3. *Herrmann J.* Einige Bemerkungen zu Tempelstätten und Kultbilden im nordwestslawischen Gebiet//Archeologia Polski. T. 16—1, 2. 1971.
4. *Herrmann J.* Arkona auf Rügen Tempelburg und politisches Zentrum der Ranen von 9. bis 12. Jharhunder. Ergebnisse der archäologischen Ausgrabungen 1969—1971//Zeitschrift für Archäologie. T. 8—2. 1974.
5. *Herrmann J.* Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel der frühen Mittelalters//Slavia Antiqua. 26. 1978.
6. *Kowalczyk M.* Wierzenia poganskie za pierwszych Piastów. Ludz, 1968.
7. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М., 1981.
8. *Рыбаков Б. А.* Язычество древней Руси. М., 1987.
9. *Váňa Z.* Die Welt der alten Slawen. Praha, 1983.
10. *Хвойко В. В.* Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913.
11. *Козак Д. Н., Боровский Я. Е.* Святилища восточных славян//Обряды и верования древнего населения Украины. Киев, 1990.
12. *Kotlarczyk J.* Słonecznego bogu — miesca kultu//Z otchlani wieków. 2. 1988.
13. *Schuchhardt C.* Arkona, Rethra, Vineta. Berlin, 1926.
14. *Berlekamp H.* Die Ausgrabungen auf Arkona 1969—1970//Berichte über den II Internacionalen Kongress für slawische Archäologie. Band 3. Berlin, 1973.
15. *Berlekamp H.* Die Funde aus den Grabungen im Burgwall von Arkona auf Rügen in den Jahren 1969 — 1971//Zeitschrift für Archäologie. 1974. T. 8—1.
16. *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни//КСИИМК. 1953. Вып. 50.
17. *Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перуна//КСИИМК. 1954. Вып. 53.
18. *Лявданский А. Н.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии//Тр. Смоленских государственных музеев. 1924. Вып. 1.
19. *Лявданский А. Н.* Некоторые данные о городищах Смоленской губернии//Науч. изв. Смоленского государственного университета. 1926. Т. 3. Вып. 3.
20. *Седов В. В.* Языческие святилища смоленских кривичей//КСИА. 1962. Вып. 87.
21. *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963.
22. *Тимощук Б. О.* Слов'яни Північної Буковини V—IX ст. Київ, 1976.
23. *Тимощук Б. А.* Об археологических признаках восточнославянских городищ-святилищ//Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989.
24. *Гуревич Ф. Д.* Збручский идол//МИА. 1941. № 6.
25. *Lenczyk G.* Światowid Zbruczński//Materialy archeologiczne. T. V. Y., 1964.
26. *Русанова И. П., Тимощук Б. А.* Збручское святилище//СА. 1986. № 4.
27. *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Второе Збручское (Крутиловское) святилище//Древности славян и Руси. М., 1988.
28. *Макаров Н. А., Черчецов А. В.* К изучению культовых камней//СА. 1988. № 3.
29. *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. М., 1868.
30. *Макаров Н. А.* Камень Антония Римлянина//Новгородский исторический сборник. 1984. № 2.

31. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом//САИ. 1973. Вып. Е1—25.
32. *Сумцов Н. Ф.* Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885.
33. *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.
34. *Гвоздикова П. С.* К типологии русского свадебного хлеба//Материальная культура и мифология. Л., 1981.
35. *Приходнюк О. М.* Слов'яни на Поділлі (VI—VII ст. н. е.). Київ, 1975.
36. *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1969.
37. *Невелева С. Л.* Мифология древнеиндийского эпоса. М., 1975.
38. *Фрезер Д.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1986.
39. *Иванова Ю. В.* Обрядовый огонь//Календарные обычаи и обряды зарубежной Европы. Т. 4. М., 1983.
40. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Весенние праздники. М., 1977.
41. *Свешников Т. Я., Цивьян Т. В.* К функциям посуды в восточнороманском фольклоре//Этническая история восточных романцев. М., 1979.
42. *Седов В. В.* Языческая братчина в древнем Новгороде//КСИИМК. 1956. Вып. 65.
43. *Седов В. В.* К вопросу о жертвоприношениях в древнем Новгороде//КСИИМК. 1957. Вып. 68.
44. *Миронова В. Г.* Языческое жертвоприношение в Новгороде//СА. 1967. № 1.
45. *Зеленин Д. К.* Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая//Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928.
46. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси, 1984.
47. *Макаров Н. А.* Жертвенный комплекс конца XII — конца XIII в. на Каргаполье//КСИА. 1987. Вып. 190.
48. *Макаров Н. А.* Раскопки средневекового могильника Погосище в Вологодской области//СА. 1983. № 3.
49. *Тимощук Б. О.* Давньоруська Буковина. Київ, 1982.
50. *Зеленин Д. К.* Обычай добровольной смерти у примитивных народов. Л., 1936.
51. *Седов В. В.* Международный симпозиум по славянскому язычеству в Югославии.//СА. 1988. №2.
52. *Gierlach O.* Studia nad archeologią średniowiecznego Mazowsza. Warszawa, 1975.
53. *Лабутина И. К.* Языческое святилище Пскова//История и культура древнерусского города. М., 1989.
54. *Klanica Z.* Mikulčice-Klášteřisko//Památký archeologické. 1985. 76—2.
55. *Куза А. В., Соловьева Г. Ф.* Языческое святилище в земле радимичей//СА. 1972. № 1
56. *Filipowiak W.* Słowiańskie miejsce kultowe w Trzebiatowie pow. Gryfice//Materiały Zachodnio-Pomorskie. 1957. 3.
57. *Конецкий В. Я.* О «каменных кругах» юго-западного Приильменья.//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
58. *Конецкий В. Я.* Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII—X вв.//Славяне. Этногенез и этническая история. Л., 1989.
59. *Каргер М. К.* Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958.
60. *Русанова И. П.* Языческое святилище на р. Гнилопять//Культура древней Руси. М., 1966.
61. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством. М., 1989.
62. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.; Л., 1939.
63. *Тимощук Б. А., Русанова И. П.* Славянские святилища на Среднем Днестре и в бассейне Прута//СА. 1983. № 4.
64. *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. М., 1990.
65. *Котляревский А. А.* Сочинения. Т. 3. СПб, 1893.
66. *Зеленин Д. К.* Тотемы-деревья в сказаниях и обрядах европейских народов. М., 1937.
67. *Зайкоўскі Э.* Капяні шмат об чим нам гавораць//Мастацтва Беларусі. 1. Мінск, 1990.
68. *Losiński W., Olczak J., Suichiński K.* Źródła archeologiczne do studiów nad wczesnośredniowiecznym osadnictwem grodowym na terenie województwa Koszalińskiego. Poznań, 1971.
69. *Grimm P.* Die vor- und frühgeschichten Wehranlagen der Bezirke Halle und Magdeburg. Berlin, 1958.
70. *Москаленко А. Н.* Святилище на реке Воргол//СА. 1966. № 2.
71. *Кухаренко Ю. И.* Средневековые памятники Полесья//САИ. 1961. Вып. Е1-57.
72. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.)//МИА. 1960. № 92.
73. *Срезневский И. И.* Архитектура храмов языческих славян//Чтения в обществе истории и древностей российских. 1846. № 3.
74. *Schuldt E.* Burg und Siedlung von Gross Raden//Zeitschrift für Archäologie. 12—2. 1978.
75. *Schuldt E.* Gross Raden. Berlin, 1985.
76. *Herrmann J.* Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Höhenburgen//Slavia antiqua. 16. 1969.
77. *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1901.
78. *Фамицын А. С.* Божества древних славян. СПб, 1884.
79. *Винокур І. С., Забашта Р. В.* Монументальна скульптура слов'ян.//Археологія. 1989. № 1.
80. *Бернштам Т. А.* Обряды кремации и похороны кукушки//Материальная культура и мифология. Л., 1981.
81. *Hołubowicz H.W.* Z badań na Ślęży w roku 1949//Studia w czesnośredniowieczne. T. 1. Warszawa; Wrozlaw, 1952.
82. *Cehak-Hołubowiczowa H.* Kamienne kręgi na Raduni i Śeźi//Archeologia Polski. 3—1. 1959.

83. *Cehak-Hołubowiczowa H.* Dzieje Ślęży na podstawie analizu ceramiki z wykopów na szczycie//Śladami dawnych wierzeń. Wrocław, 1979.
84. *Gąssowscy E. J.* Lysa Góra we wczesnym średniowieczy. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1970.
85. *Gąssowska E.* Sanktuarim pogańskie w Dobrzeszowie//Z otchlani wieków. 45—2. 1979.
86. *Dąbrowska J.* Jugoslowiansko-polskie badania wykopaliskowie na stanowisku «Gaik» w Radzikowie//Зборник посветен на Бошко Бабиќ. Prilep, 1986.
87. *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1913.

Институт археологии РАН,
Москва

I. P. RUSANOVA

THE CULT PLACES AND PAGAN SHRINES OF SLAVIC TRIBES OF VI—XIII CENTURIES

Summary

Cult archaeological sites must have some definite features — in location, planning and contraction — typical for series of objects. Among the cult sites we can choose the cult places (offering pits and grounds) and shrines proper. The cult places were used once or many-times offerings. The shrines are the places where idols were standing and rituals were performing for many years. The shrines include circular grounds — kapische, little settlements — shrines as religious community centres, settlements — shelters with cult functions, wooden temples and large settlements — shrines which combined all features of cult sites and were the centres of neighbourhoods. To the latter may be reckoned the shrines of Arkon, Perin, Shlonzha, Lisaya Gora and settlements — shrines Bogit and Zvenigorod on Zbruch river (where the Zbruch idol was found) which were studied recently. The cult places were known on Slavic lands in VI—VII cen. A. D., the greatest development of cult constructions took place in VIII—IX cen., when the shrines were practised on a large scale, some of shrines in mountain places were existed to XIII cen. A. D.

Т. И. МАКАРОВА, Т. В. РАВДИНА

СЕМИЛОПАСТНЫЕ ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА С ОРНАМЕНТОМ

Семилопастные височные кольца, традиционно связываемые с вятичами, изучены достаточно детально [1, 2]. К настоящему времени количество их достигает 2 тыс. [3, с. 181]. В большинстве случаев это находки в курганах Москворецко-Окского бассейна XII—XIII вв. [4, с. 137, рис. 1, 2]. Все они выполнены литьем по восковой модели [5, с. 154]. Такие детали, как боковые колечки с нарезкой в основании дужки, получались наложением на восковую модель провощенных перекрученных льняных нитей.

Обычно семилопастные височные кольца украшены заштрихованной декоративной полосой, располагающейся на щитке и повторяющей его контуры. Орнамент наносился острием на восковой модели. Полоса образует острые фестоны, обращенные к верхней части кольца с семью маленькими зубчиками и такими же остроугольными фестонами, обращенными вниз, к лопастям. Фестоны в этом случае увеличиваются по мере увеличения самих лопастей, подчеркивая ритм движения от малых боковых лопастей к большой центральной. Поле самого щитка отделялось от фестонов полосой, подчеркивающей его форму полумесяца.

Декоративная полоса покрыта частой прямой насечкой, похожей на туго сплетенную веревочку из двух нитей. Этот орнамент простейший, и в том или ином варианте он используется на всех височных кольцах. Но часть семилопастных височных колец украшалась дополнительным орнаментом. Речь идет о так называемых простых семилопастных височных кольцах, отнесенных А. В. Арциховским к первому типу [2, с. 49—55]. Именно развитые варианты простых семилопастных височных колец украшались дополнительным орнаментом [4, с. 140, 141]. В настоящее время известно 107 экз. таких височных колец, как целых, так и фрагментированных. Найдены они в 48 курганных группах (рис. 1). Типология семилопастных височных колец, достаточно хорошо разработанная, применима и к ним, но они дают возможность выйти за рамки этой формальной типологии и уловить изделия, вышедшие из одной мастерской, выявить дочерние мастерские, развивающие первоначальные традиции. А это дает материал для более точной датировки самих колец.

Орнамент на височных семилопастных кольцах выполнялся гравировкой или литьем. Именно способ нанесения декора дает самую крупную единицу нашей типологии — группу: к I группе относятся кольца с гравированным орнаментом, ко II — с литым. В первом случае орнамент наносился острием на уже готовом изделии, во втором — на восковой модели, образуя выпуклые контуры в глиняной форме. После заливки металла в форму на изделии получался углубленный орнамент, похожий на прочерченный.

Все височные кольца с дополнительным орнаментом созданы в небольшой промежуток времени — от второй половины XII до XIII в. включительно [4, с. 140]. Они составляют коллекцию, исключительную по своим художественным достоинствам. Попробуем оценить их прежде всего с точки зрения формы.

Среди рассматриваемых нами височных колец встречаются экземпляры, форма которых так совершенна, что наводит на мысль о точно найденном соотношении основных частей кольца. Действительно, промеры показали, что такие кольца

© Т. И. Макарова, Т. В. Равдина, 1992 г.

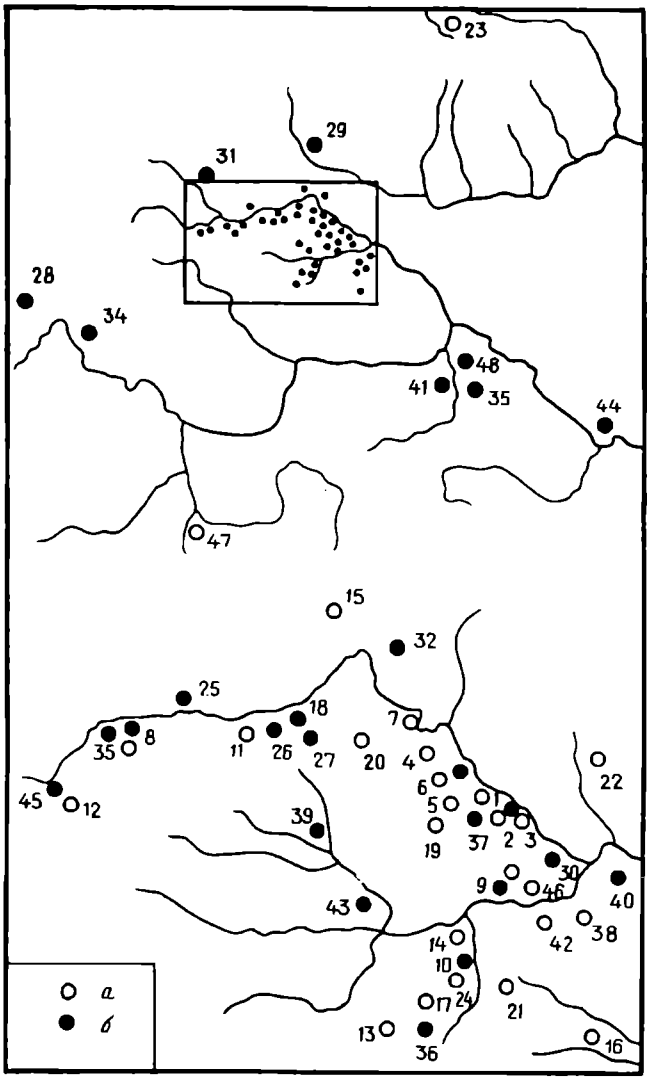


Рис. 1. Карта курганных групп с находками семилопастных височных колец с дополнительным орнаментом. Условные обозначения: а — височные кольца с гравированным орнаментом; б — височные кольца с литым орнаментом. Курганные группы: *1* — Царицыно; *2* — Царицыно-Орешково; *3* — Дубки; *4* — Матвеевская; *5* — Волхонка-Чертаново; *6* — Зюзино; *7* — Фили; *8* — Биостанция МГУ; *9* — Новлянская; *10* — Битягово; *11* — Ислáвское; *12* — Крымское; *13* — Никоново; *14* — Покров; *15* — Ангеловка; *16* — Боборыкино; *17* — Пузиково; *18* — Калчуга; *19* — Чертаново; *20* — Одинцово; *21* — Пустошь Дрязино; *22* — Марусино; *23* — Кубаево; *24* — Беляево; *25* — Верхогрязье; *26* — Успенское; *27* — Старо-Дарьино; *28* — Вязьма; *29* — Никольское; *30* — Прудищи; *31* — Захряпино; *32* — Спас-Тушино; *33* — Волково; *34* — Бочарово; *35* — Рассохино; *36* — Ивино; *37* — Саларево; *38* — Константиново; *39* — Марьино; *40* — Еганово; *41* — Смедово; *42* — Семивраги; *43* — Поливаново; *44* — Старая Рязань; *45* — Григорово; *46* — Котляково; *47* — Белево; *48* — Аночищи

построены на четком соотношении вершка и его частей. Самая маленькая величина древнерусских мер — вершок равен 4,44 см [6, с. 10].

Промеры надо начать с экземпляров, зрительно наиболее совершенных. Таким можно назвать височное кольцо, найденное в одном из курганов д. Покров [7, с. 185—189]. Легко понять, что основу кольца составляет окружность дужки, диаметр которой близок величине вершка — 4,4 см (рис. 2, *1*). Дальнейшие промеры основных формообразующих височного кольца дают величины, близкие вершку или доле этой меры. Расстояние от центра окружности до конца центральной лопасти близко вершку — 4,5 см; расстояние от той же точки до конца боковой лопасти — около 3/4 вершка — 3,3 см; расстояние от центра до начала верхних зубчиков близко 1/4 вершка — 11 мм; половину этой величины дают промеры высоты самих зубчиков и максимальной ширины щитка. Таким образом, промеры основных формообразующих кольца дают величины, кратные вершку.

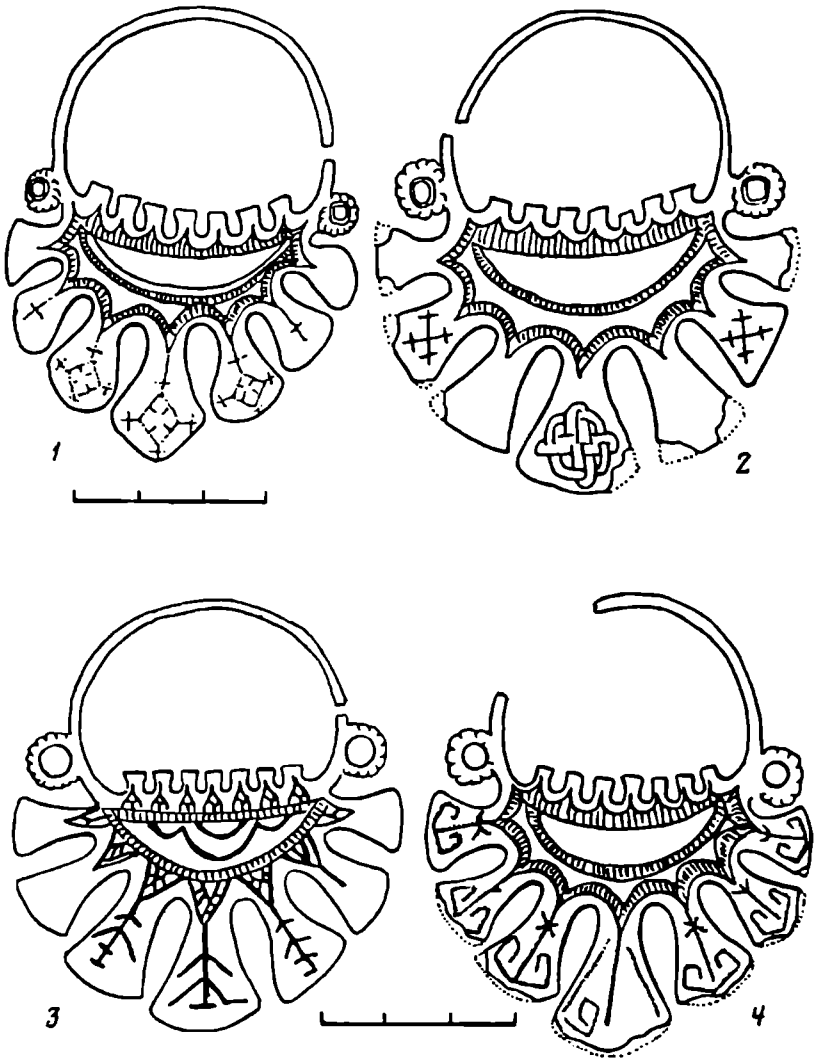


Рис. 2. Височные кольца с диаметром дужки, близкой к вершку: *1* — Покров; *2* — Ивлавское; *3* — Верхогрязье; *4* — Царицыно

Наиболее последовательно соотносятся основные промеры кольца с вершком у небольших височных колец с округлыми, почти соприкасающимися лопастями. На кольцах более крупных это соотношение нарушается, и прежде всего за счет увеличения расстояния от центра кольца до конца средней лопасти. При этом диаметр дужки кольца остается равным или близким вершку. Когда расстояние от центра кольца до конца средней лопасти становится равным 5,5 см, можно заподозрить, что оно намеренно равно вершку с четвертью, а у колец с этим расстоянием, доходящим до 6,6 см,— полутора вершкам. Но настаивать на этом не стоит, так как наряду с этими величинами встречаются и такие, которые представлять связанными с вершком нельзя (6,1; 6,2 см и т. п.).

Однако во всех случаях видна одна и та же тенденция: увеличение кольца за счет утяжеления лопастей при сохранении диаметра дужки близким вершку. При этом форма лопастей становится секировидной.

Далее необходимо проследить, как соотносится изменение формы височных колец с их орнаментацией. Для этого надо выделить вторую крупную единицу нашей типологии — вид. По размещению орнамента на кольце выделяются три их вида: 1 — с орнаментом на лопастях; 2 — с орнаментом на щитках; 3 — с орнаментом и на лопастях, и на щитках. Наконец, третьей единицей нашей типологии становится тип, определяющий сам характер орнамента: геометрический (тип 1) и растительный (тип 2).

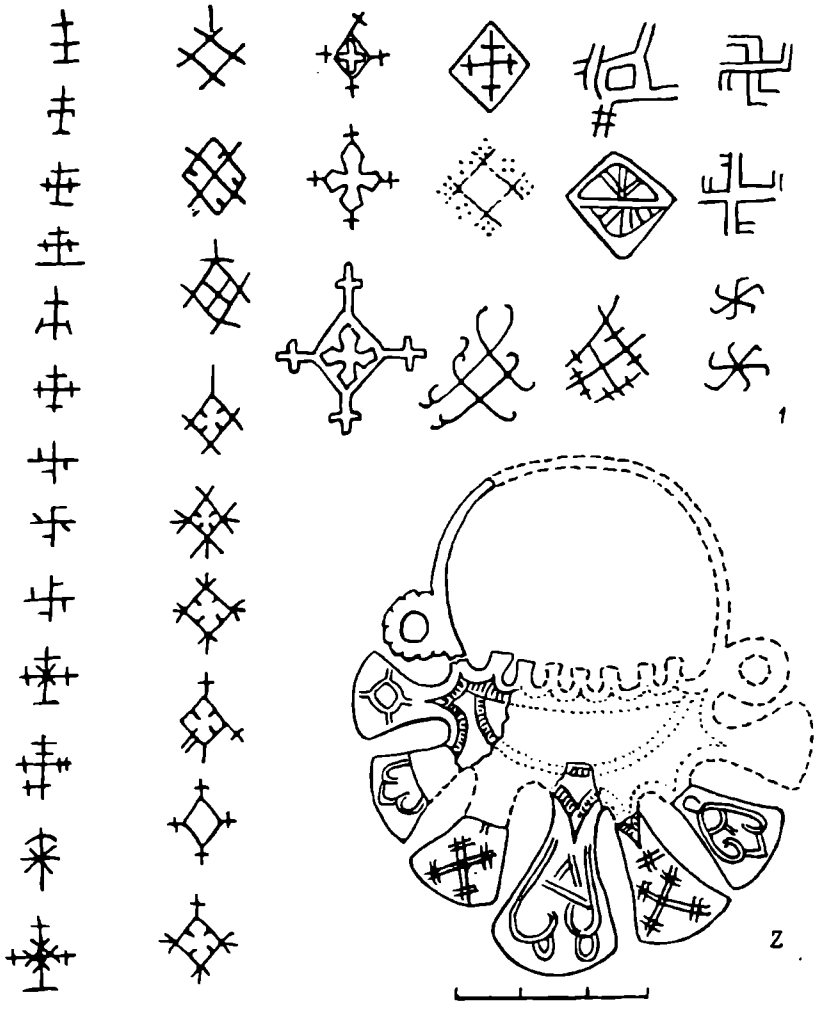


Рис. 3. Геометрический орнамент на семилопастных височных кольцах. *1* — мотивы геометрического орнамента; *2* — височное кольцо с геометрическим орнаментом из Никоново на р. Рожае (реконструкция Т. В. Равдиной)

Височные семилопастные кольца с геометрическим орнаментом представляют собой очень компактную группу: орнамент на них выполнен гравировкой, размещается он на лопастях. Два кольца с геометрическим орнаментом на щитках представляют собой исключение, о котором пойдет речь ниже и которое не нарушает правила.

В орнаментальных системах разных народов геометрический орнамент представляет древнейший пласт орнаментации. Исследуя прикладное искусство Древней Руси, В. М. Василенко убедительно показал, что предгосударственный период (VIII—X вв.) был эпохой «изысканного геометрического стиля», уходящего корнями в первые века нашей эры [8, с. 114].

Это наблюдение о ранних этапах в истории орнамента справедливо как для больших сообществ и территорий, так и для малых, какой была для Киевской Руси XII в. далекая от главных центров страны «вятическая земля». Во всяком случае, височные кольца с геометрическим орнаментом на лопастях можно считать самыми ранними из орнаментированных хотя бы потому, что они украшены гравировкой. Такое усовершенствование, как литье, должно было появиться позже, как и многие другие усовершенствования в русском ремесле.

По мнению А. К. Амброза, уже в X в. началось разложение геометрического орнамента [9, с. 27]. Геометрические узоры, которые сохранили нам вятические височные кольца XII—XIII вв., являются результатом этого процесса (рис. 3, *1*). Действительно, единства составных элементов, четкой эволюционной линии развития, системы в них не ощущается.

Однако основной элемент геометрического орнамента — ромб сохраняется. Семантика этого знака связана с магией плодородия. Б. А. Рыбаков показал его повсеместность и историческую глубину [10, с. 11—13; 11, с. 51, 52; 12, с. 45—50]. Ромбо-точечный узор как идеограмма засеянного поля объединился в сознании людей со всеобъемлющим образом матери-земли-растения [9, с. 21].

Композиции с ромбом и солярными знаками, символизирующими солнце — мужское начало, дают кратчайшую идеограмму жизни. Оба эти важнейших элемента геометрического орнамента сохранились на вятических кольцах. Они легко угадываются в композициях, состоящих из ромба и крестов по сторонам или внутри него. При этом кресты, крестообразные и свастические фигуры даются в сочетании ромбов как неразрывные части единой композиции.

В начертании ромбов прослеживается некоторая эволюция: от ромбов, разделенных на отсеки перекрещивающимися отрезками прямых, до устойчивой фигуры из ромба с четырьмя крестообразно расположенными черточками внутри и крестами, отходящими от каждого угла. Наличие ромбов с расположенными внутри него или с внешних сторон точками (рис. 3, *1*), а также ромбов с отходящими от его углов гусиными лапками не нарушает направления изменений от ромба с четырьмя черточками (или точками) до ромба с крестом. Интересно, что ромб с крестообразно расположенными в нем четырьмя точками встречается в миниатюрах рукописей Северо-Восточной Руси конца XII — начала XIII в. При этом в начертании этого знака есть, как и на вятических височных кольцах, вариации: иногда он дополнительно перечеркнут крестообразно, иногда сам ромб исчезает, а остаются только четыре точки, разделенные перекрещивающимися прямыми, иногда изображаются только четыре крестообразно расположенные точки.

Любопытно, что и при изображении крестообразных фигур — второго элемента геометрического орнамента — мастера тоже совмещали несовместимое — христианский символ креста с вариантами древней свастической фигуры. Прекрасно иллюстрирует это кольцо из Зюзино, на котором, по убедительной расшифровке Б. А. Рыбакова, изображен на центральной лопасти знак плодородия — ромб с крючками (по терминологии А. К. Амброза), а на соседних лопастях ромбические знаки сопровождаются крестами [13, с. 524, рис. 87]. Как видно, геометрическая орнаментация височных колец вятичей запечатлела стойкое сосуществование древней языческой символики с новой, христианской.

Очевидно, древнейший пласт геометрической орнаментации долго жил в быту вятичей, в домашних ремеслах, в материалах, до нас не сохранившихся. Иначе нельзя объяснить живучесть его образов в тот период, когда ювелиры научились изготовлять металлические украшения.

Тщательная разработка хронологии другой категории вятических древностей — перстней с литым геометрическим орнаментом [14, с. 133—138] — позволяет наметить время последнего расцвета геометрического орнамента в металлопластике вятичей. Производство перстней относится к узкому периоду третьей четверти XII в. В их орнаментации при доминировании геометрических сюжетов уже появляются растительные мотивы, правда, сильно геометризованные [3, с. 137, рис. 3, *3, 4*]. Знаменательно в связи с этим, что в курганных группах, где найдены перстни с геометрическим узором, встречаются височные кольца преимущественно с геометрическим орнаментом; литой растительный орнамент представлен на них тоже, но меньше и в очень примитивном варианте. То есть литье в орнаменте височных колец уже применяется. Вероятно, перстни с литым геометрическим орнаментом начали изготовлять в тот же период, когда на височных кольцах появился литой растительный узор — в 70-е годы XII в.

Очевидно, в это время было сделано единственное височное кольцо с геометрическим орнаментом, выполненным литьем. Это уникальное и в смысле декора кольцо из Верхогрязья [15, с. 284—292]. Орнамент его по начертанию геометрический, но по содержанию он ближе к растительному (рис. 2, *3*). Действительно, фигуры, занимающие три средние лопасти, геометризованы, но все же это скорее

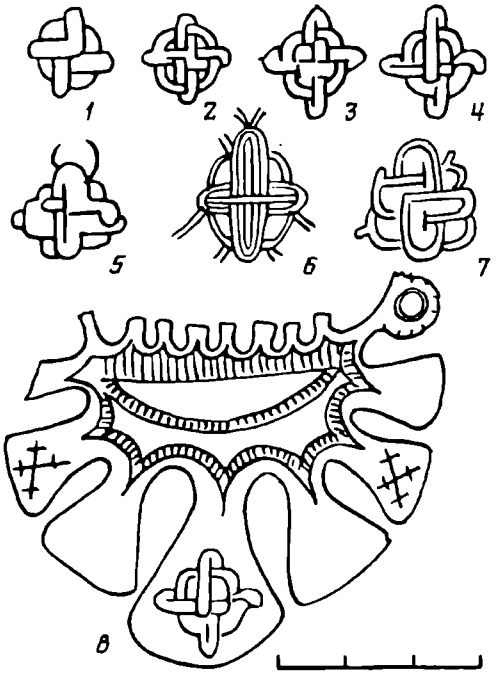


Рис. 4. Книжный орнамент на височных кольцах: *1* — Битягово; *2* — Ивлавское; *3* — Матвеевская; *4* — Крымское; *5* — Дубки; *6* — Зюзино; *7* — Волхонка—Чертаново; *8* — Крымское

древа. Растительную символику дополняет двойная волна — символ воды на щитке. Над щитком в верхних зубчиках помещены треугольные фигуры (ростки?); заштрихованные треугольники опущены сверху в лопасти, образуя своеобразный пьедестал — почву для деревьев.

Отдаленную аналогию этому кольцу представляет височное кольцо, найденное в Царицынских курганах [4, с. 141, рис. 2, *8*; 16, с. 213—217, рис. 4, *8*]. Сходство состоит в геометризованных фигурах, занимающих лопасти, как бы произрастающих из фестонов опускающегося в них жгута (рис. 2, *4*). Но выполнены они гравировкой.

Уникальная композиция изображена на плохо сохранившемся височном кольце из Никоново, упомянутом А. В. Арциховским лишь в списке инвентарей [2]. Очевидно, орнамент тогда не был замечен. Только много позже он был заново открыт Т. В. Равдиной во время работы над коллекциями ГИМ. На шести фрагментарно сохранившихся лопастях даны поочередно: ромб с отростками (на одной крайней левой лопасти, правая не сохранилась); антропоморфная фигура, целиком изображенная на правой лопасти и фрагментарно на левой; кресты с перечеркнутыми концами; на центральной лопасти весьма натуралистически изображены символы плодородия, легко угадываемые, исходя из антропоморфного рисунка (рис. 3, *2*). Говоря о нем, надо отметить, что эта фигура в перевернутом виде представляет собой хорошо выраженный росток-крин. Эта своеобразная билингва дает расшифровку всей композиции с ее чередованием символов плодородия и благопожеланий «на все четыре стороны» [13, с. 524]. Вряд ли случаен тот факт, что это уникальное кольцо найдено в курганной группе на р. Рожае, на месте, где позднее возник Серафимо-Знаменский скит.

На фоне всей этой полной языческих представлений орнаментики особенно выделяются височные кольца с розетками из ленточного плетения на лопастях. Их справедливо связывают с книжным орнаментом, и они, вероятно, и были скопированы с какой-нибудь не дошедшей до нас рукописи. Действительно, плетеные мотивы составляют существенную часть книжного орнамента XII—XIV вв. Особенно совершенные примеры плетения дают заставки и инициалы рукописей этого времени [17, (6) л. 194 об., (9) л. 96 об.; (9), л. 115; (12), л. 1 об.].

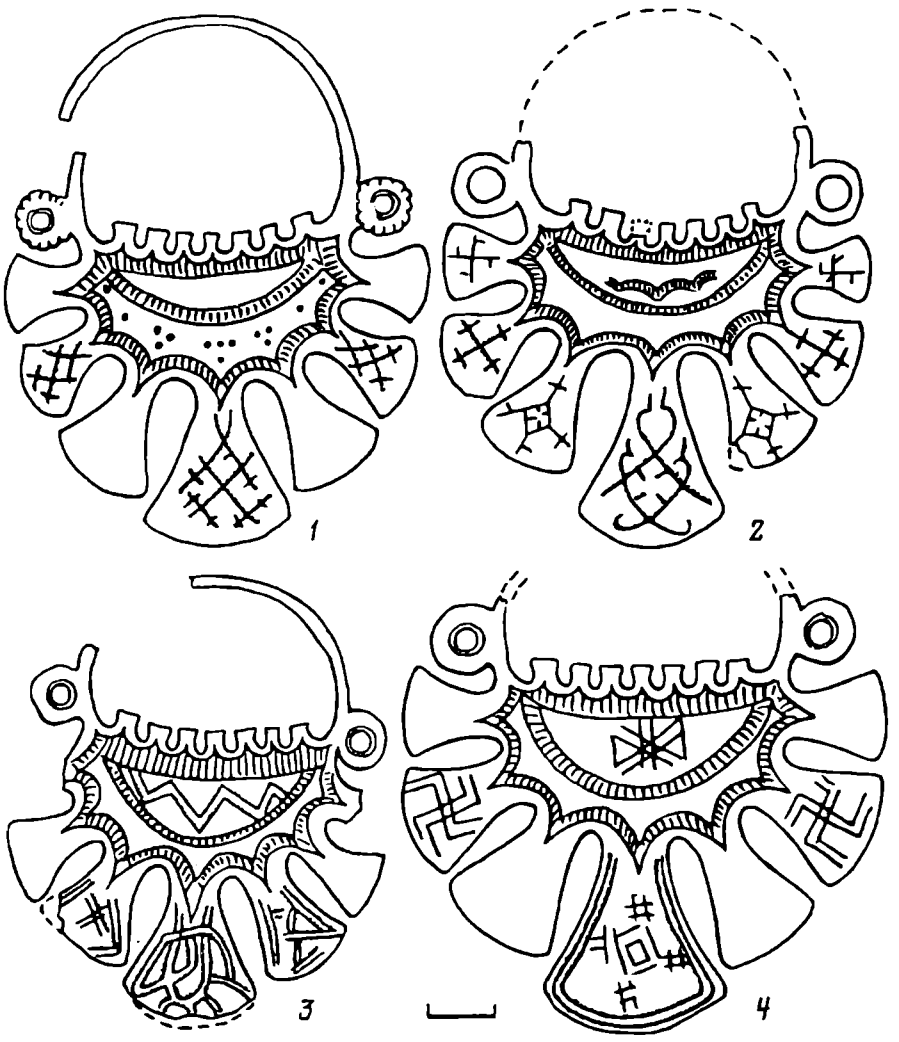


Рис. 5. Височные кольца с композициями геометрического характера: *1* — Чертаново; *2* — Зюзино; *3* — Ислявское; *4* — Дубки; Царицыно

Височных колец с книжным орнаментом в настоящее время известно 8 экз. (рис. 4). Три из них опубликованы: это кольцо из Зюзино [4, с. 141, рис. 2, *3*; 18, с. 60, рис. 13, *б*, *2*; 19, с. 69]; кольцо из Дубков Царицынских [4, с. 141, рис. 2, *1*, с. 81, рис. 5; 19, с. 61, карта]; лопасть кольца из Матвеевской [4, с. 141, рис. 2, *2*; 20, с. 49, рис. 5, *7*]. Два височных кольца и две отдельные лопасти с книжным орнаментом публикуются впервые: это находки в Ислявском (рис. 4, *2*), Крымском (рис. 4, *8*), Битягово (рис. 4, *1*) и из кургана, находившегося между д. Волхонка и Чертаново и раскопанного Самоквасовым (рис. 4, *7*).

Легко заметить, что в трех случаях розетки с плетением на височных кольцах представляют собой незамкнутые фигуры, как бы вырванные из какого-нибудь инициала или заставки (рис. 4, *5*—*7*). В остальных случаях это замкнутые розетки, близкие по рисунку, но различные по сложности ременного плетения. Самая близкая к ним аналогия оказалась в одной из болгарских рукописей [21, табл. VI, *5*].

Наконец, среди височных колец с геометрическим орнаментом на лопастях есть кольца с очень примитивным гравированным узором. Это кольца из Битягово [22] и Беляево [23]. Орнамент на них нанесен инструментом с зубчатым следом, он крайне схематичен, особенно на кольце из Беляево. На битяговском кольце на центральной лопасти изображен ромб, а на одной из боковых — крест. Рисунок на этих кольцах производит впечатление неумелого домашнего подражания орнаментированным семилопастным.

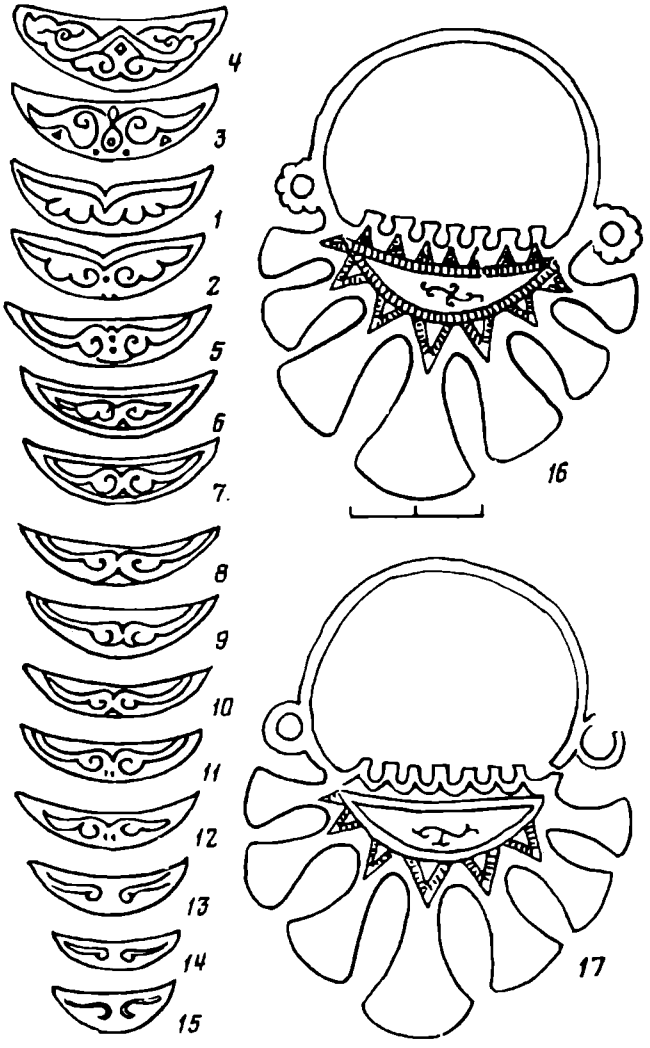


Рис. 6. Вариации крина на щитках семилопастных височных колец: *1* — от Брокара; *2* — Марьино (исходные формы); *3* — Зюзино; *4* — Старо-Дарьино (усложненные формы); *5* — Новлянская; *6* — из раскопок А. Богданова 1865 г.; *7* — Биостанция МГУ; *8* — Григорово; *9* — Котляково; *10* — Ивино; *11* — Саларево; *12* — Константиново; *13* — Старая Рязань; *14* — Битягово; *15* — Ивино (упрощенные формы); *16*, *17* — височные кольца с веткой на щитке (Биостанция МГУ, Рассохино)

Височных колец с геометрическим орнаментом на щитке не найдено, но есть кольца, геометрический узор на которых расположен и на лопастях, и на щитках. Одно из них, с оригинальным орнаментом — из Верхогрязья, уже упоминалось. Оно единственное из колец с геометрическим орнаментом, выполненным литьем (рис. 2, *3*). Остальные украшены гравированным узором. Только два из них орнаментированы достаточно искусно — это кольца из Чертаново [4, с. 141, рис. 2, *4*; 19, с. 61; 24, с. 63]. На кольце из Чертаново композиции из ромбов, занимающие три лопасти, дополняют продуманно размещенные композиции из точек на щитке (рис. 5, *1*). На кольце из Зюзино декорированы все лопасти: центральная занята ромбом с отростками, а боковые — чередующимися фигурами ромбов с крестами, крестами и подобием свастических знаков (рис. 5, *2*). Своеобразие этого кольца составляет волнообразно положенный жгут на щитке. Два других кольца — из Ислявского и Царицыно [2, с. 174, № 63; 25, с. 81] — гравированы весьма примитивным узором (рис. 5, *3*, *4*). Интересно, что на первом из них сделана неудачная попытка изобразить плетеный мотив.

Как мы видим, височные кольца с геометрическим орнаментом представляют весьма компактную группу, характерную особенность которой составляет не только декор, но и способ его нанесения: это гравировка, исключение представляет только одно оригинальное кольцо из Верхогрязья. Не менее важна и четкая

тенденция украшать только лопасти кольца, только в шести случаях наряду с этим декорирован и щиток.

Своеобразную группу составляют височные кольца с растительным орнаментом, выполненным литьем. Орнамент располагается преимущественно на щитках и только в восьми случаях — на лопастях. Как правило, это крин и его производное — ветка. Более сложные композиции размещаются на лопастях.

В рукописях XIII—XIV вв. ростовско-ярославского происхождения находим прообраз того мотива, который оказался основным на височных кольцах вятичей [17, (9), л. 61 об., 98 об.]. Это прекрасно выраженный крин с симметричными, волютообразно изогнутыми листьями и подчеркнутой сердцевиной. На всех височных кольцах посильно изображался именно такой крин (рис. 6). Лучше всего он представлен на беспаспортном кольце ГИМ, полученном В. И. Сизовым от парфюмера Брокара, и на височном кольце из Марьино [26, с. 82—87, рис. 3, *2*]. Это росток с двумя симметрично изогнутыми пышными побегами и выделенной или подчеркнутой точкой сердцевиной (рис. 6, *1, 2*). Только в двух случаях эта фигура послужила основой для более сложной композиции — на височных кольцах из Старо-Дарьино [27] и из Зюзино [19]. Но схема крина с симметрично раскинутыми ветвями сохранена и здесь (рис. 6, *3, 4*). В остальных случаях ее пытаются повторить до деталей (точка или треугольничек в центре), но безуспешно: плохо вписанные в сегмент щитка фигуры с плоскими, слаборасчлененными ветвями узнаваемы, но далеки от оригинала (рис. 6, *5—15*). Кольца с таким орнаментом на щитках найдены в Битягове [22], в Старой Рязани [28, с. 129, рис. 45, *1*], в Григорове [29, с. 104; 30, с. 107, рис. 37, рис. *1, 3*], в Захряпино [29, с. 104, рис. 42, *6*], Новлянской [31, с. 293—297], в Спас-Тушино [30, с. 109].

Височные кольца с таким же орнаментом были найдены при раскопках 1865 г. в разных, точно не установленных местах Подмосковья; близки к ним кольца, найденные при раскопках на Биостанции МГУ (рис. 6, *7*), в Котляково (рис. 6, *9*), и обломок щитка от кольца, найденного близ 17-й версты Брянской железной дороги в 1919 г. В. А. Городцовым[1].

Все эти височные кольца с одинаковыми дефектами в исполнении одного и того же сюжета, очевидно, были сделаны в одной мастерской. Еще более примитивно трактован тот же сюжет на височном кольце из Ивино (рис. 6, *15*). Вероятно, мастерская, где делались кольца с кринами на щитках, была не одна и каждая из них вносила своеобразие в его трактовку. На кольце из Ивино крин превратился в два симметрично расположенных завитка, демонстрируя предельное упрощение сюжета. Второй сюжет растительного орнамента — образованная из половинки крина ветка. Именно с ее помощью формируется бесконечный побег лозы или бегунка. В рукописях тоже легко найти варианты бегунка, то схематические [17, (8), л. 106 об., Ростов, XIII в.], то четко выраженные [17, (31) л. 11. об., Москва, XIV в.]. Как и крин, образованный из ветки бегунок — лоза — самый распространенный сюжет растительного орнамента во всех областях искусства Древней Руси [32, с. 370—378].

На височных кольцах, орнаментация которых выполнена литьем, мотив этот не получил развития. Найдено всего два кольца, на которых отражена попытка изобразить ветку в весьма примитивном варианте. Интерес их в том, что эти кольца почти идентичны по форме и размерам, а орнамент говорит о том, что они были отлиты в одной форме (рис. 6, *16, 17*). Найдены эти височные кольца в Рассохино [33, с. 334—342] и на Биостанции МГУ. На одном кольце из Бочарово щиток занят простой двойной волной — орнаментом, характерным для посуды, а не для металлических украшений [33, с. 31, рис. 6, *5*; 34].

Более сложные композиции образуют ветвистые побеги на лопастях височных колец. На кольцах из Никольского [4, с. 141, рис. 2, *7*] и Захряпино [29, с. 104, рис. 42, *1*] они покрывают всю поверхность лопастей (рис. 6, *3, 4*). Симметрично расположенные ветви побегов занимают центральную и две соседние

[1] ГИМ. Хр. 35/116. Оп. 182 (1—25). Инв. 52162.

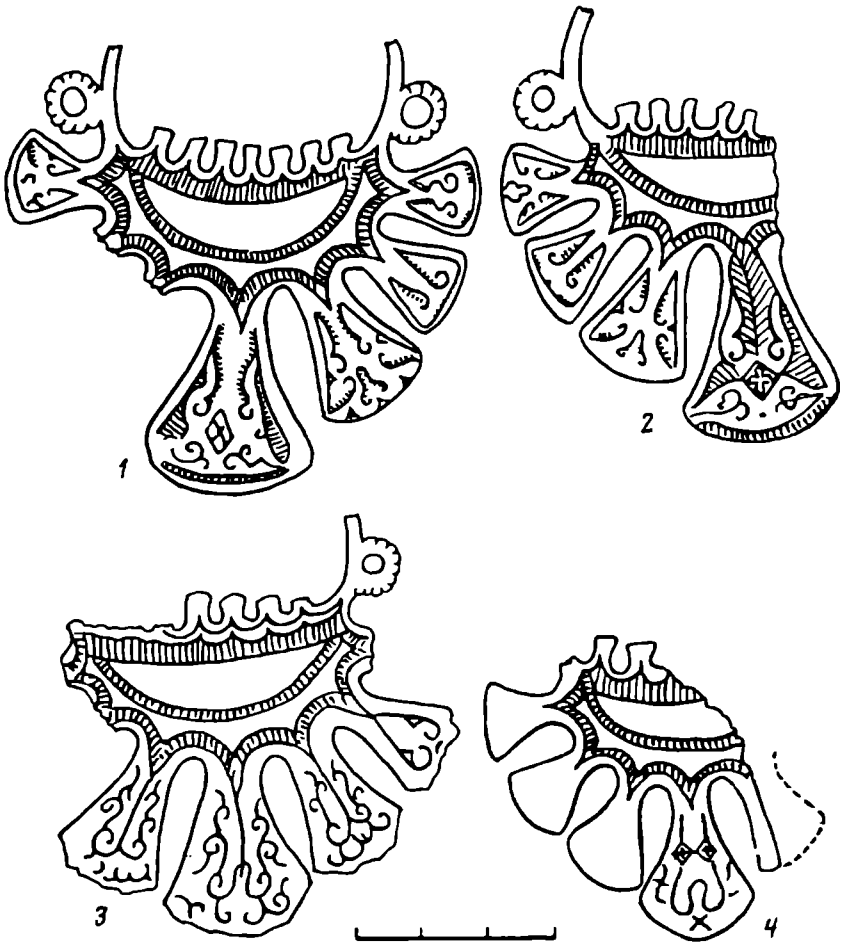


Рис. 7. Височные кольца с композициями растительного характера на лопастях: *1* — Старо-Дарьино; *2* — Вязьма; *3* — Никольское; *4* — из старых находок в Подольском уезде (Ленинград, Эрмитаж, кол. 1039)

с ней лопасти, на следующих за ними лопастях они заменены сердцевидной фигурой, образованной двумя ветвями-полукринами. Орнамент на двух найденных в разных местах височных кольцах идентичен и производит впечатление отлитого в одной литейной форме. На обломке кольцах из старых раскопок в Подольском уезде центральная лопасть занята изящной композицией из побега ветви с крестами в ромбах (рис. 7, *4*).

Произведения другой мастерской представлены девятью находками височных колец высокого художественного достоинства. Это кольца и их фрагменты из Старо-Дарьино [27], Успенского [35, табл. X, XI], Калчуги [36, с. 199—201] (ошибочно принятое В. И. Сизовым за веригинское), Вязьмы [37], Прудищ [38, с. 52, рис. 1, *2*], Царицыно и Матвеевской.

Основу сложной композиции, покрывающей все лопасти колец, образует полукрин-ветка, данная на центральной лопасти очень убедительно, а на боковых схематично. На центральной лопасти два полукрина образуют симметричную композицию, в центре которой размещен ромб с крестом. Два завитка под ним завершают композицию, а штриховка фона подчеркивает рисунок ветвей. Мелкие черточки-реснички усиливают рисунок их внешнего контура [рис. 7, *1*; 8, *3*, *4*].

На двух соседних с центральной лопастях композиция несколько упрощена, хотя в ней принимают участие те же элементы: полукрины и треугольники, которые можно рассматривать как половинки ромбов. Из полукринов образована скобка с треугольником посредине; схематический крин, помещенный между скобками, дополняет композицию, а два треугольничка под ним завершают ее.

Следующая пара лопастей дает еще более упрощенную композицию: две скобки из полукринов с ресничками, размещенные так же, как на предыдущих лопастях,

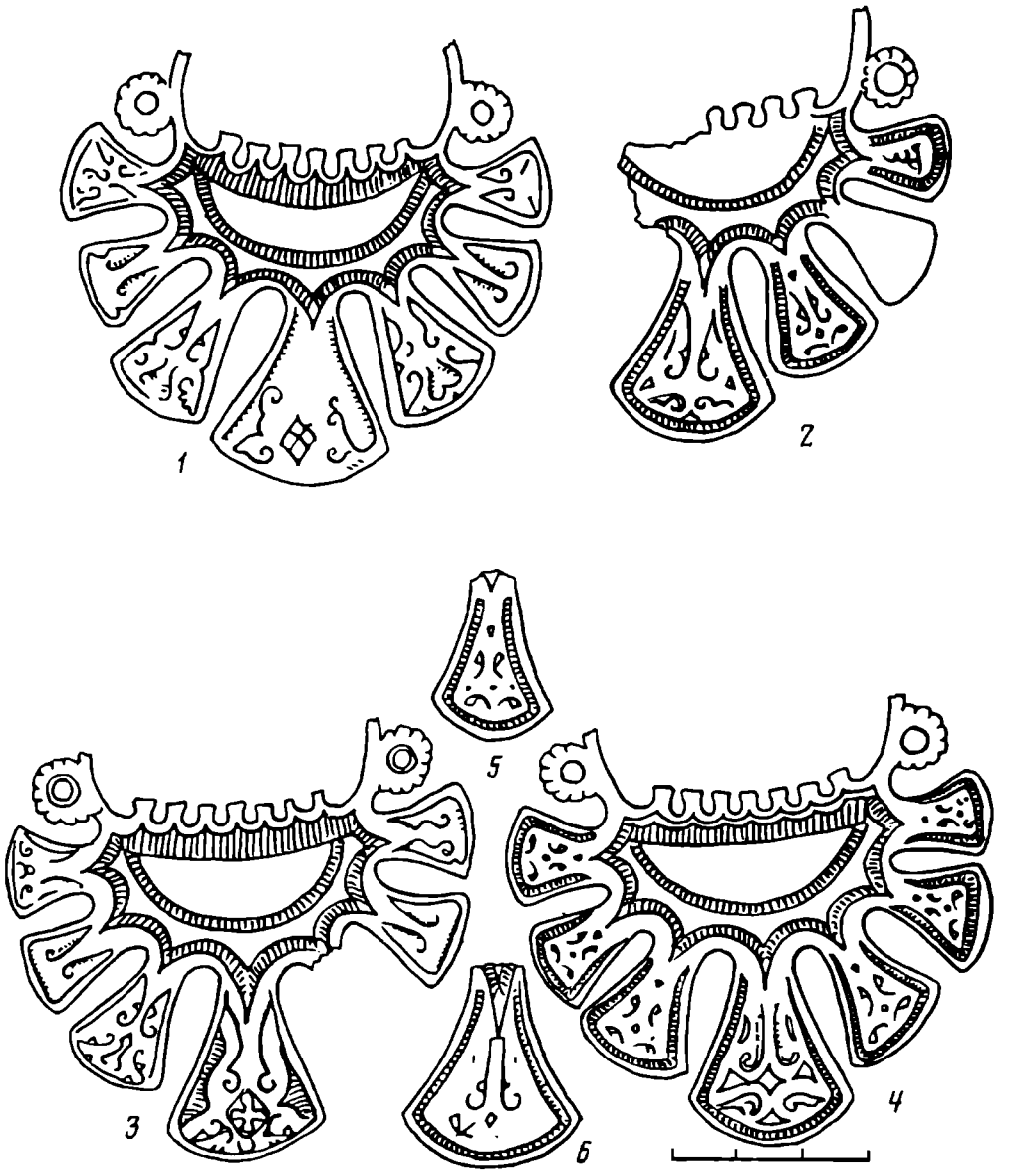


Рис. 8. Височные кольца с композициями растительного характера на лопастях: *1*, *2* — Успенское; *3*, *4* — Прудищи; *5* — Матвеевская; *6* — Калчуга

завитками-волютами, повернутыми в разные стороны. Та же композиция повторена на последних, крайних лопастях, только полукрины здесь выражены четче.

Продуманность декора височного кольца из Прудищ, Старо-Дарьино (рис. 8, *3*, *4*) с постепенным упрощением основного элемента — полукрина выдает руку незаурядного художника, разработавшего декор с учетом формы конкретной вещи и удачно и изобретательно разместившего его на ограниченном пространстве лопастей.

Еще более тщательно исполнен тот же декор на обломке кольца из Вязьмы (рис. 7, *2*). На центральной лопасти четко изображена та же композиция из обращенных волютами друг к другу полукринов, под ней в ромбе крест и симметрично изогнутые ветви под ним. Свободное пространство занято штриховкой, замененной на кольце из Старо-Дарьино ресничками. На боковых лопастях декор аналогичен декору кольца из Старо-Дарьино, только на последней лопасти он дополнен криновидной (антропоморфной?) фигурой внизу.

Такой же орнамент покрывал лопасти плохо сохранившегося височного кольца из Царицыно [25]. Незначительные изменения в нем — заштрихованные отсеки и полосы, очевидно, не меняли общей его схемы. Некоторое своеобразие кольца

из Прудищ составляют криновидные фигуры на соседней с центральной и на левой боковой лопастях (рис. 8, *3*). Та же декоративная схема в более скромном варианте воспроизведена на височном кольце из Успенского (рис. 1, *8*). Здесь менее всего удалась композиция на центральной лопасти, где неуклюжие завитки заменили симметричные полукрины. Однако перечеркнутый косым крестом ромб между ними сохранился.

Лучше удался орнамент боковых лопастей, несмотря на всю небрежность исполнения. Ясно, что на кольцах повторена та же схема. Интересно, что мы располагаем еще одним вариантом этой композиции, упрощенным, но изящным. Такое височное кольцо найдено тоже в Прудищах (рис. 8, *4*). На средней лопасти полукрины заменены волютами скобок с ресничками, под ними помещен ромб, а ниже — симметричные полукрины с треугольником между ними. На боковых лопастях эта композиция упрощена до максимума: две скобки заменяют полукрины, и ритм их размещения на лопастях повторен, как и детали, как ромб или треугольник между ними.

Итак, перед нами девять колец, целых и фрагментированных, с литым орнаментом, единым по замыслу, но представленным в двух вариантах — подробном и обобщенном. Все кольца имеют дужку с диаметром в вершок, а среднюю лопасть сильно вытянутой. Расстояние от центра окружности дужки до конца лопасти увеличивается от 5,7 до 6,4 см. То есть перед нами остатки серии височных колец, для изготовления которой применялись разные литейные формы, что указывает на непрерывность и, может быть, значительную длительность их производства. Последнее предложение подтверждает упрощенный вариант отработанной схемы орнаментации, представленный кольцом из Прудищ (рис. 8, *4*). Она разработана на основе полюбившейся схемы, но явно другим мастером, не уступающим первому в искусстве композиции, но склонным к более геометризованному и строгому ее решению. Скорее всего, такое могло произойти в рамках одной мастерской, где работали два талантливых художника (может быть, отец и сын?).

Итак, все исследованные в этой статье височные кольца демонстрируют две разные производственные традиции. Первая характеризуется изготовлением височных колец, которые после отливки дополнительно покрывались гравированным геометрическим орнаментом, располагавшимся в подавляющем большинстве случаев на лопастях кольца.

Вторая производственная традиция характеризуется изготовлением височных колец с растительным орнаментом на щитке, отливавшимся в литейной форме. В восьми случаях он покрывал и лопасти кольца.

Интересно, что височных колец, на которых совмещались бы мотивы геометрического и растительного характера, очень мало — всего три. Это кольцо из Кривошеинских курганов [39, с. 81—85], из Белевского клада [40, с. 118—121, рис. 1, *2*, *3*] и фрагментированное кольцо из нелокализованных в пределах Подольского уезда Московской обл. раскопок князя Гагарина[2]. Орнаментация на них выполнена гравировкой, что позволяет предполагать, что они делались в мастерских первой производственной традиции. Поскольку Белевский клад убедительно датирован концом XII — началом XIII в., височные кольца, совмещающие характерные черты изделий двух разных традиций, относятся к довольно позднему времени. Возникает логичный вопрос: различаются ли хронологически две выявленные нами производственные традиции, которые могли осуществляться в двух мастерских или, скорее, в двух группах мастерских?

Мы уже говорили выше, что форма височного семилопастного кольца была наиболее подвержена изменениям. Посмотрим, как изменилась форма кольца внутри выделенных нами двух типов орнамента — геометрического и растительного.

Б. А. Рыбаков уже отмечал, что семилопастные височные кольца с округло-расширенными лопастями — самые древние [5, с. 554, прим. 38]. К этой харак-

---

[2] Ленинград, Гос. Эрмитаж. Кол. 1040 (поступило из бывшего РАО 9.VII.1931 г.).

теристике можно добавить, что лопасти таких колец почти соприкасаются, диаметр дужки близок вершку (от 4,4 до 5 см), а основные, формообразующие выдержаны в величинах, кратных вершку. Эти кольца украшены скромным геометрическим орнаментом, занимающим средние лопасти, как на кольце из Покрова (рис. 2, *1*). Это ромб с крестами в различных комбинациях. По мере увеличения размеров лопастей, степень которого выражает расстояние от центра дужки до конца средней лопасти, орнаментом покрываются и боковые лопасти. Орнамент по-прежнему геометрический, гравированный, растительных сюжетов нет. Только на кольцах с сильно развитыми лопастями (с расстоянием от центра кольца до конца средней лопасти 5 см и более) появляется литой растительный орнамент в самых развитых вариантах. При этом с увеличением лопастей меняются и их очертания: округлые ранее, они приобретают секировидные окончания и, размещенные теперь дальше друг от друга, лишают кольцо прежней округлости и компактности. Так намечается эволюционный ряд с явной зависимостью способа исполнения и типа орнамента от величины и формы кольца.

Но не только тип орнамента — геометрического или растительного, а и характер его обнаруживает явную зависимость от величины и формы кольца. На кольцах небольших, с округлыми лопастями, орнамент — геометрический или растительный — достаточно примитивен; на кольцах с разлетающимися секировидными лопастями он образует целые композиции, занимающие все плоскости лопастей или щитков, а иногда и те и другие.

Такая четкая эволюционная линия развития не могла сложиться стихийно, она выработалась вполне осознанно, что могло произойти в рамках единой производственной традиции, где работало несколько поколений ювелиров-литейщиков. В этом случае может идти речь и о нескольких мастерских, работавших в одном месте и влиявших друг на друга. Височные кольца с геометрическим орнаментом, выстроенные в такой эволюционный ряд, зримо подтверждают единую линию развития, существовавшую в их производстве.

Следуя той же логике, кольца с растительным орнаментом на щитке нужно связывать с другой мастерской или производственным центром. При их рассмотрении мы убеждаемся, что и в этом случае повторяется та же картина: на кольцах небольших, с диаметром дужки, близким расстоянию от центра ее до конца средней лопасти, орнамент примитивен. Это схематичный крин, несовершенная ветка или волна. На кольцах больших, с развитыми лопастями, крин уже хорошо выражен, а иногда образует целые композиции. Интересно, что увеличение лопастей в данном случае нельзя объяснить усложнением орнаментации, что можно предполагать в связи с кольцами с орнаментированными лопастями: ведь в данном случае лопасти остаются свободными от декора. Но изменение идет по тому же пути: лопасти увеличиваются, изменяют свои округлые очертания, отходят друг от друга. Это наблюдение представляется важным. Оно говорит о том, что изменения формы височных колец вятичей отличались единой линией развития.

На небольшой серии из восьми экземпляров колец, у которых декорированы и лопасти, и щитки, четко прослеживаются те же закономерности. Линия развития идет от небольших колец с округлыми лопастями к кольцам с сильно развитой центральной лопастью и усложненной орнаментацией.

Итак, височные кольца всех трех видов, по-разному орнаментированные, оказались подвержены одним и те же тенденциям в изменениях самой формы кольца. Это существенный аргумент в пользу предположения об их изготовлении в разных мастерских на протяжении определенного времени.

Поскольку семилопастные кольца с дополнительным орнаментом, как гравированным, так и литым, относятся к наиболее поздним, это время размещается в рамках второй половины XII—XIII в. [4, с. 142]. Выявленная линия эволюции височных семилопастных колец позволяет наметить некоторые хронологические реперы в рамках этого узкого времени. Кольца с геометрическим гравированным орнаментом на лопастях — самые ранние. Появление литого растительного ор-

намента можно отнести к 70-м годам XII в.: хорошо датированные перстни с геометрическим и зачатками растительного орнамента подтверждают эту дату [14, с. 133—138]. К концу XII — началу XIII в. можно отнести заключительный этап семилопастных височных колец с развитым литым растительным орнаментом на секировидных лопастях.

Основная масса семилопастных височных колец с дополнительным орнаментом найдена в районе самого большого скопления вятических курганов — на правом берегу Москвы-реки и в бассейне ее притока Пахры [41, рис. 1]. Лишь в отдельных случаях находки их зафиксированы на левом берегу Москвы-реки и южнее, в бассейне Оки (рис. 1). Это не меняет общей картины: украшения, являвшиеся частью головного убора, перемещались вместе с людьми. Концентрация находок орнаментированных височных семилопастных колец в правобережье Москвы-реки с несомненностью указывает на изготовление их в этом регионе. Распределение в нем колец с гравированным и литым орнаментом хаотично, и выделить места, где могли размещаться изготовлявшие их мастерские, не удается. Очевидно, сфера деятельности их не была строго локализована в определенных местах, а если и была, то выявить ее невозможно: височные кольца, которые попадали к покупателям, перемещались с ними по этой небольшой территории, пока не попадали вместе со своей владелицей в курган. Несомненно только одно: эти кольца сделаны тремя-четырьмя поколениями мастеров, живших в правобережье Москвы во второй половине XII—XIII в.

Важно отметить, что мастера далекой от тогдашних культурных центров окраины, которой была вятическая земля, отразили на своих изделиях все достижения орнаментики своего времени. Вместе с сохранившимися с языческих времен композициями геометрического орнамента они восприняли и основные элементы и композиционные схемы растительного орнамента. Реконструкции растительного декора на височных кольцах показывают, что он посильно воспроизводит розетки и бордюры растительной орнаментации, запечатленной в каменной пластике и книжных миниатюрах. Это и крин в различных вариациях, и лоза-бегунок, и плетеные розетки книжного орнамента, явно сведенные с каких-то рукописей. Весь этот общий для Руси декор воспроизводился на украшениях локальных, свойственных только материальной культуре вятичей и являющихся их устойчивым этнографическим признаком. Языком искусства трудно ярче выразить то единство в своеобразии, которое сложилось в прикладном искусстве Руси накануне татаро-монгольского нашествия. Оно сигнализировало о начале процесса сложения единого народа, которому предстояло доказать в борьбе свою историческую реальность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Спицын А. А.* Расселение древнерусских племен по археологическим данным//ЖМНП. 1899. Август.
2. *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.
3. *Равдина Т. В.* Семилопастные височные кольца//Проблемы советской археологии. М., 1978.
4. *Равдина Т. В.* Типология и хронология лопастных височных колец//Славяне и Русь. М., Наука, 1968.
5. *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948.
6. *Болотин Н. И.* Метрологические особенности и меры в древнерусских памятниках//Строительство и архитектура. 1969. № 11.
7. *Юшко А. А.* Покровские и Стрелковские курганы//СА. 1972. № 1.
8. *Василенко В. М.* Русское прикладное искусство. Истоки и становление. М.: Искусство, 1977.
9. *Амброз А. К.* Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками»)//СА. 1965. № 3.
10. *Рыбаков Б. А.* Семантика трипольского орнамента//Тез. докл. I симпоз. по археол. и этногр. Юго-Запада СССР. Кишинев, 1964.
11. *Рыбаков Б. А.* Отражение земледельческого мировоззрения в искусстве трипольской культуры//Вестн. АН СССР. 1964. № 7.
12. *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. М.: Наука, 1981.
13. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987.
14. *Равдина Т. В.* Древнерусские литые перстни с геометрическим орнаментом//Древняя Русь и славяне. М., 1978.

15. *Чертков А.* О древних вещах, найденных в 1838 году в имении Н. А. Толстого//Русский Исторический сборник, издаваемый Обществом истории и древностей российских. Т. III. М., 1839.
16. *Равдина Т. В.* Царицынские курганы//СА. 1963. № 4.
17. *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси. XII — начала XV в. М.: Искусство, 1980.
18. *Рабинович М. Г.* Основные итоги археологического изучения Москвы//КСИА. 1951. Вып. 41.
19. *Рабинович М. Г.* Об этническом составе первоначального населения Москвы//СЭ. 1962. № 2.
20. *Латышева Г. П.* Раскопки курганов у ст. Матвеевская в 1953 г. Материалы к изучению подмосковного села//Тр. музея истории и реконструкции Москвы. 1954. Вып. 5.
21. *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. СПб., 1887.
22. *Розенфельд Р. Л.* Битяговские курганы//СА. 1963. № 4.
23. *Станюкович А. К.* Отчет о комплексных археолого-геофизических исследованиях в г. Москве, Московской и Псковской обл. и Приморском крае РСФСР, проведенных в 1980 г.//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 8752.
24. *Розенфельд Р. Л.* Курганы из бывшего Серафимо-Знаменского скита на р. Рожае в Московской области//КСИА. 1973. Вып. 135.
25. *Арциховский А. В.* Царицынские курганы//МИА. 1947. № 7.
26. *Юшко А. А.* Археологические памятники бассейна реки Пахры//КСИА. 1980. Вып. 168.
27. *Ширинский С. С.* Отчет о раскопках курганов у д. Таганьково и Старое Дарьино//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 3564/1963.
28. *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961.
29. *Розенфельд Р. Л.* Захряпинские курганы XII—XIII вв. на реке Руза//КСИА. 1964. Вып. 99.
30. *Розенфельд Р. Л.* Григоровские курганы//КСИА. 1967. Вып. 110.
31. *Недошивина Н. Г.* Новлянские курганы//СА. 1981. № 1.
32. *Макарова Т. И.* Симметрия в растительном орнаменте Древней Руси//Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978.
33. *Левашова В. П.* Височные кольца//Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.
34. *Булычев Н. И.* Раскопки по среднему течению р. Угры. М., 1913.
35. Древности, изданные Временною комиссиею для разбора древних актов. Киев, 1846. Вып. 1.
36. Древности. XV. 1894. Вып. 1. Приложение № 2 к Протоколу № 352.
37. *Сергина Т. В.* Отчет о раскопках в г. Вязьма//Архив ИА АН СССР. Р-1, № 12707, 12708.
38. *Розенфельд Р. Л.* Разведки и раскопки вятических курганов в Подмосковье//АО—1966. М., 1967.
39. *Проходцев И. И.* Кривишенские курганы//Тр. Рязан. ученой архивной комиссии. 1898. Т. XIII. Вып. 1.
40. *Недошивина Н. Г.* О датировке Белевского клада//Славяне и Русь. М., 1968.
41. *Никольская Т. Н.* Земля вятичей. К истории населения бассейна Верхней и Средней Оки в IX—XIII вв. М.: Наука, 1981.

Институт археологии РАН,
Москва

T. I. MAKAROVA, T. V. RAVDINA

ORNAMENTED TEMPORAL RINGS WITH SEVEN BLADES

Summary

The article is devoted to ornamented temporal rings with seven blades, belonged to Vyatich tribes. From known 2000 temporal rings only 107 rings with seven blades. Its were found in 48 kurgan groups of XII—XIII cen. in Moscow — Oka basin. The analysis of ornamented temporal rings show to have been made in two workshops with different traditions. The workshops located on the territory of the greatest spreading of rings including the territory of the Great Moscow. The manner of ornament points out on good acquaintance of the future capital of Russian State with all ornamental achievments in XII—XIII cen. and on the vitality of pagan beliefs.

Дискуссии

Ю. Н. ЗАХАРУК

О СТАТЬЕ В. Ф. ГЕНИНГА «ПРОБЛЕМА ПОСТРОЕНИЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ»

Чем определяется содержание и построение фундаментальной археологической теории? Как справедливо указывает В. Ф. Генинг, она формируется «в соответствии с содержанием объекта и предмета археологии» [1, с. 69]. А каково содержание объекта и предмета археологии? Ответы на эти вопросы археологи дают разные. Естественно, что в зависимости от того или иного его решения по-разному определяется содержание и построение фундаментальной археологической теории.

В. Ф. Генинг считает, что основу фундаментальной археологической теории составляет «закон функционирования отдельных конкретно-исторических обществ прошлого — СИО/АК» [1, с. 72]. Из этого определения следует, что объектом археологии являются общества прошлого, а целью ее познания — законы функционирования обществ прошлого, т. е. объекта. Общеизвестно, и это признает В. Ф. Генинг, что исчезнувшие общества прошлого не могут быть непосредственно доступны исследованию археологом. Если это так, то в связи с этим возникает вопрос: правомерно ли рассматривать конкретные общества прошлого в качестве объекта познания археологии? В обоснование своей концепции объекта археологии — конкретных обществ прошлого — В. Ф. Генинг счел важным и нужным ввести в понятийный аппарат археологии наряду с понятиями СИО и АК еще и бинарные обозначения «СИО/АК» и «АК — СИО». По В.Ф. Генингу, «социально-исторический организм (СИО) — отдельный народ, адекватный в археологическом познании археологической культуре (АК)» [1, с. 71], а «АК является аналогом СИО. Исходя из этого, структура АК будет отражать структуру объекта исследования — СИО» [2, с. 22]. В связи с этими утверждениями автора возникает ряд вопросов. Если СИО является объектом исследования в археологии, почему СИО исследуется опосредованно через понятие АК, а не непосредственно? Зачем, к примеру, изучать структуру СИО через структуру АК, если СИО является объектом исследования археологии? Ведь когда СИО выступает в качестве объекта познания, например, в социологии, социологи, исследуют конкретные общества непосредственно и им незачем ссылаться дополнительно еще на какие-либо понятия, в частности понятие АК, как это, по В. Ф. Генингу, имеет место в археологии.

Надо полагать, что В. Ф. Генинг не случайно уделяет особое внимание сближению понятий СИО и АК путем введения бинарных обозначений СИО/АК и АК — СИО. Это сближение необходимо для того, чтобы, опираясь на эти бинарные обозначения, иметь возможность рассматривать не только АК, но и СИО в качестве объекта познания археологии. Археолог непосредственно имеет дело с археологическими источниками и их обобщением в виде АК. Опираясь на последние, он логически реконструирует исчезнувшие, уже не существующие общества прошлого (СИО), которые выступают в археологическом познании не в качестве объекта, а как конечная цель познания. Показательно, как В. Ф.

© Ю. Н. Захарук, 1992 г.

Генинг, который широко пользуется в своих последних работах обозначениями СИО/АК И АК — СИО, интерпретирует последние. Хотя он рассматривает СИО/АК и АК — СИО как системы, интерпретирует он их неоднозначно, раздельно. В рассматриваемой статье он интерпретирует СИО АК как общества, в том числе и прошлые [1, с. 72]. Понятие АК лишено здесь смысловой нагрузки. В другой статье [2, с. 6—35], специально посвященной определению центральной категории познания археологии и проблемам ее теории, автор пользуется обозначением АК — СИО. В данном случае автор уже акцентирует внимание только на первой части обозначения, поскольку речь идет о теории АК. Категория СИО здесь просто игнорируется. Предложенные В. Ф. Генингом бинарные обозначения СИО/АК и АК — СИО никакими системами не являются. Они суть полярные противостоящие друг другу различные научные понятия. Между ними, если можно так выразиться, вмещается вся археологическая наука начиная от ее исходных источниковедческих данных вплоть до реализуемых ею конечных целей познания — реконструкции конкретных обществ прошлого и их истории. Общества прошлого представлены социологическим понятием социальный организм, СИО по В. Ф. Генингу. Таким образом, бинарные обозначения СИО/АК и АК — СИО являются искусственным образованием и поэтому лишены какого-либо эвристического значения и не подтверждают концепцию В. Ф. Генинга об обществах прошлого как объектах познания археологии.

Фундаментальная археологическая теория (ФАТ), как утверждает В. Ф. Генинг, состоит из трех уровней: общесоциологического, исторического и археологического. Примечательно при этом, что общесоциологический и исторический уровни, как отмечает автор, разрабатываются вне археологии — философией и общей историей. Спрашивается: почему к фундаментальной археологической теории отнесены теории, разрабатываемые другими науками? К чему вообще сама постановка вопроса о трех уровнях фундаментальной археологической теории, если к последней имеет отношение только археологический уровень? Тавтологически поэтому звучит «археологический уровень фундаментальной археологической теории».

Опредмечивание социальных потребностей по В. Ф. Генингу выступает «центральной системообразующей категорией в слое археологического уровня, определяющей специфику всей ФАТ» [1, с. 79]. Снова и снова, в который раз, встает все тот же вопрос: каким образом археолог может исследовать предметно-практическую деятельность, в том числе опредмечивание социальных потребностей, не существующих, исчезнувших обществ прошлого? Тем не менее это обстоятельство никак не смущает автора. На основе опредмечивания социальных потребностей В. Ф. Генингом смоделирована «„решетка опредмечивания социальных потребностей“ (РОСП I [1, с. 77] отображающая взаимосвязь и действие объективных элементарных законов опредмечивания (ЭЗО)» [1, с. 79]. Всего таких элементарных законов опредмечивания автор предложил 30 (!). Предположим, что теперь мы уже знаем эти элементарные законы опредмечивания. Ну и что? Какое они имеют отношение к фундаментальной археологической теории? Археологи, как уже неоднократно подчеркивалось, имеют дело в качестве объекта исследования не с реальным предметным миром функционирующих обществ и их деятельностью, а только с их следами и остатками. Генеральная задача археологии состоит в том, чтобы на основании сохранившихся следов и остатков последовательно реконструировать некогда существовавший предметный мир, на его основании реконструировать предметную деятельность и на основе последней — субъекта деятельности и истории, конкретных обществ прошлого. Теоретическому обоснованию решения этой генеральной задачи археологии, не выполнимой другими науками, в том числе и письменной историей, должна быть подчинена разработка фундаментальной археологической теории.

В. Ф. Генинг не впервые уделяет особое внимание проблемам закономерностей опредмечивания. Он рассматривает последние в качестве специфического предмета археологии [3, с. 198]. И буквально тут же признает, что в археологии «сама

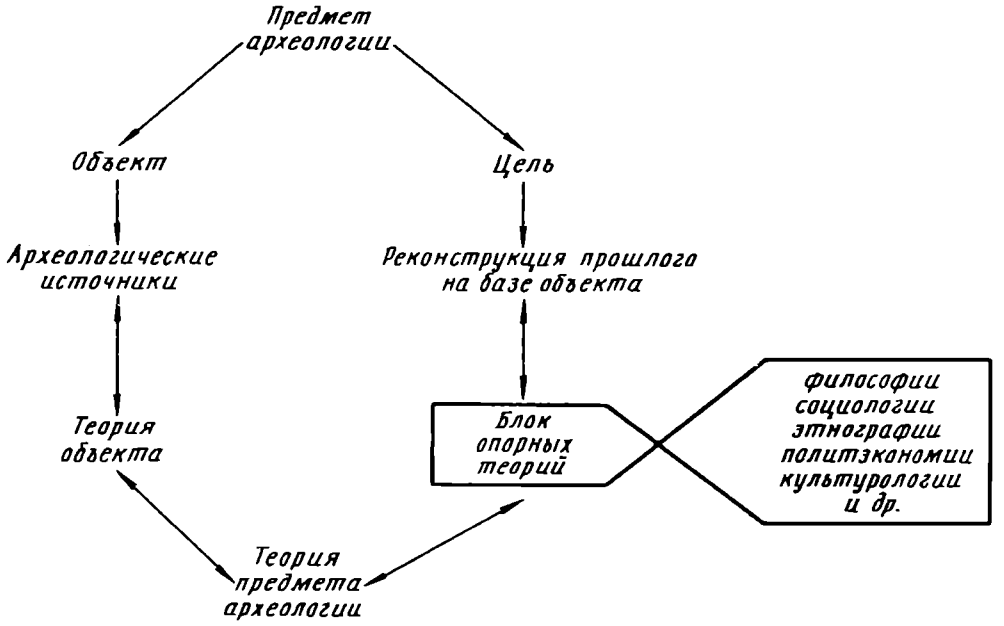


Рис. 1. Структура предмета и теорий археологии

теоретическая разработка законов опредмечивания не является гносеологической целью» [3, с. 198]. В. Ф. Генинг вправе заниматься проблемами теории закономерностей социального развития и опредмечивания, но это не значит, что они являются объектом, предметом фундаментальной археологической теории.

Предмет археологии состоит из объекта и цели познания. **Объектом** археологии являются реально существующие и непосредственно доступные исследованию археологические источники, без которых невозможна сама археологическая наука. **Целью** археологии является реконструкция на базе археологических источников истории конкретных обществ прошлого. Структура предмета археологии определяет структуру, построение фундаментальной археологической теории (рис. 1). В качестве теории объекта археологии выступает **теория археологического источниковедения.** К теории археологического источниковедения относится теория АК, разработке которой В. Ф. Генинг уделял немалое внимание. Сюда же, к теории археологического источниковедения, следует отнести теорию культурного слоя, теорию научно-познавательных возможностей различных категорий археологических источников и т. п. Теория предмета археологии посвящена теоретическому обоснованию принципов и методов реконструкции истории конкретных обществ прошлого на базе археологических источников. Последнее возможно, с одной стороны, в опоре на теорию археологического источниковедения, а с другой — на особый **опорный блок теорий,** разрабатываемых вне археологии философией, социологией, этнографией, политэкономией, культурологией и т. д. Разработка теории предмета археологии невозможна без опоры на философию истории, социологическую теорию социального организма, этнографическую теорию этноса, политэкономические теории производства и потребления, теорию культуры — человеческой деятельности и ее результатов. Важное методологическое значение блока опорных теорий — в обосновании правомерности соотнесения таких понятий, как АК и социальный организм (СИО, по В. Ф. Генингу), АК и этнос, АК и культура и т. п. Предмет археологии, ее объект и цель познания определяют как содержание, так и само построение, структуру фундаментальной археологической теории. Ошибочная исходная позиция В. Ф. Генинга в определении объекта археологии обусловила некорректное решение проблемы содержания и построения фундаментальной археологической теории. Не случайно в ней не оказалось места теории археологического источниковедения (теории объекта) и теории реконструкции социального прошлого на базе археологических источников (теории предмета археологии).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Генинг В. Ф.* Проблема построения фундаментальной археологической теории//СА. 1992. № 1.
2. *Генинг В. Ф.* Археологическая культура — социально-исторический организм — центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры)//Исследование социально-исторических проблем в археологии. Киев: Наук. думка, 1987.
3. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наук. думка, 1983.

Институт археологии
РАН, Москва

Л. С. КЛЕЙН

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРИРОДА АРХЕОЛОГИИ

1. Характеристики археологии. В советской археологической литературе представлена интенсивная и продолжительная дискуссия о предмете археологии [1—9]. Но характеристикой предмета науки не исчерпывается ее определение. Чтобы понять, что такое археология, мало ответить на вопрос, *что* она изучает, нужно еще определить, *как* она изучает свой предмет. Точнее, как *должна* это делать, чтобы достойно выполнять свое предназначение.

В старину об этом говорили: охарактеризовать ее *метод*. На Западе и сейчас нередко употребляют сочетание «теория и метод археологии» [10—14], иногда и у нас применяется такое клише [15]. При этом отнюдь не имеется в виду какой-либо конкретный частный прием исследования (эволюционно-типологический метод, картографический метод, метод горизонтальной стратиграфии и т. п.). Не подразумевается и простая сумма таких приемов. Речь идет о том, какой общий путь познания избирает археология из нескольких принципиально возможных для науки. Каковы общие характеристики способов исследования, применяемых в археологии, по сравнению с другими науками? Какова ее специфика в этом плане — ее *методологическая природа*?

Тем самым мы ставим и решаем вопросы классификационного характера. Гуманитарная ли это наука или она сродни физике, химии и социологии? Особая ли это наука или часть какой-либо другой науки или, наоборот, это целый комплекс наук? Самостоятельная наука или вспомогательная, служебная? Относится ли к числу фундаментальных или ближе к прикладным? И т. п. И практический выход из этого круга вопросов: какие задачи, процедуры и приемы в археологии допустимы, а какие — нет?

Вопросы подобного рода решаются и в других науках (см., например, [16—21]), причем там они привлекают гораздо больше внимания, чем вопрос о предмете науки. Однако и в отечественной археологии время от времени исследователи проявляли интерес к методологической природе своей науки [15, 22—23].

Конечно, понимаемый так «метод» науки, т. е. ее методологическая природа, ее гносеологический характер, ее статус и облик, во многом определяются ее предметом. Как ей подходить к материалу, конечно же, должно обусловливаться типовыми особенностями этого материала и целями изучения. Правда, порожденные этими факторами характеристики науки, обозначаемые в общем и целом как ее метод, обладают собственной спецификой, автономными возможностями и требованиями и представляют самостоятельный объект науковедческого изучения. И все же характер предмета и его понимание научным сообществом сказывается на том, как определяется метод.

В советской науке долгое время предмет археологии трактовался (да и сейчас многими трактуется) как совпадающий с предметом истории или составляющий его репрезентативную часть [3—5, 7—8, 22—23], а история в марксистском понимании призвана была выявлять закономерности исторического процесса.

© Л. С. Клейн, 1992 г.

Стало быть, археология тоже. Наиболее заостренно это сформулировал В. Н. Даниленко: «Все, что является предметом исторического материализма, является также предметом исследования археологической науки...» [24, с. 174]. Но от послесталинского идеологического сдвига зашатался предмет истории, а значит, и археологии.

2. История и социология. С историей у нас все было ясно, пока в советской системе наук не было социологии. «Социологизаторский схематизм» М. Н. Покровского был заклеймен Сталиным и Кировым, социология как наука ликвидирована, и ничто не препятствовало истории заниматься выявлением законов исторического процесса. Считалось само собой разумеющимся, что все науки выявляют закономерности, каждая на своем участке — в своей «форме движения материи», если пользоваться словами Энгельса. И конечно, все общественные науки историчны — не только потому, что они рассматривают материал в развитии и взаимосвязи, но и потому, что «есть только одна-единственная наука — наука истории» [25, с. 19].

Классификация наук производилась у нас исключительно по «Диалектике природы» Энгельса — по его знаменитой пятичленной цепочке «форм движения материи»: механическая, физическая, химическая, биологическая, социальная [26, с. 520]. В основе схемы Энгельса лежала такая же пятичленная и однолинейная схема Конта [27], только у Конта в основе схемы — мысленное усложнение объектов, а у Энгельса — действительное усложнение форм движения материи. Но у обоих классификация осуществляется по объекту. А далее рассуждение очень прозрачное. У всех общественных наук объект один — общество. У всех гуманитарных наук объект тот же, коль скоро выше биологической формы движения есть только одна форма. Стало быть, общественные науки и есть гуманитарные. Это одно и то же. Различать тут особо нечего. А раз все эти науки историчны, то они и сводятся к «одной единственной науке — науке истории». Все логично, хотя и несколько примитивно.

Но когда в условиях начавшейся либерализации после смерти Сталина в семью наук вернулась социология, пусть еще и очень ограниченная в своих правах и функциях, сразу же возникло поле напряженности между нею и историей: у обеих оказались претензии на один и тот же предмет. Обе изучают общество, обе — его закономерности. Поначалу противоречие пытались разрешить такой демаркацией: история изучает общество в динамике, в развитии, а социология в статике и только современное состояние. Но марксизм этого не допускал: ведь, согласно диалектике, все общественные науки должны изучать свой материал в развитии, должны подходить исторически. Социология не может быть исключением. Попытались было разграничить иначе: социология выявляет законы для истории. Но и этого нельзя было допустить: столько лет обличали бегство от законов, уход в фактоописательство — что же, теперь оставить историю без собственных законов? Пробовали разделить сами законы — оставить истории одни, а социологии отдать другие, но на поверку законы оказывались практически одинаковы (дискуссию начала 60-х годов см. [28]).

Это и была та причина (или одна из причин), которая, отразившись с запозданием в археологии, побудила в 70-е и 80-е годы одних археологов [1, 6] отказаться от отождествления археологии с историей по предмету, а других [4, 7, 8] — начать философски-схоластические игры с расщеплением термина «предмет»; так наряду с ним появились все эти двойники: «объект», «непосредственный объект», «специфический предмет», «объективный предмет» и «предметный объект».

А историки и философы тем временем стали догадываться, что классификация Энгельса не единственно возможная, что на деле существуют и другие деления — по другим критериям. И даже, что они, пожалуй, в некоторых отношениях более практичны.

В англоязычных странах главное деление наук — на естественные с точными и гуманитарные. Даже термин «наука» в нашем смысле там не существует.

Вместо него применяются два термина — один для естественных и точных наук («science»), другой — для дисциплин гуманитарных («humanities»). Если же надо обозначить науку без этой спецификации, то для этого употребляются только близкие термины «knowledge» («знание»), «scholarship» («ученость») или «discipline» («дисциплина»). Так вот, социологию там без колебаний помещают в science — вместе с физикой, химией и политэкономией, а историю отбрасывают в humanities, где с ней соседствуют литературоведение и философия.

Это для нас очень непривычно, но мы чувствуем, что есть в методах социологии нечто такое, что в самом деле роднит ее с физикой и химией, а в истории трудно отрицать методологическое сходство с литературоведением и философией, хотя типологически она, пожалуй, ближе к географии.

В США выделяется антропологический комплекс наук — физическая антропология, культурная антропология с этнографией, первобытная археология, лингвистика и психология. Весь этот комплекс помещается в science. Это еще более непривычно, но у американцев эти отрасли, кроме, пожалуй, археологии, о которой разговор особый, действительно пользуются схожими методами — примерно теми же, что социология.

Видимо, от этих критериев деления зависят более важные в каких-то отношениях вещи, чем от объекта. В частности, методологическая природа наук явно зависит прежде всего от целей изучения. Между тем есть известные концепции классификации наук, в основу которых положено именно различие методов и целей исследования.

Ф. Бэкон различал в естествознании «физику абстрактов» и «физику конкретов» [29, с. 210]. О. Конт свою пятиступенчатую схему усложнения предметов строил именно для ряда «абстрактных» наук, но возле каждой «абстрактной» науки располагал соответствующую «конкретную», например возле абстрагирующей социологии — чисто фактоописательную историю [27]. Наиболее известна из таких концепций схема Г. Риккерта, делящая науки на *номотетические* — нацеленные на выявление законов в массовом материале, и *идеографические* — озабоченные изложением и объяснением фактов в их индивидуальности [30, 31]. У нас долго было принято поругивать Риккерта за то, что якобы и у него конкретные, «идеографические» науки носят чисто описательный характер. С конца 60-х годов началось осознание того, что Риккерт умнее этой примитивной карикатуры и что, по Риккерту, идеографические науки тоже занимаются законами, но не выявляют их, а применяют к объяснению фактов. В основе же деления на эти два ряда наук лежит реальное различие методов и целей [32].

Мир, в котором мы живем, можно уподобить квартире. Вселяясь в квартиру, мы, конечно, изучим законы владения, правила содержания и пользования квартирой, нам интересны и типовые нормы ее устройства. Но кроме того, нам важно знать, как эти нормы реализованы именно в данной индивидуальной квартире — где в ее стенах оказалась скрытая проводка, что за соседи, куда выходят окна и т. п. География служит такому конкретному ориентированию в пространстве, история — во времени.

Исходя из этого, можно определить ее соотношения с социологией.

Социология выявляет законы функционирования и развития общества, законы исторического процесса, а история собирает события прошлого и ставит их в причинно-следственную связь — как принято говорить, реконструирует исторический процесс. Обе занимаются и фактами. Но, как показал А. В. Гулыга, у них разное соотношение факта с законом. Социология, обобщая некую совокупность фактов, обычно репрезентативную выборку, извлекает из нее закон, и в этой функции факты для нее взаимозаменимы; затем они теряют для нее интерес. История же интересуется именно самими фактами, каждым в отдельности, в их конкретности и индивидуальности. Для нее Юлий Цезарь не может быть заменен другим гениальным полководцем, скажем Наполеоном. Социологии факты нужны для выявления законов. Истории законы нужны для объяснения фактов.

3. Реконструкция в истории. «Реконструкцию прошлого» называют «главной задачей» истории, понимая под «реконструкцией» «восстановление». При всем том отмечают, что это задача трудная, так как историк имеет дело лишь с обломками прошлого, а часть его вовсе не отражена в источниках и навсегда останется неизвестной историку [33, с. 112]. И все же многие историки считают выполнимой задачу вполне адекватной реконструкции и даже полагают, что реконструированное прошлое обладает преимуществами перед ушедшей реальностью, поскольку общие контуры издали виднее, а изощренность историков возрастает [34, с. 36]. Конечно, имеется в виду мысленное восстановление. «Реконструкция прошлого, — пишет Э. Лооне, — это описание прошлого, как если бы мы его наблюдали, находясь в прошлом. Реконструктивное знание — аналог знания, фиксированного в протоколах наблюдения» [18, с. 93]. Г. А. Антипов называет эту процедуру «квазивоспроизведением»: «Не просто описание, т. е. фиксация каких-то параметров события или явления, а восстановление их облика» [35, с. 90].

Собственно, как раз в сопоставлении с терминами «реставрация», «восстановление» становится ясно, что сам термин «реконструкция» не так уж однозначен и прост: благодаря своей близости с понятием конструирования он влечет за собой представления о сложности процедуры и о неадекватности результата самому прошлому. Но все же «реконструкция» воспринимается большей частью как «реставрация», «восстановление». Именно с учетом этого нежелательного совмещения предложено, сравнивая процедуру реконструкции с предсказанием (они схожи по исходным данным и по составу действий), определять суть этой процедуры как «ретросказание». «Ретросказание — это процедура (и соответственно совокупность применяемых в этой процедуре методов) опосредствованного, выводного получения знаний о прошлых предметах на основе знаний о настоящих или других прошлых предметах» [36, с. 34].

В самом деле, когда мы говорим, что история призвана реконструировать прошлое, а под реконструкцией понимаем мысленное восстановление, то в сущности наше утверждение не совсем верно, неточно, некорректно. Я уж не говорю о том, что реконструкция — вовсе не главная задача истории. Ведь определив так главную задачу, мы свели бы историю к хронике. Мы ищем в истории нечто большее — системность, объяснение, причинно-следственную связь. Но здесь я имею в виду другое. В духе исторической науки задача реконструкции как восстановления невыполнима или, точнее, выполнима лишь частично.

Можно выявить закономерности исторического процесса (это общесоциологические законы — то, что в марксизме отводилось историческому материализму). Можно ввести корректировку в зависимости от условий местности и среды (принципами воздействия этих условий тоже ведает общесоциологическое учение). Но идя этим путем, индивидуализации не достичь. Ведь пришлось бы задействовать не только основные закономерности и главные локальные условия, но и невообразимое количество мелких частных обстоятельств, воздействие которых нам просто не всегда и известно. А кроме того, учесть еще и персональный выбор многих людей (он, конечно, тоже регулируется какими-то закономерностями, но вероятностными, с большой степенью свободы для каждого индивидуального случая); наконец, как учесть случайность?

«...Случайностей в развитии культуры не бывает...»,— обронил как-то П. Н. Третьяков [37, с. 262]. Это сугубое преувеличение детерминизма, характерное не только для ранних энтузиастов марксизма в археологии, но пожалуй, все-таки больше всего именно для них. Этим настроением они заразили едва ли не всю ученую среду в СССР. Даже такой далекий от партийной науки исследователь, как Д. С. Лихачев, в своем источниковедческом труде уверял: «Случайность существует, но она относительна, ее доля мала. Научное объяснение теснит эту случайность... Чем более конкретным стремится быть научное объяснение, тем легче оно устраняет случайность» [38, с. 368—369]. Чем более конкретным. . . Как говорится сегодня на великом и могучем, здесь все верно с точностью до наоборот.

Впрочем, возможно, детерминизм Д. С. Лихачева имеет не марксистское, а религиозное происхождение.

Собственно, марксистская теория отвергала абсолютизацию детерминизма, но марксистская практика ее требовала и поощряла, ибо на детерминизме была замешана вера в правомерность и неизбежность полной и окончательной победы социализма, а тут переборщить было куда безопаснее, чем недодать. В науке о первобытности эта практика имела и теоретическую традицию, которую спонтанно продолжали марксистские археологи и этнографы: подобным же упрощением страдали эволюционисты. Для них история двигалась со строгостью железнодорожного расписания и этапы, эпохи, стадии сменяли друг друга, как станции на одноколейном пути. Но мы знаем, что и поезда, бывает, опаздывают, не говоря уж о случающихся крушениях, и путь не одноколеен. А история идет и вовсе не по рельсам.

Как же все-таки *восстанавливается* исторический процесс во всей его полноте и во всем разнообразии индивидуальных проявлений? А он, строго говоря, в этом качестве и не восстанавливается. Он *составляется*. Составляется из сохранившихся остатков и обрывочных отражений. И конечно, никак не во всей полноте.

Остатки же вызывают сомнения — они могут быть попорчены. Отражения, разумеется, субъективны и нуждаются в проверке по другим отражениям, буде таковые имеются. За пределами остатков и отражений непосредственно связаны с фактами только интерполяция, экстраполяция и заключение по аналогии, которые, конечно, при всей связи с фактами все-таки гипотетичны. Еще дальше располагаются модели, основанные на этих знаниях и на теориях, т. е. на закономерностях социологических, демографических, психологических и т. п. (более полно общие принципы исторической реконструкции сформулированы геологом С. В. Мейеном [39, с. 80—86]). Достаточно конкретное и красочное восстановление достигается лишь исторической беллетристикой, но с помощью столь богатой и во многом свободной игры воображения, что гарантии адекватности отпадают.

Вся эта деятельность вполне правомерна. Она углубляет и расширяет наши знания, *изощряет* наше *понимание* прошлого. Но она это прошлое не только не возвращает (констатировать это значило бы сказать банальность), но и не воссоздает мысленно во плоти — во всей очевидности и конкретности, хотя порою и порождает такую иллюзию. Продуцируемое историческими исследованиями прошлое получается в своей плотной части фрагментарным, а в своей всеохватности — схематичным. Это как бы клочья событий, сгустки происшедшего, повисшие на ажурных конструкциях теории.

Сторонники более последовательного детермизма уподобляют историю биологической науке — палеонтологии. Часто вспоминают о том, что Кювье мог по одному зубу восстановить облик ископаемого животного. В этом видят образец для истории и археологии. По сему поводу А. Г. Антипов, рассматривая гносеологические механизмы реконструкции исторического прошлого, цитирует палеонтолога Дж. Г. Симпсона. Симпсон признает, что можно, конечно, имея зуб ископаемой лошади, весьма правдоподобно нарисовать весь ее облик, так как «все лошади похожи друг на друга». Но на деле «это не будет „ реконструкция", или „рестоврация" животного. Это просто результат определения того, что зуб принадлежит хорошо известной и до сих пор существующей группе животных». Можно по одной кости восстановить и мамонта — благодаря его подобию слонам, существующим и сегодня (да и рисунки первобытных людей, а также целиком сохранившиеся в мерзлоте тела помогают). Но когда доходим до ящеров, задача усложняется и восстановление становится менее надежным. «Восстановление облика вымершего животного на основе его кажущегося сходства с каким-либо ныне живущим зверем невозможно при отсутствии достаточно близкого сходства...» [40, с. 242, 243].

Когда некий факт частично сохранился, у историка еще есть возможность представить себе его целым во всей конкретности, хотя бы не вполне надежно, —

экстраполируя очертания и прочие характеристики сохранившейся части за пределы сохранившегося. Это подобно тому, как М. М. Герасимов восстанавливал индивидуальные черты лица по черепу. Чтобы составить реальное представление о каком-то несохранившемся факте, историк имеет не так уж много средств. Он либо подыскивает аналогичный факт и моделирует то, что ему нужно, по образцу наличного, либо конструирует нечто, исходя из ситуации или теории. Совершенно очевидно, что при этом операции совершаются над теми сторонами факта, которыми он *сходен* с другими фактами. Иными словами, история не может восстанавливать исчезнувшие без остатка факты в их конкретности и уникальности, она может лишь строить правдоподобные гипотезы о прошлом существовании и состоянии *типичного* в них, она видит их прошлое с их *общей* стороны. То есть это скорее социология, а не история.

Скажем, есть обрывочные сообщения, что существовавшее веками государство исчезло и на его территории оказались поселения соседних народов. Есть также сообщения о разрушении его крепостей и т. п. Мы вправе предположить, что здесь прошла война. Но кто напал первым, какой полководец отличился, сколько лет шла война и проч.— все это останется неизвестным. Нужны новые источники с конкретными сведениями о событиях. А где их нет, там остаются гипотезы об общей стороне дела. Можно, конечно, кое-что восстановить по косвенным данным. Например, имя полководца, известное в другой связи, ассоциировать с данной войной по некоторым косвенным приметам его участия (его награды и т. п.). Но и это всего лишь гипотезы. Конкретное восстановление исчезнувших фактов невозможно даже гипотетически, если под гипотезой понимать научно состоятельное предположение, имеющее значительные шансы на подтверждение, т. е. такое, за которым что-то стоит Не пустое гадание в рамках возможного.

Если иметь в виду конкретные факты, то история не *реконструирует*, а *синтезирует* историческое прошлое по данным своих источников.

Если бы могла реконструировать, то могла бы и предсказывать. А ведь не может! Гегель недаром говорил, что люди не умеют извлекать уроки из истории, что каждая ситуация для этого слишком индивидуальна [4, с. 7—8]. У Маркса во введении 1857 г. к «Экономическим рукописям» находим очень интересное высказывание, которое часто цитируют, не осознавая смысл: «Анатомия человека —ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только (sic! — *Л. К.*) в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античности и т. д.» [42, с. 42]. Но ведь это равносильно однозначному утверждению невозможности предугадывать историю!

К. Поппер доказывал, что предсказания типа пророчеств в принципе невозможны [43]. Большой сторонник уподобления истории естественным наукам А. И. Ракитов выдвигает серьезные контраргументы, но, как оказывается, отстаивает он возможность делать прогнозирование лишь особого рода — только *вероятностные* предсказания об *устойчивых типах* и последовательностях *социально значимой* деятельности *в определенных временных интервалах*, а не о конкретных, точно фиксированных результатах — событиях [44, с. 282—289]. Б. Н. Миронов, очень умно и умело отстаивая правомерность прогнозирования в исторической науке, ограничивает его теми явлениями, которые имеют *строго количественное выражение* [45, с. 54—56]. Другие историки сомневаются даже в столь ограниченных возможностях прогнозирования исторических явлений. Все снова и снова приходится убеждаться в том, что нет фатальной предопределенности конкретных поворотов исторического процесса — на каждом шагу история оказывается перед открытой ситуацией, с возможностями альтернативы [46]. Когда события свершились, кажется, что все можно было предвидеть и предсказать, и такие предсказания делаются — задним числом: vaticinia ex eventu. Но истинные предсказания конкретных событий — лишь как гадания.

Как отметил геолог В. И. Оноприенко, ретросказание и предсказание схожи по логической структуре и связаны между собой. «Эти две процедуры обладают

„временной симметричностью", противоположной направленностью хода познания... Ретросказание выглядит как основа предсказания» [4, с. 158]. Значит, они схожи и по выводной силе. Невозможность исторического предсказания означает невозможность полного ретросказания, невозможность адекватной реконструкции подробностей конкретного хода истории, от которых не сохранилось хороших следов. Здесь полная аналогия с криминалистикой: ведь и там не бывает полного успеха: в каждом районе остается какой-то процент нераскрытых преступлений, а ведь дистанция между событием и исследованием в криминалистике не идет ни в какое сравнение с глубиной истории.

4. Реконструкция в археологии. В зарубежных изданиях часто можно встретить констатацию того, что, как пишет видный американский ученый, «археология имеет целью историческую реконструкцию» [48, с. 163]. По определению другого американского ученого, «археология — это историческая дисциплина, нацеленная на реконструкцию прошлого» [49, с. 11]. Что именно подлежит реконструкции, в Америке определялось по-разному: в начале века целью реконструкции полагали образ жизни народов, ближе к середине века объектом реконструкции стала выступать история культуры [50, с. 5—6]. Подобные же высказывания можно найти также у европейских археологов. Так, Ж.-К. Гарден, ставя перед археологией задачу «экспликации», поясняет, что это процедура, направленная «на реконструкцию событий или способов жизни древних людей или общественных групп» [51, с. 68—69].

Как отметила В. Д. Викторова, «советские археологи применяют термин „ историческая реконструкция " или „воспроизведение, воссоздание исторической действительности по археологическим материалам" с конца 20-х — начала 30-х годов» [52, с. 225]. На практике, когда речь идет о реальной конструкции вещей и комплексов, говорят об «археологической реконструкции», а когда о мысленной реконструкции явлений, структур и событий — об «исторической реконструкции в археологии». По-видимому, именно с учетом последнего обстоятельства В. М. Массон, выделяя «реконструктивный уровень» в археологическом познании, называет его и «интерпретационным» [53, с. 12—14, рис. 1].

На первый взгляд реконструкция в археологии вполне подобна реконструкции в истории по своей роли в научной дисциплине и по своей процедуре. Но это не так. Если в истории реконструкция лишь одна из задач, то в археологии к ней сводится все. Это всеохватная задача археологии.

В 80-е годы в советскую археологию была перенесена идея Э. Лооне о трех уровнях познания в исторических науках: если традиционная гносеологическая трактовка дихотомична и различает эмпирический и теоретический уровни, то Э. Лооне и В. А. Башилов добавляют к ним и ставят на первое место реконструктивный [18, 54, 55]. Идея не нашла поддержки у археологов и была единодушно отвергнута.

Но сама попытка показательна и этим полезна. В дискуссии Викторова заметила: «реконструкция все-таки не самостоятельный уровень, а ряд исследовательских процедур, однопорядковых с систематизацией материала и объяснением его» [52, с. 226]. М. В. Аникович резонно указал, что Башилов и Лооне в сущности спутали гносеологические уровни познания с тремя логическими ступенями исторического исследования: источниковедческой, конкретно-исторической и общесоциологической, в каждой из которых есть эмпирические и теоретические операции, а теоретические выводы каждой предшествующей ступени оказываются эмпирическими данными для последующей ступени [56]. Иными словами, реальной базой для самостоятельного «реконструктивного уровня» авторам идеи вопреки их желанию послужила напрашивающаяся самостоятельность источниковедческой ступени исследования исторического прошлого, каковую ступень и занимает наряду с другими источниковедческими дисциплинами археология (по иронии судьбы это то, против чего авторы идеи в своей статье отчаянно воюют). Их попытка просто наглядно подтвердила то, что археология — источниковедческая наука, потому реконструкция и пронизывает всю археологию.

Коль скоро археология — источниковедческая наука, а археологические источники — это древние вещи и комплексы вещей, то ее задача — перевести информацию с языка вещей на язык истории, язык исторических явлений, событий и процессов [57, с. 16—17]. Иными словами, за сохранившимися вещами, остатками и следами, за их соотношениями увидеть древние явления, события и процессы. Как это сделать?

Упрощенный подход, к которому были склонны советские социологизаторы, и не только они, состоял в том, чтобы каждому виду вещей и следов или их соотношению приписать соответствующее социальное значение, рассматривая этот вид как знак, как постоянное соответствие некоторому виду исторических явлений, событий и процессов. Тогда надо лишь знать этот археолого-социологический алфавит, чтобы свободно читать историю по археологическим текстам.

Беда, однако, в том, что социальные явления и исторические события в разных условиях оставляют в материальной культуре разные следы. Праща и лук служили одним и тем же целям. С другой стороны, археологические следы исторических явлений не однозначны — за ними могут скрываться разные явления прошлого. Сгоревшее жилище может интерпретироваться по-разному: пожар мог быть результатом стихийного бедствия, поджога, войны или ритуала. Криминалистам и в причине современного пожара не так-то легко разобраться, а тут ведь прошли многие века и сохранились далеко не все дифференцирующие детали.

Чтобы не впасть в упрощение, надо обратным ходом проследить весь путь, которым историческое событие или процесс приводили к определенным материальным следам, проследить, учитывая все возможные воздействия различных факторов и неизбежные утери информации на каждом из пройденных шагов. Это означает выделение нескольких последовательно протекавших процессов преобразования информации — от побудительных стимулов и возникавших под их воздействием идей к социально-историческим явлениям, а от них — к образованию археологических источников и превращению оных в исторческие [58, с. 45—48, 54—56, 63—80].

В самом грубом обобщении эти процессы сводятся к четырем.

1. *Опредмечивание* — это создание артефактов на базе идей и в результате каких-то событий. В. Ф. Генинг, используя формулировку Маркса об опредмечивании труда, акцентирует внимание на этом аспекте, но археологов интересует при разработке теории археологии не опредмечивание труда (это забота политэкономов), а опредмечивание идей и событий.

2. *Отложение* — это выход предметов из действующей культуры (в результате изнашивания, поломки, устаревания, утери, припрятывания, похорон) и упокоение их в виде остатков и следов на земле (или под землей, под водой) в мусоре или в культовых сооружениях и т. п.

3. *Археологизация* — это те превращения, которые происходят с материальными остатками и следами в отложенном состоянии под воздействием естественных, а подчас и культурных процессов в течение длительного времени — перемешивание, компрессия, истлевание, фоссилизация, окаменение и т. п.

4. *Открытие* — это выявление, добывание, фиксация, обработка и публикация памятников; все это процессы, при которых часть информации тоже может быть искажена или утрачена.

Под теми или иными терминами, в том или ином членении эти процессы указаны С. Даниелсом, Д. Кларком и М. Шиффером [59—61]. Есть отрасли теории археологии, специально направленные на изучение этих процессов: этноархеология, срочная и мусорная археология, тафономия, экспериментальная археология, критика источников. В этих отраслях формулируются законы протекания этих процессов или (применительно к последнему процессу), правила, соблюдение которых считается обязательным, и закономерности появления ошибок и пропусков.

Опираясь на все эти законы, осознанно или неосознанно (и тогда нестрого и неэксплицитно) археологи восстанавливают этап за этапом прежние состояния

источников, памятников, артефактов и комплексов, ретроспективно — от конца существования в началу. Если даже закон не выявлен или неизвестен археологу, то у археолога всегда есть подручное средство подменить закон или обойтись без него (правда, заведомо обрекая себя на менее надежный результат). Это средство — аналогия. Исследователь ищет принадлежащие к тому же типу или похожие предметы — уже опознанные, ищет похожие комплексы — уже интерпретированные. Или пусть столь же незнакомые, но лучше сохранившиеся. Как с некоторым заострением высказался Чжен Гуанчжи, «вся археология есть аналогия». Он пояснил: «...ибо претендовать на какое-либо знание помимо самих предметов значит применять знание конфигураций в культуре и истории и применять эти конфигурации к фактам» [62, с. 109].

Ж. Хокс утверждала, что главная цель археологии — «реконструкция индивидуальных событий во времени» [63, с. 255]. Если под словом «индивидуальные» понимать «отдельные», то это утверждение сомнительно, если же под ним пониммать «уникальные», «взятые в их специфичности», то оно просто неверно. Археология, как известно каждому археологу со студенческих лет, ориентируется на типичное, на типологию. Она восстанавливает только общее в артефактах, комплексах и культурах.

В этом она вполне схода с историей. Но если для истории это означает, что реконструкция буксует в своей основной функции и оказывается нерелевантной, то археология не смущается подобным отказом. Она довольствуется значительно меньшей степенью индивидуализации, обслуживая культурологию (антропологию в англосаксонском понимании) и историю культуры, социологию и социологическую историю — историю социальных структур, ту, которую отстаивала школа «Анналов». Протоистории (истории тех ранних народов, которые уже соседствовали с письменными обществами) она помогает удерживать общую канву культурного процесса. Преисторию она связывает с палеоантропологией и палеонтологией — ведь на значительных отрезках этой эпохи человек мало отличался от живого, а звери не знают биографий и не имеют истории. Это время, для которого индивидуализация была в значительной мере беспредметной.

Что же, археология вовсе не имеет дела с уникальными явлениями? Да нет, конечно. Уникальные предметы не так уж редки среди археологических находок. Более того, индивидуальность можно обнаружить в каждом предмете — как противоположную сторону общего. Ведь обнаружение индивидуальности — это результат не столько наличия таких свойств в объекте (хотя, конечно, и это важно), сколько подхода субъекта к нему (подхода, который в большей мере обусловлен наличием таких свойств в объекте).

Значительная часть уникумов оказывается там, где археолог находит предметы хорошо сохранившимися. Получив такой предмет, он должен передать его историку нетронутым (но, разумеется, археологически проработанным — датированным по комплексу, прошедшим экспертное обследование, анализы и т. п.). Есть у археологии и способ обратить уникальное и не имеющее аналогий в более податливый объект типологического исследования: нужно лишь раздробить мысленно этот объект на такое количество деталей, что каждая из них, лишась усложняющих элементов, отошедших к соседним деталям, оказывается очень простой и перестает сохранять уникальность. Так, сложный орнамент расчленится на свои элементарные составляющие и на весьма общеупотребительные узоры. Уникальным остается сочетание этих элементов и мотивов. Но оно не затрагивает археологию. Оно существует до археологического анализа и возвращается вещи после него.

Археология передает объекты исторической науке реконструированными и, насколько это ей, археологии, доступно, интерпретированными, но индивидуализации они подвергнутся по включении в историю.

5. Археология как прикладная наука. Археология безусловно связана с историей. Но связана деловыми отношениями — как партнер. В остальном же одна другой не только не тождественны, но даже не родственны. Они разной

методологической природы. Если история — индивидуализирующая наука, а с учетом индивидуализации человеческих произведений — гуманитарная, то археология — нет. И это кардинальное различие.

Впрочем, общее у них есть. В числе этого общего заметно следующее: обе не выявляют законов, а только используют их, но история — для объяснения фактов, а археология — для реконструкции. То есть она скорее относится не к фундаментальным наукам, а к прикладным. Нечто подобное Г. А. Антипов отмечает по отношению к нарративной реконструкции в истории: «Различия между обычными научными познавательными процедурами и такой реконструкцией прошлого вполне аналогично, например, различию между деятельностью специалиста в области теоретической механики и строительством мостов, зданий, машин и т. п.» [38, с. 94—95]. С гораздо большим основанием это можно отнести к археологической реконструкции — реальному построению недостающих деталей и конструкций (как бы ремонтно-восстановительным работам), а в силу подобия и даже тождества логических операций также и ко всей исторической конструкции в археологии.

Оказывается, не так уж парадоксально мнение У. Тэйлора, что «археология сама по себе не более чем метод и ряд специализированных техник для сбора культурной информации. Археолог как археолог и впрямь не что иное, как технарь» [64, с. 41]. Вероятно, все источниковедческие («вспомогательные») науки по методологической природе ближе всего к прикладным, техническим дисциплинам. Близость не означает тождества, но позволяет сопоставлять и в некоторых отношениях уподоблять.

Одно необходимое уподобление есть смысл провести немедленно, ибо осознание его чрезвычайно важно для дальнейшего развития археологии в нашей стране. При изложенном здесь понимании археологии, отпадает правомерность идеологической ориентации в археологии, позволительность насыщения археологии политикой. Я этим не хочу сказать, что в исторической науке с идеологизацией и политизацией надо мириться. Но там все же другие соотношения этих вещей и другие основы осознания этой опасности, другие меры обеспечения объективности. В археологии все гораздо проще.

Нет двух наук — марксистской археологии и буржуазной археологии. «Буржуазная» археология — это искусственная композиция, долженствующая представить «образ классового врага». Для этой цели были собраны воедино все недостатки, присущие любой археологической деятельности, и приписаны археологии Запада, а к ним нечаянно присоединились многие достижения и достоинства тамошних археологических исследований. Марксистская археология— это еще более искусственное создание, выкроенное по лекалу «буржуазной» археологии—как ее негатив. На этот негатив наложены политические, экономические, социальные и философские догмы марксистского учения в надежде найти им археологическое подтверждение и одновременно показать их плодотворность для археологии. А чтобы это было реалистичнее, археологию пришлось уподобить истории и даже слить с ней.

Я не собираюсь упрощать. Несомненно, могут быть какие-то проявления буржуазности в археологии, как бывают они и во всяком другом деле. Но место их в историографии гораздо более скромное, чем было принято изображать. Сопоставимое с местом «пролетарского» вклада в археологию, хотя и более крупное. Еще того менее хотелось бы мне отрицать или отвергать достижения археологов, исходивших из марксистского учения или думавших, что они это делают. Всякие идеи могли приводить к открытиям и находкам. Существенно— какой ценой. И в любом случае это ровным счетом ничего не говорит о самих идеях.

Подобно технике и криминалистике археология едина. Нет двух противостоящих археологий, но в единой археологии есть место применению любых идей. Если они обогащают науку и выдерживают проверку практикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Григорьев Г. П.* О предмете археологии//Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. М., 1973.
2. *Массон В. М.* Археология за бортом гуманитарии (Некоторые зарубежные теории и вопрос о предмете археологической науки)//Тез. докл. сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. М., 1973.
3. Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований//Материалы симпоз. методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1975 (статьи В. Н. Боряза, Ю. Н. Захарука, А. Н. Рогачева и др.).
4. *Генинг В. Ф.* Специфический предмет и некоторые актуальные задачи современной археологии//ВАУ. 1975. Вып. 13.
5. *Генинг В. Ф., Викторова В. Д.* О предмете археологической науки//Материальная и духовная культура финно-угров Приуралья. Ижевск, 1977.
6. *Клейн Л. С.* Предмет археологии//Археология Южной Сибири. Кемерово, 1977.
7. *Захарук Ю. Н.* Спорные вопросы объекта и предмета археологии//КСИА. 1978. Вып. 152.
8. *Генинг В. Ф.* Объект и предмет науки в археологии. Киев: Наук. думка, 1983.
9. *Клейн Л. С.* О предмете археологии//СА. 1986. № 3.
10. *Hawkes Chr. F. C.* Archaeological theory and method: some suggestions from the Old World//Amer. Anthropologist. 1954. V. 56.
11. *Willey G. R., Phillips Ph.* Method and theory in American archaeology. Chicago: Univ. Chicago Press, 1958.
12. *South S.* Method and theory in historical archaeology. New York; San Francisco; London: Acad. Press, 1977.
13. Advances in archaeological method and theory/Ed. *Schiffer M. B.* V. 1. ...N. Y. et al.: Acad. Press, ab 1978.
14. [Stjernquist B.] Perspective on archaeological theory and method//Univ. Lund Inst. Archaeol. Rept Ser. 20. Lund: Univ. Histor. Museum, 1984.
15. *Рогачев А. Н.* О предмете и методе первобытной археологии// КСИА. 1978. Вып. 152.
16. *Carr E. H.* What is history? Pelican Books, 1964.
17. *Коллингвуд Р.* Идея истории. М.: Наука, 1980.
18. *Лооне Э.* Современная философия истории. Таллин: Ээсти раамат, 1980.
19. *Харвей Д.* Научное объяснение в географии. Общая методология науки и методология географии. М.: Прогресс, 1974.
20. *Сержантов В. Ф.* Введение в методологию современной биологии. Л.: Наука, 1972.
21. *Будилова Е. А.* Философские проблемы в современной психологии. М.: Наука, 1972.
22. *Быковский С. Н.* О предмете истории материальной культуры// Сообщ. ГАИМК. 1932. №$^{1}/_{2}$.
23. *Арциховский А. В.* Введение в археологию. М., 1941.
24. *Даниленко В. Н.* Неолит Украины. Киев: Наук. думка, 1969.
25. *Маркс К., Энгельс Ф.* Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического мировоззрений. М., 1966.
26. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. М., 1961
27. *Конт О.* Курс положительной философии. Т. II. СПб., 1900.
28. История и социология. М., 1964.
29. *Бэкон Ф.* О достоинстве и приумножении наук. Сочинения в двух томах. Изд. 2-е. Т. 1. М.: Мысль, 1977.
30. *Риккерт Г.* Философия истории. СПб.: Изд. Жуковского, 1908.
31. *Риккерт Г.* Науки о природе и науки о культуре. СПб: Образование, 1911.
32. *Гулыга А. В.* История как наука//Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969.
33. *Ерофеев Н. А.* Что такое история. М.: Наука, 1976.
34. *Dondt J.* Histoire et reconstruction du passé//Rev. Inst. Sociol. (Bruxelles). 1969. № 1.
35. *Антипов Г. А.* Историческое прошлое и пути его познания. Новосибирск: Наука, 1987.
36. *Никитин Е. П.* Метод познания прошлого//Вопр. философии. 1960. № 8.
37. *Третьяков П. Н.* Рец. на кн. Е. И. Горюновой «Этническая история Волго-Окского междуречья»//СА. 1962. № 4.
38. *Лихачев Д. С.* Текстология. М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
39. *Мейен С. В.* О. наиболее общих принципах реконструкции в геологии//Изв. АН СССР. Сер. геол. 1978. № 11.
40. *Симпсон Дж. Г.* Великолепная изоляция: История млекопитающих Южной Америки. М., 1983.
41. *Гегель Г. Ф. В.* Соч. Т. 8. М.; Л., 1935.
42. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1.
43. *Popper K.* The poverty of historicism. L., 1960.
44. *Ракитов А. И.* Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982.
45. *Миронов Б. Н., Степанов З. В.* Историк и математика. Л.: Наука, 1975.
46. *Гуревич А. Я.* Об исторической закономерности//Философские проблемы исторической науки. М.: Наука, 1969.
47. *Оноприенко В. И.* Логика процедуры ретросказания в геологии//Методология геологических исследований. Владивосток: Дальневост. науч. центр, 1976.
48. *Kroeber A. L.* Archaeology//Encyclopedia of the social sciences. V. II. № 9., 1937.

49. *Griffin J. B.* The Fort Ancient Aspect, its cultural and chronological position in Mississipi Valley archaeology. Ann Arbor: Univ. Michigan Press, 1943.
50. *Binford L. R.* Archeological perspectives/Eds Binfords S. R. and L. R. New perspectives in archeology. Chicago: Aldine, 1968.
51. *Гарден Ж.-К.* Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1983.
52. *Викторова В. Д.* Отклик на статью В. А. Башилова, Э. Н. Лооне «Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии»//СА. 1988. № 4.
53. *Массон В. М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976.
54. *Лооне Э. Н.* Об уровнях исторического знания и познания//Уч. зап. Тартуск. ун-та. 1973. Вып. 301 (Тр. по философии. XVI).
55. *Башилов В. А., Лооне Э. Н.* Об уровнях исследования и познавательных задачах археологии// СА. 1986. № 3.
56. *Аникович М. В.* «Три уровня археологического исследования» или три ступени исторического познания?//СА. 1988. № 4.
57. *Клейн Л. С.* Язык вещей//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1981.
58. *Клейн Л. С.* Археологические источники. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
59. *Daniels S. G. H.* Research design models/Ed. Clarke D. L. Models in archaeology. L.: Methuen, 1972.
60. *Clarke D. L.* Archaeology: the loss of innocence//Antiquity. 1973. V. 47. № 185.
61. *Schiffer M. B.* Behavioural archaeology. N. Y. et al.: Acad. Press, 1976.
62. *Chang K. C.* Rethinking archaeology. N. Y.: Random House, 1967.
63. *Hawkes J. B.* The proper study of mankind//Antiquity. 1968. V. 41. № 168.
64. *Taylor W. W.* A study of archeology. Carbondale: Edwardsville: South Illinois Univ. Press, 1968 (first publ. — 1948).

Санкт-Петербург

Ю. Н. ЗАХАРУК

К ДИСКУССИИ О СТАТУСЕ АРХЕОЛОГИИ

Последние годы в журнале «Советская археология» все больше внимания стали уделять научным дискуссиям. Этот интерес к проблемам археологической теории заслуживает положительной оценки и, надо полагать, получит дальнейшее развитие на страницах журнала. Следует, однако, заметить, что в силу недостаточного опыта и культуры в проведении дискуссий, к сожалению, наши дискуссии, полемика подчас принимают недостойную науки форму. Примером этому может быть ответ Л. С. Клейна своим оппонентам, опубликованный в № 3 «Советской археологии» за 1991 г. [1, с. 102—110]. Первым делом автор поспешил дискредитировать своих оппонентов. Он заявляет, что его оппоненты «хотят создать впечатление ученой полемики, острой борьбы, а сказать в сущности нечего. Вот они и задают то и дело риторические вопросы, цепляются к словам, провозглашают застарелые лозунги, но если вслушаться, в том гуле проступает одна и та же фраза: „Что сказать, когда нечего говорить?“» [1, с. 103]. Вот такая «дискуссия», такая «полемика». Они недостойны ответа, разве что осуждения. Несомненно, что коллеги, интересующиеся проблемами археологической теории, прекрасно сами разберутся в том, где имеет место бессодержательный гул, а где речь идет о предмете дискуссии.

Отрадно, что к дискуссии подключились новые ее участники, это несомненно будет способствовать ее дальнейшему развитию. Е. Д. Гражданников и Ю. П. Холюшкин, вопреки ироническому отношению Л. С. Клейна к предмету дискуссии, считают, что «в этой дискуссии обсуждаются два очень важных вопроса: проблема статуса археологии как науки и проблема истинной научности археологов» [2, с. 111]. А. М. Буровский при этом подчеркивает, что и место археологической науки в системе научного познания мира остается достаточно полемичным» [3, с. 115]. С этим нельзя не согласиться. По-иному, не так, как считает Л. С. Клейн, Е. Д. Гражданников и Ю. П. Холюшкин оценивают, так сказать, научный рейтинг участников дискуссии и приемы их полемики. Они считают, что «дискуссия

© Ю. Н. Захарук, 1992 г.

В. Ф. Генинг — Л. С. Клейн — это спор равных по научному потенциалу», что именно монография В. Ф. Генинга была подвергнута Л. С. Клейном «резкой критике» и что «тон критики неакадемичен» [2, с. 211]. Вряд ли целесообразно на современном этапе дискуссии акцентировать внимание на определении научного потенциала ее участников. Более целесообразным и перспективным представляется анализ и оценка точек зрения и концепций новых участников дискуссии.

В этом плане заслуживает внимания предложенная Е. Д. Гражданниковым Ю. П. Холюшкиным концепция статуса археологии как науки. Они считают, что «для определения статуса археологии нужно не только охватить ее целиком, но и указать ее связи с другими науками» [2, с. 111]. Определить статус археологии, конечно, не легкая задача, и не только по той причине, «что ни один исследователь не может охватить ее целиком своим творчеством» [2, с. 111]. Наука не столько то, что может и делает каждый исследователь, сколько то, что может и должна делать наука в целом. Определить статус любой частной науки, в том числе и археологии,— сложная область теоретико-методологических исследований. Определить же место археологии в системе наук, пожалуй, еще более сложно, поскольку это связано с разработкой общенаучной проблемы классификации всей системы наук, в том числе и общественных, о чем свидетельствует обширнейшая философская и науковедческая литература, посвященная этой дискуссионной теме.

Критически оценивая концепции Л. С. Клейна и В. Ф. Генинга, авторы утверждают, что «у них нет научного метода решения той проблемы, которую они перед собой поставили» [2, с. 111]. Ситуация с исследованием этой проблемы существенно изменилась, как полагают авторы, после того, «когда Е. Д. Гражданниковым на основании всеобщего периодического закона была построена системная, т. е. упорядоченная и структурно повторяющаяся, классификация наук, включая археологию» [2, с. 111]. В опоре на последнюю была «построена периодическая система археологии», в результате которой «статус археологии определен строго и однозначно» [2, с. 112] и решен «спор о статусе археологии как науки» [2, с. 113].

Решение проблемы представлено в форме таблицы: классификационный фрагмент «Формационная история» [2, с. 112]. Аналогичный по содержанию классификационный фрагмент, но под другим названием — «Гуманитарные исторические науки» — опубликован в монографии Е. Д. Гражданникова и Ю. П. Холюшкина 1990 г. [4, с. 109]. Несмотря на разницу в наименованиях, оба классификационных фрагмента по существу тождественны и отражают классификацию гуманитарных исторических наук, а не историю обществ (формационную историю). Из этих классификационных фрагментов следует, что «археология образует диалектическую пару (диаду) с письменной историей. Эти две науки связаны смысловым единством, ведь они дополняют друг друга» [2, с. 112]. Вместе с тем, как справедливо отмечают оба автора, «эти две науки противоположны, ибо археология имеет дело с материальными (вещественными) источниками, а письменная история — с письменными (документальными)» [2, с. 112]. В этом, действительно, проявляется диалектическое единство и различие обеих наук. Их *общие цели* — реконструкция социального прошлого на базе различных, специфических источников — *объектах* исторического познания. Авторы с полным основанием подчеркивают, что «никакой третьей науки в один ряд с ними ставить не имеет смысла, ибо они охватывают всю формационную историю» [4, с. 110]. Речь, действительно, может идти только о двух исторических науках — археологии и письменной истории. Этим самым подтверждается концепция о статусе археологии как исторической, а не источниковедческой науки, а также указано ее место в историческом познании. Вместе с тем по существу подтверждено важное методологическое значение категорий объекта и предмета науки при определении статуса археологии и письменной истории. Категории объекта и предмета науки являются категориями философскими, гносеологическими. Вряд ли правомерно ставить под сомнение их важное значение при

определении объекта и предмета каждой частной науки, в том числе и исторических наук. Существующий разнобой в определении объекта и предмета археологии следует объяснять не столько терминологической нечеткостью этих понятий, сколько различным толкованием и конкретным приложением их к археологии. Одни, к примеру, считают, что объектом археологии являются прошлые, исчезнувшие, не существующие общества; другие полагают таким объектом археологические источники, без которых невозможна сама археологическая наука. Одни считают целью археологии закономерности развития «археологического универсума», другие — реконструкцию социального прошлого на базе археологических источников (объектов археологии). Третьи, напротив, считают, что поскольку объектом археологического познания являются конкретные общества прошлого, то ее целью должны быть закономерности последних. В зависимости от того или иного ответа на поставленные вопросы определяется статус археологии то как исторической, то как источниковедческой науки.

Сложнее проблема определения места археологии в системе других наук. Из опубликованного в монографии Е. Д. Гражданникова и Ю. П. Холюшкина классификационного фрагмента «Фундаментальные науки» [4, с. 104—105] следует, что исторические науки, а значит, и археология относятся к числу фундаментальных наук. Это бесспорно. Почему-то в числе фундаментальных наук отсутствует этнография. Зато она указана в классификационном фрагменте «Гуманитарные исторические науки» [2, с. 112; 4, с. 109], т. е. причислена к таковым. Вместе с источниковедением и филологией она рассматривается авторами как носитель информации для археологии и письменной истории, т. е. выступает в качестве источниковедческой дисциплины исторических наук. Между тем, согласно цитируемой Е. Д. Гражданниковым и Ю. П. Холюшкиным Советской исторической энциклопедии, этнография рассматривается как «общественная наука, основным объектом изучения которой являются народы-этносы» [4, с. 111]. Этнография, следовательно, является фундаментальной общественной наукой со своим объектом и целью познания. В отличие от исторических наук, объектом исследования которых являются исторические источники, этнография исследует современные этнографу народ-этносы, т. е. относится к числу презентивных общественных наук, наук о феноменах современной социальной действительности. Неясно также, почему археологическое источниковедение в классификационном фрагменте «Гуманитарные исторические науки» оказалось оторванным от археологии и опосредовано общим источниковедением? Разве археология и письменная история в своих исследованиях прямо и непосредственно опираются на общее источниковедение, а не на свое специфическое археологическое и письменное источниковедение? Указанные несоответствия классификационного фрагмента «Гуманитарные исторические науки» следует иметь в виду при оценке эвристического значения предложенной Е. Д. Гражданниковым и Ю. П. Холюшкиным системной классификации исторических наук как *единственного научного метода* решения проблемы.

Тесно связана с проблемой статуса археологии как науки проблема ее структуры. Некоторым аспектам этой проблемы посвящена опубликованная в качестве дискуссионной статья А. М. Буровского [3]. Автор поставил под сомнение точку зрения на структуру археологии, согласно которой последняя состоит из полевой археологии (ПА), аналитической археологии (АА) и реконструктивной археологии (РА). Согласно этой концепции, ПА, АА, РА, как считает автор, «рассматриваются как цель логически вытекающих одна из другой последовательных операций, которые различаются только как разные этапы или как разные стороны принципиально единой по содержанию деятельности» [3, с. 115]. Из этого утверждения, как полагает автор, следует, что ПА занята *только* изучением материальной культуры ископаемого общества, а археологические источники (АИ) содержат информацию *только* для реконструкции ископаемого общества. Оба эти положения представляются автору далеко «не бесспорными» [3, с. 115]. Различные задачи и методы полевых, аналитических и реконструктивных исследований, как считает

А. М. Буровский, обусловили специализацию археологов на полевиков, аналитиков и теоретиков. ПА выступает как наука об обнаружении, изучении культурного слоя (КС). «КС объективно является аккумулятором информации как об ископаемых обществах, так и об ископаемой биосфере» [3, с. 117]. АИ «содержат информацию и о таких сторонах ископаемой действительности, которые находятся вне компетенции гуманитарных наук» [3, с. 118]. Археолог-полевик в свою очередь, по А. М. Буровскому, осуществляет «множество действий, не имеющих никакого отношения ни к истории, ни вообще к гуманитарной проблематике» [3, с. 116]. Все это, как считает автор, ставит под сомнение отнесение ПА, КС и АИ только к историческому, гуманитарному знанию. ПА, по А. М. Буровскому, по своим задачам и методам исследования более близка к наукам об ископаемом прошлом (НИП). Объектом их исследования являются различные аспекты «ископаемого прошлого Земли» [3, с. 116]. В связи с концепцией А. М. Буровского важно уточнить: правомерно ли применение таких понятий, как «ископаемое прошлое», «ископаемые общества», «ископаемая биосфера», наряду с понятием «ископаемая действительность»? Ни прошлое, ни общества прошлого, ни прошлая биосфера не являются ископаемыми и не имеют отношение к ископаемой действительности. Объективно существующими, непосредственно доступными исследованию феноменами ископаемой действительности являются следы и остатки как прошлой человеческой деятельности, так и прошлой природы. Ископаемая действительность и ее феномены по своей природе отличаются от современной живой и динамичной социальной действительности. Следы и остатки прошлой деятельности человека аккумулируются в КС, т. е. в погребенном слое, на местах проживания человека в прошлом. Следы и остатки прошлой фауны и флоры аккумулируются в погребенных геологических слоях, которые вряд ли правомерно отождествлять с КС. Находимые в КС пыльца, кости домашних и диких животных, а также остатки погребенных в могильниках являются объектами специального лабораторного исследования таких наук, как палеоботаника, палеозоология и палеоантропология. Но разве это отрицает важное значение их объектов как источников познания социальной истории, хозяйства конкретных обществ прошлого в их неразрывной связи с природной средой? При этом следует особо иметь в виду, что решаемые ПА, АА и РА специфические задачи имеют своим общим объектом исследования АИ. Принципиально важно также и то, что решаемые ПА, АА и РА частные задачи подчинены реализации генеральной цели археологического познания — реконструкции на базе АИ социальной истории. Это в свою очередь обуславливает тесную взаимосвязь, строгую последовательность и взаимозависимость решаемых ПА, АА и РА задач. Речь, таким образом, идет не о каких-то отдельных археологиях — полевой, аналитической и реконструктивной, а о разделах, этапах принципиально единого процесса исследования в археологии. Вряд ли поэтому следует ставить под сомнение гуманитарно-исторический характер АИ по той лишь причине, что АИ несут в себе кроме социальной информации еще и информацию о прошлой природной среде бытования конкретных обществ прошлого. Без АИ, а равно также и без ПА, АА и РА, невозможна сама археологическая наука и реконструкция на базе АИ истории конкретных обществ прошлого в их неразрывной связи с природной средой.

Иной представляется структура археологии Е. Д. Гражданникову и Ю. П. Холюшкину. Исходя из их классификационного фрагмента «Археология» [4, с. 115], последняя состоит из двух ее подразделов: полевой археологии и реконструктивной археологии. Такое диадное решение проблемы структуры археологии обусловлено самой стандартной формой схематической карты варианта классификационного фрагмента [4, с. 21]. В соответствии с ней любое опорное понятие может быть только диадным. Их триадность исключена. Поэтому в классификационном фрагменте «Археология» подраздел АА отсутствует. Между тем без тщательной лабораторной и всесторонней аналитической обработки всего наличного материала полевых исследований не может быть и речи о формировании

необходимой источниковедческой базы для реконструкции социального прошлого. АА, следовательно, является одним из важных и непременных разделов археологического познания. Прямой переход от эмпирических материалов полевых исследований непосредственно к реконструкции конкретной истории прошлого, минуя этап АА, невозможен. Концепция о триадной структуре археологии (ПА, АА и РА) объективно отражает структуру и последовательные этапы исследования археологической науки.

Следует отметить, что А. М. Буровский в своей статье обратил внимание на важное методологическое значение для археологии учения В. И. Вернадского о биосфере и ноосфере. Предметом исследования последней является социоприродная система в ее единстве. Несомненно, что в дальнейшем с развитием предложенного В. И. Вернадским направления, когда, как считает А. М. Буровский, будет разработан его понятийный и методологический аппарат, ПА, АА, РА, а также КС и АИ будут иметь незаменимое значение как важные научные средства археологии и археологических источников для реконструкции социоприродных систем в их историческом развитии.

Публикация работ К. Д. Гражданникова, Ю. П. Холюшкина и А. М. Буровского расширяет предметное поле и методику исследования теоретических проблем, что, несомненно, будет стимулировать дальнейшее развитие научных дискуссий в археологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клейн Л. С.* В защиту «чистой археологии»//СА. 1991. № 2.
2. *Гражданников Е. Д., Холюшкин Ю. П.* Системное решение вопроса о статусе археологии как науки (к дискуссии о предмете археологии)//СА. 1991. № 2.
3. *Буровский А. М.* О характере археологических источников//СА. 1991. № 2.
4. *Гражданников Е. Д., Холюшкин Ю. П.* Системная классификация социологических и археологических понятий. Новосибирск, 1990.

Институт археологии
РАН, Москва

Публикации

ГЭДЭ Ф. ИОДЭ, В. П. ЛЮБИН, Е. В. БЕЛЯЕВА

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА В РЕСПУБЛИКЕ КОТ Д'ИВУАР

В 1991 г. российские археологи впервые провели исследования палеолита в Африке в составе совместной российско-ивуарийской экспедиции. Республика Кот д'Ивуар (бывший Берег Слоновой Кости) расположена в экваториальном и субэкваториальном поясе Западной Африки, между 5—10° с. ш., простираясь в глубь материка до водораздела бассейна р. Нигер. В геолого-геоморфологическом отношении на территории этой страны выделяются следующие области. В северо-западной части — нагорье Ман с высотами более 400 м (до 1000 м), сложенное архейскими кварцитами, гнейсами, сланцами, гранитами. На севере и в центральной части — низкие плато и плоскогорья (200—500 м), сложенные раннепротерозойскими породами зеленосланцевой фации и гранитными, реже основными, интрузиями. Южнее — сложенный теми же породами холмистый пенеплен с высотами до 200 м. Прибрежная часть страны — северная окраина Гвинейского прогиба — выполнена осадочными мезозойско-кайнозойскими отложениями с высотными отметками до 50 м.

Четвертичные отложения представлены аллювием, прибрежными образованиями, элювием и латеритами. Латериты — продукты выветривания в тропическом климате пород цоколя, представленные красноцветными железистыми и глинисто-железистыми образованиями,— занимают около половины территории страны и являются отличительной особенностью четвертичных отложений региона. Для них характерно наличие горизонтов железистых конкреций, железистых панцирей (кирас). Другие четвертичные отложения распространены ограниченно и приурочены в основном к долинам рек. Речная сеть густая, но реки невелики по размерам. Главные реки: Кавалли, Сасандра, Бандама, Комоэ, впадающие в Гвинейский залив; на севере — верховья небольших правобережных притоков р. Нигер (Бауле, Багоэ и др.).

По характеру растительности территория разделяется на лесную зону на юге (до линии 8-й параллели), лесосаванную и саванную.

История исследований. Начало и наибольшие достижения в исследовании палеолита Кот д'Ивуар связаны с районом бывшей столицы республики — г. Абиджаном. В глубоких окрестных карьерах было сделано несколько важных стратифицированных находок. Первая из них — грубый кварцевый «миндалевидный бифас аббевильского облика» (размерами 156—170 мм) — был обнаружен в верхах глинисто-галечных террасовых отложений, вскрытых карьером на 10-м км дороги из Абиджана в Бинжервиль [1, 2].

Более значимы находки в карьерах близ Аттенгие и Аньяма к северу от Абиджана, сделанные в 1980 г. французским геологом Гильяном Паради. В разрезах карьера Аттенгие в толще глинисто-железистых отложений типа terre de barre, перекрывающих конгломераты и цоколь, Паради обнаружил несколько уровней, содержащих кварцевые орудия типа пиков, грубых бифасов, сфероидов

© Гэдэ Ф. Иодэ, В. П. Любин, Е. В. Беляева, 1992 г.

и др., которые он отнес к индустриям типа санго и предположительно датировал межплювиалом (45—40 тыс. лет назад) [3]. В такой же, по существу, стратиграфической позиции располагались сходные кварцевые изделия (бифасы, пики, скребла, массивные скребки), выявленные им в карьере близ Аньямы. Апробация этих изделий сделана археологом Робером Шеноркяном [4, 5]. В 1982—1987 гг. ивуарийский археолог Гэдэ Иодэ и французский геолог Жан-Пьер Тасте́ произвели первые в Кот д'Ивуар планомерные геолого-археологические исследования стратифицированного палеолитического памятника: раскопки многослойной стоянки Бете́, вскрытой упомянутым карьером близ Аньямы. В 30-метровой толще отложений здесь были прослежены (снизу вверх): докембрийский цоколь, грубые обломочные отложения мезозойско-кайнозойского времени (9 м); песчано-глинистые коллювиальные отложения (17 м); современная почва. В коллювиальных отложениях, несогласно перекрывающих коренные, выявлено четыре культурных слоя: D — «верхнеашельский» (13 м), C — среднепалеолитический, B — микролитический, A — современный. Образование самого древнего, содержавшего пики, «бифасоиды», единичные бифасы, грубые скребла и др., по мнению Тасте́, предположительно можно отнести к аридному периоду, длившемуся с 120—100 тыс. до 18 тыс. лет назад [6].

Что касается других палеолитических находок на территории Кот д'Ивуар, то сведения о них чрезвычайно скудны и отрывочны. Так, где-то в 50-х годах английский исследователь Оливер Дэвис обнаружил в юго-восточной и центральной частях страны на реках Тано, Комоэ, Нэи и Бандама, близ городов Абенгуру, Димбокро и Боканда «следы носителей культуры санго» [7, 8]. Кроме того, есть упоминание о находке Е. Бернюсом в центре страны, в алмазоносных отложениях района г. Сегела, в местности Фуруна, крупного (275 × 100 × 100 мм) сильноокатанного зеленокаменного ручного рубила [2]. Второй бифас в этом же районе — долеритовый, грубообработанный — был найден в 1987 г. Гэдэ Иодэ.

Интересна, наконец, небольшая информация о работах последних лет французских и бельгийских экспедиций на севере страны. В предварительной публикации Рожé де Байл де'Зерман сообщает об открытии в 1983 г. на северо-западе двух пунктов находок галечных орудий: в районе Одиенне — близ сел. Керé (четыре бифаса из кварца и сланца) и близ сел. Диенгеле (серия оббитых галек). Помимо того, в алмазоносных галечниках Сегела удалось найти еще 12 оббитых кварцевых галек. Бифасы Керé, по мнению французского археолога, свидетельствуют о «бесспорном существовании ашеля в данном регионе», а «галечные орудия» можно классифицировать как «преашель» [9]. В 1987 и 1990 гг. бельгийские ученые Поль Раймайкер и Оливье Петр обследовали верховья р. Комоэ близ границы с Буркина Фасо и собрали там галечные орудия, напоминающие, по их мнению, «олдувайские в Танзании», а также изделия конца каменного века (типа «читоль») [10].

Таковы основные известные на сегодняшний день материалы по палеолиту Кот д'Ивуар. Подавляющее большинство отмеченных публикаций носит краткий или предварительный характер, лишено рисунков каменных орудий или сопровождается неясными фотоснимками образцов изделий. Почти все находки встречены вне стратиграфического контекста. Антитеза «санго — верхний ашель» на данных свидетельствах не может быть, конечно, прояснена. Расходятся, к примеру, даже предположительные датировки основной индустрии Аньяма. Эта проблема не разрешена и в других районах распространения культуры санго. В последнем специальном исследовании, посвященном этому вопросу, отмечается, что нет ни одной точной датировки индустрий санго, но допускается, что они приблизительно могут быть отнесены ко времени 100 тыс. лет, будучи одновременными индустриями финального ашеля и «среднего каменного века» [11].

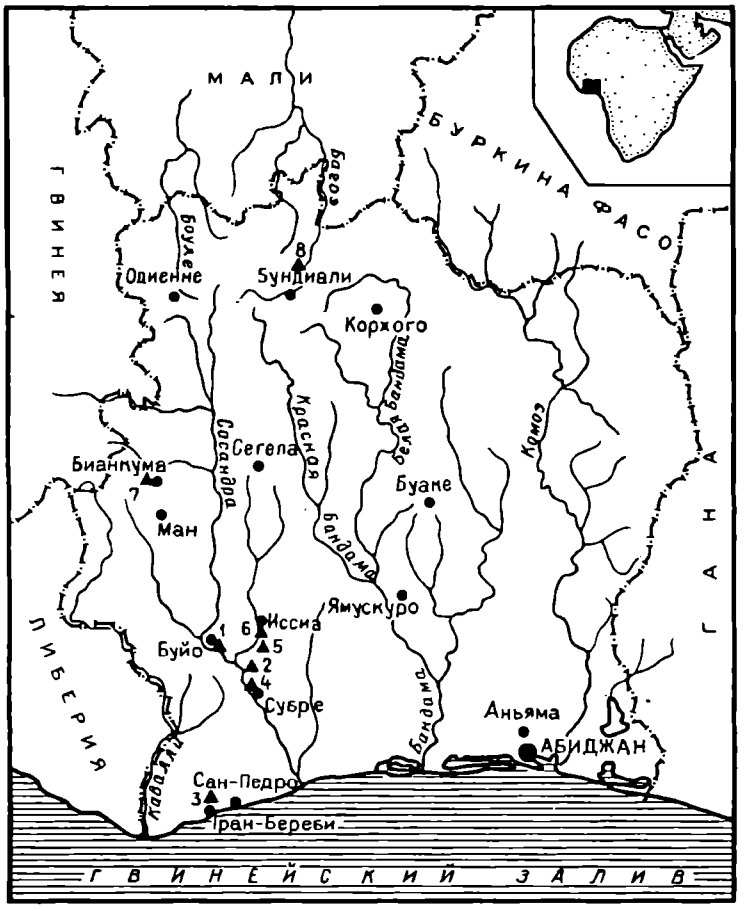


Рис. 1. Карта республики Кот д ' Ивуар. Палеолитические местонахождения, выявленные российско-ивуарийской экспедицией 1991 г.: *1* — Саблиер; *2* — Ньяпуйо; *3* — Гран-Джако; *4* — Водопад Науа; *5* — Гуабо; 6 — Мира; *7* — Гуессессо — Гбабласо; *8* — Кантара

Методика исследований российско-ивуарийской экспедиции

Работы экспедиции носили рекогносцировочный характер. Разведывательные маршруты охватили западную часть страны и были построены с таким расчетом, чтобы ознакомиться со всеми природными зонами. Особый интерес представляло посещение ивуарийского Принигерья (крайнего севера, где находятся верховья правобережных притоков р. Нигер), куда во времена «Большой Сахары» (периоды иссушения климата и расширения пустыни к югу) могли быть, как предполагалось, оттесняемы носители древних сахарских индустрий. Сюда же могли выходить древние коммуникации, связывающие (по линии саванн и сахеля, обрамляющих Сахару с юга) восток и запад континента.

Разведки были произведены по маршруту: Абиджан, Ямусукро, Далоа, Иссиа, Буйо, Субре, Сан-Педро, Гран-Береби, Далоа, Ман, Бианкума, Сегела, Бундиали, Корхого, Буаке, Абиджан. Поиск древних памятников в этой сильно залесенной стране облегчал осмотр практически всех встречающихся обнажений и вскрытий (овраги, размывы, дорожные выемки, карьеры) и мест выхода сырья для орудий (кварц, долерит). Экспедиция ознакомилась также с опорным палеолитическим памятником страны — стоянкой Бете близ Аньямы.

Краткое описание главных палеолитических памятников, обнаруженных экспедицией (рис. 1).

С а б л и е р. Песчано-гравийный карьер в 8 км к югу от г. Буйо, на левом берегу р. Сасандра. Высота карьера над современным уровнем реки около 7—12 м. На днище карьера и в обрывках его (высотой до 5 м) собрано 114 окатанных

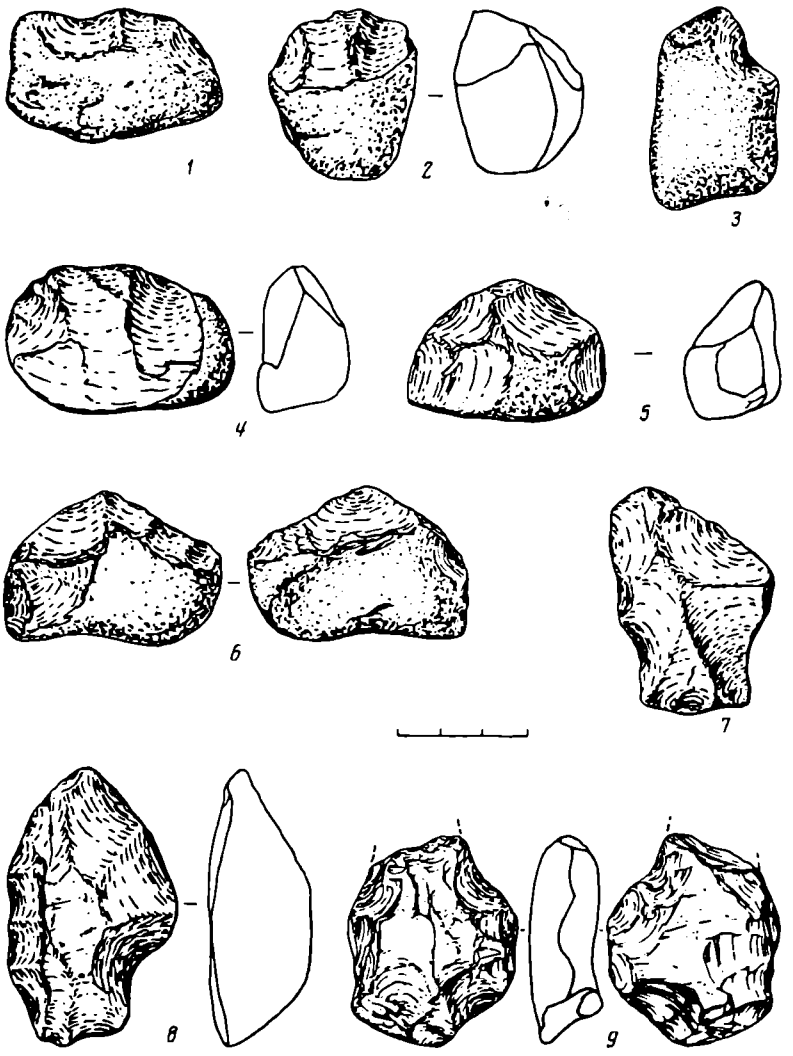


Рис. 2. Местонахождение Саблиер. Образцы каменных изделий: *1,5* — скребла; *2,6* — микрочопперы; *3* — выемчатое орудие; *4* — нуклеус; *7* — отщеп; *8* — лимасовидное орудие; *9* — фрагментированное рубильце

изделий. Орудия, изготовленные из мелких кварцитовых галек, имеют «понтийский» облик. В их составе маленькие чопперы, небольшие, но массивные скребла, анкоши, лимасовидный предмет и фрагментированное рубильце (рис. 2).

Ньяпуйо. Обширная (100 × 300 м) дорожная выемка в 10 км к северу от г. Ябайо. Оббитые кварцевые изделия были рассеяны на поверхности железистого панциря (кирасы), обнаженной здесь при прокладке дороги, и на поверхности небольших незатронутых бульдозерами останцов красно-бурых суглинков, содержащих мелкие железистые конкреции. Изделия имеют мустьероидный облик: мелкие, дисковидные в основном нуклеусы, отщепы, единичные клювовидные и выемчатые формы.

Гран-Джако. Пункт, расположенный в 1 км к северо-востоку от моста через р. Неро, в 15 км по прямой к северу от г. Гран-Береби, находящегося на побережье Гвинейского залива. Изделия (15 экз.) встречены в верхней части дорожной выемки, в маломощном (не более 0,5—0,65 м), перекрывающем цоколь слое желтовато-бурой супеси, насыщенной латеритовыми конкрециями, а также кварцевой крошкой и более крупными обломками (до 5—8 см). В составе находок нуклеусы, отщепы, лимасовидный предмет.

Водопад Науа. Находится в 4—5 км к западу от г. Субре. Небольшое количество изделий (7 экз.) собрано в промоинах вдоль тропы, ведущей к

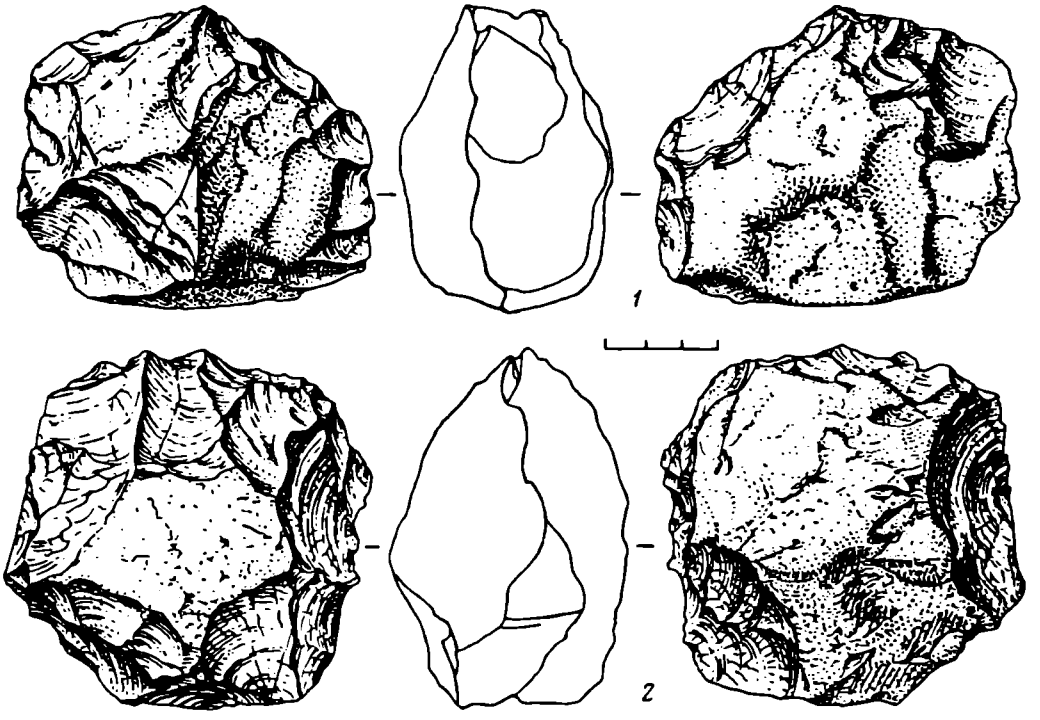


Рис. 3. Чопперы: 1 — местонахождение Гуабо; 2 — местонахождение Гуессессо

водопаду, в обнажениях желтоватой супеси. Находки (нуклеусы, чоппер, отщепы) имеют «мустьеровидный» облик.

Г у а б о. Карьер у дороги Субре-Иссиа, примерно в 32 км к югу от последнего, близ д. Закоа. Изделия зафиксированы в обрыве высотой 1,5—2 м; они приурочены к красноватым суглинкам, которые бронируются ожелезненной кирасой. Среди находок крупные кварцевые чопперы (рис. 3), нуклеусы, отщепы.

М и р а́. Местонахождение на южной окраине г. Иссиа. В дорожной выемке виден гранитный цоколь, перекрытый продуктами его выветривания — желто-серым суглинком с латеритовыми конкрециями, гранитным и кварцевым щебнем, вкраплениями слюды. В верхах этой толщи найдены несколько кварцевых нуклеусов и отщепов.

Г у е с с е с с о — Г б а б л а с о. Несколько пунктов находок располагались между указанными селениями, на расстоянии от 3 до 8 км от г. Бианкума, вдоль дороги, ведущей к гвинейской границе. Изделия собраны в дорожных выемках, отчасти на обнаженной поверхности кирасы. Находки (12 экз.) — крупные кварцевые чопперы, грубое скребло, отщепы — имеют весьма архаичный облик (рис. 3).

К а н т а р а́. Находки сделаны у подножья долеритового массива Кантара́, расположенного в 30 км к северу от г. Бундиали, близ сел. Колиа. На поверхности, усеянной обломками долерита и реже кварца, собрано 12 изделий. Особо отметим долеритовое ручное рубило (17,3 × 8,8 × 6,2), относящееся к типу миндалевидных удлиненных (рис. 4). Обработано крупными снятиями, на одной из сторон сохранился участок корки. Крупные размеры, массивность изделия, извилистость краев, значительная степень выветривания и глубокая железистая патина придают этому бифасу достаточно архаичный облик (средний ашель?).

Таким образом, российско-ивуарийская экспедиция обнару́жила во всех зонах страны памятники мустьероидного и более архаичного облика. Первые наблюдения и впечатления подсказывают вывод о значительной заселенности в древности лесной зоны страны: здесь обнаружена бо́льшая часть памятников. При всей осторожности допустим вывод об известной разнородности — разнокультурности или асинхронности — мустьероидных памятников. Более же всего озадачивает непохожесть архаичных находок типа Аньямы, Гуессессо — Гуабо и Кантары.

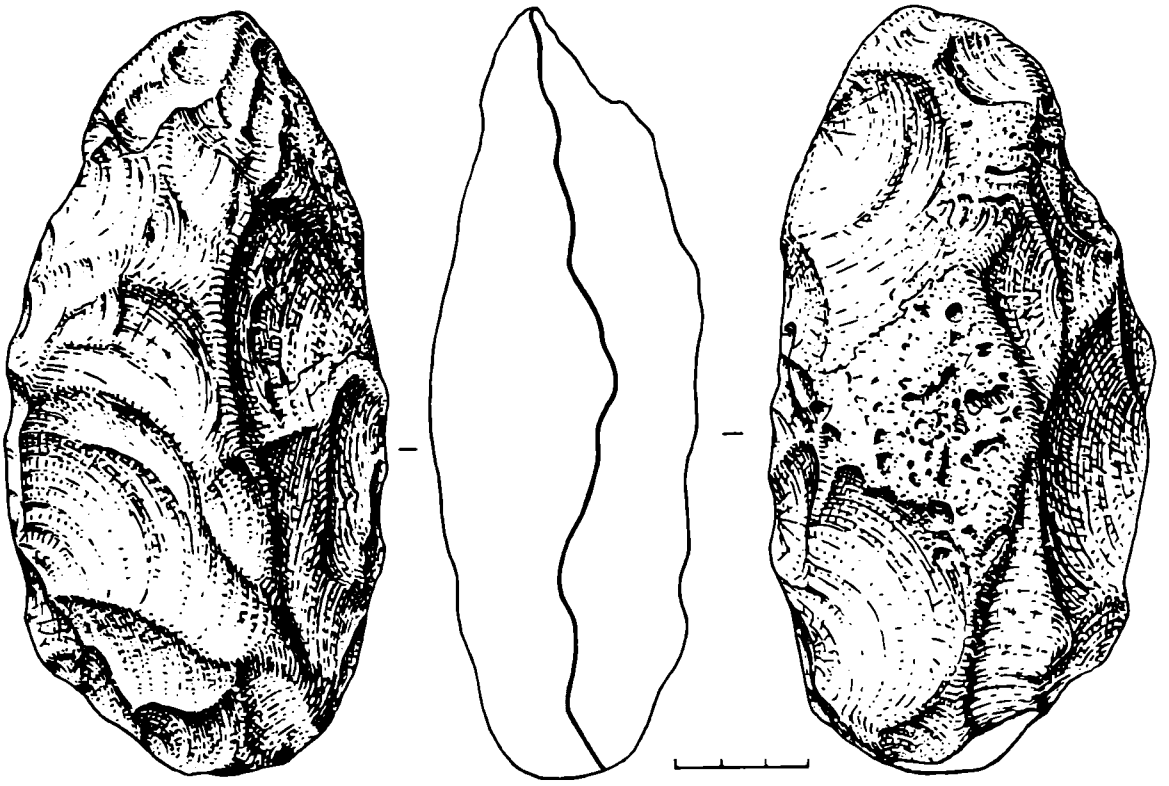


Рис. 4. Местонахождение Кантара́. Ручное рубило

Первые представляют комплекс орудий «типа санго», вторые, к сожалению пока малочисленные, отличаются наличием крупных выразительных чопперов, третьи («принигерийские»!) — появлением ручных рубил классического ашельского типа. Такова сильно интригующая завязка исследований, которые, как мы надеемся, будут иметь продолжение.

В заключение считаем своим долгом выразить глубокую благодарность руководству Национального университета Республики Кот д'Ивуар и Института истории, искусства и археологии Африки в г. Абиджане за всемерную помощь в организации и проведении совместной российско-ивуарийской экспедиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Creach P.* Sur quelques nouveaux sites et nouvelles industries prehistoriques d'AOF//I Conf. internat. africanistes Ouest (I C.I.A.O.) Comptes rendus. 1945. V. II.
2. *Mauny R.* Contribution a la connaissance de l'archeologie prehistorique et protohistoriques ivoiriennes//Ann. Univ, Abidjan. 1972. S. 1. V. 1. Histoire.
3. *Paradis G.* Decouverte d'une industrie paleolithique d'âge Sangoen dans les sables argileux «néogénes» (ou «terre de barre») de la Basse Côte d'Ivoire. Note présentée par Theodore Monod// C. R. Acad. sci. Paris. 1980. V. I. 290. S. D.
4. *Chenorkian R., Paradis G.* Découverte d'une industrie paleolithique dáns la «terre de barre» d'une terrasse proche d'Anyama (Région d'Abidjan)//Comm. présentée au 3e Congrés Assoc. Ouest africaine archéol. (AOAA). Dakar, 1981. (Preprint).
5. *Chenorkian R.* Ivory Coast Prehistory: recent developments//African Archaeol. Rev. 1983. V. 1.
6. *Guédé Y., Tastet J.-P.* Premier résultats de l'etude sur la stratigraphie et les industries du site paleolithique de la Bété (Basse Côte d'Ivoire, Afrique de l'Quest): Archeologie africaine et sciences de la nature appliquues a l'archeologie. Ier Sympos. internat Bordeaux, 1983//ACCT, CNRS, CRIAA, 1986. Bordeaux III.
7. *Davies O.* The distribution of old stone age material in Guinea//Bull. I.F.A.N. 1959. XXI. S. B. № 1—2.
8. *Davies O.* The Quaterrary in the Coastlands of Guinea. Glasgow: Jackson Son and Co., 1964.
9. *Bayle des H. (R. de), Faucquez-Tao C., Gali G.* Recherches prehistoriques dans le ford-Quest de la Côte d'Ivoire//Anthropologie (Paris). 1983. V. 87. № 2.
10. *Raymaeker P. et Petre O.* Prehistoire en Cote d'Ivoire//Archeologia 1990. № 262. (November).

11. *McBrearty S.* Une évaluation du Sangoen: son âge son environnement et son rapport avec l'origine d'Homo sapiens//Anthropologie (Paris). 1987. V. 91. № 2.

Институт истории материальной
культуры РАН, Санкт-Петербург

GADE F. YODE, V. P. LYUBIN, E. V. BELYAEVA

THE STUDY OF PALEOLITHIC IN CÔTE D'IVOIRE REPUBLIC

Summary

In 1991 the Russian archaeologists for the first time studied the African Paleolithic as members of Soviet-Avoirian expedition. The expedition routes cover all natural zones. The forest zone was densely populated in Mousterian epoch (the industry of Pontic manner is the most interesting). The points with choppers (including discoid type) were exposed in forestsavanna zone. In the Northern part of country near Mali frontier big dolerithic bifas of Acheul type was found.

М. Х. ХВАРЦКИЯ

МУСТЬЕРСКАЯ ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА МАЧАГУА В АБХАЗИИ

Галерейная пещера Мачагуа — первый многослойный стратифицированный памятник мустьерской эпохи на территории Абхазии — открыта Новостроечной экспедицией АН СССР и Абхазского ИЯЛИ летом 1980 г. Она расположена на южном склоне Бзыбского хребта на западном крутом склоне долины р. Эгырта (правый приток р. Хипста), в 1 км к северу от с. Хуап Гудаутского р-на, на абсолютной высоте 625 м. Пещера Мачагуа выработана в трещиноватых и кавернозных известняках карстовыми и эрозионными процессами по тектонической трещине, перпендикулярно течению реки. Длина ее 44, ширина 3—4, высота — 1,5—4,5 м; поверхность пола плоская, с наклоном 3—5° в глубь пещеры. На расстоянии 30 м от входа полость поворачивает на север, образуя коленчатый изгиб. Привходовая площадка около 100 м^2 круто обрывается к реке (рис. 1).

Памятник исследовался в 1980 и 1986 гг. [1]. В первый год на привходовой площадке был заложен раскоп площадью 23 м^2. Отложения мощностью 2,4 м были пройдены до скального дна. По вскрытым натечным образованиям скального дна и частично сохранившимся стенам можно было судить, что первоначально пещера была на 6—7 м длиннее. Это подтвердилось и сохранившимися сталагмитами диаметром 15—20 см. Блоков обрушения мало. Два верхних голоценовых горизонта содержали средневековую керамику и керамику эпохи бронзы. Нижние горизонты (слои 3 и 4) дали 169 кремневых изделий мустьерского облика, которые были определены тогда как мустье зубчатое. Небольшой раскоп 1986 г. (два с небольшим квадрата у северной стены пещеры и один квадрат у южной), заложенный при участии Д. А. Чистякова, имел задачей изучение и уточнение стратиграфии отложений, уяснение их генезиса, получение нового археологического материала, увязку с ним материала 1980 г. Северные и западные края вскрытых квадратов вместе с разрезом 1980 г. представили полный поперечный разрез отложений привходовой части пещеры (рис. 2). Толща осадков была разделена на четыре пачки, более дробно — на девять литолого-стратиграфических горизонтов, шесть из которых содержали культурные остатки эпохи мустье.

I пачка — аналог слоя 1 1980 г.— состоит из горизонтов 1 и 1а. Горизонт 1 — гумусированный черный суглинок мощностью до 0,25 см. Насыщен щебнем и более крупными обломками известняка. Содержит фрагменты средневековой керамической посуды. Горизонт 1а — интенсивно окрашенный гумусом темно-серый крупнокомковатый суглинок с щебнем. Обломки известняка крупнее 15 см редки. Мощность до 0,2 м. Контакт с вышележащим слоем нечеткий, с нижним — более отчетливый. Содержит средневековую керамику и керамику эпохи бронзы.

II пачка — слой 2 (аналог слоя 2 1980 г.) — однородная толща мощностью до 1 м красновато-бурого тяжелого суглинка. По характеру обломочного материала расчленяется на три горизонта — 2а, 2б, 2в. Содержит материал эпохи мустье. Горизонт 2а выделяется большим количеством крупных глыб известняка и щебня. Степень корродированности поверхностей и сглаженность граней у обломков более значительна, чем в слое 1. Мощность 0,4 м. Это первый мустьерский слой, в нем обнаружено 44 изделия из камня. Горизонт 2б обломочного материала почти не содержит. Мощность до 0,45 м. Каменных изделий 47. В горизонте 2в

© М. Х. Хварцкия, 1992 г.

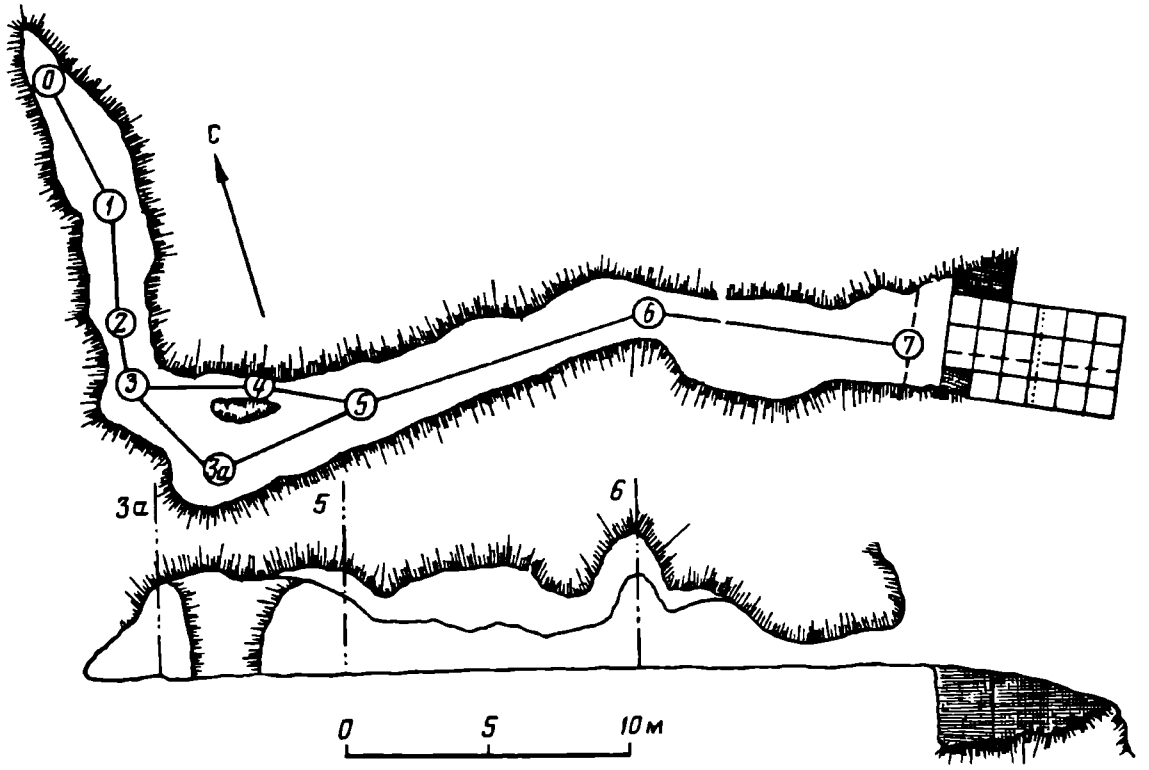


Рис. 1. План и профиль пещеры Мачагуа

обломочного материала мало, встречаются отдельные крупные глыбы. Мощность 0,3 м. В северной части разреза в горизонтах 2б и 2в обломочный материал вообще отсутствует. Изделий из кремня и кремнистого известняка 152 (96 из низ — отходы производства).

III пачка — горизонты 3, 4а, 4б. Горизонт 3 — коричневато-серый мелкощебнистый суглинок; залегает в виде линзы мощностью до 0,5 м в южной части разреза. Корродированность обломков значительна. Щебень хрупкий, легко разламывается. В большом количестве встречаются кости, в основном пещерного медведя. Каменных предметов 65 (44 из них — отходы производства). Горизонт 4а — коричневый мелкощебнистый суглинок. Выделяется также в виде линзы, верхней границей которой является горизонт крупных обломков известняка и натечных карбонатных образований. От вышележащего горизонта отличается большим количеством натечных образований и чуть более крупным размером щебня. Мощность до 0,5 м. Много костей пещерного медведя. Каменных изделий 47 (21 из них — отходы производства). Горизонт 4б — красноватый сильноизвестковистый тяжелый суглинок с мелким щебнем, залегающий в виде ленты-линзы в понижении скального пола. От горизонта 4а отличается более ярким оттенком, большей глинистостью и отсутствием крупного щебня. Мощность до 0,22 м. Предметов из кремня 41, отходов производства нет. Кремневый инвентарь близок материалам горизонта 4а.

IV пачка — слой 5. Придонная красноватая глина, влажная и вязкая. Слой пронизывают натечные формы — сталагмиты. Археологически стерилен.

Фаунистические остатки мустьерских слоев, по определениям Г. Ф. Барышникова, представлены в основном костями пещерного медведя (97%) и единичными обломками костей лисицы, леопарда, благородного оленя, козла. Всего обнаружено около 200 обломков интенсивно фоссилизованных костей. Все они, за редким исключением, приурочены к III, мелкощебнистой пачке (слои 3, 4а, 4б).

Коллекция каменных изделий за два раскопочных сезона составила 396 экз. Изготовлены они из кремня и кремнистого известняка. Исходное сырье в виде

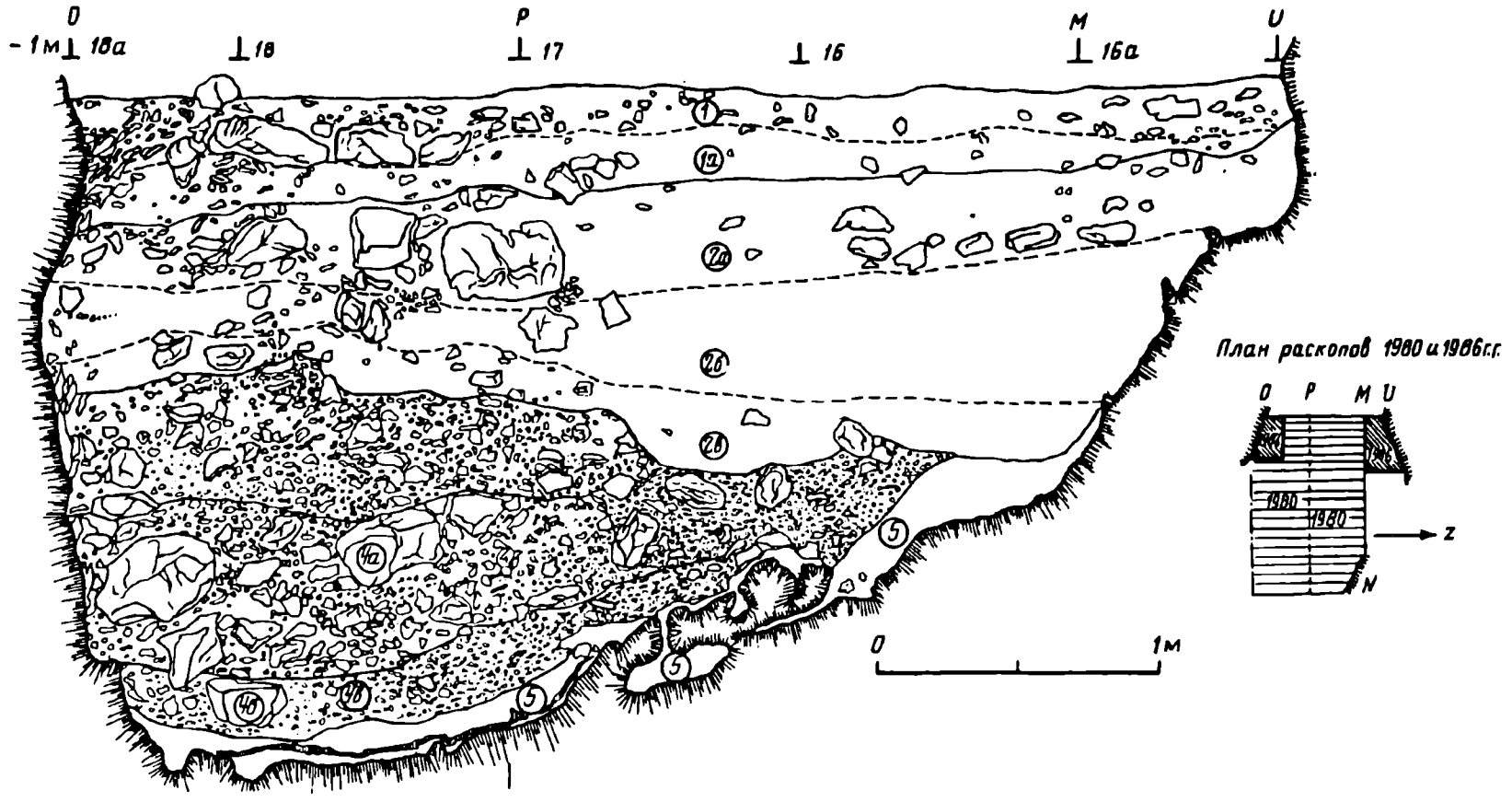


Рис. 2. Поперечный разрез западной стенки раскопа

Таблица 1

Распределение находок по слоям

Категория находок	Слои						Всего
	2а	2б	2в	3	4а	4б	
Нуклеусы	1	1	4	4	2	–	12
Нуклевидные обломки	–	–	1	4	–	–	5
Отщепы	5	4	46	26	27	21	129
Пластинчатые отщепы	–	2	4	2	1	1	10
Пластинки	1	2	4	4	1	3	15
Первичные сколы	–	2	3	1	3	2	11
Отходы производства	37	36	90	24	13	14	214
Всего	44	47	152	65	47	41	396

желваков в изобилии встречается в окрестностях пещеры; реже орудия изготовлены из галек аналогичных пород, собранных на террасах и в русле реки. Предметы из кремня составили только 25% всей коллекции. Кремень преимущественно светло-розовых, светло-коричневых, реже сероватых оттенков, слабо патинизирован или не имеет патины вообще. Для предметов из сильноокремненного известняка характерна интенсивная патинизация молочно-белого цвета с блеском, предметы из слабоокремненного известняка (chert) интенсивно выщелочены, очень легкие и хрупкие. Для некоторых предметов из слоев 3, 4а и особенно из слоя 4б характерно наличие на поверхности мелких темно-коричневых пятен (железисто-марганцевого характера), такое же покрытие наблюдается и на костях животных из этих же слоев.

Характер коллекции, количественное распределение материала по слоям не позволяют в достаточной мере говорить о культурной принадлежности и генезисе индустрии каждого слоя в отдельности (табл. 1). Технологию расщепления камня достаточно хорошо отражают 12 нуклеусов, которые дают возможность выделить четыре приема плоскостного расщепления: конвергентное (3 экз.), радиальное (3 экз.), параллельное (4 экз.), бессистемное (2 экз.). Размеры нуклеусов колеблются в пределах: 3,5×4,5 см — мелкие (4 экз.); 6×4,5 см — средние (5 экз.); 8×6 см — крупные (2 экз.). Четыре из них реутилизованы, а самый крупный — односторонний, дисковидный (10,5×10,5×5,5 см) из слоя 2а (рис. 3, *1*) — одновременно может рассматриваться как галечная форма двустороннего рубящего оружия (chopping tools).

В основном нуклеусы уплощенные, овальные или вытянуто-подпрямоугольных очертаний. Площадки, как правило, скошены к тыльной стороне в пределах 100—120°, грубо подправлены несколькими сколами, только в одном случае участок края площадки тонко подправлен. Два нуклеуса из слоя 3 и 4 несут на себе негативы параллельных пластинчатых снятий шириной 2—2,5 см. В первом случае длину сколов определить невозможно из-за отсутствия базальной половины изделия, во втором (рис. 4, *4*) — дистальные части негативов ограничены встречными снятиями, но очевидно, что они простирались до конца изделия и имели размеры 8—8,5 см. Третий нуклеус параллельного скалывания (4,0×3,7 см) имел три негатива микропластинчатых снятий размерами 2,0×0,7 см.

Негативы треугольных и близких к ним очертаний на нуклеусах конвергентного скалывания имеют размеры: 5,0× 4,4×3,0; 3,5×4,0; 3,7×4,5; 4×3 см. Остальные нуклеусы, два из которых дисковидные, два с бессистемными снятиями и один параллельного скалывания, несут на себе негативы овальных и неправильных очертаний.

Формы нуклеусов и их послойное распределение. Дисковидные — одно- и двухсторонний (2 экз.) найдены в слоях 2в и 3; одноплощадочный односторонний

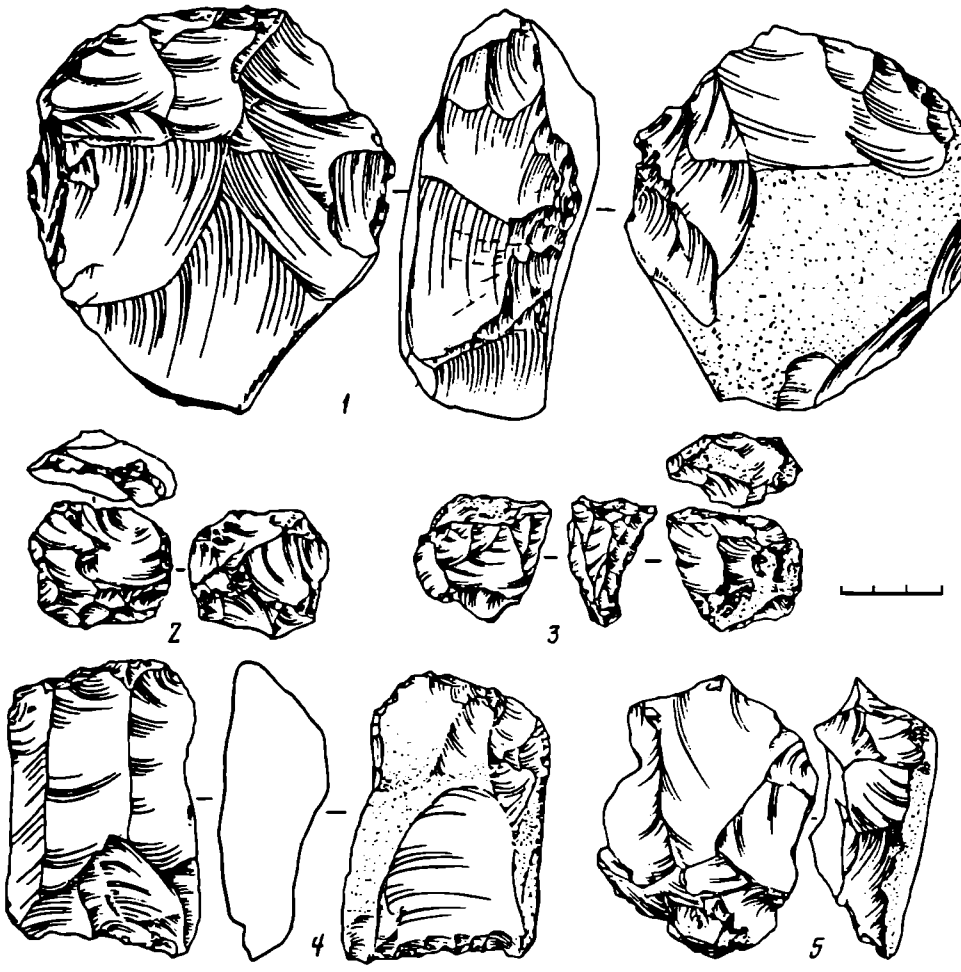


Рис. 3. Нуклеусы: *1* — нуклеус — рубящее орудие (chopping tool); *2* — дисковидный двухсторонний; *3* — двухсторонний одноплощадочный конвергентного снятия; *4* — одноплощадочный односторонний конвергентного снятия; *5* — одноплощадочный конвергентного снятия (*1* — слой 2а; *2*, *3* — 2в; *4*—4а; *5*—3)

параллельного снятия (2 экз.) — в слоях 2б и 4а; одноплощадочный двухсторонний конвергентного снятия (1 экз.) — в слое 2в; одноплощадочный односторонний с конвергентными снятиями (1 экз.) — в слое 3; двухплощадочный двухсторонний с продольными и поперечными снятиями (1 экз.) — в слое 2 в; двухплощадочный двухсторонний параллельного снятия (1 экз.) — в слое 2в; трехплощадочный двухсторонний параллельного поперечного и продольно-встречного снятий (1 экз.) — в слое 3; аморфные многоплощадочный или бессистемного снятий (2 экз.) — в слоях 4а и 3.

Вторичное использование нуклеусов в качестве орудий производилось во всех слоях: на дистальном конце нуклеуса из слоя 2б крутой чешуйчатой ретушью с заломами выделен острый выступающий конец. На одностороннем дисковидном нуклеусе из слоя 3 выступающие края оформлены ретушью, придающей им режущие и скребущие элементы; на слегка вогнутом поперечном конце одноплощадочного одностороннего нуклеуса из слоя 4а серией сколов размером 1,0—1,5 см образовано зубчатое лезвие со следами сработанности (рис. 3, *4*); нуклеус бессистемного снятия из слоя 4а глубокой крутой ретушью с заломами переоформлен в скребловидное орудие с выпуклым лезвием; и наконец, значительная часть края дуговидной площадки одностороннего дисковидного нуклеуса из слоя 2а подправлена дополнительными фасетками, что придало этому участку характер массивного лезвия, а всему изделию форму двухстороннего рубящего орудия (chopping tool). Морфологическая выраженность последнего усиливается тем обстоятельством, что край, противолежащий рубящему лезвийному краю,

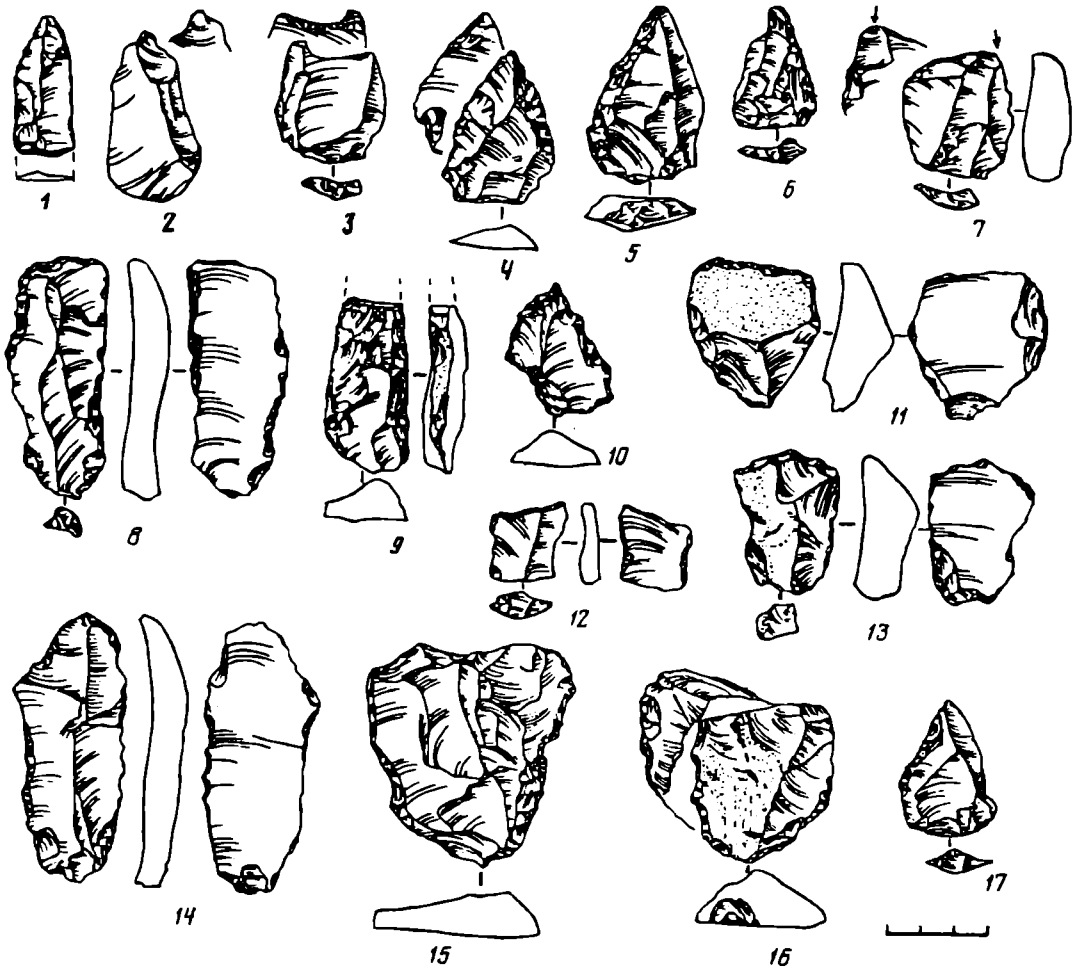


Рис. 4. Орудия: *1* — пластина с ретушью; *2* — проколка-провертка; *3* — поперечно-выемчатое орудие; *4*, *5* — остроконечники; *6* — скребло с клювовидным концом; *7* — скребок с режущей кромкой; *8* — скребок; *9* — простое прямое скребло; *10* — зубчатое орудие с жальцем; *11* — скребок с зауженным основанием; *12* — выемчатое орудие; *13* — скребок с зубчатым лезвием; *14* — скребок с выделенным и зауженным лезвием; *15* — скребло прямовыпуклое с зубчатой ретушью; *16* — скребло прямовыпуклое с подтеской с брюшка; *17* — остроконечник (*1* — слой 2а; *2* — 2в; *3—7* — 3; *8—11* — 4а; *12—17* — 4б)

несколькими крутыми снятиями оформлен в виде массивной пятки (рис. 3, *1*).

Существенный отпечаток на облик индустрии наложило исходное сырье с частыми трещинами и раковистыми углублениями. Осколки и чешуйки составляют до 65% всей коллекции, первичные сколы — 2,7%, более 7,6% сколов несут на себе участки с корочным покрытием; больше всего их в слоях 4а и 4б. Среди сколов-заготовок преобладают сколы подтреугольных и треугольных очертаний; заготовки со следами негативов радиального, конвергентного и параллельного скалывания встречаются примерно в равном количестве. Более 26% сколов, однако, несут следы снятий, не дающие возможности проследить способ снятия; они особенно обильны в слоях 4а и 4б. Заготовки из нижних слоев отличаются большей массивностью.

Во всех слоях преобладают сколы размером 3,5—5 см (58 экз.), мелкие сколы размером 2,5—3,5 см встречены в количестве 50 экз., крупных сколов длиной 6—8 см 22 экз. Фрагментация сколов значительна и составляет до 26%: в основном это ненамеренно обломанные вещи, чаще всего при этом отсутствуют дистальные части наиболее тонких отщепов и пластинчатых сколов.

Ударные площадки сколов преимущественно гладкие, оформленные одним снятием — они составляют 30% всех заготовок с сохранившимися площадками. У 39% заготовок площадки неопределимы вследствие искусственной или случайной фрагментации, а также вторичной обработки (табл. 2).

Таблица 2

Ударные площадки сколов-заготовок

Слои	Гладкие		Грубофасетированные		Фасетированные		Точечные	Удаленные обработкой	Искусственно удаленные	Повреждения	Всего
	корка	одно снятие	прямые	выпуклые	прямые	выпуклые					
2а	1	1	2	–	–	–	2	–	–	–	6
2б	1	4	–	1	–	–	1	–	–	3	10
2в	2	20	–	9	2	–	3	1	1	25	63
3	1	11	–	4	1	1	3	1	1	3	26
4а	1	13	1	2	–	–	1	1	3	5	27
4б	1	3	1	2	–	–	1	6	2	7	23
Всего	7	52	4	18	3	1	11	9	7	43	155

Таблица 3

Распределение находок по слоям

Категория находок	Слои						Всего
	2а	2б	2в	3	4а	4б	
Орудия	1	1	14	5	18	18	57
Отщепы с ретушью	–	2	3	1	2	–	8
Пластины с ретушью	–	2	1	–	–	1	4
Пластины со следами сработанности	–	1	–	2	1	1	5
Отщепы со следами сработанности	–	1	14	4	3	7	29
Всего	1	7	32	12	24	27	103

По набору, количеству и характеру орудий со вторичной обработкой мустьерские слои пещеры Мачагуа различаются. Всего в коллекции насчитывается 54 экз. орудий, дополняемых 17 отщепами и пластинами с ретушью (табл. 3).

Орудия из слоев 2а, 2б, 2в имеют лучшую сохранность, чем орудия нижележащих слоев: на них не наблюдается оглаженность и замятость, характерные для орудий слоя 4а и в особенности 4б. Коллекцию орудий этих трех слоев целесообразно рассматривать как единую индустрию, так как эти слои составляют единый горизонт суглинка (II пачка) с редким обломочным материалом; в слоях 2а и 2б орудия единичны. Всего орудий 14 экз.: двустороннее рубящее орудие (chopping tool) — 1; орудия с выделенным острым жальцем — 5; проколка-проверткa — 1; простое выпуклое скребло — 1; клювовидное орудие — 1; выемчатые орудия — 2; скребок высокой формы — 1; отщеп с резцовым сколом — 1; зубчато-выемчатое орудие — 1.

Специфической чертой индустрии этой пачки отложений (пачки II) является наличие орудий с выделенным острым жальцем на концах фрагментов дистальных частей отщепов. В двух случаях края этих изделий оформлены плоской и пологой ретушью, создающей у изделий один острый режущий край. У третьего изделия с зубчатой обработкой по краю острое жальце выделено на конце одной более глубокой фасеткой. Четвертый экземпляр со специально оформленным острым жальцем не имеет дополнительной вторичной обработки. Единственное изделие с резцовым сколом выполнено на обломке дистального конца отщепа размером 2,6×2,7 см, с утончающей ретушью по краю с лицевой стороны. Резцовый элемент оформлен с брюшка двумя узкими длинными сколами.

Прием приострения лезвия плоской ретушью с лицевой стороны присутствует еще на одном изделии из слоя 2. Клювовидное орудие, образованное двумя смежными клектонскими анкошами, выполнено на отщепе без дистального конца. Простое выпуклое скребло выполнено на пластинчатом отщепе и оформлено полукрутой чешуйчатой ретушью, с заломами мелкой и средней величины, переходящей в крутую к дистальному концу изделия. Орудие с выемкой на поперечном крае пластинчатого отщепа оформлено мелкой брюшковой ретушью, которая становится пластинчатой на выступе левого края (рис. 4, *3*). Скребок изготовлен на узком, клювовидном высоком конце заготовки отвесной пластинчатой ретушью.

Почти все орудия и ретушированные заготовки имеют участки, аккуратно оформленные мелкой однорядной ретушью или ретушью приострения. Подобная обработка свойственна только изделиям этой пачки отложений, а ретушь приостряющая плоская является спецификой слоя 2в. Здесь нет ни одной двухсторонней формы, и только в одном случае (на выемчатом изделии) ретушь нанесена с брюшка. Из 243 каменных изделий, встреченных на уровне пачки II, орудия составляют не более 6%.

В слое 3 (первом мелкощебнистом горизонте пачки III) выявлено всего пять орудий (три остроконечника и две комбинированные формы), что составляет 7,6% всех изделий из слоя. Остроконечники мустьерские, на левалуазских треугольных отщепах (рис. 4, *4*, *5*), один и частично второй края которых подработаны полукрутой и крутой субпараллельной и чешуйчатой ретушью. Одно комбинированное орудие представляет собой отщеп со скошенным скребковым лезвием на конце и режущей кромкой на углу правого края (рис. 4, *7*), выполненной широким снятием со стороны брюшка. Другое орудие — небольшой треугольный отщеп со скребловидным лезвием, оформленный глубокой крутой ретушью по одному краю и выемкой, выделяющей клювовидный конец, по другому краю.

Орудия из слоев 4а и 4б целесообразнее рассматривать вместе: всего их здесь 36, и они составляют 42% найденных в этих слоях изделий из камня. Слой 4а: скребки — 6 экз., скребла — 5, зубчатые орудия — 4, выемчатые орудия — 2, нож с обушком — 1 экз. Слой 4б: скребки — 6 экз., скребла — 5, зубчато-выемчатые — 2, остроконечник — 1, ножи с обушком — 3, зубчатое орудие с черенком — 1 экз.

Скребки концевые — самая многочисленная категория орудий — 12 экз. Как правило, скребковое лезвие слабовыпуклое, прямое или слегка скошенное, в восьми случаях лезвие занимает широкий поперечный конец заготовки. Одно изделие со скребковым элементом оформлено на узком, клювовидном конце массивного первичного скола. Один экземпляр скребка высокой формы выполнен на обломке отщепа без проксимальной половины. Проксимальный конец скребка с зубчатым лезвием (рис. 4, *13*) и скребка с самым широким лезвием (3,5 см) намеренно удалены (рис. 4, *11*). Лезвия всех скребков чаще оформлены крутой или нависающей однорядной ретушью. Пластинчатая ретушь встречается крайне редко. Большинство скребков из слоя 4а и все из слоя 4б грубо обработаны по одному или обоим краям противолежащей или чередующейся глубокой ретушью с фасетками разной величины, придающей краям зубчатый характер и сужающей изделие к проксимальному концу. Оригинально обработаны края пластины со скребковым лезвием на конце (рис. 4, *8*): оба края этого орудия обработаны противолежащей (противолежащая в пределах одного края) ретушью, при этом дистальная половина по одному краю обработана с брюшка, базальная — со спинки, по другому краю — наоборот, местами обработка зубчатая. Базальные части пяти скребков удалены брюшковым тронкированием, а на пластине с зауженным и выделенным скребковым элементом на конце базальная часть утончена серией снятий с брюшка и с лицевой стороны (рис. 4, *14*). Ретушированная выемка на одном из базальных углов четырех скребков с брюшковым тронкированием, с более или менее прямым вторым краем, делает основание

этих орудий асимметричным, которые за счет выемки отдаленно напоминают черенки. В этом плане интересно рассмотреть еще один скребок со скошенным рабочим лезвием, с глубокой крупнозубчатой обработкой краев и с брюшковым тронкированием в основании. На обоих базальных углах заготовки противостоять грубо фасетированные выемки, занимающие $^1/_4$ часть орудия, которые выделяют черенковидное сужающее основание. Единственный хорошо выраженный черенок наблюдается на зубчатом орудии, изготовленном на отщепе с обломанным дистальным концом, с противостоящими ретушированными выемками на базальных углах, формирующими черенок. Ударный бугорок и площадка этого орудия удалены брюшковым тронкированием, как в случае со скребками. У всех орудий со скребковыми лезвиями края сильно смяты. Впрочем, это касается 90% всех орудий этих слоев и в особенности слоя 4б. Большинство сколов слоя 4б и в меньшей степени 4а имеют следы небольших подретушевок (утилизация?) в виде разновеликих разнотипных фасеток, выщербин, зазубрин, придающих краям сколов зубчатый характер.

Скребловидные орудия выполнены чаще на овальных сколах с участками корки. Среди них выделяются: простое прямое (рис. 4, *9*) с усеченным концом — 1 экз., простые выпуклые — 3 экз., двойные прямовыпуклые — 3 экз. Одно из них с выемками (рис. 4, *15*), второе с зубчатой обработкой одного края и ретушью с брюшка и со спинки по другому краю, оформлено на усеченном массивном сколе с участком корки (рис. 4, *16*). Еще два скребла с прямым и выпуклым боковыми лезвиями выполнены на тонких маленьких овальных отщепах, которые имеют, кроме того, выпуклое и вогнутое поперечные лезвия. Базальная часть одного прямовыпуклого скребла с зубчатыми лезвиями заужена выемкой, как в случае со скребками, а ударный бугорок и площадка удалены мелкими снятиями с лицевой стороны.

Рабочий элемент скребловидных изделий оформлен чаще ретушью однорядной, равновеликой, крутой или нависающей, иногда высокой. Только на двух изделиях наблюдается обработка с брюшка. Единственный остроконечник из слоя 4б (рис. 4, *17*) размером 3,8—3 см обработан сходным образом с остроконечником слоя 3.

Зубчатые и зубчато-выемчатые орудия от самых маленьких до крупных оформлены регулярной, чаще противолежащей разновеликой ретушью. Чем массивнее заготовка, тем крупнее и глубже фасетки ретуши; выемки образованы одним крупным сколом, иногда ретушированным. На одном зубчатом орудии выделено жальце (рис. 4, *10*). Имеются также ножи с искусственным (3 экз.) и естественным (1 экз.) обушком со следами сработанности (повреждения?) по острому краю.

В слоях 4а и 4б (в особенности) широко используется удаление ударного бугорка и площадки брюшковым тронкированием, зауживанием, выделение и утончение базальных частей скребковых и скребловидных орудий, удаление базальных и дистальных частей одним ударом, появляется орудие с черенком; широко применяется обработка противолежащей и зубчатой ретушью. Многочисленна группа скребковых, скребловидных и выемчатых форм, появляются ножи с обушком. Коллекция находок из этих слоев характеризуется высоким процентом орудий (мало нуклеусов и отходов производства) и большим количеством утилизованных изделий. Все сказанное сильно отличает коллекцию этих двух нижних слоев от индустрии вышележащих слоев. В целом своеобразие этих слоев несомненно, как и слоев пачки II, имеющих иные характеристики. Между ними залегает слой 3, который отличается от обоих этих комплексов по набору орудийных форм. Но по характеру заготовок и сохранности слой 3 тяготеет к верхним слоям. Единственная скребковая форма из этого слоя с режущей кромкой совершенно не свойственна для слоев, залегающих ниже, а форма скребловидного оружия с выемкой и клювом на треугольном отщепе также не встречается в нижележащих слоях.

Остроконечник из слоя 4б похож на таковые из слоя 3, в вышележащих слоях остроконечники вообще не встречаются. Несмотря на литологическую

близость слоя 3 слоям 4а и 4б, составляющим единую пачку мелкощебнистых отложений, думается, что до получения дополнительного археологического материала индустрию слоя 3 целесообразнее рассматривать совместно с индустрией слоев 2а, 2б и 2в как типичное мустье с элементами зубчатости. Индустрию этих слоев можно интерпретировать как остатки временного охотничьего лагеря, а индустрия слоев 4а и 4б, представленная многообразным набором орудий зубчатого мустье, возможно, свидетельствует о существовании здесь базовой долговременной стоянки.

Окончательная характеристика памятника, вероятно, будет дана в ходе дальнейших исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бжания В. В., Хварцкия М. Х.* Раскопки в селе Хуап//Археологические открытия 1980 г. в Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1982.

M. Kh. KHVARTSKIYA

MOUSTERIAN CAVE CAMP MACHAGUA IN ABKHAZIA

Summary

Mousterian cave camp Machagua is one of two stratificational mousterian camps in Abkhazia. The camp has six mousterian layers, that's why the camp Machagua is the basic for decision of tooth mousterian problems of Caucasus. The camp had been exposed two industries: four upper lowers have stone implements with elements of tooth, two lowor layer — tooth mousterian.

Д. С. ЦВЕЙБЕЛЬ, А. В. КОЛЕСНИК

ВТОРИЧНАЯ ОБРАБОТКА КАМНЯ НА СТОЯНКЕ БЕЛОКУЗЬМИНОВКА В ДОНБАССЕ

Вторичная обработка камня составляет этап в производстве каменных орудий, выраженный в приспособлении краев заготовок под лезвия и формировании аккомодационных участков. Она окончательно определяет внешний вид орудий, поэтому неотделима от типологии. Но в технологическом плане вторичная обработка располагает своим собственным набором приемов и средств, в силу чего может рассматриваться самостоятельно. Вторичная обработка разделяется на отдельные виды — по месту в системе обработки камня (ретушь первичная, ретушь переоформления и т. д.) и по способу нанесения (ретушь, фрагментация и т. д.).

Вторичная обработка на палеолитической стоянке Белокузьминовка широко развита. Распределение приемов обработки весьма своеобразно. В разной степени использовались ретушь, фрагментация, тронкирование, утончение сколов, резцовый скол, оббивка. Из почти 10 тыс. искусственно расщепленных кремней вторичной обработке подверглись около 700 кремней[1].

Основная масса орудий встречена в бугском суглинке на глубине до 2 м. Ниже, в витачевских отложениях, залегает индустрия, технически близкая бугской, поэтому основную коллекцию мы характеризуем суммарно. Находки ниже витачевских отложений единичны.

Ретушь. Ретушная отделка — самый распространенный прием вторичной обработки в Белокузьминовке (более 600 орудий).

Ретушь — основной вид вторичной обработки в любой индустрии каменного века, так как это технически самый простой и эффективный способ заданного изменения формы каменного орудия. Исходным моментом ретуширования является наличие ударной площадки для микросколов (или площадки для отжима при отжимном ретушировании). Реализация заданной формы края орудия начинается прежде всего с оценки и подготовки площадки для ретуширования. В этом плане вполне допустимо схематичное деление исходных заготовок на заготовки, требующие специального выравнивания края до начала ретуширования (аморфные и массивные сколы), и те, которые в такой подправке не нуждались (преимущественно пластинчатые сколы). В индустриях раннего палеолита с преобладанием аморфного первичного расщепления (например, в Киик-Кобе, верхний слой [1]) массивность заготовок вызывала неизбежную техническую сопряженность с развитой ретушной отделкой, подразумевающей наличие подготовленных площадок для ретуширования. Этим, видимо, можно объяснить большой процент в таких индустриях частично-двусторонних и двусторонних форм орудий. Набор орудий Белокузьминовки основан в значительной степени на пластинчатых заготовках, дающих относительно ровные и выдержанные по толщине края. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняет односторонность в подавляющем большинстве случаев белокузьминовских орудий и краевой, нераспространенный характер ретуши на них.

В Белокузьминовке использовалась чешуйчатая, чешуйчато-ступенчатая, ступенчатая, субпараллельная, ламеллярная, а также плоская и чередующаяся

[1] В подсчеты включены материалы раскопок 1968—1970, 1986 гг.

© Д. С. Цвейбель, А. В. Колесник, 1992 г.

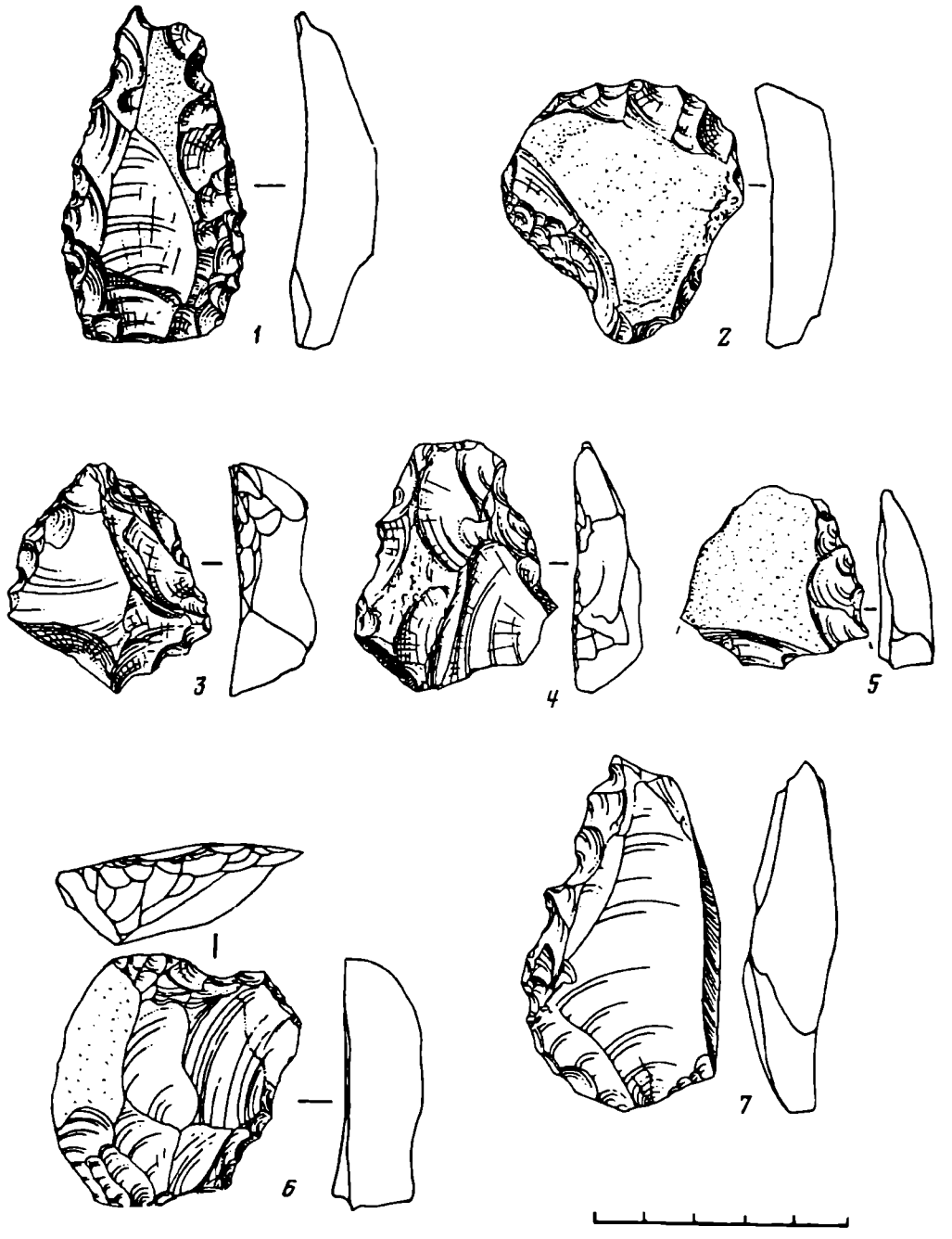


Рис. 1. Белокузьминовка. Кремневые изделия

ретушь, противолежащая. По общепринятому методу мы подразделяем ретушь по углу наклона, глубине, месту расположения, форме фасеток, количеству рядов [2, 3].

Чешуйчатая ретушь отличается небольшими (до 4—5 мм) фасетками округлых очертаний, налегающими друг на друга в несколько рядов. Фасетки мелкие и плоские. Отмечено 10 орудий, обработанных чешуйчатой ретушью. Лезвия таких орудий выпрямленные и приостроенные, иногда с мелкозубчатым рисунком (рис. 1, *1, 2, 5*).

Чешуйчато-ступенчатая ретушь более крутая (формирует лезвия с углом заострения от 50 до 80°) и крупная, с фасетками до 7—8 мм, с рельефным профилем. Заходит на корпус изделий на одну треть. Форма фасеток первого ряда приближается к субпараллельной, но отличается относительной шириной. Фасетки последующей подправки более короткие и округлые. Выразительных

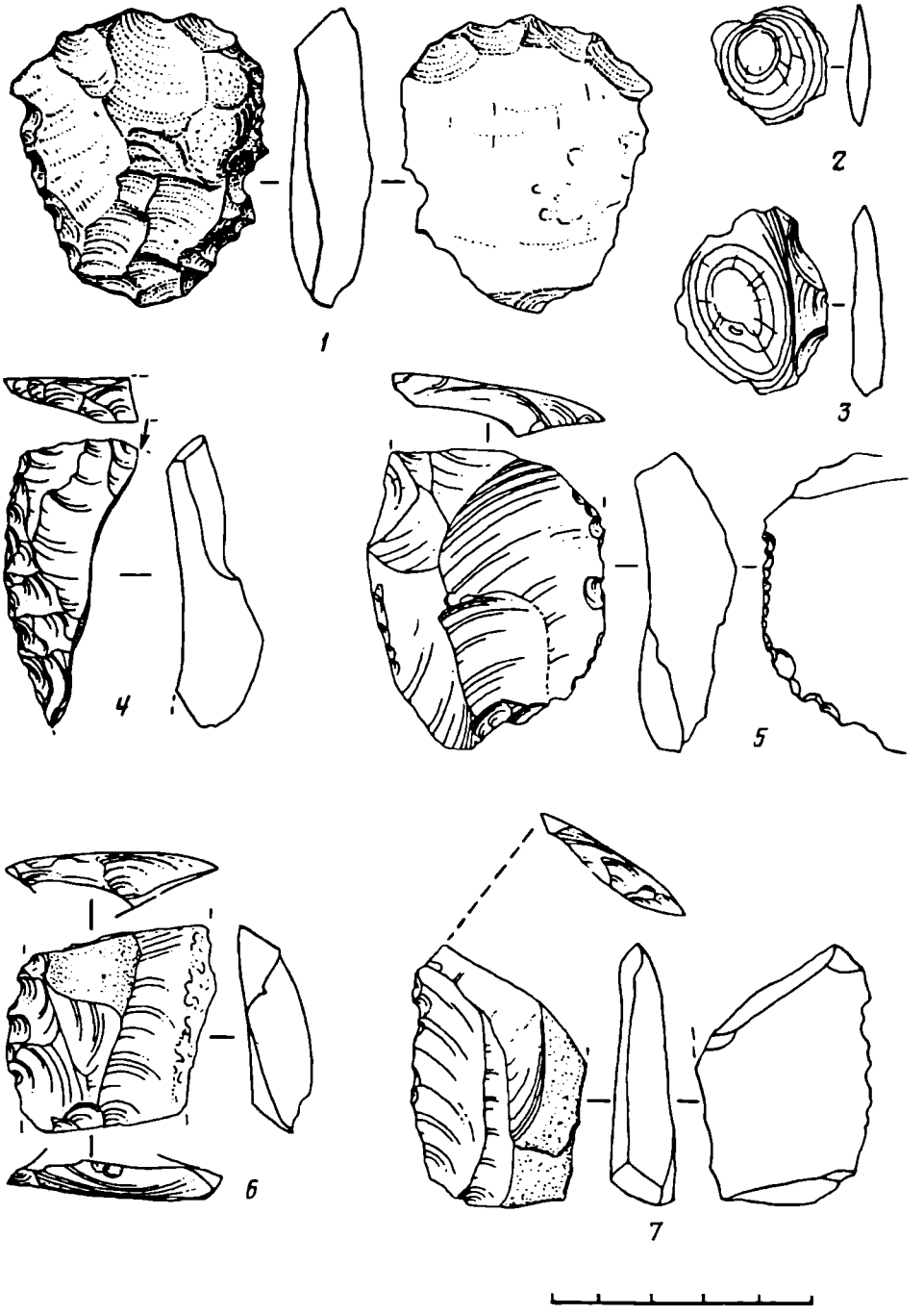


Рис. 2. Белокузьминовка. Кремневые изделия

образцов чешуйчато-ступенчатой ретуши немного — всего 12. В остальных случаях (36 обр.) наблюдается разорванность рядов фасеток, разброс в размерах фасеток, забитость.

К чешуйчато-ступенчатой ретуши близка ступенчатая, отмеченная на 12 образцах (рис. 1, *3*). Ряд орудий подработан с брюшка прерывистой или регулярной плоской чешуйчатой однорядной ретушью. Такой ретушью срезались ударные бугорки заготовок, выравнивался профиль (9 обр.). Отвесная ретушь встречена на некоторых экземплярах скребел, на тронкированных изделиях.

Субпараллельная ретушь Белокузьминовки вполне соответствует образцам стандартного исполнения [4, с. 112; 5, с. 8]. Эта ретушь сплошная, распространенная, покрывает значительные по протяженности выпрямленные лезвийные участки орудий, формирует лезвия с углом заострения 45—50°. Фасетки до 1 см, с субпараллельными

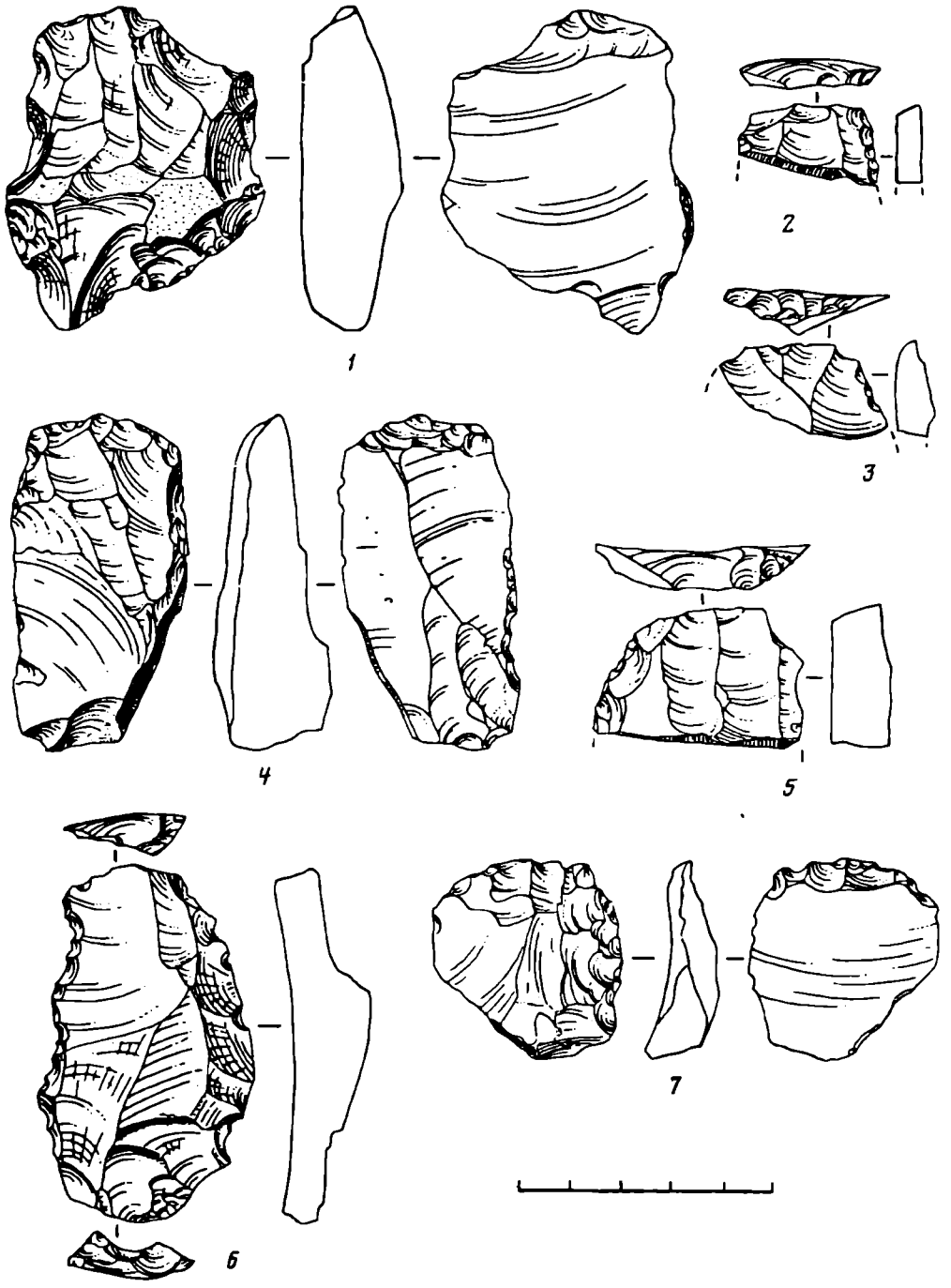


Рис. 3. Белокузьминовка. Кремневые изделия

краями, одноразмерные (рис. 1, *2*; рис. 2, *4*). Основания фасеток ретуши, как правило, перекрыты фасетками мелкой подправки, сильно смяты или забиты. В Белокузьминовке это, пожалуй, самый выразительный тип ретуши (32 обр.).

Ламеллярная ретушь (22 обр.) с фасетками шириной 2—3 мм и длиной до 1 см встречается исключительно на ограниченных выступающих участках орудий и образует как пологие, так и крутые лезвия.

Противолежащая ретушь не получила в Белокузьминовке широкого распространения.

Распространенная ретушь единична, ретушь типа кина практически не применялась.

В подавляющем большинстве случаев (210 экз.) применялась небрежная краевая регулярная разнофасеточная ретушь, следующая за контуром за-

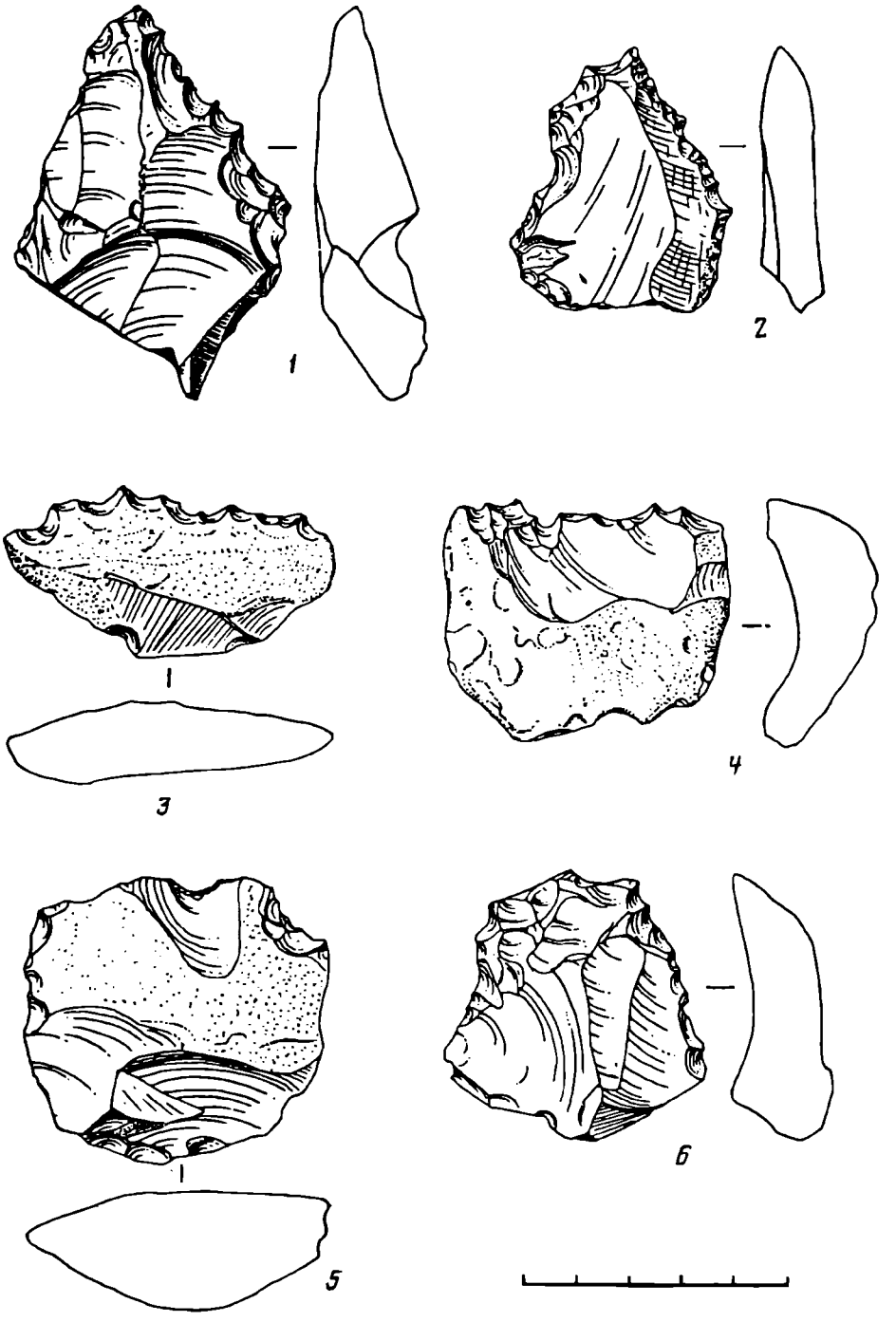


Рис. 4. Белокузьминовка. Кремневые изделия

готовки. Вполне показательны образцы такой обработки на рис. 2, *б*; 3, *б*; 4, *б*.

Выбор вида ретуши зависел преимущественно от типа орудий. Так, на скреблах и других орудиях с высоким сечением ретушь в основном крутая и полукрутая, моделирующая, однорядная, регулярная. На скребловидных орудиях из тонких первичных отщепов применялась ретушь краевая, пологая, полукрутая и их комбинации. Лезвия ножей подправлялись иногда пологой и плоской многорядной чешуйчатой ретушью, обушки — крутой и полукрутой, чаще равнофасеточной. Нередко ретушь наносилась на небольшом участке. Таковы, например, изделия с подработкой угла и долотовидные, сформированные пологой и полукрутой краевой субпараллельной или ламеллярной ретушью.

Так называемая зубчатая ретушь (около 200 орудий) весьма неоднородна по своему характеру. В строгом смысле слова понятие зубчатости соотносится не с тем или иным видом ретуши, а с рисунком лезвийной кромки. Эффект зубчатости создавался сочетанием различной по расположению и способу нанесения ретуши, встреченной и на зубчатых орудиях. Во многих случаях вряд ли правомерно говорить об особой зубчатой ретуши, отличной от обычной ретуши. Вместе с тем наиболее эффективные образцы зубчатых орудий Белокузьминовки показывают как минимум два способа ретуширования, связанных только с этой группой орудий. Это, во-первых (27 обр.), энергичная, разреженная ударная ретушь, создающая крупнозубчатый контур лезвия (рис. 1, *4*, *7*; 3, *1*; 4, *1*, *3*, *4*). И во-вторых (31 обр.), моделировка крупных клектонских анкошей (рис. 1, *6*; 4, *5*). Образовавшиеся при такой обработке зубчато-выемчатые контуры не нивелируются интенсивной грубой подправкой или сильной сработанностью и отчетливо видны. Часто она изменяет контур заготовки (рис. 2, *1*; 4, *2*), хотя в большинстве случаев эта ретушь краевая нераспространенная. Размер фасеток — от 0,3 до 0,8 см. Умело использовались естественные контуры заготовок. Преобладает лицевая обработка (около 150 обр.), реже с брюшка (около 50 обр.). В редких случаях применялась чередующаяся на спинку и брюшко разнофасеточная ретушь, которая может быть и естественного происхождения [6]. Такой ретуши существенно меньше, чем, например, в Ахштырской пещере [7, с. 49]. Особенность «зубчатой» ретуши Белокузьминовки в интенсивности обработки и морфологической повторяемости.

Мелкозубчатую ретушь мы относим к ретуши утилизации, краевую нерегулярную разновеликую в сочетании со смятыми и забитыми краями орудий — к ретуши естественного происхождения. Удельный вес такой ретуши в коллекции значителен.

Утончение. Прием утончения орудий придает своеобразный вид всей белокузьминовской коллекции. Всего отмечено 58 утонченных орудий. Основной морфологический признак этого приема — сопряженность сколов утончения со специально подготовленной площадкой [8].

Утончению подвергались различные орудия. Типологически они хорошо разделяются — это некоторые разновидности скребел (рис. 3, *6*), специфические ножи, зубчатые (рис. 2, *1*), стамескообразные орудия. Заготовками служили широкие массивные сколы с параллельными или слегка конвергентными краями; на многих сохранились участки желвачной поверхности. Утончение в Белокузьминовке всегда производилось с лицевой стороны и с площадок, приуроченных к концам заготовок.

Фасетки ретуши, формирующей вспомогательные площадки, разновеликие, разнонаправленные, с дугообразным профилем. Вследствие этого угол наклона различных участков площадки к плоскости брюшка был неодинаков. Сохранились, как правило, остатки площадок в месте соединения с брюшком заготовки, угол соединения достигает здесь величины 135—150°. Площадки с таким наклоном малоэффективны для скалывания, удары по ним приводят к заломам. На нескольких обрывках рабочих кромок площадок, не уничтоженных скалыванием, прослеживается угол соединения с лицевой плоскостью — он близок к 80—90°.

Получение угла нужной величины достигалось мелкими и мельчайшими сколами, притупляющими площадку. Этот прием в миниатюре повторяет последовательность операций подготовки плоских призматических нуклеусов.

Сходным образом осуществлялось и подживление площадок: на некоторых образцах утонченных орудий Белокузьминовки вспомогательные площадки и основания фасеток утончения частично срезаются приостряющими сколами в плоскости площадки. Они создают ложное впечатление о собственном самостоятельном значении, так как маскируют сколы утончения и придают им вид обычной огранки, сформированной на нуклеусе до отделения заготовки. В трех случаях в качестве площадки использовался торец поперечного слома.

Ширина вспомогательных площадок чуть меньше или равна ширине конца

заготовки, редко площадки загибаются и охватывают продольные края орудий. Площадки в плане преимущественно выпуклые.

Отчетливо заметно тяготение к слиянию плоскости фасеток утончения с плоскостью спинки, хотя небольшая разница (5—10°) всегда присутствует. Фасетки утончения правильные, ламеллярные, у лучших образцов покрывают 1/2 и более корпуса. Размер их и направленность слегка варьируют в зависимости от формы исходной заготовки. Пропорции в основном совпадают с пропорциями негативов сколов на плоских нуклеусах. Сколы утончения тяготеют к продольному ребру (рис. 3, *б*), а нередко покрывают всю спинку изделия (рис. 2, *1*). Такой стандартизации сколов, как у костенковских ножей [9, с. 230—232], основанных на правильных костенковских пластинках, нет.

Не было и единой схемы утончения орудий. В отдельных случаях можно говорить об использовании утончения как средства переоформления скребел и ножей, теряющих свои рабочие качества при интенсивной подправке лезвий. В частности, у четырех двойных продольных скребел сколы утончения срезают верхушки фасеток ретуши. Здесь прием выступает как средство утончения корпуса скребел, приобретающих при подправке лезвия излишне высокий профиль. Характерно, что в индустриях с неразвитыми приемами ядрищной подработки присутствуют лимасы — истощенные до предела продольные двойные скребла [10, с. 261]. Утончение основания остроконечника из раскопа 1986 г. [11, рис. 4, *1*] преследовало чисто аккомодационные цели. Четыре орудия изготовлены по классической схеме оформления ножей костенковского типа: крупные относительно тонкие правильные пластины или их части подработаны с полюсных площадок, при этом субпараллельные сколы на спинке сочетаются с краевыми сколами подживления. При неудачном краевом подживлении продольного лезвия скребла образовался, видимо, фрагмент, изображенный на рис. 2, *4*. В то же время по крайней мере на 4 образцах видно сдновременное употребление краевой (в смысле привязанности к краям заготовок) ретуши и концевого утончения, выполняющего функцию вторичной отделки. Наверное, есть смысл различать приемы утончения по их месту в процессе морфообразования орудий. В этом плане прием утончения в раннем палеолите часто выступал дополнением ретушной отделки, направленной на получение орудий заданной формы. В таком ключе, видимо, следует понимать разнообразные способы утончения каменных орудий в антоновской индустрии; некоторые из них граничат с бифасиальной отделкой [12, с. 73]. Утончение костенковских ножей позднего палеолита — это целиком прием подживления, переоформления готового орудия [13], или, если можно так выразиться, прием уже «третичной» отделки.

Отделение вторичных сколов с наклонных площадок не всегда преследовало цель утончения. Можно указать на ряд инструментов с ядрищной обработкой, у которых вторичные сколы располагаются под значительным наклоном к поверхности спинки (до 30°).Образованный площадкой и плоскостью скалывания выпуклый в плане острый край не срезан сколами подживления, т. е. создавался целенаправленно и может иметь функциональный смысл.

Наконец, отметим присутствие в коллекции образца (рис. 3, *7*), формально относящегося к орудиям с ядрищной обработкой, но по ряду признаков тяготеющего к так называемым чешуйчатым долотовидным орудиям, для которых характерна широкая морфологическая вариабельность [14]. Признаки вторичной контрударной обработки в виде заломов и разнонаправленных фасеток прослеживаются на экземпляре с однополюсным утончением (рис. 3, *4*).

В целом утончение орудий Белокузьминовки вполне соответствует стандартам раннего палеолита [15].

Фрагментация. Критерии искусственной (предчамеренной и случайной) и естественной фрагментации строго не определены. В качестве признаков искусственного рассечения называются наличие точки удара, языковатых загибов профиля [16, с. 24] и др. Ясно, что известные нам признаки искусственной фрагментации не исчерпывают всего многообразия приемов преднамеренного

рассечения кремня и не всегда им адекватны. Определение признаков сознательного дробления орудий и сколов требует широкой экспериментальной базы и не входит в нашу задачу. Видимо, основным при определении искусственной фрагментации должны быть устойчивость расположения места облома, а также такие макропризнаки, как наложение фасеток ретуши на торцы обломов, сработанность торцов и др. Торцы со следами конусов ударов и выраженной раковистостью условно мы назовем фрагментацией путем удара, торцы с растянутой волной и язычком разной формы — фрагментацией путем слома давлением.

В рассматриваемой коллекции использовалась искусственная фрагментация. Так, часто при фабрикации ножей различных типов (25 обр.) поперечно отсекались концы заготовок (19 обр.) или образовывались косые обушки (2 обр.), причем последние несут следы нескольких ударов (рис. 2, *5—7*). Сколы фрагментировались ударами со спинки (15 обр.) и брюшка (6 обр.), а также путем слома давлением (4 обр.). У пяти ножей края фасеток ретуши утилизации и подправки лезвия слегка заходят на торцы обломов.

Подобным образом фрагментировались пластинчатые заготовки при изготовлении одинарных и двойных анкошей (31 обр.), одинарных и двойных продольных скребел (9 обр.). Ударами со спинки (8 обр.) и сломом давлением (32 обр.) отсекались краевые участки сколов. Торцы располагаются перпендикулярно или слегка косо по отношению к продольной оси заготовок. У всех скребел и у 9 анкошей ясно видно наложение фасеток ретуши на торцы сломов. Одно из скребел фрагментировано двумя ударами с двух сторон.

В ряде случаев, как, например, при изготовлении проколки на пластинчатом сколе, шести резцевидных орудий, четырех клювовидных скребков, требовалось весьма точное косое расположение торцов обломов. Результат достигался хорошо рассчитанными ударами с брюшка (3 обр.) либо сломом давлением (8 обр.).

Фрагментации подвергались в основном уплощенные и удлиненные сколы, служившие заготовками для различных изделий. Массивные отщепы и орудия на них (некоторые скребла, зубчатые и др.) почти не рассекались. 15 торцов-сломов у анкошей (7 обр.) и скребел на первичных отщепах (8 обр.) располагаются зачастую произвольно, отсекая краевые участки, выступы, углы.

В коллекции присутствуют 37 отщепов с ясными следами фрагментации ударом.

Основная часть пластин и пластинчатых сколов представлена в обломках. Из 1896 пластин целых всего 136. Трудно предположить преднамеренный характер рассечения для большинства из них, так как пластины — наиболее хрупкие изделия коллекции и легко ломались при производстве, утилизации, переотложении. В небольшой подборке пластин с выраженными следами фрагментации (163 экз.) следы ударов несут 86 экз. (со спинки — 61, с брюшка — 25), следы слома давлением — 77 экз. Если считать конус удара на торце атрибутом преимущественно искусственной преднамеренной фрагментации, то, как видно, большая половина пластин рассекалась сознательно.

Готовые орудия дробились нечасто. Можно назвать разбитое ударами атипичное леваллуазское острие, семь обушковых ножей, два продольных одинарных и два продольных двойных скребла, семь различных скребел (рис. 1, *5*), у которых торцы сломов разрезают фасетки ретуши. В этом особенность фрагментации Белокузьминовки в отличие от Ереванской пещеры, где известно большое количество намеренно рассеченных орудий со вторичной обработкой [17]. В Ереванской пещере фрагментация часто выступает как прием переоформления готовых орудий, в Белокузьминовке — в основном как служебный прием при формировании отдельных типов изделий.

Достоверных фрагментов орудий 73. Торцы обломов этих фрагментов имеют выраженную раковистость с точкой удара либо (чаще) протянувшуюся вдоль торца слабоизогнутую волну, заканчивающуюся резким загибом. В одном случае облом имеет длинный язычок, расположенный в отличие от pieces a lanquette

[18, рис. 6, *6—13*] под острым углом к спинке скола. Около одной трети фрагментов — это отколовшиеся концы удлиненных орудий. Их можно связать с орудиями типа острий, проколок, сверл. Поломка инструментов чаще всего, видимо, наступала от давления и удара в ходе работы. У 3 экз. с высоким треугольным сечением импульс удара шел с рабочего ретушированного края. Раковистость двух торцов образует винтообразную плоскость, может быть, эти обломы образовались при вращательном движении инструмента. Два анкоша на пластинах раскололись по выемке. 13 фрагментов сколоты со скребел и устраняют значительные участки лезвий.

Наряду с мелкими фрагментами и обломками орудий выделяются разнообразные сколы подживления и отделки орудий. Рассмотрим их детально.

При оценке особенностей вторичной обработки целесообразно учитывать не только результаты этой обработки на орудиях труда в виде определенным образом сформированной поверхности, но и категорию отходов, подобно тому как анализ техники первичного расщепления подразумевает характеристику как самих нуклеусов, так и отделяемых от них сколов. Мы выделяем 31 скол подживления орудий и 157 сколов отделки. Безусловно, сколов отделки в коллекции значительно больше. Это многочисленные мелкие осколки кремня, чешуйки без определенной огранки, небольшие бесформенные отщепы и другие отходы, технические позиции которых объяснить трудно. Ясные морфологические признаки несут немногие сколы подживления.

В первую очередь это касается сколов подживления вспомогательных площадок утончения, которые показывают последовательность действий при подживлении скребел и, видимо, характер исходных операций при утончении орудий вообще. В коллекции таких сколов четыре. Два из них (рис. 3, *5*) фактически представляют собой концевую часть двойных продольных скребел с утонченным корпусом. Сколы охватывают площадку, основания лицевых фасеток утончения и участки лезвий. Характерно, что площадки образованы одним поперечным сколом со стороны спинки заготовки и не срезаны дополнительными фасетками; угол наклона к спинке 55—50°. Ширина площадок существенно меньше ширины обрабатываемого участка, т. е. с них невозможно было продуктивное подживление лезвийной кромки. Для этого требовалась широкая площадка, которая и создавалась путем отсечения (слома) концевого участка. Еще два скола подживления (рис. 3, *2, 3*) устранили ретушированные интенсивно сработанные вспомогательные площадки. Отметим также два концевых скола подживления ножа и скребла, создавших предпосылку для формирования таких площадок. Последние иногда использовались, как мы отмечали, и без дополнительной модуляции.

Обращает на себя внимание ширина сколов подживления вспомогательных площадок — 3,5—4,0 см. Это средняя ширина всех белокузьминовских утонченных орудий в начальной стадии сработанности. Минимальная ширина у интенсивно подправленных скребел доходит до 2 см. Следовательно, расстояние от 2 до 4 см — диапазон наиболее оптимальной ширины продольных скребел.

Среди сколов подживления и обломков орудий можно выделить 10 мелких трудноопределимых фрагментов скребловидных лезвий и три относительно крупных (до 3 см) продольных обломка скребел. Они, однако, отделены путем слома, а не продольного резцевидного скалывания, которое логично ожидать при краевом подживлении орудий.

С известной долей вероятности можно отождествить один небольшой пластинчатый скол со сколом утончения спинки орудия. Характер микроплощадки, огранки спинки, пропорции и размеры не противоречат этому.

Два небольших широких скола сняли высокие реберчатые участки заготовок, образованные заломами микросколов, т. е. также фактически являются сколами утончения.

Сколы отделки — тонкие вторичные и полупервичные отщепики подовальной и близкой к ней форме размерами от 0,5 до 2 см с интенсивной, чаще всего микроогранкой спинки. Они образовывались при выравнивании поверхности ка-

ких-либо изделий. Брюшковая поверхность многих отщепиков выпрямленная, т. е. скалывание их привело к эффекту уплощения. Часть сколов, видимо, связана с оформлением орудий типа скребел, обушковых ножей (подправка обушков), часть — с отделкой нуклеусов. Однако какая именно часть? Эта категория отходов занимает морфологически промежуточное положение между первичным расщеплением и вторичной отделкой орудий.

Среди обломков орудий, сколов отделки и мелких отщепов выделяется небольшая серия (24 экз.) сколов естественного происхождения, образовавшихся при так называемом ячеистом выветривании поверхности кремневых предметов. Морфология этих сколов давно и хорошо известна, так как определение критериев искусственного расщепления камня изоморфной структуры в свое время составило предмет одной из острейших дискуссий в науке о палеолите [19, с. 53]. В отличие от сколов ударного типа, имеющих бугорок и ударную волну на брюшке, отщепы, отделившиеся при растрескивании поверхности камня,— со сферическим брюшком и замкнутыми волнообразными концентрическими линиями микрорельефа. Судя по вентральной поверхности таких отщепов, многие из них отделились от орудий или искусственных сколов. Интенсивность шелушения (десквамации) поверхности камня, как известно, прямо пропорциональна континентальности климата, т. е. эти сколы (рис. 2, *2*, *3*), встреченные на глубине до 1,6 м, являются своеобразным показателем холодного климата во время образования верхнего подгоризонта бугского суглинка. Кроме того, они позволяют понять плохую сохранность части орудий из бугского суглинка с повреждениями поверхности («оспинки», трещины, заломы).

Оббивка как прием вторичной отделки не получила широкого распространения в Белокузьминовке. На наш взгляд, это было связано с ограниченным бытованием бифасиальных орудий в инструментарии стоянки. Их всего восемь, в том числе три обломка. Бифасы в основном небольшие, дисковидных очертаний. Формировались энергичными радиальными сколами, оставившими короткие рельефные негативы, а также крупные уплощенные негативы.

Тронкирование — способ вторичной обработки каменных орудий, выражающийся в отвесно-ретушном усечении концов и краев заготовок. Среди приемов вторичной отделки Белокузьминовки тронкирование заготовок как отщеповых, так и пластинчатых, встреченных примерно поровну, занимает заметное место. Тронкированию подверглись около 60 сколов. По своей направленности тронкирование Белокузьминовки сходно с фрагментацией, так как тоже связано с ограничением размеров заготовок орудий, созданием обушковых элементов и придает орудиям известные геометрические очертания. Выраженную морфологическую границу между фрагментацией и тронкированием не всегда удается проследить, так как торцы, образованные фрагментацией, т. е. одним импульсом, нередко маскируются вторичными фасетками. Расположение тронкированных участков к продольной оси заготовок, как правило, перпендикулярное. Усечению подвергались в основном дистальные концы; тронкирование базальных частей отмечено лишь в трех случаях.

Ретушь, которой отсекались концы заготовок, однорядная, однонаправленная, равновеликая. Преобладают экземпляры прямые, прямолинейные лицевые (33), меньше прямых брюшковых (12), примерно поровну косых брюшковых (6) и лицевых (8). Встречаются заготовки с дублированным тронкированием. Тронкирование сочетается с зубчато-выемчатой обработкой, ретушированными участками.

Резцовый скол (28 обр.) применяется при оформлении рабочих и обушковых участков орудий. Ряд орудий с резцовым сколом (6 обр.) вполне адекватен позднепалеолитическим типичным резцам. Сколы наносились на углу слома, косо по краю, при формировании срединного экземпляра — с поверхности негатива предшествующего скола. На 14 образцах плоских угловатых заготовок сколы наносились на выступающие углы. Их располагали косо по отношению к спинке. Скалывание производилось без подготовки микроплощадки. При

этом формировались лезвия по типу лезвий резчиков. Два изделия имеют нуклевидные очертания. Широкие косые резцевидные сколы идут от поперечных площадок и морфологически напоминают краевые косые сколы утончения. Резцовым сколом обрабатывались также обушки ножей (5 обр.) и скребла.

Итак, приемы вторичной отделки кремней из Белокузьминовки создают впечатление рациональных по своему существу. Умелое использование формы исходной заготовки требовало минимальной подправки лезвийных и обушковых участков. Можно сказать, что индустрии из бугского и витачевского горизонта памятника относятся к тому типу палеолитических индустрий, у которых акцент в формообразовании орудий смещен в сторону первичного расщепления.

Заданность формы заготовки — это характерная черта леваллуазского и пластинчатого способов расщепления камня, поэтому сочетание в белокузьминовской индустрии относительно высокого уровня пластинчатости с незначительной стилистической вариабельностью ретуши, носящей в основном краевой характер, кажется нам не случайным. Соотношение приемов носит целостный характер: из совокупности приемов не выпадают те, которые были бы логичны в данной схеме. При существующей в данной индустрии технике первичного расщепления и определенном типологическом наборе перечисленные приемы являются необходимыми и достаточными.

Как отмечалось, приемы вторичной обработки избирательно связаны с различными типами орудий. Основными, количественно преобладающими приемами были ретушь и фрагментация. Определенным образом сочетаются и способы вторичной отделки на отдельных орудиях. Можно выделить несколько таких сопряженных наборов средств отделки: фрагментация — ретушь; ретушь — фрагментация — утончение; ретушь обычная — ретушь зубчатая. Эти совокупности приемов дают возможность группировки каменных орудий на основании, отличном от типологического. Выделяемые единицы соответствуют технико-морфологическим группам орудий (утонченные изделия, орудия с обушками-сломами и др.).

Распределение приемов вторичной обработки по условным глубинам в пределах бугских отложений не выявило сколько-нибудь значительных изменений. Фиксируются некоторые различия между способами вторичной отделки бугского и витачевского горизонтов при сохранении общих качественных характеристик. В первую очередь это касается ретуши. На орудиях из витачевских отложений она более крупная и распространенная, преобладают образцы чешуйчатой и чешуйчато-ступенчатой пологой и полукрутой ретуши. Относительно меньше отвесной ретуши, хотя это может быть связано с бедностью коллекции из витачевских отложений (всего 60 орудий).

Совокупность приемов вторичной обработки орудий Белокузьминовки прямых аналогий не имеет. На наш взгляд, наиболее достоверным является формальное сравнение со вторичной обработкой некоторых индустрий Кавказского региона, где тронкирование, зубчатая ретушь, фрагментация и утончение представлены разнообразными техническими эталонами [10].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба. Вып. 1. М; Л., 1940.
2. *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977.
3. *Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Прикубанья. М., 1986.
4. *Brezillon M.* La dénomination des objets de pierre taillée. P., 1968.
5. *Bordes F.* Typologie du paeolithique ancien et moyen//Publ. Inst. Prehist. Univ. Bordeaux. 1961. Mem. 1.
6. *Анисюткин Н. К., Филиппов А. К.* К характеристике раннепалеолитических комплексов//Палеолит и неолит. Л., 1986.
7. *Векилова Е. А.* О зубчатом мустье и зубчатых орудиях мустьерских слоев Ахштырской пещеры//КСИА. 1974. Вып. 137.

8. *Гвоздовер М. Д.* Специфические черты кремневого инвентаря Авдеевской палеолитической стоянки//КСИА. 1961. Вып. 82.
9. *Ефименко П. П.* Костенки I. М.; Л., 1958.
10. *Leroi-Gourhan A., Bailloud G., Chavaillon J., Laming-Emperiaire A.* La Prehistoire. P., 1966.
11. *Герасименко Н. П., Колесник А. В.* Археологическое и стратиграфическое изучение стоянки Белокузьминовка (Донбасс) в 1986 г. СА (в печати).
12. *Гладилин В. Н.* Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. Киев, 1976.
13. *Беляева В. И.* Опыт создания методики описания «ножей костенковского типа»//Проблемы палеолита Центральной и Восточной Европы. Л., 1977.
14. *Синицын А. А.* О кремневом инвентаре стоянки Костенки XVI (Углянка)//КСИА. 1981. № 165.
15. *Любин В. П., Джафаров А. К.* Новая разновидность скребел (скребла с утонченным корпусом) в инвентаре Тагларской мустьерской стоянки//Палеолит и неолит. Л., 1986.
16. *Любин В. П.* К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите//Проблемы советской археологии. М., 1978.
17. *Ерицян В. Г.* Некоторые особенности намеренного рассечения орудий мустьерской эпохи (по материалам Ереванской пещерной стоянки)//КСИА. 1972. Вып. 131.
18. *Bordes F.* Observations typologiques et techniques sur le perigordien supérieur de Corbiac (Dordogne)//Bull. Soc. prehistor. Francaise. Comptes-rendus seances mensuelle. 1970. V. 67. № 4.
19. *Мортилье Г. и А.* Доисторическая жизнь. Происхождение и древность человека. СПб., 1903.

Донецк

D. S. TSVEIBEL, A. V. KOLESNIK

SECONDARY STONE TREATMENT ON BELOKUSMINOVKA CAMP IN DONBASS

Summary

From almost 10 000 artificially splitted flints about 700 were subjected to secondary treatment with using of such methods as flaking, fragmentation, thinner of splinters, burin splinters. Cracking had a subordinate role. All exposed methods were intercommunicated, the transitional forms were found. The character of materials in various layers within the limits of Bug deposits is not very different. The flanking from Vitachev deposits is more large and found more frequently. We couldn't find the close analogies with stone treatment methods from Belokuzminovka camp, it is possible to compare with the secondary stone treatments from some industries of Caucasus.

Ю. Б. СЕРИКОВ

КОКШАРОВСКО-ЮРЬИНСКАЯ ТОРФЯНИКОВАЯ СТОЯНКА В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

Кокшаровско-Юрьинская стоянка открыта в 1979 г. Нижнетагильским отрядом экспедиции Уральского государственного университета под руководством автора [1]. Исследовалась им же в 1980—1981 гг. Вскрыта площадь 140 м^2 [2].

Стоянка находится на юго-восточном коренном берегу Юрьинского озера сразу за западной околицей д. Кокшарово (Верхнесалдинский р-н Свердловской обл.) (рис. 1). Через юго-западную окраину стоянки проходит осушительная канава. Характер памятника довольно сложный. Стоянка состоит как бы из двух частей — береговой и прибрежной. Стратиграфия этих частей разная. На берегу культурные остатки бронзового века, неолита и мезолита залегают сразу под дерном в черном иловатом слое мощностью до 40 см. В прибрежной части материалы эпохи раннего железа и поздней бронзы залегают в торфе соответственно на глубине 50—70 и 80—100 см. Под торфом в слое темно-серого песка находятся материалы ранней бронзы, энеолита, неолита и мезолита. Еще ниже, в слое галечника и светло-серого песка, залегают материалы только мезолитического времени. Материком является синяя болотная глина (рис. 2).

При поверхностном взгляде на специфику памятника создается впечатление, что находки в темно-сером песке являются периферией культурного слоя, сползшего с коренного берега в заболоченное озеро. На самом деле все обстоит гораздо сложнее. Во-первых, насыщенность слоя находками на берегу и в прибрежной части торфяника разная. На берегу насыщенность находками, естественно, должна быть выше, чем в погребенном шлейфе культурного слоя. У нас же картина обратная: насыщенность слоя культурными остатками в прибрежной части значительно выше, нежели на берегу. Мощность культурного слоя на берегу ~40 см, тогда как в прибрежной части толщина темно-серого песка с культурными остатками этих же эпох достигает 50 см. На берегу мезолитический слой имеет очень незначительную мощность, присутствует в виде примеси. В прибрежной же части культурные остатки эпохи мезолита насыщают нижнюю часть темно-серого песка и почти метровую толщу галечника и светло-серого песка. При этом нижний мезолитический слой, залегающий в галечнике, содержит сотни каменных изделий и десятки уникальных костяных изделий шигирского типа.

Изучение стратиграфии траншеи (31 м длиной), разрезающей коренной берег и уходящей в болото, позволяет представить следующую картину. Берега Юрьинского озера впервые были заселены в эпоху мезолита. Мезолитическое население жило прямо на прибрежной песчано-галечниковой косе. Этому периоду соответствуют находки в слое галечника и светло-серого песка. Слои темно-серого песка в прибрежной части болота и черного иловатого суглинка на берегу начали формироваться, скорее всего, в одно и то же время. И в черном иловатом слое, и в песке обнаружены культурные остатки одних и тех же эпох. Об этом же свидетельствует плавный переход нижней части черного слоя в темно-серый песок. Но условия их образования, безусловно, разные. Можно предположить, что темно-серый песок также являлся прибрежной отмелью. Но эта отмель,

© Ю. Б. Сериков, 1992 г.

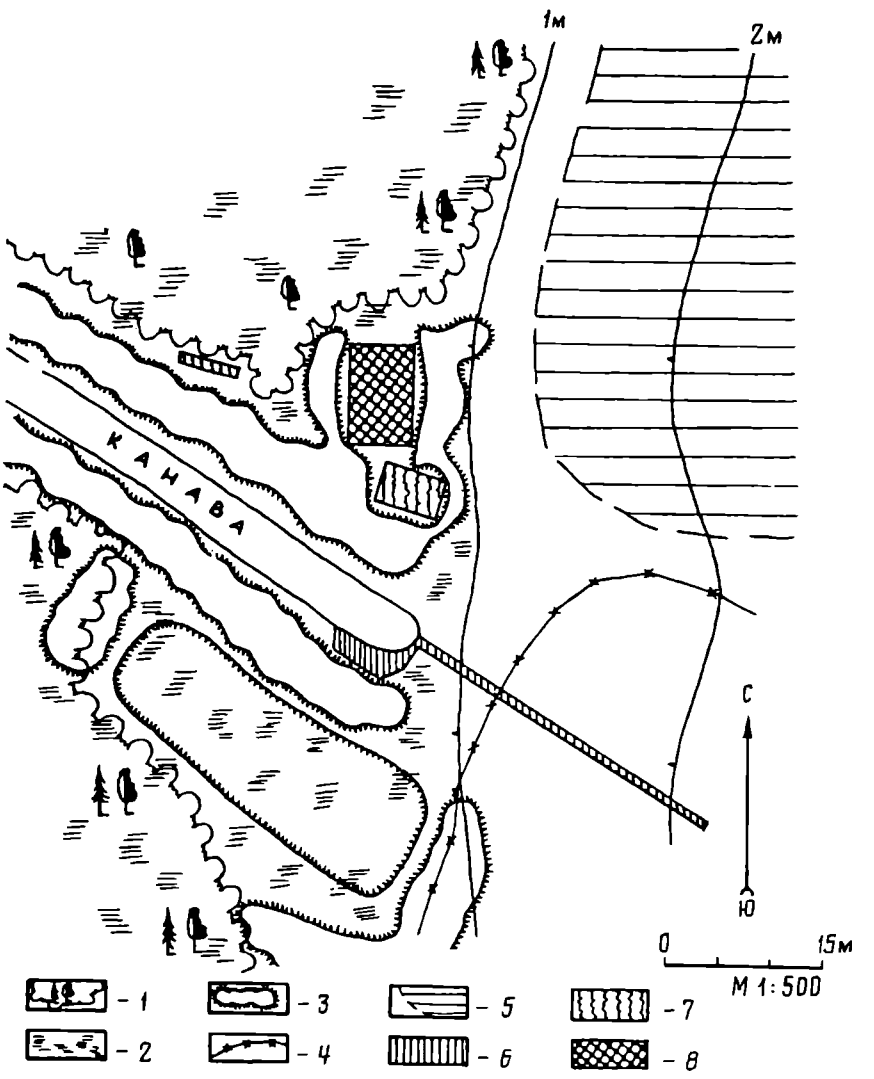


Рис. 1. Кокшаровско-Юрьинская стоянка. План. *1* — лес; *2* — торфяник; *3* — отвалы; *4* — изгородь; *5* — пахота; *6* — траншея и зачистка 1979 г.; *7* — раскоп и шурф 1980 г.; *8* — раскоп 1981 г.

видимо, не всегда была доступна. Этим объясняются находки на коренном берегу. Возможно, что в связи с весенним подъемом воды в озере население вынуждено было селиться на коренном берегу. Когда же в летне-весеннее время уровень воды в озере понижался и стабилизировался, оно переходило поближе к воде и занимало прибрежную песчаную отмель. Открытый подход к воде просуществовал до раннебронзового века. Позднее произошло заболачивание прибрежной части водоема. К периоду поздней бронзы на болоте успел образоваться пограничный горизонт. Раскопки стоянки только начаты, поэтому несомненно, что дальнейшие исследования с участием палеогеографов позволят уточнить, дополнить или изменить предполагаемую картину жизни на озере. Несомненным остается одно: стоянка на коренном берегу и стоянка в прибрежной части озера — разные, хотя и функционировали в одни и те же археологические эпохи (подробное описание стратиграфии траншеи см. в [3, с. 28, 29]).

В 1979 г. кроме траншеи длиной 31 м в стенке канавы, уходящей в болото к озеру, была сделана врезка (4 м шириной и 6,5 м длиной), продолжающая траншею. Раскоп 1980 г. площадью 24 м^2 (6 × 4 м) был заложен в 3 м от кромки коренного берега. Длинной стороной он был вытянут от берега в болото в направлении восток — запад. Раскоп 1981 г. был заложен в 3 м к северу от раскопа 1980 г. и в 7,5 м от кромки коренного берега. Площадь раскопа 60 м^2

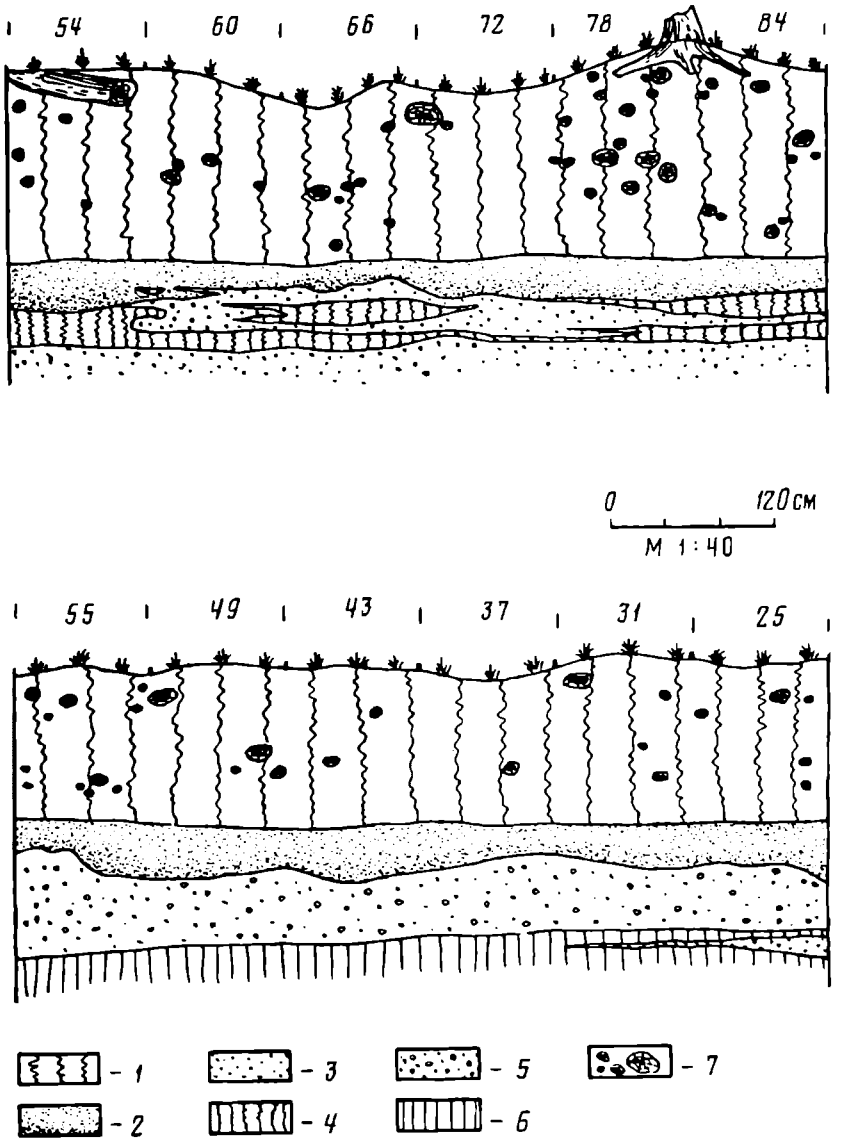


Рис. 2. Кокшаровско-Юрьинская стоянка. Профили западной (I) и восточной (II) стенок раскопа 1981 г. *1* — торф; *2* — темно-серый песок; *3* — светло-серый песок; *4* — погребенный торф; *5* — светло-серый песок с галькой (галечник); *6* — синяя болотная глина; *7* — остатки деревьев

(10 × 6 м). Длинной стороной он был вытянут с юга на север и располагался параллельно береговой кромке (рис. 1).

Методика исследования стоянки та же, что и для береговых памятников [3, с. 29, 30]. Единственное отличие — борьба с водой. Уже при незначительном углублении в темно-серый песок в раскопы начинала поступать вода. В приозерной части раскопов были устроены отстойники для сбора воды глубиной до 1 м. Ежедневно до начала работ приходилось откачивать из раскопа до 7 т воды в 1980 г. и до 30 т — в 1981 г.

При вскрытии раскопов в слое торфа на глубине 40—60 см в раскопе 1980 г. и 60—70 см в раскопе 1981 г. обнаружены находки раннего железного века. Среди них отбойник из кварцевой гальки, расщепленная галька, целые и расколотые кости животных, деревянная щепка с затесом, обломок деревянного древка стрелы, несколько фрагментов керамики без орнамента и венчик сосуда гамаюнского типа (рис. 3, *1*). Сломанный конец венчика заглажен, он использовался в качестве скребка или лощила. Интересно отметить, что все находки из этого горизонта залегали на контакте черного и прослойки желтого торфа толщиной всего 2—3 см.

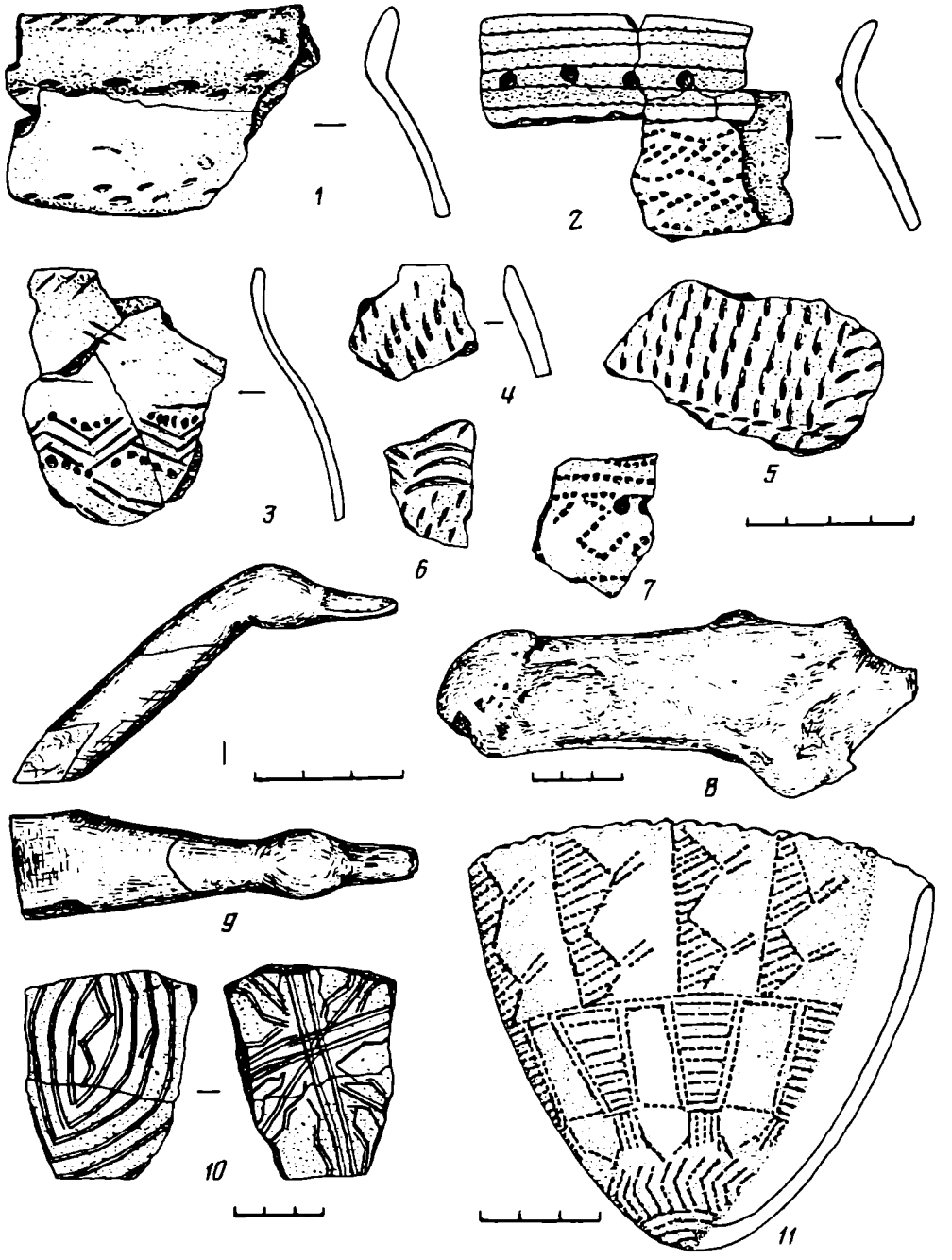


Рис. 3. Керамика, деревянное (*9*) и костяное (*8*) изделия. *1* — венчик раннего железного века; *2*, *3*, *7* — керамика позднебронзового века; *4—6* — керамика энеолита; *8* — голова лося; *9* — рукоятка ковша в виде утки; *10* — фрагмент неолитической керамики с орнаментом с двух сторон; *11* — энеолитический сосуд

В северной части раскопа 1981 г. на глубине 70—90 см проявился пограничный горизонт в виде залежи пней, стволов и коряг значительных размеров. В южной части раскопа прослеживались только отдельные его проявления. Одна из коряг пограничного горизонта взята на радиоуглеродный анализ. Взят на анализ и торф из пограничного горизонта.

В раскопе 1980 г. на глубине 80—90 см найдено скопление расколотых костей животных. Здесь же обнаружено несколько фрагментов керамики с плохоразличимым орнаментом и венчик сосуда черкаскульского типа (рис. 3, *3*).

В раскопе 1981 г. культурные остатки залегали на глубине 80—100 см в пограничном горизонте и под ним. Залегали они двумя значительными скоплениями в северо-восточном и юго-восточном углах раскопа.

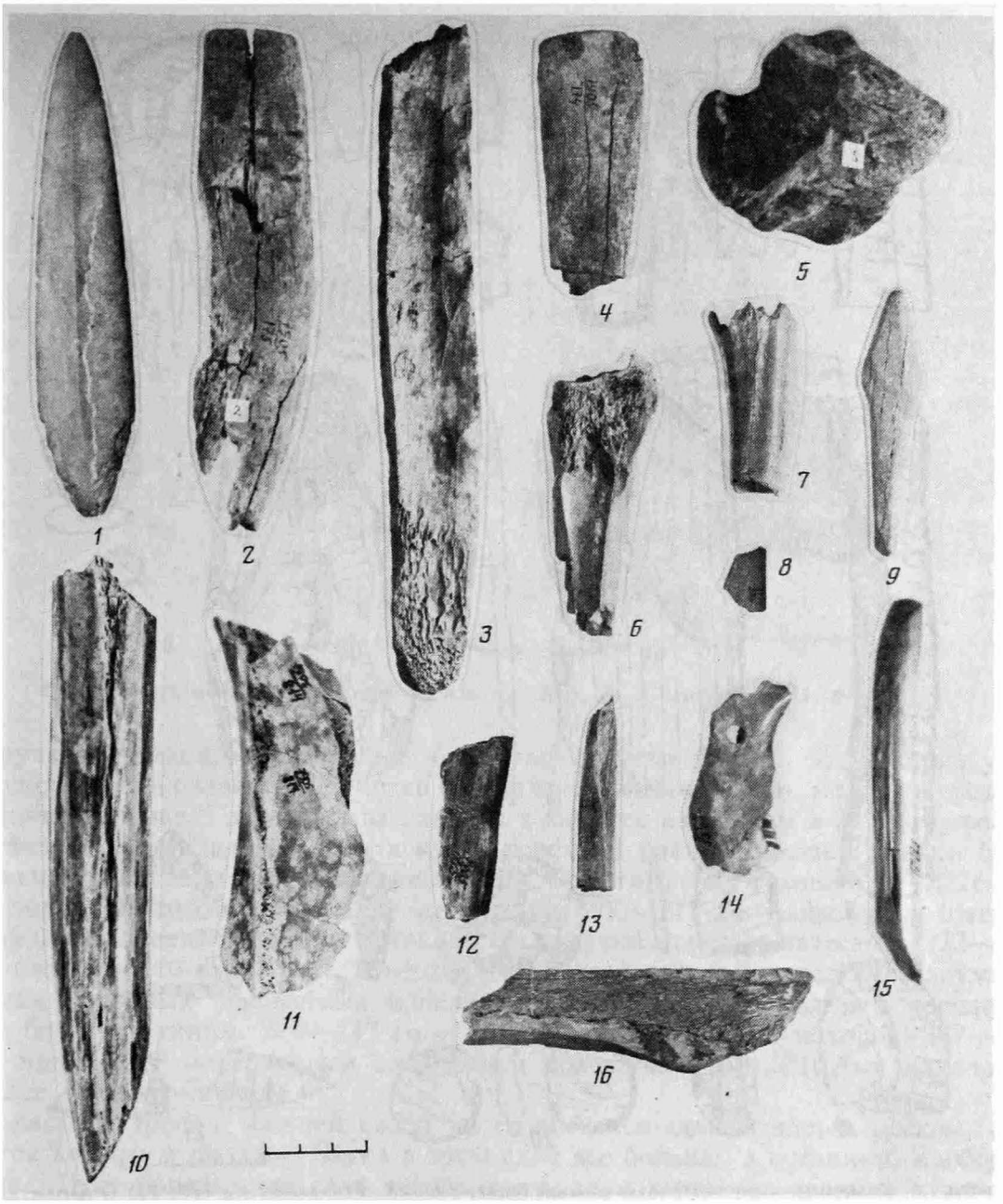


Рис. 4. Каменные (*1*) и костяные изделия эпохи бронзы (*2*, *4*, *5*), неолита (*3*, *6*, *7*, *9*, *13*) и мезолита (*8*, *10—12*, *14—16*)

В северо-восточной части раскопа между двумя корягами обнаружено крупное скопление костей птиц. Кости залегали в пограничном горизонте на прослойке желтого торфа на глубине 80—100 см. Судя по размерам, кости принадлежали крупным птицам (лебедь?, гусь?). Среди костей обнаружены компактные, до 15 см в диаметре, скопления мелких окатанных галечек. Плотность залегания и одинаковые их размеры (от 2 до 5 мм) позволяют предполагать в этих скоплениях галечек остатки содержимого желудков каких-то птиц. В этом же скоплении костей залегала и керамика. Найдены венчики, стенки с орнаментом и без него, днища — всего 37 фрагментов. Почти все они происходят от одного сосуда. Венчик сильно профилирован, по горлу идут круглые наколы, гребенчатый орнамент в виде прямых и ломаных горизонтальных линий покрывает только верхнюю треть сосуда (венчик, шейку и плечико), днище сосуда плоское (рис. 3, *2*). Сосуд датируется эпохой поздней бронзы.

Скопление культурных остатков в юго-восточной части раскопа по размерам значительно превышает первое. Оно распространяется на 10 квадратов. В скоп-

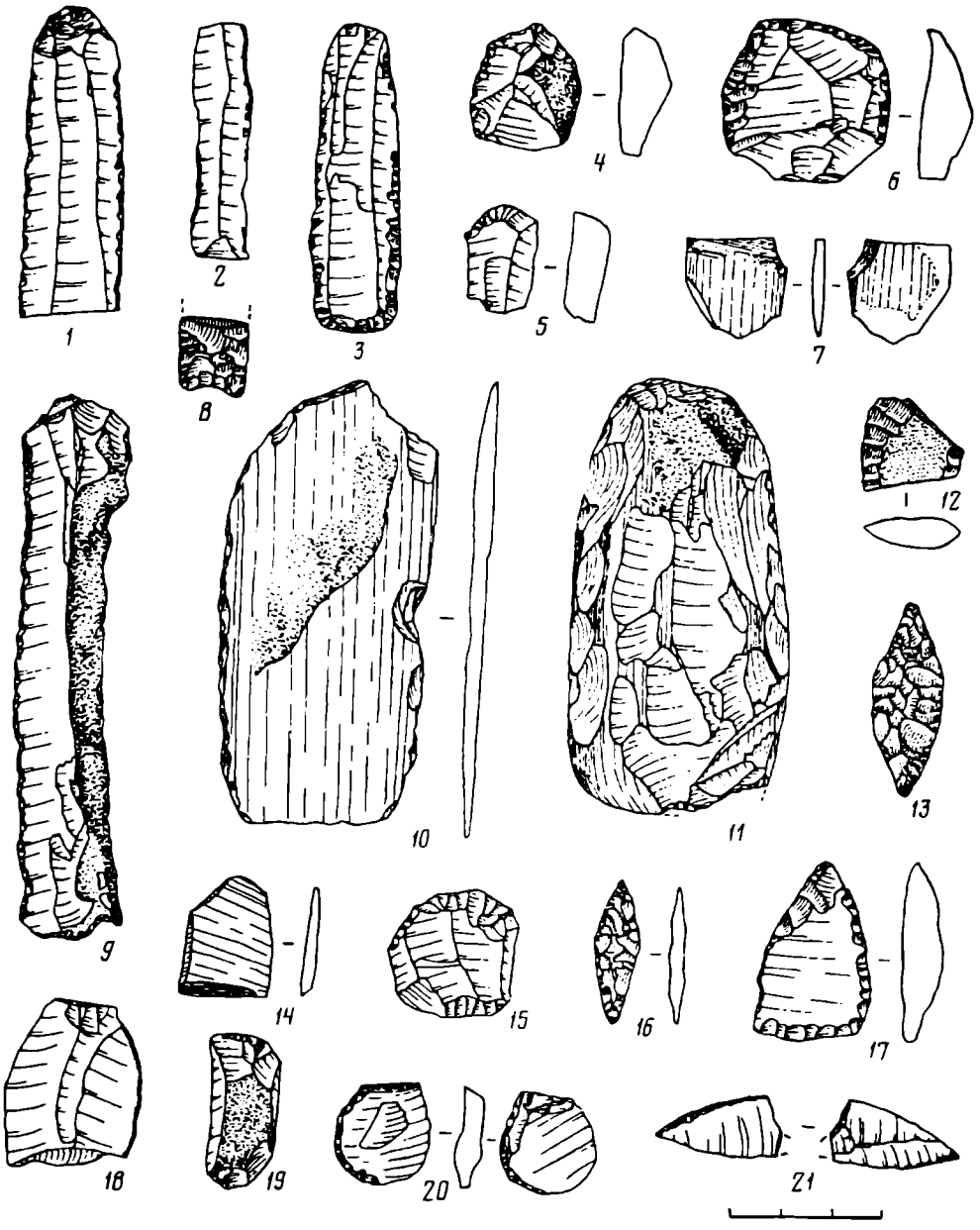


Рис. 5. Каменные изделия эпохи ранней бронзы (*1—8, 12*), энеолита (*17, 21*) и неолита (*9—11, 13—16, 18—20*)

лении присутствуют фрагменты керамики без орнамента, отщепы из молочного кварца и кремнистого сланца, кости животных, куски дерева со следами рубки. Из орудий можно отметить два скребка с подработанным плоской ретушью брюшком, так называемого балакинского типа [4], плитку талька со следами использования ее в качестве лощила и три костяных изделия. Первое из них — роговая муфта для закрепления какого-то рубящего орудия (рис. 4, *2*). Она имеет слабоизогнутую киркообразную форму и квадратное сечение в обухе. Длина сохранившейся части 15 см, толщина 3 см. В нижнем конце муфты сделано углубление до 7,5 см длиной. На обухе муфты по всем четырем плоскостям имеется по три насечки. Второе, почти целое костяное изделие — в виде стамески или долота (рис. 4, *4*). И третье изделие — подпятник для сверления или добывания огня, сделанный из центральной заплюсной кости лося (рис. 4, *5*).

За пределами второго скопления обнаружены лишь единичные находки; два отщепа и фрагмент керамики с орнаментом в виде простого меандра (рис. 3, *7*).

К этому же слою — поздней бронзы — следует отнести еще одну находку.

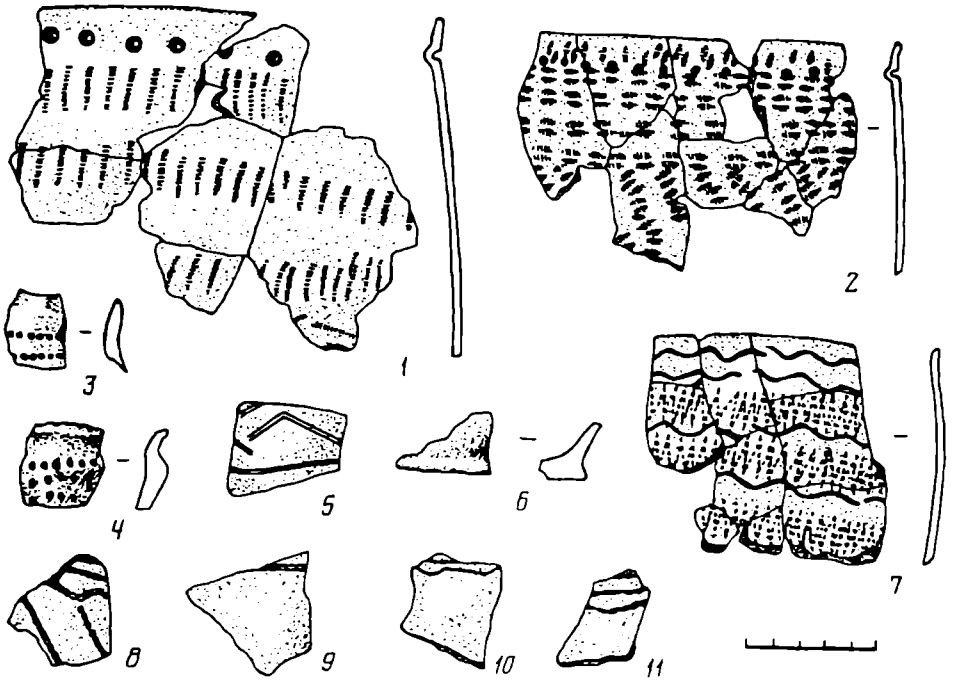


Рис. 6. Керамика эпохи ранней бронзы (*1*, *2*, *6*, *7*) и неолита (*3*, *5*, *8—11*)

Это ручка деревянного ковшика в виде головки утки (рис. 3, *9*). Головка утки выполнена очень реалистично, четко обозначены клюв и ноздри, мелкими срезами передано оперенье. Головка была найдена в выбросе из канавы в 22 м от кромки коренного берега. Залегала она в куске торфа. В районе находки уточки была заложена траншея длиной 6, шириной 1,5 м. Стратиграфия траншеи: 0—222см — слой торфа. В нижней его части на глубине 200—218 см найдены фрагменты деревянных изделий: обломки древков стрел, куски дерева с затесами. 222—264 см — слой рыжего сапропеля. В верхней и средней его части также обнаружены обломки подобных деревянных изделий. 264—279 см — стерильная прослойка синей болотной глины. 279—287 см — светло-серый песок без находок. 287—320 см и ниже идет материковый слой синей болотной глины. Других находок в траншее сделано не было.

В раскопе торф в нижней своей части постепенно насыщается песком, становится вязким и липким. Песка в этом слое все больше, а органики, наоборот, меньше. Этот контактный слой также содержал находки, в основном керамику с ложношнуровым орнаментом липчинского типа (в раскопе 1980 г.) (рис. 3, *4—6*).

Темно-серый песок содержал культурные остатки различных эпох. В раскопе 1980 г. в верхних уровнях песка залегала керамика эпохи энеолита с липчинским орнаментом либо керамика без орнамента. Здесь же встречен неполный развал небольшого сосуда с гребенчатым орнаментом. Диаметр сосуда 12,5, высота 10,5 см. Орнамент образует геометрическую композицию с вертикальными зонами, состоящими из заштрихованных гребенкой треугольников и трапеций (рис. 3, *11*). Поскольку рядом с сосудом залегала липчинская керамика, этот сосуд также можно датировать эпохой энеолита.

Рядом с сосудом найдено геометрическое изделие в виде треугольника с боковой выемкой (рис. 5, *21*). Кончик его острия подретуширован с двух сторон. По-видимому, изделие служило наконечником стрелы. Изготовлено оно из светло-серого окремнелого сланца. Такой материал в Тагильском Зауралье применялся обычно в эпоху раннего металла. Так что, возможно, что это изделие связано с энеолитической керамикой и датируется этим же временем.

К эпохе энеолита относится и треугольный наконечник стрелы из халцедона. Он изготовлен из отщепа путем подработки краев ретушью (рис. 5, *17*).

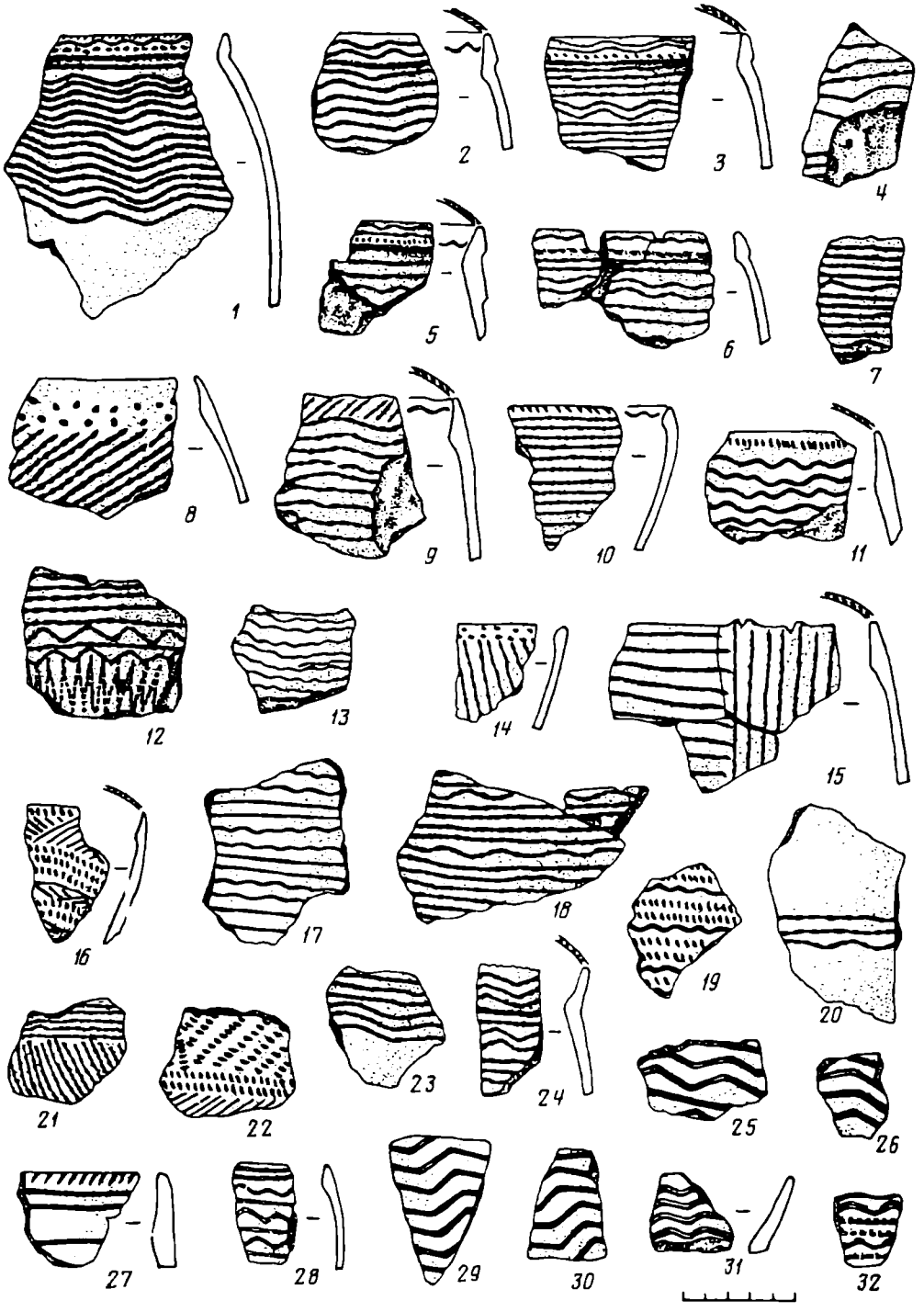


Рис. 7. Керамика эпохи неолита

В раскопе 1981 г. энеолитической керамики не встречено. Там в верхней части песка обнаружено четыре неполных развала сосудов ранней бронзы. Все сосуды орнаментированы различными сочетаниями гребенчатого штампа. Один сосуд небольшого диаметра (до 14,5 см) орнаментирован горизонтальными поясами шагающей гребенки, которые чередуются с поясами волнистых линий, прочерченных палочкой (рис. 6, 7). Второй сосуд орнаментирован шагающе-протащенной гребенкой. Орнамент на третьем сосуде сложнее. По венчику сосуда идут одинарные отпечатки наклонно поставленного гребенчатого штампа. Под ними располагаются наколы, идущие в один ряд по всему периметру сосуда. Верхняя треть сосуда орнаментирована спаренными отпечатками гребенчатого штампа.

которые располагаются четырьмя горизонтальными поясами. Средняя часть сосуда орнаментирована поясами из шагающей гребенки, идущими диагонально вниз. А нижняя часть сосуда имеет такой же орнамент, как и его верхняя треть, — горизонтальные пояса спаренных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 6, *2*). Диаметр сосуда также небольшой — до 15 см, днище его полуяйцевидной формы. На четвертом сосуде орнамент состоит из горизонтальных поясов одинарных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 6, *1*). Любопытно отметить, что часть этого сосуда из 18 фрагментов была найдена в прирезке 1979 г. на расстоянии 21 м от основного скопления.

Каменные орудия верхней части темно-серого песка довольно немногочисленны. Здесь имеется обломок наконечника стрелы с вогнутым основанием (рис. 5, *8*), восемь скребков на отщепах (рис. 5, *4—6*) и один на широкой пластине светло-серой яшмы (рис. 5, *3*), сильно сработанный ретушер из массивного отщепа халцедона, два обломка шлифованных ножей (рис. 5, *7*), две ретушированные широкие пластины из светло-серой яшмы (рис. 5, *1*, *2*), два обломка ножей из плиток серого кварцита (рис. 5, *12*) и два ножа на отщепах. Один нож изготовлен из халцедона, второй — из черного слоистого сланца. Кроме этого, в коллекции имеются несколько отщепов с краевой ретушью, плитка серого кварцита, обломки шлифованных рубящих орудий, шлифовальные плитки и отщепы. По набору орудий и по сырью (халцедон, серый кварцит, черный сланец) комплекс выглядит достаточно однородным и не противоречит датировке его эпохой раннего металла.

В нижней части темно-серого песка залегала керамика неолитического времени. По орнаменту можно выделить керамику нескольких типов. Сосуды первого типа орнаментированы техникой отступающей палочки только в верхней своей части. Орнамент состоит либо из прямых или волнистых линий, выполненных отступающей палочкой, либо чередующихся прямоугольных зон, заполненных оттисками отступающей палочки (рис. 6, *8—11*; рис. 7, *1—6*, *15*, *20*, *23*). Некоторые венчики этих сосудов имеют выступающий с внешней стороны карнизик, также орнаментированный отступающей палочкой (рис. 7, *1—3*, *5*, *6*). По аналогии с другими памятниками данную керамику можно отнести к так называемому кошкинскому типу, недавно выделенному В. Т. Ковалевой [5]. Несколько особняком стоит классическая линейно-накольчатая керамика (рис. 7, *7—10*, *13*, *14*, *17*, *18*, *21*, *22*). Сосуды другого типа орнаментированы широкими прочерченными желобками, образующими ломаные линии (рис. 7, *25*, *26*, *29—31*). Имеются слабоорнаментированные сосуды с защипами по венчику, значительной профилировкой и выступающим ребром (рис. 7, *24*, *27*, *28*, *32*). Такая керамика имеет аналогии с керамикой так называемого боборыкинского типа [6]. И наконец, третий тип керамики представлен очень немногочисленными фрагментами остродонных сосудов, орнамент которых состоит из чередующихся горизонтальных поясов прочерченной палочкой волны и неглубоких наколов, выполненных наклонно поставленной палочкой (рис. 7, *11*, *19*, *16*). Керамика этого типа имеет в своем тесте большую примесь талька. Относится она к развитому или даже раннему этапу неолита [7, с. 80—85].

Кроме керамики в нижней части темно-серого песка обнаружено несколько десятков каменных изделий. Среди них ретушеры, шлифованный нож (рис. 5, *10*), обломки шлифованных орудий (рис. 5, *14*), шлифовальные плитки, массивные ножевидные пластины с ретушью (рис. 5, *9*, *18*), рыболовные грузила, скребки на отщепах (рис. 5, *15*, *19*, *20*), заготовки наконечников стрел из молочного кварца, листовидные наконечники стрел (рис. 5, *13*, *16*), комбинированное изделие лощило-ретушер, шлифованные топоры из туфопорфирита (рис. 5, *11*), отщепы.

В этом же слое встречены немногочисленные кости с оббивкой, со следами порезов, с пришлифовкой, костяные отщепы. Из изделий нужно отметить костяной нож длиной 13,5 см. Он изготовлен из расколотой вдоль трубчатой кости путем подшлифовки острия с двух сторон. Имеется также подпятник из центральной заплюсной кости лося и фрагмент рогового изделия.

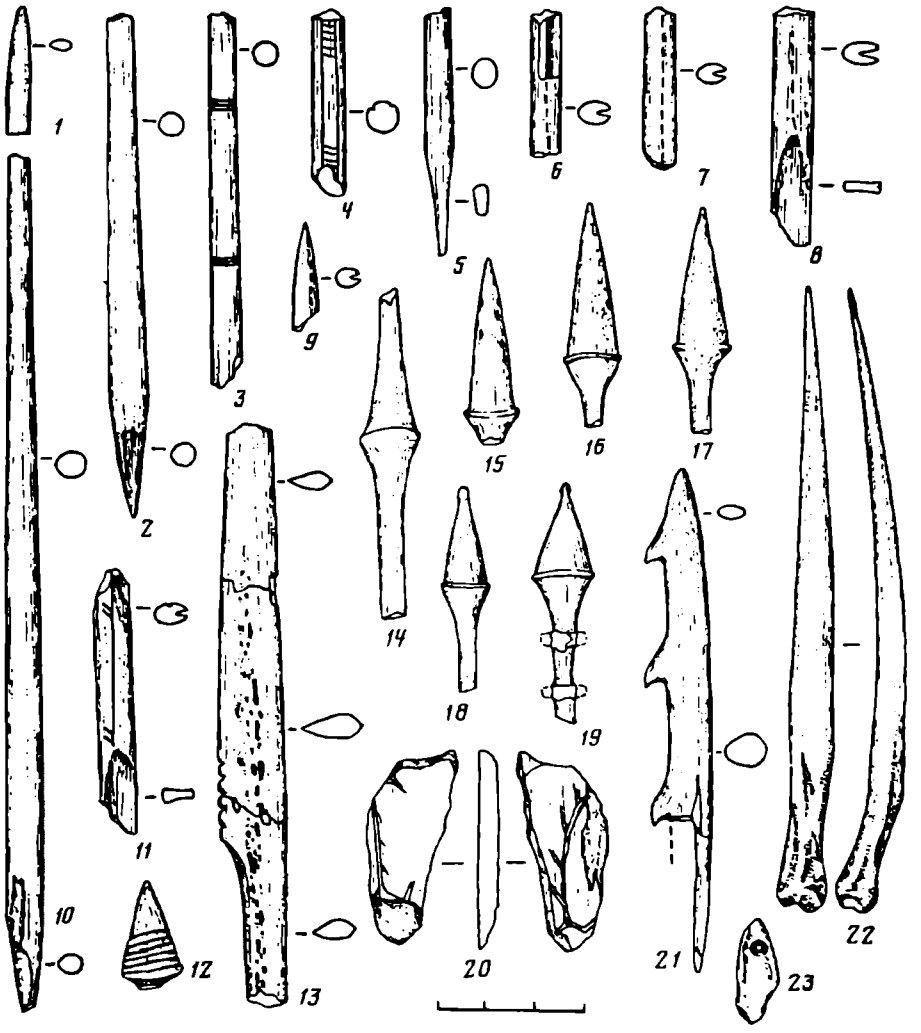


Рис. 8. Костяные изделия эпохи мезолита

В самом основании темно-серого песка зафиксирован незначительный мезолитический комплекс. К нему относятся три нуклеуса и несколько десятков микропластинок и изделий из них.

На контакте темно-серого и лежащего ниже светло-серого песка также обнаружены костяные изделия. Среди них заготовки ножей (рис. 4, *3*), рукоятки для каких-то орудий (рис. 4, *6*, *7*), острие, два наконечника стрелы (рис. 4, *9*, *13*) и обломки различных изделий. Особо следует отметить находку скульптурного изображения головы лося (рис. 3, *8*). Она изготовлена из естественной пяточной кости лося, которая сама по себе имеет большое сходство с мордой животного, путем незначительной подработки поверхности. Комплекс костяных изделий из контактного слоя датировать затруднительно, поэтому предварительно мы его относим к эпохе неолита.

Ниже темно-серого песка залегает песок светло-серый. Но стратиграфия в раскопе 1981 г. оказалась сложнее, чем она была выявлена предыдущими раскопками. В прибрежной (восточной) части раскопа под темно-серым песком залегал светлый крупнозернистый песок с большой примесью гальки (в дальнейшем этот слой будет называться галечником). В приозерной (западной) части раскопа под темно-серым песком находился светло-серый песок без примеси гальки. Эти два слоя планиграфически разделялись полосой темно-серого песка шириной 120—130 см, которая пересекала раскоп в направлении с юго-юго-запада на северо-северо-восток (кв. 27—80). От слоя торфа эта полоса темно-серого песка врезается в нижележащий слой до глубины 60—80 см.

При этом в северной части раскопа она заканчивается на глубине 60 см, а в южной доходит до 80—85 см. Следует отметить, что светлый песок, более крупный около этой полосы, по мере удаления от нее (т. е. дальше в озеро, или на запад) заметно мельчает. В верхней части светло-серого песка неоднократно встречались разводы и пятна темно-серого песка. Светло-серый песок прорезается тремя заметными прослойками погребенного торфа, который очень тонкой прослойкой налегает прямо на галечник. Дальше в озеро он увеличивает свою мощность и в западной стенке имеет толщину до 20 см. Этот погребенный торф сильно насыщен очень мелким светло-серым песком. Иногда в нем можно проследить чередующиеся прослойки светло-серого песка толщиной всего 1—2—3 мм. Из двух наиболее мощных прослоек погребенного торфа взяты образцы на радиоуглеродный анализ.

В полосе темно-серого песка обнаружены находки неолитического и мезолитического времени. В ней находились два нуклеуса, скребок, обломки шлифовальных плиток и шлифованных рубящих орудий, несколько костей животных со следами обработки, обработанные резцы бобра, костяной стерженек от наконечника стрелы, обломок пера вкладышевого изделия. Здесь обнаружено также несколько десятков фрагментов керамики с неолитическим орнаментом и без орнамента, микропластинки и отщепы. После снятия темной полосы осталось пятно темно-серого песка диаметром ~80 см, которое, уменьшаясь в размерах, продолжалось до глубины 110 см. В пятне встречено большое количество древесины, кости животных, отдельные каменные и костяные изделия. На глубине 100 см найден венчик с неолитическим орнаментом. Древесина этого пятна взята на радиоуглеродный анализ.

В светло-сером песке залегали костяные и каменные изделия мезолитического времени, а также неолитическая керамика кошкинского типа. Находок в западной части раскопа в светло-сером песке заметное количество, но несравненно меньше, чем в восточной части раскопа в слое галечника.

В погребенном торфе находок было очень мало. В нем найдены два венчика и четыре стенки с неолитическим орнаментом, две стенки без орнамента, около десятка микропластинок, обломок шлифованного орудия, нуклевидный кусок кремня, обломок шлифовальной плитки, кусок обожженной глины, отщеп, пять костей со следами обработки, резец бобра, переделанный в острие, костяной стерженек и три обломка игловидного наконечника стрелы (рис. 8, *1*, *10*). Один из обломков залегал на прослойке погребенного торфа, второй находился в ней, а третий — под прослойкой торфа (два обломка удалось склеить).

Основная часть находок залегала в восточной части раскопа в слое галечника, в котором обнаружены, однако, только костяные и каменные изделия мезолитической эпохи. Ни одного фрагмента керамики в галечнике не встречено. Всего в слое галечника найдено около 1000 каменных (804 экз.) и костяных (186 экз.) изделий, не считая костей животных и костей со следами обработки.

Нуклеусы стоянки представлены торцовыми — 32 экз., коническими — 3 экз. и призматическим (рис. 9, *1—6*, *8—12*). Среди торцовых нуклеусов имеются односторонние одноплощадочные — 13 экз., двусторонние одноплощадочные — 2 экз. и двуплощадочные — 2 экз., двусторонние смежные одноплощадочные — 8 экз. и двуплощадочные — 3 экз., трехсторонние одноплощадочные — 4 экз. Все нуклеусы изготовлены из кремнистых сланцев, только один — из сургучной яшмы неважного качества. Два нуклеуса изготовлены на некрупных отщепах. Высота нуклеусов колеблется от 1,5 до 8,9 см. Девять нуклеусов (25%) имеют высоту до 2 см, 31 (86,11%) — до 3 см, только три нуклеуса имеют высоту свыше 3,5 см, а свыше 5 см — один. Самый крупный нуклеус служил еще и отбойником.

Пластинки стоянки достаточно микролитоидны. 68,56% пластинок имеют ширину до 0,8 см, 90,47% — до 1 см. Преобладают пластинки шириной 0,6—0,8 см — 54,37% (0,6 см — 16,84%, 0,7 см — 19,07%, 0,8 см — 18,46%). 364 пла-

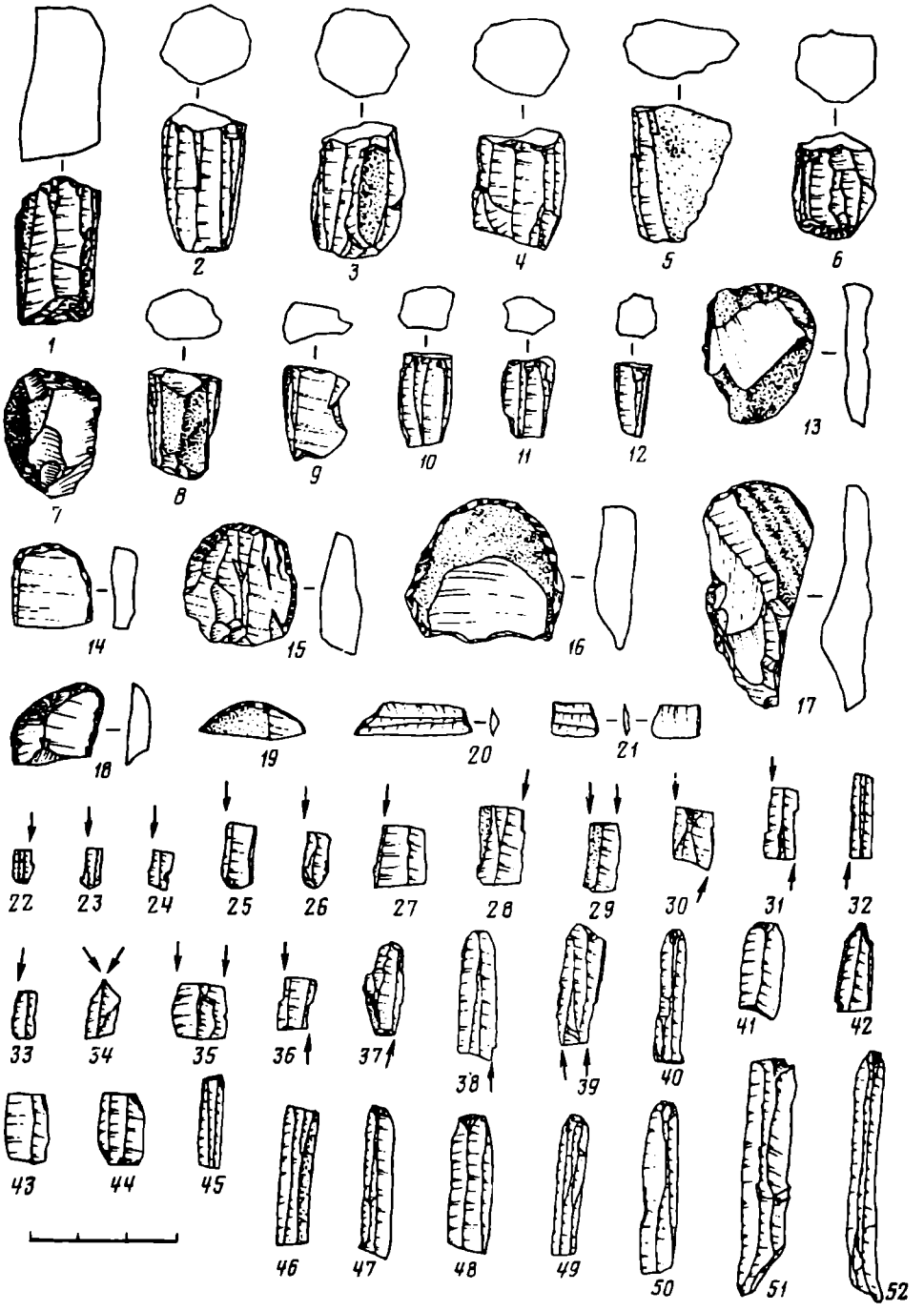


Рис. 9. Каменные изделия эпохи мезолита

стинки не имеют ретуши (рис. 9, *46—52*). Они в основном правильного гранения. Изготовлены из кремнистых сланцев, халцедона и светлой яшмы.

Только 49 пластинок (9,94%) имеют вторичную обработку в виде краевой ретуши. Все пластинки с ретушью со спинки (6 экз.) имеют частично отретушированный край. Одна из них изготовлена из светло-серой яшмы. Из пластинок с ретушью с брюшка (5 экз.) две имеют край, отретушированный по всей длине. Пластинки с обработанным ретушью концом подразделяются на пластинки с притупленным концом (4 экз.), со скошенным концом (1 экз.) и вогнуто-отретушированным концом (2 экз.) (рис. 9, *40*, *41*). Во всех случаях концы обработаны ретушью со стороны спинки. У четырех пластинок на краях имеются отретушированные выемки. Только в одном случае выемка образована ретушью со стороны брюшка.

Все резцы (43 экз.), кроме одного, изготовлены на углу сломанной пластинки (рис. 9, *22—33*, *35—39*). Среди них девять двойных и два тройных резца. Четыре резца имеют микрорезцовый скол длиной до 2 мм. Семь резцов изготовлено из светло-серой яшмы, остальные — из кремнистых сланцев. В коллекции имеется один угловой срединный резец (рис. 9, *34*). Четыре резца скомбинированы с резчиками.

Резчики представлены 11 одинарными и пятью двойными (рис. 9, *43—45*). Они имеют прямой, скошенный или клювовидный рабочий край. Преобладают резчики с клювовидным рабочим краем. В 14 случаях рабочие края резчиков обработаны ретушью со стороны спинки. Один резчик изготовлен из светло-серой яшмы.

Острий в коллекции всего три. Одно из них скошенное, кончик его отломан. Второе острие игловидное, а третье — с намеченными плечиками (рис. 9, *42*). Изготовлено оно из светло-серой яшмы.

Из 21 скребка только четыре изготовлены на пластинах. Все они выполнены из светло-серой яшмы. Их лезвия оформлены крутой ретушью. Ширина пластин, из которых изготовлены скребки, равна 1,7 см (2 экз.) и 1,8 см (тоже 2 экз.). Все скребки, за исключением одного, изготовлены на коротких пластинах. Один скребок изготовлен на пластине длиной 5,9 см. У одного скребка рабочее лезвие сильно скошено (рис. 9, *18*). Все остальные скребки изготовлены на отщепах (рис. 9, *7*, *13—17*, *19*). Рабочие лезвия у всех оформлены крутой, иногда перпендикулярной ретушью. Некоторые скребки имеют нуклевидный характер.

В коллекции также имеются отщепы с краевой ретушью (4 экз.), довольно массивный скребок-ретушер, изготовленный из светло-серой яшмы, семь отбойников из кварцевых галек, восемь фрагментов расщепленной гальки и семь рыболовных грузил. Размеры грузил разные. Имеются грузила размером 3,5 × ×4,5 см, есть грузила размером 6 × 8 см, но в основном их размеры больше: 10 × 11, 11 × 12, 9 × 13, 10 × 14 см. На каждом грузиле с двух противоположных краев выбиты выемки для привязывания. Все они изготовлены из плиток гранодиорита (биотитового гранита). Два грузила изготовлены из массивных кусков гранодиорита. Их вес достигает 1,5—2 кг. Если все грузила служили для привязывания к сетям, то два последних могли служить якорями для легких лодок.

Присутствуют в комплексе и шлифованные орудия: 26 обломков шлифованных рубящих орудий, 11 шлифовальных плит и целое рубящее орудие. Оно представляет собой небольшое изделие в виде топорика размерами 4,4 × 2,8 × 0,7 см. Профиль орудия симметричный. Изготовлено оно из зеленоватого туфопорфирита.

Наиболее интересными каменными изделиями мезолитического комплекса стоянки являются геометрические микролиты — трапеции. Их в коллекции 4 экз. Все они изготовлены из узких ножевидных пластинок (ширина одной трапеции — 0,3 см и трех — 0,7 см). Длина трапеций соответственно равна 1,1; 1.0; 1,8 и 2,4 см. Трапеция, изготовленная на самой узкой пластинке, является симметричной. Боковые края ее обработаны мелкой крутой ретушью со стороны спинки. Самая короткая трапеция слегка асимметрична (рис. 9, *21*). Один край ее обработан ретушью со спинки, второй — ретушью с брюшка. Эта же трапеция использовалась в качестве резчика. Две последние трапеции асимметричные. Обе они обработаны ретушью со стороны спинки. Одна из них имеет слабовогнутые боковые края (рис. 9, *20*). Все трапеции изготовлены из местных пород камня — кремнистых сланцев.

Кокшаровско-Юрьинская стоянка является пока единственной в Среднем Зауралье, раскопки которой дали значительный комплекс костяных мезолитических орудий.

Прежде всего, на стоянке хорошо представлены наконечники стрел. Пока выделяются три типа костяных наконечников: биконические, игловидные и вкладышевые. Все они представлены обломками. Биконические наконечники (9 экз.) на головках всегда имеют разделительный поясок (рис. 8, *14—19*). У двух наконечников острие пера выполнено в виде небольшой шишечки (рис. 8, *18*,

19). У одного из них под биконической головкой присутствуют два «воротничка». Головка одного наконечника орнаментирована круговыми резными линиями (рис. 8, *12*). Этот наконечник в отличие от других изготовлен из рога. Все остальные наконечники изготовлены из расколотых вдоль крупных костей животных. Целых игловидных наконечников в коллекции всего 1 экз. Он склеен из трех фрагментов. Наконечник имеет круглое сечение, слегка уплощенное перо и конический насад (рис. 8, *1*, *10*). Длина наконечника 22,6 см. С некоторой долей условности к игловидным наконечникам отнесены костяные стерженьки, насады и острия во фрагментах. Острия (7 экз.) представлены двумя вариантами: конические (3 экз.) и слегка уплощенные (4 экз.). Насадов в коллекции 7 экз., пять из них уплощены на две грани (рис. 8, *5*), а у двух насад выполнен в виде заостренного карандаша (рис. 8, *2*). В коллекции присутствуют 34 стерженька от игловидных или биконических наконечников. Они имеют круглое или овальное сечение. Диаметр стерженьков колеблется от 0,5 до 1 см. Преобладают стерженьки диаметром 0,6—0,8 см. Два стерженька имеют орнамент. На одном стержне он представлен двумя группами круговых линий (рис. 8, *3*). Другой орнаментирован двумя прямыми линиями и двумя группами коротких насечек (по четыре в каждой группе) (рис. 8, *4*). Вкладышевые наконечники представлены фрагментированными обломками. Среди фрагментов пять уплощенных на две грани насадов (рис. 8, *8*) и шесть обломков оправ (рис. 8, *6*, *7*). Все они имеют овальное сечение. Глубина паза составляет 0,3—0,4 см. Один фрагмент является острием наконечника (рис. 8, *9*). Глубина паза у него всего 1,5 мм. Один наконечник орнаментирован с двух сторон резными прямыми линиями, которые разбиваются группами парных косых насечек (рис. 8, *11*).

Представительной серией орудий являются костяные ножи также нескольких типов. Один из типов — ножи из расколотых вдоль костей животных — 4 экз. Обычно они оббивались для придания необходимой формы. Иногда оббивкой оформлялась рукоятка. Длина ножей (по почти полностью сохранившемуся экземпляру) достигала 22 см. Одним из вариантов этого типа были ножи из расколотых вдоль костей, но не с оббивкой, а с пришлифовкой — 3 экз. Пришлифовка острия придавала изделию форму кинжала (рис. 4, *10*). Пришлифовка производилась как с одной стороны, так и с двух. Длина таких ножей достигала 20 см и более. Другим типом ножей являются ножи с фаской — 11 экз. Они изготовлены из различных костей животных. Различны и их размеры. Преобладают ножи длиной 8—12 см. Отдельные экземпляры ножей достигают длины 28 см. В один тип их объединяет то, что лезвия всех ножей имеют одностороннюю заточку в виде фаски (рис. 4, *11*, *12*, *16*). Присутствуют в коллекции и фрагменты кинжалов — 4 экз. Они тщательно выделаны, отполированы, имеют двухстороннюю заточку острия (рис. 3, *8*). На одной заготовке такого кинжала в 1,5 см от кончика острия прорезан паз. Имеется и рукоятка вкладышевого кинжала. Длина сохранившейся части 13,2 см. Она овальная в сечении, тщательно отполирована. Сбоку, в 9 см от конца рукоятки, прорезан паз. Он ограничен поперечной насечкой. Рукоятка орнаментирована короткими насечками (рис. 4, *15*). К ножам можно отнести три рукоятки из стесанных до середины трубчатых костей животных. Одна из рукояток также орнаментирована короткими насечками.

Из других костяных изделий нужно отметить шилья, игольники, мотыгообразные орудия, стамеску, рыболовное грузило.

Шилья представлены несколькими типами. Два шила изготовлены из грифельных костей лося путем заострения кончика (рис. 8, *22*). Их длина 8,8 и 9,4 см. Одно шило изготовлено, возможно, из ребра. Оно тщательно отполировано по всей длине, которая достигает 14,4 см. Четыре шилообразных изделия также изготовлены из ребер. Их поверхность хорошо обработана и отполирована. В нижней части изделий имеются цапфообразные выступы. Длина двух целых изделий 9,1 см. В коллекции есть еще одно шило Оно выполнено из тонкой расколотой кости. Шило очень миниатюрно, его длина всего 3,1 см. У этого

шила несколькими срезами заострен только кончик, остальная поверхность не обработана.

Мотыгообразные орудия (3 экз.) имеют форму лопаты. Их рабочие концы заточены только с одной стороны. Два орудия изготовлены из рога, одно — из кости. Ширина изделий достигала 8 см.

Стамеска изготовлена из тонкой кости. Она имеет пришлифованное лезвие, остальная поверхность не обработана.

Из перерезанных крупных костей птиц сделаны два игольника. Почти целый игольник имеет длину до 5,5 см, диаметр входного отверстия 1,8 см. На нем сохранились следы разметки в виде коротких насечек по периметру кости.

Рыболовное грузило изготовлено из крупного сустава лося. По бокам сустава с противоположных сторон сделаны зарубки для привязывания.

Гарпун в коллекции представлен единственным экземпляром. Изготовлен он из расколотой вдоль кости, тщательно отполирован, имеет три редкопоставленных зубца и уплощенный с двух сторон насад (рис. 8, *21*). Длина его 11,2 см.

Имеется в коллекции наконечник стрелы индивидуального типа длиной 13 см (верхний и нижний его концы обломаны). Наконечник уплощен на две грани, имеет линзовидное сечение и боковую выемку у насада. Перед выемкой находятся пять мелких зубчиков. На противоположной стороне нанесены три группы насечек (рис. 8, *13*).

Пришлифованных с двух сторон костяных пластинок в коллекции 4 экз. Одна из них выполнена в виде круга диаметром 2,3 см. На другой пластинке с двух сторон нанесен сотовидный (?) орнамент (рис. 8, *20*).

Несколько десятков изделий из кости и рога либо сильно фрагментированы, либо неясного назначения. Среди них четыре расчлененных вдоль резца бобра, два из них к тому же заострены; три подпятника для сверления или добывания огня, изготовленные из центральных заплюсных костей лося.

Из украшений найден только зуб волка. Он был расчленен вдоль и просверлен с внутренней стороны (рис. 8, *23*). К украшениям можно отнести и нижнюю челюсть бобра с пробитым отверстием (рис. 4, *14*).

Кроме законченных или сломанных изделий в коллекции стоянки имеются десятки костей со следами обработки. Среди них кости с оббивкой, с поперечным или продольным членением, с пришлифовкой, со следами резания, строгания, скобления, рубки. Все вместе это говорит о больших масштабах использования кости в эпоху мезолита.

Есть и изделия из дерева. Это многочисленные обломки древков стрел, два заостренных колышка (возможно, фрагменты дротиков) и поплавок из сосновой коры. Поплавок имеет овальную форму, длина сохранившейся части 8,2, ширина 3,5 см. В верхней части поплавка проделано отверстие диаметром 0,5 см.

Подводя предварительные итоги раскопкам Кокшаровско-Юрьинской стоянки, необходимо отметить следующие моменты. В торфе содержатся культурные остатки двух эпох. Над пограничным горизонтом на глубине 50—70 см залегают материалы раннего железного века. Немного ниже, на глубине 80—100 см, но уже в пограничном горизонте и под ним, залегают культурные остатки позднебронзового века. По дереву этот слой датируется 3860 ± 40 лет назад (ЛЕ-2056), а по торфу — 3280 ± 40 лет (ЛЕ-2059). Эти данные согласуются с материалами VI разреза Горбуновского торфяника, где слой развитой или поздней бронзы также связан с пограничным горизонтом торфяника и датируется II тыс. до н. э. [8]. В верхней части темно-серого песка содержатся материалы раннебронзового века. Керамика этого периода в основном представлена скоплениями и развалами сосудов, что свидетельствует о слабой перемешанности слоя. Основная часть находок из темно-серого песка относится к неолиту. Преобладает керамика кошкинского типа, в небольшом количестве присутствует керамика боборыкинского типа. Совместное залегание керамики обоих типов позволяет выдвинуть предположение, что на определенном этапе своего развития эти два типа керамики

сосуществовали. Более ранняя неолитическая керамика встречена пока единичными фрагментами. В самом основании темно-серого песка зафиксирована незначительная примесь мезолита. В целом комплекс находок из темно-серого песка полностью соответствует комплексу находок на коренном берегу. По всей видимости, формирование черного иловатого слоя на берегу происходило одновременно с накоплением темно-серого песка в прибрежной части торфяника. Раскопки показали, что непотревоженный мезолитический слой залегает только в галечнике в прибрежной части раскопа. Здесь не найдено ни одного фрагмента керамики. В мелком светло-сером песке, находящемся в приозерной части раскопа, залегает и мезолитический слой с каменными и костяными изделиями, и неолитический комплекс с керамикой кошкинского типа. Смешение этих двух комплексов связано, возможно, с тем, что в более позднее время вода в озере стояла на уровне темно-серого песка и этот слой разрушался прибойной волной. Видимо, полоса темно-серого песка, пересекающая раскоп, и является границей прибойной зоны. При этом происходило вмывание находок верхнего горизонта в нижний. Следует отметить, что размывание слоя темно-серого песка происходило, вероятнее всего, в эпоху неолита, так как материалов раннебронзового века в нижележащем светло-сером песке не обнаружено. После кратковременного размыва темно-серый песок продолжал накапливаться. Об этом свидетельствуют находки в нем культурных остатков периода ранней бронзы. Имеются и другие факты, которые косвенно подтверждают предположение о размывании темно-серого песка. Так, фрагмент неолитической керамики (7905/394), найденный в слое темно-серого песка, подклеился к двум другим фрагментам керамики (7905/845 и 7905/851), найденным значительно ниже в полосе темно-серого песка. На кв. 29 в слое светло-серого песка найден фрагмент неолитической керамики, орнаментированный с двух сторон. Он склеился с таким же фрагментом керамики, найденном на кв. 80, но в слое темно-серого песка (рис. 3, *10*). Период размыва, видимо, фиксируется двумя датами погребенного торфа. Торф с глубины 200—210 см датируется 5190 ± 60 лет назад (ЛЕ-2057), торф с глубины 180—190 см — 4210 ± 40 лет назад (ЛЕ-2058). Тот факт, что погребенный торф пронизан прослойками мелкого песка, может свидетельствовать о периодичных подъемах и понижениях воды в озере. Анализ дерева из пятна, оставшегося после снятия темно-серой полосы (см. выше), дал дату 6470 ± 80 лет назад (ЛЕ-2060). Учитывая, что в этом пятне найдены неолитический венчик, а также костяные и каменные изделия эпохи мезолита, можно полагать, что данная дата фиксирует конец мезолита — начало неолита. К сожалению, даты кости из чистого мезолитического слоя пока отсутствуют.

Одним из главных результатов раскопок Кокшаровско-Юрьинской стоянки можно считать выявление широко развитой костяной индустрии мезолитической эпохи. Стратифицированный комплекс костяных изделий мезолитического времени, залегающих совместно с каменными, дает возможность в будущем аргументированно разобраться в богатейшей коллекции костяных изделий Шигирского торфяника, которая была получена на рубеже нашего века в процессе золотоискательских работ и поэтому не имеет паспортных данных [9].

Важным итогом работ на Кокшаровском торфянике можно считать получение значительной коллекции костей животных, птиц и рыб. В слое поздней бронзы обнаружены кости лося, северного оленя, волка и птиц. В темно-сером песке (неолит и ранняя бронза) найдены кости лося, северного оленя, бобра, волка, бурого медведя, черного хоря, барсука, птиц и рыб. В мезолитическом слое зафиксированы кости лося, северного оленя, бобра, барсука, волка, бурого медведя, куницы, черного хоря, птиц и рыб. Как и в вышележащем неолитическом слое, преобладают кости лося и бобра. Большой интерес представляет находка в мезолитическом слое костей домашней собаки (восемь костей от двух особей) [10].

Дальнейшие комплексные исследования Кокшаровско-Юрьинской стоянки, несомненно, откроют много нового и интересного.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Сериков Ю. Б.* Работы Нижнетагильского отряда//АО — 1979. М., 1980.
2. *Сериков Ю. Б.* Исследования Кокшаровского торфяника//АО — 1980. М., 1981.
3. *Сериков Ю. Б.* Методика поиска и исследования торфяниковых стоянок (по материалам торфяников Среднего Зауралья)//Полевая археология мезолита — неолита. Л., 1990.
4. *Сериков Ю. Б.* Каменные орудия эпохи бронзы на стоянках лесного Зауралья//Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976.
5. *Ковалева В. Т.* О схемах развития неолита лесного Зауралья//ВАУ. 1981. Вып. 15.
6. *Ковалева В. Т., Варанкин Н. В.* К вопросу о происхождении боборыкинской культуры//Вопросы археологии Приобья. Тюмень, 1976.
7. *Старков В. Ф.* Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980.
8. *Старков В. Ф.* К вопросу о периодизации зауральского неолита//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
9. *Толмачев В. Я.* Древности Восточного Урала//ЗУОЛЕ. 1914. Т. XXXIV. Вып. 8.
10. *Сериков Ю. Б., Кузьмина И. Е.* Мезолитическая Кокшаровско-Юрьинская стоянка в Среднем Зауралье//Млекопитающие Северной Евразии в четвертичном периоде. Тр. ЗИН. 1985. Т. 131.

Нижнетагильский государственный
педагогический институт

Yu. B. SERIKOV

KOKSHAROVSKO-YURINSKAYA PEAT CAMP IN THE MIDDLE TRANS-URALS

Summary

Koksharovsko-Yurinskaya peat camp was excavated in 1979—1981. It is situated on the bank of Koksharovski peat. In the centre of peat is Yurievskoye lake. The camp has a complicated stratigraphy. The remains of Early Iron and Late Bronze epochs were deposited in peat above and under of border layer. The materials of Early Bronze, Eneolithic, Neolithic and Mesolithic epochs are located under peat in dark-grew sandy layer. The finds of Neolithic Age are prevailed. The materials of Mesolithic epoch are located lower in shingly layer. The thickness of Mesolithic layer is about 1 m. Subsoil is dark blue swampy clay (fig. 2). The discovery of developed bone industry of Mesolithic epoch is one of the main results of excavations. The stratificational complex of bone and stone Mesolithic wares was discovered for the first time in the Middle Trans-Urals. The primitive art ware were also discovered. The great bulk of bones of birds, waders, fishes, mammals were excavated. For the first time in Urals the bones of domesticated dog were found.

Ф. Х. БАХТЕЕВ, Г. Н. ЛИСИЦЫНА, З. В. ЯНУШЕВИЧ

ИСКОПАЕМЫЕ ОСТАТКИ КУЛЬТУРНЫХ РАСТЕНИЙ ИЗ ЯРЫМ-ТЕПЕ III В СЕВЕРНОМ ИРАКЕ

Исследованный нами материал добыт советской археологической экспедицией под руководством Р. М. Мунчаева в Северном Ираке.

Комплекс Ярым-Тепе III датируется V тыс. до н. э. Ранее Ф. Х. Бахтеевым и З. В. Янушевич был проанализирован обугленный растительный материал, относящийся к слоям Ярым-Тепе I (VI тыс. до н. э.) и Ярым-Тепе II (V тыс. до н. э.) [1; 2].

Переданные нам для исследования образцы состоят из зерновок злаков и семян бобовых. Имеются колосовые остатки злаков. Видовой и количественный состав зерен и семян культурных растений в различных образцах представлен в табл. 1. Основным компонентом большинства находок оказался ячмень. Ему принадлежит первое место и по числу нахождений. Исключение представляют образцы 10 и 10в, которые почти целиком состоят из большого числа зерновок пшеницы.

Ячмень в массе представлен пленчатыми формами. Зерновки голозерных форм составляют незначительную примесь.

Пленчатые зерновки имеют овальную форму, по размеру средние, иногда бывают крупные (рис. 1, *1—3*; табл. 2), встречаются также зерновки с явными признаками асимметрии (рис. 1, *1б, 2а, 3б*). Последнее свидетельствует о наличии в популяции многорядных форм. Однако симметричных зерновок — срединных в триплетах многорядного и двухрядного ячменя — в находках больше, чем асимметричных, являющихся боковыми в триплетах многорядных ячменей. Это обстоятельство свидетельствует о наличии в популяциях и двурядных форм. При наличии в популяциях только многорядных форм соотношение симметричных и асимметричных, зерновок было бы обратным, т. е. число асимметричных было бы больше, чем симметричных.

Зерновки голозерных ячменей несколько мельче, чем зерновки пленчатых (табл. 3). Среди них имеются также асимметричные (рис. 1, *2в*) и симметричные (рис. 1, *2г*), кроме того, они короткие (табл. 3). Эти признаки говорят о принадлежности найденных зерновок к многорядным формам голозерного ячменя Hordeum vulgare v. coeleste.

Среди пленчатых зерновок обнаружены формы, имеющие удлиненное основание (рис. 1, *3а, в*), что характерно для боковых зерновок ископаемого бутылковидного ячменя Hordeum lagunculiforme Bacht. По-видимому, боковые колоски этого вида были снабжены плодоножками, наподобие боковых колосков современного Hordeum spontaneum C. Koch em. Bacht. v. lagunculiforme (рис. 1, *4*). Зерновки у таких колосков также имеют вытянутое удлиненное основание за счет удлиненной вытянутой формы зародыша (рис. 1, *5а*), центральные же зерновки (срединные в триплетах) имеют обычное широкое основание (рис. 1, *5б*). Следует сразу же оговорить и показать на рисунке, что ломкоколосый Hordeum agriocrithon Åberg., который некоторые авторы ошибочно отождествляют с предком культурного многорядного ячменя, по строению колосков в триплетах,

© Ф. Х. Бахтеев, Г. Н. Лисицына, З. В. Янушевич, 1992 г.

Таблица 1

Видовой и количественный состав культурных растений из Ярым-Тепе III

№ образца	Пшеница			Ячмень		Бобовые			Неопределенные злаки
	двузернянка	спельта	голозерная	пленчатый	голозерный	вика	чечевица	чина	
1–2(32)	–	–	–	8	6	–	–	–	17
2а	5	1	–	65	–	–	–	–	26
3а	–	–	–	1	–	–	–	–	5
3в	–	–	–	10	–	–	–	–	3
5а	2	1 (колосок)	–	3	–	–	–	–	–
5в	–	–	–	25	–	7	–	–	8
5е	11	7	1	–	–	–	–	–	–
6а	–	–	–	–	–	13	–	–	–
7в	–	–	–	27	–	–	–	–	5
8в	–	–	–	4 *	2	–	–	–	–
10	863	712 **	–	265	–	–	2	–	1438
10б	8 (вилочки)	–	–	–	–	–	–	–	–
10в	81	55 **	–	34	2	–	–	–	72
11	11 (вилочки)	–	–	–	–	–	–	–	–
12а	–	4 (колоски)	–	–	–	–	–	–	2
12к	–	–	–	–	–	10	1	3	2
13	–	–	–	–	–	135	–	–	–
Очажная яма	6	20	–	21	–	–	–	–	Много

*Возможно, голозерные.
**Имеется еще 1010 зерновок промежуточного типа: двузернянка/спельта.
***Имеется еще 88 зерновок типа двузернянка/спельта.

Таблица 2

Размеры зерновок пленчатого ячменя из поселения Ярым-Тепе III

№ образца	Размеры, мм			Индексы			
	длина L	ширина B	толщина T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
1–2(32)	6,01	2,99	2,40	1,01	49,7	39,9	80,3
2а	6,65	3,55	2,35	1,87	53,4	35,3	66,2
10в	6,48	3,43	2,51	1,89	52,9	38,7	73,2
7в	6,50	3,00	2,40	2,17	46,1	36,9	80,0
5в	7,00	3,40	2,50	2,06	48,6	35,7	73,5
11	6,44	3,42	2,18	1,88	53,1	33,8	63,7

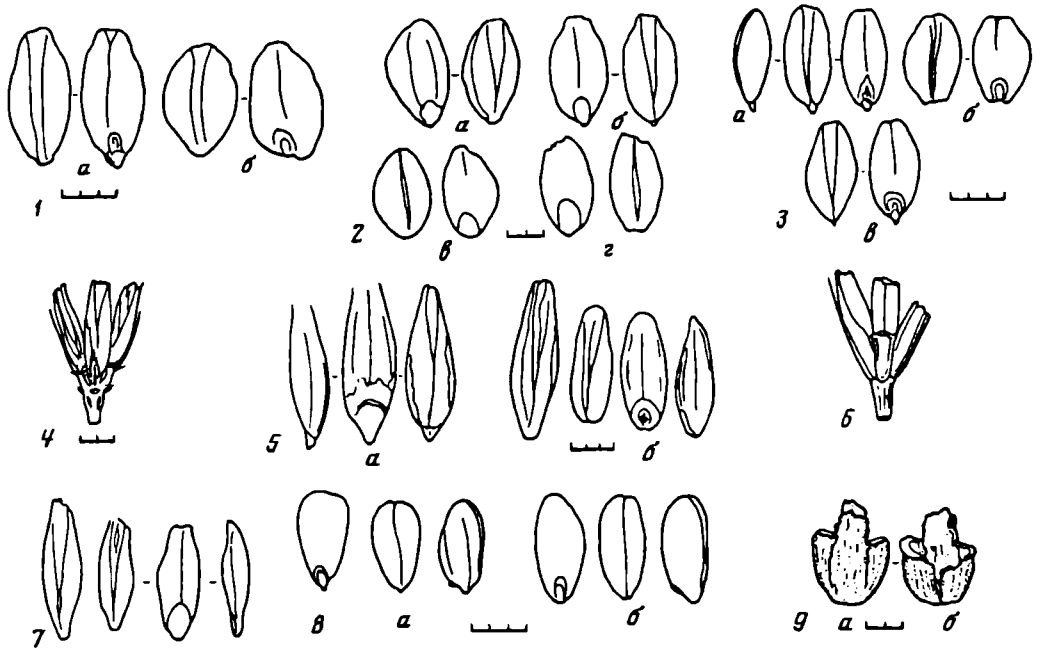


Рис. 1. Культурные растения из Ярым-Тепе III. *1* — зерновки пленчатого ячменя (*а* — симметричная, *б* — асимметричная); *2* — зерновки ячменя (*а* — пленчатая асимметричная, *б* — пленчатая симметричная, *в* — голозерная асимметричная, *г* — голозерная симметричная); *3* — зерновки ячменя (*а, в* — пленчатые с остатками плодоножек, *б* — пленчатая асимметричная); *4* — триплет современного Hordeum spontaneum v. lagunculiforme; зерновки современного Hordeum spontaneum v. lagunculiforme (*а* — из бокового колоска, вид сбоку, со спинной и брюшной сторон; *б* — из срединного колоска в чешуе и без чешуй, вид с брюшной, спинной и боковой сторон); *6* — триплет современного Hordeum agriocrithon Aberg; *7* — боковой колосок (зерновка) современного H. agriocrithon (вид с брюшной, спинной и боковой сторон); *8* — зерновки пшеницы из образца 10в (*а* — T. spelta, *б* — T. dicoccum); *9* — основание колоска спельты из образца 12а (*а* — вид с внутренней стороны, *б* — вид с наружной стороны)

а также форме основания зерновок ничего общего ни с ископаемым H. lagunculiforme Bacht., ни с современным H. spontaneum C. Koch em. Bacht. v. lagunculiforme не имеет. В этом наглядно можно убедиться, если сопоставить морфологию колосков и зерновок H. agriocrithon Åberg., показанную на рис. 1, *6* и *7*, с морфологией колосков и зерновок вышеуказанных видов (рис. 1, *3а, 4, 5*).

Однако определить в ископаемом материале видовую принадлежность зерновок ячменя с достаточной точностью и выразить количественное соотношение зерновок различных видов не представляется возможным, так как значительная часть их, в особенности основания (плодоножки), бывает разрушена, т. е. обломана. Можно лишь с уверенностью утверждать о наличии в материале с Ярым-Тепе III зерновок с признаками Hordeum lagunculiforme Bacht., т. е. форм с промежуточными признаками между дикорастущим и культурным многорядным ячменем.

Если сопоставить образцы ячменя, найденные в Ярым-Тепе III, с образцами ячменя из Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II, то вырисовывается определенная закономерность: видовой и даже разновидностный состав популяций ячменя на комплексе поселений однотипен на протяжении длительного периода — в VI и V тыс. до н. э. В слоях Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II также преобладает пленчатый ячмень, среди которого обнаружены зерновки, принадлежащие к многорядному Hordeum vulgare L., многорядному Hordeum lagunculiforme Bacht., двурядному Hordeum distichon и, возможно, к Hordeum spontaneum C. Koch.

Наличие зерновок с признаками H. lagunculiforme Bacht. в популяциях начиная с VI и на протяжении V тыс. до н. э. может свидетельствовать о процессе окультуривания и селекции дикорастущего H. spontaneum C. Koch em. Bacht., совершавшемся на месте. Причем в качестве исходного материала, по-видимому,

Таблица 3

Размеры зерновок голозерного ячменя из поселения Ярым-Тепе III

№ образца	Размеры, мм			Индексы			
	длина L	ширина B	толщина T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
1–2(32)	5,50	3,07	2,40	1,79	55,8	43,6	78,2
10в	5,75	3,30	2,40	1,74	57,4	41,7	72,7
8в	5,00	2,00	1,50	2,50	40,0	30,0	75,0

Таблица 4

Размеры зерновок ячменя из поселений комплекса Ярым-Тепе

№ комплекса	Вид, разновидность	Средние размеры, мм			Индексы			
		длина L	ширина B	толщина T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
I	Ячмень пленчатый многорядный	5,89	2,91	2,06	2,03	49,4	35,0	73,0
II	То же	5,77	3,00	2,31	1,92	52,0	38,0	73,0
III	»	6,51	3,30	2,39	1,98	50,6	36,7	73,0
I	Ячмень голозерный	4,80	3,19	2,06	1,52	66,9	44,2	65,4
II	То же	6,41	3,19	2,20	2,01	49,7	39,7	68,9
III	»	4,90	2,90	2,10	1,69	60,0	43,0	72,4
I	Ячмень бутылковидный	–	–	–	–	–	–	–
II	То же	6,20	3,10	2,20	2,00	50,0	35,5	71,0
III	»	6,15	3,00	2,20	2,07	48,8	35,8	73,3

были взяты популяции из естественных зарослей, несущие признаки не только двурядных, но и многорядных форм. Постепенно путем селекции отбирались и двухрядные и многорядные формы, но последним, вероятно, отдавалось предпочтение, о чем свидетельствует преобладание их в массе находок.

Особо стоят голозерные формы ячменя. Малочисленность их зерновок в находках говорит о том, что площади их посевов были незначительными. Возможно, найденные зерновки были лишь примесью в посевах пленчатых ячменей. Однако отбор и дифференциация голозерных ячменей совершались, доказательством чему служит наличие различных форм зерновок в находках на разных поселениях комплекса Ярым-Тепе. В материалах Ярым-Тепе I встречены очень мелкие круглозерные зерновки. В Ярым-Тепе II зерновки голозерного ячменя были уже иной формы — значительно более крупные и удлиненные. И наконец, в материалах Ярым-Тепе III найдены зерновки двух типов: средних размеров овальные (рис. 1, *2в, г*) и несколько более удлиненные.

Интересно сопоставить размеры зерновок ячменя и величины их индексов в находках из различных слоев Ярым-Тепе. Как это видно из табл. 4, размеры зерновок пленчатого ячменя изменились с возрастом поселений. В слоях Ярым-Тепе I (VI тыс. до н. э.) длина и ширина зерновок меньшая, чем в слоях Ярым-Тепе II и III (V тыс. до н. э.). Следовательно, зерновки на поселениях V тыс., судя по величине индекса L/B, стали крупнее и несколько более удлиненными, чем на поселении VI тыс. Произошли ли эти изменения за счет селекции или лучших условий выращивания, пока судить трудно. Зерновки бутылковидного

Таблица 5

Результаты промеров зерновок пшеницы из образцов 10 и 10в

Вид	№ образца	Размеры, мм				
		Длина L	Ширина B			толщина T
			в верхней части	посредине	у основания	
Двузернянка	10в	6,19	1,49	2,81	1,46	2,40
Спельта	10в	5,68	2,03	3,16	1,05	2,64
Двузернянка	10	5,96	1,44	2,89	1,45	2,07
Спельта	10	5,60	1,84	2,74	1,17	2,19

Таблица 6

Размеры зерновок пшеницы из поселения Ярым-Тепе III

Вид	№ образца	Размеры, мм			Индексы			
		длина L	ширина B	толщина T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
Двузернянка	2а	6,1'	3,06	2,5	1,99	50,2	41,0	81,7
Спельта	2а	6,0	3,0	2,5	2,00	50,0	41,7	83,3
Двузернянка	10в	6,19	2,81	2,40	2,20	45,4	38,8	85,4
Спельта	10в	5,68	3,16	2,64	1,80	55,6	46,5	83,5
Двузернянка	5е	7,0	3,0	2,2	2,33	42,8	31,4	73,3
Спельта	5е	6,0	3,5	2,6	1,71	58,3	43,3	74,3
Двузернянка	10	5,96	2,89	2,07	2,06	48,5	34,8	71,6
Спельта	10	5,60	2,74	2,19	2,01	49,0	39,1	79,9

ячменя по размерам и величине индексов в слоях Ярым-Тепе II и III одинаковы. Это объясняется тем, что они представляют собой материал более «молодой», т. е. не подвергавшийся длительному воздействию отбора, а возможно, что он каким-то образом поступал перманентно из естественных местообитаний.

Ячмень голозерный более значительно отличается по размерам в находках различных поселений, что, возможно, свидетельствует о начале применения селекции. Он является скорее продуктом отбора мутантов в условиях культуры.

Если сопоставить анализируемые находки из Ярым-Тепе III с предыдущими, т. е. находками из поселений Ярым-Тепе I и II, то напрашивается вывод о том, что ячмень продолжает оставаться основной сельскохозяйственной культурой на изучаемом комплексе памятников Северного Ирака.

Пшеница на поселении Ярым-Тепе III представлена двумя пленчатыми видами: двузернянкой (Triticum dicoccum Schrank) и спельтой (Triticum spelta L.). Голозерная пшеница обнаружена лишь в двух случаях в виде единичных зерен. Наиболее многочисленная находка пшеницы имеется в местонахождениях 10 и 10в. Зерновки обоих видов — двузернянки и спельты — были в смеси. Следует напомнить, что на поселении Ярым-Тепе II указанные виды найдены в отдельных помещениях в чистом виде, что говорит о возделывании их на этом поселении в чистых, т. е. одновидовых, посевах [2]. Возможно, что найденное зерно двух

Таблица 7

Размеры зерновок пшеницы из поселений комплекса Ярым-Тепе

№ комплекса	Вид	Средние размеры, мм			Индексы			
		длина L	ширина B	толщина T	L/B	$\frac{100 \cdot B}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{L}$	$\frac{100 \cdot T}{B}$
I	Двузернянка	5,09	2,22	2,77	2,28	43,7	43,7	100,1
II	»	5,79	2,85	2,10	2,01	49,9	36,8	74,1
III	»	6,43	2,95	2,37	2,17	46,1	37,1	80,0
I	Двузернянка/спельта	4,95	2,40	2,15	2,05	48,9	43,2	89,5
II	Спельта	5,74	2,94	2,41	1,95	51,2	42,1	82,1
III	»	5,89	3,22	2,58	1,84	54,6	43,8	80,4

видов возделывалось раздельно и на поселении Ярым-Тепе III, а его смешение могло произойти во время хранения. Это кажется тем более вероятным, что среди найденной смеси зерна пшеницы имеется значительная примесь ячменя (~15%). Ячмень же, как это показал анализ находок, в Ярым-Тепе II явно возделывался самостоятельно, т. е. в чистых посевах.

При исследовании ископаемого материала разделить двузернянку и спельту лишь по зерновкам, без наличия колосового материала весьма затруднительно. Мы разделили зерновки находок 10 и 10в на два вида по совокупности их морфологических признаков, о которых было сказано при анализе материала из Ярым-Тепе I и II [1]. Кроме того, в настоящее время мы для идентификации зерновок пшеницы воспользовались методикой Е. Хайналовой [3], которая выявила ряд новых корреляций в размерах и форме зерновок для обоих видов. Наиболее надежным признаком для разделения зерновок спельты и двузернянки, по Е. Хайналовой, является ширина верхушки и основания зерновок. У спельты верхушка зерновки значительно шире, чем у двузернянки, а основание уже (рис. 1, *8*). В табл. 5 приведены промеры, сделанные на выделенных из образцов 10 и 10в зерновках. Эти данные подтверждают указанную закономерность. Общие размеры зерновок — их длина, ширина, толщина, а также индексы — приведены в табл. 6.

Наличие спельты в Ярым-Тепе III подтверждается и нахождением ее колосовых остатков (табл. 1, № 5а и 12а). Колоски сохранили характерные для спельты морфологические признаки — приросшие к колоску с внутренней стороны колосовые стержни (рис. 1, *9*). Таким образом, появилось еще одно несомненное доказательство наличия культурной гексаплоидной пленчатой пшеницы — спельты в Северном Ираке на поселении V тыс. до н. э. На других памятниках Ближнего Востока спельта до сих пор не была обнаружена. Это давало повод многим исследователям полагать ее эндемом Центральной Европы. Находки спельты на комплексе памятников Ярым-Тепе подтвердили предположение, сделанное в свое время Н. И. Вавиловым, о переднеазиатском ее происхождении.

Что касается размеров зерновок пшеницы из разных поселений, то зерновки спельты и двузернянки Ярым-Тепе III крупнее, чем в двух других памятниках того же комплекса — Ярым-Тепе I и II. Они отличаются большей длиной (табл. 7). По-видимому, это изменение длины зерновок произошло за счет искусственного отбора, именно селекции растений на крупность колоса. Форма и размер зерновок — сопряженный признак с длиной и характером строения колоса. У более длинных рыхлосложенных колосьев зерновки более удлиненные, чем у плотноколосых и короткоколосых форм.

Пшеница и спельта, и двузернянка, совершенно очевидно являлась основным продуктом питания населения комплекса поселений Ярым-Тепе. Но для получения

зерна колоски их необходимо было предварительно обрушивать. Возможно, для более быстрого отделения зерна от чешуй колоски подсушивали на подах печей или на специальных жаровнях. Следующим процессом являлось обталкивание зерна. Оно производилось в специальных ступах, затем зерно отвеивали от чешуй и измельчали на зернотерках, получая муку или крупу, а возможно, и то и другое. В толосе 137, найденном в Ярым-Тепе III, находились обугленные остатки лепешки, приготовленной из пшеничной муки мелкого помола.

Зерно полбы-двузернянки и спельты богато белками, дает муку и крупу высокого качества. Таким образом, обнаруженная в Ярым-Тепе пшеница являлась высококалорийным и высокопитательным продуктом.

Значительный удельный вес посевов ячменей на поселениях комплекса Ярым-Тепе связан, по-видимому, с развитием животноводства [4]. Пленчатый ячмень служил в основном кормом для различных видов животных и хранился про запас. Голозерный же ячмень служил несомненно пищей для людей в виде каш. Он импонировал земледельцам тем, что не требовал затрат труда на обрушивание чешуй, как это было с пшеницами и пленчатым ячменем, если последний употребляли в пищу.

Впервые на поселении комплекса Ярым-Тепе обнаружены следы бобовых растений. Представлены они преимущественно одним видом — викой эрвилией (Vicia ervilia Willd). Возделывалась она в чистых посевах, судя по тому, что семена ее в двух местонахождениях находились без примесей других видов (образцы 6а и 13).

Зерно эрвилии употреблялось также, по-видимому, в пищу людей в вареном виде, а стебли ее могли использоваться на корм животным.

Эрвилия отличается неприхотливостью и коротким вегетационным периодом. Может давать два-три урожая в течение года. На Ближнем Востоке вегетирует и в зимний период. Обнаружена многократно на ряде древнеземледельческих поселений Ближнего Востока [5, с. 27—41].

Появились на поселении Ярым-Тепе III следы чечевицы (Lens culinaris Medic.) и чины (Lathyrus sp.). Однако они малочисленны, и сказать что-либо об их возделывании на данном поселении затруднительно.

Семян сорняков ни в одной из представленных для анализа проб не обнаружено. Даже в образце из очажной ямы, который состоял из большого количества угля, обломков грунта и битого зерна, ни одно семя сорных растений при самом тщательном анализе не найдено.

В целом земледельческая традиция на комплексе трех поселений Ярым-Тепе сохраняется. Она выражена в преобладании в хозяйстве пленчатого многорядного ячменя и пленчатой пшеницы. В отличие от первых двух поселений в Ярым-Тепе III появились бобовые растения. Среди них более заметна вика эрвилия — вид, возделывавшийся на ранних поселениях Ближнего Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бахтеев Ф. Х., Янушевич З. В.* Находки культурных растений на раннеземледельческих поселениях Ярым-Тепе I и Ярым-Тепе II в Северном Ираке//*Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
2. *Bakhteyev F. Kh., Yanushevich Z. V.* Discoveries of cultivated plants in the early farming settlements of Yarum-Tepe I and Yarum-Tepe II in Northern Iraq//J. Archaeol. Sci. 1980. № 7.
3. *Hajnalova E.* Funde fon Triticum-Reste aus einer hallstattzeitlichen Getreidespeichergrube in Bratislava — Devin (ČSSR)//Ber. Dtsch. bot. Ges. 1979. B. 91. S. 85—91.
4. *Бибикова В. И.* Животноводство в Северной Месопотамии в V тыс. до н. э.//*Мунчаев Р. М., Мерперт Н. Я.* Раннеземледельческие поселения в Северной Месопотамии. М.: Наука, 1981.
5. *Zeist W. van.* On macroscopic traces of food plants in Southeastern Asia//Philos. Trans. Roy. Soc. 1976. № 275.

F. Kh. BAKHTEEV, G. N. LISITSINA, Z. V. YANUSHEVICH

FOSSIL REMAINS OF THE CULTIVATED PLANTS FROM YARYM-TEPE III IN THE NORTHERN IRAQ

Summary

The results of the analyses of carbonized plant materials discovered at Yarym-tepe III settlement in Northern Iraq (5th millenium B. C.) are discussed in the article. The great bulk of the finds is represented by the hulled wheat — emmer and spelt (Triticum dicoccum, Triticum spelta) and hulled burley (Hordeum vulgare, Hordeum distichon and Hordeum lagunculiforme), while free-threshing wheat and naked barley was of minor importance. As for the pulses, bitter vetch (Vicia ervilia), lentil (Lens culinaris) and grass rea (Lathyrus sp.) were found there. Having compared the plant remains from Yarym-tepe III and those from Yarym-tepe I and Yarym-tepe II the authors make a conclusion about the general agricultural tradition represented in these three sites. It reflects the major role of the hulled six-row barley and hulled wheat in a crop.

Е. А. ШМИДТ

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС КУЛЬТУРЫ ШАРОВИДНЫХ АМФОР В ВЕРХОВЬЯХ ДНЕПРА

В 1986 г. раскапывался древнерусский курганный могильник в 0,4 км западнее д. Туринщина и в 1,2 км восточнее района Киселевка г. Смоленска. Курганы располагались на правом берегу речки Грибущинки (левый приток р. Дресны, которая является левым притоком Днепра), на высоком песчаном холме. При раскопках кургана 6 в его ровике на северной стороне обнаружены фрагменты лепной древней керамики, не характерной для курганных погребений XI—XII вв. В целях выявления происхождения этой древней керамики на северной стороне кургана 6 проведено изучение материкового грунта и на глубине 0,67 м обнаружено погребение 1 культуры шаровидных амфор. Оно было частично повреждено при сооружении кургана 6 в XII в.— тогда при выемке грунта из ровика была разбита глиняная амфора с двумя ручками, возможно, уничтожены и некоторые другие вещи из погребального инвентаря.

У западного края кургана 6 в процессе его раскопок обнаружен ряд из четырех плоских камней, стоявших с некоторым наклоном к югу. Нахождение их на вершине песчаного холма заставило предположить наличие здесь другого мегалитического погребения, что и подтвердилось в результате дальнейших раскопок.

В 1987 г. подверглась изучению вся вершина холма вокруг погребений культуры шаровидных амфор. На основной изученной территории на поверхности материкового грунта, сохранившегося после насыпания курганов в древнерусское время, были отдельные пятна и нарушения, но четко заметных следов сооружений не выявлено. Исключение составляет небольшой участок, прилегавший с западной стороны к погребениям, где зафиксирована большая, овальная в плане яма с остатками костей домашних животных. По форме, ориентировке и характеру заполнения она идентична погребальным ямам культуры шаровидных амфор, в то время как по цвету и структуре ее заполнение резко отличалось от заполнения ровиков и могильных ям древнерусского времени. Это дает некоторое основание отнести ее к погребальному комплексу культуры шаровидных амфор. Другие нарушения материкового грунта на этом участке обрисовывали следы сооружений, но время их возникновения и отношение к более древним захоронениям не совсем ясно.

Таким образом, в результате исследований 1986—1987 гг. обнаружен погребальный комплекс культуры шаровидных амфор, включавший два погребения и яму с остатками костей домашних животных (рис. 1).

Погребение 1. Контуры погребальной ямы на поверхности материка, как и ее дна, в чистом кварцевом песке не прослеживались. Основные предметы, связанные с погребением, находились на участке —1 м в поперечнике (рис. 2, *1*). Но нужно отметить, что в 1 м от предметов и на 0,5 м выше уровня их размещения лежал большой плоский камень, вероятно, специально расколотый. Поскольку на окружающей погребение местности камней вообще нет, то следует считать, что этот камень сюда помещен специально и включался в погребальное сооружение. Сохранился ли он на месте своего первоначального установления

© Е. А. Шмидт, 1992 г.

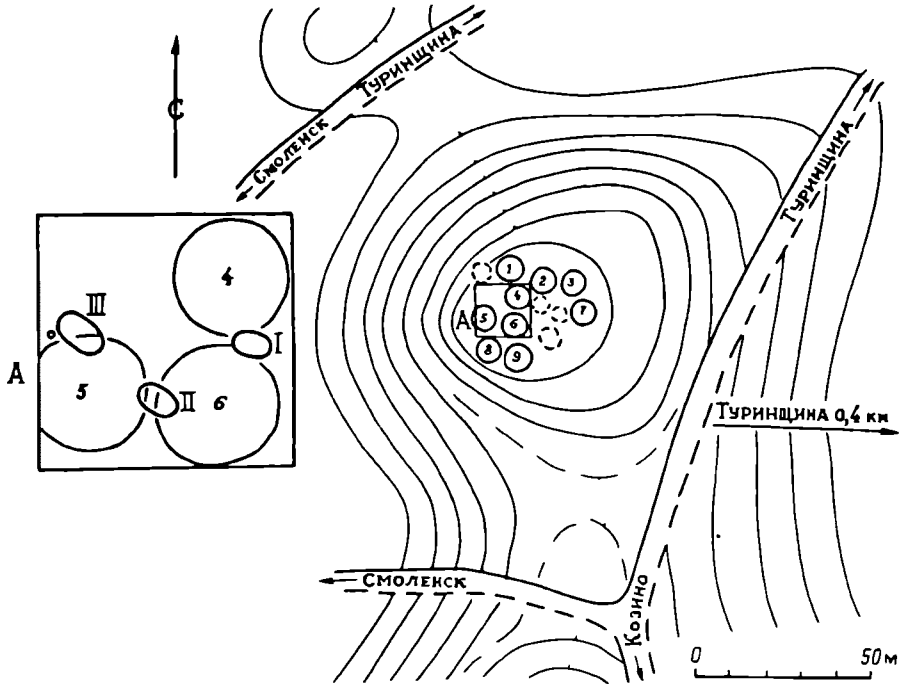


Рис. 1. План погребального комплекса у д. Туринщина. *А* — участок, на котором обнаружен погребальный комплекс культуры шаровидных амфор: I — погребение 1; II — погребение 2; III — яма с остатками костей. *1—9* — древнерусские курганы (пунктиром обозначены разрушенные курганы)

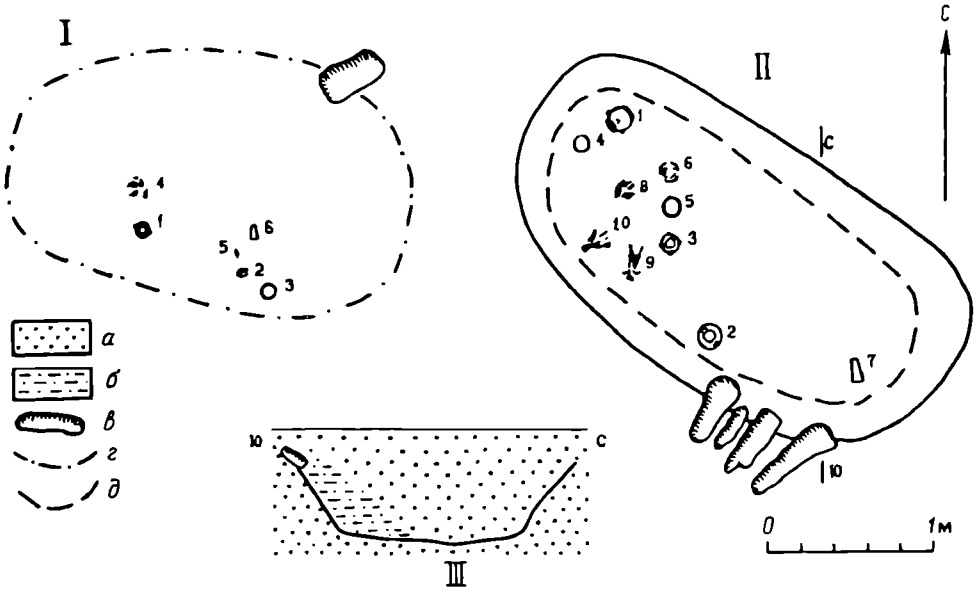


Рис. 2. Планы погребений культуры шаровидных амфор. I — погребение 1 (*1* — амфора; *2* — кубок; *3* — миска; *4* — фрагменты амфоры; *5* — наконечник стрелы; *6* — клиновидный топор); II — погребение 2 (*1—3* — амфоры; *4—5* — миски; *6*, *8* — фрагменты сосудов; *7* — клиновидный топор; *9* — нижняя челюсть свиньи; *10* — обломки костей); III — разрез погребальной ямы. *а* — светлый кварцевый песок; *а* — буроватый песок; *в* — камни; *г* — предполагаемая граница погребения 1; *д* — граница дна ямы погребения 2

или несколько смещен во время насыпания курганов в XII в., установить не удалось. Не исключено, что помимо этого камня были и другие, но они были убраны при насыпании древнерусских курганов. Расположение камня и некоторая едва заметная разница в плотности грунта на отдельных участках дают основание предполагать, что погребальная яма имела размеры около 2,3×1,5 м. Глубина ее определяется условно в 0,67 м от уровня сохранившейся поверхности материкового грунта.

В погребении обнаружены: небольшая глиняная амфора с двумя ручками, украшенная двумя рядами вертикальных углублений и между ними одним рядом

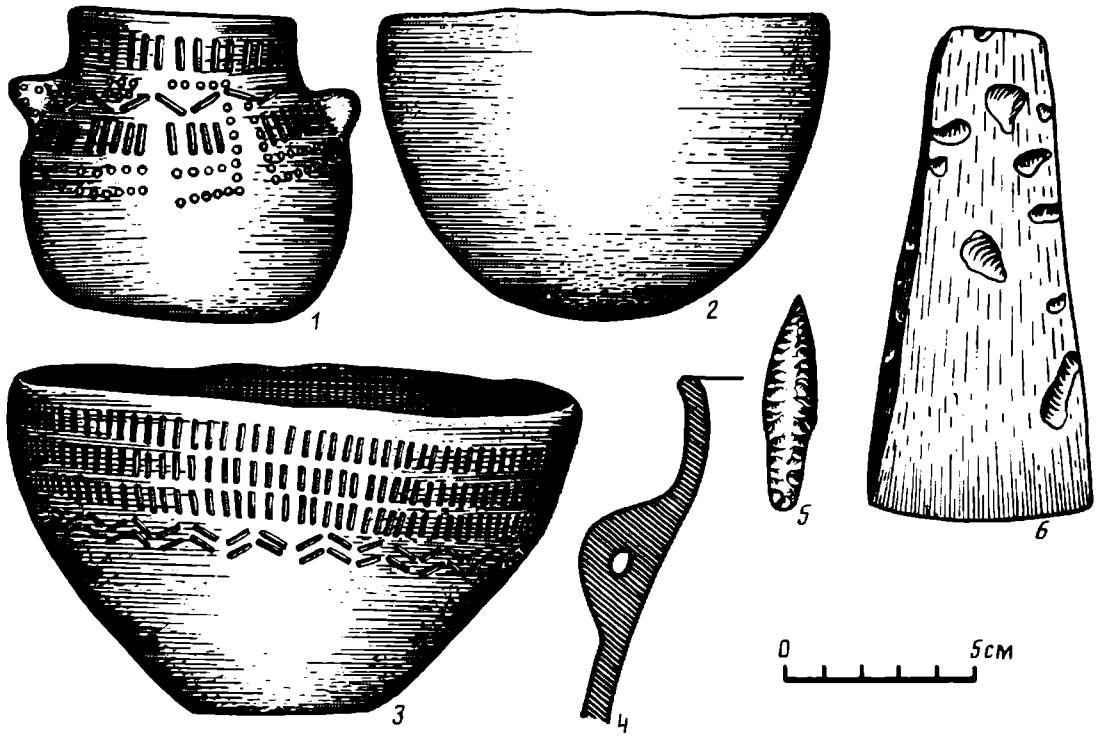


Рис. 3. Вещи из погребения 1. *1* — амфора; *2* — кубок; *3* — миска; *4* — профиль верхней част разбитой амфоры; *5* — кремневый наконечник стрелы; *6* — кремневый полированный клиновидны топор

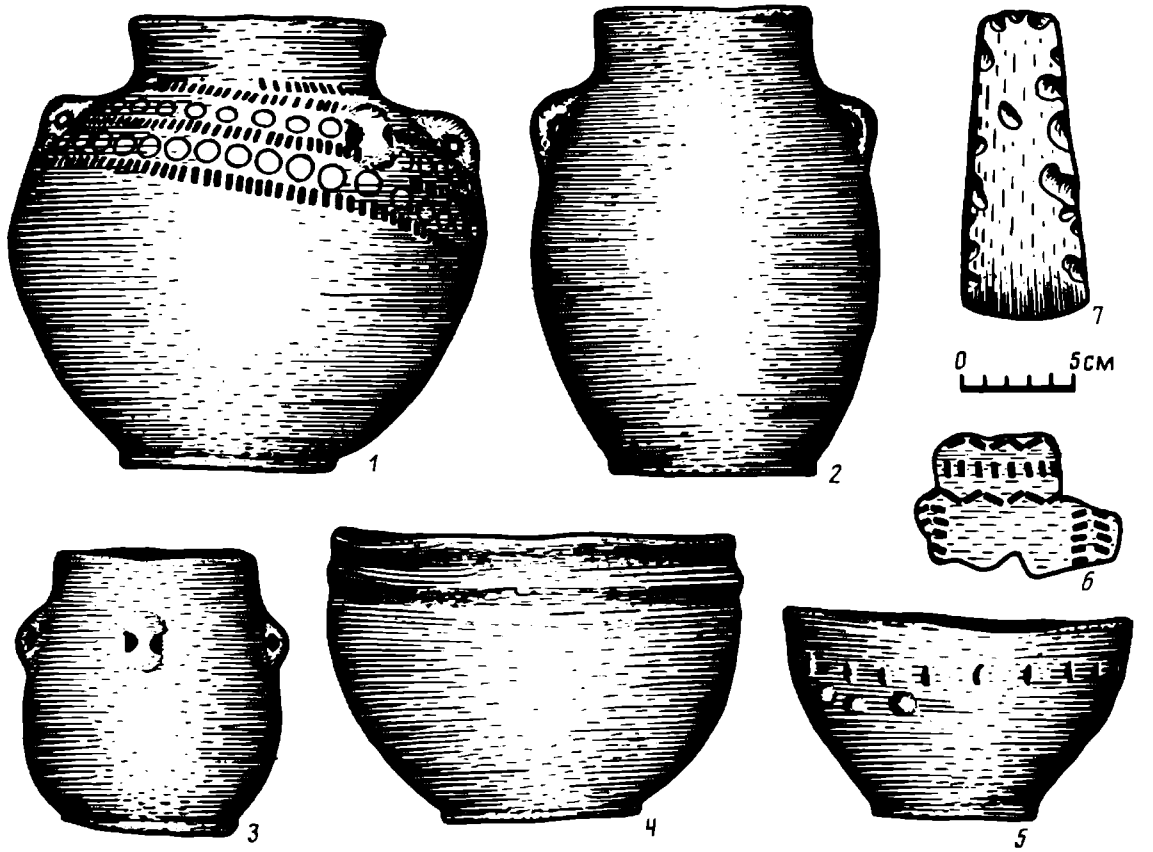


Рис. 4. Вещи из погребения 2. *1—3* — амфоры; *4*, *5* — миски; *6* — орнаментированный фрагмен сосуда; *7* — кремневый полированный клиновидный топор

горизонтальных углублений, расположенных зигзагообразно, и группами округлых вдавливаний (рис. 3, *1*); неорнаментированный глиняный круглодонный кубок (рис. 3, *2*); обломки неорнаментированной глиняной амфоры с двумя ручками (рис. 3, *4*), по размеру и характеру профиля верхней части она аналогична амфоре из погребения 2; глиняная плоскодонная миска, украшенная в верхней части орнаментом в виде трех рядов вертикальных углублений и двух рядов таких же углублений, расположенных зигзагообразно по горизонтали (рис. 3, *3*); кремневый наконечник стрелы (рис. 3, *5*); кремневый полированный клиновидный топор (рис. 3, *6*). Не исключено, что в яме могли быть и другие предметы погребального инвентаря, но они уничтожены при выемке грунта из ровика при насыпании кургана 6 в древнерусское время. Никаких следов костей или органических остатков в чистом кварцевом песке не замечено. Судя по расположению вещей, погребение было ориентировано по линии ССЗ—ЮЮВ, и можно предполагать, что умерший помещался в могильной яме в скорченном положении.

Погребение 2. Зачистка поверхности материка на участке, прилегавшем к вышеупомянутым четырем камням, четких контуров погребальной ямы не выявила, хотя севернее ряда камней наблюдалась некоторая разница в характере песчаного грунта, имевшего слегка буроватый цвет. При углублении раскопа выявилась более четкая разница между нетронутым, более плотным материковым песком бурого цвета и заполнением ямы, не таким плотным. Эта заметная разница в характере грунта позволила определить примерные размеры погребальной ямы в 2,8×1,6 м (рис. 2, II). Сохранившиеся камни стояли несколько наклонно у юго-восточного края ямы. По мере углубления раскопа разница между заполнением ямы и материковым грунтом выступала еще более четко, особенно на южном краю, где заполнение представляло собой уже темно-бурый песок, который к самому низу ямы, заходя на ее дно, был интенсивно темным, а местами черным. На северной стороне ямы заполнение состояло из буроватого песка, который по цвету местами трудно отличить от нетронутого материкового песчаного грунта. Глубина ямы определена условно от уровня сохранившейся (после сооружения кургана в XII в.) поверхности материкового грунта в 0,68 м.

На дне могильной ямы, имевшей в плане форму не совсем правильного овала, обнаружены: глиняная шарообразная амфора с четырьмя ручками, орнаментированная тремя рядами вертикальных вдавливаний и двумя рядами между ними округлых оттисков (рис. 4, *1*); глиняная неорнаментированная амфора с двумя ручками (рис. 4, *2*); глиняная небольшая неорнаментированная амфора с четырьмя ручками (рис. 4, *3*); глиняная миска, орнаментированная в верхней части двумя продольными вдавленными полосами (рис. 4, *4*); глиняная миска, орнаментированная одним рядом оттисков ногтя и тремя шишечками (рис. 4, *5*); плохо сохранившаяся, слабообожженная глиняная миска во фрагментах, орнаментированная рядами вдавливаний (рис. 4, *6*) кремневый полированный клиновидный топор (рис. 4, *7*); скопление глины от развала очень плохо обожженного сосуда, форму которого установить не удалось (рис. 2, II, *8*); нижняя челюсть кабана, помещенная около сосудов (рис. 2, II, *9*), и обломки костей домашних животных, скорее всего свиньи (рис. 2, II, *10*). Остатки этих костей в песчаном грунте сохранились вследствие того, что были присыпаны сверху черным сажистым песчаным грунтом, весьма отличающимся от остального буроватого песка, заполнявшего яму. Костяк человека не сохранился. Умерший, видимо, помещался в восточной половине погребальной ямы, где заполнение состояло из чистого песка, и лежал он в скорченном положении. Все погребение, судя по расположению погребального инвентаря, ориентировано по линии СЗЗ—ЮВВ.

Яма с остатками костей домашних животных. В 4 м северо-западнее погребения 2 в материковом песке выявлена большая яма, имевшая в плане овальные очертания при размерах 3,6×2 м, глубина которой от уровня зачистки поверхности материка 0,75 м. Ее заполнение четко отличалось по всему периметру

только на глубине 0,5 м от дна. В нижней части заполнения и на дне ямы обнаружены многочисленные обломки костей домашних животных, среди которых были кости нескольких особей свиньи, включая многочисленные зубы, и кости крупного рогатого скота, в том числе обломки челюстей с зубами. Характер самих костей и их бессистемное расположение говорят, что это не захоронения отдельных животных, а либо остатки пищи, либо приношения разрубленных кусков туши, включая части голов. Расположение ямы в непосредственной близости от погребений (рис. 1), ее форма, ориентация и характер заполнения говорят о ее использовании в период сооружения погребений культуры шаровидных амфор. Видимо, она имела особое назначение в погребальном комплексе; не исключено, что в нее помещались жертвенные приношения, связанные с погребальной обрядностью того времени. С западной стороны этой большой ямы с костями находилось небольшое углубление в материковом грунте, в плане овальных очертаний (рис. 1), размером 0,52×0,43 м, глубиной до 0,15 м, в буром заполнении которого были фрагменты лепных глиняных сосудов без орнамента, но есть фрагменты с налепным валиком. По цвету и характеру теста эти обломки аналогичны керамике из погребений. Углубление с фрагментами керамики и яма с обломками многих костей домашних животных являются одновременными, что подтверждает однородность их заполнения по цвету и структуре грунта.

Восточнее погребальных ям на ровном участке песчаного холма прослежено несколько небольших округлых пятен бурого цвета, напоминающих следы от столбов, но такие же следы в песчаном грунте оставляют стержневые корни сосны, что ставит под сомнение наличие здесь наземной постройки.

Хотя при насыпании курганов в XII в. значительные участки холма были перекопаны, а погребения культуры шаровидных амфор частично повреждены, все же полученный материал показывает, что эти древнейшие захоронения совершены в овальных ямах, а на поверхности по периметру могил они были обставлены камнями.

Два погребальных комплекса включают однотипные кремневые полированные топоры, имеющие прямоугольное сечение (рис. 3, *6*; 4, *7*). Такие топоры, изготовленные из сероватого пятнистого кремня, являются обычной находкой в погребениях на значительной территории распространения культуры шаровидных амфор [1, с. 284; 2, с. 652]. Тщательно отретушированный наконечник стрелы из светлого кремня (рис. 3, *5*) является редкой находкой в могильниках данного типа [2, с. 652]. Единично наконечники стрел известны на Волыни [3, с. 35, табл. IX, рис. 5], но там они имеют совершенно другую форму и не так тщательно обработаны. Глиняные сосуды из погребений 1 и 2 отличаются разнообразием формы и орнаментации. В погребении 1 было как минимум четыре сосуда (три сохранились целиком, один во фрагментах), но это не исключает, что в поврежденной части погребальной ямы не могли быть и другие сосуды, уничтоженные при выборке грунта во время насыпания кургана в XII в. Амфора с двумя ручками (рис. 3, *1*) имеет аналогии как по форме, так и по сочетанию орнаментальных элементов в памятниках волынской группы на Житомирщине в гробницах I и II у с. Киково [3, с. 29, табл. X, рис. 2, *7*]. Орнаментация миски (рис. 3, *3*) перекликается с материалами тех же древностей Житомирщины, в частности аналогии есть в керамике из с. Сколбов [3, с. 35, табл. IX, рис. 3]. Погребение 2 у д. Туринщина содержало семь сосудов, но форму двух из них установить невозможно из-за очень плохой сохранности фрагментов вследствие слабого обжига. На сосудах из этого погребения есть и некоторые другие орнаментальные элементы. Так, на миске (рис. 4, *5*) в верхней ее части расположены ногтевые вдавливания и налепные шишечки. Ногтевой орнамент встречается в волынских древностях [3, с. 23, табл. II, рис. 7, *14*], тогда как налепные шишечки характерны для керамики с территории Польши и ГДР [4, табл. XII, рис. 8, *10*; 5, с. 58, рис. 43]. Орнаментация амфоры (рис. 4, *1*),

включающая два ряда сравнительно крупных округлых вдавливаний, не характерна для волынской керамики, но подобный орнаментальный элемент встречается на сосудах подольской группы культуры шаровидных амфор [3, с. 54, табл. XXIII, рис. 9]. Орнаментация в виде двух параллельных вдавленных полос в верхней части миски (рис. 4, *4*) аналогий в пределах Украины не имеет.

Наличие в погребении 2 челюстей свиньи и остатков других костей не является чем-то особенным, таковой элемент погребального обряда широко зафиксирован на территории этой культуры, включая памятники Украины [3, с. 9]. Известны также в пределах могильников специальные ямы с погребениями домашних животных [2, с. 654], но яма с многочисленными остатками фрагментов костей свиньи и крупного рогатого скота в пределах Украины аналогий не имеет. Помещение частей туш домашних животных при захоронении людей, как и погребение отдельных животных, являлось, видимо, обязательным элементом погребальной обрядности племен этой культуры, поэтому и вскрытая у д. Туринщина яма с остатками костей скорее всего отражает существовавшие тогда традиции.

На дне амфоры (рис. 3, *1*) из погребения 1 прослеживаются отпечатки зерна (ячмень или пшеница), но есть и мелкие округлые вдавливания, напоминающие отпечатки проса. В погребении 2 и в специальной яме обнаружены кости домашних животных (свиньи и крупный рогатый скот). Все это является пока древнейшим свидетельством распространения производящего хозяйства (скотоводства и земледелия) в верховьях Днепра.

Погребальный комплекс у д. Туринщина можно датировать, опираясь на аналогичный материал с территории Украины, второй половиной III тыс. до н. э. и скорее всего самым концом этого тысячелетия [6, с. 262].

Рассмотренные материалы из погребального комплекса у д. Туринщина позволяют сделать некоторые предварительные выводы о путях проникновения носителей культуры шаровидных амфор в верховья Днепра. Этот комплекс далеко отстоит от основной территории распространения культуры шаровидных амфор в Европе, а нахождение его в районе Смоленска говорит о проникновении отдельных групп носителей этой культуры далеко на восток. Погребальный комплекс у д. Туринщина находится примерно на одинаковом расстоянии от аналогичных погребальных памятников волынской группы на Украине и от памятников в восточной части польской группы, включая могильник у Красного Села в Гродненской обл; но, исходя из погребального инвентаря, пока есть больше оснований предполагать, что население, оставившее погребальный комплекс у д. Туринщина, продвинулось сюда из северных районов Украины вверх по Днепру. Можно полагать, что в дальнейшем в результате археологических исследований на пути их передвижения в Верхнем Поднепровье вплоть до Смоленска будут открыты могильники и другие памятники этой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.
2. *Neustupny E.* Kugelamphorenkultur//Jan Filip. Enzyklopädisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. B. 1. Prag, 1966, S. 652, 653.
3. *Свешников И. К.* Культура шаровидных амфор// САИ. 1983. В1-27.
4. *Кухаренко Ю. В.* Археология Польши. М., 1969.
5. *Hensel Witold.* Ur- und Frühgeschichte Polens. B., 1974.
6. Энеолит СССР//Археология СССР. М., 1982.

Смоленский государственный педагогический
институт

E. A. SHMIDT

BURIAL COMPLEX OF THE GLOBULAR AMPHORAS CULTURE IN UPPER DNIEPER

Summary

At Turishchina village to the east from Smolensk, in Upper Dnieper, in the limits of ancient Russian cemetery, more ancient burial complex of the globular amphoras culture was found. Complex included two burials in pits and pit with bones of domestic animals. Complex is dated to Encolithic epoch. The burial 1 contained one flint wedge-shaped axe, flint arrowhean and four clay vessels, one vessel has a seed print. The burial 2 included flint polished axe, seven clay vessels (two in fragments), lower jaw and other bones of pig. The oval pit was to north-west-west from burials and contained fragmentary bones of several pigs and cattle. Possible this pit was a ritual. A number of indications brings the burials at Turishchina together ones from north-western Ukrain whose inhabitants moved to Upper Dnieper.

И. В. КСЕНОФОНТОВА

АНТИЧНЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ БРОНЗЫ ИЗ УЛЯПСКИХ (УЛЬСКИХ) КУРГАНОВ

В 1981—1982 гг. в Краснодарском крае, близ аула Уляп, велись работы археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока. При раскопках Уляпских курганов 1 и 4 были обнаружены изделия из бронзы — образцы парадной утвари: два таза и кувшин с витой ручкой с атташе в виде головы кабана. Манера исполнения и приемы художественного оформления всех трех предметов указывают на их греческое происхождение. По совокупности предметов, входящих в комплексы этих курганов, они датируются первой половиной IV в. до н. э. [1].

Основная задача настоящей работы — ввести в научный оборот эти интересные бронзы и дать возможное определение даты их исполнения. Определяющим моментом датировки находок могут служить форма сосудов, декорирующие элементы ручек и вид подставки.

Первый таз найден на территории культовой площадки, расположенной в верхней части Уляпского кургана 1, на глубине ~50 см, в комплексе с другими вещами (рис. 1, *а*). Он имеет полусферическую форму[1]; его край плоский, гладкий, слегка утолщен и выступает наружу небольшой закраиной. Под краем два узких врезных пояска; на уровне нижнего пояска приклепаны две горизонтальные ручки. Небольшие различия в величине и деталях между одной и другой ручками указывают на то, что они были сделаны в разных формах, в технике выплавляемой модели. Дугообразные ручки таза имеют боковые выступы, увеличивающие надежность прикрепления их к сосуду (рис. 1, *б*, *в*). Пространство между выступом и изгибом ствола ручки заполнено горизонтальной пластиной с изображением резной полупальметтки с волютой у основания. Поперек средней части ствола ручек расположены катушки с небольшим углублением в центре.

Второй таз обнаружен в культовом комплексе кургана 4[2] (рис. 2, *а*). Его форма и декорировка ручек идентичны тазу из кургана 1. Разница между ними заключается в том, что второй сосуд имеет литую кольцеобразную подставку с тремя катушками-ножками. Кроме того, ручки второго таза овальной удлиненной формы, а волюты на них и катушки украшены в центре слегка сплющенными шариками (рис. 2, *б*, *в*). Ручки и подставка были припаяны, а у таза из кургана 1 ручки были приклепаны к чаше.

Единственной сводной работой об этой группе памятников, которых к тому же сохранилось немного, является статья М. Милн [2]. Эта работа посвящена

[1] Размеры (в см): высота — 18,4, диаметр по краю — 47,4, длина ручек — 23,5, ширина ручек — 9,5. Таз прошел реставрацию, поврежденные его части соединены. До реставрации сохранность была довольно плохая: дно во фрагментах, разрыв в одном месте от края вдоль стенки, отломана одна ручка.

[2] Размеры (в см): высота — 17,8, высота с подставкой — 20, диаметр по краю — 47, диаметр подставки — 21, высота подставки с катушками — 4,1, длина ручек — 21, ширина ручек — 9. До реставрации чаша была во фрагментах, ручки и подставка отпали, но значительных утрат не было. Все части были покрыты зеленой рыхлой патиной. В настоящее время предмет прошел реставрационную обработку.

© И. В. Ксенофонтова, 1992 г.

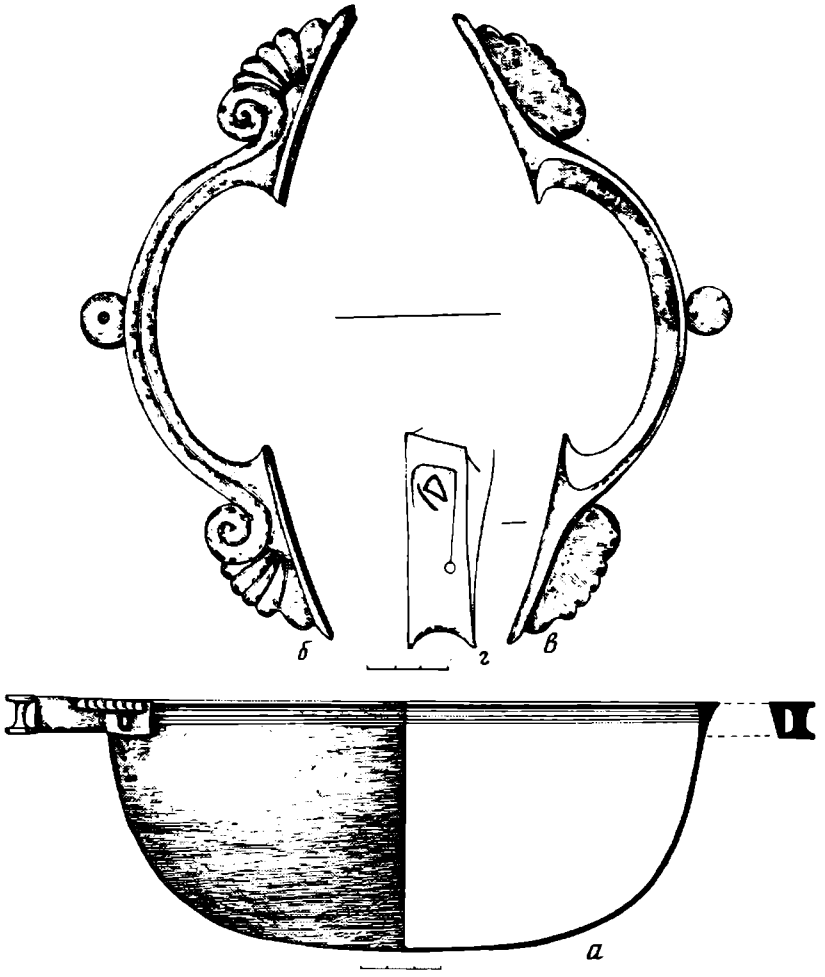


Рис. 1. Таз из кургана 1

греческим образцам, бытовавшим в период от архаики до раннего эллинизма (конец IV в. до н. э.). Классифицируя их по форме основания, края чаши, числу и форме ручек, изучая их изображения на различных произведениях искусства, автор дает их развитие в хронологической последовательности. В качестве аналогии форме уляпских тазов можно привести сосуд конца V в. до н. э., опубликованный М. Милн [2, рис. 2, *57*]. Отличие состоит в том, что на первом уляпском тазе отсутствует подставка, у второго она другой формы. Однако известно, что чаши без подставок, а иногда и без ручек встречаются начиная с раннеклассического периода.

Исключительный интерес представляют ручки уляпских тазов. Именно они являются основным художественным декором этих изделий, и, как часто бывает в бронзовой греческой пластике, мы не находим им пока прямых аналогий. Можно лишь обратить внимание на то обстоятельство, что элементы декора ручек в виде полупальметт часто встречаются на различных бронзах. Так, например на протяжении всего V в. до н. э. был очень распространен прием заполнения угловых пространств изображениями полупальметт. Это можно проследить на зеркалах с кариатидами [3, рис. III, *87*] и на патерах с антропоморфными ручками [4, с. 118, рис. 1, с. 120, рис. 2, с. 123, рис. 5]. Мастер-художник удачно использовал этот заполнительный орнамент и для конструкции уляпских тазов.

Одна из ручек первого таза отпала от чаши и оказалась доступной осмотру с оборотной стороны (рис. 1, *г*). На месте прикрепления этой ручки к тулову сосуда вырезан знак $\bar{\Delta}$. Вероятно, это пометка мастера, сделанная для себя или

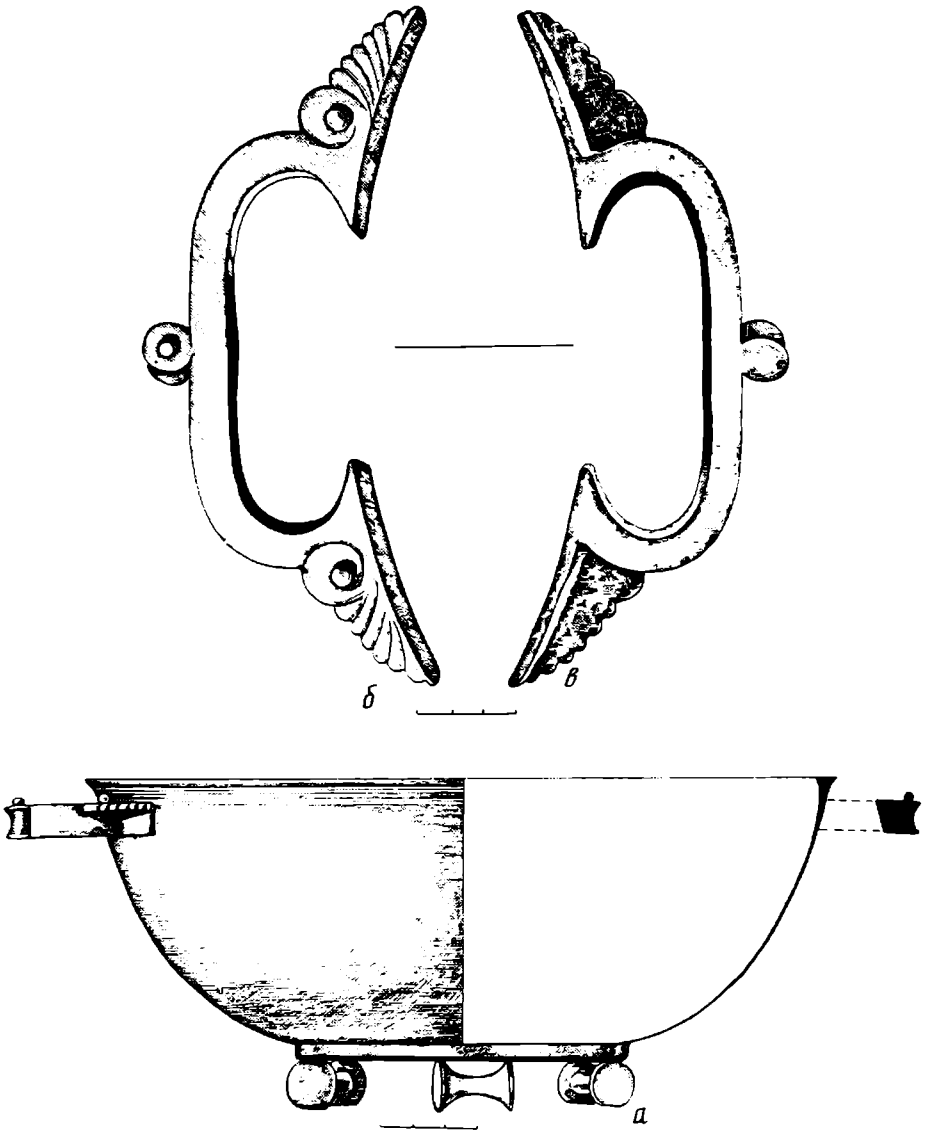


Рис. 2. Таз из кургана 4

помощника. Вполне возможно, что это указание на место прикрепления ручки. Однако знак может являться и цифровым обозначением, распространенным среди ремесленников и торговцев, так как цифровой характер знака подчеркнут чертой над буквой. Он может иметь два значения: либо «четыре», либо «десять» (*δεκα*). Второе значение, как отмечает И. И. Толстой относительно пометок на керамических сосудах [5, с. 50, № 70], более вероятно. Причины, по которым наносились цифровые обозначения, различны: цифра могла указывать число изделий, изготовленных мастером (например, ручек для тазов), сорт, его цену и т. д. [5, с. 7—9, 67—68, 92—94, 142, 143].

Не меньший интерес, чем ручки, представляет подставка второго таза. Форма подставки с катушкообразными ножками очень редка. Известен серебряный таз из Чертомлыкского кургана, датируемый IV в. до н. э. [6, с. 35, табл. XXVIII, XLV, *434*]. Сохранилось изображение таза с подобной подставкой на римской мозаике из виллы императора Адриана в Тиволи с изображением голубей, пьющих из него. Некоторые исследователи считают эту мозаику римской копией с картины знаменитого пергамского мозаичиста Сосеса [7, с. 96, рис. 3, *8*].

Различия между тазами из курганов 1 и 4 незначительны, их объединяют

как форма вместилища, так и такой важный элемент, как декорировка ручек, что позволяет предположить одновременность их производства. По этим признакам они находят себе прямые параллели среди изделий V в. до н. э. Однако подставка второго таза на ножках-катушках, а также и катушки в качестве дополнительного декора к ручкам делают невозможным отнести наши тазы к этому времени. Наиболее ранней известной нам вещью, имеющей аналогичную подставку, является таз из Чертомлыка, о котором говорилось выше. Однако форма его и богатый декор существенно отличаются от уляпских тазов. Катушки — наиболее поздний элемент декорировки, приближающий дату их производства к IV в. до н. э.

Таким образом, тазы из Уляпских курганов сочетают в себе признаки, характерные как для V, так и для IV в. до н. э., и могут быть переходным вариантом форм. В этом случае временем производства наших тазов можно предположить рубеж V и IV вв. до н. э. Это не противоречит принятой дате курганов (первая половина IV в. до н. э.), принимая во внимание, что бронзовая посуда бытует длительное время.

О назначении подобных чаш довольно подробно говорится в статье М. Милн [2, с. 26—63]. Автор делает вывод, что классическое наименование этих чаш — поданиптер (*ποδανιπτηρ*), что значит «ванна для омовения ног» [2, с. 29—31]. Действительно, эллины имели обыкновение перед едой мыть не только руки, но и ноги, и подобные поданиптеры были распространены в быту древних греков, являясь необходимым предметом обстановки столовой[3]. Кроме того, они могли употребляться и для мытья головы[4], и для полного омовения тела[5]. Некоторые из них использовались и при хирургических операциях[6].

На периферии античного мира — на территории Северного Причерноморья, среди варварских племен — тоже бытовали подобные сосуды, являвшиеся предметами греческого импорта и высоко ценившиеся местной знатью. Число известных поданиптеров, найденных на местах поселения варварских племен, невелико. Что касается территории Краснодарского края, то мы можем указать лишь несколько памятников V—IV вв. до н. э., отмеченных находками бронзовых тазов: курган Жирный близ ст-цы Темижбекской (вторая половина IV в. до н. э.), 2-й и 4-й Семибратние курганы у ст-цы Разнокол, неподалеку от ст-цы Варениковской (вторая половина V в., вторая четверть V в. до н. э.), один из курганов могильника Лебеди III, расположенного на землях хут. Лебеди (IV в. до н. э.), курганы 1 и 4 близ аула Уляп (первая половина IV в. до н. э.), Курджипский курган (вторая половина IV в. до н. э.).

Едва ли эти дорогостоящие предметы употреблялись для тех же целей, что и в самой Греции. Скорее всего, их использовали в ритуальных обрядах или при парадных трапезах[7]. Как правило, все они найдены в комплексах с культовыми предметами или же с набором предметов для пиршества. Так, бронзовый таз из кургана Жирного имел культовое значение (он найден в комплексе с круглодонной бронзовой чашей для жертвенных возлияний и двумя крупными колокольчиками) [14, с. 22]. Внутри таза из кургана Солоха лежал серебряный венчик ритона, бронзовое ситечко и серебряные обивки деревянного сосуда [15, с. 124, 125, рис. 200—202]. Серебряная чертомлыкская чаша составляла единый пиршественный набор с амфорой и черпаком [6, с. 34, 35; 16, с. 109, 110, рис. 97]. Таз из Курджипского кургана найден в погребении с канфаром и ситечком

---

[3] Об этом свидетельствуют не только изображения на вазах [8, с. 9, рис. 4, с. 12, рис. 6; 9, с. 1300], но и сведения древних авторов (Plato. Symposium, 175a, cf. 213; Herodotus. II. 172, 173; Plutarch. Phokion, XX.

[4] Гравированное изображение на крышке зеркала, хранящегося в Берлине (третья четверть IV в. до н. э., Коринф) [10, рис. 24].

[5] Пример чему Финейская чаша (около 520 г. до н. э.) с изображением моющихся нимф [11, рис. XLI] и килик мастера Онесима в Брюсселе (около 480 г. до н. э.) с изображением женщины, приготовившейся мыться [9, с. 329, 130].

[6] Например, на краснофигурном арибалле мастера Клиники (около 470 г. до н. э.) [9, с. 813, 96; 12, рис. I, XIII, XIV].

[7] Того же мнения придерживаются в своих статьях З. А. Билимович [13, с. 134] и Л. К. Галанина [7, с. 95, 103].

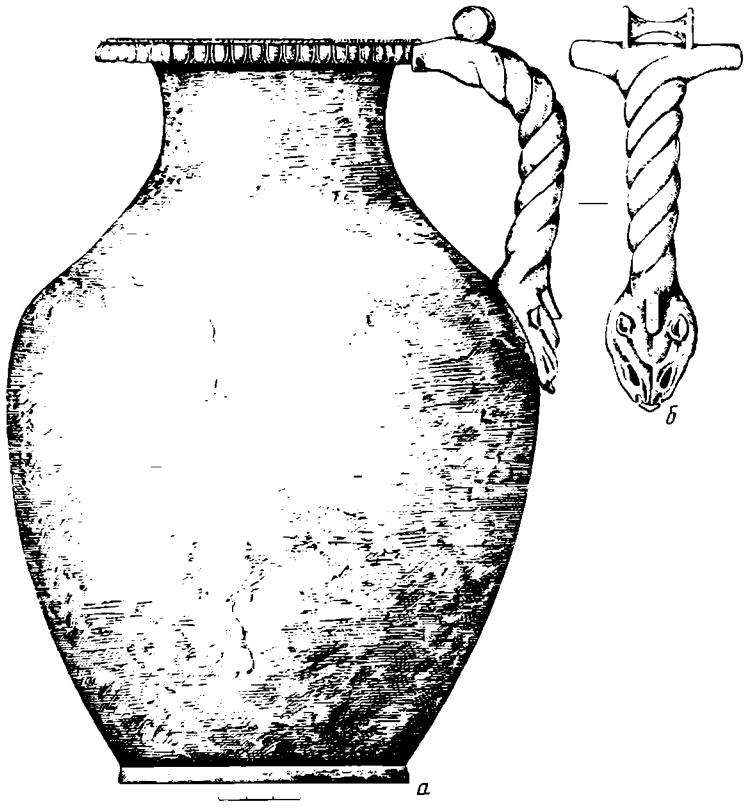


Рис. 3. Сосуд из кургана 1

[7, с. 95]. Во 2-м Семибратнем кургане совместно с тазом обнаружены фрагменты керамики, ситечко, фрагменты ритона. Кувшин для вина и ручка патеры в виде фигуры обнаженного юноши были найдены в 4-м Семибратнем кургане [13, с. 135]. Два таза из кургана на могильнике Лебеди III сопровождались всевозможной местной и импортной керамикой, а также двумя бронзовыми кувшинами и железным треножником. Третий же тазик найден на крупе одного из коней, обнаруженных к югу от погребения. Там же были помещены амфора, лутерий и железный треножник [17, с. 109, 110]. Иллюстрацией употребления подобных тазов в ритуалах местного населения Причерноморья является изображение на золотой пластине из Сахновки. На ней представлена сцена возлияния: над тазом один из персонажей держит ритон, в самом же тазу размещается группа сосудов, в которые разливают вино из амфоры [18, с. 44, рис. 4]. Не менее интересны комплексы совместных находок с тазами из Уляпских курганов 1 и 4. Таз из кургана 1 сопровождался двумя бронзовыми котлами, четырьмя остродонными амфорами и бронзовым сосудом с витой ручкой, с которым, возможно, он составлял единый пиршественный набор. Кроме того, здесь же были обнаружены уникальные находки — образцы скульптуры: фигурки оленя и кабана, выполненные в технике сочетания двух материалов (золота и серебра) на деревянной основе, которые, являясь навершиями, несомненно, имели ритуальный характер. Еще более характерны находки, сопровождавшие таз из кургана 4: золотая гривна, золотой ритон, завершающийся головой льва, серебряный парадный ритон с протомой Пегаса и фризом с изображением гигантомахии, серебряная фиала, бронзовая фляга. Рядом обнаружены две панафинейские амфоры. Все эти вещи повреждены, а амфоры разбросаны по площадке. На культовый характер наших поданиптеров указывает и место, где они были найдены: это не просто погребения или тризны, и специальные площадки, являвшиеся ритуальными комплексами, своего рода святилищами разового пользования.

Вместе с тазом в Уляпском кургане 1 найден бронзовый одноручный сосуд с яйцевидным туловом и довольно коротким широким горлом, переходящим в отогнутый венчик[8] (рис. 3, *а*). Венчик по краю украшен нитью мелкого жемчужника с овами. Подставка гладкая, валикообразная, с плоским дном. Венец сосуда соединяет с плечиком довольно массивная, перевитая из трех жгутов ручка, заканчивающаяся внизу, на плече, схематично выполненной головой кабана. Верхняя часть ручки украшена катушкой (рис. 3, *б*).

Подобных греческих сосудов из бронзы, сохранившихся целиком, до нашего времени дошло незначительное количество. Уляпский кувшин является оригинальным изделием, выходящим за рамки привычных форм и украшений. Близкой аналогией ручке этого сосуда могла бы быть ручка (витая, украшенная у основания головкой кабана) бронзовой урны из кургана у Стрелецкой бухты близ Херсонеса [19, с. 252, 253, рис. 1], отнесенная Н. В. Пятышевой к концу III—II в. до н. э. Однако эта датировка кажется недостаточно убедительной, так как определена по времени его использования в качестве урны в кургане, который датируется концом III—II в. до н. э. на основании рустованных блоков, аналогичных блокам крепостных стен Херсонеса. Это не может быть доказательством времени изготовления самого сосуда. Тем более такая датировка не может быть принята для уляпского кувшина, хотя бы потому, что он происходит из более раннего комплекса (первая половина IV в. до н. э.). Наоборот, представляется возможным, исходя из очень близкого сходства между одной и другой ручками, датировку находки из Стрелецкой бухты пересмотреть и определить их производство одним временем.

Подводя итоги, мы можем сказать, что все три бронзовых изделия были созданы в одно время. Тазы имеют общие приемы в исполнении: они идентичны по форме чаши, декору ручек и обработке края. Одноручный бронзовый сосуд с обоими тазами объединяет элемент декорировки — катушки. Можно предположить, что все рассмотренные вещи были изготовлены в одной мастерской или одним мастером, работавшим в конце V или начале IV в. до н. э. Заметим, что о мастерских по изготовлению бронзы известно очень мало, поэтому сейчас мы не можем назвать определенную мастерскую, в которой были сделаны эти предметы. Вероятно, она относится к одному из средиземноморских центров.

Эти своеобразные комплексы бронзовых сосудов из Уляпских курганов представляют большой интерес для изучения культов варварских племен и быта. Они также еще раз указывают на активные торговые отношения племен Северного Кавказа со Средиземноморьем, осуществляемые, вероятно, через посредников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лесков А. М. и др.* Отчеты Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока за 1981 и 1982 гг. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 8848, 8972.
2. *Milne M.* A Greek Footbaht in the Metropolitan Museum of Art // AJA. V. XLVIII. № 1.
3. *Mitten D. J., Doeringer S. F.* Master Bronzes from the Classical World. Mainz-on-Rhine, 1968.
4. *Билимович З. А.* Антропоморфные ручки бронзовых патер из собрания Эрмитажа // СА. 1966. № 4.
5. *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М.; Л., 1953.
6. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ. 1970. Вып. Д1—27.
7. *Галанина Л.* Бронзовый античный таз из Курджипского кургана // XI Археологический сборник. 1969.
8. *Sudhoff K.* Aus dem antiken Badenwesen B., 1910.
9. *Beazley J. P.* Attic red-figure vase-painters. V. 1—3. Oxford, 1963.

[8] Размеры (в см): высота — 27,6, диаметр по венцу — 12,5, диаметр плечиков — 19,4, диаметр дна — 11, длина ручки — 13,4 (с катушкой 14,5 см). Сосуд прошел реставрацию. До реставрации был смят, тулово разломано, часть венца и горла утрачена, ручка отломана.

10. *Züchner W.* Griechische Klappspiegel // JDI. B., 1942. 14 Ergänzungsheft.
11. *Rumpf A.* Chalkidische Vasen. Berlin; Leipzig, 1927.
12. Fondation Eugene Piot. Monuments et Memoires, publics par l'Academie des Inscriptions et Belles-lettres. T. XIII. P., 1906.
13. *Билимович З. А.* Два бронзовых таза из Семибратных курганов // СА. 1970. № 3.
14. *Анфимов Н. В.* Комплекс бронзовых предметов из кургана близ ст. Темижбекской // Культура античного мира. М., 1966.
15. ОАК за 1913—1915 гг. Птг., 1918.
16. *Толстой И., Кондаков Н.* Русские древности в памятниках искусства. Т. II. СПб., 1889.
17. *Каменецкий И. С.* Работы в Краснодарском крае // АО—1979. М., 1980.
18. *Бессонова С. С., Раєвський Д. С.* Золота пластина із Сахнівки // Археологія. 1977. Вып. 21.
19. *Пятышева Н. В.* Скифы и Херсонес // История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Музей искусства народов Востока,
Москва

I. V. KSENOFONTOVA

ANTIQUE ART BRONZE FROM ULAPSKIE (ULSKIE) KURGANS

Summary

The article is devoted to publication and dating of two bronze basins and one jug which were discovered in 1981—1982 in Ulapskie kurgans № 1 and № 4. Kurgans are situated near Ulap village (Krasnodar region). There are patterns of gala itensils which reflect the common methods of making and decoration. It is supposed that all wares were made by the same artisan or in one workshop in the end of V — the beginning of IV cen. B. C. in one of the Mediterranean centers. These original complexes are interest for barbarian tribes study, theire cults and mode of life. Besides its indicate on trade links of North Caucasus tribes with Mediterranean carried out through mediators.

В. А. ЛАТЫШЕВА, К. В. ТАДЕНЕВ

АНТИЧНЫЕ СВИНЦОВЫЕ ГИРИ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ МАСЛИНЫ

В 1974 г. при раскопках поселения Маслины в Северо-Западном Крыму, существовавшего в конце IV — первой половине II в. до н. э. и входившего в состав хоры Херсонеса[1], был найден набор свинцовых гирь. Подобные находки неизменно привлекают внимание исследователей, будучи источником первостепенной важности при изучении античной метрологии, монетно-весовых систем, бытовавших в Северном Причерноморье, определении торгово-экономической ориентации отдельных его центров, при решении многих других вопросов конкретной экономики. Информативная ценность исследуемого набора определяется еще и тем, что происходит он с сельского поселения, что, судя по публикациям такого рода, случается не часто.

Краткая историографическая справка о весовом материале, найденном в Северном Причерноморье, содержится в статье Н. Л. Грач, опубликовавшей свинцовые гири из Нимфея [3, с. 183, 184]. К этой сводке следует добавить статью В. В. Крапивиной об ольвийских гирях [4], недавние работы Г. М. Николаенко по метрологии, и в частности по весовым системам эллинистического Херсонеса [5, 6], а также публикацию гири из Танаиса Д. Б. Шеловым [7]. Наша публикация пополняет серию материалов по весовой метрологии Северного Причерноморья и посвящена первой находке такого рода на хоре Херсонеса в Северо-Западном Крыму.

Относительно конкретных обстоятельств находки отметим, что все гири происходят из помещения, входившего в состав самого крупного на поселении хозяйственного комплекса, группировавшегося вокруг Южной башни. Вместе с гирями на вымостке помещения был обнаружен разнообразный керамический материал, в том числе образцы чернолаковой посуды аттического производства (инв. № 273/III, 10-М74, № 343/III; 10-М74 и др.), датируемые по аналогичным находкам на Афинской агоре [8, с. 350] и в ольвийских закрытых комплексах [9, с. 74, рис. 72, 5] второй половиной III — началом II в. до н. э. К этому времени следует относить и гири. В настоящее время они очищены от патины и хранятся в археологическом музее Харьковского университета (инв. № 129/III, 10-М74).

Все четыре гири, найденные на Маслинах, представляют собой отлитые в форме свинцовые бруски, приближающиеся в плане к квадратам со скругленными и слегка вытянутыми углами. Различаются они прежде всего размерами и соответственно массой. Представление об этих наиболее существенных для весового материала характеристиках дает табл. 1.

При решении основного вопроса — принадлежности исследуемых гирь к античным весовым системам — исходной должна быть их первоначальная масса, отличающаяся от современной, приведенной в табл. 1, на величину неизбежных для свинца весовых потерь. Для оценки этих потерь нам необходимо прежде всего дать характеристику современного состояния гирь на основании визуальных наблюдений.

[1] Подробнее о поселении см. [1, с. 53—61; 2, с. 100—107].

© В. А. Латышева, К. В. Таденев, 1992 г.

Таблица 1

Размеры и масса гирь

№	Размеры, см	Масса, г
1	6,9—7,3 × 6,5—6,8 × 1,55—1,75	746,95
2	6,7—7,1 × 6,0—6,5 × 0,9—1,3	406,57
3	4,6—4,8 × 4,6—4,8 × 1,1—1,2	264,50
4	3,3—3,5 × 3,1—3,3 × 1,3—1,4	161,28

Таблица 2

Реконструкция древнего объема гирь

№	Средняя площадь горизонтального сечения $\bar{S}$, см^2	Средняя толщина $\bar{h}$, см	Реконструированный объем V, см^3
1	46,87	А) 1,675 Б) 1,748	А) 78,51 Б) 81,93
2	40,41	1,132	45,74
3	21,725	1,177	25,57
4	11,30	1,347	15,22

1. Гиря с весом 746,95 г (рис. 1; 2, *4*) на лицевой стороне имеет слабовыраженный рельефный ободок. Следы коррозии, местами глубокие, свидетельствуют о потерях в весе. Помимо этого, с лицевой стороны металлическим инструментом срезана пластина размером 7 × 2,5 × (0,1—0,3) см. В гирю вбиты два гвоздя: железный с лицевой стороны и бронзовый с оборотной. Гвозди прошли сквозь всю толщину бруска, так что их концы вышли с противоположной стороны, вызвав вспучивание свинца. Некоторые соображения о смысле этих операций, произведенных в древности, будут высказаны при интерпретации весового достоинства публикуемого материала.

2. Гиря с весом 406,57 г имеет неравномерный по высоте рельефный ободок. Сквозная трещина в изделии привела к значительным весовым потерям (рис. 2, *5*).

3. Гиря с весом 264,50 г сохранилась лучше предыдущих. Коррозия в виде незначительных мелких пор затронула лишь поверхностный слой свинца (рис. 2, *3*).

4. Самая высокая степень сохранности у гири с весом 161,28 г (рис. 2, *1*). Следы коррозии локальны и неглубоки.

Для более объективной оценки размеров весовых потерь мы воспользуемся методикой, разработанной Н. Л. Грач [3, с. 194, 195]. Эта методика позволяет восстановить первоначальную массу гири на основе исследования ее плотности и реконструкции первоначального объема. Реконструируемая древняя масса в этом случае представляет собой произведение этих двух величин. Работа по восстановлению массы проводится в три этапа: 1) реконструкция объема; 2) определение плотности; 3) вычисление искомой массы. При реконструкции объема мы приняли поправку к методике Н. Л. Грач. В целях повышения точности вычислений замеры производились с опорой на максимально сохранившиеся участки гири. Их сущность сводилась к установлению средней площади горизонтального сечения $\bar{S}$ и средней толщины гири $\bar{h}$ по максимальному числу измерений. Произведение $\bar{S}$ и $\bar{h}$ дает реконструируемый объем. Числовые значения этой операции по четырем гирям сведены в табл. 2.

Для гири 1 мы получили два варианта средней толщины. Вариант А отражает состояние гири до того, как от нее была отрезана пластина и забиты гвозди.

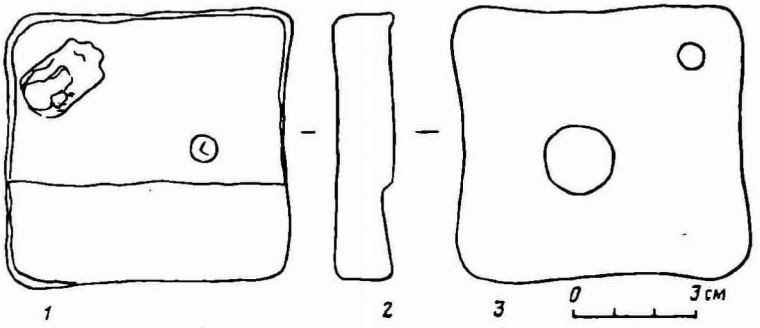


Рис. 1. Гиря 1. *1* — лицевая сторона; *2* — вид сбоку; *3* — оборотная сторона

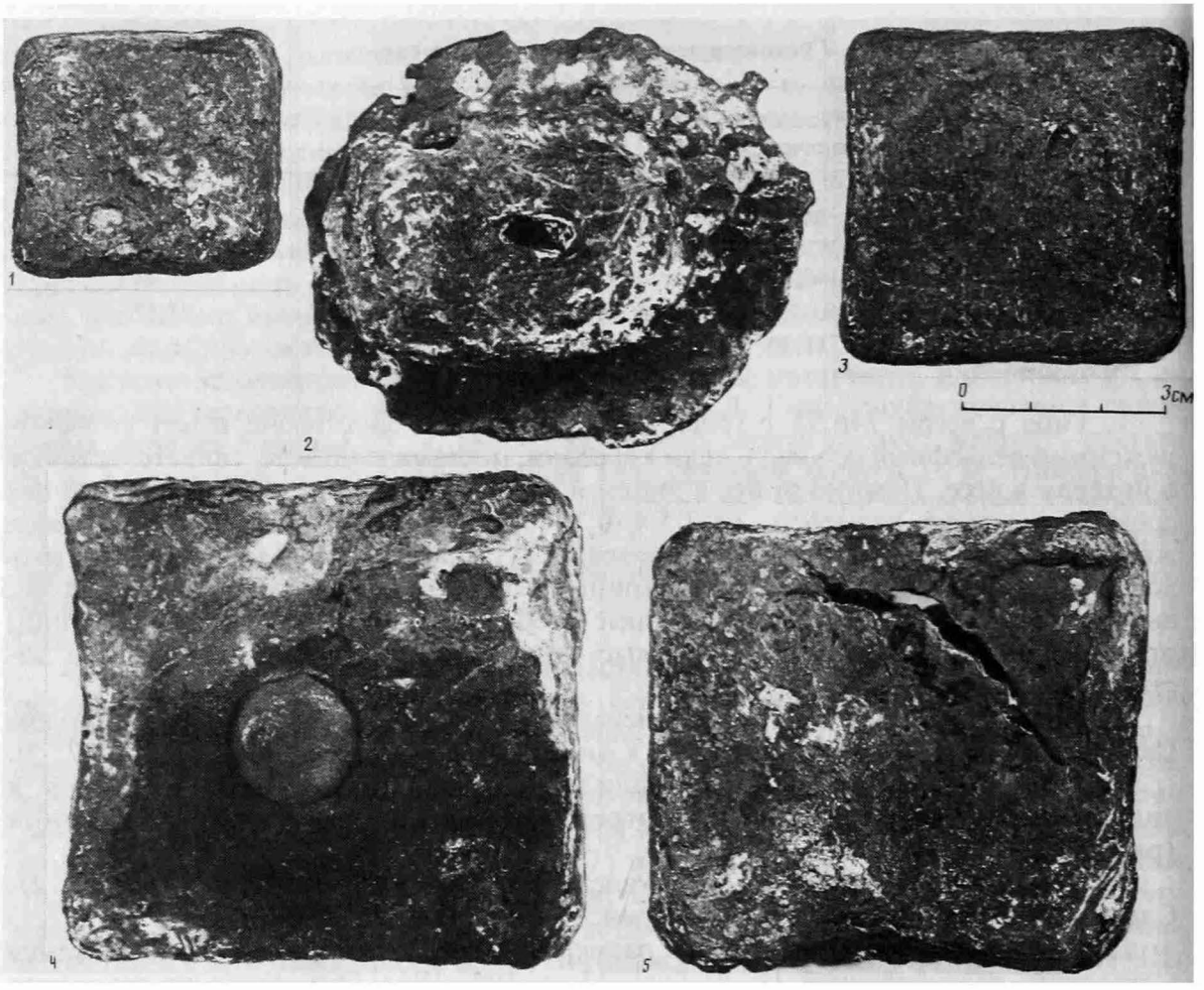


Рис. 2. Набор гирь и свинцовая пломба. *1* — гиря 4; *2* — свинцовая пломба; *3* — гиря 3; *4* — гиря 1, оборотная сторона; *5* — гиря 2

Вариант Б соответствует измененной форме гири. Понятно, что в данном случае следует учитывать и два варианта реконструированного объема.

Следующий этап работы — определение плотности гирь. Плотность ρ представляет собою отношение веса очищенной от патины гири (m_0) к ее современному объему (V_1). Как справедливо отмечает Н. Л. Грач, оптимальный способ определения современного объема — погружение гири в воду [3, с. 194]. Для достижения максимально точного результата мы измеряли не объем, а массу вытесненной воды (m_1). Зависимость между современным объемом гири и массой вытесненной воды определяется формулой $V_1 = \frac{m_1}{\rho_1}$, где ρ_1 — плотность воды при

Таблица 3

Определение плотности гирь *

№	Современная масса m_0, г	Масса вытесненной воды m_1, г	Плотность ρ, г/см^3
1	746,95	70,34	11,0
2	406,57	38,02	10,7
3	264,50	23,37	11,3
4	161,28	14,80	10,9

* Измерения проводились при температуре воды 20° С, чему соответствует $\rho_1 = 0{,}9982$ *г/см*^{3}; наличие добавок из железа и бронзы убеждает в том, что значение плотности гири 1, вычисленное по формуле, занижено, поэтому в таблице для нее принята средняя величина по данным других гирь.

Таблица 4

Реконструкция древней массы гирь

№	Реконструированный объем V, см^3	Плотность ρ, г/см^3	Реконструированная масса m, г
1	А) 78,51 Б) 81,93	11,0	А) 864 Б) 901
2	45,74	10,7	490
3	25,57	11,3	289
4	15,22	10,9	166

температуре лабораторного исследования. Экспериментальные данные и вычисленная на их основе плотность гирь представлены в табл. 3.

Завершающий этап — реконструкция древней массы (табл. 4). Для гирь 2, 3 и 4 реконструированная масса (m) представляет собой произведение реконструированного объема на плотность. Работая с гирей 1, мы можем воспользоваться формулой $m = V\rho$ только для вычисления массы гири до весовых добавок в виде гвоздей — вариант А. Значение древней массы для варианта Б может быть рассчитано иначе: $m = m_0 + (V - V_1)\rho$.

Знание первоначальной массы гирь позволяет перейти к ключевому вопросу нашей работы — определению их принадлежности к древним весовым системам (табл. 5). Гиря 1 несомненно соответствует аттической тяжелой мине (статеру). Исследования последних лет показали, что аттическая весовая система не совпадала с монетной и была подвержена значительным колебаниям [10]. М. Лэнг по материалам Афинской агоры установила хронологию изменения весового содержания аттической мины. В эллинистическое время вплоть до конца II в. до н. э. преобладал стандарт в 105 монетных драхм, что составляет 458 г [10, с. 19, 20]. Однако в Северном Причерноморье известны также эллинистические гири, соответствующие стандарту аттической монетной мины — 437 г [11, с. 68, № 1]. Поэтому мы учитываем возможные колебания стандарта аттической мины в пределах 437—458 г и статера 874—916 г. Для гири 1 вариант реконструкции А ближе статеру в 874 г, а вариант Б — статеру в 916 г. Создается впечатление, что конечный результат действий, производившихся над гирей в процессе эксплуатации,— переход от стандарта с миной в 100 монетных драхм к новому стандарту с миной в 105 драхм, что не противоречит общему направлению развития метрологии в рассматриваемое время.

Весовые аналогии гири 1 чрезвычайно редки в Северном Причерноморье. В Херсонесе статеры неизвестны, в Ольвии — всего два экземпляра [4, с. 90, 91,

Таблица 5

Принадлежность гирь к древним весовым системам

№	Весовой номинал	Реконструированная масса, г	Стандарт, г
	Эвбейско-аттическая система		
1	Тяжелая мина = статер	А) 864 Б) 901	874—916
3	1/3 статера	289	291—305
	Птолемеевская финикийская система		
2	1 мина	490	497
4	1/3 мины	166	166

№ 9, 10], единственная целая паспортная гиря на Боспоре опубликована И. Б. Брашинским по материалам Елизаветовского поселения на Дону [11, с. 68, № 2][2].

Гиря 3 представляет весьма редкую фракцию аттического статера — одну треть. По нашим данным, это единственный в Северном Причерноморье экземпляр эллинистической гири с таким весом.

Птолемеевская, или финикийская, система подобно аттической также претерпела процесс увеличения торгового весового стандарта по сравнению с монетным. По данным Г. М. Николаенко, начиная с III в. до н. э. бытует мина в 497 г [5, с. 20; 6, с. 90, № 9]. Гири 2 и 4 точно соответствуют целой мине и одной третьей ее части.

Характеристика весового материала из поселения Маслины может оказаться неполной, если не отметить еще одну находку — большую свинцовую пломбу, первоначально служившую для починки пифоса (рис. 2, *2*). Происходит она из того же помещения, что и набор свинцовых гирь. Вес пломбы 421,59 г, что лишь на 15 г меньше классической мины аттического стандарта (437 г). Однако с учетом естественных весовых потерь, которые на основе визуального наблюдения можно сравнить с потерями гири 3 и оценить в пределах 8%, первоначальный вес пломбы (455 г) с большой точностью приближается к весу послесолоновской мины достоинством в 458 г. Думается, что столь высокая степень соответствия стандарту, а также обстоятельства находки пломбы вместе с набором гирь позволяют допустить, что в условиях удаленного от Херсонеса сельского поселения и свинцовая пломба использовалась в качестве гири, равной по весу одной аттической мине.

Таким образом, нам удалось зафиксировать на хоре Херсонеса во второй половине III — начале II в. до н. э. одновременное существование двух весовых систем — аттической и птолемеевской (финикийской). Применение аттической системы в рассматриваемое время хорошо известно в Херсонесе [5, с. 20]. О птолемеевской системе Г. М. Николаенко говорит лишь как о возможной для конца III—II в. до н. э. [5, с. 20]. Теперь этот факт можно считать доказанным. Использование весовых стандартов Херсонеса на поселении Маслины, просуществовавшем до начала II в. до н. э., подтверждает сохранение экономического единства города с этой наиболее удаленной частью хоры в условиях скифо-херсонесских войн III—II вв. до н. э. Находка специализированного торгового

[2] Известны еще два статера. Один из них, беспаспортный, опубликован Л. И. Чуистовой [12, с. 32, № 79]. Другой найден в Нимфее и опубликован Н. Л. Грач [3, с. 187, № 8]. К сожалению, это не целая гиря, а фрагмент, что снижает ее ценность как источника.

инвентаря на херсонесском сельском поселении имеет и другой аспект. Она существенно усиливает ранее приводившуюся в литературе аргументацию [13, с. 168; 14, с. 123] в пользу высокого уровня развития товарно-денежных отношений на дальней хоре Херсонеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Латышева В. А.* Раскопки античного поселения Маслины в Северо-Западном Крыму//КСИА. 1978. Вып. 156.
2. *Латышева В. А.* Некоторые итоги раскопок поселения Маслины в Северо-Западном Крыму//Вестн. Харьк. ун-та. 1985. № 268.
3. *Грач Н. Л.* Свинцовые гири из Нимфея и некоторые вопросы боспорской весовой метрологии//ТГЭ. 1976. Т. 17.
4. *Крапивина В. В.* Весовые гири Ольвии//Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев: Наук, думка, 1980.
5. *Николаенко Г. М.* Метрология Херсонеса Таврического в эллинистический период (по материалам IV—II вв. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1983.
6. *Николаенко Г. М.* Весовые системы эллинистического Херсонеса//Античная древность и средние века. 1980. Вып. 17.
7. *Шелов Д. Б.* Экономическая жизнь Танаиса//Античный город. М.: Изд-во АН СССР, 1963.
8. *Thompson H. A.* Two Centuries of Hellenistic Pottery//Hesperia. 1934. V. 3.
9. *Паровић-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев: Наук. думка, 1974.
10. *Lang M.* Weights and Measures//The Athenian Agora. Princeton. 1964. V. 10. Pt 1.
11. *Брашинский И. Б.* Заметки о торговле Елизаветовского поселения на Дону//КСИА. 1976. Вып. 145.
12. *Чуистова Л. И.* Античные и средневековые весовые системы, имевшие хождение в Северном Причерноморье//Археология и история Боспора. Т. II. Симферополь: Крымиздат, 1962.
13. *Дашевская О. Д.* Эллинистическая расписная керамика из Северо-Западного Крыма//СА. 1967. № 1.
14. *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.: Наука, 1978.

Харьковский государственный университет

V. A. LATISHEVA, K. V. TADENEV

ANTIQE LEADEN WEIGHTS FROM MASLINI SETTLEMENT

Summary

The article is devoted to set of four leaden weights of the second part of III — the beginning of II cen. B. C. which was found on Maslini settlement of Khersonesus khora. Weights belong to two weight systems. Euboean — Attic and Prolemaion. The Eubocan — Attic system is presented by heavy mna (stater) and one third of stater, the Ptolemaion system — by mna and one third of mna. The weights allowed to define more exactly the date of existance of the Ptolemaion system in Khersonesus and to include the end of III — the beginning of II cen. B. C. The set confirmed the idea about the unity of town with remote part of khora when the Scyth-Khersonesus war of the III—II cen. B. C. took place. The finds give a new evidance of highlevel of commodity — money relations in this part of khora.

КРУГЛОВ Е. В.

ХАЗАРСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В БАССЕЙНЕ РЕКИ ИЛОВЛИ

Среди разнообразных материалов, выявляемых в ходе ежегодных археологических исследований, проводимых в степях юга Восточной Европы, вызывают интерес подкурганные захоронения раннесредневековых кочевников. Отличительными чертами погребального обряда некоторых из этих захоронений являются: сооружение земляных насыпей над могилами, сооружение под насыпями вокруг погребений квадратных или круглых ровиков, могилы с подбоями, трупоположение человека в подбое, помещение вместе с погребенными останков жертвенных животных — коня и барана, чаще всего во взаимосочетании их друг с другом. В указанных захоронениях, даже в разрушенных, попадаются, как правило, многочисленные вещи, позволяющие относить данные комплексы к эпохе расцвета Хазарского каганата — VIII—IX вв. Ряд авторов при этом считают возможным предположительно связывать эти погребения с хазарами [1, с. 133, 134; 2, с. 182; 3, с. 59; 4, с. 45; 5, с. 165; 6, с. 82]. В качестве рабочей гипотезы мы также считаем возможным присоединиться к данной точке зрения. Заметим, однако, что, несмотря на значительное количество раскопанных в 60—80-е годы захоронений, большинство из них до сих пор остаются еще неопубликованными. В связи с этим особенности погребального обряда, ареал данных памятников намечаются пока лишь в самых общих чертах. Поэтому каждая новая находка подобных комплексов имеет, как нам представляется, важное источниковедческое, а в конечном счете и историческое значение. Именно такой находкой являются три подкурганных захоронения, обнаруженные на высоком правом берегу р. Иловли (левый приток Дона), между руслами впадающих в нее небольших степных рек Мокрая Ольховка и Малая Казанка (рис. 1, *1*, *2*), в составе двух могильников, получивших в ходе исследований названия Петрунино IV и Барановка I[1].

Группа курганов Петрунино IV располагалась на плоской вершине небольшого останца. В ее составе было 10 насыпей, исследованы семь, из них шесть относились к эпохе раннего железного века. Раннесредневековый курган (№ 7) находился на небольшом удалении от остальных насыпей группы, к северу от них (рис. 1, *3*). Его размеры: диаметр 8, высота 0,3 м (рис. 2, *1*). Прямоугольная с закругленными углами могильная яма, ориентированная длинной осью по линии ВСВ—ЗЮЗ, была заполнена материковым песком, сильно перемешанным с камнем. Вдоль северной стенки могилы оставлены две ступеньки, в южной сооружен правильно прямоугольный в плане и разрезах подбой, вход в который был закрыт массивными вертикально стоящими деревянными плахами. К ним внутри подбоя на полу было пристроено трапециевидное в плане невысокое сооружение из таких же вертикально поставленных досок. Назначение этого сооружения осталось неясно. У южной стенки подбоя вытянуто на спине, головой на восток — северо-восток был положен скелет взрослого человека (рис. 2, *5*).

---

[1] Раскопки проводились в 1987—1988 гг. отрядом археологической экспедиции Волгоградского университета. Признателен начальнику отряда И. В. Сергацкову за возможность опубликования данных погребений.

© Е. В. Круглов, 1992 г.

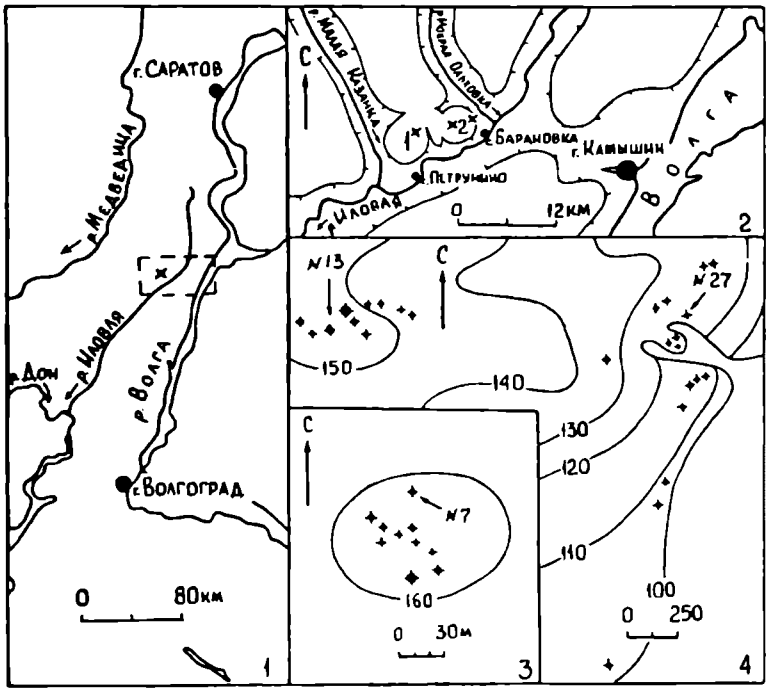


Рис. 1. *1, 2* — месторасположение хазарских памятников на р. Иловле; *3* — могильник Петрунино IV; *4* — Барановка I

За черепом погребенного обнаружены остатки обложенного берестой деревянного седла (рис. 2, *10*). Под ним находились череп и сложенные кучкой кости нижних конечностей жеребенка. На луке седла лежали во фрагментах остатки деревянной чашечки, скреплявшиеся по краю бронзовыми обоймами и гвоздиками. Здесь же обнаружена цельнолитая бронзовая, видимо сбруйная, овально-рамчатая пряжка с прямоугольным стержневым приемником (рис. 2, *3*). У правого плеча погребенного лежало железное арочное стремя с выделенной прямоугольной петлей для путалища, плоской, слегка вогнутой внутрь подножкой, укрепленной снизу продольным ребром жесткости (рис. 2, *9*). Рядом находились двусоставные железные удила с псалиями и дополнительным трензельным кольцом, вставленным в конец одного из звеньев (рис. 2, *6*). У правого локтя умершего был поставлен глиняный лепной горшок с плоским, слегка вогнутым дном, шаровидным, расширяющимся кверху туловом, отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю пальцевыми защипами. В тесте сосуда содержалась примесь слюды (рис. 2, *8*). У локтя левой руки найдена пара изогнутых в верхней трети боковых концевых костяных накладок лука, скреплявшихся друг с другом железным штифтом (рис. 2, *4*). На тазовых костях найдена бронзовая цельнолитая треугольно-рамчатая поясная пряжка со стержневым приемником (рис. 2, *2*), а у кисти левой руки — положенные друг на друга две части сломанного еще в древности железного кинжала без перекрестья со следами дерева от ножен на лезвии (рис. 2, *7*). Под нижней челюстью погребенного обнаружен серебряный куфический дирхем (рис. 3, *1*).

В 6 км восточнее группы Петрунино IV располагались курганы могильника Барановка I. В его составе насчитывалось 27 насыпей, из которых исследованы 26. К эпохе бронзы и раннему железному веку относились 24 насыпи, к раннему средневековью — две. Одна из них (№ 13) находилась в западной части могильника, другая (№ 27) — в восточной (рис. 1, *4*). Насыпь сильно распаханного кургана 13 тем не менее являлась второй по величине в данной группе — ее современный диаметр 34, высота 1,85 м. Вокруг расположенной в центре кургана могильной ямы, в основном с ее западной стороны, на погребенной почве зафиксирована тонкая ровная прослойка материковой глины неопределенной формы, являвшейся, по-видимому, остатками выброса из могильной ямы. На

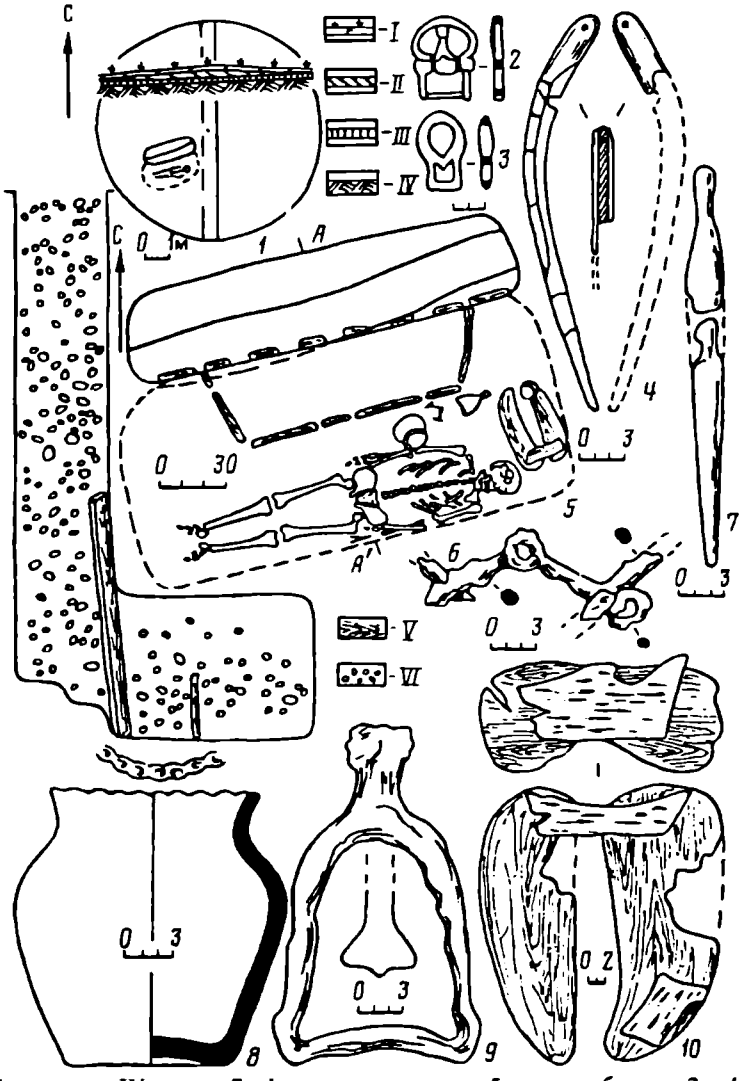


Рис. 2. Петрунино IV, кург. 7. *1* — план кургана; *5* — погребение. *2—4, 6—10* — инвентарь (*2, 3* — бронза; *4* — кость; *6, 7, 9* — железо; *8* — глина; *10* — дерево). I — дерн, II — насыпь, III — погребенная почва, IV — дерево, V — камень

уровне древней дневной поверхности выявлен круглый в плане и чашеобразный в разрезе ровик, окаймлявший внутреннюю часть подкурганного пространства. Диаметр окруженной рвом площадки 19—20 м. Глубина рва 0,5—0,8 м. Заполнение его представляло собой почву типа чернозема, отличавшуюся как от материала более грубой погребенной почвы, так и от насыпи. Сверху ров перекрывался слоями, образовавшимися в ходе оплывания и распашки курганной насыпи (рис. 4, *1*). На площадке вокруг могилы в разных местах обнаружены фрагменты керамики от четырех различных сосудов: двух сероглиняных лепных горшков, содержавших в тесте примесь шамота, одного сероглиняного гончарного сосуда с примесью органики в тесте, одного красноглиняного гончарного сосуда, возможно амфоры.

Потревоженная, очевидно, еще в древности овальная в плане могильная яма была ориентирована длинной осью по линии ССЗ—ЮЮВ. Вдоль восточной стенки оставлена ступенька, а в западной сооружен подбой, на дне которого находились разбросанные кости скелета мужчины старческого возраста. Череп европеоидный, брахикранный, с признаками искусственной деформации[2]. Погребенный, по-видимому, был ориентирован головой на юго-юго-восток. На дне подбоя вперемешку с костями человека были найдены кости ног и нижняя

[2] Определение антрополога научно-исследовательского сектора Волгоградского государственного университета М. И. Балабановой.

Рис. 3. Монеты из погребений. *1* — серебряный дирхем из Петрунино, кург. 7; *2* — золотой солид из Барановки, кург. 13

челюсть лошади, на которой сохранились следы бронзовых окислов. В заполнении входной ямы обнаружены три позвонка и кость задней ноги барана. В засыпи также встречались кусочки дерева и угли. Последние были зафиксированы и по всему дну подбоя. Кроме того, местами на дне прослеживались остатки органической (войлочной?) подстилки (рис. 4, *2*).

На дне подбоя среди разбросанных костей собраны фрагменты горшка с ручкой, изготовленного на гончарном круге (позднее был полностью восстановлен). Сосуд имел плоское дно, яйцевидный приподнятый кверху корпус, отогнутый наружу венчик, украшенный косыми насечками. На внешней стороне тулова имеется налеп в виде латинской буквы V. Все тулово покрыто неглубокими врезными горизонтальными линиями, выполненными гребенчатым штампом. Поверхность светло-коричневая, в тесте содержится примесь толченой керамики (рис. 4, *20*). На дне также найдены бронзовые фигурные украшения ремней, среди которых находились: три массивные накладки, наконечник и обойма, украшенные гравированным орнаментом, имитировавшим раскрытый бутон лотоса (рис. 4, *3, 4, 13*), шесть небольших гладких бляшек (рис. 4, *6—8*) и цельнолитая треугольно-рамчатая пряжка с полуовальным щитком (рис. 4, *5*). Все украшения, за исключением обоймы, были покрыты позолотой. Кроме того, в погребении обнаружены: железный черешковый трехлопастной наконечник стрелы со срезанными под прямым углом лопастями и уступом у основания (рис. 4, *12*), билоновый перстень с выпуклым расплющенным щитком, украшенным двумя линиями точечного орнамента (рис. 4, *9*), золотой солид (рис. 3, *2*). Под челюстью лошади найдены два деревянных предмета неясного назначения, изготовленных в виде миниатюрных «наверший» (рис. 4, *16, 17*). Возможно, это были пробки кожаных бурдюков. В заполнении и на дне могильной ямы собраны мелкие фрагменты железных предметов: прямоугольная пряжка с подвижным язычком, обломки гвоздей, согнутая из тонкой пластины обойма с приставшими волокнами дерева, небольшое колечко, две скобы из круглого в сечении прута с раскованными концами, одна трапециевидная скоба с перемычкой (рис. 4, *10, 11, 14, 15, 18*). По-видимому, все эти предметы были креплениями колчана. В погребении также

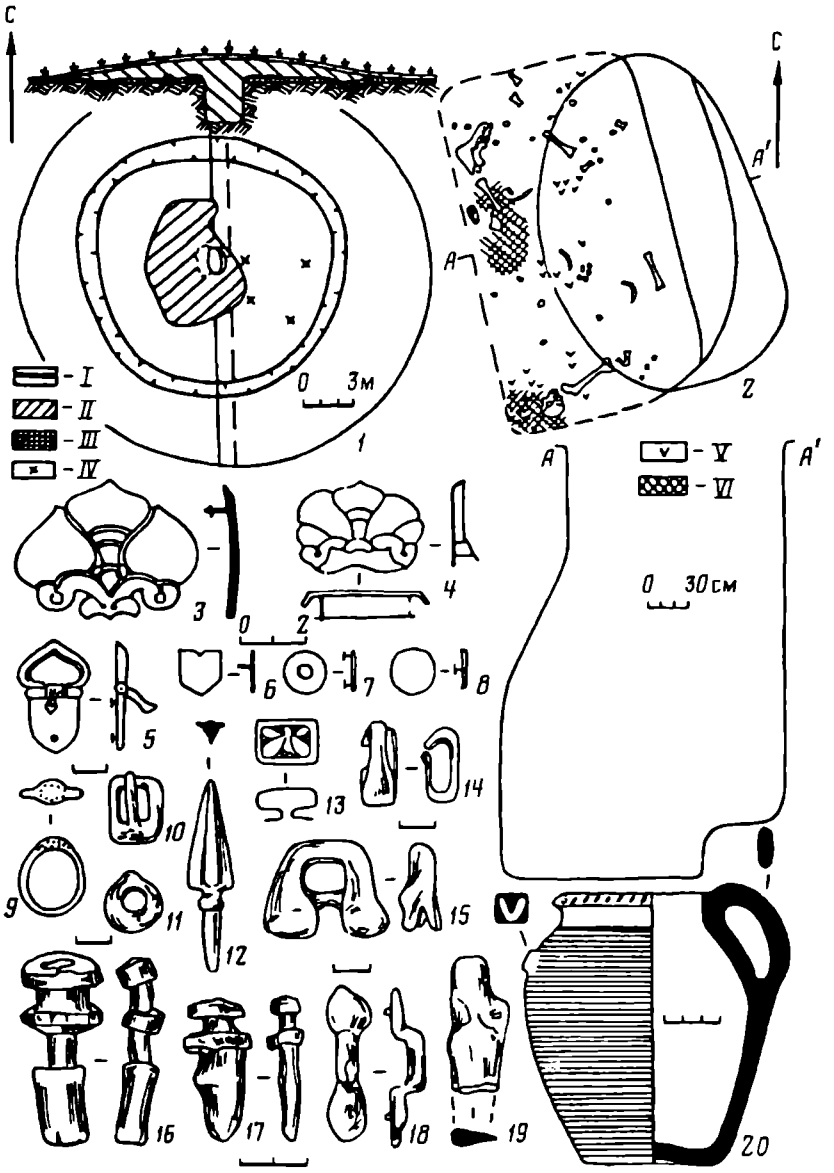


Рис. 4. Барановка I, кург. 13. *1* — план кургана; *2* — погребение. *3—20* — инвентарь (*3—8, 13* — бронза; *9* — билон; *10—12, 14, 15, 18, 19* — железо; *16, 17* — дерево; *20* — глина). I, II — материковый выкид; III — заполнение ровика; IV — находки в насыпи; V — угли; VI — органическая подстилка

обнаружены мелкие фрагменты, которые предположительно можно считать обломками палаша или сабли, а также остатки ножа (рис. 4, *19*).

Второй раннесредневековый курган могильника Барановка I (№ 27) располагался на нераспаханном участке и также был довольно крупный: диаметр его 12, высота 0,55 м. В насыпи кургана на древней дневной поверхности зафиксированы следы кострища: угли, прослойки золы, куски докрасна обожженной глины. Особенно мощным кострище было в центре — над могилой и вокруг нее. С восточной стороны могилы на древнем горизонте найдены разрозненные кости лошади и барана, следы ритуальной тризны (рис. 5, *1*).

Могильная яма прямоугольная с закругленными углами, ориентирована по линии ЗЮЗ—ВСВ. Вдоль северной стенки оставлена ступенька, в южной сооружен подбой. На ступеньке во входной яме лежал череп лошади, обращенный мордой на запад. Рядом с ним находился череп барана. В восточном конце ступеньки были помещены отчлененные по пястный сустав кости ног коня (рис. 5, *2*). В челюстях черепа лошади находились обломки железных двусоставных удил с эсовидными псалиями (рис. 5, *3*). Между нижними конечностями и черепом

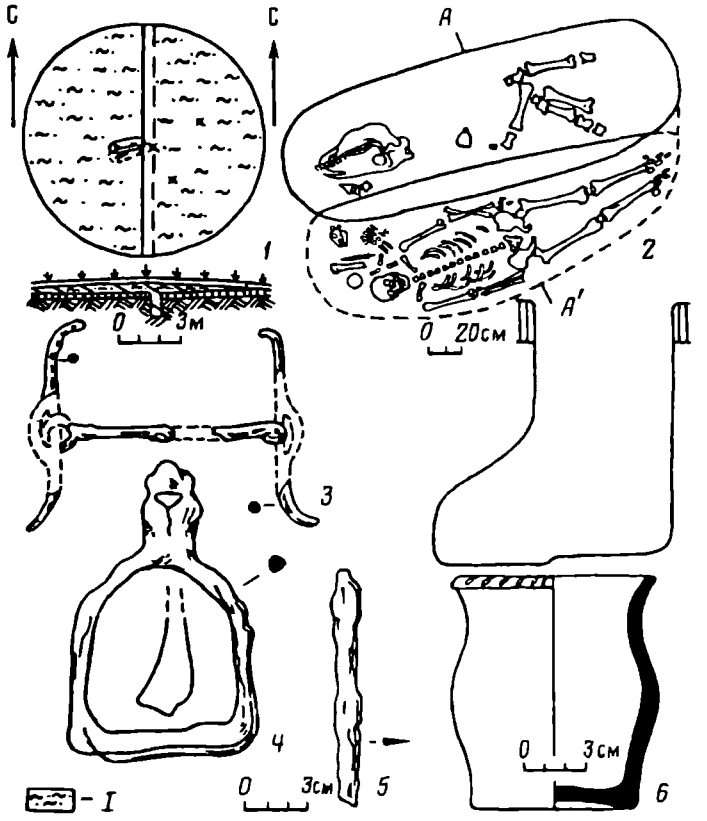


Рис. 5. Барановка I, кург. 27. *1* — план кургана; *2* — погребение. *3—6* — инвентарь (*3—5* — железо; *6* — глина). I — кострище

коня лежало железное стремя с выделенной овальной петлей и узкой прямой подножкой, укрепленной снизу продольным ребром жесткости (рис. 5, *4*).

На дне подбоя обнаружен скелет мужчины 30—35 лет, лежавший на спине вытянуто, головой на запад — юго-запад. Руки слегка согнуты в локтях, ноги чуть сдвинуты влево. Череп погребенного имел выраженные признаки сильной монголоидности (рис. 5, *2*). За головой скелета находился глиняный лепной горшок, плоскодонный, с шаровидным туловом, отогнутым наружу венчиком, украшенным по краю косыми насечками. Тесто сосуда с примесью толченой керамики (рис. 5, *6*). Рядом с горшком лежала кость ноги барана. Здесь же были обнаружены фрагменты железного ножа (рис. 5, *5*). Слева от черепа человека находился полный скелет молодого барашка.

Таким образом, для погребального обряда рассматриваемых в данной работе памятников характерны следующие особенности.

1. Сооружение над захоронениями курганных насыпей.

2. Проведение вокруг погребений ритуальных поминальных действий, тризн, от которых до нас дошли и были зафиксированы разбросанные вокруг могил кости животных, обломки сосудов и следы кострища.

3. Сооружение могильных ям с оставлением ступенек на дне вдоль одной длинной стороны и с подбоями в другой.

4. Положение погребенных в могилах вытянуто на спине. Ориентировка умерших неустойчива.

5. Сопровождение погребенных ритуальными жертвенными животными: конем и бараном, а также оружием, сбруей, украшениями.

Наиболее яркая черта погребального обряда подобных захоронений в некоторых других регионах — наличие подкурганных ровиков — прослежена здесь лишь в одном погребении (Барановка I/13). Следует отметить, что оно, несмотря на разрушение, отличается от двух остальных богатством инвентаря. Возможно, что эти две особенности обряда взаимосвязаны.

Аналогии вещевому инвентарю, представленному в захоронениях этого типа, в том числе и в иловлинских памятниках, хорошо известны в степных и лесостепных древностях Восточной Европы второй половины VIII—IX в. (салтово-маяцкая культура). К сожалению, публикуемые в данной статье материалы не дают возможности как-то существенно уточнить дату рассматриваемых комплексов. Поэтому при решении этого вопроса исследователи обращаются к находкам монет, сравнительно часто попадающихся в подкурганных захоронениях хазар [2, с. 180—183; 7, с. 64, табл. I; 8, с. 103, рис. 4, IV—VI]. Найдены они были и в иловлинских погребениях. Одна из монет — золотой солид (Барановка I/13) на обеих сторонах имела погрудные изображения анфас византийских императоров, увенчанных коронами (рис. 3, *2*). На лицевой стороне — Константин V Копроним и Лев IV Хазар, на обороте — Лев III Исавр, держащий в правой руке крест. Монеты этого типа чеканились в Константинополе в 751—754 гг. [9, с. 379, табл. XLIII, *23*][3]. Размеры диска 1,91×1,83 см, толщина 0,123 см. Гурт обрезан, поверхность со следами потертости. Штемпели перевернуты. Вес 4,2 г. Другая монета — серебряный дирхем (Петрунино IV/7) на обеих сторонах монетного диска имела в центре горизонтальные трехстрочные тексты, окруженные по краю круговыми легендами и концентрическими линиями (рис. 3, *1*). Все надписи выполнены арабским куфическим письмом. Дирхем был отчеканен во временной резиденции арабских правителей — городе Эль-Гашемии (Хашемии) при халифе Абу-Джафар ал-Мансуре Аббасиде в 139 году эры хиджры (756/57 гг.) [10, с. 69, № 701]. Размеры диска 2,6×2,55 см. Гурт ровный. Изображение хорошо сохранилось. Штемпели перевернуты. Месторасположение дирхема в могиле — под нижней челюстью, отсутствие на диске отверстий или же приклепанных пластин для подвешивания позволяют уверенно интерпретировать находку как «обол мертвого»[4].

Обе монеты, таким образом, относятся к началу второй половины VIII в.— времени расцвета Хазарского каганата и периоду наиболее активного взаимодействия его с крупнейшими государствами той эпохи — Византией и Халифатом. Очевидно, этим временем и следует датировать обнаруженные на Иловле хазарские погребения. Как известно, интенсивный приток восточных монет в Европу начался лишь после окончания в первой половине VIII в. арабо-хазарских войн и уже с самого его начала был достаточно мощным. Быстро шло также и обновление используемой денежной массы. Время, затрачиваемое арабскими монетами на преодоление пути от мест их чеканки до районов Восточной Европы, использование их там вплоть до выхода их из обращения в целом не превышало 3—8 лет [11, с. 22]. Исходя из этого, определение даты петрунинского погребения непосредственно по обнаруженной в нем монете в данном случае, по нашему мнению, представляется вполне приемлемым.

Исследованные на Иловле раннесредневековые погребения способствуют дальнейшему углублению представлений о хазарах и их культуре. Они существенно расширяют географию погребальных памятников хазар в северо-восточном направлении, позволяют выявить некоторые новые черты их обрядности. Они дают возможность связать захоронения этого типа с материальной культурой всего каганата, позволяют удревнить, как нам кажется, благодаря сужению даты по монетам, хронологию некоторых обнаруженных в погребениях предметов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клейн Л. С., Раев Б. А., Семенов А. И. и др.* Катакомба скифского времени и салтовский курган на Дону//АО — 1971. М., 1972.
2. *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону//Пробл. археологии. 1978. № 2.
3. *Федоров-Давыдов Г. А.* В древней дельте Волги//Путешествия в древность. М.: Изд-во МГУ, 1983.

[3] Определение Т. М. Костромичевой, сотрудника Херсонесского историко-архитектурного музея-заповедника.
[4] Определение Г. А. Федорова-Давыдова.

4. *Плетнева С. А.* Хазары. М.: Наука, 1986.
5. *Круглов Е. В.* К вопросу об этнокультурной характеристике подкурганных погребений салтово-маяцкой культуры (по материалам восточной группы памятников)//Проблемы охраны и использования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989.
6. *Плетнева С. А.* Хазарские проблемы в археологии//СА. 1990. № 2.
7. *Копылов В. П., Смоляк А. Р.* Торговые связи Византии с населением Нижнего Дона в конце VII — первой половине VIII в.//Торговля и мореплавание в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н/Д., 1988.
8. *Семенов А. И.* К выявлению центральноазиатских элементов в культуре раннесредневековых кочевников Восточной Европы//АСГЭ. 1988. № 29.
9. *Wroth W.* Catalog of the imperial Byzantine coins in the British museum. L., 1908. V. 1—2.
10. *Тизенгаузен В.* Монеты Восточного халифата. СПб., 1873.
11. *Кирпичников А. Н.* Раннесредневековая Ладога. Л.: Наука, 1985.

Волгоградский государственный университет

E. V. KRUGLOV

KHAZAR BURIALS IN ILOVLYA BASIN

Summary

The article is published three kurgan burials of Saltovo-Mayatskaya culture which were discovered in Lower Volga (Kamishin district, Volgograd region). The analysis of burial implements allowed to date the burials by the middle of the third part of VIII cen. A. D. Byzantine solid of 751/754 and Arabian dirkham of 756/757 have a great role in dating. The summary characteristic of burial rite of Saltovo-Mayatskaya local group of kurgans dating to the second part of VIII cen. A. D. is given. The burials of Ilovlay river lie within the range of this local group. As to ethnic interpretation the author joins to Khazar hypothesis.

История науки

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Г. ЧАЙЛДА ПИСЬМО СОВЕТСКИМ АРХЕОЛОГАМ ОТ 16 ДЕКАБРЯ 1956 г.

ОТ РЕДАКЦИИ

Исполнилось 100 лет со дня рождения одного из крупнейших археологов XX века — Вира Гордона Чайлда (1892—1957). Журнал «Российская археология» приурочивает к этой дате публикацию его письма, экземпляры которого были адресованы сразу нескольким ведущим археологам Москвы и Ленинграда. Письмо, содержавшее критический анализ состояния советской археологической науки, широко обсуждалось в научных кругах, однако публикация его в те годы была невозможна.

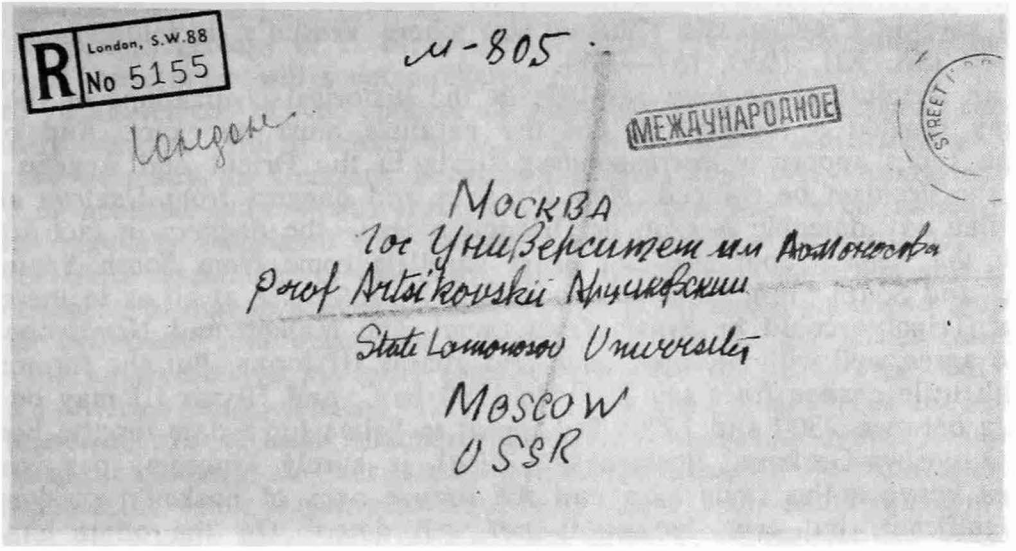
Текст и перевод письма сопровождаются статьей Н. Я. Мерперта, в которой не только комментируются обстоятельства получения и содержание письма, но и дается оценка вклада В. Г. Чайлда в науку. В тексте исправления опечаток взяты в квадратные скобки. Перевод письма сделан Н. Я. Мерпертом.

I have studied sy[m]pathetically Russian literature on prehistory since 1926. I appreciate fully such outstanding achievements as the recognition of artificial dwellings in the Upper Palaeolithic, the total exc[a]vation of whole Tripolye villages, Tolstov's observation at Kokcha III showing that not all double burials of male and female are necessarily contemporary and evidence for sati, Semeonov's study of traces of use on flint and bone implements, the successful preservation of the frozen relics from Pazyryk, etc. In English books and periodicals I have always emphasized the positive achievements of Soviet colleagues. But just for that reason I should like to confess here that I am profoundly disappointed.

In excavation technique Soviet archaeology falls far below the standards recognized in Britain, Czechoslovakia or even Germany. Of course I judge from publications. But it is the duty of an excavator to publish clear and large plans and sections showing every detail he can observe for the benefit of his colleag[u]es at home and abroad. It has often happened that another investigator can discover significant features thus presented though they were not understood by the excavator; for instance in 1938 Bersu was able to recognize as granaries and hay-ricks some groups of posts, apparently meaningless but faithfully recorded in plans twenty years old of the Glastonbury Lake Village. Indeed from my own old plans in the light of later experience I have sometimes been able to detect features that I had been unable to interpret at the time of the excavation.

In the excavation of barrows (Grabhügel, kurqans) I know no plan published since the Revolution so adequate as Gorodtsov's plan and section of the Odessa kurgan (Otchet Imp. Ross. Istorichesk. Muzea v Moskve za 1915 g.) Even that falls far short of the publications of van Giffen and his disciples in this country and elsewhere.

No systematic search seems to have been made under kurgans for features other than the actual burials such as an encircling ditch, a ring of posts or similar structures; these are seldom mentioned explicitly and very rarely shown in plans and sections. Yet such things throw much light at least on the ideology of the



Конверт письма В. Г. Чайлда А. В. Арциховскому

kurgan-builders as the work of van Giffen in Holland and of Fox in Wales has shown.

The publication at least of domestic sites is still worse. No plans do I know of the houses so acutely recognized by Efimenko at Kostienki I at all! The tiny plans (without sections) of the „long houses" at Kostienki IV (K. S., IV, 1940, 37) and Pushkari (K. S. VII, 1940, 82) are quite unworthy and provoke scepticism. The „long house" might really be just a row of 12 or [1?]3 small round huts like those of Gagarino and Buryat, dug perhaps in consecutive years but overlapping!

In later periods the number of zemlianky is suspicious. Before 1940 the soil of Britain and Germany was also supposed to be pitted with „pit-dwellings" or Wohngruben. These have proved to be really silos or rubbish-pits (Kornspeicher or Abfallgruben) side by side with (gleichzeitig mit) large overground houses, supported by posts the sockets (Pfostenlocher) for which can always be recognized by an experienced excavator. Of course such houses have occasionally been identified in the U.S.S.R.— e. g., by Briusov (MIA, 20, 1951) or on sites of the Srubnaya or Andronovo cultures. But there must be more. In particular Tripolye houses, if not actually raised on piles as the models suggest, must have been supported by a frame of posts such as Laszlo found in 1912 under typical ploshchadki at Erosd (Ariusd) (Dolgozatok az Erdelyi Nemzeti Museum II) (Koloszvar-Cluj, 1914).

British[,]Danish, Dutch and German excavators (often aided by air-photographs, taken at the right season, the correct time of day or the appropriate angle) have discovered and planned ancient plough-furrows, field systems and cattle-enclosures and thus revealed many details of the rural economy (?selskoe khozyastwo) from prehistoric to medieval times. Are there any such from European Russia?

Finally the published sections through the ramparts of gorodishche give little information. Well-conducted excavations in England and Germany have disclosed the timber revetments that once supported really formidable ramparts of which the postholes or foundations trenches alone survive. Very refined excavation even reveals transverse tie-beams in the wall as at Wittnauer Horn(G. Bersu).

For a relative chronology typology, uncontrolled by stratigraphy supplemented by distribution maps, is at best unreliable. When applied to decorative motives or pot-forms it is particularly suspect. Briusov has conclusively shown that the last „stage" of Passek's Tripolye sequence is not a stage at all chronologically, but a local spatial phenomenon. Only more detailed distribution maps can show whether other „stages" — especially Passek's A — be not really also local styles. Metal tools and weapons may provide a reliable series that is really chronological provided there are plenty of rich closed finds, ideally grave groups. This condition is seldom

satisfied save in Cis-Caucasia (?Zakavkaza) where Yessen's fivefolddivision seems well based (SA. XII, 1950, 157—188).

For an absolute chronology parallels in the historical civilizations of the Near East may provide a foundation. But the parallels must be exact. And only if barbarian types appear in corresponding strata in the Orient and Aegean can a precise synchronism be claimed. Now the axes and daggers from Usatova are not exactly like any dateable Aegean or Oriental types — the daggers in fact are very unusual: the nearest, but still not exact parallels come from South Spain (Los Millares) and South France and are undatable. No inference at all as to the closing phase of Tripolye could be drawn from them! The Maikop and Novosvobodnaya types do agree well with Mesopotamian and Hissar III forms. But the former were used with little change from say 2500, to 1200 B. C. and Hissar III may be dated anywhere between 2300 and 1500! To, appeal to Seima for a date for the Borodino hoard (Krivtsova-Grakova, Bessarabskii Klad) is surely ignotum; per ignotius? Analogies between the stone axes and the bronze axes of Faskau type would be more significant, but even Faskau is not well dated? On the other hand the hammer-pins from the Royal Tombs of Alaca Höyük are too like the Pontic-Caucasian specimens to be accidental (see especially Hamit Zubeyr Kosay, Alaca Höyük Kazisi Turk Tarih Kurum Yayinlarindan V, 5, Ankara, 1951, pl. CXXXV, 2). As the type is much commoner in the USSR than in Turkey and so may rank as Pontic in origin it would give a terminum ante quem — „before 2000 B. C." — for the transition from drevneyamno to katakombnaya period!

Russian use of natural chronology does not diverge from „western" usage, but only from the latest western usage. Czech, English, French, German and Italian geologists now admit a fairly long genial „interstadial" (W I—II) interrupting the last (Wurm) ice age. The nizhni horizont at Kostienki I and Ilskaya would fit in much better in W I—II than in Riss-Wurm (cf. Efimenko, Pervobytnoe Obshchestvo, 1953, 204, 330).

The pollen-analyses published from USSR are not easily comparable to those from the West Baltic or the United Kingdom. The refinements introduced by Jessen, Iversen, Troels-Smith in Denmark and by Godwin in England (counting more grains, including herbs and grasses as well as trees, etc.) are not represented in the pollen diagrams, published in Russian archaeological periodicals. The zones defined by these improved methods have now been provisionally „dated" by C 14. Zone IV (Pre-Boreal) circa 7500 B. C. (Clark, Star Carr); Zone V (Early Boreal) c. 6300 etc.

Soviet archaeologists seem to take the absolute dates for the Bronze Age given by Montelius about 1903 ignoring the fact that in the interval the Egyptian and Mesopotamian dates on which they were based have been drastically deflated. British, Czech and Danish prehistorians have always preferred much lower figures and Germans and Swedes have recently fallen into line. From the old high dates for the beginning of the Bronze Age Russian prehistorians seem to have reckoned back by a sort of extrapolation that has been unfashionable in the West since 1918 (save in Nazi Germany) and reached high dates for the Neolithic. Of course the low British, Czech and Danish systems are also just guesses and Soviet guesses may be as good as British of Czech. But at the moment the two systems allow of no comparisons of age between sites say in the Ukraine and in North Germany. Hancar in Das Pferd by treating the Russian and German dates as strictly comparable reaches quite illegitimate conclusions; there is no evidence to show whether Dummer or Ossarn is earlier of later than Usatova. Efimenko's comparisons between early Neolithic sites in Ukraine and Maglemose on the Baltic are unconvincing. The Maglemosean is well dated in terms of pollen zones and is represented by abundant and varied material relics the development of which can be followed round the North Sea from Zone IV at Star Carr (Yorkshire) through the classical Maglemosean of Zones V—VI to survivals in Zone VIII and indeed in the folk-culture of the Baltic lands today. Till a comparable wealth of really distinctive types, naturally

dated by pollen, geology or C 14, be found in the Ukraine or South Russia, the priority of these areas will seem unlikely.

The reinstatement of the concept of culture among interpretative concents I personally welcome. Still it seems to be used in the rather naive manner adopted chiefly in Germany. In Germany between 1921 and 1945 every newly-found local variety of neolithic pottery was made into a new „culture" even though nothing else was regularly associated with the novel pottery. But a culture must of course be a recurrent assemblage of distinctive traits in different materials and revealing distinct aspects of human activity — tools and weapons, house-plans and burial rites, personal ornaments and decorative patterns. But how do my Soviet colleag[u]es define the katakombnaya kul'tura? Gorod[ts]ov used the grave type. But what is Popova's criterion? (SA., XXII, 1955, 21f). Are all the ceramic types she recognizes as katakom[b]naya at least sometimes found in katak[o]mb graves (That is are there some katakomby in her srednedneprovski group?). Do katakomby occur th[r]oughout the whole region attributed in her map to the katakombnaya kultura? (Ris. 5 p. 41) I know katakomby on the Volga (Rau, Hockergräber der Volgasteppe, 48 & 52) assigned by Popova to the Poltavka kul'tura. But Poltavka pottery, though normally found in yamy does not diverge from the standard more than the other variants she shows in her Fig. 9. There are also katakomby near Odessa, on the Kuban-Terek and even in Daghestan, outside the bou[n]daries of her province. Why not give maps showing the distribution of katakomby, katakombnaya daggers, hammer pins, cranial deformation, etc. by points for each kurgan or kurgan-cemetery (as by Foss, MIA., 29). That would show what types really hang together. Maps showing distributions by shadings or outlines are suitable instruments for vulgarization, not for additions to knowledge.

16/12/56

V. Gordon Childe
The Athenaeum, London, SW. I

Я с большим интересом изучал русскую литературу по первобытности с 1926 г. Я очень ценю такие выдающиеся достижения, как открытие искусственных жилищ в верхнем палеолите, раскопки большого масштаба целых трипольских поселений, наблюдения Толстова в Кокче III, показывающие, что не все мужские и женские двойные погребения обязательно являются одновременными и свидетельствуют «for sati», изучение Семеновым следов употребления кремневых и костяных орудий, успешное сохранение оледеневших остатков из Пазырыка и т. д. В английских книгах и периодических изданиях я всегда подчеркивал позитивные достижения советских коллег. Но именно поэтому я и хотел бы здесь признаться, что я глубоко разочарован.

В технике раскопок советская археология значительно отстает от уровня, достигнутого в Англии, Чехословакии или даже Германии. Правда, об этом я сужу по изданиям. Но обязанностью каждого производителя раскопок является публикация ясных и многочисленных планов и разрезов, показывающих каждую деталь, которую он может наблюдать для пользы его коллег у себя и за границей. Часто случается так, что другой исследователь может открыть важные черты, имеющиеся в наличии, хотя они не были поняты тем, кто производил раскопки. Так, например, в 1938 г. Bersu удалось определить как амбары и стоги сена одну группу столбов, внешне бессмысленную, но точно зафиксированную на плане 20 лет тому назад в Glastonbury Lake Village. Точно таким же образом мне иногда удавалось в свете позднейших данных установить по моим старым планам некоторые черты, которые я не смог объяснить во время раскопок.

В области раскопок курганов я не знаю ни одного плана, опубликованного после революции, который можно было бы сравнить с Городцовским планом и разрезом Одесского кургана (Отчет Императорского исторического музея в Москве за 1915 г.). Но даже эти планы намного уступают публикациям ван Гиффена и его учеников в их стране и других местах.

Создается впечатление, что не велось никаких систематических поисков в курганах каких-либо характерных особенностей, кроме собственно погребений, таких, как окружающий ров, выкружка из бревен или подобных сооружений; они редко подробно описываются и очень редко обозначаются на планах и разрезах. Между тем такие детали бросают свет по крайней мере на вопросы идеологии строителей курганов, как это показали работы ван Гиффена в Голландии и Фокса в Уэльсе.

Публикация мест поселений, во всяком случае, осуществляется еще хуже. Мне неизвестен вообще ни один из планов домов, которые столь проницательно распознал Ефименко в Костенках I, Крошечные планы (без разреза) «длинных домов», открытых в Костенках IV (К. С., IV, 1940, 37) и Пушкарях (К. С., VII, 1940, 82), совершенно неудовлетворительны и вызывают сомнение. «Длинный

дом» может в действительности оказаться просто рядом из 12 или 13 маленьких круглых хижин, подобных жилищам Гагарино и Бурети, последовательно вырытых, может быть, в течение нескольких лет, но частично перекрывающих друг друга.

В более позднее время большое количество землянок подозрительно. До 1940 г. считалось, что территория Англии и Германии также была наполнена «ямами-жилищами» (Wohngruben). Оказалось, что они были в действительности зерновыми или мусорными ямами, существовавшими бок о бок с большими наземными домами, поддерживаемыми столбами, при этом ямы, выкопанные для установки этих столбов, всегда могут быть распознаны опытным археологом. Конечно, такие же дома случайно обнаруживались и в СССР, например Брюсовым (МИА. 1951. 20), или в районах срубной или андроновской культур. Но их там должно быть больше. В частности, трипольские жилища, если они не воздвигались на столбах, как свидетельствуют модели, должны были поддерживаться столбовым каркасом такого типа, как нашел Ласло в 1912 г. под типичной площадкой в Erösd (Ariusd) (Dolgozatck az Erdelyi Nemzeti Muzeum II) (Koioszvar — Cluj, 1914)).

Английские, датские, голландские и немецкие археологи (часто при помощи аэрофотосъемки, произведенной в определенное время года, в точно установленное время дня и под определенным углом) обнаружили и зафиксировали древние борозды на пашне, системы полей и загоны для скота, что обнаружило многие детали сельского хозяйства начиная с доисторического времени до средних веков. Есть ли что-нибудь подобное в Европейской России?

Наконец, опубликованные разрезы валов городищ дают плохое представление. Хорошо проведенные раскопки в Англии и Германии обнаружили деревянные обшивки, которые когда-то поддерживали поистине громадные крепостные валы и от которых в отдельных случаях сохранились лунки или канавки оснований. Очень тщательные раскопки даже обнаруживают поперечные связи в стенах, как в Wittnauer Horn (G. Bersu).

Для относительной хронологии типология, не проверенная стратиграфией, дополненной картами распространения находок, в лучшем случае ненадежна. Когда обращаются к декоративным мотивам или к форме сосудов, это особенно сомнительно. Брюсов убедительно показал, что последняя «стадия» сменяющихся культур Триполья у Пассек не хронологическая стадия, а местное пространственное явление. Только более детальные карты распространения вещей могут показать, не являются ли и другие «стадии», в частности фаза А у Пассек, в действительности также местными стилями. Металлические орудия и оружие могут обеспечить надежные серии, в действительности хронологические, при условии, что будет достаточно богатых находок, а лучше всего могильных комплексов. Эти условия редко исполняются, за исключением Прикавказья, где пятиричное подразделение Иессена кажется хорошо обоснованным (СА. 1950. XII. С. 157—188).

Для абсолютной хронологии параллели в исторических цивилизациях Ближнего Востока могут служить основой. Но параллели должны быть точными. И только в том случае, когда варварские типы появляются в соответствующих слоях на Востоке и в Эгейском мире, можно говорить о точной синхронизации. Теперь топоры и кинжалы, найденные в Усатово, не могут быть в отношении дат точно уподоблены эгейским или восточным типам — кинжалы в действительности очень необычны: ближайшие, но все же не точные параллели происходят из Южной Испании (Los Millares) и Южной Франции, но они не поддаются датировке. Вообще никаких выводов относительно последней фазы Триполья из этого извлечь невозможно. Майкопский и новосвободненский типы действительно хорошо согласуются с формами Месопотамии и Гиссара III. Но первый из них употреблялся с небольшим изменением, примерно с 2500 до 1200 г. до н. э., а Гиссар III может быть датирован где-то между 2300 и 1500 гг. Обращаться к Сейме для датирования Бородинского клада (Кривцова-Гракова, Бессарабский клад) безусловно ignotum — per ignotius? Аналогии между каменными топорами и бронзовыми топорами типа Фаскау были бы более доказательными, но даже Фаскау плохо датировано. С другой стороны, молоточные булавки из царских гробниц в Alaca Höyük, напоминающие черноморско-кавказские образцы, могут быть случайными (см. в особенности Hamit Zubeyr Kosay, Alaca Hoyuk Kazisi Turk Tarih Kurum Yayinlarindan V, 5. Ankara, 1951. Pl. CXXXV, 2). Так как этот тип более распространен в СССР, чем в Турции, и может быть классифицирован как понтийский по происхождению, он может дать Terminum ante quem — до 2000 г. до н. э.— для перехода от древнеямного к катакомбному периоду!

Русское применение естественной хронологии не отличается от «западного» употребления, но только от последнего западного употребления. Чешские, английские, французские, немецкие и итальянские геологи теперь допускают возможность существования довольно длинного теплого «интерстадиала» (W I—II), прерывающего последнее (вюрмское) оледенение. Нижний горизонт в Костенках I и в Ильской, может быть, гораздо более соответствует этому периоду W I—II, чем рисс — вюрму (ср. Ефименко «Первобытное общество». 1953. С. 204, 330).

Пыльцевые анализы, опубликованные в Советском Союзе, нелегко сравнивать с анализами из Западной Прибалтики или из Соединенного Королевства. Усовершенствования, введенные Иессеном, Иверсеном, Троэм-Смитом в Дании и Годвином в Англии (насчитывающие большое количество частиц, включая травы, наряду с деревьями и т. д.), не представлены в пыльцевых диаграммах, опубликованных в русской археологической периодике. Зоны, установленные с помощью этих усовершенствованных методов, теперь предварительно «датируются» с помощью ^{14}C. Зона IV (добореальная) — около 7500 г. до н. э. (Кларк, Star Carr), зона V (раннебореальная) — около 6300 г. до н. э. и т. д.

Советские археологи, по-видимому, принимают абсолютные даты для бронзового века, данные Монтелиусом около 1903 г., игнорируя тот факт, что интервал между египетскими и месопотамскими датами, на котором они были основаны, решительно сокращен. Английские, чешские и датские историки первобытности всегда предпочитали более низкие цифры, и немцы, и шведы пошли недавно

по тому же пути. От старых высоких дат для начала бронзового века русские первобытники, по-видимому, считают в обратном порядке путем экстраполяции, что устарело на западе еще с 1918 г. (кроме нацистской Германии), и получают высокие данные для неолита. Конечно, низкие датировки английских, чешских и датских систем являются также лишь предположениями, и советские гипотезы могут быть не хуже английских и чешских. Но в настоящий момент обе системы не допускают сопоставления периодов между поселениями на Украине и в Северной Германии. Ханчар в «Das Pferd», оперируя с русскими и немецкими датами как точно сравнимыми, делает совершенно неправомерные заключения; не представляется возможным показать, являются ли Думмер или Оссары более ранними или более поздними, чем Усатово. Сравнения, проводимые Ефименко между ранними неолитическими стоянками на Украине и маглемозскими на Балтике, неубедительны. Маглемозские стоянки хорошо датируются с помощью пыльцевых зон и представлены обильными и разнообразными материальными остатками, развитие которых может быть прослежено вокруг Северного моря от зоны IV в. Star Carr (Yorkshire) через классический Маглемозе зоны V—VI к переходу в зону VIII и даже в народную культуру современных балтийских стран. До тех пор пока не будет найдено на Украине или в Южной России подобное количество реально различимых типов, естественно датированных пыльцой, геологией или ^{14}C, приоритет этих районов будет казаться неправдоподобным.

Восстановление в правах понятия культуры среди интерпретирующих понятий я лично приветствую. Однако представляется, что делается это довольно наивным путем, принятым главным образом в Германии. В Германии между 1921 и 1945 гг. каждый вновь найденный локальный вариант неолитической керамики возводился в ранг новой «культуры», даже если ничто еще не было постоянно связано с новой керамикой. Между тем культура должна, конечно, быть повторяющимся комплексом определенных особенностей, проявляющихся в различном материале и в определенных аспектах человеческой деятельности — в орудиях и оружии, в планах домов и в погребальных обрядах, в личных украшениях и в декоративных орнаментах.

Но как мои советские коллеги определят катакомбную культуру? Городцов берет за основу тип погребений. Но что является критерием для Поповой (СА. 1955. XXII. С. 21)? Все ли типы керамики, определенные ею как катакомбные, могут быть по крайней мере иногда найдены в катакомбах (и есть ли какие-либо катакомбы в ее среднеднепровской группе)? Встречаются ли катакомбы по всей области, которая по ее карте относится к катакомбной культуре (рис. 5, с. 41)? Я знаю катакомбы на Волге, (Pay, Hockergräber der Volgasteppe, 48 и 52), отнесенные Поповой к полтавкинской культуре. Но полтавкинские сосуды, несмотря на то что они обычно находятся в ямах, не отличаются от стандарта более, чем другие варианты, которые она показывает на рис. 9. Есть также катакомбы около Одессы, на Кубани, Тереке и даже в Дагестане, за пределами района, указанного ею. Почему не даны карты, показывающие распространение катакомб, катакомбных кинжалов, молоточных булавок, деформированных черепов и т. д. с указанием каждого кургана или курганного кладбища (как у Фосс, МИА-29)? Это показало бы, какие типы действительно соответствуют друг другу. Карты, показывающие распространение с помощью штриховки или обрисовки, годятся для популяризации, но не для развития знания.

16.12.56 *В. Гордон Чайлд*

Н. Я. МЕРПЕРТ

К ПУБЛИКАЦИИ ПИСЬМА В. Г. ЧАЙЛДА

Публикуемое письмо рукой автора не подписано. И все же оснований сомневаться в подлинности письма и авторстве В. Г. Чайлда нет. Чтобы обосновать это утверждение, остановлюсь на нескольких моментах. Первый чисто формальный. Письмо напечатано на машинке, но адрес на конверте написан от руки, причем почерк Г. Чайлда был идентифицирован адресатом — А. В. Арциховским, передавшим мне (в то время ученому секретарю института) письмо в начале 1957 г. То же было подтверждено в разговоре со мной и М. И. Артамоновым, получившим второй экземпляр этого письма. По его словам, третий экземпляр был прислан на имя П. П. Ефименко. Направление писем именно этим трем ученым совершенно закономерно: с первыми двумя Г. Чайлд был знаком и связан многолетней перепиской, относительно его отношений с третьим у меня сведений нет, но исследования П. П. Ефименко в Костёнках издавна привлекали к себе особое внимание замечательного английского исследователя. Второй довод уже отнюдь не формален. Вопросы, поднятые в письме, буквально в тех же

© Н. Я. Мерперт, 1992 г.

словах обсуждались Г. Чайлдом с русскими археологами, прежде всего с тем же А. В. Арциховским (личное сообщение последнего) и при посещении ГИМа с А. Я. Брюсовым, при разговоре с которым автор этих строк присутствовал.

И наконец, главное. Ни один зарубежный археолог в первое послевоенное десятилетие не был осведомлен о состоянии советской археологической науки, о ее достижениях, сильных сторонах и многочисленных недостатках (теоретических, методических, технических, публикационных и пр.) в такой степени, как Г. Чайлд, специально изучивший русский язык, еще в конце 40-х годов посетивший нашу страну, тесно связанный с нашими учеными и более трех десятилетий систематически следивший за полевыми исследованиями русских археологов, за их экспериментальной деятельностью и конечно же научной литературой.

Поэтому ни один другой западный археолог попросту не мог быть автором этого письма. Все вышеизложенное подтверждает, что оно принадлежит перу Вира Гордона Чайлда, 100-летие со дня рождения и 35-летие со дня гибели которого отмечаем мы в этом году.

Это горькое письмо написано человеком, на протяжении всей своей многосторонней, беспрецедентной по проблемному охвату и поразительно плодотворной научной деятельности, с постоянным глубоким интересом относившимся к русской археологии, к ее материалам, тематической направленности, к ее полевым открытиям, методическим приемам и поискам новых методологических принципов. Он с радостью и даже с определенной увлеченностью пропагандировал ее достижения и тем более остро, с проницательностью крупнейшего специалиста и подлинного мыслителя видел ее недостатки. Критичность, часто достаточно резкая, характерна для ряда его работ. Он активно участвовал во многих дискуссиях, посвященных как конкретным археологическим феноменам, так и общим методологическим проблемам. И всегда вступал в эти дискуссии бескомпромиссно, с «открытым забралом». Он неоднократно подвергал критическому пересмотру и собственные представления, в том числе самые фундаментальные. Это касалось даже концепции диффузионизма, одним из основателей которой он был и которой придерживался всю жизнь [1—3], плодотворно развивая основные ее положения и противопоставляя их как доминировавшим ранее миграционным построениям, так и абсолютизации и вульгаризации эволюционизма [4, 5], особенно резко проявившимся в «стадиальном схематизме», столь долго тяготевшем над советской археологической (и исторической) наукой. Изучение ряда конкретных явлений как европейской, так и ближневосточной и центральноазиатской праистории, а также учет опыта и критических замечаний советских исследователей побудили Г. Чайлда смягчить категоричность ряда положений этой концепции, признав, что наряду с внешними воздействиями изменения культуры и связанная с ними «обширная область археологических фактов» могут быть объяснены внутренним социальным и техническим развитием общества [6, 7]. В значительной мере это явилось результатом глубокого интереса Г. Чайлда к философии истории, в том числе к марксистской ее концепции, основные положения которой он принимал и использовал [8], но отнюдь не догматически, не абсолютизируя их и не противопоставляя другим концепциям, в том числе и диффузионизму. Пристальное внимание к различным методологическим принципам, объективное сопоставление, а в ряде случаев и совмещение их в значительной мере обуславливали научную прочность и подлинно концептуальный характер синтетических построений ученого. Вместе с тем, придя к признанию материалистических принципов при интерпретации археологических данных и, более того, при объяснении самого исторического процесса, Г. Чайлд последовательно их отстаивал вопреки резкому противодействию его коллег как в самой Англии, так и в других западных странах. Глубокая принципиальность, прямота и научная (и человеческая) стойкость сильно усложняли его жизнь и заметно воздействовали на всю его судьбу. Но они же обусловили и величие его научного наследия. Идеи и конкретные исторические реконструкции Г. Чайлда в значительной мере определили развитие

всей первобытной археологии (и не только первобытной) середины и второй половины нашего века. Они обретали все больше сторонников, решительно способствуя углублению и совершенствованию анализа археологических материалов, использованию их прежде всего в качестве источников изучений развития человеческого общества. Книги В. Г. Чайлда переводились на многие языки мира, в том числе и на русский [9—11]. Г. Чайлду посвящались и посвящаются специальные конференции и сборники. Многие основные его идеи подтверждены новыми открытиями и разработками. Другие оспорены, пересмотрены или даже отвергнуты, но и при этом они сохранили значение важнейшего импульса в определении и исследовании ключевых проблемных направлений изучения древнейшей истории человечества. Достаточно показателен здесь пример проблемы перехода от присваивающей к производящей экономике — так называемой «неолитической революции», впервые сформулированной Г. Чайлдом в 1925 г. [1]. Разработка этой проблемы фактически превратилась в особую отрасль праистории и обусловила появление целой серии блестящих исследований Р. Брейдвуда, Л. Бинфорда, Л. Уайта, К. Флэннери, Ф. Хола, Ж. Ковена и многих других. Предложенная же Г. Чайлдом концепция причин и механики этого периода — так называемая «оазисная теория», опиравшаяся на исходные положения о географическом детерминизме этого явления и о моноцентристском его характере, вызвала острую дискуссию и всеобщего признания не получила. Но она явилась значительнейшим импульсом для выработки целого ряда иных концепций, опиравшихся уже на системный подход к данному феномену и на тезис о его безусловном полицентризме. Эти концепции заметно отличались от концепции Г. Чайлда, что, однако, ни в коей мере не умаляет его роли создателя направления в целом и первопроходца.

И число столь же значительных проблемных направлений, сформулированных и разработанных Г. Чайлдом, поразительно велико. Можно без преувеличения сказать, что ни один ученый не сделал столько для историзации археологии, прежде всего археологии дописьменных периодов, где вещественные материалы являются не только основным, но фактически и единственным видом источников. Блестящий синтез фактически всех известных в первой половине нашего века материалов по первобытной археологии огромных территорий Старого Света позволил ему впервые создать широкую, глубоко обоснованную и концептуально цельную картину древнейшей истории Европы и Древнего Востока. При этом в отличие от большинства своих предшественников — как археологов, так и историков — в последнее понятие наряду с классическими областями Египта, юга Месопотамии и Палестины Г. Чайлд включил Сахару, Судан, Сирию, север Месопотамии, Иран, Белуджистан и Северную Индию [12].

Создание этой картины, представленной в основных монографиях Г. Чайлда — «У истоков европейской цивилизации» и «Древнейший Восток в свете новых раскопок», беспрецедентно и должно рассматриваться как подлинный научный подвиг. Но творчество Г. Чайлда оставило глубокий след и в других областях нашей науки. Его полевые исследования немногочисленны, но отличаются высоким методическим совершенством и предельной информативностью. Таковы его раскопки поселений Скара Брэй и Райнио на Оркнейских островах, давшие превосходные материалы для характеристики позднеолитической культуры Шотландии. Здесь были восстановлены планировка и архитектура вплоть до деталей интерьера, ритуальные постройки и погребальный обряд [13]. Именно эти материалы явились основой документации одной из значительных культур Британских островов конца III—II тыс. до н. э. Они свидетельствуют о высоком искусстве Г. Чайлда как полевого археолога и о его праве судить и об этой области нашей науки.

Теоретические и методологические проблемы занимали особое место в творчестве ученого, что уже отмечалось выше. Он не только рассматривает их фактически во всех своих монографиях, но и посвящает им ряд специальных ценнейших исследований [5, 8, 14], полностью сохраняющих свое значение по

сие время. Повторю лишь в этой связи, что положение исторического материализма и должное внимание к внутреннему развитию конкретных обществ органично сочетаются в исследованиях Г. Чайлда с основными положениями диффузионизма и признанием роли миграций. Такое сочетание принципиально важно при разработке как экономических и культурных, так и этнических проблем. По сути дела, оно дало начало определению и исследованию таких активно изучаемых ныне феноменов, как контактные зоны, механика формирования культурных общностей и их трансформация, явления аккультурации и т. д. Развитие и этого направления археологической теории связано, таким образом, с именем Г. Чайлда.

Значительное внимание уделял он и реконструкции социальных отношений и идеологии древних обществ по археологическим данным, четко сознавая особую трудность и специфичность этой задачи. Последнее побуждало его к большой осторожности и предельной конкретности подобных опытов: вначале он рассматривал древние общественные отношения на материалах ограниченных территорий, прежде всего Англии и Шотландии [6, 15, 16], и, лишь выработав определенные методологические и методические посылки подобных исследований на этих сугубо конкретных материалах, распространял их на широкие территории. В ряде случаев им достаточно убедительно используется археологический материал как показатель усложнения общественных структур, имущественного неравенства, появления частной собственности и рабства, усиления межплеменных столкновений, а далее и войн. С большой прозорливостью определена роль в этих процессах распространения производящего хозяйства и роста прибавочного продукта, зарождения и развития ремесел, активизации обмена, а далее и торговли, возникновения металлургии, ирригации, фортификационного строительства и прочих феноменов, документированных археологическими источниками [17]. И хотя предложенный Г. Чайлдом термин «городская революция» (как второй переломный момент в социально-экономическом развитии после революции неолитической) не получил широкого признания и не привился в нашей науке, огромная важность процесса возникновения городов и связь его с формированием государственности и цивилизаций определены совершенно правильно. И этот тезис Г. Чайлда открыл значительные перспективы в исследовании социально-экономической проблематики древнейшей истории. Он явился решающим импульсом постановки и разработки таких проблем, как типология и иерархия древних поселений, их группировки и системы, определение понятия «город» и его экономические, социальные, пространственные, конструктивные, демографические индикаторы, локальные особенности древнейших городов и процессов их сложения, соотношение города с прочими феноменами социального развития и т. п.

Трудно перечислить все направления археологии, обогащенные творчеством Г. Чайлда, все проблемы, поставленные и разработанные им,— от интерпретации остатков неолитических жилищ [18, с. 77—86] до определения путей распространения культурных достижений и ключевых территорий этого процесса [2], вопросов возникновения и развития научных знаний в древних обществах [19] и, наконец, уже упоминавшихся общих реконструкций хода древнейшей истории Европы и значительной части Азии и Африки.

Но хотел бы отметить еще одну весьма значительную и столь же «многотрудную» проблему, разрабатывавшуюся нашим выдающимся современником и, возможно, обусловившую его особый интерес к археологическим памятникам нашей страны и их исследованиям. Я имею в виду извечно дискуссионную индоевропейскую проблему, которая увлекла Г. Чайлда еще в самом начале его научной деятельности. Филолог-классик по университетскому образованию и уже сложившийся археолог по своим интересам и исследовательскому опыту, он в первой половине 20-х годов предпринял попытку сопряжения данных обеих наук для решения проблемы происхождения индоевропейцев [20]. При этом приоритетную роль в ее разработке он отводил лингвистике, подчеркивая, что «язык, хотя и абстрактно, является более тонким и всеобъемлющим критерием конк-

ретного явления, чем культурная общность, сформированная с помощью сличения кремней и черепков, оставленных выделенными по черепным показателям „расами"» [20, с. 4]. Но вместе с тем он признавал и всевозрастающую роль археологии, прежде всего в определении времени существования, территории, экономических и культурных параметров древнейших индоевропейцев. Им произведен первый после О. Шрадера серьезный синтез всех исследований проблемы, в результате которого он отверг распространенные в те годы представления школы Г. Коссины о происхождении основных индоевропейских культур из Северной Европы. Оспаривал он и теории дунайского и центральноевропейского происхождения последних, подчеркивая прочно оседлый характер неолитических культур этих регионов, абсолютное господство земледелия в их хозяйственной системе, распространение специфически земледельческого образа богини-матери в их религии: ни один из этих признаков Г. Чайлд не считает характерным для древнейших индоевропейцев, в большинстве своем (по его представлениям) скотоводов, отличавшихся определенной подвижностью (хотя и не перешедшей еще в конечные формы) и не знавших земледельческих культов. Приведя детальную археологическую характеристику всех возможных «прародин» индоевропейцев, он вслед за О. Шрадером останавливается на северопричерноморской степной полосе. И в этой связи следует еще раз подчеркнуть поразительную перспективность синтетических построений Г. Чайлда и выдвинутых им гипотез, огромное воздействие их на дальнейшее развитие ключевых научных проблем. «Степная теория» на долгие десятилетия — вплоть до наших дней — стала господствующей в поисках исходной территории древнейших индоевропейцев и связанных с ними культурных общностей: достаточно указать здесь работы М. Гимбутас, Д. Меллори, Я. Лихардуса, Е. Н. Черных, В. Н. Даниленко, Б. Йовановича, Д. Занотти, Д. Энтони, И. Эчеди и многих других.

В ходе работы над этой проблемой Г. Чайлд, естественно, столкнулся с материалами русской и украинской территорий и соответствующей научной литературой и приступил к тщательному их изучению. И здесь круг его научных интересов непрестанно расширялся. В результате в последующих изданиях его «The Down of European Civilization» (впервые в сводном труде западного ученого по праистории Европы) рассмотрены верхнепалеолитические и мезолитические памятники Крыма, трипольская культура, Мариупольский и Нальчикский могильники, памятники майкопского и новосвободненского типа, курганы всех последовательных ступеней развития степного бронзового века, фатьяновская культура и пр. Причем автор отнюдь не ограничивается описанием памятников, он анализирует их и включает их в общий контекст своего синтетического исследования, а ряд его заключений, касающихся соотношения восточноевропейских культур, их экономики, связей, хронологической позиции и пр., свидетельствует о глубоком проникновении в соответствующую проблематику. Выше уже отмечался и особый интерес Г. Чайлда к методологическому и методическому аспектам деятельности наших археологов. Уже в 30-е и 40-е годы он подчеркивал их особое внимание к внутреннему развитию общества, обусловившее исследования, которые представляются ему «более историческими, чем перечень вторжений, и солидно обоснованными» [6]. Но вместе с тем тогда же он отмечал и пагубный характер «псевдомарксистского материализма», приводящего к примитивизации исторического процесса и «стадиальному схематизму» [4]. Последнее представляется совершенно справедливым и характеризует одну из негативных тенденций в теоретическом аспекте нашей археологии после известных дискуссий конца 20-х — начала 30-х годов. И здесь можно подчеркнуть поразительную прозорливость Г. Чайлда.

И именно с этим связан, как я полагаю, ряд основных положений публикуемого ныне письма. Оно, по твердому моему убеждению, не требует ни оправданий, ни тем более опровержений. Еще раз повторю: письмо написано ученым, глубоко компетентным во всех поднятых в нем вопросах, искренне симпатизировавшим советской науке и с большой горечью констатировавшим ее значительные не-

достатки, прежде всего несоответствие между широковещательными заявлениями о выработке принципиально новой методологии, о создании подлинно марксистской истории материальной культуры и соответствующей ее задачам методики, с одной стороны, и подлинной исследовательской практикой — с другой. По сути дела, к этому несоответствию и сводятся основные положения письма. И ни одно из них не может быть сочтено ни безосновательным, ни предвзятым. Но чтобы судить о них, необходимо прежде всего учитывать специфику того конкретного периода в истории нашей науки, к которому относятся и эти положения, и само письмо, т. е. периода первого послевоенного десятилетия. Специфика эта определялась неизжитыми тенденциями 30-х годов: абсолютизацией официально утвержденных, примитивизированных, а зачастую и извращенных марксистских методологических установок, идеологическим прессингом и общей политизацией археологии. Такое прокрустово ложе, естественно, отнюдь не способствовало нормальному развитию теоретического и методического аспектов русской археологии, требующих прежде всего свободы мышления, сосуществования различных школ, столкновения различных, даже альтернативных гипотез, сопоставления различных методик. Теоретические дискуссии начала 30-х годов, декларировав отмеченную абсолютизацию, противопоставив не только методологические, но и методические установки «марксистской истории материальной культуры» фактически всем соответствующим установкам, выработанным как предшествующей русской, так и современной зарубежной «буржуазной» наукой (достаточно вспомнить здесь отношение в тот период к типологическому методу, понятию «археологическая культура», хронологизации и пр.), предопределили как изоляцию советских археологов, так и определенное сокращение внимания к конкретным исследованиям, их методике и технике.

Конечно, и в этот период были в нашей науке весьма значительные достижения, они хорошо известны, ряд их перечисляет сам автор письма. Но это не умаляет справедливости критических замечаний Г. Чайлда.

Так, если методика раскопок поселений большими площадями и курганов на снос была выработана советскими археологами еще до войны, то широкое внедрение она получила уже в 50-е годы, а отражение в публикациях техники раскопок и соответствующих их показателей долгое время было явно неудовлетворительным. Это связано как с просчетами самих археологов, так и с ограниченностью издательских возможностей и качеством полиграфии. И по отношению к нашим археологическим публикациям указанного периода замечания Г. Чайлда о значительных недостатках графической документации, отсутствии детальных разрезов и планов раскопанных объектов, а также данных аэрофотосъемки, позволяющих обнаружить древние поля, загоны для скота, дороги и пр., абсолютно правомерны. То же следует сказать и о замечаниях, касающихся ряда хронологических схем советских археологов, шаткости обоснования датировок определенных стадий (Триполье) и конкретных комплексов (Бородинский клад), неполного и недостаточно корректного использования ближневосточных и эгейских хронологических индикаторов, несовершенства опубликованных в нашей стране пыльцевых диаграмм. Здесь, безусловно, сказалась оторванность от западной науки, отсутствие взаимодействия с ней и регулярного обмена информацией. Чисто методический характер носит вопрос о правомерности сопоставления украинских мезолитических стоянок с памятниками культуры Маглемозе Балтийского региона: речь идет здесь о неразработанности методики сличения и ее доказательности. Наконец, вопрос о понятии археологической культуры и принципах ее выделения, связанный как с методологическими, так и с методическими установками археологической науки. Г. Чайлд пишет о фактическом отсутствии таких установок по отношению к указанному понятию и соответствующей его расплывчатости в советской археологии. И это совершенно закономерно: понятие это в период засилия «стадиального схематизма» и борьбы с «буржуазной идеологией» оказалось в глухой опале. Специальных позитивных разработок, посвященных ему, долгие годы не было. Отсюда и расплывчатость.

Фактически «реабилитация» этого понятия и значительное повышение интереса к теоретическому его осмыслению связаны с огромным накоплением новых материалов в результате резкой активизации полевых исследований начиная с 50-х годов. Тогда же были пересмотрены и в значительной мере отринуты установки «стадиального схематизма». Должное место заняли изучение конкретных общностей, систематизация и анализ их материалов, опиравшиеся на традиционные и вновь вырабатываемые археологические методы. С этим связано и возрождение разработки теоретических проблем нашей науки. В 60-е годы началось активное обсуждение вопросов археологических дефиниций и прежде всего понятия археологической культуры. Последнему вопросу был посвящен ряд специальных дискуссий и значительная серия публикаций, многие из которых представляют безусловный интерес [21—29]. Теоретическая лакуна 30—40-х годов начала постепенно заполняться, и ныне положение в этой области заметно отличается от середины 50-х годов, когда было написано обсуждаемое письмо. Но все же вопрос об археологической культуре и по сей день не утратил своей дискуссионности, а критическое предупреждение Г. Чайлда — актуальности. До сих пор даже получившие широкое признание принципы выделения культур (особо отмечу здесь превосходную статью И. С. Каменецкого [23]) далеко не всегда соблюдаются в археологической практике. Остаются весьма слабо разработанными в нашей литературе вопросы об иерархии археологических общностей, о содержании, характере и индикаторах последних на различных уровнях, в различные исторические периоды, в различных хозяйственно-культурных системах. Здесь предстоит еще большая и достаточно сложная работа.

Это в полной мере касается и других аспектов отечественной археологии, состояние которых в середине 50-х годов вызвало критические замечания Г. Чайлда. Во всех них за истекшие со времени его письма 46 лет произошли весьма значительные прогрессивные изменения. Резкое повышение методического и технического уровня как раскопок, так и всех видов аналитической обработки материалов, выработка целого ряда новых методов, технических приемов, фиксационных систем и пр. делают несравнимыми уровень современной нашей науки и уровень ее 1956 г. Ряд содержащихся в письме замечаний давно реализован. Но все же и в нашей раскопочной и публикационной практике, и во внедрении новой методики, и в системах обоснования датировок, и в определении степени близости и общего соотношения различных археологических феноменов еще достаточно много существенных недостатков. Многое нуждается в постоянном внимании и совершенствовании. И в этом плане давнее (и по понятным причинам до сего времени не публиковавшееся) письмо одного из крупнейших археологов нашего века не потеряло ни интереса, ни поучительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Childe V. G.* The Down of European Civilization. 1-th Ed. L., 1925.
2. *Childe V. G.* The Danube in Prehistory. Oxford, 1929.
3. *Childe V. G.* The Prehistoric Migrations in Europe. Oslo, 1950.
4. Changing Methods and Aims in Prehistory. Presidential Adress for 1935 by V. G. Childe//Proceedings of the Prehistoric Society. L., 1935.
5. *Childe V. G.* Piecing Together the Past (The Interpretation of Archaeological Data). L., 1956.
6. *Childe V. G.* Scotland before the Scots. L., 1946.
7. *Childe V. G.* The Down of European Civilization. 6-th Ed. L., 1957.
8. *Childe V. G.* Social Evolution. L., 1951.
9. *Чайлд Г.* Прогресс и археология. М., 1949.
10. *Чайлд Г.* У истоков европейской цивилизации. М., 1952.
11. *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
12. *Childe V. G.* New Light on the Most Ancient East. L., 1952.
13. *Childe V. G.* Scara Brae. L., 1931.
14. *Childe V. G.* The Prehistory of European Society. L., 1958.
15. *Childe V. G.* The Prehistory of Scotland. L., 1939.
16. *Childe V. G.* Prehistoric Communities of the Brittish Isles. L., 1942.
17. *Childe V. G.* Man Makes Himself. L., 1936.
18. *Childe V. G.* Neolithic House-Types in Temperate Europe//Procs Prehistoric Soc. 1949. V. XV.

19. *Childe V. G.* Society and Knowledge. The Growth of Human Traditions. N. Y., 1956.
20. *Childe V. G.* The Aryans: A Study of Indo-European Origins. N. Y., 1926.
21. *Смирнов А. П.* К вопросу об археологической культуре//СА. 1964. № 4.
22. *Захарук Ю. Н.* Проблемы археологической культуры//Археологія. 1964. № 15.
23. *Каменецкий И. С.* Археологическая культура, ее определение и интерпретация//СА. 1970. № 2.
24. *Клейн Л. С.* Проблема определения археологической культуры//СА. 1970. № 2.
25. *Бочкарев В. С.* К вопросу о системе основных археологических понятий//Предмет и объект археологии и вопросы методики археологических исследований. Л., 1975.
26. *Черных Е. Н.* Модель археологии и факторы существования культуры (проблемы и гипотезы)//Godišnjak. 1983. Т. XXI. Kniga 19.
27. *Генинг В. Ф.* Археологическая культура — социально-исторический организм — центральная категория познания археологии (к разработке теории археологической культуры)//Исследования социально-исторических проблем в археологии. Киев, 1987.
28. *Викторова В. Д.* Научный поиск в археологии. Свердловск, 1989.
29. *Массон В. М.* Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.

Институт археологии
РАН, Москва

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

XII АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ СЪЕЗД В ХАРЬКОВЕ (1902)

Общеизвестно огромное значение археологических съездов дореволюционной России для изучения прошлого нашей страны. Идея их, как известно, принадлежала одному из крупнейших русских археологов XIX в., неутомимому графу Алексею Сергеевичу Уварову (1825—1884), выдающееся значение деятельности которого для науки начинает восстанавливаться лишь теперь [1, с. 86, 87; 2, с. 61—69; 3]. Задачей съездов, свидетельствовала гр. П. С. Уварова, было уничтожить равнодушие образованной части общества к древности, поднять и распространить на местах интерес к письменным и вещественным памятникам, сблизить и объединить всех интересующихся нашими древностями, поднять вопрос о создании научных центров и музеев в разных городах России, поставить и научно разрешить вопросы, связанные с древностями, возбудить вопрос о необходимости создания особых археологических кафедр при учебных заведениях для подготовки кадров и т. д. [4]. На первом же съезде (1869 г.) было решено собирать съезды раз в 3 года, специальный Предварительный комитет обязан был перед каждым съездом выработать вопросы, о которых было желательно на данном съезде иметь суждение и т. д. Вопросы эти рассылались по учреждениям, ученым обществам и отдельным лицам, приглашая их принять участие в работе съезда. Было крайне существенным, что съезды собирались в разных (и не непременно исторических) городах страны [1], что необычайно поднимало интерес к древностям на местах, где подготовка к съездам давала большой размах научной работе. Так, I съезд был осуществлен в 1869 г. в Москве, II — в Петербурге (1871 г.), III — в Киеве (1874 г.), IV — в Казани (1877 г.), V — в Тифлисе (1881 г.) VI — в Одессе (1884 г.), VII — в Ярославле (1887 г.), VIII — снова в Москве (праздновалось 25-летие Московского археологического общества, 1890 г.), IX — в Вильне (1893 г.), X — в Риге (1896 г.), XI — снова в Киеве (1899 г.). Ровно 90 лет назад в Харькове собрался XII Археологический съезд (1902 г.). Этой юбилейной дате и посвящено настоящее сообщение.

[1] Нельзя согласиться с мнением, что в наши дни роль съездов выполняли якобы ежегодные отчетные пленумы Института археологии АН СССР, посвященные итогам полевых исследований сезона [5, с. 823]. Пленумы эти носили отчетно-полевой характер и не посвящались какой-либо отдельной территории (как это было во времена съездов), ни каким-либо отдельным острым вопросам. Выбор обсуждавшихся тем в значительной степени был случаен. Однако и в этой роли съезды ученых были полезны.

© Л. В. Алексеев, 1992 г.

За 33 года со времени I съезда русская археология шагнула далеко вперед. Теперь это уже было не любительство, а научная дисциплина; по работам, оглашавшимся на съездах, можно проследить, как много стало известно исследователям прошлого нашей страны. За это время был доложен 1261 (!) реферат, издано 36 томов «Трудов» съездов (не считая каталогов выставок). Если первые съезды были малолюдны, то теперь популярность их необычайно возросла — они захватили значительную часть русской интеллигенции. Среди первых двенадцати съездов именно двенадцатому принадлежала особенно видная роль. В организации этого съезда большое участие приняли известные харьковские историки, и прежде всего профессора Харьковского университета Д. И. Багалей, Н. Ф. Сумцов и др. Предварительный комитет съезда издал три части своих «Трудов», где были помещены протоколы комитета, инструкции по собиранию археологических, исторических, этнографических и других материалов. В обширнейшем I томе «Трудов» съезда были опубликованы 24 реферата, среди которых назовем предисловие к археологической карте Харьковской губернии и объяснительный текст к ней (Д. И. Багалей), рефераты В. В. Хвойки о городищах Среднего Поднепровья, В. З. Завитневича о влиянии византийской культуры на быт Руси, карта монетных кладов и отдельных находок монет Харьковской губернии (В. Е. Данилевич) и др. Однако не эти доклады оказались на съезде главнейшими. Эпоху в науке составили работы В. А. Городцова о древностях эпохи бронзы в южнорусских степях и работы начинающего тогда, никому еще неизвестного учителя Верхнесалтовского училища В. А. Бабенко о его полевых открытиях близ Верхнего Салтова.

Вопрос о населении наших южнорусских степей в доскифскую эпоху и ранее до этого никогда не ставился в науке по неимению данных. Ответить на него удалось на съезде классику русской археологии Василию Алексеевичу Городцову, проведшему по поручению МАО в 1901 г. широкие исследования в Изюмском уезде Харьковской губернии. Помимо многих неолитических стоянок им были изучены в этих местах многочисленные курганы «металлического периода», которые он разделил на несколько групп. Благодаря этим материалам он сделал ряд выводов, большая часть которых оказалась затем незыблемой: ямные погребения — самые древние — оставлены единым народом и принадлежат началу бронзовой поры; катакомбные позднее ямных, оставившее их население занималось скотоводством, обрабатывало металлы, торговало с более культурными народами. Влияние этой культуры отразилось далеко в Средней и Северной России [6, с. 200]. Срубные погребения позднее катакомбных. Оставившее их население занималось скотоводством, обрабатывало металл и т. д. Ошибочным оказалось утверждение В. А. Городцова, что все три палеометаллических культуры оставлены были разными народами, которые на этой территории сменяли друг друга. И сейчас на этот счет нет единого мнения: для О. А. Граковой было несомненным, что катакомбная культура выросла из ямной [7], Н. Я. Мерперт же считает, что срубная культура — наследница ямной [8], и т. д. Датируется эта культура в наше время второй половиной II — первой половиной I тыс. до н. э. [9].

Открытие и исследования В. А. Городцовым культур эпохи бронзы в южнорусских степях, прозвучавшие на XII Археологическом съезде, переоценить невозможно. Впервые наука получила представление о древнейших скотоводческих племенах, населявших эту громадную территорию в IV—II тыс. до н. э.

На XII Археологическом съезде были доложены, как мы говорили, результаты исследований на могильнике Верхнее Салтово, давшем наименование целой культуре, памятники которой были оставлены полукочевыми и земледельческими народами VIII—IX вв. н. э. в Подонье и Приазовье. Древности этой культуры эпизодически исследовались еще в 1890-х годах, однако только открытие богатейшего Салтовского могильника В. А. Бабенко и раскопки его (главным образом А. М. Покровским), а также Зливкинского могильника Изюмского уезда В. А. Городцовым позволили на XII съезде осмыслить все накопленное и определить, что «бассейн в VIII—IX вв. был заселен народами, создавшими единую и цельную

культуру», датировать которую позволяют арабские монеты. Сложнее было с определением этнической принадлежности этой культуры. Вопрос этот на съезде решен не был. XII Археологический съезд не только по достоинству оценил открытие салтовской культуры, но и высказал пожелание возможно более расширить работы по салтовской проблеме [10, с. 124—128]. За это взялся В. А. Бабенко. Он исследовал не одну сотню могил, неоднократно публикуя полученные результаты [11—13].

Настоящей краткой заметкой нам хотелось напомнить о том месте, которое занимает в истории науки состоявшийся 90 лет назад XII Археологический съезд, и о тех проблемах, которые впервые на нем были поставлены. Проблемы эти сохранили свое значение и до наших дней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Формозов А. А.* Очерки истории русской археологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. *Формозов А. А.* К столетию «Археологии России» А. С. Уварова//Природа. 1981. № 12.
3. Уваровские чтения. Тезисы докладов. Муром: Истор.-худож. музей, 1990.
4. *Уварова П. С.* Обзор деятельности двенадцати первых Археологических съездов//Тр. XII Археол. съезда в Харькове, 1902 г. Т. III. М., 1905.
5. Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М., 1964.
6. Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском у. Харьковской губ. 1901 г.//Тр. XII Археол. съезда в Харькове, 1902 г. Т. 1. М., 1905.
7. *Кривцова-Гракова О. А.* Генетическая связь ямной и катакомбной культур//Тр. ГИМ. 1938. Вып. VIII.
8. *Мерперт Н. Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
9. *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья//МИА. 1958. № 61.
10. Известия XII Археологического съезда в Харькове 15—27 августа 1902 г. Харьков, 1902.
11. *Бабенко В. А.* Что дали нового последние раскопки в Верхнем Салтове//Тр. XIII Археол. съезда. Т. I. М., 1907.
12. *Бабенко В. А.* Памятники хазарской культуры на юге России//Тр. XV Археол. съезда в Новгороде, 1911 г., Т. I. М., 1914.
13. *Бабенко В. А.* Древние памятники хазарской культуры в с. Верхнем Салтове//Тр. XV Археол. съезда в Новгороде, 1911 г. Т. I. М., 1914.

Институт археологии РАН,
Москва

Критика и библиография

И. И. Крупник. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.

Накапливая огромный объем сведений о древности, археология все в большей мере стремится выйти на уровень исторического знания. Реальное продвижение в этом направлении, как известно, в значительной мере связано с максимальным использованием достижений других наук. В этнографии народов, ведущих присваивающее хозяйство, с точки зрения археологии наиболее интересны работы, в которых ставятся сходные проблемы, в особенности назревшие и на археологических материалах. Естественно, что в таких работах проявляется встречное внимание к данным археологии, и археологу немаловажно знать, как они интерпретируются этнографом.

Интерес специалистов по первобытной археологии, несомненно, привлечет и рецензируемая книга. Этноэкология, которой посвящена книга, по принятому автором определению В. И. Козлова, представляет собой научное направление на стыке этнографии и экологии человека, изучающее особенности традиционных систем жизнеобеспечения этнических групп и этносов в целом, специфику использования ими природной среды и воздействия на нее, традиций рационального природопользования, закономерностей формирования и функционирования этноэкосистем (с. 11). Согласно И. И. Крупнику, этноэкология стремится рассматривать этнос, его культуру, производственную деятельность и осваиваемую природную среду в динамическом единстве, т. е. в виде сложной развивающейся системы (с. 13). Вполне естественно, что в основе этноэкологии лежат принципы системности и моделирования, широко используются количественные показатели и оценки.

Для описания традиционных моделей жизнеобеспечения арктических народов в книге применяются средства количественной оценки, известные в различных науках как «метод балансов». В приложении к избранному предмету это означает возможность расчета баланса жизнеобеспечения, выражающегося соотношением между потребностями в пище, топливе, сырье для производства и обмена и фактическим получением необходимой продукции. Благодаря расчету выявляется, насколько эффективно использовались коллективом ресурсы своей территории и находились ли размеры и потребности коллектива «в гармонии» со средой обитания.

Главные балансы жизнеобеспечения составлены в единицах энергии (килокалориях), как принято измерять внутренние связи в сложных экосоциальных сообществах в зарубежной литературе. Детальная реконструкция традиционных балансов жизнеобеспечения для всей Арктики, очевидно, была бы заведомо невыполнимой задачей, поэтому она проведена для ряда локальных групп у народов с максимальным развитием наиболее важных форм жизнеобеспечения тундровой зоны Евразии — азиатских эскимосов (морской промысел) и тундровых ненцев и оленных чукчей (крупностадное оленеводство). Хронологические рамки балансового анализа (1920—1930-е годы) обусловлены кругом наиболее полных статистических сведений, удачно дополненных воспоминаниями людей старшего поколения.

Органическая увязка данных о динамике климата и продуктивности среды, размерах коллективов, добывании и расходовании ими средств существования и пр. порождает качественно иные исследовательские возможности по сравнению с традиционной в этнографии описательной информацией. Она позволяет проникнуть в самую сердцевину жизнедеятельности этнических групп, как бы в ее механизм, в динамике которого различные этноэкологические явления получают или могут получить свои подлинные, изменяющиеся по обстоятельствам место и значение. Представляется, что подобный подход к изучению недавнего прошлого этносов дает наиболее основательные возможности для объяснения соответствующих явлений в более далеком прошлом и в древности.

© В. Я. Сергин, 1992 г.

Эскимосские коллективы представляются обычно стабильными обществами, живущими в равновесии со средой обитания благодаря регулированию своей численности и воздействия на экосистему. Если такая точка зрения господствует в этнографии, нет нужды говорить, насколько она закрепилась в археологии, в которой к ней склоняет сам характер свидетельств и способы оперирования ими. Поэтому важно ознакомиться с новыми выводами по жизнеобеспечению эскимосов, полученными по разносторонним «живым» данным (гл. 2). Из этих данных следует, что уровень охотничьей добычи азиатских эскимосов в обычный год должен был значительно превышать потребности населения. Чрезмерный промысел обеспечивал создание избыточных резервов на случай неудачного промысла в следующий сезон. Охотники стремились получать не условно необходимое количество пищи, а всю доступную добычу. Для «сознательного регулирования» нагрузки на используемые ресурсы практически не оставалось сколько-нибудь значительного места.

Несмотря на высокую оседлость и жесткую закрепленность сравнительно небольших хозяйственных территорий, у эскимосов были удивительно мобильными размеры и структура общин и более мелких социально-хозяйственных объединений, что служило эффективной формой адаптации в условиях нестабильности и резких колебаний основных промысловых ресурсов. Вместе с тем даже при очень большой плотности населения сохранялись свободные угодья, служившие буферными зонами между соседними общинами, а территории угасших или распавшихся общин длительное время использовались соседями лишь как резерв охотничьих территорий.

Исключительно интересен вывод, согласно которому динамика численности эскимосских коллективов определялась не сознательным регулированием прироста (за счет инфантицида, абортов, войн и т. п.) или низкой рождаемостью, а подвижностью населения, очень высокой смертностью. Падение численности населения в неблагоприятные годы затем быстро восполнялось и перекрывалось благодаря высокой рождаемости. Вследствие быстрого старения сменяемость поколений у эскимосов была ускоренной, что требовало более раннего включения в производственную деятельность подрастающего поколения и обусловливало хрупкость межпоколенной культурной преемственности. Это делало возможными резкие социально-хозяйственные модификации и быструю утрату культурных достижений.

Опуская рассмотрение жизнеобеспечения оленеводческих народов тундровой зоны в недавнем прошлом (гл. 3), отметим, что на основании анализа социально-хозяйственных и природных факторов автору удалось выработать свой, достаточно оригинальный взгляд на появление оленеводства в тундрах Евразии и сопутствовавшие ему хозяйственные и социальные перестройки, быстрый рост населения (гл. 5).

Исследование традиционного жизнеобеспечения азиатских эскимосов находит естественное продолжение в экскурсе по истории морского зверобойного промысла в Арктике (гл. 6). Приморское хозяйство азиатских эскимосов за 2,5 тыс. лет имело несколько периодов расцвета, чередовавшихся со спадами, вероятным снижением численности населения и даже культурным регрессом. Большим открытием, подтверждающим эти смены, явилось обнаружение святилища Китовая аллея, одним из исследователей которого был И. И. Крупник. Появление святилища предполагает значительное усложнение социальной организации зверобоев, которая, по-видимому, вновь регрессировала с упадком промысла китов в XVI—XVIII вв., обусловленным похолоданием климата.

Но наиболее удачно исследовательский подход автора, как кажется, применен к объяснению судьбы приморской культуры в Западной Арктике, засвидетельствованной археологическими памятниками, письменными источниками и преданиями. Мнение И. И. Крупника по данному вопросу схематически сводится к следующему. Период «малого климатического оптимума» (конец I — начало II тыс. н. э.) благоприятствовал процветанию и росту приморского населения. В то же время во внутренних тундровых районах сохранялись группы мобильных охотников, живших за счет добычи дикого оленя, рыболовства и эпизодического морского промысла. Проникновение самодийцев и в особенности привнесение транспортного оленеводства привело к усилению тундрового населения. Но до конца теплой фазы зверобойный промысел был более надежной формой жизнеобеспечения. Приморские и континентальные группы скорее сосуществовали друг с другом, поддерживая брачные и обменные связи. В дальнейшем похолодание климата, усилившееся в XV—XVI вв., и связанные с ним изменения путей миграции морских животных, а также сильно возросший русский и западноевропейский зверобойный промысел (XV — начало XVII в.) подорвали устойчивость приморского жизнеобеспечения. Но к этому времени приморское население уже было частью самодийского этнического мира. Данное обстоятельство облегчило массовый отток береговых охотников в тундру.

Мысли, развиваемые в книге, автор подкрепил многочисленными материалами по развитию арктических культур (гл. 7). Он показал, что «законсервированность» арктических этносов на

протяжении столетий, будто бы нарушенная лишь приходом европейцев,— это отходящая в прошлое иллюзия. По свидетельству письменных, археологических и антропологических данных жизнь человека с самого начала освоения им Арктики сопровождали болезни, голод, стихийные бедствия, массовая гибель охотников в море, войны. Поэтому его история связана с обилием «разрывов» и кризисов, сменой этнокультурных традиций, с экологическими и социальными потрясениями. В таких обстоятельствах требовалось не столько контролирование размера коллективов, сколько восполнение потерь, и оно могло происходить лишь за счет высокой рождаемости и быстрых темпов прироста населения. Без создания «избыточных» людских ресурсов были бы невозможны многие передвижки населения и тем более освоение больших новых территорий.

Внимание И. И. Крупника привлекло частое обращение археологов-палеолитоведов к быту арктических народов при исследовании древнекаменного века. Своим соображениям о возможных параллелях он посвятил гл. 8. Вероятно, не все в ней встретит согласие специалистов, но первые обстоятельные высказывания с противоположной — этнографической — точки зрения представляют большой интерес. Сравнение касается собственно систем жизнеобеспечения оседлых морских зверобоев области Берингова пролива, добывавших китов, моржей и других животных, и охотников на мамонтов. Охота на мамонтов, по мнению автора, должна была проходить очень эффективно, так как в отсутствие совершенных транспортных средств могла осуществляться лишь вблизи поселений. По необходимости ей были свойственны хорошо продуманные и организованные формы. Очень любопытно соображение о возможном использовании аналогов так называемых добойных копий. В практике морских зверобоев это были тяжелые ручные копья с длинным штыкообразным наконечником из кости. При добывании китов или моржей опытный охотник, держа копье двумя руками, наносил им непосредственный решающий удар. На палеолитических поселениях действительно встречаются наконечники копий и цельные копья, которые могли отвечать подобному назначению. Если они использовались как добойные, то охота, очевидно, проводилась с четким распределением ролей ее участников.

Отмечая, что места, удобные для заселения и близкие к путям миграции морских животных, довольно редки и высоко ценятся зверобоями, автор полагает подобное отношение к выбору мест и в палеолите. Данных для суждения по этому вопросу, однако, еще недостаточно. Остатки поселений среднеднепровского типа нередко встречаются группами на небольшом пространстве (Юдиново, Тимоновка, Елисеевичи), как и поселений типа Костенок I, если у последних считать поселением единичный комплекс. Ведущую роль в повторном заселении, по-видимому, играла близость и удобство мест добычи зверя, наличие топлива и воды. Обусловлено ли повторное заселение соседством с путями миграций мамонта, еще недостаточно ясно. Мысль о совершении миграций этими животными разделяют многие исследователи, но этот вопрос также не разработан.

Топографически участки поселений, в том числе и в одних и тех же местах и культурах, могут заметно различаться, и выбор их, видимо, не был жестко обусловлен. Пока не удается обнаружить доказательных случаев изъятия конструктивно наиболее ценных костей из старой постройки для сооружения новых, что вполне надежно фиксируется у эскимосов. Но можно говорить о вторичном использовании некоторых костей мамонта в другом назначении (часть костей с пробитыми отверстиями).

Автор вполне разделяет точку зрения о хищническом характере охоты в палеолите. Приводимые им в других разделах соответствующие сведения об арктических зверобоях значительно усиливают такую позицию, поскольку, несомненно, отражают глубинные тенденции природопользования в первобытности. Все же и здесь археологические и палеозоологические разработки еще далеки до получения полноценных сравнительных материалов. Так, хорошо документированное Амвросиевское костище постоянно фигурирует как уникальный памятник облавной охоты на зубров. Но частота повторения этого тезиса не делает его убедительнее. К ряду неопровергнутых доводов П. И. Борисковского, изложенных им в монографии «Палеолит Украины» (с. 346—349), можно добавить, что против сложившегося представления о костище свидетельствует состав связанного с ним кремневого инвентаря. Основная его часть — сотни необработанных пластин с легкой заполировкой лезвий, т. е. мясные ножи. Костище, по-видимому, было местом разделки охотничьей добычи, главным образом, должно быть, снятия мяса для доставки его к поселению. Малочисленность следов нарезок на костях от производства этой работы объясняется отсутствием необходимости подрезать мясо по сухожилиям у костей. Хорошая обеспеченность охотников мясом видна по тому, что многие кости не были расколоты. Сказанным не отвергается возможность отношения первобытных людей к костищу как к культовому месту, каковым, по мысли П. И. Борисковского, и было костище. Хорошо известно,

насколько тесно в представлениях первобытного человека о используемых предметах, деталях поселений и всего осознаваемого им мира переплеталось рациональное и сакральное.

Вопрос о хищническом природопользовании имеет и другую сторону. Чтобы дольше использовать обустроенное поселение и ресурсы хорошо знакомой местности, палеолитические охотники едва ли предавались необузданному добыванию животных в ближайших окрестностях, в особенности если основу пропитания составляли местные животные. Сдерживающее начало в отношении местных животных должно было действовать и при базировании главным образом на добыче мигрантов, так как первые обеспечивали существование в промежутки времени, разделявшие прохождение мигрантов.

Исследование арктического жизнеобеспечения вносит определенную лепту и в проблему вымирания крупных плейстоценовых животных, в частности, в гипотезу, предполагающую совместно действие коренных изменений среды и охотничьего пресса. Механизм глубокого нарушения осваиваемых ресурсов человеком Арктики в периоды кризисного их состояния показан с большой убедительностью.

По мнению И. И. Крупника, в приледниковой зоне человеку была свойственна постоянная готовность к смене осваиваемой территории, он мог иметь в пределах своих угодий несколько мест поселения и менять их в течение года или через определенные отрезки времени, как думают и некоторые археологи. Вероятно, так оно и было у значительной части населения области. Но и здесь трудности исследования состоят в отставании разработки археологического контекста, анализ которого мог бы уже сам указать, к каким этнографическим моделям адаптации следует обращаться. Что касается поселений с преобладанием остатков мамонта, они функционировали, по-видимому, круглогодично, а нахождение их в виде узколокальных группировок свидетельствует об использовании определенных районов несколькими общинами в течение многих десятилетий.

Исключительно важны для палеолита наблюдения за демографическими процессами в Арктике, связанными с миграциями населения. Выживание и адаптация на новом месте остро зависели от скорости естественного прироста общин, быстрого восполнения повышенных потерь. Можно согласиться, что освоение в палеолите огромных пространств, по всей вероятности, сопровождалось сравнительно быстрым численным ростом населения. Во всяком случае, этот рост был несопоставим с тем расчетным приростом, который вычисляется для отдельных эпох палеолита. Не лишено интереса, что миграции азиатских эскимосов нередко начинались в условиях достаточной обеспеченности пищей и вызывались стремлением расширить ареал и укрепить ресурсную базу, найти новые места охоты, предотвратить соперничество и напряженность в коллективе. Свою роль играло и человеческое любопытство, поиски «лучшей» жизни.

Представления о динамизме и гибкости демографических процессов и взаимоотношений с природой арктических народов, впервые столь широко и доказательно вошедшие в отечественную литературу с изданием рецензируемой книги, имеют большой теоретический интерес для первобытной археологии. Они будут способствовать формированию более реалистических воззрений на основы существования человека в древности.

Институт археологии
РАН, Москва

В. Я. Сергин

И. И. Крупник. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 272 с.

Изучению традиционных культур населения приполярной зоны к настоящему времени посвящена исключительно обширная литература. Особенно преуспели в этом направлении зарубежные коллеги, исследования которых охватывают практически все аспекты проблематики «человек и среда» в Арктике, включая и комплексные археолого-этнографические программы, проводимые на высоком уровне. В отечественной историографии также накоплен солидный багаж — как фактологический, так и интерпретационный, хотя по сути это результат деятельности одиночек, а не широких продуманных исследований, и в настоящий момент такие работы в Арктике на нашей территории, как считает И. И. Крупник, только разворачиваются [1, с. 19].

Исследование И. И. Крупника, как справедливо отметил в редакторском предисловии С. А. Арутюнов, во многом необычно. Необычны подход и объект исследования, используемые термины

© В. В. Питулько, 1992 г.

[2, с. 3]. В работе И. И. Крупника реализован комплексный подход к системам жизнеобеспечения традиционных периферических сообществ. Автор стремится рассматривать «этнос и осваиваемую им природную среду в виде сложной развивающейся системы» [1, с. 13].

В основу книги положены идеи, сформулированные в ряде работ 70—80-х годов [3—6], объединенные и подкрепленные всем имеющимся, весьма разносторонним материалом; рассматривается огромный фонд археологических и этнографических источников Арктики и Субарктики, привлекаются разнообразные, очень широкие параллели, используются данные естественных наук.

В целом рассматриваемая работа имеет очень строгую, продуманную форму изложения.

В главе I «О понятиях и концепциях арктической этноэкологии» четко определены объект и задачи исследования, оговорены термины, изложена методика изучения, дан краткий обзор близких по смыслу разработок.

В последующих главах (II, III) на основании применяемого автором метода балансов проанализированы данные по двум основным адаптационным моделям населения Арктики — оленеводству и морскому зверобойному промыслу побережий. Следует отметить, что И. И. Крупником использован широкий спектр фактического материала, полученного как в ходе личных полевых исследований, так и в ходе архивных изысканий; широко привлекаются и публиковавшиеся ранее сведения. Углубленный анализ балансов жизнеобеспечения позволяет И. И. Крупнику проиллюстрировать механизмы адаптаций культур морских охотников: гибкость систем жизнеобеспечения, ориентация на наиболее доступную добычу и т. д., демографическая и социальная динамика. Очень важным представляется вывод о высоком динамизме традиционных обществ, противопоставленный обычному пониманию их как исключительно стабильных [1, с. 80, 81].

Сопоставление основных характеристик двух ведущих моделей арктического природопользования позволяет автору выделить две принципиально разные стратегии освоения природных ресурсов: интенсивную (оседлые охотники) и экстенсивную (кочевники тундры), причем первая имеет явное преимущество стабильности перед второй. Реализация второй стратегии, как показано далее И. И. Крупником, создавала значительную зависимость тундрового населения от зверобоев побережий [1, с. 111—114].

Глава IV посвящена проблемам динамики арктической среды обитания. Вывод о высоком динамизме экосистем Арктики подкреплен анализом климатических изменений, колебаний основных промысловых популяций для текущего тысячелетия. Как показано автором, на протяжении этого времени имелись значительные флуктуации экосистем, затрагивавшие основы существования традиционных обществ. Важным, однако, представляется вывод о компенсационных механизмах в изменчивости среды обитания, своеобразного «биологического маятника», выражавшегося в ускоренном росте популяций видов, оказавшихся в благоприятных условиях и занимавших в системе традиционного природопользования место промысловых видов, перешедших в угнетенное состояние из-за перепромысла или естественных причин [1, с. 120, 140—142, граф. 3].

Первые главы книги представляют, таким образом, обзор данных и основных результатов их анализа. Интерпретации и экстраполяции полученных выводов, реконструкциям важнейших процессов взаимодействия традиционных обществ со средой обитания посвящены главы V—VII, представляющие значительный интерес для широкого круга специалистов.

Одним из основных вопросов, обсуждаемых в главе V, является появление и развитие оленеводства в тундрах Евразии. Собственно, проблема появления оленеводства как такового не затрагивается. И. И. Крупник рассматривает существующие мнения по этому вопросу и констатирует, что каковы бы ни были механизмы и время появления этой формы хозяйства, к моменту встречи с русскими население тундровой зоны Евразии использовало весьма сложную, комплексную систему жизнеобеспечения, сочетавшую различные отрасли присваивающей экономики и вспомогательного, в основном транспортного мелкостадного оленеводства [1, с. 146, 147]. Вопрос появления оленеводства трактуется автором с обычных позиций, при этом указывается, что гипотеза о его самостоятельном зарождении на Северо-Востоке Евразии, предложенная И. С. Вдовиным, Ю. Б. Симченко и др. [7, 8], не подтверждена пока никаким материалом [1, с. 147]. Глава посвящена скорее проблемам развития этой адаптационной модели, и здесь, как представляется, автором убедительно доказано наличие определенных этапов, не всегда совпадающих во времени на всей территории тундровой зоны: 1) «поздние охотники» — смешанный хозяйственно-культурный тип с преобладанием элементов присваивающего хозяйства и транспортным мелкостадным оленеводством; 2) период зарождения крупностадного оленеводства: кочевые охотники с крупностадным транспортным оленеводством; 3) крупностадное оленеводство, переход к которому происходит от середины XVIII до конца XIX —

начала XX в. под влиянием как экологических условий, так и в результате наличия благоприятной социальной тенденции [1, с. 142—149, 161].

Прослеживая такую историческую ретроспективу, И. И. Крупник приходит к выводу о том, что встречающееся в литературе мнение о «застывании» традиционных типов хозяйства народов Севера, замедлении темпов их эволюции неправомерно. Скорее напротив: характерные для Крайнего Севера быстрота и резкость экологических и социальных изменений привели к тому, что сложный процесс перехода к жизнеобеспечению за счет производящих форм хозяйства занял здесь по сути всего полтора-два столетия. В других районах земли он потребовал гораздо более долгого времени [1, с. 161, 162].

Особое место в системах жизнеобеспечения, получивших развитие в приполярной зоне, занимает морской зверобойный промысел (глава VI). Древнейшие его следы зафиксированы на севере Норвегии и в южной части Арктики, на востоке Алеутского архипелага (Анангула) [9]. Многочисленные данные свидетельствуют о том, что уже 4 тыс. лет назад охота на морских животных позволила человеку заселить обширные территории, в первую очередь Канадской Арктики. К этому же времени относится освоение севера Гренландии охотниками культуры индепенденс [10]. Таким образом, использование этого вида хозяйственной деятельности насчитывает много тысячелетий.

На территории России зоны приморских систем жизнеобеспечения представлены неравномерно. С одной стороны, это район Берингова пролива с его исключительно благоприятной в целом экологической обстановкой и классическими культурами зверобоев-эскимосов, имеющими почти 2 тыс. лет истории [11], с другой — побережье Кольского полуострова, где, как и в Норвегии, начало морского промысла восходит к первым этапам освоения этой территории 7—8 тыс. лет назад [12].

Полагают, что на Северо-Востоке России наиболее ранние следы морских зверобоев могут быть утрачены из-за нестабильности береговой линии в раннем и среднем голоцене. Имеющиеся данные, однако, показывают, что, вероятнее всего, целенаправленное использование морских ресурсов относится здесь ко II тыс. до н. э., хотя эпизодическая добыча морских животных на Севере Восточной Сибири производилась и в раннем голоцене [13]. Становление приморской экономики заняло здесь, по археологическим данным, около 2 тыс. лет и происходило, по-видимому, в рамках традиционной системы природопользования мобильных групп сухопутных охотников. Предположительно морская охота в течение длительного времени являлась в данном регионе сезонным видом промысла подобно тому, как это можно наблюдать, например, у эскимосов-карибу. К этому времени могут относиться Пегтымельские петроглифы, стоянки на островах Айон и Врангеля [11, 14]. Проблема формирования морского зверобойного промысла, как полагают некоторые исследователи, может быть тесно связана с этническими проблемами региона [11]. Вероятнее всего, появление приморских систем адаптации связано с длительным развитием неблагоприятной экологической тенденции, отразившейся на состоянии популяции основного промыслового вида — северного оленя, так как имеются в виду климатические условия субатлантикума и суббореала, в целом неблагоприятные для существования северного оленя как вида. Подтверждением этой гипотезы могут служить факты, приведенные И. И. Крупником для последнего тысячелетия, когда флуктуации природной среды даже сравнительно небольшого масштаба приводили к резкому сокращению популяций оленя из-за бескормицы, эпизоотий и т. д. [1, с. 131—133]. Способность арктических этносов к резкому изменению адаптационных моделей также хорошо известна [1, с. 187], и именно по этой причине нам известны по археологическим данным лишь уже «готовые» формы культур морских зверобоев.

Анализу адаптационной специфики этих культур и посвящена основная часть V главы. Основой для такого анализа служат результаты разработок II—IV глав книги. Следует отметить, что подход, избранный автором, позволил создать убедительную реконструкцию эволюции приморских систем жизнеобеспечения на Северо-Востоке Азии, оценить демографическую и социальную динамику. Развитие традиционных сообществ региона, обуславливаемое влиянием многих факторов, в том числе экологической динамикой, внутренним накоплением технологии и внешним социальным влиянием на аборигенные системы жизнеобеспечения, имело спиралеобразный характер [1, с. 172—176]. Вероятно, определенную роль играл последний фактор и в момент перехода к оседлой морской адаптационной модели.

Многочисленные данные свидетельствуют о том, что обе основные адаптационные модели часто находились в «симбиотической» зависимости, поскольку получаемая продукция имела обоюдную ценность. Однако связи, складывавшиеся на основе обмена продукцией, были в ряде случаев более необходимы для населения тундры. Сохранение древней формы морской охоты в виде сезонного промысла, на протяжении долгого времени существовавшего у отдельных групп оленеводов Чукотки [1, с. 111], наиболее типично для аборигенов Западной Арктики.

Анализу аборигенной приморской культуры Западной Арктики посвящен довольно значительный раздел книги. Здесь представлены в наиболее полной форме взгляды автора, нашедшие отражение в предыдущих публикациях. Основной идеей является экстраполяция действия механизмов, выявленных на Северо-Востоке Азии, на местный материал.

Археологические следы специализированной морской охоты здесь известны действительно с древнего времени, однако в Западной Арктике, за исключением Скандинавии и Кольского полуострова, они представлены слабо, несмотря на частое упоминание в записках путешественников XVI—XVIII вв. таких специфических черт аборигенной культуры, как особенности домостроительства, промыслового снаряжения (полуземлянки из дерева и костей крупных морских животных, каркасная лодка и т. д.), присущих обычно приморским культурам, специализация которых достигла высокого уровня [14, 15]. В то же время проблема имеет и этнический аспект — развитая культура морских охотников резко отлична от традиционной охотничье-оленеводческой культуры самодийского населения, занявшего к этому моменту тундры Крайнего Северо-Востока Европы и Севера Западной Сибири.

Характеризуя экологическую ситуацию западного сектора Арктики, И. И. Крупник оценивает ее в целом как не менее благоприятную для морской охоты и выживания традиционных сообществ, чем Северо-Восток Азии [1, с. 179]. Стоит отметить, однако, что регион делится на две зоны: Скандинавия, Кольский полуостров и Белое море; восточная часть Баренцева и Карское море. Условия для возникновения и развития приморских моделей адаптации здесь, с моей точки зрения, неравноценны. Для западной части зоны, где морской промысел известен с древнейших времен, ситуация в какой-то мере действительно сходна с районом Берингова пролива — и там и здесь охота велась на миграционных путях, в местах наибольшей концентрации объектов промысла. Но побережье Кольского полуострова в отличие от Чукотки, где экологическая ситуация допускала хотя и трудоемкую, но эффективную специализацию охоты (морж, кит), как это показано И. И. Крупником [1, с. 72—75, граф. 1, с. 169], морской промысел всегда был более универсален и, следовательно, требовал больших затрат труда с итоговым падением эффективности. Эту мысль также хорошо иллюстрируют подсчеты И. И. Крупника. Не случайно, как признает и автор, наиболее интенсивное освоение побережий Берингова пролива и длительное сохранение именно на этой территории аборигенной морской охоты у оседлого населения: экологическая ситуация, при которой воды пролива дважды в год насыщены мигрирующими животными, делала морскую охоту эффективной и позволяла создавать долговременные запасы пищи [1, с. 72—75, 81, с. 169—172].

На побережьях Скандинавии и Кольского полуострова такого изобилия крупной морской фауны, видимо, не было. Археологические данные свидетельствуют, что вплоть до начала эпохи раннего металла (4—3 тыс. лет назад) морская охота являлась скорее сезонным видом промысла. Возможно, в эпоху раннего металла здесь короткое время и существовала культура оседлых морских охотников, о чем свидетельствуют следы долговременных поселений с мощным культурным слоем, содержащим костные остатки разнообразной фауны морских млекопитающих [12, 17]. Именно широкая специализация охоты в сравнении с эскимосскими памятниками свидетельствует об общей нестабильности промысла, который не мог обеспечить прочную оседлость. Само же возникновение и длительное развитие здесь, пока позволяла экологическая обстановка, элементов приморских систем жизнеобеспечения связаны, как представляется, с действием «внешних социальных факторов» [1, с. 176], а именно с особенностями географического положения и конкуренцией со стороны культур, осваивавших удаленные от побережья территории. Использование морских ресурсов, по-видимому, было в какой-то степени вынужденной мерой.

Приморские системы жизнеобеспечения завершают свое существование на Кольском полуострове, как полагает В. Я. Шумкин, в I тыс. до н. э., на севере Фенноскандии — к рубежу н. э. Их угасание связано с изменением экологической ситуации, вызванным незначительным похолоданием, с которым был связан отход миграционных путей от побережья [12]. Распределение основных промысловых видов в этот момент приближается к современному — районы летовки располагаются далеко к северу, у Шпицбергена, Земли Франца-Иосифа, у Северного острова Новой Земли. На Баренцево-Карское мелководье морские животные, в частности моржи, белуха, выходят уже осенью [18]. Эксплуатация этих популяций в осеннее, а тем более зимнее время в акваториях, характеризующихся широким развитием припайных льдов, вряд ли могла служить основой для формирования здесь оседлых культур морских зверобоев, хотя более или менее значительный промысел морского зверя и занимал какое-то место в аборигенном хозяйстве.

Археологические свидетельства существования древней аборигенной приморской культуры на рассматриваемой территории до недавнего времени исчерпывались находками В. Н. Чернецова на

Ямале и памятниками Усть-Полуйской культуры [19, 20]. Оставив в стороне дискуссию о возрасте усть-полуйских находок и приняв во внимание наиболее аргументированную точку зрения Л. В. Чиндиной, определяющей их возраст I—II вв. н. э. [21], можно констатировать длительное развитие на Севере Западной Сибири какого-то местного варианта приморской адаптации. Находки В. Н. Чернецова фиксируют, по-видимому, поздний этап его существования. Эти находки долгое время сопоставлялись с эскимосскими, хотя само появление элементов приморских систем жизнеобеспечения на Крайнем Северо-Востоке Европы и Севере Западной Сибири, бесспорно, является результатом конвергентного развития.

Основными вопросами применительно к рассматриваемой части Западной Арктики являются: 1) время первоначального освоения элементов приморского варианта адаптации; 2) роль этих элементов в традиционных системах жизнеобеспечения и механизмы, управляющие ими; 3) этнические процессы и их роль в изменчивости систем жизнеобеспечения.

На основании полученных в последнее время данных можно с определенной долей вероятности относить время зарождения элементов приморских систем жизнеобеспечения по крайней мере ко второй половине II тыс. до н. э., имея в виду стоянки Малый Болванский Нос I и II на северо-восточной оконечности о-ва Вайгач, топография которых объяснима лишь с точки зрения использования морских ресурсов [22]. Эти памятники связаны с распространением в тундрах приполярной трансуральской зоны Ортинской культуры, отмеченной на своей финальной стадии гаринско-борским влиянием [23]. В настоящее время появились материалы, возможно, свидетельствующие о более раннем освоении острова, но связь их с морской охотой еще более проблематична.

В результате планомерных исследований, проводившихся под руководством Л. П. Хлобыстина, были открыты поселения I тысячелетия н. э., в хозяйстве населения которых морская охота играла, безусловно, заметную роль [24—26]. Эти находки, как справедливо полагает И. И. Крупник, свидетельствуют о достаточно широком распространении в регионе приморских систем жизнеобеспечения, указывающих, несомненно, на наличие здесь в древности своеобразного очага приморской адаптации [1, с. 179—182]. Примерно в этом же контексте автором (вслед за А. М. Мурыгиным) рассматриваются и материалы Хейбидя-Пэдарского жертвенного места, что, с нашей точки зрения, совершенно неправомерно. А. М. Мурыгин постулирует связь населения, создавшего жертвенник, с морской охотой на основании изображений «морских животных» — граффити на бронзовом зеркале и плосколитого зооморфного изображения [1, с. 181]. Я, к сожалению, не могу разделить оптимизма А. М. Мурыгина в отношении этих изображений [27], поскольку совершенно очевидно, что упомянутые граффити являются в действительности изображениями рыб, а зооморфная фигурка изображает мелкого пушного зверька или, что наиболее вероятно, лемминга. Последнее хорошо объяснимо, исходя из древних верований аборигенного населения.

Археологические материалы, добытые при раскопках святилищ Сиртя-Сале и Болванский Нос, никак не подтверждают точки зрения о существенной роли морского промысла у аборигенного населения — как самодийского, так и досамодийского, по крайней мере в течение последней тысячи лет, хотя святилище Болванский Нос существовало, вероятно, и ранее. Здесь неизвестны ни изображения морских животных, ни предметы специализированного снаряжения морских охотников. Фауна на 60—70% представлена северным оленем, хотя встречаются и кости морских животных. В любом случае эти жертвенные комплексы созданы населением, охотившимся прежде всего на оленя и впоследствии перешедшим к оленеводству. Это соотношение видов промысловой деятельности подтверждают материалы раскопок поселений Карпова Губа и Мыс Входной. О наличии здесь древнего аборигенного морского промысла говорят как топография поселений, так и находки орудий, несомненно связанных с морской охотой (ледовые подковки, гарпуны). Достаточно многочисленны и фаунистические остатки морских животных (морж, лахтак, белуха, нерпа). В то же время обращает на себя внимание большое количество остатков других животных — оленя, медведя, песца, а также птиц. Необходимо отметить, что настойчивые четырехлетние поиски поселений морских охотников, предпринятые в 1984—1987 гг. под руководством Л. П. Хлобыстина, в которых автор данной рецензии принимал непосредственное участие, велись в наиболее благоприятном с точки зрения промысловой экологии районе — о-ва Вайгач и пролива Югорский Шар. Воды острова и пролива и сейчас посещаются многочисленными морскими животными. Тем не менее достигнутые результаты оказались весьма скромными — удалось выявить лишь два поселения, являющихся, по всей вероятности, сезонными охотничьими лагерями, обитавшимися в течение короткого времени. Находки из поселения Мыс Входной свидетельствуют о том, что на протяжении всего I тыс. н. э. морская охота в тех или иных ее формах играла какую-то роль в хозяйстве аборигенов. Кроме того, с приходом нового населения морской промысел сохраняет свои

позиции, как это видно из раскопок поселения Карпова Губа. Но насколько важна была эта роль и насколько мог быть успешен промысел? Мог ли он обеспечить прочную оседлость в прибрежной зоне Северо-Западной Сибири и Крайнего Северо-Востока европейской части России?

И. И. Крупник полагает, что мог, и выделяет для рассматриваемого района Западной Арктики два варианта существования морской охоты: культуру оседлых охотников и сезонную морскую охоту у кочевого населения тундры [1, с. 181]. И все же археологические данные свидетельствуют скорее о том, что морская охота на Крайнем Европейском Северо-Востоке и Севере Западной Сибири никогда не достигала уровня, способного дать оседлые приморские культуры. Вероятнее всего, на протяжении всей истории региона она играла роль сезонного промысла, более или менее удачного. Вероятно, в местах постоянного эффективного промысла существовали долговременные сезонные охотничьи лагеря, подобные найденным В. Н. Чернецовым землянкам и упоминаемым в записках путешественников XVI—XVIII вв. поселкам морских охотников [15, 16, 19]. Такие лагеря известны в Арктике с древнейших времен [13, 28]. Последние исследования свидетельствуют именно о сезонности морского промысла. Что касается Усть-Полуя, то это долговременное поселение существовало скорее всего за счет успешного рыболовства, дополнявшегося морской охотой при заходах морского зверя в устье Оби.

С этих же позиций оценивает роль морской охоты у аборигенного населения Севера Западной Сибири и М. Ф. Косарев, который со ссылкой на П. С. Палласа и В. Ф. Зуева пишет об эпизодической, в основном, роли морского промысла [29, с. 79—80]. Что касается «приверженности» отдельных ненецких родов (имеется в виду прежде всего род Яптик) к морской охоте, о которой упоминает И. И. Крупник, то эти факты могут свидетельствовать, например, о районе кочевий, связанном преимущественно с побережьем, где морской промысел, естественно, получил бóльшее развитие.

Нет сомнений, что угасание морского промысла не связано со сменой этнической традиции на рубеже I и II тыс. н. э., поскольку и в самодийской культуре морская охота имела определенное (в том числе в X—XIII вв. и торговое) значение, как об этом свидетельствуют этнографические источники и результаты исследований [24—26]. Упадок промысла справедливо связывается И. И. Крупником с неблагоприятными экологическими изменениями в середине II тыс. н. э. и развернувшимся впоследствии промышленным использованием популяций морских животных Западной Арктики скандинавскими странами и Россией. Необходимо также согласиться с И. И. Крупником в том, что морская охота аборигенного населения все же полностью никогда не прекращалась [1, с. 182—184], хотя и не дала в результате развития действительно оседлых культур, подобных эскимосским.

Таким образом, отдельные положения, высказанные И. И. Крупником, являются спорными. Один из главных выводов книги — о дуальности систем природопользования аборигенного населения Арктики с «переливом» населения от одной модели к другой — в целом, бесспорно, верен, но механизм, хорошо доказанный для Северо-Востока Азии, не «срабатывает», как удалось показать выше, для западного сектора Арктики [1, с. 186, 187]. Аналогичной в принципе точки зрения придерживается, как известно, М. Ф. Косарев [29, с. 79]. Тем не менее для отдельных участков побережий Западной Арктики на каких-то хронологических интервалах вполне допустима взаимозаменяемость адаптационных моделей, вписывающаяся в рамки общей идеи, предлагаемой И. И. Крупником.

В VI главе автором предпринята достаточно осторожная попытка экстраполяции полученных результатов для реконструкции хозяйственных, демографических и т. д. процессов эпохи палеолита. Вероятно, отдельные положения, выдвигаемые И. И. Крупником, можно оспорить, но все же новые возможности, создаваемые подходом, предложенным автором, должны привлечь внимание специалистов.

В целом же исследование И. И. Крупника представляет собой новый шаг в изучении аборигенной культуры Арктики и, вероятно, может считаться одним из классических трудов по затронутой проблематике. Это исследование особенно актуально сегодня, когда экологические проблемы Севера и связанное с этим критическое положение народов, населяющих Арктику, оказались обострены до предела.

Институт истории
материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

В. В. Питулько

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. М., 1989.
2. *Арутюнов С. А.* От редактора//Крупник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.
3. *Крупник И. И.* Освоение среды и использование промысловых угодий у азиатских эскимосов//Некоторые вопросы изучения этнических аспектов культуры. М., 1977.

4. *Крупник И. И.* К количественной оценке традиционного хозяйства азиатских эскимосов//Проблемы этнографии и этнической антропологии» М., 1978.
5. *Крупник И. И.* Древние поселки и демографическая история азиатских эскимосов Юго-Восточной Чукотки//Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981.
6. *Крупник И. И.* Аборигенный морской промысел в западном секторе Советской Арктики (история и традиции)//Морские млекопитающие. М., 1986.
7. *Вдовин И. С.* Исторические особенности формирования общественного разделения труда у народов Северо-Востока Сибири//Социальная история народов Азии. М., 1975.
8. *Симченко Ю. В.* Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М., 1976.
9. *Laughlin W. S.* Aleuts: survivors of the Bering Land Bridge. N. Y., 1980.
10. *Eigel K.* A Report on 1st Peery Land Expedition//Polar Record. 1962. V. 6. № 44.
11. *Диков Н. Н.* Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
12. *Шумкин В. Я.* К вопросу о формировании культурно-хозяйственных типов у древнего населения Кольского полуострова//КСИА. 1988. № 193.
13. *Питулько В. В., Макеев В. М., Самарский М. В.* Древнейшая стоянка в высокоширотной Арктике//Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Северной Америки. Новосибирск, 1990.
14. *Питулько В. В.* Проблемы формирования морского зверобойного промысла у древнего населения Чукотки//Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным. КТД. М., 1988.
15. *Ван Линсхоттен Я. Г.* Нидерландские экспедиции к северным берегам России в 1594—1595 гг. //Записки по гидрографии. 1915. Т. XXXIX. Вып. 3—4.
16. *Ламартиньер П.* Путешествие в северные страны (1653)//Записки Московского археологического института. 1912. Т. XV.
17. *Гурина Н. Н.* Памятники эпохи раннего металла на северном побережье Кольского полуострова//МИА. 1953. Т. 89.
18. Советская Арктика. М., 1970.
19. *Чернецов В. Н.* Древняя приморская культура на полуострове Ямал//СЭ. 1935. № 4—5.
20. *Мошинская В. И.* Археологические памятники Севера Западной Сибири//САИ. 1965. Вып. Д3—8.
21. *Чиндина Л. В.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984.
22. *Питулько В. В.* Новые стоянки с каменным инвентарем на Крайнем Северо-Востоке европейской части СССР//КСИА. 1988. № 193.
23. *Хлобыстин Л. П.* Крайний Северо-Восток европейской части СССР в эпоху неолита//МИА. 1973. № 172.
24. *Хлобыстин Л. П.* Работы на острове Вайгач и Югорском полуострове//АО — 1984. М., 1985.
25. *Хлобыстин Л. П.* Работы в Архангельском Заполярье//АО 1985. М., 1986.
26. *Хлобыстин Л. П., Верещагина И. В., Шумкин В. Я.* Исследование Заполярной экспедиции//АО — 1986. М., 1988.
27. *Мурыгин А. М.* Хейбидя-Пэдарское жертвенное место//Препринт. Научные доклады. Вып. 114. Сыктывкар, 1984.
28. *Хлобыстин Л. П.* Поселение развитого неолита Маймече I и его место в неолите Восточной Сибири//КСИА. 1972. № 131.
29. *Косарев М. Ф.* Западная Сибирь в древности. М., 1984.

Дуранкулак. Т. I. София: Изд-во на Българската академия на науките. 1989. 311 с.

Среди множества исследовавшихся в последние годы археологических объектов эпохи Первого Болгарского царства к числу первостепенных по научной значимости, безусловно, принадлежит поселение Дуранкулак. Не будет преувеличением сказать, что без знания этого памятника теперь невозможно дальнейшее изучение раннесредневековых поселений Болгарии. По этой причине здесь ставится задача не только дать некоторые оценки первой обширной публикации Дуранкулака, но и ознакомить с ее содержанием. Не секрет, что археологическая литература Болгарии становится для нас все менее доступной.

Поселение расположено на Большом острове оз. Дуранкулак на северо-востоке Болгарии. Именно островное положение (размеры острова 207×117 м) сняло проблему поиска границ поселения и позволило большому коллективу болгарских археологов во главе с Хенриетой Тодоровой раскопать его полностью в 1976—1980 гг. Первый том серии «Дуранкулак»* содержит 14 статей разных авторов.

* Поселение Дуранкулак является многослойным. Запланировано издание следующих томов: том II — неолитические и энеолитические некрополи, том III — поселение энеолитической эпохи, том IV — селище поздней бронзы — раннего железа, предэллинистические и раннеэллинистические объекты, том V — неолитическое селище (с. 7).

© В. С. Флёров, 1992 г.

Основные результаты раскопок на Большом острове изложены в статьях Х. Тодоровой «Многослойный археологический объект на Дуранкулаке и методика его изучения» и «Архитектура средневекового поселения».

Средневековое поселение занимает почти всю территорию острова. Именно ограниченность пространства придала его застройке четкую планировку, не свойственную большинству раннеболгарских поселений Восточной Европы. Все 222 постройки стратиграфически подразделяются на четыре периода, охватывающих время от середины IX до начала XI в. Чрезвычайный интерес для реконструкции социально-экономических процессов в праболгарском обществе представляет тот факт, что первопоселенцы Дуранкулака обитали исключительно в юртообразных круглых жилищах (таких было 14), которые стали центрами разросшихся впоследствии «усадеб», большесемейных участков. При этом на смену юртообразным пришли прямоугольные полуземлянки. В период расцвета на острове было не менее 118 построек, а к финалу около 50 (с. 22). Стратиграфическое расслоение памятников четко подтверждается многочисленными случаями перекрытия ранних построек поздними (с. 25, рис. 5). В то же время весьма важно наблюдение Х. Тодоровой, что смена жилищ происходила отнюдь не синхронно с изменениями в керамическом комплексе (с. 22).

Большинство жилищ Дуранкулака имели вкопанные на глубину до 1 м котлованы, обложенные необработанным камнем. Вход в ранние жилища, в том числе круглые, часто был оформлен в виде крытого коридорчика, в поздних, по предположению Х. Тодоровой, использовались деревянные лестницы. Типологически все постройки подразделены на круглые, овальные, двухапсидные, одноапсидные и прямоугольные. Наибольший интерес, безусловно, представляют круглые и овальные, ибо Дуранкулак пока единственный памятник в Болгарии, на котором они представлены с такой полнотой. Круглые жилища автор называет «юртообразными полуземлянками» (с. 34), указывая тем самым на их прообраз. В качестве характерного описано жилище № 80. Его котлован (диаметр 4 м) обложен плоскими камнями, вход в виде коридорчика с южной стороны. У противоположной стены круглая печь-каменка. С внешней стороны кладки отмечены отдельные ямки столбиков каркаса. Интересно, что под утрамбованным полом находились череп ребенка и скелет жертвенного животного. Этот языческий обряд служит, по справедливому замечанию автора, указанием на возникновение селища до принятия болгарами христианства. Впрочем, надо иметь в виду, что христианство не могло единовременно вытеснить древние языческие обряды.

Выделять овальные постройки в отдельную от круглых группу вряд ли было целесообразно, тем более что и сама Х. Тодорова указывает, что «они по существу не отличались от круглых» (с. 36). Как в тех, так и в других встречаются не только печи, но и открытые очаги. В типологическом отношении круглые и овальные жилища отражают на Дуранкулаке «еще не изжитые номадские архитектурные традиции» (с. 37). В качестве же переходных форм Х. Тодорова выделяет одноапсидные и двухапсидные жилища, т. е. жилища с двумя прямыми и одной или двумя дугообразными стенами. Эти жилища также относятся к ранним этапам жизни на поселении. Преобладающее большинство на Дуранкулаке составляют жилища прямоугольной формы (как варианты — Г-образные и др.) с каменными печами.

Раздел об архитектурных формах Х. Тодорова завершает упоминанием примитивных, почти незаглубленных построек с открытыми очажками, так называемых «колиби». Их на поселении десять и они преимущественно сосредоточены на наименее престижной восточной оконечности острова, где образуют, по определению Х. Тодоровой, «бедняцкий квартал». Встречаются они и в западном «боярском» квартале в качестве «жилищ прислуги» (с. 42). Я полагаю, что вопрос о наличии на Дуранкулаке бедняцкого квартала, как и социально приниженного обслуживающего персонала, следует оставить открытым, ведь и сама Х. Тодорова обращает внимание на тот факт, что средняя площадь обычного жилища на поселении составляла всего 13 $м^2$ (с. 40).

Одним из важнейших результатов изучения поселения Дуранкулака было выделение групп жилищ, «связанных общими дворами или непрерывностью развития около исходного жилища, относящегося к первоначальному этапу заселения» (с. 53). Таких комплексов было не менее 14. Другими словами, речь идет о 14 «праболгарских семействах» первопоселенцев на Большом острове. Первыми жилищами в большинстве этих комплексов оказались круглые или овальные юртообразные постройки. В дальнейшем на смену им приходят прямоугольные полуземлянки. Единовременно в каждом семейном комплексе существовало три — шесть жилищ. Примечательно, что большинство первых юртообразных построек впоследствии оказалось перекрыто новыми прямоугольными жилищами. Один из комплексов (IX) не имел юртообразной постройки, и Х. Тодорова посчитала возможным отнести его к более поздним.

Комплекс I определен как административный, принадлежащий местному «управителю». Здесь сконцентрированы три юртообразные постройки и большие хранилища для зерна. Надо сказать,

выделение этого комплекса как места поселения главного администратора не очень убедительно. На мой взгляд, таким мог быть и комплекс VI, развившийся около юртообразного жилища № 30 — самого долговременного среди однотипных ранних построек.

В целом же деление Дуранкулака на семейные группы не вызывает сомнений, однако далеко не всегда понятно, на каком основании в тот или иной комплекс включено или, наоборот, оказалось за его пределами конкретное жилище.

На самой высокой точке острова находилось круглое святилище с котлованом, тщательно выложенным плоскими камнями. Определение постройки как святилища не вызывает возражений, но вот определение одноапсидной постройки № 91 как жилища шамана совершенно неубедительно (с. 59). Автор не приводит этому никаких доказательств. Впоследствии на месте святилища возник небольшой храм, окруженный серией христианских погребений, но опять же неясно, почему именно постройка № 50 должна была принадлежать священнику.

Описание поселения Х. Тодорова завершает некоторыми наблюдениями о социальной структуре местного сообщества. Основной единицей на острове, по ее мнению, являлись большие семьи, состоявшие в свою очередь из не имевших экономической самостоятельности малых. Отмечается и некоторая социально-экономическая дифференциация. Так, выделяя восточные «бедняцкие» кварталы, она указывает на отсутствие в них ям-зернохранилищ. Отсюда следует вывод о том, что обрабатываемая земля на берегах озера принадлежала исключительно зажиточной части населения, которая соответственно владела и хлебными запасами. Указано и на редкость в восточных кварталах ручных мельниц (с. 62). Эти наблюдения чрезвычайно интересны, и все же столь четкая социальная стратификация населения на Дуранкулаке выглядит не совсем убедительно. Для ее обоснования необходимо привлечение всего комплекса находок. Частично этот недостаток компенсирован в статье «Железо в жизни населения средневекового поселения Дуранкулак» Явора Бояджиева, который картографировал железные изделия (с. 189, 190, рис. 1, 2; к сожалению, на картах отсутствует расшифровка условных знаков, что обесценивает их публикацию). Он, в частности, указывает на редкость в восточной части острова гвоздей, употреблявшихся в домостроительстве. Но с другой стороны, «в остальной части селища равномерное распределение железных предметов указывает на значительную социальную однородность» (с. 191). Картографирования других находок, кроме не очень выразительных изделий из кости, не несущих социальной информации, в томе нет.

Статьи Х. Тодоровой — основные в издании, но ввиду краткости дают о поселении Дуранкулак лишь самое общее представление. Главный недостаток публикации — почти полное отсутствие графической документации. Она ограничена чертежами шести прямоугольных построек и имеет лишь по одному (!) чертежу конструкций круглых и овальных жилищ — самых интересных на поселении. Правда, вторая статья иллюстрирована большим количеством фотографий, но полностью заменить графические изображения они не могут. В какой-то мере положение спасает прекрасно выполненный цветной общий план поселения.

Могильнику и погребениям на поселении посвящена предельно краткая информация в статье Кати Маламед «Средневековые некрополи». В ней всего лишь шесть страниц текста. Основной могильник Дуранкулака расположен на западном берегу озера, где вскрыто 248 погребений с достаточно единообразным обрядом. Погребения совершались в ямах с каменным перекрытием или без него, в ямах, обложенных камнем и покрытых плитами, или без них. Захоронения всегда одиночные с западной ориентацией. К. Маламед указывает, что выделить семейные участки не удалось, однако, судя по плану могильника (с. 115), это во многих случаях можно сделать.

Абсолютно преобладает положение «вытянуто на спине», хотя положение рук разнообразно — от вытянутых до скрещенных на груди. «Именно это разнообразие в положении рук,— подчеркивает автор,— одно из наблюдающихся в некрополе отклонений от традиций христианского обряда» (с. 118). Действительно, из 98 погребенных с хорошей сохранностью костей присущее христианству скрещенное положение рук отмечено только у 32. Впрочем, отмечены и другие пережитки языческих обрядов. Так, отдельные погребенные лежали на правом боку, а в двух детских могилах скорченно. Особого внимания заслуживают погребения с нарушенными скелетами. Так, в погребении 49 при нетронутых плитах перекрытия скелет мужчины был разбросан, а череп лежал вне могилы. Такие нарушения автор справедливо связывает с определенным ритуалом, часто встречающимся в древнеболгарских некрополях. Отмечу, что этот обряд известен не только в Подунавье, но и во многих праболгарских могильниках Восточной Европы. К числу пережиточных явлений следует отнести и редкие находки в могилах костей животных. Могильник Дуранкулака, безусловно, христианский. В нём нет керамики и прочего погребального инвентаря. Вещи представлены в основном в женских

погребениях в виде прижизненных украшений. Мужские погребения почти безынвентарны. В целом же те или иные предметы обнаружены лишь в 40 погребениях. Заслуживает внимания предположение К. Маламед о том, что западная ориентировка погребенных, присущая христианскому обряду, совпала здесь с требованиями языческого обряда. Известно, что именно западная ориентировка характерна для многих праболгарских языческих могильников Восточной Европы, в том числе в бассейне р. Дон. Открытые погребения, как и само поселение, относятся к середине IX — X в. Языческие захоронения первопоселенцев Дуранкулака не обнаружены.

Менее страницы (с. 123) автор уделила погребениям на южном берегу острова (их 17) и около храма (11). Примечательно, что именно в ряде этих погребений, в том числе и около храма, отмечены черты языческого обряда (нарушения скелетов, кости животных).

При всей краткости статьи К. Маламед, она смогла дать в ней общее представление о могильнике. Но с сожалением приходится отметить, что статья проиллюстрирована исключительно фотографиями погребений и не содержит ни одного чертежа, хотя рисунки вещей достаточно многочисленны. К статье приложен каталог погребений.

Статью К. Маламед существенно дополняет статья Йордана Йорданова и Валерия Чолакова «Антропологические данные по результатам исследования костных останков погребенных в средневековом некрополе у с. Дуранкулак» (с. 271—294). Это одна из наиболее документированных статей в первом томе «Дуранкулак». В ней с необходимой полнотой отражена демографическая ситуация и антропологическая характеристика населения. Публикация снабжена таблицами половозрастных определений, продолжительности жизни, детской смертности, роста, черепных объёмов, статистической характеристики размеров черепов; даны фотографии пластической реконструкции голов шести погребенных.

В половозрастном отношении выделяются три основных признака: большая детская смертность (53,8%), превышающая среднестатистическую среди синхронных могильников (40,9%); высокая смертность мужчин по сравнению с женщинами в возрасте от 21 до 30 лет (мужчины — 15,9%, женщины — 7,5%); обратная картина для возраста 31—60 лет (мужчины — 7,5, женщины — 11,7).

Таксономический анализ определяет население Дуранкулака в расовом отношении как европеоидное с преобладанием черт средиземноморского и северного антропологических типов с высоким процентом арменоидальных черт (женские черепа) и преобладанием арменоидальных черт (мужские черепа). В этом авторы установили близость погребенных Дуранкулака и могильников Табачка, круглой могилы Девни № 3, особенно среди мужчин (с. 290). Основные выводы авторов сводятся к следующему: праболгарская этническая группа является здесь основной составляющей среди его уже христианизированного населения. Сама же праболгарская этническая общность определяется как европеоидная с умеренным или слабым проявлением монголоидных черт (с. 291).

Интересно, что на Дуранкулаке, несмотря на христианизацию населения, отмечена искусственная деформация черепов у двух женщин и четырех мужчин, т. е. примерно у 9,9% погребенных. Этот характерный языческий элемент праболгар отмечается и на многих других могильниках и подтверждает определение населения Дуранкулака как преимущественно праболгарского. Исследование Й. Йорданова и В. Чолакова заслуживает самой высокой оценки. Оно дает дополнительный материал для решения вопросов происхождения праболгарского населения Придунавья.

Два раздела тома посвящены керамике. Стефан Сахно в небольшом очерке «Методика обработки массового керамического материала» (с. 151—158) справедливо упрекает ряд авторов (В. Подборский, Б. Маршак, Д. Деопик, А. Карапетянц) в создании громоздких систем признаков, которые по этой причине не получили практического использования. Сам же С. Сахно предлагает очень простую систему описания фрагментированной керамики, где каждый фрагмент кодируется только по 16 признакам — от места находки до состава глины. Система С. Сахно достаточно удобна для первичной обработки керамики, составления описей, музейной работы. Принципиально нового в ней ничего нет, но учитывая, что обработка массового керамического материала является слабым местом болгарской археологии, опыт С. Сахно можно приветствовать.

Непосредственно же глиняная посуда рассмотрена в статье К. Маламед «Керамика средневекового поселения Дуранкулак» (с. 161—179). В коллекции 8646 фрагментов, пять восстановленных горшков и одна мисочка. Около 90% фрагментов принадлежит горшкам с врезным орнаментом — вертикальные и горизонтальные расчесы, многорядные волны. По технологии и орнаментации к горшкам примыкают чаши и мисочки. Отмечая, что характерные для Дуранкулака горшки распространены преимущественно в Южной Добрудже (Одерци, Топола, Бдинци, Крушари), К.

Маламед совершенно необоснованно расширяет их ареал вплоть до Волги и Ставропольской возвышенности, пренебрегая тем самым существенными местными особенностями форм и орнаментации горшков в удаленных территориально регионах. Заметная особенность Дуранкулака, отличающая, кстати, его от поселений Дона, состоит в малочисленности лощеной посуды — 5%. Никаких местных особенностей этой керамики автор не отмечает.

В завершение К. Маламед акцентирует внимание на различиях в качестве керамики разных жилищ, что вообще является довольно обычным для больших поселений. Однако совершенно нельзя принять попытку автора на основе качества черепка датировать керамику. Так, жилище № 8 на основе плохого качества керамики она относит к «начальному периоду заселения острова — середине IX в.» (с. 166), но на плане поселения на с. 25 в статье Х. Тодоровой жилище № 8 отнесено ко второму строительному этапу. Напомню, что Х. Тодорова специально подчеркнула, что на поселении «нет прямой связи в развитии керамики и других археологических материалов» (с. 22). К сожалению К. Маламед не использовала возможность сравнить керамику из разных строительных периодов во всей полноте, нет и статистики типов по строительным периодам. Статью К. Маламед можно рассматривать как самый предварительный обзор керамики Дуранкулака.

Коллекции из 315 предметов посвящена упоминавшаяся публикация Явора Бояджиева «Железо в жизни населения средневекового поселения у с. Дуранкулак». Кратко описаны орудия земледелия, животноводства, деревообработки, шорничества, вооружение и др. Обращает на себя внимание, что несмотря на расположение поселения на острове и вблизи моря, здесь найден всего один рыболовный крючок. Видимо, использовались иные орудия лова.

В публикации Тодора Димова «Изделия из кости и рога средневекового поселения у с. Дуранкулак» среди обычных для средневековья предметов привлекает внимание трубчатая кость с многочисленными насечками. Автор предполагает, что это «один из ранних народных календарей-бирок, открытых в болгарских землях» (с. 251).

Согласно данным Йордана Панайотова и Михаила Михова в статье «Краткая характеристика основных продовольственных и технических культур», пшеница занимала 60% обрабатываемых площадей, чечевица — 10, просо — 8, лен — 10, вика — 2%. Представлены здесь также ячмень, рожь. Авторы провели интересные сравнения характеристик археологических семян с современными. Столь же высокопрофессиональна и статья Васила Василева «Животноводство и охота в жизни населения средневекового Дуранкулака», снабженная необходимыми метрическими данными. Интересны расчеты соотношения потребляемого мяса, на первом месте в котором оказывается говядина — 42,95%, а на последнем — мясо диких животных — 6,64%. Таким образом, данные Й. Панайотова, М. Михова и В. Василева характеризуют хозяйство Дуранкулака как развитое земледельческо-скотоводческое с устоявшимися традициями оседлого быта, что полностью соответствует архитектурному облику поселения.

Следует приветствовать включение в том статей Елизаветы Божиловой и Юлиана Атанасова «Палеоэкологическая обстановка и история растительности в районе оз. Дуранкулак» и Добрины Темнисковой и Кати Дойчевой «Анализ диатомей из озерных отложений Дуранкулак». Надо признать, что тема природной среды обитания праболгар всё ещё редка в болгарских изданиях и отсутствует в русских. Весьма интересный опыт датировки геофизическими методами рассмотрен в статье Мери Ковачевой «Археомагнитные исследования средневековых печей Дуранкулака».

Завершает том информация Христо Ганчева и Ангела Ангелова «Консервация, реставрация и экспонирование на средневековом поселении у с. Дуранкулак». Надо сказать, что работа по сохранению раскопанных на Дуранкулаке объектов была начата еще до выхода рецензируемого издания. Планируется законсервировать несколько десятков построек, языческое святилище, оборонительную стену и другие объекты. Выполнение намеченной программы сделает поселение Дуранкулак, памятник «европейского масштаба», доступным не только для туристов, но, что важнее, для длительного изучения не только болгарскими археологами, но и их зарубежными коллегами. Будем надеяться, что несмотря на трудности, консервация будет осуществлена.

В небольшом «Заключении» руководитель раскопок Дуранкулака Х. Тодорова поднимает сложные вопросы происхождения его населения. Справедливо отмечая малочисленность языческих элементов, она ставит вопрос о распространении христианства в его среде ещё до прихода на оз. Дуранкулак, на «исходных территориях» (с. 301). В качестве таковых предполагаются в особенности приазовский и крымский варианты салтово-маяцкой культуры. Но, как известно, христианство у населения салтово-маяцкой культуры распространения не получило, а в Крыму его приверженцы были преимущественно среди грекизированного населения. Во-вторых, как уже отмечалось, культура Дуран-

кулака значительно отличается от собственно салтово-маяцкой культуры. Мне кажется, культура Дуранкулака сформировалась на местной «добруджанской» основе, тем более, как отмечает Х. Тодорова, «в Дуранкулаке находят в общих чертах отражение основные тенденции в развитии культуры Первого Болгарского царства», а «его наивысший расцвет совпадает не только с расцветом поселения Дуранкулак, но и синхронных поселений во всей Добрудже» (с. 302).

Особый интерес на Дуранкулаке вызывают его юртообразные постройки первого периода. Не являются ли они свидетельством того, что кочевое хозяйство сохранялось в Добрудже дольше, чем в более южных районах Первого Болгарского царства? Этому должна была способствовать сама природная среда: Добруджа — оконечность большого степного пространства Евразии, что отметила и Х. Тодорова (с. 15). Вероятно, по этой причине только в конце VIII — начала IX в. возникают здесь и другие крупные поселения, в том числе Топола и Одерци. Быстрота же, с которой произошло оседание в Добрудже, должна объясняться как соседством ранее осевших праболгар, так и славян. С последними, по-моему, надо связывать не только печи Дуранкулака, но и всю архитектуру его прямоугольных жилищ. Проблемы эти требуют углубленного изучения, и Дуранкулак даёт для этого большие возможности.

Предложенное вниманию читателя издание является прекрасным образом комплексного интердисциплинарного исследования, но, к сожалению, в этом роскошном томе описание самого поселения занимает слишком мало места. Будем надеяться, что публикации средневековых материалов уникального, первого полностью раскопанного раннеболгарского поселения будут продолжены и тщательно интерпретированы этим коллективом авторов.

Институт археологии
РАН, Москва

В. С. Флёров

Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde/Ed. G. Arwidsson. Stockholm, 1989. 180 S., 26 Abb., 28 Taf., 3. Diagr., 1 Karte

В 1989 г. вышел в свет 3-й выпуск тома II материалов Бирки конца VIII — конца X вв., завершив тем самым многолетнюю работу по систематическому анализу всех находок этого известного некрополя Средней Швеции.

Комитет по изучению материалов Бирки отмечает, что успешное окончание этой сложной и чрезвычайно трудоемкой работы является в значительной степени заслугой проф. Г. Арвидссон — главного редактора трех выпусков второго тома.

В рецензируемый 3-й выпуск включены 28 небольших по объему статей, посвященных предметам погребального инвентаря, не вошедшим в первые два выпуска второго тома [1, 2]. В статьях рассмотрены находки украшений (подвески, гарнитуры бус, несколько амулетов и фибул, цепочки), бытовых предметов (ножи, ложки, пряслица, оселки, замки и ключи, шкатулки и коробки, глиняные и каменные сосуды, отдельные инструменты), составлены комментарии к находкам монет и костей животных. Завершает выпуск статья, подводящая итоги проведенных исследований. К концу выпуска приложены списки статей и таблиц, помещенных в 1—3-м выпусках тома II, список предметов, вновь обнаруженных в хранилищах Стокгольмского исторического музея. В большинстве случаев авторы статей придерживаются принятого ранее плана изложения материалов: описание находки (название, материал, количество учтенных экземпляров), типологии, аналогии (преимущественно скандинавские). В отдельных случаях обращено внимание на технологию и вероятное происхождение той или иной вещи.

Остановимся на характеристике некоторых статей, представляющих, на наш взгляд, наибольший интерес.

Подвески, по мнению одного из авторов, интересны потому, что не связаны функционально с костюмом и отражают скорее индивидуальный вкус человека, а не его этническую принадлежность (с. 19). Следует заметить, что подвески Бирки частично уже исследовались [3, 4]. Они происходят только из женских погребений. Анализу этих находок посвящены статьи В. Дучко, И. Кальмера и И. Янссона. Разный подход к систематизации отражен уже в названиях этих работ: «Круглые

© М. В. Фехнер, Т. А. Пушкина, 1992 г.

серебряные подвески с чеканным орнаментом», «Литые подвески с северным орнаментом», «Подвески восточного типа».

В. Дучко исследует серебряные подвески круглой и чашеобразной формы (31 экз. из 20 погребений), значительную часть которых составляют украшения, имитирующие боевые щиты (16 экз.). Интересно наблюдение автора об употреблении различных инструментов для нанесения орнамента на диск. Вслед за М. Стенбергом высказывается предположение, что эти подвески символизируют воинский щит, однако едва ли являются исключительно скандинавским изобретением, поскольку похожие формы известны в Германии и Англии в VI—VII вв. (с. 15). Данный тип подвесок встречен и среди материалов Древней Руси, наиболее распространен на территории Швеции и Готланда в середине X — середине XI в. Заметим, что в настоящее время на территории Руси известны еще несколько находок, кроме указанных в статье,— например, подобные найдены в Тимереве и Псковском некрополе того же времени.

В статье И. Кальмера рассмотрены девять групп литых подвесок с северным орнаментом, разделенных сначала по форме, а потом на основе орнамента на варианты и типы (с. 21—28). Сюда входят литые серебряные и бронзовые сплошные и ажурные подвески округлой и ромбовидной форм, украшенные геометрическим и зооморфным орнаментом, а также подвески в форме кресала, молота, человеческой личины, дуршлага (группы А — Н). Анализируя условия нахождения подвесок в погребениях Бирки, автор отмечает, что основное их количество происходит из ингумаций, для которых обычен комплекс из нескольких подвесок, тогда как в кремациях их не более трех-четырех сразу, обычно по 2 экз. (с. 19—20). При этом погребения с подвесками в основном относятся к середине — второй половине X в. По мнению И. Кальмера, преобладание находок серебряных украшений в Бирке говорит об особом положении этого центра, где из-за сосредоточения драгоценного сырья было больше возможностей для ювелирного производства (с. 20—21).

Обращаясь к сравнительному материалу, Кальмер отмечает, ссылаясь на обобщающие статьи советских исследователей 60-х годов, что среди славянских материалов Восточной Европы подобные находки появляются не ранее конца X в. и даже еще позже (с. 19). Однако ряд находок последних лет и новые публикации позволяют предположить более раннюю дату существования некоторых литых ажурных подвесок с зооморфным орнаментом (тип А3 и группа В) в Древней Руси — середину — вторую половину X в. [5, с. 160—162, табл. XXII, 3]. Интересно его предположение, что бронзовые литые подвески «скандинавских типов» могли изготавливаться не только в Бирке, но и в некоторых других центрах, может быть, и странствующими ремесленниками (с. 30).

Третья небольшая статья подготовлена И. Янссоном. Автором рассмотрена группа редких подвесок, находки которых известны пока только в Бирке и на Руси (с. 43—45). Особенно подробно он останавливается на единичных украшениях с изображением бородатого мужского лица в обрамлении двух птиц и сидящего человека в короне и с крыльями за плечами, близкие аналогии которым видит в сасанидском и раннеисламском искусстве (с. 44).

Вызывает удивление, что в рецензируемой работе не нашел отражения такой важный, интересный массовый материал, как бусы. Г. Арвидссон объясняет этот факт нецелесообразностью включения бусенного материала, полностью проанализированного в общей работе по происхождению бус Скандинавии 800—1000 гг., изданной И. Кальмером в 1977 г., а также в связи с тем, что в настоящее время готовится специальное исследование К. Даниельссон (Ambrosiani) по типологии, датировке, происхождению бус из Бирки и их экономическому значению. Такое объяснение нам кажется неубедительным, тем более абсолютно непонятно помещение отдельной, очень своеобразной статьи, посвященной проблеме достоверности полевых рисунков Я. Стольпе с изображением расположения бус в погребениях и попытке предложить три модели ношения ожерелий с бусами или прикрепления их к костюму (с. 46—50).

Среди статей, посвященных бытовым предметам и инструментам, особый интерес вызывает статья Б. Арренius о рабочих ножах — одной из наиболее массовых находок на многих памятниках (с. 78—94). Для типологического и технологического изучения автором были использованы 124 экз. лучшей сохранности из 455, упомянутых в издании Х. Арбмана. Сравнение клинков из погребений и культурного слоя Бирки показало, что находки с поселения отличаются лучшей сохранностью металла и большей сработанностью лезвий, чем ножи из погребений, некоторые из которых, как оказалось, ни разу не были в употреблении. Распределение находок по мужским и женским комплексам примерно одинаково. Рабочие ножи Бирки разделены автором на два типа: ножи с прямой спинкой (тип А) и изогнутой (тип В). Оба типа ножей существовали в течение всего периода викингов, находки же клинков с изогнутой спинкой известны и в предшествующий период. Метал-

лографические исследования, проведенные в лаборатории Стокгольмского университета, показали высокий технический уровень изготовления большинства изделий. Для нас особое значение имеет вывод о том, что для производства ножей Бирки в основном использовалось высокофосфорное железо (предполагается, что повышенное содержание фосфора спасало изделие от коррозии и способствовало процессу сварки железа и стали) — это отличает шведские находки от древнерусских. Обращает на себя внимание тот факт, что наиболее распространенные ножи с прямой спинкой имеют, как правило, трехслойную структуру (с. 82). Аналогичной формы ножи хорошо известны в материалах X в. Приладожья, Новгорода, Ярославского Поволжья, Гнездова, встречены на отдельных памятниках Полоцкой и Киевской земель и др. Обычно эти предметы также изготовлены в технике трехслойного пакета. Можно лишь сожалеть, что Б. Аррениус не имела возможности привлечь для сравнения результаты исследований древнерусских материалов, опубликованные за последние 15 лет.

Заметим, что названная работа Б. Аррениус относится к числу редких исследований, в которых как-то связываются данные типологического и технологического анализа.

Остальные 20 статей, автором большинства которых является Г. Арвидссон (!), посвящены малочисленным предметам погребального инвентаря указанных уже категорий находок. К сожалению, в настоящем выпуске тома II отсутствует статья, ранее предполагавшаяся к изданию, по характеристике всего найденного в погребениях Бирки нумизматического материала. В представленном здесь комментарии Г. Арвидссон отмечено, что нумизматические материалы Бирки изучались многими исследователями, уточнялись определения монет, топография, хронология (назовем лишь несколько основных фамилий — Б. Мальмер, У. Линдер-Веллин, У. Кюлбер). Вскоре должен быть опубликован Каталог монетных находок провинции Уппланд, куда войдут и материалы Бирки (с. 137) — по этим причинам, видимо, автор ограничивается сводной таблицей о находках монет в мужских и женских погребениях могильника с разнесением последних по конкретным группам некрополя (табл. 27, *1*) и приложением перечня найденных монет. На наш взгляд, определенный интерес представляло бы исследование места расположения монет и их обломков в каждом погребении, анализ набора монет-подвесок в отдельных ожерельях, соотношение находок монет и торгового инвентаря, восточных и западных монет с предметами импорта и их роли в погребальном обряде. Мы понимаем специальный характер нумизматического материала, но изучение перечисленных выше вопросов, на наш взгляд, только расширит интерпретационные возможности исследователей.

Можно лишь сожалеть, что богатый остеологический материал, собранный в 70-х годах прошлого века, сохранился далеко не полностью, притом большей частью в чрезвычайно плохом состоянии. Обращает на себя внимание, что среди костей домашних животных в могилах Бирки встречены те же виды, что и в синхронных некрополях Ярославского Поволжья и Гнездова: в трупосожжениях — кости крупного и мелкого рогатого скота, свиньи, лошади, кости рыб и птиц, собаки, в трупоположениях — кости лошади. В 54 трупоположеньях некрополя обнаружены в сравнительно хорошем состоянии скелеты взрослых индивидуумов, что дало возможность Б. Сигвалиус, обрабатывавшей этот материал, определить половую принадлежность и возраст погребенных. Попытка же на этом материале определить степень заселенности района Бирки в X в. является неудачной. На таком небольшом статистическом материале данный вопрос вообще нельзя ставить, тем более что автор произвольно разделил его на возрастные группы от 14 до 80 лет для сравнения полученного результата исследования со статистикой народонаселения более позднего времени. Полученный в результате этого вывод автора о значительном совпадении продолжительности жизни жителей Бирки X в. с таковой стокгольмцев XVIII в. представляется по меньшей мере малообоснованным.

Итоги многолетнего труда большого коллектива авторов подведены в заключительной, 29 статье, принадлежащей перу А.-С. Грэслунд. Изложение итогов сделано по восьми разделам: введение, ремесленное производство, распространение отдельных категорий в некрополе (группы погребений по обряду, фибулы, оружие, снаряжение коня, текстиль и костюм, типы могил), предметы импорта, проблема возникновения могильника, христианские погребения, отдельные топографические группы некрополя, отдельные заключения. Все эти разделы по существу отражают вопросы, стоявшие перед коллективом авторов в начале их работы. Теперь, сопоставляя данные о распространении тех или иных видов вооружения, костюма или украшений с типами и видами погребений внутри могильника, автор пытается откорректировать предложенные ранее в ряде работ выводы о социальной топографии и хронологии памятника, а также останавливается на проблеме археологического изучения ремесленного производства.

Ограниченные рамки рецензии не позволяют нам подробно рассмотреть каждый раздел или вывод, сделанный автором. Отметим лишь некоторые.

Представляется важным замечание, что для правильного понимания материалов Бирки большое значение имеет знание материалов округи и динамики развития торгового центра. Действительно, в противном случае исследуемый нами памятник предстает как некий уникум, что достаточно красноречиво демонстрируют результаты изучения таких восточно-европейских памятников, как Сарское городище или Тимерево. Из распределения находок фибул, связанных с женским костюмом (этот материал в основном был обработан в статьях И. Янссона и И. Хэг), следует предположение, что население, хоронившее своих умерших на участках к северу от крепости, имело тесные контакты с населением внутренних районов Меларена, в то время как облик материала из погребений, расположенных к северу от городского вала, указывает на связь с северными районами Уппланда и Гастрикландом. Кроме того, намечается определенная близость между материалами погребений к северу от крепости (участок 2) и погребений юго-восточной части вала (участок 1с). Связь между этими участками подтверждается и анализом предметов вооружения (статьи Л. Толин-Бергман, Вегре). Интересен вывод, что участок 2, на котором сосредоточены преимущественно трупоположения, имеет наиболее выраженные свидетельства контактов с Западной Европой — здесь найдена основная часть западноевропейской керамики, стекла, бронзовых сосудов и украшений. Финские вещи распространены относительно равномерно по всему некрополю, но в целом они немногочисленны. Что касается «восточного импорта», под которым понимаются различные предметы восточноевропейского или арабского происхождения, то места находок связаны в основном с погребениями в составе вала и расположенными к северу от него и лишь частично с участком 2 (статьи И. Янссона, А. Грэслунд). Правда, с этим участком связаны находки целых низок из хрустальных и сердоликовых бус, которые происходят из погребений только раннего и самого начала позднего периода Бирки, т. е. IX — начала X в. Подчеркнем, что на территории Восточной Европы наборы каменных бус также характерны для ранних погребений таких памятников, как Тимерево и Гнёздово. Большое значение имеют для нас выводы относительно социальной принадлежности погребенных в разных частях некрополя на основе комплексного анализа инвентаря и обряда. Так, богатые камеры определяются как погребения высшего слоя купечества, которые свидетельствуют об интернациональных связях Бирки. Поскольку камеры на памятниках, связанных с королевскими владениями (например, Адельсё), не обнаружены, А. Грэслунд выражает сомнение в том, что их можно связывать с королевскими дружинниками, хотя торговля и могла быть привилегией двора. Останавливаясь на отдельных типах погребений, автор отмечает, что невозможно выделить христианское кладбище Бирки, поскольку языческие и христианские погребения расположены чересполосно. При этом подчеркивается, что интерпретация мало- и безынвентарных погребений чрезвычайно трудна и их появление может быть объяснено как религиозными, так и социальными, экономическими или хронологическими причинами. Следует отметить, что в последнем выпуске исследований материалов Бирки авторы по-прежнему пользуются условными хронологическими периодами: ранняя и поздняя стадии — ABS и IBC. Уточнена лишь нижняя граница памятника в целом — возникновение Бирки осторожно относится к концу VIII в.

В заключение отметим, что выход в свет труда коллектива авторов имеет несомненно огромное значение, несмотря на отдельные отмеченные недостатки, которые в большинстве случаев связаны с объективными причинами.

Государственный исторический музей,
Москва
Московский государственный
университет

М. В. Фехнер,
Т. А. Пушкина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фехнер М. В., Пушкина Т. А.* Рец. на кн. Birka II: 1, Systematische Analysen der Gräberfunde/Ed. Arwidsson. Stockholm, 1984.//CA. 1987. № 1.
2. *Фехнер М. В., Пушкина Т. А.* Рец. на кн. Birka II: 2, Systematische Analysen der Graberfunde/Ed. Arwidsson Stockholm, 1986//CA 1990. № 4.
3. *Ström K.* Thorshammerringe und andere Gegensfunde des heidnischen Kults. Birka II: 1, Stockholm, 1984.
4. *Duczko W.* The filigree and granulation work of the Viking Period An analisis of material from Bjorko. Birka V. Stockholm, 1985.
5. *Бліфельд Д. І.* Давньоруські пам'ятки Шестовиці, Київ, Наук. думка, 1977.

A. Kaczmarczyk, R. E. M. Hedges. Ancient Egyptian Faience. An Analitical Survey of Egyptian Faience from Predynastic to Roman Times. Warminster: Aris κ Phillips Ltd., 1983. 585 p., 44 tabl.

Книга Александра Качмарчика и Роберта Е. М. Хеджеса «Древнеегипетский фаянс» посвящена исследованию химического состава и технологии изготовления этого материала. Авторы изучили более 1100 предметов из египетского фаянса (собрания Ашмолеан-музеума и университетской коллекции У. М. Фл. Питри) с помощью флюоресцентного анализа (х-лучи). Для исследования были отобраны вещи из раскопок английских экспедиций на территории Египта, относящиеся ко всем периодам египетской истории от додинастического до римского времени и представляющие различные регионы Египта от Александрии до третьего порога. Флюоресцентный анализ не дает возможности определить содержание трех легких элементов — натрия, магния и алюминия, поэтому дополнительно было проведено 60 анализов методом атомной абсорбционной спектрометрии.

Монография состоит из двух частей: химической (авторы — А. Качмарчик и Р. Хеджес) и технологической (автор — Памела Вендивер).

Во введении (с. 1—5) определены задачи химического исследования: 1) установить диапазон содержания элементов, входящих в состав египетского фаянса, и найти критерий для выделения предметов, изготовленных за пределами Египта (в том числе современных подделок), исследовав статистически представительную серию анализов; 2) изучить химию и технологию производства глазури и проследить их изменение во времени (история Египта условно разбита на 12 хронологических периодов); 3) выявить географические различия в химическом составе египетского фаянса.

Авторы разделили глазури на семь цветовых групп: белые, желтые, зеленые, голубые, индиго-фиолетово-пурпурные, черно-серые и коричнево-красные.

Химии египетского фаянса посвящено пять глав. В первой главе (с. 6—19) излагается история изучения этого материала, перечисляются принципы отбора образцов для анализа и описываются методы исследования. Египетский фаянс определен как материал, состоящий из основы, покрытой глазурью. Основа представляет собой кварц или песок, сплавленный со щелочами и сопутствующими примесями (с. 6). Глазурью авторы называют компактный окрашенный слой, четко отличающийся от подстилающей его основы (с. 14).

Во второй главе (с. 20—139) дается описание 22 элементов, входящих в состав глазури. Для каждого элемента приведена таблица его среднего содержания в глазурях разных цветов для каждого хронологического периода. Отмечено большое сходство состава глазури и современного ей стекла.

Третья глава (с. 140—184) посвящена описанию красителей. Исследования показали, что белый цвет получали без применения глушителей — путем тщательного удаления нежелательных примесей. Желтый краситель — антимонат свинца — появился только при XVIII династии. Зеленый цвет — результат использования меди с добавлением железа, марганца, свинца, а также антимоната свинца — для получения оттенков. Голубой цвет получали с помощью меди, а с эпохи XVIII династии — меди в сочетании с кобальтом. Пурпурно-фиолетовые глазури разделены на четыре типа: 1) медные; 2) марганцевые; 3) кобальтовые с добавлением марганца, никеля и цинка; 4) кобальтово-медные. Черные и серые глазури получали путем добавления марганца, железа или обоих этих элементов. Коричневые и красные глазури окрашены железом, свинцом, калием и марганцем. Авторы особо останавливаются на изучении полихромных фаянсов, подразделяя их на пять типов по степени загрязнения одних цветов другими.

Тема четвертой главы (с. 185—220) — состав фаянсовой основы. Отмечено, что в большинстве случаев основу делали не из толченого кварца, как предполагали многие исследователи, а из песка (с. 188). Авторы последовательно рассматривают каждый вариант египетского фаянса по классификации А. Лукаса и приходят к выводу, что его система нуждается в изменениях и уточнениях. Однако, по их мнению, для создания альтернативной классификации, знаний, накопленных к настоящему времени, недостаточно. Материал главы дополнен таблицей среднего содержания каждого элемента в основе «обыкновенного фаянса» (термин А. Лукаса) для всех хронологических периодов.

Пятая глава (с.221—306) посвящена географическим и историческим особенностям химического состава фаянса. Материала оказалось недостаточно, чтобы набрать статистически представительные серии предметов из каждого географического пункта для всех хронологических периодов. Авторы

© Ю. А. Фалькович, 1992 г.

сделали попытку связать особенности химического состава фаянса с определенными месторождениями сырья, но собрать полученные наблюдения в единую систему пока не удалось.

Авторы отметили, что к началу Нового царства относятся важнейшие химические новшества: начало использования кобальта как синего и фиолетового красителя; начало использования антимоната свинца как желтого красителя; возникновение стеклоделия и его влияние на развитие фаянсового производства (с. 244).

В заключение авторы сравнивают египетский фаянс с месопотамским и минойским фаянсом и стеклом и приходят к выводу, что говорить о приоритете Египта в изобретении фаянса нет оснований (с. 282).

Вторая часть книги — приложение А (с. А—1 — А—44) — написана П. Вендивер и посвящена технологии изготовления фаянса. Автор ставит перед собой две задачи: охарактеризовать различные технологические процессы и восстановить историю развития технологии египетского фаянса.

П. Вендивер дает общую характеристику египетских силикатных и керамических материалов, к которым относятся египетский фаянс, «египетская синь», «стекловидный» фаянс, стекло, глазурованный камень и керамика. Автор разделяет их на материалы с однородной и со слойной структурой. К последним относится египетский фаянс, который может состоять из двух слоев (основы и глазури) или из трех (основы, промежуточного слоя и глазури). П. Вендивер перечисляет причины возникновения промежуточного слоя и способы его получения. В египетском фаянсе это почти всегда специально нанесенное белое покрытие из очень тонко измельченного материала основы (с. А—15).

Другой принцип разделения материалов — по типу технологического процесса: 1) изготовление (отливка) предметов из расплавленной массы (стекло); 2) формование, сушка и обжиг пластичной массы, полученной смешиванием порошка с водой (керамика); 3) измельчение сырья и синтезирование из порошкообразной смеси нового поликристаллического материала (египетский фаянс).

Изготовление египетского фаянса начинается с приготовления теста для основы, включающего 92—99% кремнезема, 1—5% кальция, 0—5% натрия и небольшое количество алюминия, железа, магния и меди. П. Вендивер подробно рассматривает способы формования основы, наиболее распространенные из которых — ручная лепка и прессование в форму с последующей доработкой деталей. После формования предмет подвергается сушке.

Следующий этап технологического процесса — глазурование и обжиг изделия. Подытожив накопленные в науке сведения, П. Вендивер пришла к выводу, что в Древнем Египте существовало три способа глазурования: аппликация, эффлоресценция и цементация (термины автора) (с. А–1, А—26—27).

Метод аппликации, давно описанный У. М. Фл. Питри, Дж. Рейснером и А. Лукасом, заключается в обливании или обмазывании высушенного предмета жидким глазурным тестом. Тесто, состоящее из разбавленных водой кремнезема, щелочей и щелочных земель, может быть получено простым смешиванием порошкообразных ингредиентов или их сплавлением и последующим измельчением. Пористая основа впитывает воду из нанесенного на изделие теста, и на поверхности остается порошкообразный слой, который при обжиге превращается в стекловидную глазурь.

Процесс эффлоресценции (самоглазурования), описанный К. Бинпсом и Дж. Ноблем, основан на способности растворенных в воде солей натрия и калия, введенных в состав основы, мигрировать на поверхность предмета во время сушки. Это происходит в результате капиллярных процессов при испарении воды с поверхности. «Вытянутые» соли образуют внешний щелочной слой, который во время обжига сплавляется с кварцем и известью основы, образуя глазурь.

В процессе цементации, который реконструировали К. Кифер и Г. Вульф, высушенный предмет помещали в глазурный порошок. При обжиге легкоплавкие щелочи вытягиваются из порошка и сплавляются с кремнеземом основы, образуя на поверхности изделия глазурь. Часть порошка, не вступившая в реакцию, удаляется после обжига.

П. Вендивер перечисляет внешние признаки, позволяющие определить, каким методом изготовлена вещь. Автор отмечает, что эти критерии могут изменяться в зависимости от химического состава сырья, условий и времени обжига и других факторов, поэтому однозначно определить технологический процесс редко удается (с. А—42). Существование фаянсовых изделий, полученных в результате комбинации разных методов, также осложняет решение этого вопроса.

П. Вендивер отметила, что содержание кремнезема в глазури слишком высоко, чтобы она могла расплавиться при определенной экспериментальным путем температуре обжига. Для объяснения этого факта был проведен разрушающий анализ, который показал, что в глазури остаются нерасплавившиеся частицы кремнезема (с. А—44).

Таблица

Период	Способы изготовления основы	Способы глазурования
Додинастический (4000—2900)	Лепка в форму; гравирование поверхности; сверление отверстий; свободная лепка (редко)	Экспериментальный период: аппликация; цементация (?); эффлоресценция (мало вероятно)
Раннее царство, Древнее царство, I переходный период (2920—2040)	Лепка в форму; гравирование поверхности; сверление отверстий; рисование жидким тестом; слоение (редко); формование на сердечнике (редко); мраморировка (редко); отливка (Саккара?)	Эффлоресценция
Среднее царство, II переходный период (2134—1550)	Лепка в форму; доработка по поверхности; отливка; формование на сердечнике; мраморировка; рисование жидким тестом; рисование краской; прокол отверстий; сверление отверстий; инкрустация *	Эффлоресценция; цементация; аппликация жидкой глазури
Новое царство (1550—1070)	Лепка в открытую форму; формование на сердечнике; соединение вылепленных частей жидким тестом основы; слоение; резание; инкрустирование жидким тестом основы и краской; рисование краской; изготовление ушка из отдельно вылепленной петли; гончарный круг (?)	Эффлоресценция; добавление в основу измельченного стекла; цементация; аппликация жидкой глазури
Поздние периоды	Гончарный круг + все приемы, использовавшиеся в Новом царстве	Эффлоресценция; аппликация жидкой глазури

* Автор использует здесь термин «resisting», значение которого не вполне ясно. Возможно, имеется в виду техника резерва.

Изложив общие принципы технологии египетского фаянса, автор переходит к описанию результатов своей работы. Она изучила 700 предметов, относящихся к различным технологическим периодам и происходящих из разных мест, с целью объяснить отклонения химического состава отдельных вещей от нормы и выявить региональные и хронологические различия в технологии. Основные методы исследования — неразрушающий микроскопический анализ, дополненный разрушающим анализом, и лабораторное воспроизведение технологических процессов. В программу изучения помимо фаянсовых были включены предметы из глазурованного стеатита. Итоги этого исследования представлены в таблице, в которой перечислены способы изготовления основы и глазурования, применявшиеся в каждый крупный хронологический период (приведено с сокращениями).

П. Вендивер полагает, что глазурование возникло в додинастический период, первоначально на мягких породах камня. В течение Раннего и Древнего царств производство фаянса растет вширь, его технология усложняется; появляются формование посуды на сердечнике, многослойная основа. В эпоху Среднего царства происходит открытие процесса цементации и совершенствование режима обжига. Возникновение стеклоделия в начале XVIII династии вызывает расцвет фаянсового производства, резкое расширение его ассортимента. Позднее время продолжает существующие технологические традиции, дополняя их приемами, заимствованными из керамического производства. Впрочем, автор отмечает, что возможны и альтернативные схемы развития фаянсовой технологии.

В заключение П. Вендивер намечает направления будущей работы: 1) детальное изучение вещей с целью выявления мастерских; 2) дальнейшее исследование технологических процессов; 3) реконструкция процесса глазурования различных пород камня; 4) изучение взаимосвязи производств фаянса, стекла, керамики и красителей в Древнем Египте.

В приложении C (с. C-1 — C-58) приведены данные флюоресцентного анализа всех исследованных предметов. Приложения B (с. B-1 — B-7) и D (с. D-1 — D-4) содержат справочную информацию о соответствии номеров этих предметов музейным номерам и местам находки.

Выход в свет книги А. Качмарчика и Р. Хеджеса — безусловно, важный этап в изучении египетского фаянса. Впервые было проведено исследование такого большого количества предметов с помощью современных научных методов. Авторы первой части книги составили полную картину изменений химии египетского фаянса во времени. Это открывает возможность датировать изделия из египетского фаянса неизвестного происхождения, многие тысячи которых хранятся в музеях мира,

в том числе и в нашей стране. К сожалению, А. Качмарчик и Р. Хеджес приводят только среднее содержание элементов для каждой хронологической группы, не указывая крайних значений, поэтому их статистические данные пригодны для сравнения лишь с большими группами вещей одинакового происхождения. Датирование одиночных предметов на основе этих данных менее надежно. Попытка авторов выявить региональные школы изготовления фаянса оказалась неудачной из-за недостаточной полноты материала.

Вторая часть книги, посвященная технологии египетского фаянса, представляется более ценной, хотя и уступает первой в логике и четкости изложения. Впервые приведены в систему описания отдельных технологических процессов, прослежено развитие этих процессов во времени и установлены критерии для их различения по внешним признакам (насколько это возможно).

Обилие схем, таблиц, иллюстраций, а также данные более 1100 химических анализов делают монографию А. Качмарчика и Р. Хеджеса бесценным справочником по химии и технологии древнеегипетского фаянса.

Школа-гимназии № 67,
Москва

Ю. А. Фалькович

F. Grew, M. de Neergard. Medieval finds from excavation in London: 2. Shoes and pattens. L., 1988. 145 p., 165 fig., 22 tabl.

Изучение кожевенно-обувного производства может служить основанием для исследований по истории костюма, вопросов организации и технологии производства, социологических, медицинских и иных аспектов древних обществ.

Данная работа является комплексным историко-археологическим исследованием развития обувного производства в средневековом городе, его техники и технологии, моделей обуви, рассматриваемых на материалах раскопок в Лондоне. Монография состоит кроме введения и изложения методических приемов обработки находок из пяти глав, терминологического словаря и двух приложений, где дается краткая характеристика раскопов в Сити и методика консервации кожи.

Коллекция обуви (около 1500 ед.) получена при широкомасштабных исследованиях в 1970—1980-е годы, в большинстве своем привязанных к участкам вдоль берегов Темзы. Широкое освоение береговой полосы в XII—XV вв. сопровождалось сооружением деревянной облицовки набережных и подъемом общего уровня поверхности за счет мусора, собираемого со всего города. Этот период завершился к середине XV в. после сооружения почти вдоль всего берега каменных набережных. Полученные исследователями серии дендродат на каждом участке и наблюдения, свидетельствующие о достаточно быстром заполнении мусором береговой низины, позволяют установить относительно узкие (примерно в 50 лет) хронологические рамки отдельных коллекций, в целом составляющие непрерывный ряд от начала XII до середины XV в. Одним из важнейших результатов работы служат типологические ряды обуви этого периода (табл. 1), которые могут использоваться при изучении ремесленного производства и быта не только средневековой Англии, но и за ее пределами.

В соответствии с характером коллекции авторы разделяют отрезок времени с начала XII до середины XV в. на семь подпериодов длительностью примерно в 50 лет или два поколения, описывая для каждого из них встреченные типы и модели обуви. Статистическая информация сведена в таблицы.

Типологическое членение основано на трех критериях: 1) высота берцев — quarters [1], определяемая для туфель — shoes ниже лодыжки, для высоких туфель — ankle-shoes по лодыжке или над ней, для башмаков — boots значительно выше лодыжки: 2) способ укрепления обуви на ноге: при помощи продетых в специальные прорези кожаных шнурков — draw-string, продолговатых деревянных пуговиц — toggle, язычков-«задвижек» (latchet), пряжек или шнурованием; 3) раскрой подошвы, где учитывались степень вытянутости носка, наличие переймы и другие признаки.

Формы обуви из наиболее ранних комплексов, по мнению авторов, являются переходными вариантами от моделей саксо-норманнского периода к формам развитой городской обуви эпохи средневековья. Одна из найденных высоких туфель сохраняет черты предшествующего времени более

[1] Введение оригинальной терминологии обусловлено неадекватностью терминов, существующих в русском языке.

© А. В. Курбатов, 1992 г.

наглядно: это цельнокроеный верх с рядом прорезей в области тыльной стороны стопы, под лодыжкой,— свидетельство нераздельности функционального и декоративного начал конструирования. Подошва с заостренной пяткой, вшитой в соответствующий вырез верха, не имела сужения-переймы. Традиции позднейших конструкций, среди которых наиболее популярным стилевым решением считают высокие туфли, представлены в ранних группах формами с продернутыми одиночными или двойными шнурками и «глухим» кроем верха. В первой половине XII в. или несколько ранее распространяется обшивка верхнего края изделий сложенной вдвое узкой полосой кожи, следы крепления которой встречены на большинстве форм моделей. Разнообразие конструкций усиливает оформление горловины верха — закрытой, с фронтальным разрезом или с заходящими бортами. Встречены изделия с удлиненными носками, появившиеся, судя по изобразительным и археологическим данным, в конце XI в. и становящиеся чрезвычайно редкими после 1150 г. Подобная мода, согласно бытовавшей светской легенде, обязана происхождением графу Анжуйскому, желавшему скрыть уродство своей стопы [1, с. 29]. Однако представляется более правильным, дополняя мнения авторов, считать стилевые изменения одежды и обуви в XII в., включая функционально неоправданное удлинение отдельных элементов костюма, связанными с распространением эстетических норм готики. Основным орнаментальным элементом ранней обуви была вышивка цветной нитью, проходящая полосой по средней линии носка. Известная с конца XI в. на ряде лондонских изделий, она незначительно переживает XII в. Конструктивно обувь первой половины XII в. имела одночастный крой верха без дополнительных внутренних деталей. Основной шов — боковой расположен диагонально или перпендикулярно основанию.

С конца XII — начала XIII в. значительно расширяется набор конструктивных приемов пошива. Серийно представлены в коллекции различные модели высоких туфель и башмаков. Предположительно встреченные среди них «глухие» однодетальные туфли могли служить преимущественно домашней обувью. Определенно с конца XII в. в конструкции закрепляется рант — узкая полоса кожи, вшитая между подошвой и верхом для герметизации соединения и повышения износоустойчивости изделий. С начала XIII в. в моду входит боковая шнуровка туфель и башмаков, сохраняющаяся до позднего средневековья. Появившийся, вероятно, в конце XII в. [2, с. 174, табл. VII, *1*, XIV, *4*], этот способ крепления быстро распространяется в разных областях Европы. Среди предметов XIII—XIV вв. он отмечен в Любеке, Будапеште, ряде скандинавских городов [3, с. 171, рис. 60, *1*, 66, *35*, 67, *37*, *40*], в Риге [4, с. 28, рис. 1, *5*, *6*, 2]. Среди других стилевых признаков имели популярность округлые носки.

Существенным явлением в конструировании обуви начиная с XIII в. была детализация кроя, где верх модели состоял из головки и берцев. Однако преобладание ее наблюдается только с середины XIV в. Повсеместно начинают употребляться дополнительные внутренние детали — треугольная пяточная вставка, лента, укреплявшая край со шнуровкой, и др. Встречается двучастный раскрой подошвы, что не всегда было следствием ремонта.

Авторы считают конец XIII — начало XIV в. переходным временем от стилей раннего средневековья, для которых, в частности, было характерно крепление продернутыми сквозь серию отверстий шнурками, к обуви позднего средневековья, где преобладают пряжки, язычки-«задвижки», шнуровка. Примерно с середины XIII в. проявляется «существенная инновация мануфактурной технологии» — нитяной корд, пришивавшийся по внутренней стороне края детали на разрезах клапанов и других потенциально ослабленных участках. В это же время отмечается процентный рост кож крупного рогатого скота в качестве сырья для верха обуви. В конструкции сохраняется одночастный крой, имеющий тенденцию ко все большей стандартизации. Сохраняют популярность округлоносые модели. Для первой половины XIV в. характерна дальнейшая поляризация форм низкой и высокой обуви. Низкая обувь заметно преобладает, что отражено в самой представительной из коллекций (Байнард Кастл — 417 ед.). Большинство туфель периода имело пуговичное крепление и в меньшей степени боковую шнуровку. Вновь стали употребляться остроносые модели, уровень популярности которых отражает вводимый авторами коэффициент удлинения носка. Вся взрослая обувь, а также часть детской была в той или иной степени заостренной. Серия «копьевидных» poulaines с изысканным декором и другие модели позволяют считать, что обувь из Байнард Кастл в большей степени принадлежала модоопределяющим слоям общества, тем более что территориально раскоп примыкал к участку, где в XIV в. находился Royal Wardrobe. Наблюдаются конструктивные особенности при половозрастном членении моделей. Так, предполагается, что отдельные виды крепления, например боковые язычки, использовали преимущественно в мужских моделях, со свойственной им разнообразной и сложной отделкой.

Конструкции второй половины XIV в. продолжают существовать и в начале XV в. Характерны

формы poulaines, в носки которых набивали мох и траву. Наиболее поздние группы обуви происходят из Сван Лайн и Триг Лайн и существенно отличаются от моделей начала столетия, прежде всего в конструкции. Значительная часть обуви имела многочастный верх. Усложняется узел крепления подошвы с верхом, в частности появилась внутренняя подошва. Длина носков становится более умеренной. Из видов крепления сохранились пряжки и боковая шнуровка.

В главе, посвященной рассмотрению развития форм лондонской обуви, прослеживается динамичный в течение одного — двух поколений процесс изменения моделей и фасонов, скорость которого, по мнению авторов, близка к современному модообразованию. Но, с другой стороны, можно говорить о существовании незначительного числа основных стилевых направлений лондонской обуви. Единой тенденцией моделирования на протяжении всего рассматриваемого периода было преобладание низких форм, особенно в XIV—XV вв. Предположительно в это время высокие шнурованные башмаки, составляющие незначительный процент от общей массы моделей, являлись преимущественно рабочей обувью. Развитие лондонской обуви, по-видимому, соответствует общим для ряда регионов Европы процессам моделирования и техники конструирования обуви в XI—XV вв., что отражают коллекции Алкмаара [5, с. 105—113], Лейдена [6, с. 143—165], Любека [3, с. 171], Стокгольма [7, с. 220—230], некоторых городов Польши [8, с. 199] и Прибалтики [4, с. 28, 29], где немногочисленные высокие башмаки и сапоги не отличались разнообразием кроя и фасонов, свойственных низкой обуви.

В лондонской коллекции присутствует обувь с различным декором. В XI — первой половине XII в. пользовалась популярностью вышивка цветными нитями. Авторы различают несколько вариантов техники — со сквозным стежком, потайным швом. Выделяются крестовидный («крестом») и «атласный» («гладь») швы. Вышивка «крестом» относится к категории работ по канве, широко использовавшейся в Англии XI—XII вв. Она встречена на обуви из раскопок в Йорке, Линкольне, Ковентри, Оксфорде. Кроме того, эта техника получила известность как opus pulvinarium при декорировании модных подушек. Вторым по количеству представленных находок является вырезной орнамент, самый ранний экземпляр которого относится к первой половине XIII в. Составленный из рядов простых геометрических фигур — квадратов, кругов, прямоугольников и полумесяца — декор занимал всю поверхность головки. Вероятно, он наносился без предварительной разметки, после раскроя детали, фигурным штампом. На ранней модели вырезы имели небольшие размеры и отстояли достаточно далеко друг от друга, сохраняя тем самым механическую прочность кожи. Головки обуви конца XIV — первой половины XV в. также орнаментированы по всей поверхности, но достаточно крупными и плотно расположенными фигурами (круги, ромбы и сложный зональный орнамент), занимавшими на многих участках бо́льшую площадь, чем сохраняющийся материал. Зрительный эффект решетчатой декорации, часто встречаемой в иллюстрациях манускриптов и панно этого времени, вероятно, усиливался цветной тканью, подшитой изнутри. На некоторых экземплярах конца XIV в. фигурные вырезы занимали только область подъема стопы. Изысканная «ассамблейная» обувь XIV—XV вв. украшена зональным геометрическим (линейным и решетчатым) или растительным узорами, где сочетаются поверхностные надрезы и выскабливание поверхности под замшу. Основным растительным мотивом служил «трилистник».

В работе подробно рассмотрена техника раскроя и пошива обуви, а также технология выделки кожи, до некоторой степени определявшая моделирование. Среди сырья выделены шкуры крупного и мелкого рогатого скота, а также, предположительно, оленя. Начиная примерно с конца XIII в. крупный рогатый скот среди видов сырья стал преобладающим. По мнению одних, это связано с развитием методов дубления, т. е. технологии выделки, а по мнению других (Рой Томпсон),— с сокращением поступления козьих шкур на лондонский рынок вследствие нарушения торговли с маврами. Процессы дубления, как отмечает упомянутый исследователь, сохранялись неизменными с саксонского периода до XVI—XVII вв. Поддерживая первое мнение, можно указать на отмечаемые инновации в кожевенном производстве XIII—XIV вв. в городах Германии, Польши, Древней Руси, связанные с технологией обработки сырья [9, с. 59—61]. Раскрой кож лондонские мастера производили специальными ножами по деревянным шаблонам. При сшивании в основном использовался выворотный метод, претерпевший за рассматриваемый период значительные изменения. С конца XII в. в конструкции появляется рант, модифицированный в середине XV в.,— так называемая turn-welt construction, где рант подшивался к наружной подошве. С этого времени или, как считает Олаф Губич, после 1500 г. рантовая конструкция становится хронологическим индикатором [10, с. 192]. Техника пошива лондонской обуви, судя по публикациям, имеет значительное сходство с изделиями из других городов Западной Европы, указывая на культурно-историческое единство в развитии

производства. Специализация лондонских мастеров отмечена с XIII в. Известны кожевники (cordwainers) и ремонтники (cobblers), деятельность которых регламентировала Компания Кордуанеров. Последним, например, запрещалось использовать для ремонта подошв и берцев новую кожу. Авторы предполагают, что ряд археологических находок, имеющих в большинстве своем следы ремонта, позволяет различать продукцию этих категорий мастеров.

Одна из глав посвящена pattens — деревянным или кожаным колодкам, носимым поверх мягкой обуви. В XIV—XV вв. различные виды колодок, известные как patyne (патины), galoshes (галоши) и clogs, широко использовались в Западной Европе для предохранения стопы и обуви от воздействия влажной почвы. При раскопках патины найдены в Амстердаме, Стокгольме. Среди лондонских предметов выделены три типа: деревянная подошва-«платформа» с высокими «клиньями» или «каблуками» на нижней поверхности, плоские деревянные колодки и такие же изделия из нескольких слоев толстой кожи, нередко подбитые гвоздями. По наблюдениям авторов, патины не были общеупотребительными до XV в., являясь частью одежды зажиточных слоев горожан. Поздние модели, распространившиеся в среде простых горожан, преимущественно изготовлены из кожи и конструктивно приспособлены для ношения поверх чулок как своего рода сандалии. Колодки крепились на ноге помимо носочного еще и пяточным ремнем, охватывающим нижнюю часть голени. Формы колодок в некоторой степени отражали характерные черты моды, в частности poulaines. Материалом для деревянных патин служили в основном ольха, ива и тополь.

Лондонская коллекция обуви является источником для некоторых социологических выводов. Так, измерение целых моделей помогает установить половозрастную деградацию населения. Взрослые виды обуви имеют два пика популярности размеров, соответствующие мужчинам и женщинам. По конструктивным признакам подобное разделение проблематично. Предположительно считается, что обувь с боковой шнуровкой в XIII в. носили в основном мужчины, а туфли с продернутыми шнурками — женщины и дети. Единственным определенно мужским стилем до конца XIV — начала XV в. можно назвать туфли с пряжками и боковыми язычками, в большинстве — poulaines. Другие типы обуви скорее всего в равной мере носили и мужчины и женщины. Детскую обувь с преобладавшей в ней фронтальной шнуровкой типологически можно выделить только для XIV в. В работе авторами применялась методика обмеров, учитывающая линейную деформацию кожи, происходившую на всех стадиях: в процессе ношения, а затем при археологизации и, наконец, при консервации предметов. Экспериментально установлены коэффициенты линейного уменьшения кожи для разных способов консервационной сушки, составившие при замораживании 5% и при сушке ацетоном более 10%. С медико-санитарной точки зрения обувь отражает, в частности, степень и характер ряда заболеваний средневековых горожан. Рассматривая лондонскую коллекцию, специалисты предположили, что отдельные заболевания ног взрослого населения могли формироваться еще в детском возрасте и быть связаны с неправильным хождением из-за особенностей конструкции обуви. Физические свойства походки объясняют встреченные на изделиях следы износа, стертости и деформации кожи. Например, сильно стертая внутренняя сторона пятки и соответствующая ей деформация всей конструкции указывают на дефект походки, так называемый pigeon-toed. Значительная стертость носка подошвы при хорошей сохранности пятки предполагает наличие у владельца повреждения ахиллесова сухожилия, лодыжки или икорной мышцы. Многие туфли из коллекции имели разрез на подъеме, сделанный, возможно, владельцами, страдавшими аномалией свода стопы, отчего подъем ноги при ходьбе сильно натирался. Видимо, общим заболеванием была деформация пальцев вследствие ношения обуви меньших размеров. С подобными аномалиями связаны надрезы или вырезы на головках, в области пальцев.

В заключительной главе авторы сопоставляют археологические находки с данными других источников. Многие модели и отдельные элементы конструкций находят прямые аналогии в средневековых иллюстрациях из манускриптов, с картин и панно, в текстах. Указывается, что, например, часто встречаемая на изображениях XI—XII вв. обувь с расшитой цветной полосой головкой принадлежала знатным дамам. Формы высокой обуви — башмаки со шнуровкой или пуговицами, малочисленные в городских слоях XIII—XIV вв., носили после 1300 г. только путешественники и охотники. В письменных источниках часто упоминаются poulaines, что позволяет установить точное время их появления в Англии — 1361—1362 гг. Один из авторов XIV в., называя эту обувь «краковками», сравнивает длинные носки с «когтями дьявола». Мода на «копьевидные туфли», по сообщению другого писателя, происходит от подражания обуви дочери короля Ричарда II. Крепившиеся к носкам шелковые ленты или золотые цепочки по придворной моде подвязывали к колену. Священники резко критиковали владельцев poulaines, обвиняя их в связях с антихристом. Негативное

отношение духовенства заставило короля Эдуарда IV в середине XV в. по политическим соображениям регламентировать длину носка. В целом авторы отмечают некоторое переживание моделей в изображениях по отношению к археологическим аналогам.

На материалах представительной коллекции обуви из раскопок Лондона авторы показывают различные стороны организации и технологии кожевенно-обувного производства, а также быта и нравов западноевропейского средневекового общества. В работе отражен широкий спектр информации, заложенной в археологической коже, и дан ряд новых методических и технических приемов ее фиксации и интерпретации, что может быть использовано при работе с другими коллекциями. Сходство многих форм лондонской обуви, динамики ее модообразования, а также технических приемов конструирования с археологическими материалами из многих городов Западной Европы и в некоторой степени отдельных мест Восточной Европы позволяют рассматривать лондонскую коллекцию кожаной обуви как основу для широкого круга обобщений и выводов по многим вопросам изучения культуры средневекового общества.

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

А. В. Курбатов

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Мерцалова М. Н.* История костюма. М., 1972.
2. *Wojtasik J.* Wszesnośredniowieczne wyroby ze skóry znalezione na stanowisku 4 w Wolinie//Materialy Zachodnio-Pomorskie. VI. Szczecin, 1960.
3. *Groenman-van Waateringe W., Guiran A. J.* Das Leder von Lübeck, grabung Königstrasse 59//Lübecker Schriften zur Archäologie und Kulturgeschichte. Frankfurt-am-Main, 1978.
4. *Бебре В.* Типы кожаной обуви Риги XII—XIV вв. и их ареалы//КСИА. 1987. Вып. 190.
5. *Groenman-van Waateringe W.* Middeleeuws schoeisel uit Alkmaar//Alkmaarse studien. 1972. 1.
6. *Van Driel-Murray C.* Schoeisel van de opgraving van het St. Agnieten-klooster en het St. Michielsklooster in Leiden//Bodemonderzoek. Leiden, 1984.
7. Helgeandsholmen — 1000 år i stoknolms ström m. Stokholm, 1983.
8. *Eberle L.* Źrodla do poznania technologii kroju i szycia średniowiecznego obuwia warszawskiego//Kvartalnik historii i kultury materialnej. R. XXXII. Warszawa, 1984.
9. *Курбатов А. В.* Развитие технологии выделки кожи и кожевенно-обувного производства в средневековых русских городах//Города Верхней Руси. Становление и развитие (Материалы научной конференции). Торопец, 1990.
10. *Goubitz O.* The drawing and registration of archaeological footwear//Studies in Conservation. 1984. 29.

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1990 Г.

Библиографические указатели

1. Музейное дело и охрана памятников: Библиогр. информация/ГБЛ. Информкультура. М., 1990. Выходит 12 раз в год.

2. Указатель литературы по археологии Тверского Поволжья/Сост.: Ф. Х. Арсланова, И. С. Маликова. Калинин, 1990. 162 с.

Справочники и словари

3. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь: Пер. с англ. с дополнениями. М.: Прогресс, 1990. 366 с., 32 л. ил.: ил., карт.

4. *Грубе Г. Р., Кучмар А.* Путеводитель по архитектурным формам: Справочник: Пер. с нем. М.: Стройиздат, 1990. 215 с.: ил.

5. Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник/Авт.: Е. М. Колпаков, В. С. Бочкарев, И. О. Васкул, Л. Б. Вишняцкий, Е. В. Власова, А. А. Ковалев, Н. Н. Чеснокова, О. В. Шаров; АН СССР. ИА; Ред. В. С. Бочкарев. М.: 1990. 156 с.

© Составитель Л. М. Всевиов, 1992 г.

6. Археологические изыскания: Материалы VII и VIII сес. молодых науч. сотр./АН ГССР. ЦАИ. ИИАЭ. Тбилиси: Изд-во ТбилУ., 1990. 332 с.: ил. Груз. Рез. рус.

7. Археологические исследования в Центральном Черноземье в 12-й пятилетке: ТДС II Межвузовской науч. конф./Белгород. пед. ин-т; Отв. ред. А. Г. Дьяченко. Белгород, 1990. 116 с.

8. Археология и история Пскова и Псковской земли 1989: ТД НПК/АН СССР. ИА; ПГОИАХМЗ; Отв. ред. В. В. Седов. Псков, 1990. 104 с.

9. Археология Средней Азии: ТД/ТашУ; Ист. фак. Ташкент, 1990. 118 с.

10. Археология, этнография и искусствоведение Молдовы: Итоги и перспективы: Материалы республиканской конференции/АН ССР Молдова. ОЭИ; Отв. ред. Н. А. Демченко. Кишинев: Штиинца, 1990. 304 с.: ил.

11. Бартольдовские чтения, 1990: ТДС/АН СССР. ИВ. М.: Наука, 1990. 98 с.

12. Вивчення історичної та культурної спадщини Роменщини: проблеми і перспективи: Тез. доповідей та повидомлень до наук.-практ. конф., присвяч. 70-річчю Роменського краезнав.. музею/Роменський краезнав. музей. Суми; Ромни, 1990. 84 с.

13. Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов: Тезисы межобл. науч. конф./Пенз. гос. объед. краевед. музей. Пенза, 1990. 98 с.

14. VIII Подільсвка історико-краезнавча конференція: Тези доповідей. Секція археології/Кам'янець-Подільський держ. іст. музей-заповідник; Відповід. ред. С. Винокур. Кам'янець-Подільский, 1990. 64 с.

15. Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988—1989 гг.: ТД/АН СССР. ИЭ; АН КазССР. ИИАЭ. Алма-Ата, 1990. Ч. 1—3. Ч. 1. 157 с.; ч. 2. 118 с.; ч. 3. 141 с.

16. Всесоюзное совещание по проблеме «Человек и природа в древнекаменном веке»: Программа работы и кратк. содерж. докл./АН ГССР. ЦАИ. Тбилиси, 1990. 78 с.

17. Города Верхней Руси: истоки и становление: Материалы науч. конф./АН СССР. ЛОИА. Торопец, 1990. 148 с.: ил.

18. Древнее Причерноморье: Материалы I Всесоюз. чтений памяти проф. П. О. Карышковского/Одесский охранный археол. центр. Одесса, 1990. 186 с., 18 л. ил.: портр.

19. Земля псковская, древняя и современная: ТД НПК/ПГОИАХМЗ. Псков, 1990. 78 с.

20. История и культура Вологодского края: III краевед. науч.-практич. конф.: ТДС/Вологод. отд. Сов. фонда культуры. Вологда, 1990. 114 с.

21. Краткое содержание докладов Среднеазиатско-кавказских чтений: Апрель 1988 г./АН СССР. ЛОИЭ; ГМЭ. Л., 1990. 60 с.

22. XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: ТД/АН СССР. ИА; Ставропольский гос. объединен. краевед. музей. Ставрополь, 1990. 84 с.

23. Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда: ТД советско-французского коллоквиума/АН УзССР. ИА. Ташкент, Фан, 1990. 116 с.

24. Материалы отчетной науч. сессии, посвящен. результатам исслед. археологов и этнографов в 1988—1989 гг.: Археология/ЛатАН. ИИ; Отв. ред. Э. Мугуревич. Рига: Зинатне, 1990. 200 с.: ил., карт. Латыш.

25. Материалы V Междунар. симпоз. по древней истории Причерноморья «Причерноморье VII—V вв. до н. э.: Письменные источники и археология»/АН СССР. ИА, ИВИ, АН ГССР. ИИАЭ ЦАИ. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 480 с.: ил., карт.

26. Матэрыялы РНПК «Музей і развіццё гістарычнага краязнаўства», прысвеч. 70-годдзю Гродзенского дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея/Гродзенский дзярж. гіст.-археал. музей. Гродна, 1990. 100 с.

27. Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: ТД 5-го обл. семинара/Старочеркасский ист.-архит. музей-заповедник; Ростов. пед. ин-т. Старочеркасская; Ростов н/Д. 1990. 52 с.

28. VI Международный конгресс славянской археологии: ТД, подготовленных советскими исследователями/АН СССР. ИА; Отв. ред. В. В. Седов. М.: Наука, 1990. 220 с.

29. Международный симпозиум: Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: История и современность: ТДС/АН ТаджССР. ИИАЭ. Душанбе: Дониш, 1990. 488 с.

30. Мерв в древней и средневековой истории Востока: ТД науч. симпоз./АН ТССР. ИИ; Отв. ред. М. А. Аннанепесов. Ашхабад, 1990. 90 с.

31. Новгород и новгородская земля: История и археология: Тез. НК/НГОМЗ. Новгород, 1990. Вып. 3. 120 с.

32. Нумизматический сборник: Материалы науч.-практ. конф. «100-летие Моск. нумизмат. о-ва»/СФК. МНО; Отв. ред. Г. А. Щетинин. М., 1990. 72 с.

33. Охорона і дослідження пам'яток археології Полтавщини: 3-й обл. наук.-практ. семінар: ТД/Полтав. краезнав. музей. Полтава, 1990. 200 с.

34. Охрана и использование археологических памятников Алтая: Тез. докл. и материалов к конф./АлтУ; Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул, 1990. 142 с.: ил.

35. Палеоэтнология Сибири: ТД к XXX Регион. археол. студ. конф./ИркутУ. Иркутск, 1990. 216 с.: ил.

36. Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: ТД 1-й регион. НК «Проблемы исследования памятников истории и культуры Верхнего Поволжья»/ГорькУ. Горький, 1990. 256 с.: ил.

37. Питання археології Сумщини: Мат. наук.-практ. конф. «Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини»/Сумськ. краєнав. музей. Суми, 1990. 120 с., 14 л. ил.

38. Проблемы археологии Южной Руси: Материалы ист.-археол. семинара «Чернигов и его округа в IX—XIII вв.»/АН УССР. ИА, Черниг. пед. ин-т; Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наук. думка, 1990. 137 с.: ил.

39. Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии: (эпоха бронзы и раннего железа): КТД НК, посвящ. 90-летию со дня рождения В. А. Латынина/ГЭ. Л., 1990. 44 с.

40. Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности: ТД Всесоюз. семинара/АН УССР. ИА; Запорож. обл. краевед. музей. Запорожье, 1990. 122 с.

41. Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца: ТД обл. науч.-практ. конф./УкрООПИК. Обл. орг.; Обл. краевед. музей. Луганск, 1990. 186 с.

42. Проблемы истории архитектуры: ТД Всесоюз. НК/ВНИИТАГ. М., 1990. Ч. 1—2 (ч. 1—152 с.; ч. 2—228 с.).

43. Проблемы первобытной археологии Северного Причерноморья: (к 100-летию основания Херсонского музея древностей); ТД юбил. конф./Херсон. краевед. музей; УкрООПИК. Херсон. обл. орг. Херсон, 1990. Ч. 1—4 (ч. 1—100 с.; ч. 2— 92 с.; ч. 3—82 с.: карт.; ч. 4—60 с.).

44. Проблемы художественного литья Сибири и Урала эпохи железа: Тез. обл. НПК/ОмскГПИ. Отв. ред. Б. А. Коников. Омск, 1990. 50 с.

45. Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана: Материалы конф./АН СССР. ИЭ. М., 1990. Вып. 1—4. Вып. 1. Общие проблемы. 118 с.; вып. 2. История и археология. 138 с.; вып. 3. Этнография. 130 с.; вып. 4. Антропология. 130 с.: ил.

46. Программа и тезисы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Кяхтинского краевед. музея им. академика В. А. Обручева/Кяхт. краевед. музей. Кяхта, 1990. 88 с.

47. Раннеземельческие поселения-гиганты трипольской культуры на Украине: ТД 1-го Полевого семинара/АН УССР. ИА; Отв. ред. В. Г. Збенович. Киев, 1990. 222 с.

48. Реконструкция древних верований: источники, метод, цель: ТДК/АН СССР. ИА; ГМИР. Л., 1990. 122 с.

48а. Русская художественная культура XV—XVI веков: ТД Всесоюз. НК/Гос. музей Моск. Кремля. М., 1990. 124 с.

49. Славяне: адзінства і мнагастайнасць: Міжнар. конф.: ТД. Минск, 1990. Секц. 2. Этнагенез славян. 106 с.

50. Тезисы докладов и сообщений 2-й Зональной северокавказской олимпиады по археологии и краеведению/СКНЦВШ. Чеч.-ИнгУ. Грозный, 1990. 40 с.

51. Тезисы докладов науч.-практ. конф., посвящ. 70-летию Чимкентского областного ист.-краевед. музея/АН КазССР. ИАЭ. Алма-Ата, 1990. 107 с.

52. Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ: Избр. докл. Всесоюз. конф. молодых ученых/МАИЦ. М., 1990. 168 с., 1 отд. л. ил.: ил., карт.

53. Уваровские чтения: ТД/Муром. ист.-худож. и мемор. музей. Муром, 1990. 35 с., 2 л. табл.

54. Uralo-Indogermanica: Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей: Материалы 3-й балто-славянской конф./АН СССР. ИСБ. М., 1990. Ч. I—II (ч. I—144 с.; ч. II—152 с.: карт.).

55. Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье: ТД междунар. семинара/АН УзССР. ИА; Отв. ред. А. А. Аскаров. Ташкент: Фан, 1990. 202 с.

56. Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточой Азии и Америки: Докл. Междунар. симпоз./АН СССР. СО. ИИФФ; КИЧП; Междунар. союз по изуч. четвертичн. периода. Комис. по палеоэкологии древнего человека. Новосибирск, 1990. 308 с.: ил., карт.

57. Энеолит лесного Урала и Поволжья: Материалы II Полевого симпозиума по проблемам археологии эпохи камня — бронзы лесной полосы европейской части СССР/АН СССР. УрО. УдмИИЯЛ; Отв. ред. Л. А. Наговицин. Ижевск, 1990. 146 с.: ил.

58. Этруски в их связях с народами Средиземноморья. Миф. Религия. Искусство: ТД коллоквиума/ГМИИ. М., 1990. 48 с. (Випперовские чтения. Вып. 23).

Каталоги выставок

59. Боспорские надгробные рельефы V в. до н. э.—III в. н. э.: Кат. выставки/Сост. А. И. Давыдова; ГЭ. Л., 1990. 100 с.: ил.

60. Декоративно-прикладное искусство от поздней античности до поздней готики: Каталог выставки/ГЭ, Музей Метрополитен. Л., 1990. 170 с.: ил.

61. Декоративно-прикладное искусство от поздней античности до поздней готики: Кратк. каталог выставки/ГЭ, Музей Метрополитен. М., 1990. 48 с.: ил.

62. Живопись древнего Можайска: Каталог выставки копий стенной росписи XVI в. из Рождеств. собора Лужец. монастыря/Акад. худож. СССР. ИЖСА. Можайск, 1990. 45 с.: ил.

63. *Залесская В. Н., Крамаровский М. Г.* Изображение человека в керамике Северного Причерноморья XII—XIV веков: Временная выставка из фондов Херсонесского музея и Гос. Эрмитажа/ГЭ. Л., 1990. 38 с.: ил.

64. Искусство земли Вологодской XIII—XX веков: Каталог выставки/Авт. сост. и авт. вступ. ст. А. А. Рыбаков и др. М.: Сов. художник, 1990. 262 с.: ил.

65. Искусство ислама: Каталог выставки/Авт. аннот. Г. Каддуми, М. Кин; Науч. ред. А. А. Иванов; Нац. музей Кувейта; ГЭ. Л.: Аврора, 1990. 152 с.: ил.

66. *Каневская Н. А.* Искусство Кореи: Каталог/ГМИНВ. М., 1990. 40 с.: ил.

67. *Каневская Н. А.* Искусство Японии: Каталог/ГМИНВ. М., 1990. 40 с.: ил.

68. Каталог монет из коллекции Государственного ист.-архит. музея-заповедника «Комплекс Дворца Ширваншахов»/М. А. Сейфеддини, Э. А. Адигезалов, Р. Дж. Ахмедов и др. Баку, 1990. 53 с., 6 л. ил.

69. *Косцова А. С., Побединская А. Г.* Русские иконы XVI — начала XX века с надписями, подписями и датами: Каталог выставки/ГЭ. Л., 1990. 150 с.: ил.

70. *Кузьменко Л. И., Сычев В. Л.* Искусство Китая: Каталог/ГМИНВ. М., 1990. 48 с.: ил.

71. Мир этрусков: Археол. памятники из музеев социалистических стран/Л. И. Акимова, С. П. Борисковская, Е. В. Мавлеев, О. Я. Неверов, И. И. Саверкина, О. В. Тугушева; ГМИИ; ГЭ. М., 1990. 112 с.: ил., карт.

72. Художественное серебро Латвии с V по XX в.: Каталог выставки в Рундальском дворце/Сост. В. Вилите. Рига: Авотс, 1990. 412 с.: ил.

Археологические периодические и продолжающиеся издания, серии

73. Античная древность и средние века/УрГУ. 1990. Вып. 25.

74. Античный мир и археология: Межвуз. науч. сб. Вып. 7, 8. Саратов, 1990.

75. Археологические исследования в Молдавии/АН МССР. Отд. этногр. и искусствовед. Кишинев, 1990. 268 с.: ил.

76. Археологические открытия в Абхазии/АН ГССР. АбхазИЯЛИ. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 1985. 55 с.: ил.; 1986—1987. 50 с.: ил.

77. Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья/ВООПИК. Иван. обл. отд. Вып. 3, 4. Иваново, 1990.

78. Археологические памятники Юго-Западной Грузии. Тбилиси, 1990. Т. 19.

79. Археологические работы в Таджикистане/АН ТаджССР. ИИ. Вып. 22. Душанбе, 1990.

80. Археологический бюллютень: Всесоюз. информация/МАИЦ. М., 1990. Выходит по 6 номеров в год.

81. Археологический сборник/ГЭ. Вып. 30. Л., 1990.

82. Археология и этнография Марийского края: Сб. ст./МарНИИЯЛИ; Отв. ред. Г. А. Архипов. Вып. 15—17. Йошкар-Ола, 1989—1990. Вып. 15. 1989. 192 с.: ил. Вып. 16. Вып. 17. 1990. 148 с.: ил.

83. Археология Литвы/АН ЛитССР. ИИ. Т. 7. Вильнюс: Моколас, 1990. Литов. Рез. рус.

84. Археология Приаралья/АН УзССР. Каракалпак. фил. ИИЯЛ. Вып. 4. Ташкент, 1990.

85. Археология СССР: Свод археол. источников/АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. Вып. 4. Г1—9.

86. Археологія/АН УРСР. А. Київ: Наук. думка, 1990. Выходит по 4 номера в год.

87. Архитектурное наследство/ВНИИТАГ. Т. 37. М., 1990.

88. Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода/АН СССР. КИЧП. 1990. № 59.

89. Вестник Одесского охранного археол. центра. Вып. 2. Одесса, 1990.

90. Вестник Черноморской ассоциации археологов и любителей древности. Вып. 1. Одесса; Запорожье, 1990.

91. Вопросы антропологии. 1990. Вып. 84.

92. Древности Волго-Донских степей: Сб. науч. работ/ВолгогрГПИ. Вып. 1. Волгоград, 1990.

93. Древнерусское искусство/ВХНРЦ. Вып. I. М., 1990. (Новые открытия реставраторов).

94. История материальной культуры Узбекистана/АН УзССР. ИА. Вып. 23, 24. Ташкент, 1990.

95. Консервация и реставрация музейных художественных ценностей: Экспресс-информация/ГБЛ. Информкультура. М., 1990. Выходит 6 раз в год.

96. Консервация и реставрация недвижимых памятников истории и культуры: Экспресс-информация/ГБЛ. Информкультура. М., 1990. Выходит 6 раз в год.

97. Краткие сообщения Института археологии/АН СССР. ИА. Вып. 197; 199—202. М.: Наука, 1990.

98. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии/СимфГУ. Вып. 1. Симферополь, 1990.

99. Материалы по археологии Новгорода. 1988/АН СССР. ИА, МГУ, Новгор. археол. экспедиция. М., 1990.

100. Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология/АН СССР. НСИМК. 1989. М.: Наука, 1990.

101. Реставрация и исследования памятников культуры: Сб. ст./Союзреставрация. Вып. 3. М., 1990.

102. Советская археология/АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. Выходит по 4 номера в год.

103. Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. 54. Л., 1990.

104. Труды Гос. Исторического музея. 1990. Вып. 74.

105. Художественное наследие: Хранение. Исслед. Реставрация/ВНИИР. Вып. 13. М., 1990.

Учебные пособия

106. *Абрамов В. К.* Корреляционный анализ в исторических исследованиях: Учеб. пособие/МордовГУ. Саранск, 1990. 81 с.: ил.

107. *Алексеев А. Н., Черосов Н. М.* Археология Якутии: (Камен. век): Учеб. пособие/ЯГУ. Якутск, 1990. 103 с.: ил.

108. *Алексеев В. П., Першиц А. И.* История первобытного общества: Учебник. М.: Высш. школа, 1990. 352 с.

109. *Белецкий С. В.* Вспомогательные исторические дисциплины: Метод. материалы по специальности «Музейное дело и охрана памятников истории и культуры»/ЛГИК. Л., 1990. 20 с.

110. Введение в специальные исторические дисциплины: Учеб. пособие/А. С. Беляков, Т. П. Гусарова, О. В. Дмитриева и др. М.: Изд-во МГУ, 1990. 274 с.: ил.

111. *Горбунов В. С., Денисов И. В., Исмаилов Р. Б.* Новые материалы по эпохе бронзы Южного Приуралья: Учеб. пособие/БашкГПИ. Уфа, 1990. 38 с., 10 л. ил.

112. *Гришаков В. В., Зеленеев Ю. А.* Мурома VII—XI вв.: Учеб. пособие/МарУ. Йошкар-Ола, 1990. 72 с., 1 отд. л. ил.: ил., карт.

113. *Джуракулов М. Д., Ходжайов Т. К.* Из истории этнического формирования населения Зарафшанской долины: Учеб. пособие/СамГУ. Самарканд, 1990. 42 с. Узб.

114. *Дубов И. В.* Новые источники по истории Древней Руси: Учеб. пособие/ЛГУ. Л., 1990. 175 с.: ил.

115. *Дударев С. Л., Савенко С. Н.* История сельского населения и крестьянства Северного Кавказа: (с древнейших времен до XV в.): Программа спецкурса/Чеч.-ИнгГУ. Грозный, 1990. 22 с.

116. *Копытин В. Ф.* Каменный век на территории Белоруссии: Учеб. пособие/МинскГПИ; МогилевГПИ. Минск, 1990. 96 с.

117. Методика проведения полевых археологических работ с учащимися/АН УССР. ИА, Респ. станция юных туристов. Киев, 1990. 68 с.

118. *Мукимов Р. М., Мамаджанова С. М.* Зодчество Таджикистана: (История архитектуры и строит. дела Таджикистана): Учеб. пособие/Душанбе: Маориф, 1990. 175 с., 8 л. ил.: ил.

119. *Обыденнов М. Ф.* Древняя история Урала: Программа спецкурса/БашГУ. Уфа, 1990. 13 с.

120. *Обыденнов М. Ф.* История археологического изучения бронзового века Урала: Пособие для краеведа/Всероссийский фонд культуры. Башк. отд.; Башк. респ. о-во краеведов. Уфа, 1990. 48 с.

121. *Обыденнов М. Ф.* Методика археологических исследований: Программа спецкурса/БашГУ. Уфа, 1990. 10 с.

122. Палеоэкология: Учеб. пособие/Д. Л. Степанов, А. Т. Буракова, А. О. Иванова и др.; ЛГУ. Л., 1990 87 с.

123. *Переверзева И. В.* Русская архитектура IX—XVI веков: Метод. пособие/Костром. с.-х. ин-т «Караваево», каф. философии. Кострома, 1990. 25 с.

124. *Ременников А. М.* Борьба племен Подунавья с Римом в первой половине IV века нашей эры: Учеб. пособие/КазанГПИ. Казань, 1990. 84 с.

125. *Риер Я. Г.* Развіццё сярэдневяковай вёскі на тэрыторыі Беларусі і ў суседніх землях: Вучэбны дапаможнік/Мінск. держ. пед. ін-т; Магілеуск. держ. пед. ін-т. Магілеў, 1990. 74 с.: ил., карт.

126. *Суразаков А. С.* Горный Алтай в древности и средневековье: Материалы в помощь учителю истории сред. шк./Горно-Алт. ин-т усовершенствования учителей. Горно-Алтайск, 1990. 12 с.: ил.

127. *Цыбин М. В., Соу У.* Эпоха металла в Западной Африке: Программа спецкурса/ВоронУ. Воронеж, 1990. 28 с.

128. *Щапова Ю. Л.* Древнее стекло: Морфология, технология, хим. состав: Учеб. пособие/МГУ. М., 1989. 119 с.: ил.

Монографии и сборники

129. *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе: Кыргызстан, 1990. 478 с. Рез. англ.

130. *Агапов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Хвалынский энеолитический могильник. Саратов, 1990. 159 с.: ил.

131. *Айвазян А. А.* Джуга/Глав. упр. по охране и использ. памятников истории и культуры при Совмине АрмССР. Ереван, Айастан, 1990. 272 с.: ил. Рус., англ.

132. *Айдаров Г.* Тексты Орхонских памятников. Алма-Ата: Наука, 1990. 219 с., 4 л. ил.

133. *Айтберов Т. М.* Древний Хунзах и хунзахцы. Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1990. 176 с.: ил.

134. *Акопян Г. Г.* Искусство средневекового Арцаха. Ереван: Парберакан, 1990. 94 с.: ил. Текст парал.: арм., рус., англ.

135. *Алексашенко Н. А., Кернер В. Ф.* Реконструкция хозяйственной деятельности неолитического населения Среднего Зауралья: (по материалам пос. Исетского Правобережного)/АН СССР. УрО. ИИА. Свердловск, 1990. 64 с.: ил.

136. *Алексеев В. П., Аскаров А. А., Ходжайов Т. К.* Историческая антропология Средней Азии: (палеолит — эпоха античности)/АН УзССР. ИА. Ташкент: Фан, 1990. 278 с.: карт.

137. *Алексеева Л. И.* Териофауна верхнего плейстоцена Восточной Европы: (крупные млекопитающие)/АН СССР. ГИН. М.: Наука, 1990. 110 с.: ил. (ТГИН; Вып. 455).

138. *Антонова Е. В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока/АН СССР. ИВ. М.: Наука, 1990. 286 с.: ил. Рез. англ.

139. Антропология и историческая этнография Сибири: Межвед. темат. сб. науч. тр./ОмУ; Отв. ред. Р. Ф. Итс. Омск, 1990. 176 с.: ил.

140. *Арган Д. К.* История итальянского искусства. Т. I: Античность. Средние века. Раннее Возрождение: Пер. с итал. М.: Радуга, 1990. 320 с., 48 л. ил.

141. *Аргунов В. Г.* Каменный век Северо-Западной Якутии/АН СССР. СО. ЯкутИЯЛИ. Новосибирск: Наука, 1990. 212 с., 1 отд. л. табл.: ил.

142. Археологические исследования молодых ученых в Молдавии/АН МССР. ОЭИ; Отв. ред. В. А. Дергачев. Кишинев: Штиинца, 1990. 174 с.: ил.

143. Археологические исследования на Катуни: Сб. науч тр./АН СССР. СО. ИИФФ, АлтУ; Отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск: Наука, 1990. 272 с.: ил.

144. Археологические исследования на Полтавщине: Сб. науч. тр. К 100-летию Полтавского краеведческого музея/Полтав. краевед. музей; Отв. ред. А. Б. Супруненко. Полтава, 1990. 118 с.: ил., карт.

145. Археологические памятники бассейна р. Черемшан/А. Х. Халиков, Ф. Ш. Хузин, П. Н. Старостин, Р. С. Габяшев, С. В. Кузьминых; АН СССР. Казан. фил. Казань, 1990. 112 с.: ил., карт.

146. Археологические памятники реки Ягорбы: Каталог из фондов музея/Сост.: Н. В. Косорукова-Кандакова, М. В. Иванищева, А. В. Кудряшов; Череповец. краевед. музей. Вологда, 1990. 96 с.; ил.

147. Археологические работы на новостройках Узбекистана: Сб. науч. тр./АН УзССР. ИА; Отв. ред. М. И. Филанович. Ташкент: Фан, 1990. 240 с.: ил.

148. Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ. Совместная сов.-монгол. ист.-культ. экспедиция; Отв. ред. А. П. Деревянко, Ш. Нацагдорж. Новосибирск: Наука, 1990. 192 с.: ил.

149. Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая: Путеводитель (Экскурсия № 1)/АН СССР. СО. ИИФФ; КИЧП. Новосибирск, 1990. 160 с.: ил., карт. Авт.: А. П. Деревянко, Ю. В. Гричан, М. И. Дергачева, А. Н. Зенин, С. А. Лаухин, Г. М. Левковская, А. М. Малолетко, С. В. Маркин, В. И. Молодин, Н. Д. Оводов, В. Т. Петрин, М. В. Шуньков.

150. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья: (Раннеславянский и древнерусский периоды)/В. В. Аулих, Р. С. Багрий, В. Д. Баран, Д. Н. Козак, В. Г. Котигорошко, С. И. Пеняк, В. М. Петегирич, М. Ф. Рожко, В. С. Терский-Шеломенцев, Б. А. Тимощук, В. Н. Цыгылык; АН УССР. Ин-т обществ. наук. Киев: Наук. думка, 1990. 190 с.; 4 л. ил.: ил.

151. Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья: (Энеолит, бронза и ран. железо)/Э. А. Балагури, Л. И. Крушельницкая, В. М. Конопля и др.; АН УССР. Ин-т обществ. наук. Киев: Наук. думка, 1990. 184 с.: ил.

152. Археология Средней Азии, Кавказа и Сибири: Сб. ст./АН СССР, ИА; Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. 108 с.: ил. (КСИА; Вып. 199).

153. *Атагаррыев Е., Ходжанязов Т.* Туркменистан на «Великом шелковом пути»: Путеводитель/АН ТССР. ИИ. Ашхабад, 1990. 30 с.: ил.

154. *Аутлев П. У.* Адыгея в хронике событий: (с древнейших времен до 1917 г.)/АдыгНИИЭЯЛИ. Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1990. 144 с.

155. *Ахвледиани Д.* Синопские черепичные клейма из Колхиды. Тбилиси, 1990. 8 с. Груз. Рез. рус.

156. *Бабаев И. А.* Города Кавказской Албании в IV в. до н. э.— III в. н. э./АН АзССР. ИИ. САЭ. Баку; Элм, 1990. 235 с.: ил.

157. *Байпаков К. М.* Проблемы археологических исследований позднесредневековых городов Казахстана: Науч.-аналит. обзор/АН КазССР. Отд. науч. информ. по обществ. наукам. Алма-Ата: Наука, 1990. 66 с.

158. Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы: Сб. ст./ЛатАН. Ин-т истории Латвии; Отв. ред. Р. Я. Денисова. Рига: Зинатне, 1990. 291 с.: ил.

159. *Баранов И. А.* Таврика в эпоху раннего средневековья: (салтовомаяцкая культура)/АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1990. 165 с., 2 л. ил.: ил.

160. *Беляков А. А.* Отчет о научно-исследовательской работе «Историческое обоснование современной гидроэнергетики»/МИСИ. М., 1990. Ч. 1—2. Ч. 1. Гидротехника и экология античного мира. С. 1—38; ч. 2. Волга до 1930-х годов. С. 1—161.

161. *Беспалов Ю. В.* Южный рубеж Московии: Из истории Подмосковья/АН СССР. Науч. центр биол. исслед. ОНТИ. Пущино, 1990. 172 с.

162. *Бетрозов Р.* Адыги: Истоки этноса. Нальчик: Эльбрус, 1990. 134 с.: ил.

163. *Буданова В. П.* Готы в эпоху великого переселения народов/АН СССР. ИВИ. М.: Наука, 1990. 232 с.

164. *Ваганов Я. С.* Вайнахи и сарматы. Грозный: Книга, 1990. 126 с.: ил.

165. *Вагнер Г. К.* Искусство мыслить в камне: (опыт функциональной типологии памятников древнерусской архитектуры)/АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. 256 с.: ил.

166. *Валеева-Сулейменова Г. Ф., Шагеева Р. Г.* Декоративно-прикладное искусство казанских татар. М.: Сов. художник, 1990. 216 с.: ил.

167. *Ванчугов В. П.* Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье: Пробл. формирования белозер. культуры/АН УССР. ОАМ. Киев: Наук. думка, 1990. 162 с., 2 л. ил.: ил.

168. Взаимодействие древних культур Урала: Межвуз. сб. науч. тр./ПермГУ; Глав. ред. В. А. Оборин. Пермь, 1990. 112 с.: ил.

169. Византия и сопредельный мир: Сб. науч. тр./УралУ. Отв. ред. М. А. Поляковская. Свердловск, 1990. 160 с.: ил. (АДСВ).

170. Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Ю. С. Худяков, Ю. А. Плотников. Новосибирск, 1990. 192 с.: ил.

171. Вопросы древней и средневековой археологии Карачаево-Черкесии: Сб. тр./Карачаево-ЧеркесНИИИФЭ; Отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск, 1990. 88 с.: ил.+Прил. (1 л. карт.).

172. *Галич М.* История доколумбовых цивилизаций: Пер. с исп. М.: Мысль, 1990. 407 с.: ил.

173. *Гегешидзе М. К.* Орошаемое земледелие в Грузии: (Опыт ист.-этногр. исслед.)/АН ГССР. ИИАЭ. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 294 с.: ил. Рез. англ.

174. *Гиоргадзе Е. Г.* Об одном культовом объекте в Малой Азии хеттского периода. Тбилиси, 1990. 12 с.: ил. Груз. рус., англ.

175. *Гиринінкас А.* Крятуонас: средний и поздний неолит/АН ЛитССР. ИИ. Вильнюс: Мокслас, 1990. 112 с.: ил., карт. (Археология Литвы; Т. 7). Рез. англ.

176. *Гладилин В. Н., Ситливый Я. И.* Ашель Центральной Европы/АН УССР. Ин-т зоологии. Археол. музей. Киев: Наук. думка, 1990. 268 с.: ил.

177. *Голдина Р. Д., Водолаго Н. В.* Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: Изд-во ИркутУ, 1990. 176 с.: ил.

178. Городская художественная культура Востока: [Сб. ст.]/ГМИНВ; Ред. Н. А. Каневская. М., 1990. 217 с.: ил.

179. *Гражданников Е. Д., Холюшкин Ю. П.* Системная классификация социологических и археологических понятий/АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. 182 с.

180. *Григорян Г. М.* Очерки истории Сюника IX—XV вв./АН АрмССР. ИАЭ. Ереван, 1990. 390 с., 30 л. ил. Рез. арм., англ.

181. *Гросу В. И.* Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья/АН ССРМ. ОЭИ. Кишинев: Штиинца, 1990. 202 с.: ил.

182. *Гудкова А. В., Крапивина В. В.* Сероглиняная керамика Тиры, Ольвии и памятников черняховской культуры: Препр./АН УССР. ИА. Киев, 1990. 48 с.: ил. (Археология).

183. *Гумилев Л. Н.* География этноса в исторический период/АН СССР. ГО СССР. Л.: Наука, 1990. 278 с.

184. *Гумилев Л. Н.* Тысячелетие вокруг Каспия. Баку: Азернешр, 1990. 312 с.: ил., карт., портр.

185. *Гумилев Л. Н.* Этногенез и биосфера Земли. 3-е изд., стереотип. Л.: Гидрометеоиздат, 1990. 526 с.

186. *Давлетшин Г. М.* Волжская Булгария: духовная культура: Домонгольский период X — начала XIII вв./АН СССР. КазанНЦ. ИЯЛИ. Казань: Тат. кн. изд-во, 1990. 192 с.: ил.

187. Датировка кирпичных кладок XVI—XIX вв. по визуальным характеристикам/Разраб. И. А. Киселевым. Ин-т «Спецпроектреставрация». ОНТИ. М., 1990. 32 с.: ил.

188. Двести лет арктической археологии: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. 112 с.: ил., карт. (КСИА; Вып. 200).

189. *Деревянко А. П., Гричан Ю. В.* Исследование пещеры Каминная: Предварит. итоги раскопок в 1983—1988 гг. (Плейстоценовая толща): Препр./АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1990. 59 с.: ил.

190. *Добжанский В. Н.* Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск: Изд-во НовосибГУ, 1990. 162 с.: ил.

191. Дон и Северный Кавказ в древности и средние века: [Сб. ст.]/РостУ; Отв. ред. В. Е. Максименко. Ростов н/Д., 1990. 95 с.

192. Древние памятники Кубани: [Сб. ст.]/ВООПИК. Краснодар. краесовет; Ред. А. М. Ждановский, И. И. Марченко. Краснодар, 1990. 236 с.: ил., карт.

193. Древние памятники Севера Дальнего Востока: (новые материалы и исследования Северо-Восточно-Азиатской комплексной археол. экспедиции): [Сб. ст.]/АН СССР. ДВО. СВКНИИ; Под общ. ред. Н. Н. Дикова. Магадан, 1990. 180 с.: ил., карт.

194. Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра/Ю. Ф. Буряков, Г. И. Богомолов, В. Г. Брыкалова, М. Р. Тихонин, М. И. Филанович, С. А. Фонарев; АН УзССР. ИА. Ташкент: Фан, 1990. 128 с.: ил.

195. Древности Поветлужья: [Сб. ст.]/МарНИИЯЛИ; Отв. ред. Г. А. Архипов. Йошкар-Ола, 1990. 148 с.: ил. (АЭМК; Вып. 17).

196. Древняя и средневековая археология Средней Азии: (К пробл. истории культуры): [Сб. ст.]/ТашУ; Отв. ред. З. И. Усманова. Ташкент: Фан, 1990. 16 с.: ил.

197. Древняя керамика Сибири: типология, технология, семантика: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. В. И. Молодин, Е. В. Ламина. Новосибирск: Наука, 1990. 183 с.: ил.

198. *Дьяконов И. М.* Люди города Ура/АН СССР, Отд-ние ист. ИВ. М.: Наука, 1990. 430 с.: ил., карт. (Культура народов Востока). Рез. англ.

199. *Дэвлет М. А.* Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990. 120 с.: ил.

200. *Дюмезиль Ж.* Скифы и нарты: Пер. с фр. М.: Наука, 1990. 229 с.

201. *Евнуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей: (по археол. данным)/КурскГПИ. М., 1990. 262 с.: ил., карт.

202. *Ермаков В. К.* Изделия из бронзы на памятниках ольгинской археологической культуры в Приморье: Препр./АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1990. 37 с.: ил.

203. Железный век Восточной Европы: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. 96 с.: ил. (КСИА; Вып. 197).

204. *Жуциховская И. С.* Гончарство древних культур юга Дальнего Востока СССР как социально-экономическое явление: (некоторые аспекты изучения): Препр./АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1990. 54 с.: ил.

205. *Зайковский Э. М.* Першабытныя помнікі пауночнай Беларусі/АН БССР. Ін-т гіс. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 44 с.: ил.

206. *Заяц Ю. А.* Заслауская кафля/АН БССР. ІГ. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 62 сл.: ил.

207. *Зубарь В. М., Ивлев С. М., Чепак В. Н.* Западный некрополь Херсонеса Таврического: (раскопки 1982 г.): Препр./АН УССР. ИА. Киев, 1990. 44 с.: ил.

208. *Зубарь В. М., Шевченко А. В., Липавский С. А.* Некрополь Херсонеса Таврического: Материалы и исслед.: Препр./АН УССР. ИА. Киев, 1990. 32 с., 8 л. ил.

209. *Игнаткин И. А.* Охрана памятников истории и культуры. Киев: Вища школа, 1990. 224 с., 16 л. ил.

210. Из истории культурного наследия Бухары: [Сб. ст.]/Бухар. гос. архит.-худож.; Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Узбекистан, 1990. 134 с.: ил.

211. Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд/АН СССР. ИСБ; Отв. ред.: В. В. Иванов, Л. Г. Невская. М.: Наука, 1990. 255 с.: ил.

212. Исследования по археологии Поднепровья: Межвуз. сб. науч. тр./ДГУ; Отв. ред. И. Ф. Ковалева. Днепропетровск, 1990. 138 с., 5 л. ил.: ил.

213. История археологических исследований Сибири: [Сб. ст.]/ОмГУ; Отв. ред. В. И. Матющенко. Омск, 1990. 164 с.

214. Каменный век на территории Украины: Сб. науч. тр./АН УССР. ИА; Отв. ред. В. И. Неприна. Киев, 1990. 126 с.: ил.

215. *Качалова И. Я., Маясова Н. А., Щенникова Л. А.* Благовещенский собор Московского Кремля: К 500-летию уникал. памятника рус. культуры. М.: Изобразит. искусство, 1990. 384 с.: ил. Рез. англ.

216. *Кипиани Г. Г.* Архитектурный комплекс «Двухколонного зала» из Уплисцихе. Тбилиси, 1990. 11 с.: ил. Груз. Рез. рус.

217. *Кипиани Г. Г.* Пещерная базилика Уплисцихе. Тбилиси, 1990. 12 с.: ил. Груз. Рез. рус.

218. *Кокшаров С. Ф., Широков В. Н.* Материалы по изобразительной деятельности древнего населения Урала/АН СССР. УрО. ИИА. Свердловск, 1990. 77 с.: ил.

219. *Колосов Ю. Г., Степанчук В. Н., Чабай В. П.* Палеолит Крыма: Поздний палеолит Крыма: Препр./АН УССР. ИА. Киев, 1990. Вып. 1—2. Вып. 1. 40 с.; Вып. 2. 48 с.: ил.

220. *Компанец С. Е.* Надгробные памятники XVI — первой половины XIX вв.: Практ. пособие по выявлению и науч. описанию/АН СССР; НИИК. М., 1990. 67 с.: ил.

221. Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Р. С. Васильевский, Ю. П. Холюшкин. Новосибирск, 1990. 190 с.: ил.

222. *Конаков Н. Д.* Календарная символика уральского язычества: (Бинар. зооморф. код.): Препр./АН СССР. УрО. КомиНЦ. Сыктывкар, 1990. 44 с.: ил.

223. *Кореневский С. Н.* Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья: (Неженские курганы эпохи бронзы) района Кавказских минеральных вод/АН СССР. ИА. М., 1990. 174 с.: ил.

224. *Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н.* Письменные известия о карелах/АН СССР. Карел. фил. ИЯЛИ. Петрозаводск: Карелия, 1990. 140 с.: ил.

225. *Кочкуркина С. И.* Сокровища древних вепсов. Петрозаводск: Карелия, 1990. 128 с.: ил., карт.

226. *Крашенинников В. В.* Взгляд через столетия: Очерки истории Брян. края. Тула.: Приок. кн. изд-во, 1990. 272 с.: ил.

227. *Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Отрешко В. М.* Античные поселения Нижнего Побужья: (Археол. карта)/АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1990. 128 с.: ил., карт. (Археология).

228. *Кузнецов В. А.* Реком, Нузал и Царазонта: (Из истории Сев. Осетии 13—15 вв.). Владикавказ: Ир, 1990. 192 с.: ил., 1 отд. л. ил.

229. *Кулаков В. И.* Древности пруссов VI—XIII вв./Отв. ред. В. В. Седов; АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. 166 с.: ил. (Археология СССР. САИ; Вып. 4. Г1—9).

230. Куртакский археологический район: Препр./Н. И. Дроздов, С. А. Лаухин, В. П. Чеха, В. Г. Кольцова, А. А. Бокарев, А. А. Викулов, Е. В. Артемьев, Л. А. Орлова и др.; АН СССР. СО. ИИФФ. Красноярск, 1990. Вып. 1—3.

Вып. 1. Геология и археология Трифоновского и Куртакского участков. 88 с.: ил.; вып. 2. Геология и археология Бережковского участка. Местонахождение Разлог II. 114 с.: ил.; вып. 3. Новые данные к хроностратиграфии палеолита Куртакского археологического района. 112 с.: ил.

231. Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа: Древность и средневековье: Сб. ст., посвящ. памяти Н. С. Сычевой/ГМИНВ; Отв. ред. А. М. Лесков, Б. Я. Ставиский. М.: Наука, 1990. 192 с.: ил.

232. *Кутайсов В. А.* Античный город Керкинитида: VI—II вв. до н. э.//АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1990. 174 с.: ил.

233. *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии: (Опыт палеогр. анализа)/АН СССР. ИА. М., 1990. 180 с.: ил. Рез. англ.

234. *Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов/МГУ. Ист. фак. М.: Наука, 1990. 216 с.: ил. Рез. англ.

235. *Ламан Н. К.* Развитие техники обработки металлов давлением: С древнейших времен до наших дней/АН СССР. ИИЕТ. М.: Наука, 1990. 236 с.: 1 л. ил.: ил.

236. *Лапшин В. А.* Археологическая карта Ленинградской области. Ч. I. Западные районы/АН СССР. ИА; ВООПИК, Лен. отд. Л., 1990. 126 с., 1 л. карт.: карт.

237. *Лебединцев А. И.* Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья/АН СССР. ДВО. СВКНИИ. Л.: Наука, 1990. 260 с., 2 отд. л. карт.: ил.

238. *Липавский С. А., Снытко И. А.* Материалы по археологии Ольвии и ее округи: Препр./АН УССР. ИА. Киев, 1990. 48 с.: ил.

239. *Liveli V.* Hecate's mysterias in Vani: Prepr./Acad. of sci. of the Georgian. Centre for archaeol. stud. Tbilisi, 1990. 8 p.

240. *Магомедов М. Г.* Живая связь эпох и культур: (Страна Берсилия, Хазар. каганат, царство Джидан). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1990. 132 с.: ил.

241. *Макаров Н. А.* Население русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья/АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. 216 с.: ил., карт.

242. *Мак-Коркодейл Ч.* Убранство жилого интерьера от античности до наших дней: Пер. с англ. М.: Искусство, 1990. 245 с.: ил.

243. *Мальм В. А.* Симферопольский клад/ГИМ. М.: Внешторгиздат, 1990. 28 с.: ил. Текст парал. на рус., англ.

244. *Масленников А. А.* Население Боспорского государства в первых веках н. э./АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. 228 с.: ил. Рез. англ.

245. *Массон В. М.* Исторические реконструкции и археологии/АН КиргССР. ИИ. Фрунзе: Илим, 1990. 94 с.: ил., карт.

246. Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья: Сб. науч. тр./Курск. обл. музей; Ред. Р. В. Терпиловский. Курск, 1990. 206 с.: ил.

247. Материалы и исследования по археологии СССР: Сб. ст./ГЭ; Ред. Я. В. Доманский. Л.: Искусство, 1990. 124 с.: ил., карт. (АСГЭ. Вып. 30). Рез. англ.

248. Маяцкий археологический комплекс: Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. С. А. Плетнева. М., 1990. 238 с.: ил.

249. *Медведев А. П.* Сарматы и лесостепь: (по материалам Подонья). Воронеж: Изд-во ВоронУ, 1990. 220 с.: ил.

250. Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей: (Сб. докл.)/ЕреванУ; Ред. С. А. Есаян, Г. Е. Арешян. Ереван, 1990. 295 с.: ил.

251. *Микеладзе Т. К.* К археологии Колхилы: (эпоха средней и поздней бронзы — раннего железа)/АН ГССР. ИИАЭ. Археол. комис. ЦАИ. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 106 с.: ил.

252. *Мирзаахмедов Д. К.* К истории художественной культуры Бухары/АН УзССР. ИА. Ташкент: Фан, 1990. 94 с., 32 л. ил.

253. Мировоззрение финно-угорских народов: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. И. Н. Гемуев. Новосибирск: Наука, 1990. 218 с.: ил.

254. *Молодин В. И., Соболев В. И., Соловьев А. И.* Бараба в эпоху позднего средневековья/АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1990. 261 с.: ил.

255. *Моця А. П.* Погребальные памятники южнорусских земель IX—XIII вв./АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1990. 156 с.: карт.

256. *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса/АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1990. 88 с.: ил.

257. *Мухамадиев А. Г.* Древние монеты Поволжья. Казань: Татар. кн. изд-во, 1990. 157 с., 16 л. ил.

258. *Matulis R.* Istoriniai akmenys. Vilnius, 1990. 146 s.: ill.

259. На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути: Очерки истории и культуры: Сб. ст./АН УзССР. ИИ; Отв. ред. Г. А. Пугаченкова. Ташкент: Фан, 1990. 196 с.: ил., карт. (Актуальные проблемы ист. науки). Рез. англ.

260. *Надирадзе Д. Ш.* Саирхе — древнейший город Грузии: (к истории восточной провинции Колхиды I тыс. до н. э.). Тбилиси: Сакартвелло, 1990. 198 с., 24 л. ил. Груз.

261. *Назарова Т. Л., Потехин И. Д.* Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма: Препр./АН УССР. ИА. Киев, 1990. 46 с.: ил.

262. *Нестеров С. П.* Конь в культах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья/АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск: Наука, 1990. 142 с.: ил.

263. *Никитин В. В., Соловьев Б. С.* Атлас археологических памятников Марийской ССР/МарНИИЯЛИ. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 1990. Вып. 1: Эпоха камня и раннего металла. 1990. 203 с.

264. *Новицкий Е. Ю.* Монументальная скульптура древнейших земледельцев и скотоводов Северо-Западного Причерноморья/ООАЦ. Одесса, 1990. 182 с.: ил. (ВООАЦ. Вып. 2).

265. *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище/АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1990. 214 с.: ил. Рез. англ.

266. Нумизматика Узбекистана: [Сб. ст.]/АН УзССР. Музей истории народов Узбекистана; Отв. ред. Э. В. Ртвеладзе. Ташкент: Фан, 1990. 131 с., 12 л. ил.

267. Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы: [Сб. ст.]/АН ССР Молдова. ОЭИ; Отв. ред. В. Л. Янин. Кишинев: Штиинца, 1990. 268 с.: ил., карт.

268. *Обломский А. М., Терпиловский Р. В., Петраускас О. В.* Распад зарубинецкой культуры и его социально-экономические и идеологические причины: Препр./АН УССР. ИА. Киев, 1990. 48 с.: ил.

269. *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — начале XVII века. Иркутск: Изд-во ИркутУ, 1990. 166 с.

270. Обряды и верования древнего населения Украины: Сб. науч. тр./АН УССР. ИА; Отв. ред. В. М. Зубарь. Киев: Наук. думка, 1990. 136 с.: ил., карт.

271. *Обыденнов М. Ф.* Изучение эпохи поздней бронзы Волго-Камья/БашкГУ. Уфа, 1990. 68 с.

272. *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X веках. Свердловск, 1990. 221 с.: ил.

273. *Ольховский В. С., Храпунов И. Н.* Крымская Скифия. Симферополь: Таврия, 1990. 125 с.: ил. (Археол. памятники Крыма).

274. *Орлова Л. А.* Голоцен Барабы: стратиграфия и радиоуглеродная хронология/АН СССР. СО. Новосибирск: Наука, 1990. 128 с., 1 отд. л. карт.: ил. (Тр. Ин-та геол. и геофиз.; Вып. 762).

275. *Орлова М. А.* Наружные росписи средневековых памятников архитектуры: Византия. Балканы. Древняя Русь/АН СССР. ВНИИИ. М.: Наука, 1990. 238 с.: ил.

276. *Охотников С. Б.* Нижнее Поднестровье в VI—V вв. до н. э./АН УССР. ОАМ. Киев: Наук. думка, 1990. 85 с., 6 л. ил.: ил.

277. Охранные историко-археологические исследования на юго-западе Украины: Сб. ст./ЧААЛД; ЗапорожУ; Отв. ред. А. О. Добролюбский. Одесса; Запорожье, 1990. 189 с.: ил. (ВЧААЛД. Вып. 1).

278. Очерки истории освоения Шпицбергена: Сб. ст./АН СССР. ИА; Редкол. В. Ф. Старков и др. М., 1990. 208 с.: ил., карт.

279. Палеолит и неолит Монгольского Алтая/А. П. Деревянко, Д. Дорж, Р. С. Васильевский, В. Е. Ларичев, В. Т. Петрин, Е. В. Девяткин, Е. М. Малаева; АН СССР. СО. ИИФФ; АН МНР. ИИ; Совмест. сов.-монгол. ист.-культ. экспедиция. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с., 1 л. карт.: ил., карт. (Каменный век Монголии).

280. Палеолит Кавказа и сопредельных территорий: Сб. посвящ. 100-летию со дня рождения члена-кор. АН ГССР, проф. Г. К. Ниорадзе/АН ГССР. Археол. комис. ИИАЭ. ЦАИ; ТбилУ; ГМГ; Ред. Д. М. Тушабрамишвили. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 141 с., 20 л. ил. Рез. нем.

281. Памятники древнего искусства Дагестана: [Сб. ст.]/АН СССР. Даг. фил. ИИЯЛ; Отв. ред. М. М. Маммаев. Махачкала, 1990. 120 с.: ил.

282. Памятники кыргызской культуры в Северной и Центральной Азии: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Ю. С. Худяков. Новосибирск, 1990. 158 с.: ил.

283. *Папуашвили Р.* Колхидские кинжалы: Препр./АН ГССР. ЦАИ. Тбилиси, 1990. 8 с.: ил.

284. *Паранин В. И.* Историческая география летописной Руси. Петрозаводск: Карелия, 1990. 151 с.: карт.

285. *Пашкевич Г. О., Охрименко Г. В.* Матеріали до вивчення неоліту Волині: Препр./АН УРСР. ІА. Київ, 1990. 48 с.: іл.

286. *Пилипко В. Н.* Позднепарфянские памятники Ахала/АН ТССР. ИИ. Ашхабад; Ылым, 1990. 176 с.: ил.

287. *Пиоро И. С.* Крымская Готия: Очерки этнической истории населения Крыма в позднеримский период и раннее средневековье. Киев: Лыбидь, 1990. 196 с.: ил.

288. *Плетнева Л. М.* Томское Приобье в позднем средневековье: (по археол. источникам)/ТомУ. Томск: Изд-во ТомУ, 1990. 130 с., 1 л. ил.: ил.

289. *Плетнева С. А.* Печенеги и гузы на Нижнем Дону: (по материалам кочевнического могильника у Саркела — Белой Вежи)/АН СССР. ИА. М., 1990. 102 с.: ил.

290. *Плетнева С. А.* Половцы/АН СССР. М.: Наука, 1990. 208 с.: ил., карт. (Страницы истории нашей Родины). Библиогр.: с. 192—194.

291. *Подушкин А. Н., Подушкин Н. П.* Археологические памятники Чимкентской области. Чимкент, 1990. 19 с.

292. Позднефеодальный город Средней Азии: [Сб. ст.]/АН УзССР. ИИ; Отв. ред. Р. Г. Мукминова. Ташкент: Фан, 1990. 226 с.

293. Полевая археология древнекаменного века: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. 120 с.: ил. (КСИА. Вып. 202).

294. Полевая археология мезолита — неолита: Сб. науч. тр./АН СССР. ЛОИА; Отв. ред. Н. Н. Гурина, В. И. Тимофеев. Л., 1990. 130 с.: ил.

295. Причерноморье VII—V вв. до н. э.: Письменные источники и археология: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА, ИВИ, АН ГССР. ИИАЭ. ЦАИ; Отв. ред. О. Д. Лордкипанидзе. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 480 с.: ил., карт. (V Междунар. симпоз. по древ. истории Причерноморья; Материалы).

296. Проблемы археологии Евразии: (по материалам ГИМ): [Сб. ст.]/Отв. ред. С. В. Студзицкая; ГИМ. М.: 1990. 152 с.: ил., карт. (ТГИМ; Вып. 74).

297. Проблемы археологии и древней истории стран Латинской Америки: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. В. А. Башилов. Л.: Наука, 1990. 272 с.: ил.

298. Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири: Межвуз. сб. науч. тр./АлтУ; Отв. ред. Ю. Ф. Кирюшин. Барнаул, 1990. 179 с.: ил.

299. Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая: [Сб. ст.]/ГАНИИИЯЛ; Отв. ред. А. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1990. 258 с.: ил.

300. Проблемы изучения древних поселений в археологии: (социологический аспект): [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. В. И. Гуляев, Г. Е. Афанасьев. М., 1990. 176 с.: ил., карт.

301. Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики: Сб. науч. тр./НИИК; Отв. ред. П. В. Боярский. М., 1990. 420 с.: ил., карт. (Памятниковедение).

302. Проблемы изучения наскальных изображений в СССР: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. М. А. Дэвлет. М., 1990. 240 с.: ил.

303. Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири/ТомУ. Томск, 1990. 222 с.

304. Проблемы скифо-сарматской археологии: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА. Отв. ред. А. И. Мелюкова. М., 1990. 178 с.: ил., карт.

305. Проблемы теории и методики в современной археологической науке: [Сб. ст.]/АН СССР. ИА; Отв. ред. И. Т. Кругликова. М.: Наука, 1990. 112 с.: ил. (КСИА. Вып. 201).

306. Проблемы технологии древних производств: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. А. И. Соловьев, С. А. Гладышев. Новосибирск, 1990. 215 с.: ил.

307. *Прошкин О. Л.* Археологическая карта Боровского района Калужской области/Калуж. обл. краевед. музей. Калуга, 1990. 42 с., 2 отд. л. ил.: ил.: карт.

308. *Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В.* Северная Бактрия — Тохаристан: Очерки истории и культуры: Древность и средневековье/АН УзССР, ИИ. Ташкент: Фан, 1990. 218 с.: ил.

309. Развитие и реконструкция исторических городов России, Сб. науч. тр. Центр. н.-и. и проект. ин-т комплекс. реконструкции ист. городов; Ред. А. Ю. Беккер. М., 1990. 145 с.: ил.

310. Раннеславянский мир: Материалы и исслед./АН СССР. ИА; Отв. ред. С. А. Плетнева, И. П. Русанова. М., 1990. 172 с.: ил.

311. Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе: Сб. ст./АН СССР. КазанНЦ; Отв. ред. А. Х. Халиков. Казань, 1990. 144 с.: ил., карт.

312. *Распопова В. И.* Жилища Пенджикента: (Опыт историко-социальной интерпретации)/АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1990. 206 с.: ил., 2 отд. л. план.

313. *Рчеулишвили Г. М.* Археологические памятники Пшавской Арагви. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 145 с.: ил. Груз. Рез. рус.

314. *Рындина А. В.* Художественный металл Москвы XIV—XV веков: Типология и стилеобразование/Акад. художеств СССР. НИИ теории и истории изобраз. искусств. М., 1990. 47 с.: ил.

315. *Савватеев Ю. А.* Каменная летопись Карелии: Петроглифы Онеж. озера и Белого моря. Петрозаводск: Карелия, 1990. 117 с.: ил. Рез. фин., англ., нем., фр.

316. *Садрадзе В. Г.* К проблеме взаимоотношения центральнокавказской и самтаврской культур: Препр./АН ГССР. ЦАИ. Тбилиси, 1990. 12 с.: ил.

317. *Сайко Э. В., Жуциховская И. С.* Методы микроскопии в исследовании древней керамики: (Метод. аспекты и практика): Препр./АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1990. 54 с.: ил.

318. *Сайко Э. В.* Специализированные производства в развитии обществ раннеземледельческих культур: (К проблеме формирования экономических предпосылок становления классового общества)/АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. 166 с.

319. *Сарианиди В. И.* Древности страны Маргуш/АН ТССР. Ашхабад: Ылым, 1990. 312 с.: ил.

320. Семантика древних образов: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. Р. С. Васильевский: Новосибирск: Наука, 1990. 160 с.: ил. (Первобытное искусство).

321. *Скогорева Р. Н.* Современные методы обмеров памятников архитектуры/Моск. архит. ин-т. М., 1990. 132 с.: ил.

322. *Скорый С. А.* Курган Переп'ятиха/До етнокультурної історії Дніпров. Лісостепового Правобережжя/АН УРСР. ІА. Київ: Наук. думка, 1990. 123 с., 4 ил. ил.: ил.

323. *Скрипкин А. С.* Азиатская Сарматия: проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов: Изд-во СаратГУ, 1990. 300 с.: ил.

324. Славяне и Русь: (В зарубеж. историографии): Сб. науч. тр./АН УРСР. ИА; Отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наук. думка, 1990. 148 с.: ил. (Археология).

325. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период/Баран В. Д., Максимов Е. В., Магомедов Б. В., Л. В. Вакуленко, Г. А. Вознесенская, Д. Н. Козак, С. П. Пачкова, Р. В. Терпиловский, О. М. Приходнюк, А. Т. Смиленко, С. П. Юренко, С. В. Паньков; АН СССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1990. 485 с., 4 л. ил.

326. *Смирнов А. С.* Методические указания по проведению проектных археологических работ в зонах народнохозяйственного строительства/АН СССР. ИА. Отдел охранных раскопок. М., 1990. 56 с.

327. *Смольянинова С. П.* Палеолит и мезолит Степного Побужья/АН УССР. ИА. Киев: Наук. думка, 1990. 108 с.: ил.

328. *Соломоник Э. И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь: Таврия, 1990. 110 с.: ил. (Археол. памятники Крыма).

329. *Сорокин А. Н.* Бутовская мезолитическая культура: (по материалам Деснинской экспедиции)/АН СССР. ИА. М., 1990. 220 с.: ил., карт.

330. Средневековые памятники Окско-Сурского междуречья/НИИЯЛИЭ при Совмине МордАССР; Отв. ред. М. Ф. Жиганов. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1990. 101 с.: пл. (Труды; Вып. 99).

331. 110 лет Тюменскому областному краеведческому музею, 1879—1989/Сост. Г. Гусева. Тюмень, 1990. 13 с.: ил.

332. Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: Путеводитель экскурсии № 3/АН СССР. СО. ИИФФ; КИЧП. Иркутск, 1990. 166 с., 50 л. ил., карт. Авт.: Г. А. Воробьева, Г. И. Медведев, М. П. Аксенов, В. И. Базалийский, Н. Е. Бердникова, Н. В. Вашукевич, О. И. Горюнова, Н. И. Гранина, О. В. Задонин, Т. Н. Кононова, С. П. Пержаков, Н. А. Савельев, В. В. Свинин, М. Ю. Семин, А. Б. Федоренко.

333. *Субботин Л. В., Дзиговский А. Н.* Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья: В 3-х ч./АН УССР. ИА. Препр. Киев, 1990.

Ч. 1. Курганные могильники Алкалия и Хаджидер II. 40 с.: ил.; ч. 2. Курганные могильники Дивизийский и Белолесский. 40 с.: ил., ч. 3. Курганные могильники Васильевский и Кубей. 48 с.: ил.

334. *Сунчугашев Я. И.* Памятники орошаемого земледелия средневековой Хакасии/ХакасНИИЯЛИ. Абакан; Краснояр. кн. изд-во, 1990. 92 с.: ил.

335. *Супруненко А. Б.* Археологические памятники Карловского района Полтавской области: Каталог/Полтав. краевед. музей. Полтава, 1990. 92 с.: ил.

336. *Таймагамбетов Ж. К.* Палеолитическая стоянка им. Ч. Ч. Велиханова/АН КазССР. ИИАЭ. Алма-Ата: Наука, 1990. 127 с.: ил.

337. *Тиваненко А. В.* Древнее наскальное искусство Бурятии: Новые памятники/АН СССР. СО. БИОН. Новосибирск: Наука, 1990. 208 с.: ил.

338. *Тимощук Б. А.* Восточнославянская община VI—X вв. н. э./АН СССР. ИА. М.: Наука, 1990. 188 с.: ил. Рез. англ.

339. *Третьяков В. П.* Волосовские племена в Европейской части СССР в III—II тыс. до н. э./АН СССР. ИА. Л., 1990. 212 с.: ил.

340. *Третьяков В. П.* Неолитические племена лесной зоны Восточной Европы/АН СССР. ЛОИА. Л.: Наука, 1990. 198 с.: ил.

341. *Трифонова А. Н.* Резное дерево XIV—XVII веков: 125 Новгор. музею/НГОМЗ. Новгород, 1990. 37 с.: ил.

342. *Туребеков М.* Оборонительные сооружения древних поселений и городов Согда: (VII—VI вв. до н. э. — VII в. н. э.). Нукус: Каракалпакстан, 1990. 153 с.: ил.

343. *Турчанинов Г. Ф.* Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ: Ир, 1990. 240 с.: ил.

344. *Уртанс Ю.* Следовики, пограничные камни, мульды. Рига: Авотс, 1990. 94 с., 4 л. ил.: ил. Латыш.

345. Усманский курган/А. Д. Пряхин и др.; ВоронУ. Воронеж, 1990. 26 с.: ил.

346. Финны в Европе VI—XV века: Прибалтийско-финские народы. Историко-археол. исслед.: Сб. ст./АН СССР. ИА; Финляндско-советская смешанная группа в области археологии; Отв. ред. А. Н. Кирпичников, Е. А. Рябинин. М., 1990.

Вып. 1. Формирование прибалтийских финнов, племена Финляндии и Юго-Восточной Прибалтики. 152 с.: ил., карт.; вып. 2. Русь, финны, саамы, верования. 196 с.: ил., карт.

347. *Фирсов Л. В.* Исары: Очерки истории средневековых крепостей Южного берега Крыма/АН СССР. СО. ИИФФ. Ин-т геол. и геофиз. Новосибирск: Наука, 1990. 472 с.: ил., карт.

348. Формализованно-статистические методы в археологии: (Анализ погребенных памятников)/В. Ф. Генинг, Е. П. Бунятян, С. Ж. Пустовалов, Н. А. Рычков/АН УССР. ИА. Киев.: Наук. думка, 1990. 302 с.: табл.

349. *Формозов А. А.* Русское общество и охрана памятников культуры/ВООПИК. 2-е изд., доп. М.: Сов. Россия, 1990. 108 с.

350. Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири: (бассейн Енисея): Путеводитель (Экскурсия № 2)/АН СССР. СО. ИИФФ; КИЧП. Новосибирск, 1990. 184 с.: ил., карт. Авт.: Н. И. Дроздов, В. П. Чеха, С. А. Лаухин, В. Г. Кольцова, Е. А. Акимова, А. В. Ермолаев, В. П. Леонтьев, С. А. Васильев, А. Ф. Ямских, Г. А. Демиденко, Е. В. Артемьев, А. А. Викулов, А. А. Бокарев, И. В. Форонова, С. Д. Сидорас.

351. *Хынку И. Г.* Древнейшие памятники. Кишинев: Штиинца, 1990. 147 с.: ил. Молд.

352. *Цвинария И. И.* Взаимоотношения культур энеолита и ранней бронзы Западного Кавказа. Сухуми: Алашара, 1990. 36 с., 1 л. карт.

353. *Цвинария И. И.* Новые памятники дольменной культуры Абхазии/АН ГССР. АбхазИЯЛИ. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 80 с.: 16 л. ил.

354. Центральная Азия и соседние территории в средние века: Сб. науч. тр./АН СССР. СО. ИИФФ; Отв. ред. В. Е. Ларичев. Новосибирск: Наука, 1990. 116 с.: ил. (ИКВА).

355. *Чаплыгина Н. А.* Население Днестровско-Карпатских земель и Рим в I — начале III в. н. э./АН МССР. ИИ. Кишинев: Штиинца, 1990. 185 с., 1 л. карт.

356. *Чиндина Л. А., Яковлев Я. А., Ожерелов Ю. И.* Археологическая карта Томской области/ТомУ. Томск, 1990. Т. 1. 338 с.: ил., карт.

357. *Чихладзе В. В.* Катакомбы Жинвали: Препр./АН ГССР. ЦАИ. Тбилиси, 1990. 12 с.: ил. Груз. Рез. рус., англ.

358. *Шавкунов Э. В.* Зеркала в магико-религиозных обрядах в древности и средневековье: Препр./АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1990. 38 с.: ил.

359. *Шавкунов Э. В.* Культура чжурчжэней-удигэ XII—XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока/АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. М.: Наука, 1990. 282 с.: ил. Рез. англ.

360. *Шавкунов Э. В.* Сушэни-праайны: (к постановке проблемы): Препр./АН СССР. ДВО. ИИАЭНДВ. Владивосток, 1990. 26 с.: ил.

361. Шайтанская и Северская писаницы на Среднем Урале: Препр./В. Н. Широков, С. Е. Чаиркин, В. Н. Пронин; АН СССР. УрО. Ин-т ист. и археол. Свердловск, 1990. 60 с.: ил.

362. *Шамба Г. К., Шамба О. М.* Археологические памятники верховья реки Галидзга: (Джантух)/АН ГССР. ИИАЭ. Археол. комис. Тбилиси: Мецниереба, 1990. 59 с., 26 л. ил.

363. *Шнайдштейн Е. В.* Археологические памятники Астраханской области: Путеводитель по памятникам археологии Ахтубинского района/АстраханГПИ; Астрахан. о-во краеведов. Астрахань, 1990. 64 с.: ил.

364. *Шуньков М. В.* Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая/АН СССР. СО. ИИФФ. Новосибирск, 1990. 158 с.: ил.

365. *Щепова Ю. Л., Лихтер Ю. А., Столярова Е. К.* Морфология древностей/МГУ; Музейное объединение «Киево-Печерский гос. ист.-культур. заповедник». Киев, 1990. 92 с.

366. Эллинизм: экономика, политика, культура/Ю. В. Горлов, Г. А. Кошеленко, Ю. Г. Виноградов, О. Б. Лопухова, А. Н. Щеглов, А. Н. Щеглов и др.; АН СССР. ИВИ; Отв. ред. Е. С. Голубцова. М.: Наука, 1990. 376 с.: ил.

367. Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья: Сб. ст./АН СССР. ИВИ. М., 1990. 229 с.

368. *Эртюков В. И.* Усть-Мильская культура эпохи бронзы Якутии/АН СССР. СО. ЯкутНЦ. ИЯЛИ. М.: Наука, 1990. 149 с.: ил.

369. Язычество восточных славян. Сб. науч. тр./ГМЭ. Л., 1990. 168 с.: ил.

370. *Яровой Е. В.* Курганы энеолита — эпохи бронзы Нижнего Поднестровья/АН ССРМ. ОЭИ. Кишинев: Штиинца, 1990. 270 с.: ил.

371. *Агапов С. А.* Металл степной зоны Евразии в конце бронзового века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 17 с.

372. *Алексеева Е. М.* Античный город Горгиппия: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 56 с. Список работ автора: с. 52—56.

373. *Алехин Ю. П.* Лесостепной Алтай в V—I вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 24 с.

374. *Алиев З. М.* Денежное обращение Азербайджана (VII—IX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 24 с.

375. *Ахун-Бабаев Х. Г.* Социально-планиграфическая структура квартала знати на Афрасиабе и проблема изучения раннесредневекового Самарканда: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 28 с.

376. *Бадалов А. Г.* Гончарное ремесло позднеантичного периода Азербайджана (I—III в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1990. 25 с.

377. *Бадер А. Н.* Проблемы источниковедения парфянской культуры (Восточная Парфия): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 18 с.

378. *Балабина В. И.* Зооморфная пластика культуры Триполья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 25 с.

379. *Безрученко И. М.* Древнегреческая колонизация Северной Африки: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 22 с.

380. *Беликова О. Б.* Среднее Причулымье в XI—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 17 с.

381. *Белорыбкин Г. Н.* Домонгольские памятники булгарского типа Верхнего Посурья и Примокшанья: (на пути из Булгара в Киев): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. 20 с.

382. *Берлизов Н. Е.* Ранние аланы Северного Кавказа: (по материалам катакомбных погребений II в. до н. э.— III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 17 с.

383. *Болквадзе Г. С.* Раннесредневековые археологические памятники в верховьях ущелья реки Машавера: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 26 с.

384. *Бурдиладзе С. В.* Из истории монастырей средневековой Грузии: (По археол. материалам пустынь-монастыря Ванис Кваби): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 26 с.

385. *Валеев Р. М.* Торговля и товарно-денежные отношения Волжской Булгарии IX — начала XIII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1990. 18 с.

386. *Василевский А. А.* Формирование охотской культуры на Сахалине (I тыс. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 18 с.

387. *Виноградов Ю. А.* Особенности греко-варварских взаимоотношений на Боспоре в VI—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 18 с.

388. *Волков В. В.* Центральная Азия и скифо-сибирская проблема: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 26 с. Список работ авт.: с. 26.

389. *Гаджиев Г. А.* Стеклянные изделия Шабрана (IX—XVII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 20 с.

390. *Гаибов В. А.* Северный Иран в античное время (Мидия, Мидия Антропатена, Гиркания): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.

391. *Голенко В. К.* Монетное дело и денежное обращение в раннеселевкидском государстве: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 20 с.

392. *Горлог Ю. В.* Эллинистический Родос: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 25 с.

393. *Гоцадзе К. М.* Погребальный обряд в позднеантичной и раннесредневековой Восточной Грузии (I—IX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 26 с.

394. *Гребенюков В. И.* Семантический уровень исследований в историографии мезо-энеолита Казахстана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 25 с.

395. *Гриценко А. М.* Культура Северной Сирии в первой половине II тыс. до н. э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 21 с.

396. *Грицина А. А.* Северная Уструшана в середине I тыс. до н. э.— начале XIII в. н. э.: (археолого-топографическое исследование): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 24 с.

397. *Гурин М. Ф.* Производство и обработка железа в Белорусии (V в. до н. э.— XVIII в.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Минск, 1990. 43 с. Библиогр.: с. 42—44.

398. *Давудов О. М.* Дагестан в III в. до н. э.— IV в. н. э.: (Опыт этнокульт. и соц.-экон. характеристики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. Библиогр.: с. 33—35.

399. *Дашибалов Б. Б.* Курыканы: (курумчинская культура Прибайкалья и юга Средней Сибири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 22 с.

400. *Демиденко Ю. Э.* Начальный этап позднего палеолита Карпато-Балканского региона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 18 с.

401. *Дорж Д.* Каменный век Монголии: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990. 37 с. Библиогр.: с. 35—37.

402. *Дьякова О. В.* Происхождение, формирование и развитие средневековых культур Дальнего Востока СССР: (по материалам керамического производства): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 36 с. Список работ автора: с. 33—35.

403. *Еременко В. Е.* Процесс латенизации археологических общностей позднего предримского времени Восточной Европы и сложение зарубинецкой культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 18 с.

404. *Завьялов В. И.* История средневекового железообрабатывающего производства в Камско-Вятском бассейне: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 17 с.

405. *Зах В. А.* Неолит и бронзовый век Присалаирья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 22 с.

406. *Звиздецкий Б. А.* Городища IX—XIII вв. на территории летописных древлян: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. 15 с.

407. *Иванов В. А.* Этнические процессы в Степной и Лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII—XIV вв. н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 45 с. Библиогр.: с. 44—45.

408. *Илюшин А. М.* Погребения по обряду кремации конца I тыс. н. э. в Кузнецкой котловине: (хронология и этнокультурная принадлежность): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 24 с.

409. *Инашвили Н. А.* Древние города Юго-Западной Грузии (Цихисдзири): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 26 с.

410. *Ионесов В. И.* Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии: (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н. э. Южного Узбекистана): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 25 с.

411. *Исланова И. В.* Население бассейна Верхней и Средней Мологи и верховьев Мсты в VI—XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 19 с.

412. *Калантарян А. А.* Средневековый город Двин: (Историко-археол. очерк): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ереван, 1990. 42 с. Библиогр.: с. 40—42.

413. *Калдани А. М.* Башенная культура горцев Центрального Кавказа: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тбилиси, 1990. 49 с. Библиогр.: с. 46—49.

414. *Калиева С. С.* Энеолит Тургайского прогиба: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 18 с.

415. *Каменский А. Г.* Металлопроизводство племен Северо-Восточного Кавказа в период средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.

416. *Качакова Н. Б.* Рождение африканской цивилизации. (Ифе, Ойо, Бенин, Дагомея): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 40 с. Библиогр.: с. 38—40.

417. *Кистенев С. П.* Каменный век бассейна Нижней Колымы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Якутск, 1990. 22 с.

418. *Кияшко А. В.* Ранний этап катакомбной культуры на Нижнем Дону: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 26 с.

419. *Князькин И. О.* Славяне, волохи и кочевники Днепровско-Карпатских земель с середины XII до нашествия монголо-татар: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 16 с.

420. *Кожин П. М.* Этнокультурные контакты на территории Евразии в эпохи энеолита — раннего железного века: (палеокультурология и колесный транспорт): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990. 36 с. Библиогр.: с. 33—36.

421. *Козенкова В. И.* Большой Кавказ в XIV—IV вв. до н. э.: (кобанская культура: модель тысячелетия развития): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 51 с., 1 л. табл. Библиогр.: с. 50—51.

422. *Козловская В. И.* Ионийская колонизация Западного Средиземноморья VIII—VI вв. до н.

э.: Сущность, типология, значение: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 44 с. Библиогр.: с. 42—44.

423. *Кондратенко А. П.* Этнокультурные контакты древних айнов: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 12 с.

424. *Кот С. И.* Охрана памятников истории и культуры в Украинской ССР (1943 г.— начало 60-х годов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Днепропетровск, 1990. 17 с.

425. *Котова Н. С.* Культура позднего неолита — раннего энеолита Днепро-Донского Междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. 17 с.

426. *Кызласов И. Л.* Рунические письменности степной зоны Евразии: Проблемы источниковедения: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 43 с. Библиогр.: с. 42—43.

427. *Кынчев К. С.* Орудия труда неолита Болгарии: (Сырьевая база, типология, функциология и место в хоз. развитии): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1990. 57 с. Библиогр.: с. 56—57.

428. *Лебедева Е. Ю.* Экономические связи Римской империи с Индией: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.

429. *Левицкий О. Г.* Культура Днестровско-сиретского междуречья на рубеже II—I тыс. до н. э.: (Памятники каннелированного гальштата типа Кишинев-Корлэтень): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 23 с.

430. *Ломиташвили Д. А.* Центральное Эгриси IV—VI вв. н. э.: (По археол. материалам из Нокалакеви): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 26 с.

431. *Лошенков М. И.* Городища милоградской культуры восточной части Белорусского Полесья Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. 22 с.

432. *Лукьяшко С. И.* Этнополитическая история и экономические связи кочевого населения Нижнего Дона в VIII—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 19 с.

433. *Лухтан А. Б.* Восточная Литва в I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 22 с.

434. *Манджгаладзе Г. М.* К хронологии Самтаврского могильника I в. до н. э.— IV в. н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 22 с.

435. *Манзура И. В.* Переходный период от энеолита к эпохе бронзы в Нижнем Подністровье и Попрутье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 25 с.

436. *Мацкевой Л. Г.* Мезолит Запада Украины: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 32 с. Библиогр.: с. 27—32.

437. *Медынцева А. А.* Древнерусская эпиграфика — X первой половины XIII в.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 37 с. Библиогр.: с. 36—37.

438. *Мехтиев Т. С.* Орудия труда Кавказской Албании (IV в. до н. э.— III в. н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 18 с.

439. *Миндорашвили Д. В.* Уплисцихе в феодальную эпоху: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 26 с.

440. *Михайлов Ю. И.* Орнамент андроновского керамического комплекса: (проблемы анализа и интерпретации): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 18 с.

441. *Могильников В. А.* Этнокультурная история Западной Сибири в средние века: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 47 с. Библиогр.: с. 43—47.

442. *Нахапетян В. Е.* Раннесредневековые граффити Юго-Восточной Европы (VIII—X вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 21 с.

443. *Нерсесов Я. Н.* Древние культуры Северной Мексики: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 30 с.

444. *Нуриев А. Б.* Ремесло Кавказской Албании (III—VIII вв.); Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Баку, 1990. 50 с.

445. *Оганесян В. Э.* Культура первой половины II тыс. до н. э. в среднем течении р. Раздан: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Ереван, 1990. 19 с.

446. *Оганян О. А.* Культура античных поселений Армении: (По материалам раскопок поселений Арагацотна): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1990. 24 с.

447. *Окунева И. В.* Поселения Среднего Притомья: (ранний железный век и средневековье): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 26 с.

448. *Отрешко В. М.* Ольвийская хора VI—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. 17 с.

449. *Павлуцкая В. В.* Байкальское Приольхонье в эпоху поздних кочевников: (по материалам XI—XIX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 16 с.

450. *Павчинская Л. В.* Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник: (типология, районирование, хронология): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 18 с.

451. *Панова Т. Д.* Городской погребальный обряд средневековой Руси (XI—XVI вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 16 с.

452. *Пицикова Е. В.* Древнеегипетские рельефы саисского периода: историко-культурный аспект: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 18 с.

453. *Раджабова Б. А.* Предметы украшений Азербайджана (IV—XIII вв.) как источник по истории культуры: (Археол.-этногр. исслед.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 19 с.

454. *Ромашко В. А.* Предскифский период в пограничье Лесостепи и Степи Днепровского Левобережья (XII — начало VIII в. до н. э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. 18 с.

455. *Русяева А. С.* Духовная культура населения Ольвийского государства: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1990. 35 с. Библиогр.: с. 32—35.

456. *Рчеулишвили Г. М.* Нагорье Восточной Грузии в эпоху развитого средневековья: (По археол. памятникам Пшав. Арагви): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 25 с.

457. *Рындина О. М.* Орнамент народов Среднего Приобья как этнокультурное явление: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 23 с.

458. *Рычков Н. А.* Этническая характеристика населения ямной культуры Северного Причерноморья: (по курганным памятникам): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1990. 16 с.

459. *Смагулов Е. А.* Позднесредневековая керамика Южного Казахстана как источник по истории культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 22 с.

460. *Смирнова Г. И.* Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II — первой половине I тыс. до н. э.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1990. 40 с.: ил. Библиогр.: с. 35—39.

461. *Смоляк А. В.* Проблемы этнической истории и этногенеза народов Нижнего Амура и Сахалина: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1990. 47 с. Библиогр.: с. 40—47.

462. *Сотникова М. П.* Древнейшие русские монеты X—XI вв. как исторический источник: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1990. 38 с.: ил. Библиогр.: с. 35—36.

463. *Столба В. Ф.* Херсонес и скифы в V—II вв. до н. э.: (Проблемы взаимоотношений): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 16 с.: ил.

464. *Сулава Н. О.* Археологические памятники античной эпохи Горной Колхиды (Лечхуми): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1990. 23 с.

465. *Султанов Х. Т.* К истории формирования архитектурных ансамблей Шахрисабза XIV—XV вв.: (По археол. данным): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 19 с.

466. *Табарев А. В.* Технология каменных индустрий докерамических комплексов Приморья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 16 с.

467. *Тельнов Н. П.* Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 18 с.

468. *Толмачева М. М.* Обработка черного металла в Хазарском каганате: (По материалам памятников междуречья Дона и Северского Донца): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 19 с.

469. *Труфанов А. Я.* Культуры эпохи поздней бронзы и переходного времени к железному веку лесостепного Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 15 с.

470. *Усик В. И.* Переход от раннего палеолита к позднему по материалам памятников Закарпатья: (по данным ремонтажа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.: ил.

471. *Фахрутдинов Р. Г.* Волжская Булгария X—XIV вв.: (ист.-арехол. исслед.): Автореф. дис. ... докт. ист. наук: М., 1990. 44 с. Библиогр.: с. 42—44.

472. *Федоров М. Н.* Караханидская нумизматика как источник по истории Средней Азии конца X — начала XIII вв.: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990. 40 с. Библиогр.: с. 36—40.

473. *Харламов В. А.* Архитектура жилых деревянных комплексов Киева X — первой половины XIII вв.: (по раскопкам Подола): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 20 с.

474. *Хасанов М.* Античные сельские поселения Южного Согда: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 22 с.

475. *Хаславская Л. М.* Средневековая торевтика Южной Сибири (IV—X вв.): (Опыт формал. подхода): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

476. *Хрушкова Л. Г.* Раннехристианские сооружения Восточного Причерноморья: (особенности и место в контексте христианской археологии): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1990. 49 с. Библиогр.: с. 47—49.

477. *Членова Н. Л.* Степь и лесостепь Западной и Средней Сибири в эпоху поздней бронзы и перехода к эпохе железа: (Хронология памятников): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1990. 36 с. Библиогр.: с. 35—36.

478. *Шайдуллаев Ш. Б.* Памятники раннежелезного века Северной Бактрии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Самарканд, 1990. 23 с.

479. *Шамба Г. Т.* Охрана памятников истории и культуры в Абхазской АССР, 1921—1941 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 21 с.

480. *Шубина О. А.* Каменный век Северного Сахалина: (Имчинская неолитическая культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. 18 с.

481. *Шульга П. И.* Поселение раннего железного века в Горном Алтае: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 16 с.

482. *Шуньков М. В.* Мустьерские памятники межгорных котловин Центрального Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1990. 19 с.

483. *Яанитс К. Л.* Кремневый инвентарь стоянок кунадской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 32 с.

Институт истории
материальной культуры
РАН, Санкт-Петербург

Составитель Л. М. Всевиов

Хроника

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «МЕЗОЛИТ В ЕВРОПЕ» (ЛЁВЕН, 1990)

18—22 сентября 1990 г. в старинном фламандском г. Лёвене (Бельгия) состоялся очередной симпозиум по проблемам европейского мезолита, организованный Лабораторией доистории Лёвенского католического университета при поддержке Мезолитической (ХП) комиссии Международного союза до- и протоисториков. Как и предыдущие встречи мезолитоведов, занимающихся памятниками Европы (первая, 1973 г. — в Варшаве [1], вторая, 1978 г. — в Потсдаме [2, 3], третья, 1985 г.— в Эдинбурге [4]), лёвенский симпозиум был весьма представительным. В нем участвовало около 100 человек и на семи заседаниях было заслушано 55 докладов, сделанных исследователями из 19 стран Европы и Северной Америки (Бельгия, Великобритания, Дания, Ирландия, Испания, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, СССР, США, Финляндия, Франция, ФРГ, Чехо-Словакия, Швеция и Югославия). Делегация СССР состояла из трех человек.

Рабочими языками на заседаниях были английский, французский и немецкий. Проведение симпозиума облегчалось тем обстоятельством, что оргкомитету удалось заблаговременно опубликовать большую часть докладов в специальном томе [5]. Почти все доклады вызывали вопросы, а некоторые — дискуссии. По содержанию доклады делились на две основные группы: 1) исследования общего характера и по отдельным аспектам мезолита; 2) посвященные конкретным территориям и культурам.

Симпозиум был начат докладами по части регионального синтеза. С. К. Козловский (Польша), организатор первого мезолитического симпозиума, проследил развитие мезолитоведения за 17 лет, от Варшавы до Лёвена. Его выступление дополнили американские исследователи М. П. Нили и Дж. А. Кларк, которые сосредоточили свое внимание, в частности, на проблемах, нашедших освещение в трудах трех предыдущих симпозиумов (хронология, типология и культурные группы, устройство поселения и добывание средств к существованию, использование каменного сырья, технология кремневых, костяных и деревянных изделий, материалы могильников). А бельгиец А. Гоб сделал обзор мезолитических культур Северо-Западной Европы.

Некоторые доклады носили теоретико-методический характер. Так, И. Саксида (Югославия) показал историческое и структурное значение термина «мезолит». Х. П. Блашкхольм (Дания) дал оригинальный типологический («стилистический») анализ маглемозским вкладышам из комплексов Южной Скандинавии: учтены конфигурация острий и треугольников, их размеры и радиоуглеродные даты, на основе чего прослежены особенности развития. Автор приходит к выводу о результативности такого подхода к изучению микролитического инвентаря. Другой исследователь, Д. В. Грег (США), на материале мезолитических поселений Дании и Швеции разработал новый метод описания и сопоставления кремневых комплексов, включающий учет количества операций, требующихся для изготовления конкретного орудия. Сравнение комплексов проводится по частотным диаграммам, дифференцированно показывающим количества орудий, на производство которых понадобилось от 3 до 10 операций. При этом распределение артефактов на категории во внимание не принимается. Методики же археологических исследований касался стендовый доклад Т. Мальма (Дания) о том, как раскопать подводное поселение с достаточно информативной и точной фиксацией.

Были затронуты также вопросы о датировке мезолита. К. Бонсолл и К. Смит (Великобритания) в докладе «Рогово-костяная технология в британском позднем верхнем палеолите и мезолите в свете ускорительного датирования» рассказали об используемом в Оксфордском университете новом методе радиоуглеродного датирования — не обычным бета-счетным способом, а спектрометрией ускорительной массы. Одно из преимуществ этого метода — получение прямых дат для скелетных остатков и органических материалов, обработанных человеком: для анализа требуется очень мелкий образец, например порошок, высверленный из костяного предмета зубным бором. Исследователи получили большую серию определений для датировки мотыг и зубчатых острий, а также так называемых «раковинных куч» и микролитических комплексов Шотландии.

С помощью указанного метода в Оксфорде были получены также радиоуглеродные даты для Оленеостровского могильника в Карелии, о чем идет речь в рукописи Т. Д. Прайса (США) и К. Джейкобса (Канада), представленной для опубликования в журнал «Антиквити». Эта статья,

© Г. М. Буров, 1992 г.

предварительно размноженная, была распространена Т. Д. Прайсом среди участников симпозиума. При анализе человеческих костей из погребений 57, 80, 85, 89 и 108 получено восемь некалиброванных радиоуглеродных определений, которые позволяют отнести могильник примерно к 5700—5300 гг. до н. э. Таким образом, подтвердилось мнение тех авторов, которые считали его позднемезолитическим памятником [6, с. 128—131; 7, с. 33; 8, с. 65, 66; 9, с. 277, 278]. Более того, Олений Остров даже несколько древнее, чем предполагалось Г. А. Панкрушевым (первая половина IV тысячелетия), В. Ф. Филатовой (рубеж VI и V тысячелетий) и С. В. Ошибкиной (конец VI — первая половина V).

Другой доклад по хронологии, сделанный автором настоящего обзора («Деревянный инвентарь поселения Вис I как основа для периодизации позднего мезолита на Севере европейской части СССР», был тематически близок к рассмотренной статье. 168 выразительных вещей из растительного сырья, найденных на поселении Вис I в Республике Коми, в сочетании с данными стратиграфии, радиоуглеродного и пыльцевого анализов, а также со сведениями о скорости прироста торфа и сапропеля позволили выделить три этапа висской мезолитической культуры в бассейнах Вычегды и Печоры: 1) этап лиственной древесины (6400—6000 гг. до н. э.); 2) изделий с отверстиями (6000—5500) и 3) предметов с поверхностью, обработанной зубчатым скобелем (5500—5000). Стоянка Нижнее Веретье I в Прионежье предшествует Вису I, а соседний памятник Нижнее Веретье, судя по его деревянному инвентарю, должен быть отнесен к среднему этапу предлагаемой схемы.

В трех докладах шла речь об экологической среде и мезолитической экономике. В частности, К. Дж. Эдуардс (Великобритания) исследовал роль огня в мезолите Шотландии по микроскопическим частицам угля, встреченным в образцах, которые были взяты на пыльцевой анализ. Автор считает, что уголь мог иметь как естественное происхождение, так и искусственное (применение человеком огня).

В докладе Х. Матискайнена (Финляндия) «Мезолитические средства существования в Финляндии» охарактеризована природная среда раннего голоцена (отступление ледника, история лесов, изменение береговой линии, климатические колебания). Автор делит докерамический период в стране на «анциловый и литориновый мезолит». Дан очерк мезолитического хозяйства по материалам района Асколы. На докерамических стоянках морского побережья доминируют кости тюленя (52%), а на стоянках внутренних районов — лося (42%) и бобра (40%). В эпоху же гребенчатой керамики на побережье охотничья стратегия почти целиком концентрируется на добывании тюленя (85% остеологического материала), в то время как на озерных стоянках внутренних районов Финляндии картина меняется незначительно. Исследователем выявлены также сезонные особенности в добывании пищи (ловля рыбы, охота на тюленя, бобра, лося и утиных, собирательство). Проблемы присваивающей экономики освещались также А. Лентакер (Бельгия), изучившей палеозоологический материал из «раковинных куч» Португалии.

Ряд докладов был посвящен устройству поселения и жилища в мезолите Западной Европы. Так, К. А. Бергвик (Норвегия) выделил топографические типы западнонорвежских стоянок, а Н. Артс (Нидерланды) исследовал использование земли в южных районах своей страны. В докладе О. Грёна (Дания) «Изучение типов поселений и подводные торфяники: результаты и стратегия дальнейших исследований» подвергнуты анализу стоянки культуры маглемозе. Выделены мужская и женская части в прямоугольных жилищах, из которых первая маркируется очагом, а вторая — скоплением микролитов. Программа полевых исследований О. Грёна включает поиски культурных слоев в торфе с помощью седиментного эхолокатора и бурения. Сейсмический метод однако, непригоден для выявления зимних жилищ, располагавшихся на глине или песке.

С большим вниманием был заслушан доклад С. Палмер (Великобритания) «Калверуэлл — уникальный источник к изучению планировки мезолитического поселения в Дорсете (Англия)». Памятник, расположенный на о-ве Портленд в Ла-Манше, относится к числу «раковинных куч» (культурный слой насыщен остатками моллюсков, крабов и рыб) и датируется по ^{14}C концом VI тысячелетия до н. э. Выявлены простые очаги, очажная яма, жертвенник и, что особенно интересно, заслон от ветра, сложенный из камней.

Группой докладчиков охарактеризованы мезолитические могильники, обсуждены проблемы физической антропологии, культурно-этнической дифференциации и религиозных представлений. Э. Бринч-Петерсен (Дания) сообщил новые данные о погребениях в Ведбеке (близ Копенгагена), а В. Боронеанц (Румыния) — о могильнике Скела-Кладовей (VIII—VI тысячелетия до н. э.). М. Туссен (Франция) охарактеризовал скелеты раннего мезолита из Ловерваля близ Шарлеруа в Юго-Западной Бельгии. Значительный интерес вызвал доклад Л. Ларссона (Швеция) о культе собаки в позднем мезолите Северной Европы, сделанный на материалах могильников Скатехольм I и II (южное побережье скандинавской Прибалтики). Здесь открыты отдельные погребения собак, их костяки и скелетные части в заполнениях человеческих могил. Привлекая сравнительные данные, автор приходит к выводу, что собака считалась то самостоятельной особью, то спутником умершей личности, то, наконец, сакральным существом, роль которого была связана с ритуалом засыпания могилы, причем часть животного могла рассматриваться как его символ.

Р. Р. Невеллом (Нидерланды) проанализированы мезолитические погребальные обряды в разных районах Западной Европы с привлечением этнографических данных, на основе чего сделана попытка наметить этнические группы (племена). В докладе Т. С. Констандзе-Вестерман (Нидерланды) и Р. Р. Невелла был продемонстрирован новый подход к выявлению антропологических различий между такими группами. Исходным моментом явился тот факт, что большая величина одной руки (или ноги) человека по отношению к другой служит показателем ее преобладающей роли. Эти латеральные проявления, различные у разных этнических групп (а также у мужских и женских скелетов), могут быть обнаружены при измерении длины трубчатых костей. В докладе использован богатый западноевропейский антропологический материал.

Темой доклада Л. Б. М. Верхарта (Нидерланды) были «Костяные и роговые острия каменного века как показатели „этнических территорий" в европейском мезолите». На территории Северо-Западной Европы автор выделяет девять типов «острий»: гладкие, с насечками, мелкозубчатые, с зубцами средней величины, с большими зубцами (в основном гарпуны с привязным отверстием), с отходящими назад зубцами, вкладышевые острия, черешковые острия без зубцов и кинжалы. Даны хронологическая таблица типов и карты их распространения. По мнению Л. Верхарта, ареалы рогово-костяных орудий этих категорий указывают конкретные «этнические территории», которые в позднем палеолите и раннем мезолите составляли около 230 тыс. км^2, в среднем мезолите — порядка 80 тыс. и в позднем — примерно 30 тыс.

Некоторые из выступавших интерпретировали культурные инновации. Так, М. А. Джочим (США) в докладе «Поздний мезолит Юго-Западной Германии: культурное изменение или смена населения?», описав стоянки Верхнего Подунавья, показал, что в раннем мезолите здесь прослеживается появление вещей с севера (с Рейна), а в позднем — с юга (с р. Роны) и с востока (со среднего Дуная). Автор склоняется к мысли: в Верхнем Подунавье мы имеем дело скорее с культурным влиянием, чем с передвижением населения. В ином аспекте памятники этого района рассмотрены Б. В. Эриксеном (Дания), который считает имеющиеся различия между стоянками сезонными. Он разделил 16 позднепалеолитических и 8 раннемезолитических памятников на весенние, летние, осенние и зимние. Существенных культурных изменений исследователь не нашел.

Совсем другие явления отмечены З. Багневским (Польша), сделавшим доклад о культуре маглемозе в Средней Европе. Выделив маглемозские формы кремневых изделий (прежде всего вытянутые треугольники, наконечники с ретушированным основанием, острия со скошенным основанием и ланцетовидные), роговые мотыги с характерным орнаментом, гарпун муллерупского типа и янтарные изделия (фигурки, подвески), автор приходит к выводу о проникновении на территорию Польши рассматриваемой культуры. В западной части страны встречены типичные маглемозские (свердборгские) поселения (Вешхово VI, Гудово III), стоянки с четырьмя типами маглемозских наконечников и макролитами (Борово I и III), а также памятники с отдельными элементами маглемозе. Исследователь полагает, что Вешхово VI указывает на миграцию свердборгского населения в конце бореала, а Гудово III (с трапециями) — в раннем атлантике. В Восточной же Польше известны только поселения (Румин, Поддембе I) с остриями, имеющими скошенный край, и наконечниками, у которых ретушировано основание, без макролитических орудий. Маглемозские элементы, по З. Багневскому, включила в себя местная хойнице-пеньковская культура [10, с. 165—205].

Важной проблемой, вынесенной на симпозиум, был переход от мезолита к неолиту. М. Звелебил (Великобритания) показал большую роль собирательства в переходе к земледельческому хозяйству. Л. Доманьская (Польша) в докладе «Роль ближневосточного фактора в развитии позднемезолитических обществ Центральной и Восточной части Европейской равнины» предполагает, что раннеголоценовые племена Кавказа и Северного Причерноморья приспособили для себя некоторые ближневосточные культурные модели. Исследовательница также усматривает признаки восприятия кавказско-причерноморских культурных элементов мезолитическим населением лесной зоны, в частности носителями янославицкой культуры в Польше. Л. Доманьская проследила путь из Закавказья, по которому, согласно ее мнению, к янославицким племенам пришла техника изготовления вкладышей дембского типа — пластинок с тыльным краем, притупленным с помощью микрорезцового скола. С ближневосточными контактами связываются зачатки скотоводства, отмечаемые в янославицкой культуре (Дембы XXIX).

Д. Гроненборн (ФРГ) выступил на тему «Взаимодействие мезолита и неолита: каменная индустрия древнейшего поселения культуры ленточной керамики Фридберг-Брухенбрюкен, округ Веттерау (Западная Германия)». Проанализировав кремневый инвентарь, каменную технологию и характер сырья, автор относит эту неолитическую стоянку по калиброванным радиоуглеродным датам к концу VI тысячелетия до н. э. По его мнению, западная культура линейно-ленточной керамики, появление которой связано с дунайской экспансией, включает сильную традицию местного мезолита.

А. Б. Гебауэр и Т. Д. Прайс (США) в докладе «Конец мезолита в Восточной Дании: предварительное сообщение о проекте Сальбек-Виг» рассказали о первых результатах работы по археологической программе Калуннборгского музея (Дания) и Висконсинского университета (США), касающейся появления земледелия в Южной Скандинавии. Район исследований — северо-западная часть о-ва Зеландия. Освещены история изучения территории, ее палеогеография, описаны памятники и коллекции, построена их периодизация. Авторы выделяют четыре этапа в истории эпохи, когда было внедрено земледелие: 1) оседлые собиратели (мезолит, культура эртебёлле, 4500—3600 гг. до н. э.; 2) собиратели, поддерживающие контакты с земледельческими племенами (эртебёлле, 3600—3100); 3) появление земледелия (неолит, культура воронковидных кубков, 3100—2600); 4) большая роль производящего хозяйства (после 2600 г. до н. э.). Как и другие западные исследователи, авторы доклада связывают наступление неолита только с распространением производящего хозяйства (допуская существование мезолита с керамикой).

М. Ванслебен и Л. Б. М. Верхарт (Нидерланды) сообщили, что ими запланированы исследования в долине нидерландского Мааса по теме «Переход от мезолита к неолиту». Предложена корреляционная схема культурно-исторического развития на протяжении позднего мезолита и неолита, последовательно представленного культурами линейно-ленточной керамики, рёссенской и михельсбергской. Близок по содержанию к охарактеризованному доклад П. Бенса и К. Грюнваль (Франция) о неолитизации мезолита в Северных Альпах. В нем на материале стоянок показано развитие кремневой индустрии от финального палеолита до раннего неолита и рассмотрена ее сырьевая база.

Среди заслушанных докладов по региональным исследованиям выделяются: посвященные мезолиту Великобритании и Ирландии; Норвегии; Пиренейского полуострова; Франции, Бельгии, Люксембурга и Западной Германии; Польши и Чехословакии; Латвии.

К. Смит и С. Опеншоу (Великобритания) сосредоточили свое внимание на картографировании позднепалеолитических и мезолитических памятников Англии и Уэльса, а их соотечественница К. Викхем-Джонс сообщила о результатах своих исследований по мезолиту Шотландии. П. Вудмен и Е. Андерсен из Ирландии дали обстоятельный очерк о позднем мезолите острова. Охарактеризованы степень изученности техника расщепления кремня (мезолитические орудия мельче более поздних) и фауна. Имеющиеся различия между ранним и поздним мезолитом, если они не вызваны изменением сырьевой базы или экологической среды, могут, по мнению авторов, объясняться сменой населения. С помощью частотных диаграмм выражено соотношение ретушированных и прочих каменных артефактов, а также орудий разных категорий в инвентаре различных позднемезолитических стоянок. Значительное количество полированных топоров свидетельствует о большой роли деревообрабатывающего производства, в связи с чем, считают докладчики, весьма желательно открытие в Ирландии поселений, на которых сохранились вещи из растительного сырья.

Несколько по-иному оценила поздний мезолит Ирландии Дж. Д. Петерсон (США). Дав характеристику поселениям, каменной индустрии и хозяйству, она проявила критический подход к выделению мезолитических памятников. По мнению исследовательницы, необходимо учитывать характер каменного сырья, технические особенности производства и все компоненты комплексов. На одной из стоянок (№ 231), давшей позднемезолитический подъемный материал, при раскопках найдены керамика, предположительно неолитическая, и наконечники стрел, вероятно бронзового века. Некоторые поселения, изученные П. Вудменом, датируются по ^{14}C IV тысячелетием до н. э. и, как полагает Дж. Петерсон, их инвентарь может быть смешанным, что требует осторожности в хронологической атрибуции памятников.

С. Е. Нюгор (Дания) в докладе «Мезолит Западной Норвегии» описала природные условия раннего голоцена в указанном районе и дала схему культурно-хронологического членения для его мезолита: выделяются стоянки типов Фосна I и II, Нёствет I и II. Фосна I характеризуется кремневыми теслами, мелкими черешковыми наконечниками стрел, крупными пластинами и резцами, Фосна II — шлифованными теслами, крупными черешковыми наконечниками, мелкими правильно ограненными пластинами, геометрическими микролитами. Для Нёствета I типичны шлифованные тесла с заостренным тыльным концом и микропластины, для Нёствета II — тесла с тупой верхней частью, ножевидные пластины, каменные грузила, костяные удильные крючки. Предложена хронология и охарактеризовано хозяйство. Картину, нарисованную С. Е. Нюгор, дополнил Д. Симпсон (Норвегия), сделавший анализ каменного инвентаря с недавно исследованных береговых охотничьих стоянок того же района.

В докладе С. Банг-Андерсена (из той же страны) «Мюрватенская группа — пребореальный комплекс находок в Юго-Западной Норвегии» описаны озерные поселения одного непродолжительного периода. Исследованы очажные пятна, найдено много черешковых наконечников стрел. Автор предполагает, что население практиковало сезонные миграции, охотясь на северного оленя. О мезолитических памятниках во внутренних районах Юго-Западной Норвегии шла речь также в выступлениях С. Коулсон и Й. Боаза (Норвегия), которые вели исследования по особой программе.

Два доклада посвящены Крайнему Западу Европы. М. Р. Гонсалес-Моралес (Испания) и Ж. Е. Моракс-Арнауд (Португалия) сделали обзор на тему «Новейшие исследования на Пиренейском полуострове: проблемы и перспективы», в котором изложены результаты работ на северо-западном побережье (Галисья и Кантабрия), в пиренейской области (долина р. Эбро и Каталония), в юго-восточной части полуострова (Левантина, Андалузия) и в Португалии. Авторами второго доклада были испанец Х. Альтуна, американцы Л. Г. Штраус и Б. Вьерра. Они осветили результаты исследований 1987—1988 гг. на береговом позднемезолитическом поселении Коштейро в Видигале (Южная Португалия). Каменный инвентарь включает нуклеусы для снятия пластин, скребки, микрорезцы, трапеции и сегменты. Памятник, принадлежащий к числу «раковинных куч», датируется по ^{14}C V тысячелетием до н. э. Население занималось собиранием моллюсков, рыболовством, охотой, использовало растения. Исследователи полагают, что переход к неолиту на территории Португалии осуществился без смены населения.

Несколько докладов касались Франции и соседних с ней стран. Ж.-Ж. Розуа (Франция) и Ж. Л. Слашмюйльде (Бельгия) дали всестороннее описание позднемезолитического поселения Л'Алле-Тортю в Фер-ан-Тарденуа на Севере Франции. В кремневом инвентаре представлены асимметричные трапеции, зубчатые треугольники, широкие пластины. Эта позднетарденуазская стоянка датируется второй половиной V тыс. до н. э. Другая тема затронута Ж. Ж. Розуа в его докладе «Ла-Рош-а-Фепен и граница между арденнской и тарденуазской культурами». Арденнская культура, выделенная Ж. Ж. Розуа, отличается от тарденуаза низким процентом вкладышей, грубой пластинчатой техникой и сравнительно высоким процентом пластин с ретушью на концах и углах [11, с. 607—666]. Автор анализирует различия между памятниками с использованием кумулятивных графиков и приходит к выводу о принадлежности стоянки Ла-Рош-а-Фепен к арденнской культуре. Северная граница раннего тарденуаза, по мнению автора, проходила у Арденнских гор, а среднего — южнее, по р. Уазе.

Доклад о мезолите Восточной Франции был сделан А. Февеном (Франция), который предложил периодизацию памятников этой территории в хронологическом диапазоне от алерёда до атлантика с использованием типологии и статистики. Дана также корреляционная таблица, показывающая развитие мезолита в Восточной Франции и соседних районах: долина р. Эны, Пикардия, Северная Бельгия. О раскопках в Южной Бельгии рассказал М. Туссен (Франция) в своем докладе «Поселение позднего мезолита в Гран-Абри-Де-Шово в Годинн-Ивуар (провинция Намюр)».

В одном из докладов шла речь о культурно-хронологической атрибуции мезолитических памятников, находящихся в герцогстве Люксембург (Ф. Спье, Люксембург). Составлена археологическая карта страны и в хронологических рамках пребореала — атлантика выделены стоянки постаренсбургской, бойронской, рейнско-маасско-шельдской и монбанийской культур. Э. Чесла из ФРГ сделал отчет о раскопках 1980—1989 гг. в Вайдентальской пещере (Палатинский лес в Западной Германии), где наряду со слоями бронзового века и средневековья имеется мезолитический, датирующийся временем около 6000 лет до н. э.

Серия докладов, прочитанная польскими археологами, относится к территории их страны. Так, З. Сульгостовская в докладе «Распространение и применение местных ресурсов охры в раннем голоцене в бассейнах Одера и Вислы» обобщила данные о находках этой породы в памятниках палеолита и мезолита в сопоставлении с образцами из месторождений. На основе химического анализа и визуально исследовательница выделяет три разновидности охры: глину с краской, содержащую 1—5% железа (Гижицко-Перкуново, могила 2), лимонит (5—20%) из залежей (Возьна Весь, Зволень) и красный железняк (31—70%) из месторождения Рыдно и со стоянки Цаловане. В эпоху финального палеолита в результате интенсивного межплеменного обмена железняк из Рыдна распространился на расстояние около 100 км (Цаловане). В мезолитическое же время роль этого центра уменьшается из-за лимитации экспорта, но значение охры возрастает: используются местные ресурсы, в частности залежи лимонита. Район Рыдна был в финальном палеолите и мезолите также центром, откуда вывозился кремень шоколадного цвета.

К. Цырек рассказал о раскопках поселения Лыкове I на р. Варте, где по стратиграфическим и планиграфическим данным выделяются комплексы позднего палеолита (свидерская культура), мезолита (коморницкая и янославицкая), неолита (культура воронковидных кубков) и бронзы (тшинецкая); получены 19 радиоуглеродных определений. Е. Веселовская-Сьренёвская сосредоточила свое внимание на мезолитическом поселении Мокрач в Центральной Польше. Типологический анализ материала (с учетом пропорций у пластин и отщепов) привел автора к выводу о смешанном характере памятника, который документирует взаимодействие коморницкой и хойнице-пеньковской культур. Р. Уиллис (Великобритания) изложил результаты трасологического анализа, которому он подверг орудия с янославицкого поселения Дембы XXIX (раскопки Л. Доманьской). Установлено, что использовалось много кремней без вторичной обработки, мастер ориентировался на изготовление пластин-микролитов, которые не всегда служили вкладышами, и острий в виде неретушированных отщепов. Следы скобления, сверления и проделывания желобов встречаются редко, равно как и «жирная» залощенность серпов, применявшихся при собирательстве. Доклад С. Венцла из Праги был посвящен исследованиям мезолита в Сопотнице (Чехия).

Два доклада рижских археологов касались памятников Латвии. И. Загорска подробно охарактеризовала основные этапы латвийского мезолита, а И. Лозе описала остатки сооружения, имеющего ранненеолитический возраст, в Звидзе (район оз. Лубанас). В этом деревянном сооружении исследовательница склонна усматривать рыболовное заграждение [12].

21 сентября участники симпозиума совершили поездку по Центральной и Южной Бельгии с посещением мезолитических стоянок Воммерсом (к востоку от Лёвена) и Абри-дю-Пап (на р. Маас, в Арденнах, под скальным навесом). Тогда же в Брюсселе была осмотрена выставка «Пять миллионов человеческой эволюции», организованная во Дворце изящных искусств Центром исследований по палеоантропологии и доистории. На выставке были представлены всемирно известные материалы палеолита и мезолита из разных музеев Европы: шедевры изобразительного искусства, орудия труда, костные остатки ископаемых людей.

Во время симпозиума работал книжный киоск, где была выставлена для продажи археологическая литература из разных стран, в том числе новейшие монографии по мезолиту Европы [13—17]. Кстати, его исследователи имеют свой информационный бюллетень: с 1980 г. регулярно (в мае и ноябре) выходит журнал «Mesolithic Miscellany», основанный Т. Прайсом (Висконсинский университет, г. Мадисон, США) и издаваемый им с 1990 г. совместно с К. Бонсоллом (Эдинбургский университет, Великобритания).

Как и предыдущие симпозиумы, встреча в Лёвене была проведена четко, на высоком организационном уровне, и участники по праву выразили свою признательность председателю оргкомитета заведующему Лабораторией доистории профессору, доктору Пьеру М. Вермерсу. Свое согласие провести следующий (пятый) мезолитический симпозиум, запланированный на 1995 г., изъявили археологи двух стран — Румынии и Франции. Вопрос о его месте, по предложению П. М. Вермерса, решился в ходе тайного голосования всех участников лёвенской встречи. V Международный симпозиум «Мезолит в Европе» состоится в приальпийском городе Гренобле. Вместе с тем осенью 1992 г. в Польше (г. Лодзь) должен быть проведен региональный мезолитический симпозиум.

Симферопольский государственный университет

Г. М. Буров

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Mesolithic in Europs/ Ed. S. K. Kozłowski. Warsaw: Univ. Press, 1973.
2. *Телегін Д. Я.* Симпозіум з питань мезоліту Європи//Археологія. 1979. Вип. 31.
3. Mesolithikum in Europa/Herausgegeben von B. Gramsch. B.: Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1981.
4. The Mesolithic in Europe/Ed. C. Bonsall. Edinburgh: J. Donald, 1989.

5. Contributions to the Mesolithic in Europe/Eds. P. M. Vermeersch, Ph. van Peer. Leuven: Univ. Press, 1990.
6. *Раушенбах В. М.* Новые находки на Шигирском торфянике//КСИИМК. 1959. Вып. 75.
7. *Филатова В. Ф.* К вопросу о связи каменных орудий памятников с чистым комплексом керамики сперрингс и позднемезолитических//Археологические исследования в Карелии. Л.: Наука, 1972.
8. *Панкрушев Г. А.* Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Л.: Наука, 1978.
9. *Ошибкина С. В.* Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.: Наука, 1983.
10. *Kozłowski S. K.* Pradzieje ziem polskich od IX do V tysiąclecia p. n. e. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972.
11. *Rozoy J.-G.* Le derniers chasseurs: L'Epipaléolithique en France et en Belgique. Charleville: Chez l'auteur, 1978.
12. *Лозе И. А.* Рыболовный закол эпохи неолита на поселении Звидзе//КСИА. 1986. Вып. 185.
13. *Kozłowski S. K.* Mesolithic in Poland: a New Approach. Warsaw: Univ. Press, 1989.
14. *Domańska L.* Kaukasko-nadczarnomarskie wzorce kultorowe w rozwoju późniomezolitycznych społeczeństw Nizu strefy pogranicza Europy Wschodnije i Środkowej. Inowrocław: Uniwersytet Łódzki. 1990.
15. Rhum: Mesolithic and Later Sites at Kinloch/Ed. C. R. Wickham-Jones. Edinburg: Society of Antiquaries of Scotland, 1990.
16. Hunters in Transition/Ed. M. Zvelebil. Cambridge: Univ. Press, 1990.
17. *Gob A.* Chronologie du Mésolithique en Europe: atlas des dates ^{14}C. Liège: Cipl, 1990.

СЕМИНАР «ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДА ОТ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ К ЭПОХЕ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В ВОЛГО-УРАЛЬЕ» (Самара, 1990)

С 30 октября по 3 ноября 1990 г. по инициативе Волго-Уральского научного центра и ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН) в Самаре проходил рабочий семинар «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье». В работе семинара участвовали специалисты из Москвы, Ленинграда, Самары, Саратова, Челябинска, Киева, Свердловска, Уфы, Оренбурга, Йошкар-Олы. Тематика 14 прослушанных докладов касалась в основном двух направлений: представление и анализ новых памятников и важнейшие аспекты их культурно-хронологической атрибуции; анализ процессов культурогенеза и металлопроизводства в указанном регионе. Участники семинара ознакомились также с археологическими коллекциями по обсуждаемой тематике в Областном музее краеведения, в фондах университета и пединститута г. Самары. Впервые были полностью представлены для обзора материалы Потаповского и VI Утевского могильников из лесостепного Поволжья.

На первом заседании вступительную речь о значении и роли семинара произнес руководитель Волго-Уральского научного центра И. Б. Васильев. В этом и других выступлениях (Н. К. Качалова, Е. Е. Кузьмина, В. В. Отрощенко, В. С. Горбунов и Г. Б. Зданович) подчеркивалось, что обсуждаемая тематика имеет большое значение для правильного понимания развития эпохи поздней бронзы не только региона Волго-Уралья, но и значительной части Северной Евразии.

Первые два доклада содержали анализ новых материалов, которые по сути определили круг вопросов семинара. В докладе И. Б. Васильева, П. Ф. Кузнецова и А. П. Семеновой (Самара, пединститут, археологическая лаборатория) «Памятники потаповского типа в лесостепном Поволжье» представлен анализ памятников рубежа среднего и позднего бронзового веков. Это подкурганные погребальные комплексы, объединяемые в одну культурную группу рядом ведущих показателей. На материалах Потаповского, VI Утевского и других могильников выделен особый культурный тип. Он характеризуется особой топографией могил, множеством жертвенников животных, ярусными погребениями, обилием и разнообразием инвентаря из металла, кости, рога и камня (оружие, принадлежности узды — псалии, орудия труда, украшения), а также глиняными сосудами нескольких типов с богатой и разнообразной орнаментацией. Курганы содержат две обрядовые группы погребений. Для памятников этого типа намечена внутренняя хронология, что отражает активность процесса культурогенеза в данном регионе.

В докладе И. Б. Васильева, П. Ф. Кузнецова, А. П. Семеновой «Место памятников потаповского типа в системе культур бронзового века Волго-Уралья» аргументирована необходимость введения термина «потаповский культурный тип», выделение которого на территории лесостепного Поволжья обосновано результатами сравнительного анализа памятников этого типа с полтавкинскими, абашевскими и срубными. Полтавкинские и абашевские черты в потаповских памятниках проявляются в большей мере в переработанном виде, дополняясь новыми признаками. Сопоставление памятников потаповского типа с аналогичными комплексами Приуралья, Зауралья и Северного Казахстана не позволяет относить их к единой культуре из-за специфических особенностей поволжских памятников. Возникновение потаповского культурного типа в Поволжье есть результат местного процесса взаимодействия полтавкинской и абашевской (уральский вариант) культур. Предполагается далее, что потаповский культурный тип участвовал в формировании срубной культуры лесостепного Поволжья. Время существования потаповских памятников определяется в рамках XVIII—XVII — начала XVI вв. до н. э.

© Э. С. Шарафутдинова, О. В. Кузьмина, 1992 г.

На втором заседании были заслушаны доклады по анализу антропологических данных из памятников потаповского типа, а также по анализу абашевских и полтавкинских древностей и памятников синташтинского типа.

А. А. Хохлов (Самара, пединститут, археологическая лаборатория) в докладе «Антропологические материалы VI Утевского и Потаповского могильников» показал, что в материалах из обоих могильников отражено смешение как минимум двух разнородных групп населения и имеется некоторое сходство с антропологическими материалами Южного Урала и Северного Казахстана.

Доклад С. В. Большова (Йошкар-Ола, Республиканский краеведческий музей) «Новые материалы абашевской культуры из Марийского Поволжья» посвящен I Пеленгерскому могильнику, типичному для средневолжской абашевской культуры. Здесь традиционно отсутствуют орудия труда и оружие, но есть керамика и бронзовые украшения, в том числе пришитые на кожаную основу. Абашевские поселения в регионе не обнаружены, но абашевские сосуды или их фрагменты встречаются на чирковских и волосовских поселениях.

В докладе П. Ф. Кузнецова (Самара, Волго-Уральский научный центр) «Полтавкинские памятники Волго-Уральского междуречья» представлены результаты анализа погребального обряда. На материалах из 300 захоронений выделено шесть обрядовых групп, различающихся признаками — показателями социальной значимости погребенного. Ориентировка и вариации позы традиционны, инвентарь же распределяется в соответствии со статусом погребенного, отраженным в группах. Эти группы показывают единство и иерархичность обряда Волго-Уралья; имеется и связь по керамике из культурных слоев 10 поселений. Все это позволяет видеть в памятниках эпохи средней бронзы указанного обширного региона полтавкинскую культурно-историческую общность (КИО) со специфическими чертами каждой группы-культуры. Полтавкинская КИО, вероятно,— подоснова образования потаповских курганов.

Н. Б. Виноградов (Челябинск, пединститут) в докладе «Памятники второй четверти II тыс. до н. э. в Южном Зауралье (восток Челябинской области)» остановился на специфике исследуемых памятников. Поселения с керамикой синташтинского типа малочисленны по сравнению с петровскими, их керамика синкретична (абашевский и восточный компоненты). Все синташтинские поселения укрепленные, их появление совпадает с началом формирования Евразийской металлургической провинции. Характер культурных остатков на поселениях позволяет считать, что часть их — центры добычи и обработки металла, и предполагать поэтому появление в Южном Зауралье общин, специализирующихся на добыче и обработке металла. Синташтинские погребения и могильники не случайно тяготеют к меднорудным районам. Гипотетически формирование синташтинского феномена есть результат расширения ареала указанной деятельности населения. Формирование «Синташты» носило взрывной характер, а его существование было непродолжительным.

Прения начались с обсуждения первых двух докладов; общим в выступлениях явилась их высокая оценка. С. А. Агапов указал на два комплекса в коллекции металла из VI Утевского и Потаповского могильников: один из них — продукция очагов циркумпонтийской провинции, а второй — евразийской. В могильниках, вероятно, захоронены пришлые металлурги. Данный металл — проявление существования абашевско-петровского блока. Выступавший кратко коснулся вопросов хронологии. Е. Е. Кузьмина отметила, что один из псалиев VI Утевского могильника украшен микенским орнаментом и датируется XVI в. до н. э. В. С. Бочкарев подчеркнул, что орнамент псалия из VI Утевского могильника выполнен не в микенском, а в карпато-микенском стиле, для которого terminus post quem является дата Микенских шахтовых гробниц. Но это не значит, что остальные памятники этого типа относятся только к этому времени. Имеющиеся дополнительные данные соответствуют культурам Подунавья и указывают не только на XVI, но и на XVII в. до н. э. Выступавшие (Н. Б. Виноградов, Г. Б. Зданович, Н. М. Малов) подчеркнули значительную близость Поволжских и Зауральских памятников. Н. Б. Виноградов указал также на удаленность основных источников металла от Потаповского и VI Утевского могильников, что и обусловило пестрый культурный состав последних. Г. Б. Зданович обратил внимание на своеобразие керамики, обусловленное региональными различиями Поволжских и Зауральских комплексов. Н. М. Малов выступил против выделения потаповского культурного типа, так как усматривает в потаповских памятниках две группы: синхронную полтавкинской культуре (с этим согласен и В. В. Отрощенко) и позднюю, типа Синташты и Покровска. В. С. Горбунов усматривает в Потаповском могильнике абашевский и ямно-полтавкинский компоненты. Потаповский могильник отражает то, что впоследствии трансформировалось в срубную культуру. К последнему положению, развив его, присоединился В. В. Отрощенко. Против выделения культуры на основе поволжских и зауральских памятников высказались Г. Б. Зданович и В. А. Лопатин. В. А. Лопатин считает также, что потаповские могильники возникли в результате стыка пришлого населения (Синташты), содержавшего ощутимый абашевский компонент, с местным абашевским и полтавкинским населением. Н. К. Качалова отметила, что в памятниках потаповского типа Поволжья содержатся полтавкинские черты, а в аналогичных памятниках Среднего Дона — катакомбные. В противовес В. В. Отрощенко она считает, что бережновский и покровский этапы разновременны и только в первом из них ощутима полтавкинская подоснова.

В ответном слове докладчики (И. Б. Васильев, П. Ф. Кузнецов, А. П. Семенова) сказали, что синташтинские комплексы, по их мнению, не пришлые в Поволжье. Общие признаки поволжских и уральских памятников свидетельствуют о культурной интеграции на основе уральских металлургических традиций. Отличия памятников объясняются разными процессами взаимодействия на разных территориях. Сложение срубной культуры происходило в лесостепи на основе потаповского культурного пласта, сменяющегося комплексами покровского этапа, а в степи — на основе полтавкинских памятников, сменяющихся комплексами бережновского типа.

Н. К. Качалова в выступлении по докладу П. Ф. Кузнецова отметила, что докладчик представил полтавкинскую культуру (до сих пор наиболее исследованную в Нижнем Поволжье) в целом и впервые продемонстрировал взаимосвязь всех ее локальных групп. По докладу Н. Б. Виноградова выступили Н. К. Качалова и Г. Б. Зданович. Н. К. Качалова вопреки мнению докладчика выделяет в синташтинских памятниках (как и в раннеалакульских) керамику, сходную с полтавкинской. Г. Б. Зданович согласен с докладчиком по основным тезисам. По мнению Г. Б. Здановича, в Южном Зауралье формируется культурный феномен, мощный импульс которого вызывает на востоке возникновение на местной основе петровского культурного типа. Последний в дальнейшем развивается в алакульскую культуру.

На третьем заседании были прочитаны доклады по одному из аспектов срубной культуры, а также по абашевской культуре, культурогенезу и хронологии.

Н. М. Малов (Саратов, университет, археологическая лаборатория) в докладе «Булавы и втоки стрел срубной культуры» предложил классификацию костяных втоков и булав, концентрирующихся, как и другие виды оружия, в Поволжье, в основном в степной зоне. Срубный лук по конструкции близок к скифо-сарматскому и, вероятно, приспособлен для стрельбы с коня и колесницы. Социально значимые воинские срубные и срубно-абашевские захоронения сопоставимы в этом плане с сейминско-турбинскими и синташтинско-петровскими погребениями воинов.

В. В. Генинг и В. С. Бочкарев, выступая по докладу Н. М. Малова, согласились с его положениями и реконструкциями (костяные стрелы — охотничье оружие и т. п.), подчеркнув также характер различий синташтинского и срубного типов лука, используемых в бою: синташтинский лук применяли колесничие, срубный лук — всадники, сменившие колесничих.

О. В. Кузьмина (Самара, пединститут, археологическая лаборатория) в докладе «Абашевская культура» дала анализ основных признаков культуры (относимой к кругу постшнуровых культур Средней и Восточной Европы) всего ареала и показала, что самые ранние памятники находятся на Средней Волге, а самые поздние — на Южном Урале. Так называемые абашевские памятники на Дону относятся ко времени синташтинских и покровских. Абашевская культура Южного Урала явилась одним из компонентов в сложении синташтинских памятников, что подтверждается сохранением в последних абашевских традиций. Контакты абашевской культуры с полтавкинской культурой не фиксируются. Ко времени сложения раннесрубных памятников абашевская культура прекратила свое существование.

По докладу О. В. Кузьминой выступили Э. С. Шарафутдинова, В. В. Генинг, В. С. Бочкарев, В. В. Отрощенко и Н. К. Качалова. Э. С. Шарафутдинова отметила убедительность положений докладчика. По частному вопросу, затронутому в докладе,— о соотношении формы и орнамента на сосудах — она подчеркнула, что форма сосудов зависит от их функции и обусловливает при этом характер орнамента, наносимый по законам зрительного восприятия. Синташтинские и потаповские могильники, как и покровский, содержат надкультурные черты, что связано с их принадлежностью к социальной элите. В. В. Генинг считает, что синташтинские памятники связаны с археологической культурой. Но процесс появления таких обществ надкультурен, охватывая свиту культур. В. С. Бочкарев подчеркнул, что подобный анализ абашевских древностей сделан впервые, поэтому данную работу желательно скорее ввести в научный оборот. В. В. Отрощенко указал, что он согласен с новым представлением об абашевской культуре, данным в докладе, и считает также, что хронологический зазор между полтавкинской культурой и «Покровском» заполняется памятниками синташтинского круга. Н. К. Качалова отрицает синхронность Синташты и донской абашевской культуры, ибо последняя содержит комплексы позднепокровского облика.

Доклад В. С. Бочкарева (Ленинград, ЛОИА АН СССР) «Культурогенез и развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы)» посвящен анализу взаимосвязи указанных процессов. Очаг металлопроизводства (ОМ) соответствует в наибольшей мере одной археологической культуре (АК), но тождество между ними не полное в силу автономии металлопроизводства. Принадлежность к одной АК двух-трех очагов неизвестна. Три варианта изменений в АК приводят к переменам в металлообработке. I. Смена культур: КМК в XVI—XV вв. до н. э. вытесняется срубной в Левобережной Украине и Нижнем Подонье. II. Культурная трансформация — возникновение новой культуры на местной культурной основе (вероятно, так было со срубной, алакульской, белозерской). III. Эволюционные изменения. В культуре они приводят лишь к очередному этапу ее развития. На предсабатиновском этапе срубной культуры Нижнего Дона и Левобережной Украины были две существенные новации: валиковая керамика и проникновение федоровских форм сосудов; а эволюционные изменения коснулись ножей, кинжалов и бритв. Далее, выделяются три металлообрабатывающие зоны (МЗ) и их культурная среда. Первая МЗ, срубно-алакульская, в которой объединены ОМ (у них общие черты) обеих культур. Формирование этой МЗ обусловлено общей генетической подосновой указанных культур. Вторая МЗ, решиитско-красномаяцкая (около XIII в. до н. э.), в Молдове и Северном Причерноморье, тоже включает два близких ОМ, сходство которых определено тесными взаимосвязями. Третья МЗ (около XIV в. до н. э.), самая обширная, содержала два ОМ: дербеденовский и лабойковский. Здесь различие обоих очагов состоит в химизме металла (ВУ, ВК, ЛБ), в формах культов и других изделий. Общее у этих ОМ — часть изделий, восходящих к срубно-алакульским типам (что свидетельствует об общей генетической основе очагов), другая их общая черта — единый технико-технологический комплекс. Культурная среда лабойковского очага — раннесабатиновская культура, а дербеденовского — приказанская и межовская. Выделение МЗ и ОМ отражают культурогенез, зародившийся в Волго-Уралье во второй четверти II тыс. до н. э.

В докладе Е. Е. Кузьминой (Москва, Институт культуры) «Хронология степей Евразии на перекрестке трех хронологических систем Старого Света» были изложены новые материалы по связям

андроновской (федоровской) культуры со среднеазиатскими и дальневосточными культурами. В. С. Бочкарев, выступая по этому докладу, отметил актуальность изучения связей срубно-андроновского круга культур с другими культурами. Однако он предостерег от автоматического переноса абсолютных дат, так как хронология китайской археологии, тем более среднеазиатской, далека от совершенства.

В. С. Горбунов (Уфа, пединститут) в докладе «Некоторые проблемы культурогенетических процессов эпохи бронзы Волго-Уралья» изложил механизмы этих процессов. 1. «Эффект абашевской этнокультурной энтропии», т. е. ее вклад в формирование раннесрубного этапа, с трансформацией в срубно-алакульскую общность. 2. «Эффект абашевской трансъевразийской этнокультурной риверсии»: движение абашевцев на восток стимулировало развитие металлургии и появление на Алтае сеймин-ско-турбинского центра, а также особого типа богатых некрополей (Ростовка, Турбино, Сейма, Синташта, Увак и другие) и торговых центров типа Аркаима. По докладу В. С. Горбунова высказались Н. Б. Виноградов, В. С. Бочкарев, В. В. Отрощенко. Н. Б. Виноградов не согласился с положениями докладчика, но в предложенной концепции абашевской экспансии усматривает рациональное зерно. В. С. Бочкарев сказал, что абашевская культура, чуждая восточноевропейским культурам, сыграла большую роль в истории Восточной Европы и относится к постшнуровому горизонту, будучи, вероятно, родственной среднеднепровской, фатьяновской и другим культурам. В. В. Отрощенко подчеркнул, что памятники, подобные Аркаиму, вероятно, являлись караван-сараями, помимо их культового назначения.

На четвертом заседании были заслушаны доклады по срубной культуре Волго-Уралья и по культурам конца среднего — начала позднего бронзового века в регионах к западу от Волги.

В докладе В. А. Лопатина (Саратов, университет, археологическая лаборатория) «Срубные поселения степного Волго-Уралья в покровское время» представлены поселения периода становления срубной культуры. Начальный этап этого периода: дюнные стоянки без жилищ, с неразвитым керамическим набором и селища с примитивными постройками и классической керамикой. В материале встречаются признаки предшествующих культур, а также керамика катакомбная и подобная КМК, синхронизируемая с бережновским этапом. Завершающий (покровский) этап: развитые селища хуторского типа с каркасно-столбовыми постройками, в керамике много срубно-абашевских типов. Период становления завершается коротким временем нивелировки. Вывод: эпоха поздней бронзы в степи начинается с появления поселений. По докладу В. А. Лопатина выступили В. С. Бочкарев, В. В. Отрощенко, Н. К. Качалова и Н. М. Малов. В. С. Бочкарев заметил, что так как поселение не является замкнутым комплексом, его нельзя датировать по реликтовой керамике. В. В. Отрощенко отметил, что остается неясным, бережновский этап — обрядовая группа или горизонт; его признаки присущи срубным погребениям Украины. Покровский могильник — самый ранний срубный. Н. К. Качалова отметила важность установленного в докладе соотношения бережновских погребений и поселенческих комплексов, ибо это доказывает существование бережновского горизонта, пересмотр которого, однако, необходим. Н. М. Малов полагает, что покровские памятники чуть позднее раннесрубных и в них нет полтавкинских элементов, которые имеются в синташтинских и потаповских памятниках. Последние дают представление об абашевско-покровском этапе (по А. Х. Халикову). Бережновский горизонт надо доработать и его характеристики изменятся.

В докладе Э. С. Шарафутдиновой (Ленинград, ЛОИА АН СССР) «Тенденции развития посуды культуры многоваликовой керамики (КМК) по материалам погребений» продемонстрированы варианты развития трехчастной формы сосудов. Эта классическая форма керамики в лесостепной части ареала сочетается в основном с ранними признаками (западная ориентировка погребенного, круглые пряжки с одним отверстием). Развитие этой формы происходило по линии сглаживания трехчастности и появления приземистости. Пышный орнамент также упрощался, иногда полностью исчезал. Производная конечная форма (как и промежуточная) представлена несколькими вариантами (своеобразные банки и горшочки), бытовавшими в степной зоне. Среди этих поздних форм керамики (зародившихся в лесостепи) одна — чисто степная, так как восходит к степным производным формам, и потому, очевидно, самая поздняя. Поздние формы сосудов сочетаются с поздними признаками. Вместе с тем эти формы сосуществуют с продолжающими бытовать сосудами, близкими к классическим образцам. Выступивший В. С. Бочкарев сказал, что Э. С. Шарафутдинова основывалась на том, что, во-первых, КМК возникает на основе среднедонской катакомбной культуры, т. е. принадлежит еще к эпохе средней бронзы, и что, во-вторых, развитие КМК происходило в процессе ее распространения. В докладе дана генетическая классификация керамики, реально отражающая тенденции развития в отличие от сухой типологической схемы.

Доклад В. В. Отрощенко (Киев, ИА АН Украины) «Культурно-историческая ситуация на Украине XVI—XIV вв. до н. э. (ранние погребения культуры многоваликовой керамики — КМК)» посвящен стратиграфии погребений КМК на Левобережной Украине. Особое значение придается трем горизонтам КМК на Северном Донце, выделенным О. Р. Дубовской. Древнейший из этих горизонтов содержал группу захоронений на правом боку, ориентированных на восток, которые ранее не выделялись. Эта обрядово-хронологическая группа погребений выявлена и в остальных частях Левобережной Украины. В инвентаре погребений данной группы преобладают украшения из бронзы, кости и фаянса, в том числе и рожковые бусы. Это позволяет предполагать, что такие комплексы — женские, а синхронные им мужские погребения ориентированы на запад и уложены на левый бок (фигурные и круглые пряжки, кремневые наконечники стрел с выемкой). Таким образом, в ранних погребениях КМК выявляется связь между ориентировкой, положением и полом умершего.

На заключительном заседании большой научный интерес вызвало развернутое выступление В. С. Бочкарева «Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы», содержавшее концепцию эпохи поздней бронзы Евразийской степи и лесостепи. Памятники Синташта и Аркаим, Утевка и

Потапово, а также им подобные знаменуют начало позднего бронзового века в Волго-Уральском регионе, ставшем поэтому крупнейшим очагом культурогенеза (ОК). Эпохе поздней бронзы Евразии свойственны оловянистые бронзы, каменные литейные формы, «слепая» втулка, а также комплексное, скотоводческо-земледельческое хозяйство. Новый тип хозяйства позволил освоить обширные степи и заселить их как никогда плотно.

1. Культурогенез в начальный период этой эпохи протекал стремительно, охватив полтора-два века (XVII—XVI вв. до н. э.). В результате возникли синкретические памятники, а также отставание типологических изменений в металле от темпов развития керамики и других категорий культуры. 2. Творцом культурогенеза в регионе явилась родоплеменная знать; ее триада — княжеские погребения (Синташта, Потапово), укрепленные поселения (Аркаим, Устье и др.), дорогие изделия (Бородинский клад). Это одна из разновидностей комплексных обществ (чифдом — вождество), где знать, колесничья аристократия явилась основным организатором и заказчиком ремесленных производств, особенно металлопроизводства. Эта знать, создав мощный военный потенциал (боевые колесницы в конной упряжке), совершала далекие походы. В результате широко распространяется ряд волго-уральских изделий (особенно оружие), а также элементы «культурного космополитизма» в богатых погребениях и на отдельных предметах (например, микенский и карпато-микенский орнамент). 3. С середины II тыс. до н. э. завершилось широкое расселение «срубников», а казахстанские степи заселились алакульскими племенами. Вместе с ними распространился «Волго-Уральский культурный комплекс» и одно из его проявлений — так называемая евразийская металлургическая провинция. С этого периода относительной стабилизации исчезает колесничья аристократия. 4. В дальнейшем Волго-Уралье остается генератором новых культур (черкаскульская, межовская, хвалынская), но возникшая обширная культурная общность развивается по линии дивергенции (главенство региональных факторов). 5. К началу эпохи раннего железа эта общность распадается, сменяясь новой общностью, порожденной уже другим очагом культурогенеза.

Институт истории
материальной культуры,
Санкт-Петербург

Э. С. Шарафутдинова,
О. В. Кузьмина

Самарский государственный
педагогический институт

ГОДИЧНОЕ СОБРАНИЕ РОССИЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

18 марта 1804 г. четыре историка и два «сторонних лица» (в числе которых был Н. М. Карамзин) учредили Общество истории и древностей российских. Под его эгидой стали вести раскопки П. А. Дебрюкс, З. Д. Ходаковский и другие первые археологи России. В 1837 г. В. В. Пассек составил для общества первый научный план археологических исследований в России. Росло число археологов, и уже в 1846 г. было создано РАО — Русское археологическое общество, объединившее 22 специалиста и любителя с целью, чтобы «любители археологии и нумизматики могли бы находиться в постоянных сношениях и ...принести пользу наукам в Отечестве, распространяя в оном и вне пределов империи сведения о фактах археологии и нумизматики». Вслед за РАО было создано в 1864 г. Московское археологическое общество и другие общества, которые почти в каждом губернском городе издавали свои труды, сборники, бюллетени. Все эти общества после 1917 г. были закрыты.

В 1966 г. также шестеро специалистов, среди которых по случайному совпадению было четыре археолога, геолог и палеозоолог, решили начать работу по возрождению РАО. В 70-х годах им удалось провести в Москве две конференции по нетрадиционным проблемам («Роль Космоса в эволюции живых организмов» и «Проблемы антропогенеза»), организован лекторий для широкой публики в Черемушкинском районе г. Москвы, подготовлено два сборника ветеранов («Проблемы советской археологии». М., 1978; «Природа и человек». М., 1988). В 1985 г. было проведено учредительное собрание РАО с участием археологов Сибири, Средней Азии, Украины, где была определена первоочередная задача РАО — издание серии книг по археологии для широкого читателя. В 1989 г. РАО зарегистрировалось в системе Российской народной академии наук, был принят устав, выбран председатель РАО (Г. Н. Матюшин), президиум, куда вошли археологи, геологи, палеозоологи (В. А. Ранов, Ю. А. Заднепровский, А. Г. Петренко, А. Л. Чепалыга и др.). С 1990 г. возобновлено издание «Древностей» (первые два выпуска посвящены воспоминаниям ветеранов, третий — проблемам становления производящего хозяйства на территории России и другим вопросам). В вып. 3 «Древностей» опубликованы статьи: Г. Н. Матюшин «Экологические кризисы и цивилизации»; А. Г. Петренко «Проблемы истории животноводства»; Е. А. Цепкин «Остатки рыб из многослойного поселения Муллино»; Г. Г. Карташева «Палинологические анализы из Муллино»; И. Н. Наумов «О развитии производящего хозяйства в волго-донских степях»; Ю. А. Заднепровский «Древние бронзы Синьцзяна»; И. А. Емец, Б. Г. Петерс «Эпиграфические материалы из Патрея»; Д. А. Белецкая «План-проспект книги „Археология Москвы"».

7 марта 1992 г. было проведено очередное годичное собрание РАО. Сообщение о юбилее К. В. Тревер сделал Ю. А. Заднепровский. С. А. Лаухин в докладе «Проблемы заселения

© Г. Н. Матюшин, 1992 г.

Восточной Европы» суммировал данные о геологии раннего палеолита Азии. Обследовав палеолитические местонахождения Китая и Сибири, он критически отнесся к предложенным очень ранним датировкам палеолита Азии, не видя в них основания для более древней датировки палеолита Азии в сравнении с палеолитом Африки. Он не видит геологических оснований для предложенной Ю. А. Мочановым столь ранней датировки Дюринг-Юряха и других стоянок палеолита Якутии.

А. Г. Петренко детально проанализировала все новейшие данные о доместикации животных на территории России. Особое внимание она уделила лошади, проанализировав материалы от каменного века до средневековья. Впервые домашняя лошадь появляется в Предуралье (Муллино, Давлеканово) не позднее VI тыс. до н. э. Для этой территории была характерна средненогая, высокая в холке лошадь. К средневековью преобладающей становится мелкая толстоногая лошадь. Породы типа аргамака выведены искусственно, путем скрещивания диких пород из рефугиумов с домашними.

В. И. Маркович в докладе «Актуальные проблемы археологии Кавказа» обобщил высказывания археологов и широкой печати по поводу этногенеза народов Кавказа. Оказалось, что некоторые из специалистов в националистическом угаре склонны вести происхождение народов Северного Кавказа от шумеров, этрусков, древних египтян и т. п. При этом никаких фактических данных в поддержку этих высказываний не приводится. РАО высказало неодобрение коллегам с Северного Кавказа за столь необоснованные публикации, которые, как это было в Германии в 1933 г., могут быть использованы агрессивными политиками для обоснования планов мирового господства. Специалисты должны быть более осмотрительны и доказательны в предположениях, могущих вызвать вражду народов.

Интересные материалы из раскопок Патрея привел Б. Г. Петерс. Городище находится на Таманском полуострове (в сборнике «Древности, вып. 3, из-за опечатки ошибочно указано его местонахождение в Крыму). Раскопки Б. Г. Петерса в Патрее дали уникальные материалы, новые эпиграфические материалы, план крепости, изображенный на черепице в античные времена, и многое другое. Особенный интерес вызвала скульптура Патрея, комплексный подход к изучению памятника.

Блестящий доклад о древностях Рязани сделал В. П. Даркевич. Раскопки Старой Рязани, проводившиеся несколько десятков лет, позволили иначе взглянуть не только на историю этого города, равного по площади Владимиру и другим древнерусским городам, но и на культуру домонгольской Руси и даже общественный строй Руси того времени. Продемонстрированные докладчиком достоверные реконструкции города убеждают в правильности выводов исследователя об отсутствии в древнерусских городах обособленных феодальных поместий, замков, детинцев и т. п. Планировка и устройство дворов в городе говорит об отсутствии резкой классовой дифференциации в Древней Руси. Оказалось, что не было и столкновений между русскими и финно-уграми, ибо между слоем финно-угорским и русским лежал промежуток незаселенности в 400 лет.

Интересный доклад представила на собрание РАО И. П. Русанова — «Каравай в языческих обрядах славян». Каравай, символизируя солнце, играл важную роль в языческих обрядах славян. С караваем приходили сваты, с ним обходили поля весной, его клали в колыбель новорожденному, но он никогда не использовался на похоронах и поминках. Существовали особые печи для изготовления украшенных фигурками животных, изображениями солнца, луны караваев. Под хлебными печами обнаружены жертвенники с черепами человека, драгоценностями. Строились особые большие дома для проведения праздников каравая.

На собрании был заслушан отчет Петербургской секции РАО (руководитель Ю. А. Заднепровский). В РАО вошли многие сотрудники ИИМК, Эрмитажа, Музея антропологии и этнографии. Были обсуждены планы РАО на 1992—1993 гг. Президиум РАО обратился к члену РАО В. М. Массону с просьбой возглавить работу по воссозданию Восточного отделения РАО. Было решено возобновить учебно-лекционную работу по археологии, создать ученый совет РАО. В состав ученого совета предложен 21 доктор наук, в том числе два академика и один член-корреспондент. Был заслушан отчет председателя РАО Г. Н. Матюшина о работе РАО в 1989—1991 гг.

Институт археологии РАН,
Москва

Г. Н. Матюшин

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО «ДРЕВНОСТИ»

Начинает свою деятельность вновь созданное всероссийское Археологическое общество «Древности». Эта общественная культурно-просветительская организация призвана объединить российских археологов и представителей смежных профессий, ее деятельность ориентирована на тесное сотрудничество с широкими кругами любителей отечественных древностей. Цели общества включают удовлетворение общественного интереса к отечественным древностям и археологической науке, популяризацию находок и открытий российских археологов; содействие охране, изучению и пропаганде отечественного археологического наследия; мобилизацию широких кругов общественности на содействие развитию археологической науки; защиту профессиональных интересов специалистов в области археологии.

Практическая деятельность по созданию общества была начата весной 1991 г., была образована инициативная группа, на основе которой в дальнейшем сформировался оргкомитет. В оргкомитет вошли представители ведущих научных учреждений Москвы, среди них Институт археологии РАН, Государственный Исторический музей, Музеи Московского Кремля, кафедра археологии исторического факультета МГУ, НИИ культуры Министерства культуры Российской Федерации и РАН. Идея

создания археологического общества была горячо поддержана директором Института археологии РАН академиком В. П. Алексеевым. Оргкомитетом была проведена значительная работа по созыву учредительной конференции общества и в связи с этим по распространению информации о будущем обществе. Членам оргкомитета удалось организовать публикацию в ряде газет, выступления по радио и телевидению. В состав оргкомитета была включена группа сотрудников Санкт-Петербургского отделения Института археологии (ныне Институт истории материальной культуры) РАН. Членами оргкомитета был разработан проект устава общества, который удалось заблаговременно опубликовать в «Археологическом бюллетене». Оргкомитет провел также значительную работу по привлечению к деятельности будущего общества ряда заинтересованных учреждений. Среди них Русский страховой банк, ассоциация «Союзэкопресс», ассоциация «Экология человека», акционерное общество ИНРЕКОН, научный центр «Шелковый путь», редакция журнала «Родина», малое предприятие «Реставрация монументальной живописи» и др.

Учредительная конференция Археологического общества «Древности» состоялась 15—17 ноября в Суздале. В конференции приняли участие более 200 представителей из 39 городов различных регионов страны. На конференции присутствовали представители прессы, радио и телевидения. Наряду с россиянами в Суздаль прибыли археологи из Абхазии, Крыма, Приднестровья. Проведение конференции стало возможным благодаря финансовой помощи акционерного общества ИНРЕКОН, Русского страхового банка, Музеев Московского Кремля, научного центра «Шелковый путь», малого предприятия «Реставрация монументальной живописи».

Основными вопросами повестки дня были принятие устава общества и выборы его руководящих органов. По обоим вопросам развернулась оживленная полемика, завершившаяся принятием устава и избранием правления. В последний день работы конференции правление избрало председателя и двух его заместителей. Ими стали академик А. П. Деревянко, директор Института археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, В. В. Седов (Институт археологии РАН) и Г. А. Федоров-Давыдов (Московский университет). В состав правления вошли также: А. Р. Артемьев (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), А. Н. Башенькин (Вологодский пединститут), И. В. Белоцерковская (ГИМ), Л. А. Беляев (Институт археологии РАН, МП «Реставрация монументальной живописи»), М. Л. Борозин (ассоциация «Союзэкопресс», журнал «Зеленый мир»), Р. М. Булатов (Министерство культуры РФ), И. Б. Васильев (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург), А. Г. Векслер (Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы), А. З. Винников (Воронежский государственный университет), А. Г. Генералов (Иркутский государственный университет), В. П. Глазов (Владимирская реставрационно-проектная контора), В. И. Гуляев (Институт археологии РАН), С. В. Гусев (ассоциация «Экология человека»), Т. В. Гусева (Нижегородская археологическая служба), Н. И. Дроздов (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, Красноярск), О. М. Иоаннисян (Государственный Эрмитаж), Е. Д. Каверзнева (ГИМ), И. С. Каменецкий (Институт археологии РАН), С. И. Кочкуркина (Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН), Т. А. Кравченко (редакция журнала «Родина»), В. А. Кригер (Волгоградский государственный университет), А. В. Кропоткин (Институт археологии РАН), Л. В. Лбова (Бурятский институт общественных наук Бурятского научного центра РАН), В. И. Лепский (акционерное общество ИНРЕКОН), Н. А. Макаров (Институт археологии РАН), А. В. Матвеев (Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН), В. И. Матющенко (Омский государственный университет), А. М. Микляев (Государственный Эрмитаж), В. И. Молодин (Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН), Д. В. Мурашко (правление Русского национального банка), А. Д. Пряхин (Воронежский государственный университет), Т. А. Пушкина (Московский университет), И. А. Родимцева (Музеи Московского Кремля), Е. А. Рябинин (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург), А. А. Савин (Управление государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы), А. Т. Синюк (Воронежский пединститут), В. С. Солодовников (правление Русского страхового банка), А. В. Чернецов (Институт археологии РАН), Л. А. Чиндина (Томский государственный университет), С. А. Узянов (научно-производственный центр «Шелковый путь»), И. Н. Хлопин (Институт истории материальной культуры, РАН, Санкт-Петербург), А. С. Хорошев (Московский университет), А. И. Шкурко (Министерство культуры РФ), В. Я. Шумкин (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург), Н. И. Шутова (Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН), отец игумен Иннокентий Павлов (Отдел внешних церковных сношений Московского патриархата).

В правление поступили протоколы о создании отделений общества в различных регионах страны. В настоящее время их собрано 49, в том числе Алтайское краевое, Башкирское республиканское, Белгородское областное, Брянское областное, Бурятское республиканское, Владимирское областное, Волгоградское областное, Вологодское областное, Воронежское областное, Горно-Алтайское республиканское, Дагестанское республиканское, Екатеринбургское областное, Ивановское областное, Калининградское областное, Калмыцкое республиканское, Калужское областное, Карельское республиканское, Кемеровское областное, Коми республиканское, Красноярское краевое, Курское областное, Липецкое областное, Марийское республиканское, Московское городское, Московское областное, Мордовское республиканское, Нижегородское областное, Новгородское областное, Новосибирское областное, Омское областное, Орловское областное, Пензенское областное, Приморское краевое, Псковское областное, Ростовское областное, Рязанское областное, Самарское областное, Санкт-Петербургское Северо-Западное, Саратовское областное, Северо-Осетинское республиканское, Ставропольское краевое, Тверское областное, Томское областное, Тульское областное, Тюменское областное, Удмуртское республиканское, Хакасское республиканское, Челябинское областное, Яро-

лавское областное. Общее число археологов, выразивших желание стать членами общества, более 800.

Параллельно с общими заседаниями на конференции при участии представителей делового мира и ведущих археологических учреждений рассматривался вопрос о создании уставного фонда и финансовых возможностях общества.

К конференции была приурочена небольшая выставка новых находок российских археологов, развернутая на территории музея-заповедника, в фойе туркомплекса экспонировались фотоматериалы, посвященные дореволюционным археологическим обществам и их издательской деятельности.

4 декабря 1991 г. в Москве (Институт археологии РАН) под председательством академика А. П. Деревянко было проведено первое заседание правления общества. Правление приняло решение о создании комиссий по охране памятников и законодательству, по издательским делам и связи со средствами массовой информации, по выставочной работе, а также экспертной группы по рассмотрению поступающих в общество программ и проектов и группы по международным связям. Ученым секретарем общества был назначен А. В. Чернецов (Институт археологии РАН), бывший ранее председателем оргкомитета.

Правлению была также доложена информация о том, что группа археологов под руководством Г. Н. Матюшина (Институт археологии РАН) была зарегистрирована как Российское археологическое общество Министерством юстиции Российской Федерации 3 декабря 1991 г. В числе инициаторов создания этого общества В. Н. Гладилин, Ю. А. Заднепровский, В. А. Ранов, палеогеограф А. Л. Чепалыга и палеозоолог А. Г. Петренко. Оргкомитет был осведомлен о деятельности этой группы и предпринимал попытки привлечь ее к совместному участию в работе учредительной конференции. На самой конференции было оглашено письмо Г. Н. Матюшина. Оргкомитет никогда не отрицал ни факта существования общества, возглавляемого Г. Н. Матюшиным, ни правомерности его деятельности. Однако оргкомитет не считал возможным вливаться в деятельность общества, возникшего как келейное и не связанное с широкими кругами научной общественности, которое к тому же действовало в рамках Российской Народной академии наук, и полагал, что основой для подлинно всероссийского общества может быть только широкое представительство основных археологических центров страны и гласность, что было достигнуто только на конференции в Суздале.

В связи с постановлением Верховного Совета РФ от 14 февраля 1991 г., согласно которому использование в названиях организаций слова «Российский» возможно только по специальному решению правительства России, правление приняло решение об изменении названия общества, созданного в Суздале. В настоящее время его официальное название Археологическое общество «Древности». Под этим названием общество было зарегистрировано Министерством юстиции РФ 19 марта 1992 г. под № 803, с присвоением обществу общероссийского статуса. Одновременно правление общества направило письмо правительству России с просьбой включить в название общества слово «Российское».

Правление Археологического общества «Древности»

К ВОПРОСУ О НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Происходящие в нашем обществе кардинальные изменения экономических структур оказывают воздействие на все стороны жизни. Наука, и в том числе — археология, не является исключением. Археологические исследования всегда были сравнительно дорогостоящими. Это практически не оставляет надежды на их государственное финансирование в настоящее время и в ближайшем будущем в привычном объеме и порядке. Сложившаяся ситуация определяет необходимость поиска новых моделей финансирования археологических исследований.

В общепринятом представлении эти новые модели складываются по двум направлениям — развитие спонсорства и образование устойчивых хоздоговорных экспедиций, действующих в рамках существующих структур и осуществляющих исследования в достаточно обширном регионе. Касаясь развития спонсорства или разовых вложений средств на археологические исследования — своего рода благотворительности, следует отметить, что пока у нас появится достаточно широкий круг образованных предпринимателей, пройдет долгое время, и как ни стремились бы мы способствовать развитию спонсорства, возможности благотворительных вложений средств в археологию определяются в конечном счете все той же сложной и трудной общей экономической ситуацией. Деятельность хоздоговорных экспедиций или аналогичных им по задачам самостоятельных археологических объединений с различными формами собственности и действующих через систему охраны памятников ограничена самими задачами, хотя и очень важными, однако носящими только охранный характер.

Изложенные наблюдения еще более обнажают одну из самых болезненных проблем сегодняшнего дня — проблему финансирования долгосрочных исследовательских археологических программ. Как нестандартный подход к этой проблеме можно рассматривать создание в апреле 1991 года в Москве Научно-исследовательского археологического центра «АРХЭ», основной задачей которого является

© Д. В. Зискинд, 1992 г.

разработка и опытная проверка новой экономической модели археологических исследований. НИАЦ «АРХЭ» призван обеспечить полный цикл археологических исследований (раскопки, обработку и реставрацию материала, его изучение, публикацию результатов исследований), а также их популяризацию путем музейно-выставочного экспонирования и широкой культурно-просветительской работы. Для финансирования этой деятельности была создана не связанная с археологией коммерческая структура, предусмотренная Уставом «АРХЭ».

Создание НИАЦ «АРХЭ», включающего отдельную коммерческую структуру, основано на проверенном жизнью убеждении, что любые формы экономической деятельности, связанные только с археологией — издательская, выставочная, сувенирная и т. д., не в состоянии финансово обеспечить весь комплекс археологических исследований, требующих постоянных дотаций.

Осуществляемая «АРХЭ» археологическая программа достаточно обширна. Ею предусмотрено финансирование полного комплекса исследований Патрейского отряда Таманской экспедиции Института археологии РАН, издание сборника, основной задачей которого является расширение круга публикаций по археологии и истории Боспора, и финансирование выходящего в настоящее время «Археологического бюллетеня», рассчитанного на распространение самой широкой информации по проблемам археологии. Программа «АРХЭ» включает создание совместной экспедиции с Волынским краеведческим музеем для исследований на Западной Украине, а также проведение ряда археологических выставок по различной тематике. В деятельности «АРХЭ» предусмотрено также создание компьютерных обучающих программ на базе обработки массового материала. Формой, призванной соединить в себе все эти виды деятельности, должен явиться музей, над созданием которого мы сейчас работаем.

Самостоятельность НИАЦ «АРХЭ» не является самоцелью. Она продиктована тем, что государственные структуры, существующие в настоящее время, не приспособлены для новой экономической ситуации и не предназначены для тех форм экономической деятельности, которые предусмотрены Уставом НИАЦ «АРХЭ». Необходимость тесного сотрудничества очевидна, она вытекает из единства задач, которыми являются прежде всего проведение археологических исследований (экспедиционная деятельность), разработка археологических программ, издательская деятельность и создание археологического музея в Москве. Основные из перечисленных общих задач предусмотрены договором о сотрудничестве между Институтом археологии РАН и НИАЦ «АРХЭ». Мы не сомневаемся, что это сотрудничество получит в дальнейшем свое развитие.

В настоящее время подобные же задачи решаются различными по формам деятельности и способам финансирования организациями. Это ставит вопрос об их взаимодействии с государственными учреждениями и друг с другом. В этой области перспективной представляется форма объединения различных археологических учреждений и предприятий в своего рода «конфедерацию», что поможет концентрировать средства для совместного осуществления крупных археологических программ, издательской деятельности, выставок и т. д. НИАЦ «АРХЭ» выступает с предложением о создании подобной «ассоциации», в которой первым этапом явилось бы заключение серии двусторонних договоров по предметам взаимной заинтересованности, а в дальнейшем — разработка соглашения о создании ассоциации предприятий и учреждений с многовариантностью форм собственности.

Помимо практических интересов нас должна объединять идея сохранения и эффективного использования культурного наследия в познавательных целях. В своей деятельности мы исходим из того, что любой археологический материал является национальным достоянием, не подлежащим продаже. Необходимо отметить, что мы не можем считать изложенное выше единственным или лучшим способом решения существующих проблем. НИАЦ «АРХЭ» готов к сотрудничеству в данной области со всеми заинтересованными организациями и лицами.

Наш адрес: 119021, Москва ул. Льва Толстого, д. 8, строение 3, кв. 20.
Тел. 247-35-33.

Директор НИАЦ «АРХЭ» *Д. В. Зискинд*

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ. «О СТИЛЕ ДИСКУССИИ Л. С. КЛЕЙНА»

Отрадно, что на страницах журнала дискуссия о предмете археологии фактически перерастает в гораздо более широкую проблему дальнейшего совершенствования познавательного потенциала и перспектив развития археологии как самостоятельной и, как пишут некоторые авторы, фундаментальной науки. Особо надо отметить, что наконец-то археологи все больше и чаще обращаются к логико-методологическому анализу археологического знания как специфического феномена в системе науки. Конечно, в этих изысканиях еще множество дискуссионных проблем, не поднятых вопросов, поскольку мы только у истоков рождения методологии и логики археологического познания. Очередная статья Л. С. Клейна (СА, 1991, № 2), по его замыслу, продолжает дискуссию о моей книге 1983

© В. Ф. Генинг, 1992 г.

г. об объекте и предмете науки в археологии и в связи с моим ответом (СА, 1989, № 3) на первый отзыв Л. С. Клейна (СА, 1986, № 3).

К сожалению, оппонент не только не обратился к обстоятельному анализу выдвинутых концепций, в том числе в новых публикациях, что могло бы расширить содержание дискуссии, сделать ее более предметной, а задал дискуссии в обеих своих статьях далеко не академический тон и фактически ушел от рассмотрения проблемы по существу. Л. С. Клейн пытается навязать изощренную схоластическую полемику в стиле не лучших традиций современной журналистики. В таком духе, я полагаю, нет смысла продолжать дискуссию, ибо она становится беспочвенной. Утерян предмет дискуссии!

Чтобы не быть вновь обвиненным в отсутствии аргументов, приведу три небольших примера. Первый касается «лексикона» Л. С. Клейна — эпитетов, которыми он награждает своих оппонентов: «коронный аргумент», «приписан убийственный аргумент», «разгромной цитатой», «забавно», «надоело», «злорадство», «что в лоб, что по лбу!», «пристрастие к формациям», социальные исследования — это приложение «просто ярлыков», «социологизаторские увлечения», «Захарук обижен», «Генинг обижен еще больше» (не много ли чести и не преследует ли вас, Л. С., мания величия, судя по менторскому тону статей?), «полагая, что я уже повергнут... добивают лежачего», «засыпает меня педантичными вопросами», «кому я должен все это разъяснять?», «числит меня по ведомству „культурархеологии". Сия формация мне неизвестна! У В. Ф. Генинга она существует» (шедевр способности автора к перекручиванию смысла и пример того, что он читает только по диагонали), «притворяются простаками», «в их арсенале нет современных плодотворных идей», «они вынуждены изощряться в натужном крючкотворстве и риторике...», «язвительность моих критиков...». Позвольте, Л. С., еще один «педантичный вопрос»: в чем и где вы нашли язвительность? И как прикажете понимать вашу лексику, включая и ту, которой вы обильно насыщали свою первую статью?

Второй пример — до какого абсурда может договориться человек в глухой не скажу ненависти, но невосприимчивости каких-то положений своего оппонента. В таких случаях, как выразился Л. С. Клейн: «Что сказать, когда нечего говорить?» Поэтому — это уже я добавляю — надо выдать залп абракадабры: Генинг «ведь издавна все выявляемые археологией процессы старательно раскладывает по социально-экономическим формациям и рассматривает материалы уложенными в рамки формаций. У него даже этнос и археологические культуры сменяются по формациям,.. закономерность истории и „в том числе археологии", определяются формациями, материал надо группировать по формациям, археологическую периодизацию сводить к формациям, изучать (материал, конечно, а не сами формации) систематизированными в формации... То есть все-таки видеть в этом материале непосредственно формации. Для археологии — ранние. Что в лоб, что по лбу! Так вырвана ли оплошная фраза из контекста или она правомерно взята мною для адекватной характеристики взглядов В. Ф. Генинга?» (с. 106).

При столь широковещательных заключениях Л. С. Клейн ссылается на две мои публикации. Одна из них вообще не относится к археологии, а в другой (ВАУ, вып. 10, с. 176, 178) на указанных страницах нет ни слова о «формациях» или о чем либо подобном! У меня появилось подозрение, что уважаемый оппонент вообще не читает свои пассажи, ибо даже несмышленому первокурснику ясна глупость нагроможденных нелепиц!

И наконец, о средствах полемики, на которые сетует Л. С. Клейн. Подходы Л. С. Клейна и его последователей к пониманию археологии как науки я в свое время назвал «чистой археологией», имея в виду только один смысл — ограничение науки преимущественно эмпирическими операциями и уровнем исследования. Но Л. С. Клейн пускается в глубокомысленные рассуждения по логике известной байки: ах, «чистая археология» — значит, «голое вещеведение», ругательство, кличка, значит, «чистые и нечистые», «чистые — грязные»! И конечно, блестящее заключение: в этой паре «мы занимаем лучшую часть» — и далее: «Чистая археология» — это строгая наука, а «грязная археология легко становится служанкой политической конъюнктуры» (с. 109). В контексте рассуждений автора о «марксистской схоластике», «надоело», «социологизаторских увлечениях и проч. приходят на память не столь отдаленные времена, когда вы, Л. С. Клейн, числились на Западе (и это вам ой как импонировало!) почти единственным авторитетом «по ведомству» советской марксистской археологии! Как же теперь насчет политической конъюнктуры?

У меня сложилось мнение, что Л. С. Клейн никогда не занимался при исследовании археологических источников решением вопросов, выходящих за рамки типологий и классификаций, поэтому он не смог проникнуть, как исследователь-ученый, во внутреннюю суть главного факта, что археологические материалы — это остатки предметного мира, порожденные человеческой социальной жизнедеятельностью, и исследование этой деятельности следует поставить главной задачей археологии. Для этого существует множество путей и материалов в арсенале эмпирического и теоретического археологического познания. Современная археология находится в активном поиске новых возможностей более глубокого и всестороннего изучения истории прошлых народов. Основное при этом — не терять из виду конкретно-историческое существование человека, людей, общества, народов. Судя по изысканиям Л. С. Клейна, он увлечен формальными, во многом схоластическими классификациями и типологиями. Шедевром этого подхода стало издание «Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник» (М., 1990), излагающее в большинстве его идеи. Это тоже нужно, хотя и в увязке с конкретными проблемами и направлениями в науке. Но едва ли археология сделает данный подход предметом своего познания!

Моя позиция по вопросам археологического познания достаточно подробно изложена в ряде статей и монографий (см. СА, 1989, № 3): я пытаюсь найти методы и пути познания социально-исторического развития древних народов, базируясь на исследовании археологических источников как главных, основных, что не исключает обращения к другим наукам. Любая научно-познавательная деятельность может плодотворно развиваться, только опираясь на более широкую философию, теорию.

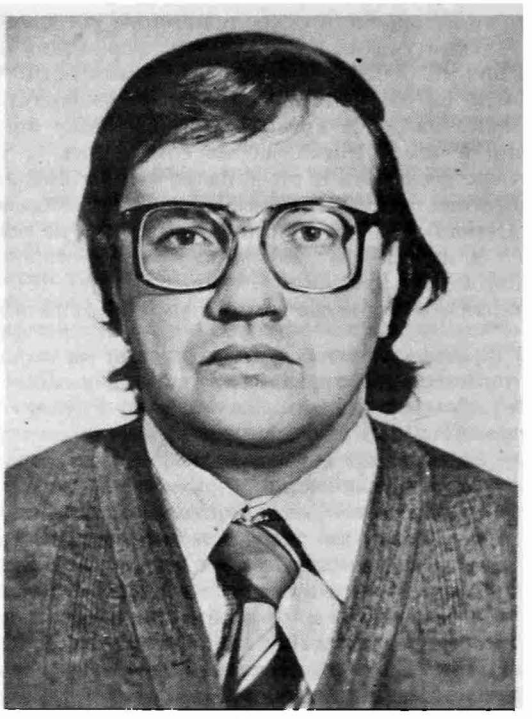
Для меня такой теорий является материалистическое понимание исторического процесса, в том духе, в каком он выражен в марксистском учении о социальных формациях как прогрессивных поступательных ступенях развития социума. Может быть, это не нравится Л. С. Клейну — это уже дело вкуса и убеждений. Может быть, он обстоятельно изложит свои философские позиции?

Если у уважаемого оппонента найдутся критические замечания по поводу моих разработок, а они, безусловно, должны быть, в чем я нисколько не сомневаюсь, с удовольствием выслушаю и включусь в дискуссию. Научная дискуссия в этом плане может состояться только в том случае, если будут обсуждаться сущностные и существенные положения теории, методологии, концепции научного знания и познания. А эмоциональное жонглирование, если не сказать словоблудие, фразами, терминами, измышлениями и т. д. и т. п.— пустая трата времени, которое можно и нужно употребить на более важные дела, для той же археологии!

В связи с изложенным я не нахожу для себя возможным продолжать дискуссии с Л. С. Клейном.

Институт археологии
АН Украины, Киев

В. Ф. Генинг



ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ПЕТРОВИЧА ПЕТРЕНКО
(1943—1991)

9 сентября 1991 г. после тяжелой болезни умер старший научный сотрудник ИИМК РАН Валерий Петрович Петренко.

В. П. Петренко родился в военном 1943 г. в г. Новая Ладога Ленинградской обл. Многие годы он жил в Риге, куда переехала семья после демобилизации отца. Здесь в 16 лет В. П. Петренко начал трудовую деятельность слесарем на РЭМЗ. В 1969 г. он окончил исторический факультет Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета с дипломом археолога. В формировании В. П. Петренко как специалиста важную роль сыграло общение с рядом выдающихся отечественных исследователей тех лет — М. И. Артамоновым, П. Н. Третьяковым, М. П. Грязновым, Б. И. Борисковским, а также участие в работе славяно-варяжского семинара, руководимого тогда Л. С. Клейном. Через всю свою недолгую жизнь В. П. Петренко пронес глубокий интерес к историко-археологическим проблемам средневековой России и Прибалтики, с которыми связаны его детские и юношеские годы.

По окончании университета В. П. Петренко работал в Эстонском Республиканском реставрационном управлении, а затем в Староладожском музее. С 1972 г. он — старший лаборант новостроечных экспедиций ЛОИА АН СССР, а с 1979 г.— сотрудник сектора славяно-финской археологии ЛОИА. За 20 лет с небольшим он сделал немало: вел археологические исследования в г. Выборге, более 10 лет посвятил изучению средневековых поселений и могильников Поволховья, в том числе несколько полевых сезонов вел раскопки староладожского поселения, впервые осуществив широкое исследование посада Старой Ладоги. С 1980 г. В. П. Петренко руководил Ивангородской экспедицией ЛОИА, проводившей изучение на территории Ивангородской крепости (Ленинградская обл.), где был открыт квартал с сохранившейся многоярусной деревянной и каменной застройкой. Придавая большое значение сохранению исторического ландшафта, В. П. Петренко восстанавливал монументальные погребальные насыпи староладожского комплекса. Кроме того, велись исследования на посаде средневекового Ивангорода и разведочные работы в Принаровье, где были открыты местонахождения каменного века.

С 1984 г. Курземская экспедиция ЛОИА под руководством В. П. Петренко совместно с Институтом истории Латвии исследовала комплекс памятников в районе г. Гробиня (Лиепайский р-н Латвии). Значительным по объему раскопкам подверглись как известные ранее, так и новооткрытые грунтовые и курганные могильники среднего и позднего железного века и средневековья, поселения позднего железного века — раннего средневековья, а также неолитический могильник. Широкий международный отклик получили раскопки В. П. Петренко скандинавского могильника Гробиняс Приедиенс, где, в частности, найдена стела с изображениями.

За годы исследовательской работы В. П. Петренко опубликовал более 50 статей и докладов, подготовил к печати книги «Археологические памятники г. Гробиня», «Сопки Северного Поволховья», разработал научные темы «Средневековые лодки и корабли из раскопок Старой Ладоги», «Памятники Курземского Приморья VII—X вв. и проблемы балто-скандинавских связей», участвовал во всесоюзных и международных конференциях и симпозиумах. Его работы отличали тщательность и скрупулезность обработки материала, критическое отношение к источникам.

Незаурядные личные качества В. П. Петренко всегда привлекали к нему людей, сплачивали коллектив, помогали выполнять любые сложные начинания, а разносторонние дарования делали его

авторитетным, умным и тактичным лидером в коллективе. В. П. Петренко известен в кругу петербургских археологов как талантливый автор и исполнитель многих экспедиционных песен.

Для всех археологов-славистов имя В. П. Петренко будет прочно связано с открытиями в Старой Ладоге, с находкой Picture Stone в Гробине, с масштабными исследованиями Курземской и Ивангородской экспедиций в 80-е годы, с тем вниманием, которое он уделял археологам-стажерам из Прибалтики.

Коллеги и друзья В. П. Петренко приносят искренние соболезнования родственникам.

Группа товарищей

ПЕТРЕНКО В. П.
СПИСОК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

1. О бронзовых «фигурках викингов»//Исторические связи Скандинавии и России в IX—XX вв. Л., 1970. С. 253—261.
2. Памятники скандинавского происхождения в западной части Курземского полуострова VII—IX вв.//V Всесоюз. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1971. С. 8—11 (Тезисы докладов).
3. Проблемы музеефикации Старой Ладоги//Проблемы комплексного изучения Северо-Запада РСФСР. Л., 1972. С. 12—13.
4. Тиверский городок: К вопросу изучения древностей Русской Карелии//КСИА. 1974. Вып. 139. С. 106—113 (совместно с А. Н. Кирпичниковым).
5. Рец.: Очерки по типологии и хронологии памятников материальной и духовной культуры Латвии (Сб. статей)//СА. 1976. № 4. С. 218—224.
6. Новые находки скандинавского происхождения из Старой Ладоги//VII Всесоюз. конф. по изучению скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М.; Л., 1976. С. 125—127 (Тезисы докладов).
7. Раскопки сопки в урочище Победище близ Старой Ладоги//КСИА. 1977. Вып. 150. С. 55—62.
8. Младшерунические надписи (Описание памятника № 144)//Е. А. Мельникова. Скандинавские рунические надписи. М., 1977. С. 162—169.
9. Топография Староладожского поселения//Древние города: МВК. Л., 1977. С. 73—74.
10. Nya fynd med rynor från Camla Ladoga//Viking. Oslo, 1978. P. 78—84 (совместно с Ю. К. Кузьменко).
11. Рец.: Stubavs A. Kentes pilskalns un apmetne. Rigā, 1976//СА. 1979. 4. С. 306—309.
12. Рец.: Urtans V. Sēnakie deportivi a Latvijā. Rigā, 1977//СА. 1980. 1. С. 327—330.
13. Некоторые сведения о сопках Северного Поволховья//Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 85—90 (совместно с М. Б. Рогачевым).
14. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги//Вопросы финно-угроведения: ТД XVI ВКФУ. Сыктывкар, 1979. С. 46.
15. Сопка у с. Михаила-Архангела в Юго-Восточном Приладожье по раскопкам Н. Е. Бранденбурга в 1886 г.//КСИА. 1980. Вып. 160. С. 69—76.
16. Рец.: Mugurevics E. Olinkalna un Lokstenes pilsnovodi (3—15 gs. arheologiske pieminekli). Rigā, 1977.
17. Городище на р. Лаве//КСИА. 1982. Вып. 171. С. 71—75.
18. Планировка и постройки Ладоги X в.//Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII—XIV вв. в Северно-Западной части СССР. Рига, 1983. С. 32—36 (Тезисы докладов).
19. Финно-угорские элементы в культуре средневековой Ладоги//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 83—90.
20. Раскоп на Варяжской улице//Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 81—116.
21. Классификация сопок Северного Поволховья//Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 123—146.
22. Любшанское городище и средневековые поселения Северного Поволховья//Средневековая Ладога. Л., 1985. С. 181—191.
23. Клад русских монет первой четверти XVI в. из Ивангорода//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 128—130 (совместно с В. А. Калининым).
24. Новые данные об Ивангороде//Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985. С. 104—109.
25. Ладога X в. и проблемы сложения средневекового города//V Междунар. конгресс славянской археологии. М., 1985. С. 65—66 (Тезисы докладов).
26. Некоторые итоги изучения сопок Северного Поволховья//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1985. С. 23—28.
27. Некоторые итоги изучения средневековой Ладоги//Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1985. С. 48—81 (совместно с А. Н. Кирпичниковым и Е. А. Рябининым).
28. Новые данные о балто-скандинавских отношениях по материалам могильников г. Гробиня//Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 86—89 (совместно с И. А. Озере).
29. Сопки Северного Поволховья в плане балтских и финно-угорских параллелей//Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 83—85.
30. Раскопки в Гробине//МОНС ИИ АН ЛатвССР. Археология. 1984—1985. Рига, 1986. С. 30—34 (на латыш. яз.) (совместно с Я. Асарисом и И. Озере).

31. Об одном типе средневековых печей Поволховья//КСИА. 1986. Вып. 187. С. 8—1. (совместно с Е. Н. Носовым).
32. Das frümittelalterliche Ladoga im Lichte der neuesten Forschungen//Das Altertum. 1987. B. 33. H. 1. S. 56—61 (совместно с А. Н. Кирпичниковым и Е. А. Рябининым).
33. Раскопки скандинавского могильника в г. Гробине//МОНС ИИ АН ЛатвССР. 1986—1987. Археология. Рига, 1988 (на латыш. яз.).
34. Раскопки куршского грунтового могильника Приедиенс//МОНС ИИ АН ЛатвССР. 1986—1987. Археология. Рига, 1988. С. 109—112 (на латыш. яз.) (совместно с И. А. Озере).
35. Раскопки в Юго-Западной Латвии//Новое в методике археологических работ на новостройках. М., 1989.
36. Неолитическое местонахождение Венкуль в низовьях р. Нарова//Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур. История и археология. ТД НК. Нарва, 1989. С. 4—7 (совместно с Э. Ф. Эфендиевым и В. И. Тимофеевым).
37. Ивангородская керамика конца XV—XVI в.//Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур. История и археология. ТД НК. Нарва, 1989. С. 37—40 (совместно с В. И. Кильдюшевским).
38. Археологическое изучение Ивангорода//Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур. История и археология. ТД НК. Нарва, 1989. С. 41—44.
39. Путь по р. Нарове и раннесредневековое судостроение на Северо-Западе Руси/Нарва, Ивангород, Принаровье: воздействие культур. История и археология. ТД НК. Нарва, 1989. С. 44—46.
40. Куршско-скандинавские могильники Гробиняс-Приедиенс в Юго-Западной Латвии//XI Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1989. С. 163—164 (Тезисы докладов).
41. Каменная стела с изображениями из Гробини//XI Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Ч. I. М., 1989. С. 165—166.
42. Изучение Ивангорода в 1980—1988 гг.//Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. М., 1989. С. 78—80.
43. Новые данные о комплексе памятников в районе г. Гробиня//Взаимодействие культур в бассейне Балтийского моря. Советско-датский симпозиум. Л., 1989. С. 48—50 (Тезисы докладов).
44. Печи и очаги по раскопкам Ивангорода//Города Верхней Руси. Истоки и становление. Торопец, 1990. С. 80—89 (Материалы НК).
45. Могильники Гробиняс-Аткални и Гробиняс-Приедиенс I//МОНС ИИ АН ЛатвССР. Археология. 1988—1989. Рига, 1990. С. 125—126. (на латыш. яз.) (совместно с И. Вирсе).
46. Раскопки в г. Гробиня//МОНС ИИ АН Латв ССР. Археология. 1988—1989. Рига, 1990. С. 120—125.
47. Die Hügelgräberfelder von Grobin (UdSSR)//Das Altertum, B., 1990.
48. Assemblage of archaeological monuments at Grobina in the light of recent investigations//Die kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Riga, 1990. P. 41—43.
49. A Picture Stone from Grobin (Latvia)//Fornvännen 86 (1991). P. 1—8.
50. Исследование Ивангорода//КСИА. 1991. Вып. 205. С. 61—71.
51. Званская сопка//КСИА. 1991. Вып. 205. С. 83—92.
52. Исследование могильников Гробиняс Приедиенс в Западной Латвии//КСИА, в печати.

Кроме перечисленных работ В. П. Петренко регулярно публиковался в АО 1970—1986 гг.

ПАМЯТИ ТАМАРЫ ВЛАДИМИРОВНЫ РАВДИНОЙ (1919—1991)

По многим судьбам женщин нашей страны прошла война. Из археологов судьба Тамары Владимировны Равдиной, может быть, полнее всего вобрала в себя и сохранила память об этом трагическом и мужественном времени.

Т. В. Равдина пошла на фронт со студенческой скамьи, с четвертого курса истфака МГУ, уже «заболев» археологией после раскопочного сезона в Новгороде в 1939 г. и в Хорезме в 1940 г. С первых дней войны она поступила на курсы медсестер при МГУ. Далее события развивались стремительно: 17 сентября 1941 г. она была направлена в Киров (Вятку), в Военно-морской госпиталь, а через год, 1 сентября 1942 г.,— на Ладогу, где «дорога жизни» стала ее военной судьбой. Два года работы медсестрой в маневренно-хирургической группе на Ладоге остались в ней самóй как незаживающая рана. Последующие годы как будто давали ей все больше и больше для того, чтобы понять пережитое и увиденное там.

Незадолго до смерти Тамара Владимировна составила альбом, в котором она собрала биографии и портреты всех, кто воевал вместе с ней на Ладоге. После длительной переписки она разыскала сведения о своих боевых соратниках и друзьях, живых и мертвых. «Здесь все документально, все правда»,— настойчиво повторяла она, переворачивая страницы своего многолетнего труда.

Это была такая характерная для Тамары Владимировны фраза! Казалось, что огонь борьбы за правду остался в ней гореть с тех далеких военных лет навсегда. С ним она вернулась в далекую от современности археологию. Сразу после демобилизации, в июле 1945 г., она уже работает в Хорезме, а с сентября восстанавливается на пятый курс истфака МГУ, который заканчивает в 1946 г. В 1950 г. она поступает в Институт истории материальной культуры, как тогда назывался наш институт, на скромную должность научно-технического сотрудника. Тамара Владимировна проработала в институте до 1979 г., когда финансовая бедность Академии наук вынудила это учреждение расстаться со многими уже немолодыми, но еще вполне работоспособными своими сотрудниками и стать от этого еще беднее.

На всем, что делала Т. В. Равдина, всегда лежала печать ее личности правдоискателя и в жизни, и в науке. Для изучающих связь творчества ученого и его характера Тамара Владимировна была бы благодатным материалом. Здесь царила полная гармония. Большая скромность в самооценке не исключала умения высоко ценить то дело, которое ею делается. Можно сказать, что Тамара Владимировна хорошо знала цену не себе, а своему делу.

Т. В. Равдина относилась к науке, как к святыне, а к людям науки — по степени их уважения к этой святыне. Она была непримирима к карьеризму, к широковещательным обобщениям без фактического материала. Человек сильных и открытых эмоций, она ненавидела научную недобросовестность и не терпела ошибки, своей или чужой. За ее постоянной борьбой с неточностью скрывалось не мелочное желание уличить кого-то в огрехах, а страстная борьба за правду, упрямое стремление все подтвердить конкретным фактом.

При таком подходе к науке можно было бы ожидать стремления противопоставить себя всем другим, свой метод работы — всем иным методам. Но этим Тамара Владимировна не грешила. Она не

© Т. И. Макарова, 1992 г.

отрицала других путей в науке, другого способа мышления и подхода к материалу, большего размаха в постановке проблем и большего историзма, она просто говорила: «Ну, это не мое дело». Ее же делом было источниковедение в археологии, то самое, которое еще не так давно называли и, к сожалению, еще нередко называют презрительно «вещеведением» или «вещизмом».

И действительно, в археологической науке Т. В. Равдина была источниковедом по призванию: она всегда исходила из анализа первоисточника, каким для археолога является древняя вещь. Она продолжала разработку традиционной для русской археологии темы — древностей вятичей. После работ А. В. Арциховского в ней трудно было бы найти что-то принципиально новое, можно было рассчитывать только на накопление материала. Но для Тамары Владимировны это не могло быть препятствием: она не мечтала о славе первооткрывателя, и всякое тщеславие было ей органически чуждо. Отважное презрение ко всему внешнему было ее неизменным кредо и в жизни, и в науке. Казалось, что она так много видела действительно важного и вечного в жизни, что суета мелкого честолюбия не могла ее затронуть ни в каком обличье.

Делом жизни Тамары Владимировны стало дальнейшее накопление знаний о вятичах, и она копала и в поле, и в фондах музеев. И находила в старых коллекциях такие шедевры, которые остались незамеченными даже А. В. Арциховским. До конца жизни она следила за всем новым, что появлялось, будь то новая литература или новые раскопки курганов.

Т. В. Равдина начала активно работать в славянской археологии тогда, когда уже наступало время узкой специализации, когда развитие науки требовало пристального сосредоточения на небольшом круге вопросов для ученого, стремящегося быть хозяином в своей области. По своему характеру Тамара Владимировна соответствовала этому этапу в развитии археологии: углубленное изучение вещей, фактов было не только ее любимым занятием, но и настоящим призванием. Именно поэтому в ее статьях нет ничего поверхностного, за каждой из них стоит серьезное исследование.

В выборе же темы исследования Т. В. Равдина открыто выходила на острые полемические проблемы: темперамент правдоискателя в жизни не покидал ее в научной работе. Она даже любила спорные проблемы, упрямо возвращаясь к вопросам, решенным, по ее мнению, неверно. Так, она энергично включилась в полемику о начале Москвы, в частности о датировке древнейшего слоя Зарядья. В статье, посвященной этой проблеме, была четко проанализирована каждая категория вещей, встречающихся в культурном слое Зарядья, что дало возможность убедительно датировать напластования на этом участке серединой XII в. Небольшая статья Тамары Владимировны — пример безупречного анализа городского культурного слоя. Методически она останется классической для такого рода работ, даже если будет открыт в Москве более древний культурный слой и приверженцы более ранней даты возникновения Москвы получат подтверждение своей точки зрения.

Почти за 30 лет работы в институте Т. В. Равдина написала не так уж много. Но было много экспедиций, отчетов, непрерывной музейной работы. Результаты этого стали появляться в виде коллективных публикаций и коротких статей с середины 50-х годов. До этого времени был медленный рост ученого, аналитика, который ждал своего часа. Путь в науку для поколения Тамары Владимировны был трудным: война, ученье в послевоенные голодные годы, а потом аскетическая и неустроенная жизнь советского научного работника, прошедшего путь от научно-технического сотрудника до кандидата наук.

Помимо участия в многочисленных «чужих» экспедициях Т. В. Равдина вела самостоятельные раскопки в Пинске и Брянске, исследования добытых материалов появлялись в небольших по объему статьях, написанных в характерном для Тамары Владимировны лапидарном стиле. Параллельно с этим она упорно работала над курганными древностями вятичей и подвела итог своим многолетним трудам в кандидатской диссертации. Самым важным в ней оказалась новая типология и хронология курганных древностей Москворецкого бассейна. Т. В. Равдина внесла много поправок в выводы своих предшественников. Неожиданным и, вероятно, не бесспорным стало упорное стремление отвергнуть традиционное мнение о семилопастных височных кольцах как об этническом признаке летописных вятичей. Но Тамара Владимировна умела отстаивать свои убеждения, и в названии ее диссертации слово «вятические» поставлено в упрямые кавычки.

После ухода на пенсию мало что изменилось в жизни Т. В. Равдиной, по-прежнему она приходила на заседания Отдела славяно-русской и средневековой археологии и активно включилась в работу нового Сектора археологии Москвы. Она торопилась поделиться своими материалами с молодыми археологами. Кажется, именно это составляло самую большую радость ее последних лет.

Но и сама Тамара Владимировна в последние годы своей жизни написала две важные работы. Это статья о датировке городища Алчедар, в которой она убедительно передатирует этот памятник на основе тщательного анализа керамики. Передатировка оказалась нешуточной, на целых два столетия — X в. вместо XII в.

Последняя большая ее работа — каталог погребений с монетами на территории «от Онежского озера до Керчи и от Пинска до Мурома», как писала сама Т. В. Равдина. Неукротимый темперамент борца с ошибками в атрибуции монет заставил Тамару Владимировну проделать колоссальную работу с инвентарями 237 могильников, архивными источниками, литературой. А когда долго не печатавшаяся книга вышла, она снова боролась уже с издательскими и своими ошибками и дѣлала бесконечные добавления от руки, составляла указатель монет... Этот каталог будет справочником для многих археологов; на составление его мог решиться только такой трудолюбивый бессребреник, каким была Т. В. Равдина.

В этих душевных качествах и было трудное счастье Тамары Владимировны и ее завет и нравственное наследие всем нам.

Институт археологии РАН, Москва *Т. И. Макарова*

ПАМЯТИ ИРИНЫ ГАВРИЛОВНЫ РОЗЕНФЕЛЬДТ (1923—1991)

10 августа 1991 г. умерла Ирина Гавриловна Розенфельдт — один из старейших сотрудников Института археологии АН СССР (ныне РАН).

Ирина Гавриловна родилась 23 мая 1923 г. в городе Ростове-на-Дону в семье служащего. В 1930 г. с семьей переехала в Москву, где в 1940 г. окончила среднюю школу и поступила на исторический факультет ИФЛИ, первый курс которого закончила. После начала Великой Отечественной войны она с матерью эвакуировалась в г. Уфу и работала в различных организациях. В октябре 1943 г. она возобновила прерванную в начале войны учебу и поступила на археологическое отделение исторического факультета МГУ, которое закончила в 1946 г. В августе 1946 г. Ирина Гавриловна была принята на работу в Институт истории материальной культуры имени Н. Я. Мара (ныне — Институт археологии РАН), где проработала до ухода на пенсию в апреле 1979 г.

В университете и институте Ирина Гавриловна познакомилась с крупнейшими отечественными археологами и от них научилась трудолюбию, тщательности в работе, преданности делу.

Основные исследования Ирины Гавриловны связаны с Москвой и Московской обл., хотя она работала и в других местах. Она была прекрасным полевым работником, мастерски проводящим раскопки на памятниках эпох неолита, раннего железа, средневековья. Ранние работы Ирины Гавриловны были связаны с проблемами неолита. Результаты были опубликованы в нескольких статьях. Начиная с 1953 г. она работала в составе Московской экспедиции института и участвовала в раскопках в Москве. Но, конечно, главное в научной деятельности Ирины Гавриловны — это изучение городищ дьякова типа в бассейне р. Москвы. В 1956 г. начались раскопки на Троицком городище у г. Можайска. Первый же сезон раскопок дал огромные материалы, и работа над отдельными группами находок была распределена меду членами экспедиции. Здесь проявились в полной мере черты Ирины Гавриловны как исследователя: трудолюбие, тщательность в работе, умение выбрать главное направление в исследовании, новый подход к материалу. Она выбрала тему, связанную с обработкой и анализом керамического материала. Тему, пугавшую многих необъятностью материала и неразработанностью методов обработки. Ирина Гавриловна не побоялась трудностей, связанных с решением этой проблемы, и блестяще справилась с поставленной задачей. Она проделала гигантскую работу по реставрации сосудов и получила большую серию целых форм. Результаты исследования были изложены в ряде работ, среди которых следует отметить «Посуда Троицкого городища» (1965), «Керамический комплекс городища Кузнечики» (1970), «Керамика Троицкого городища» (1971), «Керамика дьяковской культуры» (1974). Эти труды образовали определенный рубеж в науке, подняв исследование керамики на новый методический уровень. Они занимают центральное место в научном наследии Ирины Гавриловны.

© К. А. Смирнов, 1992 г.

Однако этим ее вклад в науку не исчерпывается. Нельзя не назвать работу «Постройки Троицкого городища» (1970), подготовленную в соавторстве с А. Ф. Дубыниным. Впервые дано не только описание построек, обнаруженных при раскопках городища дьякова типа, но было выделено шесть строительных горизонтов, прослежены изменения планировки поселения в разное время.

Ирина Гавриловна много сделала для изучения поздней стадии культуры эпохи раннего железа в Волго-Окском междуречье. С присущими ей трудолюбием и аккуратностью она проанализировала коллекцию с городищ и выделила предметы второй половины и конца I тыс. н. э. Результаты этой работы были опубликованы в книге «Древности западной части Волго-Окского междуречья в VI—IX вв.» (1982), вышедшей уже после ухода автора на пенсию.

Ирина Гавриловна пользовалась большим уважением среди товарищей, и молодые сотрудники часто обращались к ней за консультацией.

Ирина Гавриловна Розенфельдт ушла из жизни, но в памяти друзей она навсегда останется вдумчивым исследователем, хорошим товарищем, замечательным человеком.

Институт археологии РАН.
Москва

К. А. Смирнов

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1992 ГОД

Статьи, публикации, дискуссии, проблеммы мировой археологии, история науки, заметки

	№	стр
Абрамова М. П. Некоторые особенности взаимоотношенийи раноязычных кочевников оседлых племен Предкавказья	2	20
Алексеев Л. В. Двенадцатый Археологический съезд в Харькове (1902)	4	196
Амирханов Х. А. Валерий Павлович Алексеев (1929—1991)	3	67
Аникович М. В. К определению понятия «археологическая эпоха»	1	85
Артемьев А. Р. О мечах-реликвиях, ошибочно приписываемых псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту-Тимофею	2	68
Артемьев А. Р., Гайдуков П. Г. Лук XIII в. из Новгорода	3	218
Бахтеев Ф. Х., Лисицына Г. Н., Янушевич З. Б. Ископаемые остатки культурных растений из Ярым-Тепе III в Северном Ираке	4	148
Башилов В. А., Голенко В. К. К вопросу о периодизации «культуры субтаино» в центральной части Кубы (по керамическим материалам раскопок поселения Эль Конвенто	2	240
Беляева Е. В., Левковская Г. М., Харитонов В. М. Новые данные о мустьерских обитателях Губского ущелья (Прикубанье)	3	214
Бердинских В. А. Археология и кладоискательство в Вятском крае XIX века (по материалам Вятского статистического комитета)	3	221
Беспалый Е. И. Курган сарматского времени у г. Азова	1	175
Бобринский А. А., Ломан В. Г. Результаты технико-технологического анализа образцов керамики поселения Эль Конвенто, Куба	2	258
Боталов С. Г. Аскизский курган монгольского времени Кула-Айгыр	2	230
Буров В. А. Купол Большого Сиона 1486 г. как образ мира	2	77
Вагнер Г. К. К вопросу о декоре Георгиевского собора 1230—1234 г.	3	57
Васильев С. А. Освоение человеком каменного века гор Западного Саяна	1	5
Васильев С. А. Палеолит Енисея: итоги и проблемы	4	5
Вивденко С. В. Об особенностях технологии бактрийской скульптуры эпохи Кушан	3	31
Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., Федоров-Давыдов Г. А. Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия)	2	273
Власкин М. В., Ильюков Л. С. Каменные песты и ступы катакомбной культуры Нижнего Дона	3	178
Гадзяцкая О. С. Фатьяновский компонент в культуре поздней бронзы (Волго-Клязьминское междуречье)	1	122
Генинг В. Ф. Проблема построения фундаментальной археологической теории	1	69
Герасименко Н. П., Колесник А. В. Археологическое и стратиграфическое изучение стоянки Белокузьминовка (Донбасс) в 1986 г.	3	127
Гурина Н. Н. Наскальные изображения Кольского полуострова	3	5
Гэдэ Ф. Иодэ, Любин В. П., Беляева Е. В. Исследования палеолита в республике Кот д'Ивуар	4	102
Давыдова А. В. Бронзовая печать сюнну	1	231
Демкин В. А., Лукашов А. В., Ковалевская И. С. Новые аспекты проблемы палеопочвенного изучения памятников археологии	4	43
Джафаров А. К. Новая многослойная мустьерская стоянка Гамза в Азербайджане	2	270
Джафаров Г. Ф. Курган у селения Беимсаров в Азербайджане	2	157
Дрёмов И. И., Юдин А. И. Древнейшие подкурганные захоронения Степного Заволжья	4	18
Емец И. А., Масленников А. А. Новые данные о религиозных представлениях сельского населения античного Боспора	4	32
Енуков В. В. Псковские и смоленские длинные курганы (по данным погребального обряда)	1	57
Жервэ Н. Н. Деятельность новгородских краеведов-археологов по изучению и охране памятников древности во второй половине XIX в	3	225
Жервэ Н. Н. Пятнадцатый археологический съезд	1	245
Жилин М. Г., Энговатова А. В. Стоянка Велетьминская 2 — памятник с накольчатой керамикой на Нижней Оке	1	95
Журавлев Д. В., Мошинский А. П. Гончарный производственный комплекс позднекобанского времени на поселении Суар в Дигории	2	173

Завойкин А. А. Классификация фрагментов самосских амфор из Фанагории 3 40
Заитов В. И. Каменные перфорированные диски поселения Ботай 2 136
Захарук Ю. Н. К дискуссии о статусе археологии 4 97
Захарук Ю. Н. О статье В. Ф. Генинга «Проблема построения фундаментальной археологической теории» 4 83
Зуев В. Ю. Об одном письме П. Д. Рау к А. А. Захарову 1 278

К 100-летию со дня рождения В. Г. Чайлда. Письмо советским археологам от 16 декабря 1956 г. 4 184
Каверзнева Е. Д. Шагарский могильник конца III — начала II тысячелетия до н. э. в Центральной Мещере 3 147
Клейн Л. С. Методологическая природа археологии 4 86
Клочко Л. С. Скифская обувь 1 26
Коен В. Ю. Некоторые новые данные о культурно-историческом процессе в Азово-Черноморском регионе в X—XI тыс. до н. э. 2 5
Кореневский С. Н. К вопросу о датирующих возможностях комплекса из нижнего слоя эшерских дольменов Абхазии 2 99
Круглов Е. В. Хазарские погребения в бассейне реки Иловли 4 176
Ксенофонтова И. В. Античные художественные бронзы из Уляпских (Ульский) курганов 4 163
Курочкин Г. Н. Скифское искусство звериного стиля и художественные бронзы Луристана 2 105

Латышева В. А., Таденев К. В. Античные свинцовые гири из поселения Маслины . . 4 170
Логвин В. Н. Поселения терсекского типа Соленое Озеро 1 . . . . . 1 110
Любин В. П. Кавказ и Ближний Восток в палеолитическом времени 2 81

Макаров Н. А. Древнерусские амулеты-топорики 2 42
Макарова Т. И., Равдина Т. В. Семилопастные височные кольца с орнаментом 4 68
Малышев А. А., Семенова И. В. Павел Давидович Рау 1 264
Мансфельд Г. Опыт периодизации скифских древностей 3 108
Медведская И. Н. Периодизация скифской архаики и Древний Восток 3 86
Мерперт Н. Я. К публикации письма В. Г. Чайлда 4 189

Неприна В. И., Супруненко А. Б., Гавриленко И. Н. Жилище на мезолитической стоянке Посулья Вязовок 4а 3 136
Нерсесов Я. Н. Касас Грандес — крупнейший археологический памятник Северной Мексики (к 100-летию исследования) 1 281

Обломский А. М. О роли позднезарубинецкого населения в сложении киевской культуры Среднего Поднепровья и Днепровского Левобережья 1 34
Ольховский В. С., Ложкин М. Н. К истории монументального искусства древнего населения Предкавказья 3 195
Очир-Горяева М. А. Савроматская проблема в скифо-сарматской археологии . . . 2 33

Панова Т. Д. О редком типе перстня XIV в. из археологического собрания музеев Московского Кремля 2 279
Паньков С. В. Металлургия железа у племен Восточной Волыни (Житомирщины) рубежа и первой половины I тыс. н. э. 1 192
Петрашенко В. А., Пашкевич Г. А. К изучению земледелия Древней Руси по материалам поселения у с. Григоровка на Среднем Днепре 1 198
Полякова Г. Ф. Заготовки обкладки колчана из Болгар 1 243
Прохорова Т. А., Гугуев В. К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника 1 142
Пуздровский А. Е. Новый участок Восточного некрополя Неаполя Скифского 2 183
Пушкина Т. А., Розанова Л. С. Кузнечные изделия из Гнёздова 2 201
Пясецкий В. К. Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов и некоторые вопросы стратиграфии палеолита 3 113

Разуваев Ю. Д. Курганы I в. н. э. у южной окраины г. Воронежа 1 234
Ранов В. А. Древнейшие стоянки палеолита на территории СССР 2 84
Русанова И. П. Культовые места и языческие святилища славян VI—XIII вв. 4 50
Рыжов С. Г. Бронзовая статуэтка Исиды из Херсонеса 3 206

Санжаров С. Н. Каменные сверленые топоры-молотки Донбасса 3 160
Санжаров С. Н. Мариупольская коллекция керамики из раскопок Н. Е. Макаренко . . 2 149
Сергацков И. В. О времени заселения сарматами северной части Волго-Донского междуречья 1 162
Сериков Ю. Б. Кокшаровско-Юрьинская торфяниковая стоянка в Среднем Зауралье . . 4 131
Смирнов К. А. Жилище на городище у д. Лесничино на р. Вазузе 1 48

Соловьев В. С. Денежно-вещевой клад из Душанбе 1 239

Телегин Д. Я., Константинеску Л. Ф. Многослойное поселение на Стрильчей Скеле эпохи неолита — энеолита в Днепровском Надпорожье 1 13
Тощев Г. Н. Белозерский могильник Будуржель в Подунавье 3 19

Фрумкина М. А. К вопросу о сейсмозащите древних сооружений 3 60

Хайкунова Н. А. Резцы верхнепалеолитической стоянки Супонево (опыт классификации) 2 125
Хварцкия М. Х. Мустьерская пещерная стоянка Мачагуа в Абхазии 4 109

Цвейбель Д. С., Колесник А. В. Вторичная обработка камня на стоянке Белокузьминовка в Донбассе 4 119

Чернов С. З., Бойцов И. А. Раскопки в Историческом проезде и изучение Великого посада Москвы XIII—XIV вв. 1 211

Шавкунов Э. В., Хорев В. А., Тригуб Ф. П. Новые находки средневековых зеркал в Приморском крае 2 222
Шевелев В. В. Культовые камни в Каргополье 2 59
Шмидт Е. А. Погребальный комплекс культуры шаровидных амфор в верховьях Днепра 4 156

Щавелев С. П. Первый опыт массового учета археологических памятников в России (анкета Д. Я. Самоквасова 1872—1873 гг. и ее результаты) 1 255

Критика и библиография

Амирханов Х. А. *Inizan M.-L.* Préhistoire a Qatar. Mission archeologique francaise a Qatar. Edition Recherche sur les Civilisations. P., 1988 . . . . . 1 285.
Амирханов Х. А., Астахов С. Н. *Любин В. П.* Палеолит Кавказа; *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии (серия «Палеолит мира»). Л., 1989 . . . . . 2 295
Артемьев А. Р. *Казакявичюс В. К.* Оружие балтских племен II—VIII веков на территории Литвы. Вильнюс, 1988 . . . . . 3 246
Артемьев А. Р. *Крадин Н. П.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988 . . . . 2 291

Буров Г. М. *Стоколос В. С.* Древние поселения Мезенской долины. М., 1986; Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988 . . . . . 3 236

Вишняцкий Л. Б., Зуев В. Ю., Колпаков Е. М., Платонова Н. И., Тункина И. В. *Bruce G. Trigger.* A history of archaeological thought. Cambridge, 1989. XIII 3 251
Всевиов Л. М. Советская археологическая литература за 1990 г. 4 224

Курбатов А. В. *Grew F., de Neergard M.* Medieval finds from excavation in London: 2. Shoes and pattens. L., 1988 . . . . . 4 220

Носов Е. Н. *Kolchin B. A.* Wooden Artefacts from Medieval Novgorod. Translated from the Russian. Pt I. Text. Pt II. Illustrations / Ed. supervision *Chernetsov A. V.* // British Archaeological Reports. International Series. 495 (I) and 495 (II). Oxford, 1989 . . . . 3 262

Питулько В. В. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989 . . . 4 202

Сергин В. Я. *Крупник И. И.* Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989 . . . . 4 199

Трунаева Т. Н. Asko Parpola. The Coming of the Aryans to Iran and India and the Cultural and Ethnic Identity of the Dasas // Studia Orientalia. V. 64. Helsinki, 1988 . . . . . 3 249

Фалькович Ю. А. *Kaczmarczyk A., Hedges R. E. M.* Ancient Egyptian Faience. An Analitical Survey of Egyptian Faience from Predinastic to Roman Times. Warminster, 1983 . . . . . 4 217
Фехнер М. В., Пушкина Т. А. Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde / Ed. *G. Arwidsson.* Stockholm, 1989 . . . . . 4 213
Флёров В. С. Дуранкулак. Т. I. София, 1989 . . . . . 4 208

Шлеев В. В. Ценный библиографический указатель 2 282

Алексеев Л. В. Юбилейная сессия в Гродненском музее (1990) . . . 3 281
Археологическое общество «Древности» . . . 4 254
Борзунов В. А., Корякова Л. Н., Федорова Н. В. Семинары по проблемам археологии раннего железного века и средневековья Зауралья и Западной Сибири (Екатеринбург, 1989, 1990) . . . 3 265
Буров Г. М. IV Международный симпозиум «Мезолит в Европе» (Лёвен, 1990) . . . 4 244
Генинг В. Ф. Письмо в редакцию. «О стиле дискуссии Л. С. Клейна» . . . 4 257
Емец И. А. IV научные чтения памяти профессора В. Д. Блаватского (Москва, 1990) . 1 293
Зискинд Д. В. К вопросу о новой экономической модели археологических исследований 4 256
Косорукова (Кандакова) Н. В. Совещание по проблеме «Ранний неолит лесной и лесостепной зон СССР и его генезис» (Ленинград, 1990) . . . 2 300
Лопатин Н. В., Милютина Н. Н. Конференция «Славянская археология — 1990 (к VI Международному конгрессу славянской археологии)». Псков, 1991 . . . 3 283
Макарова Т. И. Памяти Тамары Владимировны Равдиной (1919—1991) . . . 4 263
Матюшин Г. Н. Годичное собрание Российского археологического общества . . . 4 253
Матюшин Г. Н. Научная конференция «Взаимодействие общества и природы: факты и концепции» (Москва, 1990) . . . 3 272
Могильников В. А. Вторые Смирновские чтения (Йошкар-Ола, 1991) . . . 3 268
Могильников В. А. Конференция «Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения)» (Кемерово, 1989) . . . 1 288
Памяти Валерия Петровича Петренко (1943—1991) . . . 4 260
Праслов Н. Д. Памяти Павла Иосифовича Борисковского (1911—1991) . . . 3 288
Седов В. В. VII Международный конгресс финно-угроведов (археологическая проблематика) (Дебрецен, 1990) . . . 1 296
Смагулов Е. А. Памяти Сержана Мусатаевича Ахинжанова (1939—1991) . . . 3 297
Смирнов К. А. Памяти Ирины Гавриловны Розенфельдт (1923—1991) . . . 4 265
Тихонов И. Л., Платонова Н. И. Научный семинар «Проблемы истории и историографии археологической науки» . . . 3 276
Цетлин Ю. Б. Совещание «Керамика как исторический источник (подходы и методы изучения)» Самара, 1991 . . . 3 279
Шарафутдинова Э. С., Кузьмина О. В. Семинар «Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье» (Самара, 1990) . . . 4 249

Указатель составлен И. Г. Гайдуковым

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО — Археологические открытия
АСГЭ — Археологический сборник Гос. Эрмитажа. Санкт-Петербург
ВА — Вопросы антропологии
ВАНУРСР — Вісник Академії наук Української Радянської Соціалістичної Республіки. Київ
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины. Санкт-Петербург
ГАИМК — Гос. академия истории материальной культуры
ГИМ — Гос. исторический музей, Москва
ГМИИ — Гос. музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва
ГЭ — Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург
ЗОАО — Записки Одесского археологического общества
ЗОРСА — Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб.— Пг.
ЗРАО — Записки русского археологического общества. СПб.— Пг.
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Гос. Российской археологической комиссии. СПб.— Пг.
ИСОАН — Известия Сибирского отделения АН СССР
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Москва
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАК — Материалы по археологии Кавказа. Москва
МАР — Материалы по археологии России. СПб.— Пг.
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. Москва, Ленинград
НА ИА АН Украины — Научный архив Института археологии АН Украины
НЭ — Нумизматика и эпиграфика. Москва
ОАК — Отчет археологической комиссии. СПб.— Пг.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников. Москва, Ленинград
СКНЦВШ — Северо-Кавказский научный центр высшей школы. Ростов-на-Дону
СЭ — Советская этнография
УЗ КИПЦДСВ — Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизаций древнего и средневекового Востока
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. М., Л.
ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете
AA — American Anthripologist
AH — Archaeologia Hungarica. Bedapest
AJA — American J. of Archaeology. New York
AM — Mitteilungen des Deutschen Archaologischen Instituts. Athenische Abteilung
AmA — American Antiquety. Menasha; Solt Lake City
AP — Archeologia Polski. Warszawa
AR — British Archaeological Reports. Oxford
BCH — Bulletin de correspondance hellenique. Paris
CAn — Current Anthropology
ESA — Eurasia septentrionalis antiqua Helsinki
CGE — Les ceramiques de la Crece de l'Est et leur diffusion en Occident. Paris-Naples, 1978
IOSPE — Inscriptiones antique orae septentrionalis Ponti Euxini
JDI — Jahrbuch des Deitschen Archäologischen Instituts, Berlin
JHS — J. of Hellentic Studies. London
MSW — Materialy staroz'ytne i wczeshośredniowieczhe
PZ — Praehistorische Zeitschrift. Berlin, Leipzig
RA — Revue archeologique. Paris
RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Stuttgart

Заведующая редакцией *Е. В. Бубнова*

Технический редактор *А. В. Рудницкая*

Сдано в набор 17.07.92 Подписано к печати 01.10.92. Формат бумаги 70×100$^{1}/_{16}$
Офсетная печать. Усл. печ. л. 22,1 Усл. кр.-отт. 59,9 тыс. Уч.-изд. л. 27,1 Бум. л. 8,5
Тираж 2661 экз. Зак. 3081 Цена 3 р. 60 к.

Адрес редакции: 117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Телефон 124-34-42
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ЖУРНАЛ «РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ»

принимает к публикации рекламу изданий по археологии и смежным дисциплинам, оборудования для научных исследований: технического оснащения раскопок, статистической обработки научных данных, аэрофотосъемки, новейших методов определения древней хронологии, оборудования для археологических лабораторий, реставрационных мастерских, музеев, программы для обработки научных данных на ЭВМ и компьютерах, информацию о предстоящих симпозиумах и конференциях.

Адрес редакции: 117036, Москва,
ул. Дм. Ульянова, 19.
Телефон 124-34-42.

INFORMATION

THE JOURNAL «ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA»

offers its services in publishing advertisements of books on archaeology and related branches of science, and equipment for scientific investigations: technical rigging for field excavations, statistical processing of scientific data, air photography, new dating methodics, archaeological and restoration laboratories' and museums' equipment, computer programs for processing archaeological databases. The publications of informations about future conferences and symposiums are suggested.

Address of the publisher: 117036, Moscow,
ul. Dm. Ulyanova, 19.
Telephone 124-34-42.